

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Explorer of Mongolia A.D.Simukov Letters, Diaries, Documents

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2021-04-13 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: 小長谷, 有紀, Симукова, Наталия メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00009713

Senri Ethnological Reports

151

Исследователь Монголии А.Д.Симуков

Письма, Дневники, Документы

Составители

Юки Конагая

Наталия Симукова

National Museum of Ethnology

Osaka

2021

Published by the National Museum of Ethnology
Senri Expo Park, Suita, Osaka 565-8511, Japan

©2021 National Museum of Ethnology, Japan
All rights reserved. Printed in Japan by Yubunsha Co., Ltd.

Publication Data

Senri Ethnological Reports 151
Исследователь Монголии А.Д.Симук
составители Юки Конагая, Наталия Симук
Explorer of Mongolia A.D.Simukov
Compiled by Yuki Konagaya, Natalia Simukov p.510
Includes bibliographical references.

ISSN 1340-6787
ISBN 978-4-906962-92-1 C3039
1. Simukov 2. Mongol 3. Tibet 4. biography 5. purge

Предисловие

В начале XXI в. Государственный Музей Этнологии Японии издал на основе материалов из архивов Монголии и, частично, России «Труды о Монголии и для Монголии»¹⁾ Андрея Дмитриевича Симукова в трех томах на русском языке с приложением компакт-диска с частью картографических работ автора.

Издание это, 60 с лишним лет спустя после гибели автора в сталинских лагерях, сделало достоянием мирового монголоведения впервые в таком значительном объеме²⁾ результаты его деятельности: обширный свод и анализ данных о природе, населении и хозяйстве Монголии 20–30х годов XX в.

А.Д.Симуков (1902–1942?) жил и работал в Монголии 16 лет, сначала в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова (1923–1926), а затем в качестве сотрудника Ученого Комитета Монголии (1927–1939), где заведывал Кабинетом географии, а впоследствии организовал и возглавил Отделение географии. Собранные его экспедициями и проанализированные им данные не утратили своей актуальности и сегодня, в том числе для оценки экологической динамики и перспектив экономического развития страны. Результаты этнографических исследований А.Д.Симукова широко цитируются в работах специалистов вплоть до настоящего времени.

Осенью 1939 г. на очередной волне сталинских репрессий А.Д.Симуков был арестован в г.Улан-Баторе (совр. Улаанбаатар) органами НКВД СССР. Погиб в приполярном лагере в Коми АССР (совр. Республика Коми) в 1942 г. (по официальным данным). Реабилитирован «за отсутствием состава преступления» в 1956 г.

Предлагаемая ныне публикация, озаглавленная «Исследователь Монголии А.Д.Симуков (Письма, дневники, документы)», продолжая уделять особое внимание обширному научному наследию А.Д.Симукова, отличается от ранее изданных томов тем, что в ней представлены материалы биографического характера, касающиеся А.Д. Симукова: его переписка, юношеские дневники и другие документы.

Эти материалы отражают сложное время первой трети XX в., насыщенное драматическими событиями в России и в Монголии, тесно связанных ходом истории.

Переписка и дневники – это и своего рода портрет автора. Они дают некоторое представление о том, каким был Андрей Дмитриевич, что позволило ему проделать гигантскую работу в столь короткий отпущенный ему срок, из каких корней вырос этот характер, в каких условиях, среде он

формировался и действовал.

Наконец, в письмах А.Д.Симукова – портрет Монголии той поры, увиденной внимательными и любящими глазами, портрет страны, исследование которой и работа для которой стали содержанием его жизни.

В предлагаемое издание включены все обнаруженные до настоящего времени письма А.Д.Симукова, написанные на русском языке, фрагменты его отроческого и юношеского дневников, письма (или их фрагменты) родственников и друзей, содержащие сведения об Андрее Дмитриевиче и обстоятельствах его жизни, фрагменты воспоминаний, рабочие и официальные документы.

Часть переписки не сохранилась. Отсутствуют некоторые письма А.Д.Симукова (главным образом за 1920–1926 г.г.). Все письма, адресованные ему в Монголию (1923–1939), исчезли во время его ареста в 1939 г.

Все публикуемые материалы расположены в хронологическом порядке, сгруппированы по главам в соответствии с этапами жизни А.Д.Симукова и пронумерованы внутри каждой главы. Примечания к ним помещены в конце каждой главы.

Несколько писем А.Д.Симукова или их фрагменты публиковались ранее. Ссылка на первую публикацию дается в примечаниях в конце главы.

Принадлежность писем и документов к государственным архивам указана в подстраничных примечаниях. Принадлежность публикуемых материалов к семейному архиву специально не оговаривается за исключением материалов, поступивших в архив от других частных лиц, что отмечено в примечаниях в конце главы.

Все письма и документы воспроизводятся по оригиналам. Тексты ранее опубликованных писем сверены с первоисточниками, опечатки исправлены, примечания при необходимости дополнены. Фрагменты дневника и письма печатаются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, при сохранении стилистических особенностей автора. Сокращения раскрываются нами в угловых скобках, там же помещены ремарки составителей.

Сохранена, за небольшими исключениями, авторская транслитерация монгольских имен, отдельных слов и выражений. Географические названия, наименования населенных пунктов, названия животных и растений также даются, как правило, в авторском написании. При необходимости последние уточняются в соответствии со списками, приведенными в издании трудов А.Д.Симукова³⁾.

В письмах есть пропуски. Некоторые из них вызваны повреждением писем в нестандартных условиях длительного хранения и отмечены

квадратными скобками; таким же образом отмечены фрагменты текста, которые не удалось прочесть однозначно. Часть купюр, не затрагивающих основного содержания, сделана составителями (отмечены угловыми скобками). Убраны заведомые повторы, некоторые подробности интимно-семейного характера, детали хозяйственно-денежных расчетов.

Для адекватного восприятия некоторых фрагментов писем необходимо помнить, что писали их с учетом перлюстрации, неизбежной тогда в СССР особенно для зарубежной корреспонденции. Многие имена заменены инициалами или прозвищами. Вопросы, сведения и суждения о некоторых событиях и обстоятельствах даются намеками, иносказательно, почти закодированы. Инициалы раскрываются нами в угловых скобках. Пояснения даны в примечаниях. При необходимости более полное освещение обстоятельств, событий и их участников, можно найти по ссылкам на источники, также в примечаниях.

В доступных составителям официальных документах информация о последнем периоде жизни и о смерти А.Д.Симукова крайне скудна или недостоверна. Некоторое представление о пути, которым пришлось пройти А.Д. Симукову от ареста в Уланбаторе до гибели на каторге сталинского ГУЛАГа, дают материалы позднейших публикаций частично рассекреченных официальных документов и воспоминаний очевидцев. Ссылки на эти источники приведены в примечаниях к гл. V.

Заключительная седьмая глава «Наследие» документального рассказа об исследователе Монголии А.Д.Симукове не включена, к сожалению, в настоящее издание и будет опубликована позже. Письма и документы этой главы познакомят читателя с младшими поколениями семьи А.Д.Симукова, а также с судьбой его научного наследия.

Издание, предлагаемое ныне, иллюстрировано фотокопиями документов, страниц дневника, фрагментов писем, рисунками А.Д.Симукова, фотографиями.

Юки Конаяга
Наталья Симукова

Примечания

- 1) Симуков А.Д. Труды о Монголии и для Монголии / сост. Юки Конаяга, Санжаасурэнгийн Баяраа, Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн / Государственный музей этнологии, Осака. 2007–2008. (Далее: Симуков А.Д. Труды).
- 2) В издание включены все, обнаруженные к тому времени в архивах, работы А.Д.Симукова, написанные на русском языке; часть работ, подготовленных

автором к печати, не найдена до настоящего времени; см. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(2): 223–235.

Ещё не был проведен тщательный поиск в монгольских архивах работ А.Д.Симукова, написанных на монгольском языке.

3) *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(2): 236–260.

Preface

At the beginning of the XXI century, the National Museum of Ethnology in Japan published based on the materials from the archives of Mongolia and partly Russia, “*Works on Mongolia and for Mongolia*”¹⁾ by Andrey Dmitrievich Simukov in three volumes in Russian with a compact disk and some of the author’s cartographic works.

This publication, more than 60 years after the author’s death in a Stalinist camp, provide the world of Mongolian studies the results of his activities: an extensive collection and analysis of data on the nature, population and economy of Mongolia in the 1920s and 1930s for the first time in such a significant volume²⁾.

A.D.Simukov (1902–1942?) lived and worked in Mongolia for 16 years, first as a member of the Mongol-Tibetan expedition of P.K. Kozlov (1923–1926), and then as an employee of the Scientific Committee of Mongolia (1927–1939), where he headed the Cabinet of Geography, and later organized and headed the Department of Geography. The data collected by his expeditions and analyzed by him have not lost their relevance today, including the environmental dynamics and prospects for the country’s economic development. The results of ethnographic research by A.D.Simukov are widely cited in the works of specialists up to the present.

In the fall of 1939, by another wave of the Stalinist repression, A.D.Simukov was arrested in Ulan-Bator (now Ulaanbaatar) by the NKVD of the USSR. He died in a circumpolar camp in the Komi ASSR (present-day Komi Republic) in 1942 (according to official data). Rehabilitated “for lack of *corpus delicti*” in 1956.

The present publication entitled *Explorer of Mongolia, A.D. Simukov: Letters, Diaries, Documents*, while continuing to pay special attention to A.D. Simukov’s extensive scientific heritage, differs from previously published volumes in that it contains materials of biographical nature, concerning A.D. Simukov’s correspondence, youth diaries and other documents.

These materials reflect the difficult time of the first third of the XX century, full of dramatic events in Russia and Mongolia, closely linked to the course of history.

Correspondence and diaries are also a kind of portrait of the author. They give some idea of Andrei Dmitrievich character, which allowed him to do a gigantic job in such a short time allowed to him, from which roots this character grew, in what conditions, environment he was formed and acted.

Finally, in the letters of A.D. Simukov there is a portrait of Mongolia of that time, seen with attentive and loving eyes, and a portrait of the country he studied of and worked for as the content of his life.

The present edition comprises all the letters of A.D. Simukov discovered so far, written in Russian, as well as fragments of the diaries of his adolescence and youth, letters (or their fragments) from relatives and friends containing information about Andrei Dmitrievich and the circumstances of his life, fragments of memories, working and official documents.

Part of the correspondence has not been preserved. Some of his letters are missing, especially those written between 1920 and 1926. All the letters addressed to him in Mongolia (1923–1939) disappeared during the time of his arrest in 1939.

All the published materials are presented in chronological order and grouped into the chapters corresponding to stages of A.D. Simukov's life, and numbered within each chapter. Notes to them are placed at the end of each chapter.

Several letters of A.D. Simukov or their fragments were published earlier. Reference to their first publication will be given in the notes at the end of the corresponding chapter.

The belonging of letters and documents to state archives is indicated in the footnotes. The belonging of the published materials to the family archive is not specially stipulated, with the exception of materials received by the archive from other individuals, which is indicated in the notes at the end of the chapter.

All letters and documents are transcribed from the originals. The texts of previously published letters have been verified with the original sources, typographical misprints have been corrected, and references supplemented as needed. Fragments of the diary and letter are published in conformity with modern rules of spelling and punctuation, while maintaining the stylistic features of the author. Abbreviations are disclosed by us in angle brackets, and the compilers' remarks are also placed there.

With a few exceptions, the author's transliteration of Mongolian names, individual words and expressions has been preserved. Geographical names, the names of settlements, the names of animals and plants are generally given in the author's spelling. If necessary, the latter are specified in accordance with the lists given in the publication of the works of A.D. Simukov³⁾.

There are omissions in the letters. Some of them are caused by damaged texts in non-standard storage conditions and are marked with square brackets; fragments of the text that could not be read unambiguously are marked in the same way. Some of the abbreviation that do not affect the main content were made by the compilers (marked with angle brackets). Repetitions, some details of an intimate family nature, details of economic and monetary calculations have been removed deliberately.

For an adequate perception of some fragments of letters, it is necessary to remember that they were written taking into account the surveillance, which was then inevitable in the USSR, especially for foreign correspondence. Many names

have been replaced by initials or nicknames. Questions, information and judgments about certain events and circumstances are given in hints, allegorically, almost encoded. We reveal the initials in angle brackets. Explanations are given in the notes. If necessary, a more complete coverage of the circumstances, events and their participants can be found by referring to sources, also in the notes.

In the official documents available to the compilers, information about the last period of A.D. Simukov's life and death is extremely scarce or unreliable. Some idea about A.D. Simukov's path from his arrest in Ulaanbaator to his death in the Stalinist GULAG of hard labor is provided by materials from later publications of partially declassified official documents and memories by eyewitnesses. References to these sources are given in the notes of the chapter V.

The final seventh chapter, "Heritage" of the documentary story about the explorer of Mongolia A.D. Simukov, is not included, unfortunately, in this edition and will be published later. The letters and documents of this chapter will introduce the reader to the younger generations of A.D. Simukov's family, as well as with the fate of his scientific heritage.

This edition is illustrated with photocopies of documents, diary pages, fragments of letters, drawings and photographs by A.D. Simukov,

Yuki Konagaya
Natalia Simukova

Notes

- 1) *Simukov A.D. Works about Mongolia and for Mongolia*, eds. Yuki Konagaya, Sanjaasüren Bayaraa, Ichinkhorloo Lkhagvasüren, National Museum of Ethnology, Osaka. 2007–2008. (Further Simukov's Work).
- 2) The edition includes all the works of A.D. Simukov, discovered so far in the archives, written in Russian; some of the works prepared by the author for publication have not been found to date; see Simukov's Work 3 (2): 223–235. A thorough search has not yet been carried out in the Mongolian archives for the works of A.D. Simukov written in Mongolian language.
- 3) Simukov's Work 3(2): 236–260.

Оглавление

Предисловие	iii
Глава I. Петроград – Сигеевка (1916–1920)	1
Глава II. Сигеевка – Москва (1920–1922)	65
Глава III. Монголо-Тибетская экспедиция (1923–1926)	93
Глава IV. Монголия (1926–1939)	133
Глава V. Улан-Батор – Улан-Удэ – Архангельск –? (1939–1941)	361
Глава VI. Война. Поиск в ГУЛАГе. Реабилитация (1941–1990)	387
Приложения	
Приложение I.	437
Приложение III.	445
Приложение IV.	459
Приложение V.	463

CONTENTS

Preface	iii
Chapter I Petrograd – Sigeevka (1916–1920)	1
Chapter II Sigeevka – Moscow (1920–1922)	65
Chapter III Mongol-Tibetan Expedition (1923–1926)	93
Chapter IV Mongolia (1926–1939)	133
Chapter V Ulan-Bator – Ulan-Ude – Arkhangelsk –? (1939–1941)	361
Chapter VI The war. Search in the Gulag. Rehabilitation (1941–1990)	387
Appendices	
Appendix 1	437
Appendix 3	445
Appendix 4	459
Appendix 5	463

Глава I
Петроград¹⁾ – Сигеевка
(1916–1920)

I Петроград – Сигеевка. Список документов

I 1 Дневник (фрагменты). 1916–1920. 5

«Интерес к географии и естественным наукам (ботаника, зоология) проявился у меня с весьма раннего возраста (8–9 лет). Примерно с того же времени меня стала интересовать Центральная Азия и я начал читать путешествия Н.М.Пржевальского, П.К.Козлова, С.Гедина и других, знакомясь с природой и географией Монголии, Тибета и Синьцзяна. Однако, обстоятельства разного рода временно отклонили мой жизненный путь в другую сторону и до 1923 года я отложил мысли о научно-исследовательской деятельности географа, как нечто несбыточное.»²⁾

А. Симуков. 5-Б кл.³⁾

Дневник⁴⁾ <фрагменты>

1916 год

Вторник 23 февраля

Начинаю дневник. Ничего особенного не приключилось. На уроке музыки разучивали «Царя Иудейского». Дома папа объявил, что едет <...> за границу. Поедет он через Торнео на Стокгольм и Берген, а там на пароходе до Ньюкэстля⁵⁾.

<...>

Пятница 4 марта

Поступил к Павлу Степановичу рисовать. Сегодня был первый урок.

Пятница 18 марта

Спрашивали по-гречески. Ничего особенного. Задумал сделать террариум. Хорошо задуманное необходимо исполнить. Погода теплая. Разбил аквариум.

<...>.

Вторник 22 марта

Был в Зоологическом музее. В пятницу был в театре. За неделю ничего особенного.

<...>

Понедельник 4 апреля

В субботу нас распустили. В пятницу в два часа ночи приехал папа. Рассказов

пропасть. Мне он привез перочинный нож. <...> Вчера отправился в экскурсию с обоими Андреевскими⁶⁾. Видели, как вороны преследовали зайца, как он от них удирал, ручейников ещё маленьких, первую бабочку, которую тут же и поймали (крушинница); слышали жаворонка.

<...>

Суббота 16 апреля

В четверг был с Андреевским в Лигове. Очень хорошо. Нашли несколько мелких видов. Тритонов не нашли.

Сегодня мое рождение. <...> Вечером проводил Острогорского⁷⁾, зашел к нему в сад. Там мы наловили много жуков.

<...>

Суйда⁸⁾.

Четверг 19 мая

Давно не писал дневник. Кончили мы 12 мая. 17-го был в Зоологическом саду. Предполагал и готовился к большому путешествию (Петроград-Лигово-Тайцы-Суйда). Мама съездила к дяде Алеше⁹⁾ и решили меня не пустить. <...> . Получил первую награду <в гимназии>.

Пятница 20 мая

Встал я сегодня в 4 часа, пошел сначала в лес <...>, вышел на долину сухого дерева и тут услышал отдаленное токование тетерева. Во мне пробудилось сильное стремление посмотреть ток. Звуки слышались с *O.S.O.* Я пошел по болоту, вспугнул по дороге тетерку и, наконец дошел до дорожки, на которой мы с папой были в прошлом году. При выходе на дорожку я увидел свежие следы лани, они ещё не успели обсохнуть. Отправился к Кобринке, увидел утку, слышал кулика, видел неизвестную птицу и пришел домой в 8 часов утра. Днём ходил много, но недалеко.

Суббота 21 мая

Рез<ультаты> дня – видел коростеля, двух зайцев. <...>. Вечером приехал папа и стал работать в огороде. Я ему немного помогал. Вечером сидел у костра с мандолиной.

<...>

Понедельник 23 мая

<...>. Видел крапивника, прекомичная птичка. <...>. Аля¹⁰⁾ нашла сегодня в парке вороненка, которого за серьезный нрав прозвали мы «Профессором».

Суббота 28 мая

Сегодня вечером мы с папой немного прогулялись по шоссе. Красивые картины неба: с одной стороны вся половина неба и все под ней окрашены в

синеватые тона – тихий вечерний пейзаж, другая часть неба – светло-розовые и палевые тона, а третья - на желтом фоне светло-свинцовые облака, прорезанные местами красными пятнами. Тихо-тихо. Где-то кукует кукушка, кричит коростель.

После мы с Лешей¹¹⁾ упражнялись и состязались в кидании копья и стрельбе из лука.

Понедельник 30 мая

Вчера в Троицу¹²⁾, приехала мама. Мы вышли её встречать. Мама в субботу держала экзамен¹³⁾ и выдержала на 5. Сегодня мы с утра строили крепость, и она вышла очень хорошо.

Понедельник 20 июня

<...>. Я был в Тайцах у Острогорского. В первый день я с ним ходил в царский лес, видели тритонов. Всю ночь мы проболтали. <...>. Утром встали в 3 часа, с величайшими затруднениями достали из другой дачи сапоги и ушли гулять. Насквозь промочили ноги. Через неделю Сережа был у меня.

Воскресенье 26 июня

<...>. Опять поехал к Острогорскому. Видели за два дня 2-х зайцев, тетерку, 3-х белок, маленьких мышат и многочисленные следы косули. <...> поймали тритона, которого заморозили. Начинают постепенно осыпаться листья, синицы летают стайками. <...>.

Вторник 28 июня

Утром, как всегда, французенка. Днем – купанье во время дождя. Вечером сиденье дома у печи и игра в охотники. Построил ловушку <приведен рисунок>.

Вторник 5 июля

30 июня был за рельсами. Там есть очень красивые места. Суйда узка. Поле, болото, много дичи. Гнездо канюка помещается низко, среди густого леса и представляет собою бесформенную кучу тонких веток без углубления, всю загаженную, усыпанную пухом и костями. <Приведена схема пути>.

Среда 6 июля

Рассказ писал на конкурсе с Лешей. Леше понравилась краткость и красочность отдельных картин. Маме и папе не понравился вследствие краткости. Сегодня я вдруг почувствовал прилив какой-то бодрости, и в душе воскресли многие почти забытые планы. Роман с моей идеей, исполнение

идеи мною самим... Потребуется много работы, чтобы без вреда для других исполнить её.

Суббота 9 июля

Встал в ½ 7-го утра и начал писать естествоведение. Писанье навело меня на грустные размышления. Вот Острогорский дачей не избалован и с благоговением собирает всякое перышко. А я? Совестно. Начну, хоть и поздно.

Во время обеда и до него сильнейшая гроза. Сижу, веду записи, негодую на себя, что мало сделал. Читаю Васильковского < ученый-натуралист – краеведение, охрана природы; писатель: «Чудеса животного мира», «Чудеса растительного мира», «Спутник юного натуралиста» и др. >.

Воскресенье 10 июля

<...> по прочтении письма от тети Ани <сводная сестра Д.А.Симукова, отца Андрея> мой пессимизм рассеялся. У нас все-таки теперь тихое семейное счастье – у нее борьба с жизнью. Потеря двух братьев, из которых один оставил ребятишек, а другой немного помогал ей; невозможность в данное время продолжать учебу, учительство в церковно-приходской школе, чтобы добыть денег для продолжения его – все это делает письмо весьма нерадостным.

Среда 13 июля

Катался сегодня на плоту, но после нашего ухода, очевидно, 6-й номер <дети с соседней дачи> разрушил плот совершенно. Вот до чего они доходят! Но мы оказались на должной высоте и не оплатили им ничем.

Четверг 14 июля

Разрушение плота развязало нам руки, и мы сидели все время дома. Работали, выделывали из коры мелкие вещицы и т.д. Вечером играли в разные игры. У крапивника вылупились птенцы.

Пятница 15 июля

Несмотря на середину июля погода совсем осенняя. То и дело сизикают синицы, корольки и т.д. Ветер шумит в лесу. Сенокос заканчивается. Думается уже о городе. Только бы прошли благополучно первые дни! А там уже как заведенная машинка. Думается и о будущем лете в Могилевской губернии <в Сигеевке – родной деревне Д.А.Симукова>.

Вечер.

С шестым номером помирились. Вечером много играли. Оказывается, плот разломали не они, а кто-то другой. У них есть новый плот, но он плохо выдерживает.

Крапивник ужасно смешон. Он прыгает в гнездо смело, кормит детей, копается там, чистит гнездо и т.д. Сколько блаженных минут пережил я, когда, сидя за вырезыванием из коры, наблюдал за крапивником! Он так доверчиво прыгает рядом, так поглядывает боком, что просто уморительно смотреть!

Кроме того, я сегодня видел маленькую землеройку.

Воскресенье 17 июля, вечер

Попробую написать краткий очерк Суйды.

Суйда.

Я намерен описать эту местность, так как прожил в ней три лета и мог изучить её. В очерк входит описание местности, лежащей к востоку от Варшавской ж.д. и, приблизительно, от р. Суйды по направлению к югу до р. Кобринки. Вглубь к востоку эта местность простирается на 5 верст.

Рельеф она имеет слабоволнистый, с ясным наклоном с запада на восток к долине р. Кобринки.

Орошение представлено р. Суйдой, притоком р. Оредежа, и притоком её – р. Кобринкой. Суйда течет по направлению с запада на восток, а Кобринка сначала течет по такому же направлению, а потом сворачивает на север и впадает в Суйду. Через Суйду перекинуты два моста: железнодорожный и мост у плотины. Характер долин обеих рек почти одинаков, только у Суйды берега возвышеннее и суше, чем у Кобринки. Долины в разрезе представляются следующим образом: <приведена схема>.

Почва в этой местности довольно плодородна. Подпочвой служит красная глина, а ниже – песок с красноватым оттенком.

Климат – как в Петроградской губ. Зима: средняя max 25 гр. R, весна холодна и дождлива, лето жаркое (жара доходит до 30 гр. R) с дождями.

Осадки достаточно. Особенно их много было в лето 1916 г.

Флора местности разнообразна. Вначале, повидимому, всюду был лес, лишь местами прерывавшийся небольшими полянками. Теперь вокруг деревень на порядочное расстояние нет и следа леса и все занято полями. На высоких местах лес состоит из высоких, редко растущих сосен. Подлеском служат мелкие елки, а землю покрывает ковер мха, папортника и черники. Ниже растительность меняется. Преобладают лиственные деревья (осина, ольха, береза) и подлеском служат опять-таки елки. Еще ниже преобладают

болотные формации. На кочках, между которыми стоит зачастую вода, растут низкорослые елки, березы и сосны.

Самая буйная растительность развивается в июле на берегах Кобринки, недалеко от впадения её в Суйду. там на кочках растет высокая густая трава с яркими пахучими цветами. Из травы высовываются зонтичные в рост человека. Заросли низкой густой ольхи переплетены, как виноградом, диким хмелем.

Из полезных веществ лес дает грибы (сыроежки, рыжики, лисички, подберезовики, красные и белые), ягоды (брусника, черника, голубика, земляника, малина, красная смородина) и т.д.

Фауна тоже разнообразна. Всего я видел около 84 видов млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб. На млекопитающих приходится 14 видов (между ними лось), на птиц – 56, на пресмыкающихся – 2 (гадюка и ящерица), земноводных – 2 (лягушка и жаба) и рыб – 9. Часть фауны, как косуля, фазан, искусственно поселены здесь.

Население состоит из финнов и русских. В описываемой местности расположены три деревни (Мельница, Покровка и Кобринно, причем в Кобрине кирха) и дачное место с платформой Прибытково. На лето приезжают в деревни и Прибытково дачники.

Понедельник 18 июля

Сегодня набивал белку. Она у меня вышла плоховато.

Раздумывал о жизни животных в лесу. Имеющие норы и спокойные убежища – спокойны, а для других – вечный страх за жизнь. Даже думать неприятно.

<...>.

Тайцы.

Вторник 19 июля

<...>. Ос задумал издавать зимой журнал «Природа». План вполне разработан. Журнал этот будет издаваться в 2-х экземплярах. Он будет печататься печатными буквами при помощи остроумного прибора, придуманного Осом (см. его рис.).

Суйда.

Пятница 22 июля

Очерк для «Природы».

Тетерев-косач (*Tetrao tetrix*).

Тетерев – излюбленной дичь наших охотников. Стреляют его на току, стреляют молодых с собакой и вообще истребляют всеми способами. <...>

Как красив самец во время токования! Весь иссиня-чёрный, с красными дугами около глаз, хвост лирой... Он то распушит крылья и хвост, пригнет к земле и глухо горлом булькает, то, услыша другого, кидается в драку. Токуют они ранней весной. Только раз я видел. Вскоре после токованья

самцы куда-то исчезают; найти их становится трудно. Они, ввиду предстоящей линьки, прячутся в самые глухие места.

Самки же далеко не так ярко окрашены (цвет их светло-коричневый с пестриной), выбирают укромное местечко, выстилают его несколькими травинками и кладут туда 7–12 крупных, величиной с куриное, яиц. Яйца окрашены в белый с коричневыми крапинами цвет. Недели через три из яиц вылупляются цыплята. Они все желтого цвета. Только что вылезши из яиц, они уже весело бегают за своей матерью, которая показывает, как собирать корм. Цыплята быстро растут, покрываются перьями. Самцы и самки пока опереньем не отличаются. К этому времени поспевают ягоды, и молодые тетерева отъедаются сперва на чернике, землянике и голубике, а потом на бруснике. Теперь они особенно жирны и вкусны.

Жизнь тетерева ведут не особенно разнообразную. Утром кормятся, в жаркое время дня прячутся или купаются в песке. После – опять за еду. Молодые довольно глупы и доверчивы. Например они, будучи цветом похожи на самок, могут с успехом незаметно присесть неподвижно в сухих листьях, но они делают это и в ярко-зеленой траве.

К родственникам тетерева следует отнести глухого тетерева или глухаря (*Tetrao urogallus*), отличающегося большей величиной, рябчика (*Tetrao bonasia*) и др.

Понедельник 25 июля

Вчера я был на том месте, где видел веретеницу. По дороге поймал порядочной величины ящерицу. Обыскав заросли и не нашедши веретеницы, я присел. Вскоре я услышал шорох и передо мной тихо пробежала лесная мышь. Сколько прелести и грации в этой круглой головке, тонких лапках и хвостике! Выполнивши оттуда, я, к своему ужасу, заметил, что на том месте, где я вчера видел веретеницу, лежит гадюка! Неприятнее всего было вспомнить, что я ползал рядом. Гадюку я подцепил палкой, выкинул на дорогу и <...> загнал в банку, из которой, пользуясь моментом, выскочила ящерица. Закрыв банку, я принес гадюку живою домой. Как я мог ошибиться? При ближайшем рассмотрении это оказалось понятным: при известном освещении полосы незаметны. В этой гадючке вершков 9. Сейчас она сидит у меня в террариуме, который я сам устроил из коробки (см. рис). Она чувствует себя там на ложе из сухих листьев, по-видимому, сносно. Выбрасывать голову с целью укусить она может вершка на четыре.

<...>.

Воскресенье 14 августа

<...> вчера папа нашел утром ни более ни менее, как полчка! Каким образом попало сюда это южное животное – не знаю. Папа нашел его уже дохлым. Я снял с него шкуру и сделал прекрасное чучело. Как приятно было бы иметь

полчка в неволе! <...>.

Сегодня я твердо решил привести во что бы то ни стало мою идею в исполнение. Меня двинуло одно слово – Даурия¹⁴⁾. Дай Бог, чтобы я не отступился от нее!

<...>.

Петроград.

Суббота 20 августа

Попробую сделать итог лету. Материальный невелик. Он равняется только коллекции гнезд, перьев, чучелу полчка и 3-м гадюкам. Зато духовный порядочен. Благодаря частым поездкам друг к другу Сережи и меня у нас появилось много полезных мыслей. Например: журнал, музей и т.д. Затем, мне кажется, я стал немного тверже, мои знания сделались основательнее.

Для «Д» (идея) необходимо все время работать. Например, я сегодня не кормил жабу. Необходимо принуждать себя кормить её каждый день. Завтра надо сходить в гимназию и все остальное время проработать. Надо записать книг десять. Всё-таки не так совестно. Перестану показывать дневник.

Необходимо завтра все приготовить для гимназии, убрать стол, отыскать билет и т.д. Надо приучить себя вставать, как проснешься, и утром прочитывать дневник за вчерашний день. Начну! <...>.

Среда 28 сентября

Как давно я не писал дневника. Многого произошло за это время. Сережа посещает архитектурно-художественное отделение школы поощрения художеств, я – «Богатырь». Там устроено все очень хорошо. Занятия 3 раза в неделю (баскетбол, гимнастика). Читаю «Обрыв» Гончарова. Читая «Обрыв», «Детство», «Отрочество», «Юность», я замечаю, что есть некоторое сходство между мною и Николенкой, ещё больше – между мною и Райским. То же беспокойное состояние духа, то же не найденное душевное равновесие, то же искание чего-то. Думаешь массу. <...> Начались уроки музыки. <...>.

Понедельник 3 октября

Уже много времени продолжается кувырколлегия с мышами. Самую первую мышь я поймал в ванне, куда она нечаянно свалилась. Я посадил её в маленькую клетку, но она очень быстро оттуда вылезла. Вторая мышь попала в мышеловку, из которой она вылезла ночью. Третья мышь <...>, седьмую я собираюсь ловить.

Четверг 13 октября

<...> Я вынул мышь из мышеловки за хвост и посадил её в банку высотой в 26 см, диаметром в 14 см и завязал банку просто кисеей, но оказалось, что мышь не только свободно прыгает на такую высоту, но даже может

зацепиться наверху. Тогда я приделал папочную крышку. Внутри банка устроена хорошо <рис>. Мышь вполне освоилась с помещением и чувствует себя довольно спокойно. Займусь приручением. Программа его <...> выработана Сережей и мной. Сегодня мышь принялась за кусок булки, только что кинутый мною.

<...> Несколько недель тому назад мы с Сережей поехали в понедельник в Тайцы, откуда я возвратился в воскресенье поздно вечером. Там мы пошли гулять и видели пару косуль.

Среда 19 октября

В Воскресенье я был в театре. Шла «Бесприданница» Островского. Это очень печальная вещь. Там все основано на взаимном непонимании. <...>. Мышь все не ловится.

Среда 26 октября

Фрейлейн обещала мне так через месяц, а может быть и больше, пару белых мышей. Я хочу купить террариум.

Воскресенье 20 ноября

<...> Утром поздно встал, ночью снились белые мыши. После обеда – репетиция к завтрашнему концерту.

Понедельник 28 ноября

В воскресенье был в театре. Шло «На всякого мудреца довольно простоты». Сегодня усердно занимался естествоведением по Шимкевичу <зоолог, академик (с 1920), автор учебников по общей биологии и зоологии>.

Понедельник 26 декабря

Второй день Рождества. Что за жизнь! Сегодня экскурсия в Курорт... Но надо объяснить, в чем дело. 11 декабря в воскресенье была первая лыжная экскурсия о«бщест»ва «Богатырь» в Курорте. Доктор Песков, главный врач Курорта, принимает участие в «Богатыре», и он устроил нам помещение, лыжи и чай (сахар свой). Я привожу свои беговые. Мы едем туда поездом <...>. Занимаем целое отделение и поем песни. В Курорте ходим на дюны и на взморье, катаемся с крутых гор и орем «илла лала игу». Возвращаемся в Петроград в 5ч. 30 мин. Стоит это нам 40 коп. с души.

Послезавтра я еду с обоими Андреевскими на Мшинскую Варшавской ж.д. до 5 января. То-то радости!

1917 год

Суббота 7 января

Сижу за столом, передо мною моя белая мышь. Она почти ручная, бегаёт на свободе по столу и пр.

Позавчера вернулся со Мшинской. Опишу все как можно подробнее, чтобы было, что вспоминать. Утром 28-го я встал в волнении, успел купить лыжные ремни. Лыжи я купил 23-го, они широки и коротки, настоящие лесные. Выпил кофе, взял мой портплед, лыжи и отправился. Вылезая из трамвая заметил Андреевских. <...>. В поезде мы съели все сласти. На станции нас ожидали лошади, двое саней и две барышни, Нина (моих лет) и Тамара (лет 19) – дочь доктора и сестра братьев Медовиковых из 3-ей гимназии. Лошадей звали Белогривый (рыжий с белой гривой и хвостом) и Голубка (белая). Мы ехали быстро. Приехавши, мы прямо прошли в столовую, и я был ослеплен светом (уже стемнело) и множеством народа (за столом было человек 12). Опишу всех.

Во-первых, сам Алексей Степанович Ломшаков <хозяин>, профессор Политехнического института, богач, имение 1700 дес<ятин>, большая дача, автомобиль. Это сибиряк, высокий, широкоплечий, но вместе с тем ловкий, уже поседелый. Его жена, Екатерина Александровна, сестра Татьяны Александровны Андреевской – довольно пожилая, очень добрая и веселая дама. У них дочери – старшая Наташа (19 л.) очень милая и, по-видимому, умная девушка, средняя Марианна (около 18 л.), довольно легкомысленная, и младшая – Нина, сорванец и вместе с тем девочка. За ней для времяпрепровождения я пострелял. <Далее следует описание присутствующих гостей и хозяйства имения Натальино>.

Теперь о том, как я провел там время. Спали мы великолепно. Утром в 9 часов не пимши, не емши, не спросившись, мы отправились в некую мифическую страну, именуемую Переходней. Знал (?) дорогу один Борис. Вместо 4 верст мы прошли 12, делали около 3,5 верст в час (на лыжах!!) Взятую жареную курицу обсосали до последней косточки. Когда мы возвращались, вид у нас был ужасный. Землистый от усталости и жажды цвет лица. Борис шатается, на остановках лежит без движения. По цифре верст можно судить о трудностях пути. Вернулись мы в 4 часа. Нас уже собирались искать!

Следующий день походил на другие. Утром кофе, булки, масло, гречневая каша. До 2-х с четвертью на лыжах, затем обед, чай, ужин, чай. Спать в 9 с половиной – в 10ч.

Новый Год <1917!> встречали так весело, что лопнула струна в пианино.

<Приведена> схема наших путешествий за Лугу.

Понедельник 16 января

В субботу был у Ломшаковых на именинах Нины. Пришел туда и сразу окупился в знакомую атмосферу. К Нине пришла куча подруг. Познакомились быстро и првесело играли. Страшно не хочется писать, а на душе много.

Вторник 7 февраля

У Ломшаковых каждую субботу бывают маленькие собрания, и на них что-нибудь читается.

Я стал учиться танцам. <...>. Собираюсь на лето сделаться скаутом¹⁵⁾.
<...>.

Вторник 28 февраля

Какие события! Думал ли я еще в среду, возвращаясь с мамой от Ломшаковых на автомобиле, что все так развалится. Я был счастлив.

В Петрограде революция. <...>. Впервые начались беспорядки 23-го. Рабочие волновались, на Выборгской стреляли, на Литейном мосту была свалка <...>. 25-го трамваи перестали ходить, их перевертывали. 26-го стало известно, что часть войск примкнула к восставшим. 27-го через Троицкий <мост> папу не пустили, волнение сильно разрослось. 28-го обстреляли магазин «Скорород» угол Покровской и Большого проспекта. По городу разъезжают автомобили с красными флагами, наполненные вооруженными восставшими солдатами. Постоянно слышатся выстрелы. На Большом <проспекте> толпа. Настроение приподнятое. Большинство надеется, что восстание не пропадет даром, а будет использовано. Провизии у нас достаточно. Мы, «дети», не выходим. Что-то будет! <...>.

Какие перемены за год! Сделаю обзор: папа уехал за границу, <...>, в Лигове с Андреевскими. Мечты с Острогорским, Суйда, Тайцы, Лигово, Гатчина, гулянье и голубика в Тайцах, тамошняя атмосфера, гадюки, город, «мышинная кувырколлегия», крутой поворот в моей жизни – «Богатырь», музыка, лыжные экскурсии. Рождество – новый крутой поворот – Натальино, Нинины именины, субботы, свой у Ломшаковых, танцы, приглашение на бал к Ростовцеву, поворот – революция! Бог знает, чем кончится!

Среда 29 февраля

Только что зажглось электричество, телефон действует! По-видимому, все входит в норму. Изредка раздаются выстрелы. Утром на Подрезовой была пальба. По городу обыски: ищут полицию и оружие, только что были у Острогорского, у тети Веры¹⁶⁾. Город во власти восставших. Протопопов¹⁷⁾, по слухам, арестован.

<...>.

Пятница 3 марта

На улицах совсем спокойно. Вчера гулял с тетей Олей¹⁸⁾ по городу. <...>. Смотрели следы революции. На Невском оживление более, чем обыкновенно, видны следы стрельбы, Аничковский дворец обстрелян; Окружной суд сторел, оружейные магазины разгромлены, у Окружного суда баррикада и 3 орудия. Всюду красные флаги и масса солдат. У всех красные ленточки. Трамваев и извозчиков нет. Автомобили все захвачены и служат новой власти. Газеты не выходят, бесплатно выкидываются из автомобилей «Известия». Орлов¹⁹⁾ срывают.

Революция сошла на редкость спокойно и бескровно. Арестованы все министры, Питирим²⁰⁾, часть содержится в Думе, часть в крепости.

Новые власти в таком составе:

Председатель Совета министров	кн. Г.Е.Львов
Министр внутренних дел	он же
-«- иностранных дел	<П.Н.>Милоков
-«- юстиции	А.Ф.Керенский
Министр путей сообщения	Н.В.Некрасов
-«- торговли и промысл.	А.И.Коновалов
-«- народного просвещения	А.А.Мануйлов
-«- военный	А.И.Гучков
-«- морской (временно)	он же
-«- земледелия	А.И.Шингарев
-«- финансов	М.И.Терещенко
Государственный контролер	И.В.Годнев
Обер-прокурор Синода	В.Н.Львов
Министр по делам Финляндии	Ф.М.Родичев

Новая власть принялась за дело. Сыплются приказы, объявлена амнистия политическим.

Вторник 7 марта

Сегодня пошли трамваи, вышло «Новое время». Я не могу постигнуть перемены, она черезчур велика и необычна. Её и нельзя постигнуть сразу – кто это говорит, тот её не понимает. Я рад, что все входит в колею. <...>.

Воскресенье 12 марта

Ношусь, как угорелый. Вчера поздно приехал из гимназии, пообедал, поехал к Андреевским, по дороге занес письмо Георгиевскому (Детская больница), от Андреевских к Ломшаковым. Реферат Бориса – падение католического духовенства в средние века и его причины, мой – влияние природы на

религию. От Ломшаковых к Андреевским – ночевать, утром к 12 часам домой, пообедал,
к Острогорскому с аксолотлями и с ним к Нольде, оттуда к Крутикову²¹⁾.
<...>. У меня созрела интересная мысль обозначить характер цветом. Борис <Андреевский> - оранжевый (нормальная окраска), иногда – голубой. Голубой иногда лопается и выглядывает оранжевая подкладка. Я – всегда светло-зеленый, Крутиков - <...> светло-желтый. Дементьев - темно-красный. Сережа – зеленый, иногда темно-серые пятна, Миша <Андреевский> светло-зеленый, как я.

Суббота 1 апреля

Страстная суббота! Какое настроение! Вчера был утром у Ос'а. Опять мы воскресли! Весна! На солнце тепло, все так и тает, показалась травка, а в небе виден снежно-белый одинокий лебедь. Какая картина, какое незабываемое настроение! Страстная седмица²²⁾ в этом году имеет другую окраску.

Заутреню я хочу отстоять в Иоанновском монастыре, где слушал 12 евангелий. Там так хорошо и такое настроение... Византийский стиль храма, три священника, совсем седых, хор, поющий на хорах и важные, строгие монахини, так дополняющие картину! А как красив выход народа из церкви со святым огнем. Но все покрывает ВЕСНА!!!

Понедельник 3 апреля

<...>. Вчера мы с папой пошли к Павлу Степановичу пешком. Вышли в 12 ¼ ч., а пришли в 2. Обрато пошел к бабушке по Крюкову каналу мимо Литовского замка²³⁾. Неприятная картина! У входа висят, выставленные для обозрения публики, ножные кандалы! Ни крыши, ни полов, ни потолков нет. Все выгорело.

<...>. Сегодня «Весенний вылет» молодых птенцов. Пошли мы вчетвером (Андр.- 2, Ос и я). Слышали и видели овсянок, жаворонка и все. Папа слышал сегодня зяблика. <...>. В некоторых местах снег был выше колена! Под ним вода.

<...>.

Воскресенье 9 апреля

<...> Мама все готовится к 16-му. Не шутка! Исполнится мне целых полтора десятка лет! Я был «юношей», а теперь «юноша»... <...> На дачу мы поедем в Могилевскую губ. Это решено. Интересный будет у меня дневник! Вчера был в Зоологическом саду.

Понедельник 10 апреля

У меня во всем реакция. Наделал несколько глупостей и теперь расплачиваюсь. <...>. Я получил урок – хлесткий удар по самолюбию; правило: не будь тщеславен и тщательно следи за поступками.

Среда 12 апреля

Новое правило, нарушение которого в прошлом доставило мне лишь теперь новую неприятность: никогда не изменяй своей светло-зелености. Хотя бы это даже нарушало немного общий тон. Настроение скверное. Надо взять себя в руки.

Четверг 13 апреля

<...>. Сегодня утром хотел попасть в мастерские на оборону и не попал. Вечером был у скаутов. Атмосфера хорошая, веселая, смешливая, но несерьезная.

Пятница 14 апреля

<...>. Правило: беспрекословно исполняй приказания начальников. <...>. Вообще неурядица со скаутами, с летом и пр. Правило: не позволяй себе распускаться.

Понедельник 17 апреля

В субботу был у желтых²⁴). Там гораздо лучше, чем во 2-ом отряде. Правило: будь умерен во всем. Неумеренность ведет к ослеплению, ослепление – к реакции.

Воскресенье 23 апреля

Сегодня скаутский парад <...>. Сначала прошли церемониальным маршем (наш патруль в это время расставлял палатки), затем стали показывать скаутское дело.

<Рисунок см. Приложение I-2>.

Вторник 25 апреля

<...>. Опишу парад. Во время церемониального марша я сидел в палатке. После речи Бострема²⁵), товарища Министра торговли и промышленности Степанова все поле зашевелилось, как муравейник. Тут санитарная палатка с врачом нашего 12-го отряда, тут наша палатка, рядом я с Чаманским варим чай, поджариваем картошку в масле, хлеб, печем картошку. Дальше разложили костер герл-скауты. Синие <см. прим.24> повара на импровизированной плите жарят сосиски, варят кашу, компот; вдруг тревога –

подожгли соломенную хижину. Мчится пожарная команда с насосами и огнетушителями. Пожар потух, пожарные обливают друг друга. Парад кончился. Я иду домой. <...>.

Понедельник 1 мая

<...>. Умер дядя Сережа²⁶⁾. Ушел Гучков²⁷⁾. <...>.
Насчет лета совершеннейший вопрос. Веду атаку.

Четверг 11 мая

<...>. Сегодня известие – едем <скауты> на 5 дней в Дюны, а затем в Кременчугский уезд Полтавской губ. Мама умыла руки, папа молчит. Вот будет интересный дневник! Потом – в Могилевскую <губ.> один!
<...>. Я урядник <скаутского> патруля Сокол и довольно ревностно исполняю свое назначение. 6-го и 7-го мая я был на двухдневной прогулке в Ковалево. Спали мы в шалаше. Холод утром был адский, но я все-таки не простудился и таким образом победил мамины воззрения.

Понедельник 22 мая

В лагерь я еду твердо и определенно 24-го в 15 часов. Еду я на месяц и багажу беру с собой очень мало. Потом в Сигеевку²⁸⁾ - один. Маршрут до Гомеля или на пароходе (с пересадкой в Киеве) или по ж<елезной> д<ороге> через Ромны и Бахмач, и потом до Унечи, <оттуда> до Суража на лошадях и до Сигеевки через Душатин пешком. Унеча – Сураж 28 верст, Сураж – Душатин 10 верст и Душатин – Сигеевка 7 верст.
Борьба за лагерь мне многого стоила. Вообще лагерь не представляется мне чем-то радужным, но я думаю, что во всяком случае, он принесет мне много пользы.
<...>.

В вагоне.

26 мая

Только что проехали Орел, где была слабая атака со стороны солдат. В Москве мы пробыли 9 часов и мельком осмотрели ее. <...>. Мы пошли с Курского вокзала к Попову, инструктору и начальнику московских скаутов. Шли мы к нему пешком и сделали небольшой крюк, чтобы пройти мимо Кремля. Кремль, если смотреть от Москвы-реки, очень красив. <...>.

Онуфриевка.

4 июня

Вчера окончательно переехали в палатки. Наш лагерь имеет такой вид (схема).

Страшно жарко. Вдали гремит гром.

< Зарисовки в лагере скаутов, в железнодорожном вагоне: см. *Приложение*

I-3>.

Сигеевка.

Воскресенье 9 июля

<...>. Целый месяц не писал. Прежде, чем описывать сигеевские впечатления, надо покончить с Онуфриевкой.

Ехали мы под конец страшно медленно, с товарными поездами. Но я все время не терял ясность духа. Наконец, мы вылезли на станции, где кончался наш путь по железным дорогам. Это был Павлыш, вторая крупная станция за Кременчугом. Часа 3 ждали подвод. <...>. Погрузили вещи и пошли в полном строю со знаменем. Шли мы верст 8. Наконец показалась Онуфриевка и тамошняя школа. <...>.

Некоторое время было все спокойно. Но вот не пришли деньги из Петрограда в срок, и мы стали голодать. Были конфискованы частные деньги и частная мука. Иногда за эти дни мы получали только только полтора больших блина. Кое-как перебились до спектакля. Спектакль удался великолепно и спас положение. Выручка была порядочная.

Теперь о своих собственных впечатлениях. Нарисую несколько картин.

Жаркое утро. Обработанная степь. Ни кустика, ни деревца, только вдали искусственный лесок. Ноет полусогнутая спина... Работаю на баштане (сапаю).

Жаркий день. Теплая-претеплая вода. Я с наслаждением погружаюсь в нее и плаваю с уверенностью, что нигде глубина не превысит моего роста.

Надвигается гроза. Я сижу, развалиясь на сене, в телеге. Кругом бесконечная степь, покрытая рожью и пшеницей. Это меня подвозят в Каменец-Потоцкое.

Я с Купфером сижу на плоскодонке и гребу шестом. Мы среди кустов на болоте. Тепло. В воде огромные головастики. Кругом летает небольшая цапля.

Станция Павлыш. Скука. Жду поезда с 8-ми до 2 ½ . Еду за покупками в Кременчуг. Сажусь в пробный поезд. Еду до Крюкова, пешедралом по Крюкову до Кременчуга. Мост через Днепр. Днепр широк, но везде просвечивают мели, и острова заграждают вид. В еврейской лавчонке съедаю фунт хлеба и пару огурцов. Вот Екатерининская улица – ныне «Проспект Революции». Деревья, невысокие каменные дома, магазины. <...>. Иду, нагруженный покупками, обратно. 3 часа ожидания. Пью стакан чаю. Поезд опаздывает. Теряю ясность духа. Голоден. Теряю билет и нахожу его. Подходит поезд. Теснота, стою в проходе. Одинадцать часов. Приезжаю в Павлыш. С двумя солдатами иду в Онуфриевку. Все снимаем сапоги. Холодная пыль. Темная ночь. Идем молча. Сапоги мешают. На ногах пузыри и натертости. Подхожу. Школа освещена. Одеваю сапоги. В зале атмосфера

только что бывшего вечера – духота, усталые лица. Встречают удивлением и ужасом. 2 часа ночи. Сдаю отчет. Сплю между Кортиковым и Баумом.

Пропущенная картина.

Вечер. Солнце еще не зашло. Дорога между Онуфриевкой и Каменкой. Ход на скорость. Идут рядом: Перцов и Сабинин, задающие тон гонке, Тумим, молящий о пощаде, Сидоров и я. В ушах бурлит кровь, голова горяча. Я делаю 23-ю версту. Рекорд – 12 верст за 1 ч. 35 мин. (после 13 верст прогулки).

Переезд.

Подвода. Садимся трое: Чаманский, Прелесть и я. Медленно катим. Станция. Неудобный тюк. Площадка между вагонами в поезде. Кременчуг. Толкотня. Беру билет и сажусь в поезд. Отдельное спальное место у окна. Я спокоен. Все вещи при мне, суслик тоже. Солдаты, солдаты и солдаты. Ночью дремлю. Ромны. Проверка документов. Бахмач. Стоим 6 часов. Станции до Гомеля, толпы разряженных девушек. Гомель. Мокрый большой открытый вокзал. Поезд в Брянск опоздал на 2 часа. Беспрепятственно беру билет уже до Унечи. Спокойно сажусь в поезд. Скука. Ночь. Снаружи лес. Унеча. Вылезаю. Большая деревянная станция. Сильный понос. Общее болезненное состояние. Сплю во втором классе на полу. Поздно утром встаю. Еврей-извозчик. «До Суража 3 пятерки». Мой ужас – у меня 16 рублей... Соглашаюсь. Компания. Ожидание у евреев. Еврейская молитва. Отъезд. Чисто русский лес по дороге. Веселый возница Шлема. Деревни – Красковичи, Кошовка. Сураж, Ипуть. Красивый дубовый лес на берегу Ипути. Уездный городишко. Козакевич²⁹⁾. Поиски подводы в Душатин. Еле-еле нахожу солдата за рубль. Еду. В кармане ни копейки. Из Душатина наваливаю багаж на спину и иду. 8 верст. В животе пусто. С утра один стакан пустого чаю. Уже вечерет. Мрачный Михайловский хутор. Михайловка. <...> Конец всех мучений – видна Сигеевка.

Суббота 22 июля

Уехал я из Павлыша вечером 1 июля и вечером 3 июля был в Сигеевке. Только теперь ко мне возвратилась ясность духа, потерянная 28 июня. Я был как сонный. Но вот начал поправляться.

Понедельник 24 июля

Подошла косьба. Я начал учиться косить. Целые дни проходили в косьбе. Обедал в поле. Наконец выучился очень прилично косить. Тут косьба кончилась.

<...>. Надо описать Сигеевку и общее положение дел. Начинаю.

Сигеевка принадлежит к Мошевской волости Климовичского уезда Могилевской губернии. Соседние деревни Могилевской губернии: Коростовка, Гавриленка (церковь), Бороньки ; Черниговской губернии: Михайловка, Сенча, Гудовка.

Система возделывания земли – трехпольная. Около 30 дворов и церковная школа.

Население – белорусы с весьма своеобразным языком.

Сеют рожь, немного пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, лен, картофель, коноплю. Вся деревня в садах. Несколько пасек. <Приведены кроки сигеевских полей>.

В лесу растут: сосна, ель, дуб, липа, ясень, клен, ильм, ольха, осина, орешина, береза, черемуха, рябина, калина, вяз.

Животные: волк (не ближе Мизерич), редко – лиса; хорь, ласка, еж, крот, землеройка, крыса домовая, полевая и лесная мыши, полевка, летучая мышь. Птицы (которых я видел): канюк, пустельга, аист, ворон, сивоворонка, ворона, тетерев (папа видел), перепел, реполов, ласточка (обе), трясогузка, жаворонок, кукушка, овсянка, сова, синицы... кажется, все.

Жабы, лягушки (обе), жерлянка, гадюка, ящерица, уж, веретеница.

Далее о людях: переберу родственников. <Перечислены родственники>. <Рисунки хозяйственных построек (гумно³⁰, мельница), домашней птицы, план расположения окрестных деревень: см. Приложение I-4>.

Я писал, писал, а о главном и не написал. У нас здесь около 12-ти дес<ятин> земли, и мы заводим хозяйство. Заказан плуг, куплена жеребка, коса (для меня), поросенок и пр.

Кстати, во избежание недоразумений, словарь здешних выражений. Сначала относительно хлеба:

скородить - боронить

лапик - кусок пахоты

бугонь - недопаханный кусок

лог - низкое или кочковатое неспаханное место среди пашни

обабок - 20 снопов

копа – 120 снопов

можары – особая телега для перевозки сена и хлеба

подосеть – под овинном

Сенокос:

трепешка – дощечка, которой подтачивают косу

клепать – плющить «жало» косы

пуня – сарай

пуга – кнут

пуговище – рукоятка кнута.

Воскресенье 20 августа

Куплена кобыла у Еремея за 150 р. Уезжаем 24-го

Понедельник 21 августа

В четверг уезжаем. Настроение весьма кисло. <...>

<Рисунки – наброски портретов, сигеевские хаты – см. Приложение I-5, I-6>.

Петроград. *2 сентября*

Вот я и закончил свое «турне» по России. Грандиозный итог лету! Общее впечатление жизни <в Сигеевке> - довольно серое, однообразное, но сытое. Огромное количество фруктов.

6 сентября

<...>. Новое знакомство – естествовед Георгий Сергеевич Шапошников.

12 сентября

<...>. За лето масса опыта и самостоятельности. <...>.

На танцы и т.п. плюнул. Мама все еще не знает.

Вторник 19 сентября

<...>. Относительно скаутов. Мы с Осом, с согласия Чаманского, предполагаем следующие реформы: очистить авгиевы конюшни, принимать по рекомендации.

<...>. Всеведущий Эрлих под строжайшим секретом сообщил, что я буду единственным инструктором по естествоведению. Фасон! Надо будет получить программу, а если ее нет – выработать, и составить кадр скаутов естественников.

<...>.

Понедельник 25 сентября

<...>. Сегодня после трех уроков трио (Чам, Ос, Сим) отправились к директору. Покорчившись от хохота и страха в коридоре, мы с торжеством позвонили. Выползла приветливо директорша, затем директор, который пригласил нас в приемную и изрек, что в принципе он ничего не имеет против занятий нашего отделения <скаутов>, т.е. Чаманского, Стасова, Оса и меня, но, разумеется, прежде всего нам необходим порядок и прочее.

Среда 27 сентября

Дела подвигаются. Завтра хочу спросить Чама о наборе патруля низкого роста

из 4-го и 5-го класса. Хочу попробовать, что выйдет с маленькими. У меня патруль Лось, у Оса Сокол, у Стасова, должно быть, Оцелог. <...>.

Пятница 29 сентября

Ну, завтра первый сбор нового отделения. Народу будет еще очень мало. Завтра надо подать инспектории и директории список и объяснение, сговориться со швейцаром, затем вербовать, вербовать и вербовать, но с разбором, ибо без разбора можно заполучить массу неприятностей и уронить престиж. Настроение хорошее, но с тревогой.

Воскресенье 1 октября

Вчера у меня было чудное настроение. Открылось скаутское отделение при 3-ей гимназии.

Настроение архипревосходное. Только бы не выгнали из Петрограда немцы, которые взяли острова Лаго и Эзель. <...>.

Понедельник 2 октября

<...>. Леша ведет пропаганду, и, кажется собираются <вступить в скауты> Вейнер мл., Найдельштадт, Сиверс и еще некоторые. <...>.

Среда 4 октября

<...>. Сижу за моим столом, на нем моя лампа, банка с карасями, английский самоучитель (сегодня я сделал большие успехи) и блаженствую. В отряд «поперли». Скоро, пожалуй, придется объявить, что «местов нет». <...>.

Пятница 6 октября

Время! Да остановись же, черт возьми... Так оно летит, что и оглянуться не успеваешь. <...>. Первые занятия <отряда скаутов 3-ей гимназии> сошли великолепно. <...>.

Среда 11 октября

<...>. Бог знает, что случится в ближайшие дни. Может, станут железные дороги, может, немцы придут чересчур быстро, а может и правда, семьям служащих дадут поезда.

Среда 18 октября

Всюду толки об ожидающемся 20-го выступлении большевиков. Хочу поступить куда-нибудь на службу. Времени хватит, а деньги нужны. <...>.

Воскресенье 22 октября

<...>. Большевистского выступления не было. <...>. О нашествии немцев на Петроград что-то не слышно, цеппелины не летают. Перестал интересоваться политикой и событиями.

Среда 25 октября.

Положение бамбуковое!... Утром поехал в гимназию – нас отпустили. Скучал дома и вдруг теперь вечером тррр-тр-тррр... Пулемет. Вспышка... Бумм... Орудие... Бум... Залп! Драка идет невероятная. Говорят, Временное правительство разбежалось, большевики захватили власть, пришли суда из Кронштадта. Вечерние газеты не вышли. Сейчас наверху, в 34-ом номере обсуждался вопрос о защите дома.

Воскресенье 29 октября

Событий много. Временное правительство, кроме удравшего Керенского, было арестовано. Зимний дворец обстреливался из крепости, с военных судов и из Александровского парка. Наконец, он был взят. <...>. Министром-председателем был назначен Ленин, министром просвещения Луначарский. Министерства забастовали. Затем получились сведения, что Керенский идет с войсками. <...>. Вчера, сегодня все выстрелы, сегодня обстреливали юнкеров. <...>. Два раза уже приходилось дежурить в доме с оружием в руках.

Среда 1 ноября

<...>. Кабанство, сегодня не достали хлеба. <...>.

Понедельник 6 ноября

<...> голод надвигается. Что-то говорят об обысках. С завтрашнего дня - $\frac{3}{4}$ фунта хлеба на два дня. <...>.

Четверг 9 ноября

<...>. Мы проживаем мамины сбережения; папа жалованья, вследствие забастовки, не получил. Одна надежда: через месяц, может быть, соберется Учредительное собрание, если оно не будет сорвано. Если большевики выиграют – дело ни к чёрту не годится, если нет – еще ничего.

Сегодня было решено воспретить до поры до времени ношение скаутской формы.

<...>. Господи, когда это все кончится? Дай мне силы противостоять всему. Я все знаю и предвижу. Хоть бы удрать куда-нибудь, поступить в последние работники, побыть спокойно. И удрал бы, если в случае папиного ареста я не был бы связан семьей. О, если бы я мог удрать! Подальше от медленно, но неуклонно надвигающегося ужаса! А сейчас надо садиться за латынь, и в

общем чёрт знает что.

Среда 22 ноября

<...>. Старый «Русский скаут» распался. Вчера были созваны родители, которых собралось порядочно. Начальником дружины и председателем нового «Русского скаута» избран по-прежнему И.Ф.Бострем. В Комитет вошли многие родители, в том числе мама и Чаманский. <...>.

Вторник 28 ноября

Сегодня занятий нет. Я позанимался естеством, пошел на лыжах на Елагин остров. Слышал будто снегирей, синиц, видел расклеванную рябину. Решил нажимать относительно Сигеевки. Пан или пропал; всего 30 рублей, если не повысили тариф. А сколько выгоды и приятности. Ведь привезти могу пуда полтора-два всякой снеди. <...>.

Пятница 15 декабря

Настроений не одно, а целых два. Общая подавленность, мрачность, призрак голода и пр. И наряду с этим Васильев³¹⁾ проектирует меня в президиум совета патрульных дружины. <...>.

Воскресенье 17 декабря

Вчера была интересная история. После занятий <...> мы отправились к Бострему. Еще на дворе встретились с Васильевым. Огромная квартира. В передней куча скаутов. Бострем со всеми здороваётся и ведет в гостиную. Будет собрание патрульных и урядников. Бострем говорит маленькую речь о задачах собрания. <...>. Происходят выборы. <...>. Я прохожу в президиум первым. Собрание закрывается. Президиум остается и выбирает из своей среды председателя (я), секретаря (Стасов) и казначея (Брудерер). Приняли устав, составленный Евграфовым, с небольшими добавками. <...>. Надо будет солидно работать. Ладно, попробую.

Понедельник 18 декабря

Педагоги забастовали на 2 дня. Ничего. Занимаюсь английским. <...>. С Васильевым самые дружеские отношения. Купил сегодня «Товарищ натуралист» за 1917г. С Г.С Шапошниковым³²⁾ дела идут. Оригинальная картина бывает, когда я сижу у него. Всегда после 8 час. вечера – чай. Мы сидим и грызем воблу, едим мед, колбасу, рассматриваем книги, ведем разговоры. <...>.

1918 год*2 января*

<...>. Вечером елка у скаутов в нашем штабе. Распоряжался Вася <см. прим.31>. Был бесплатный буфет, беспроигрышная лотерея, чудная елка, волшебный фонарь, игры, оркестр и стихи. Повеселились всласть. Были все птенчики.

Теперь несколько слов о практических занятиях. 28-го вечером я пошел к Г.С. Шапошникову и мы вместе отправились на Съезжинскую 30, кв.10 к Ивану Матвеевичу Лунцу на практические работы по естественной части. Устроили все великолепно. 30-го я был там же, 31-го – тоже. <...>. В конце декабря у нас в квартире было 6–7 градусов тепла.

4 января

Утром был на практических занятиях. После обеда <...> пришлось стоять в очереди за керосином. Простоял 4 часа и ни черта не получил. Досада!

Посмотрим, что дал 1917 год. В самом начале громадный подъем и сквернейшая реакция. Далее, наступает весна. Я становлюсь скаутом. Штаб на Лиговке. Двухдневные прогулки. Крутой поворот – отъезд в лагерь. Лагерь мне дал очень много. Я стал куда самостоятельнее; сколько чудных минут я пережил в нем! Купанье, прогулки в парке, путешествие в Каменку, душевные разговоры во время ночных дежурств, чудные ночи, лазанье по оврагам, Днепр. Скверного там было всего только голодовка.

Далее, переезд <в Сигеевку>. О, он тоже дал много опыта. Одному совершенно сделать такой путь, приблизительно знакомый только по карте! Затем Сигеевка: косьба, простая пища, спанье на сеновале, мечты о собственном хозяйстве, путешествие к тете Саше, пахота. Переезд в Петроград, давший знакомство с Г.С.Шапошниковым. Открытие отделения скаутов при 3-ей гимназии. Вечера у Георгия Сергеевича. Редко у Андров. Внешняя атмосфера все сгущается. Начинаем помаленьку недоедать. Мой престиж у скаутов поднимается. Совет патрульных. Я прохожу в председатели. Масса дела. Практические занятия <по естествознанию>. Скаутская елка.

Пятница 5 января

<...>. Сегодня должно открыться Учредительное собрание. Манifestаций масса. Бойня уж была (фрейлен ее видела). Чем кончится? Не знаю.

Суббота 6 января

Завтра ровно 6 лет, как я в первый раз вошел в гимназию. Но какое же теперь

ученье? Учредительное собрание открылось. Жертв было весьма много, и много было возмутительнейших сцен. Главная арена действий была на Литейном, Кирочной, Фурштадской и Пантелеймоновской.

Фрейлен сегодня посоветовала мне хорошую штуку: поискать места где-нибудь в управе. Надо выяснить свое время.

Воскресенье 7 января

<...>. Хочу сберечь в этом месяце $\frac{3}{4}$ фунта сахара. Из своей порции хлеба сушу сухари. Впоследствии несомненно пригодится.

Понедельник 8 января

<...>. Только что от Васильева. Вася устраивает одиночный патруль «Бобр» из 8 скаутов. Пока это – тайна. Условия вступления: высокий рост и «в огонь и в воду по первому слову» беспрекословно и без задержки со стороны родителей. Работа (настоящая), заработок и прочее. Сегодня буду говорить с мамой. <...>.

Мама согласилась...

Четверг 11 января

В гимназию не пошел (с разрешения), а стоял за керосином. Достал 5 фунтов. <...>. Похороны убиенных зверски Шингарева и Кокошкина³³. <...>.

Четверг 18 января

<...>. Папина забастовка кончилась. <...>. Газеты полны предупреждений о голоде и голодных бунтах. <...>.

Воскресенье 21 января

<...>. За последнее время симптомы недоедания, знакомые по лагерю, чувствуются. Я сильно похудел, сравнительно слаб, сонлив. <...>

Пятница 26 января

<...>. Вышел декрет о введении с 1-го февраля нового стиля, т.е. 1-е будет считаться уже 14-м. <...>.

Понедельник 29 января

<...>. Днем должна была быть лекция Прохорова о чем-то русском в нашей гимназии – приехали – отменена, и вместо нее какой-то священник (Введенский) говорил о счастье, о вере. Я нисколько не пожалел, что был на этой лекции, потому что она дала многое. <...>.

Пятница 2 (15) февраля

<...>. Теперь мы будем получать 1/8 фунта хлеба на день. Дело дрянь! <...>. Сегодня собрался в первый раз Бобр. Вася сказал маленькое «слово». Говорили о квартире. Мама предлагает комнату. <...>. У Оса дела плохи. Их, должно быть, выселят. Сегодня, несмотря на холод, у меня весеннее настроение. Еще бы! Солнце нагрело столовую градусу на 4° (с 8° до 12°).

Среда 7 февраля

В гимназии сегодня было страшно весело. Приходим – в классе 5 1/2 градусов. Мы подняли бунт и до большой перемены не занимались. Потом сидели в пальто.

<...>. Снаружи атмосфера сгущается. Насчет лета вопрос совершеннейший. Я спокоен, ибо везде найду то, что для меня нужно. <...>.

Вторник 13 февраля

Заключен наисквернейший мир, но немцы, как будто, двигаются. Сегодня в Красной Газете был напечатан за подписью Луначарского декрет о немедленном роспуске средних и высших учебных заведений. У нас пока не слышно.

Вчера был сбор Бобра. Позанимались.

Суббота 17 февраля

Положение бамбуковое. Немцы показались у Унечи, заняли Жлобин, под Лугой, двигаются на Бологое. Мира нет. Петроград будут осаждать. Просвета никакого.

Бобр работает. Надвигается весна, но настроение ни к чёрту не годится. Деятельности нет. Гимназия – спустя рукава.

Воскресенье 25 февраля

Только что пришел от Георгия Сергеевича. Он определенно бежит пешком около 16-го марта нов<ого> ст<илия>. Приглашает меня. Относительно папиной эвакуации – он-то едет почти наверняка, но упорно не хочет брать меня.

Инспектор предложил урок. Я уж сговорился. За 60 руб. – полтора часа ежедневно по всем предметам с учеником 3-го класса. Кстати, он порядочное дерево. <...>.

Четверг 1 марта

Программа Бобра: <приведена (сокращенно) программа из 14 пунктов, в том числе:>

- I. Занятия – собрания. Клуб, библиотечка, устройство моделей, игры и

- мелкие занятия.
- II. Строй и гимнастика. Военный строй русской армии. Строй скаутов. Ружейные приемы, упражнения, гимнастика на снарядах, сокольская гимнастика.
 - III. Легкая атлетика, бокс, борьба, лыжи, коньки, велосипед, верховая езда.
 - IV. Жизнь на открытом воздухе. Походы. Умение ориентироваться. Устройство мостов, переправ, шалашей, хижин. Разбивка лагеря и выбор места для него.
 - V. Занятия по специальностям (сигнализация по Морзе, телеграфный аппарат, полевой телефон, санитарное дело, мастер на все руки, топография, огнестрельное оружие, столярное дело, работа по металлу, электротехника, автомобильное дело).
 - VI. Знакомство с морем и морским транспортом (гребля, управление моторной лодкой, постройка лодки, оснащение яхты, знакомство с типами судов).
 - VII. Пожарное дело (на практике).
 - VIII. Знакомство с природой. Занятие естествоведением, гербарий, зоологические коллекции, знакомство с жизнью животных на воле, приручение и уход за ними; насекомые; микроорганизмы.
 - IX. Сельскохозяйственные работы. Устройство сада и огорода. Подготовка почвы. Сорты плодовых деревьев и овощей. Посадка, посев и сбор плодов. Посев и уборка хлебов. Полевые работы.
 - X. Родиноведение. Посещение музеев, выставок, заводов и т.п. Специальность проводника. Экскурсии по России.
 - XI. Посещение курсов и лекций: по физике, зоологии, естествознанию, сельскому хозяйству и т.п.
 - XII. Работы для добычи средств патруля: работа на заводе, в общественных учреждениях и мелкие работы.
 - XIII. Общественные работы: бесплатная работа в городских санитарных учреждениях, военных и иных министерствах.
 - XIV. Всевозможные групповые игры для развития находчивости, инициативы, ловкости, выдержки и др. качеств скаута. Игры скаутов в походе.

<Печать>: «Начальник Петроградской друж. Скаутов»

<Подпись>: /С.Васильев/.

Эмблема Бобра.

<См. Приложение I-8>.

Вторник 4 марта

<...>. У меня есть такое намерение: хватать практические знания по ремеслам и вообще, где только возможно. <...>.

Четверг 8 марта

Сегодня уехал папа. Попрощались мы хорошо. Теперь я узнаю в гимназии и вообще везде все слухи: об отъезде из Петрограда, о движении немцев и пр.

Вторник 13 марта

<...>. Сегодня мама продала столовую, зеркальный шкаф, письменный стол и 2 кровати. <...>.

Среда 14/27 марта

Надо перейти на новый стиль, ибо впоследствии это будет труднее. <...>.

Суббота 13 апреля

Все понемногу ликвидируем и укладываемся. Насчет пищи хуже, ибо ничего нельзя достать. <...>.

Вторник 16 апреля

<...>. Ровно 1-го апреля по старому стилю тронулась Нева. Теперь она чиста: плывут лишь небольшие льдины. <...>. Читаю газету – взяты Клиницы, поляки шалят в районе Рославля. <...>. Может быть, я доживаю последние дни в Петрограде.

Вторник 23 апреля

В субботу совершенно неожиданно приехал папа. Следствие – направление на Нижний <Новгород>. Продаем решительно все. <...>. По рецепту получил сегодня 3 фунта рису.

В воскресенье был на прогулке в последний, вероятно, раз. У вокзала Приморского почти вся свободная скаутская наличность Петрограда <...>. К удивлению, было всего 2 скаутмастера (Вася и Жирмунский). Я был около одного костра с Кирилкой, Клейстом и Алей. Было всего 60 человек и весьма дико. <...>.

Четверг 25 апреля

Едем завтра, часов в пять. Вчера нас фасонно обокрали (почти на три тысячи).

Вчера ликвидировал урок – передал его Осу. Итого у меня в кармане сотня - результат полуторамесячного труда.

Суббота 27 апреля

Сижу в поезде где-то между Петроградом и Москвой. Вчерашний день был кошмарным. Сегодняшний и завтрашний будут тоже. Нас таскали по всему Николаевскому вокзалу. Сейчас я, хотя и отрезан от мамы, но устроился сносно. Из провианта – котелок рису. Пить охота адски, но вылезти почти абсолютно невозможно. В Москве придется ехать через весь город на другой вокзал.

Москва.

Воскресенье 28 апреля

Пишу уже сидя на Курском вокзале Москвы. Вчера время провел (до вечера) весьма сносно, ибо в купе 3-го класса, где я сидел, было весьма весело, окно было совершенно выбито, лежали на полках по очереди и пили чай. Я иногда отправлялся за провиантом к маме, которая тоже сносно устроилась. В купе уместилось 11 человек.

Вечером начался кошмар. Я перебрался к маме, сидеть было негде, слухи и предположения, одно неприятнее другого, так и сыпались. Вышли в Москве на пустую платформу ночью. Нас встретил папа. Комиссар и он носились, прося оставить нас ночевать в вагоне, но это не удалось. Перебрались под навес, я подложил под голову мешок и лег прямо на каменную платформу. Спал весьма сносно. Утром встали в 5 часов. Около 9-ти часов перевезли вещи на подводах на Курский вокзал. Мама, Леша и Аля отправились к тете Оле. Я пойду во вторую очередь. Поезд идет в 7 час. вечера.

Завтра утром – в Нижнем <Новгороде>. Там еще немного мытарств и – мы живем.

Нижний Новгород.

Вторник 30 апреля

Вот и устроились. Весьма сносно и весело. Три семьи (Рейнбот, Липкины и мы) занимаем угловую комнату (полукруглую) с чудным видом на Волгу. В нашей комнате коммуна форменная.

Воскресенье 5 мая

Сегодня Пасха. Как странно встречаем ее мы в этом году! <...>. Одолевает тоска по Ваське и К⁰. Попробовал заболеть (не по своей воле). Вообще самочувствие неважное. Ну, перемелется, мука будет.

Воскресенье 12 мая

<...>. Сегодня я пошел один на прогулку. Сделал в общем верст 15. Видел на кормежке стайку чибисов. Устал зело.

Воскресенье 19 мая

Кажется, мама нашла комнату. Багаж пришел, но, конечно, еще не разгружался. <...>. Хлеба дают ½ фунта, а с завтрашнего ¼ фунта. <...>.

Сплю я все время на моей шинели и покрываюсь пелериной.

Одно время увлекался пристанями, толкался на них целыми часами. Узнавал цены, рассматривал пароходы, слушал, любовался с кремлевских стен закатом. Цены на продукты страшно поднялись. Картофель вздорожал вдвое.

Вторник 21 мая

<...>. Если едем в Сигеевку, то мы берем только самое необходимое, а остальное остается здесь.

Пятница 24 мая

Почти все собрано. Завтра берем билет, послезавтра уезжаем.

В «Огоньке» фотографии парада <скаутов>. Я чуть с ума не сошел и послал Ваське с оказией письмо, полное излияний. Как хочется их всех видеть!

Теперь вообще время великих передвижений.

Берем в Сигеевку не больше 5 пудов, и все в вагон. Говорят, что поезда переполнены.

Суббота 25 мая

<...>. Вспоминали скаутских знакомцев. Как жаль покинуть Петроградскую Дружину! Сколько хороших, веселых, славных лиц! Сколько приятных воспоминаний!

Сигеевка.

Вторник 4 июня

Лежу в постели и пишу. Вот мы и добрались до Сигеевки. Выехали в воскресенье. <...>. Распределили багаж и пошли. Вошли в вокзал, где сразу заняли очередь на перрон. Носильщики, разумеется, недоступны. Мы сдали 3 корзины в багаж и влезли в полный вагон, несмотря на то, что выскочили на перрон почти первыми.

Утром приезжаем в Москву. Нас встречает папа, везет вещи на извозчике на Брянский вокзал, где сдает их на хранение. А мы тем временем поехали в трамвае к папе в комнату на Арбат. Пришли Миллера. Папа вскоре пошел на службу, а мы поехали к тете Оле.

Понедельник 10 июня

Продолжаю. Возвратился со службы папа и угостил нас солидным обедом. Потом собрались и поехали на Брянский вокзал. Получаем приятную весть, что 2-го класса нет, а есть 3-й и товарные вагоны. Мы и устроились в одном из них. Это был кошмар.

Сначала было ничего, а потом набилось невероятное количество народа. Несмотря на холодную ночь, ехали на крышах, клали шпалы на буфера и стояли на них. На каждой станции в наш вагон ухитрялись впихиваться 2–3 человека, несмотря на ругань, даже драку. На станции «Тихонова пустынь» (ветка на Калугу) милиция даже стреляла холостыми или в воздух по «крышатникам».

В Брянске была сцена: как только открыли дверь, чтобы вылезти, как навстречу кинулась толпа влезających. Я успел выскочить, мама чуть не плачет, Леша кричит. Наконец, вещи кое-как переправили. Один добрый человек помог нам в этом и даже не хотел брать за услугу. Подбежал носильщик и стащил наши вещи в проход между двумя платформами. Погода была ужасная: снег, ветер, сырость невероятная. Сквозняк в проходе был невероятный; особенно долго стоять не пришлось (стояли три часа). Носильщик достал билет до Унечи. Подошел поезд, и мы опять сели в товарный, только было посвободней, да зато и холодней гораздо. Кое-как поспали и в 3 часа утра приехали в Унечу. В станции поместиться было решительно негде, и мы dokonчили ночь под снегом.

Утром подали поезд в Сураж. Мы опять разместились в товарном вагоне. До самого Суража поезда не доезжали, а доезжали только до р. Ипути, а там еще версты 4 до города.

Я забыл сказать о причинах переполнения поездов с Москвы на Брянск. Это едут за хлебом в Льгов и другие места. Хлеб сравнительно дорог, но это не останавливает голодных.

Теперь дальше. Поймали мы подводку с возницей лет 14, и за 7 рублей свезли к Козакевичу <см. прим. 29> вещи, Лешу и Алю, а мы втроем шли пешком. Тетя Лена начала расплываться. У Козакевича напильсь кофе с очень белым ситным. Стоил он 2 руб. фунт. Тем временем тетя Лена нашла 3 гавриленские подводы, которые за 50 руб. согласились везти нас и наш багаж до Сигеевки. Везли отлично.

У Козакевича меня вдруг забила сильная лихорадка, и я вот уже две недели почти непрерывно лежу. Был в Душатине у фельдшера, в общем ничего особенного, но лежать пока нужно. О состоянии хозяйства – завтра.

5 июля (старого стиля)

<...>. Провалился я почти четыре недели. <...>. Хочу завести переписку с Мишкой (на Задонск, если он там), с Ванькой Ростовцевым (на Тамбов, если он там), с Васькой и Сергеем. Из Нижнего я им слал письма, одно даже с оказией. Письма идут адски долго.

У меня есть молодая сивоворонка. Не так давно я ее получил. <...>. Переставили и исправили половину старой хаты для нас. Плотники стоили

420 руб. (их четверо) плюс прокорм. Хата готова, стекла вставлены, нет только петель в окнах и печи.

У нас есть, следовательно, хата, пара лошадей, телега, плуг, пара борон с железными «клецами», кабан, цыплята. Пока довольно.

Пятница 3 августа

<...>. Работать пришлось достаточно. Последнее время проводил все в поле. Косьба, уборка сена занимали почти все свободное время. Утром рано встанешь, завтрак из бульбы, на работу, обед в поле, поздно приезжаем, ужин, и день прошел. Даже два праздника отличались от будней разве спаньем до обеда.

Неизвестно, как дела с образованием.

Вторник 17 сентября (нового стиля)

Завязал правильную переписку с Сергеем. Он в Орловской губернии, Ливенского уезда село Вышне-Ольшаное. Весь полон воспоминаниями о Суйде, Тайцах, Сетон-Томпсоне, Лонге и прочем хорошем.

Далее о себе. Мы, а особенно мама, с самого начала лета все более и более убеждались в малой возможности вести хозяйство сообща <с родственниками>. К папиному приезду эта уверенность достигла апогея, а папа упорно отмалчивается. Ему, по-видимому, жаль розовых мечтаний о большом хозяйстве и сотрудничестве со сводными братьями.

В то воскресенье папа уедет в Москву (там Комиссия, где он служит) и мама с ним (за вещами).

Относительно образования предполагалось, что мы все будем в Сураже. Мы приняты.

Вторник 24 сентября

Позавчера уехала мама вместе с папой. Положение тяжелое. Таня³⁴, Аля и я слегка нездоровы. Кобыла сильно захромала. <...>.

С пятницы на субботу был с папой у тети Саши. Боже мой, как дивен лес осенью! На темно-зеленом фоне красные осины, желтые клены... Листья... дивный запах осени в хорошем лесу.

Четверг 3 октября

<...>. Мамы еще нет. Отношения мирные. Все мы нездоровы. Я тоже: побаливает грудь. Одолевает тоска. Думаю очень много.

...тоска по лесу, по северу, по Петрограду и пр.

Суббота 5 октября

Лежу, ибо нездоров. Вчера утром приехала мама. Комната в Сураже найдена, хозяйева благонадежны.

Вчера летели журавли... их было стаи три, штук по сотне в каждой. Направление юго-запад, почти запад. Последняя стая летела, освещенная золотым заходящим солнцем.

Воскресенье 6 октября

<...>. Я еще лежу. <...>. Ходят слухи о наборе <в армию> 16-ти, 17-ти и 18-летних. Ну, что ж, придется побыть солдатом.

Как наивно жили мы в Питере, именно наивно. Я рад, что пришлось столкнуться с жизнью, а вот маму и папу жаль.

Четверг 10 октября

<...>. Вчера ездили с мамой в Душатин. Фельдшера не застали. На обратном пути лошадь понесла. Это грозило серьезной катастрофой, но мама успела завернуть на поле и постепенно остановить. Все обошлось благополучно.

Маму выбрали в Михайловскую школу.

Суббота 26 октября

Были вчера в Сураже вдвоем с мамой. Заехали в земскую больницу, но там было очень много народу, и мы отправились к Смельницким. <...>.

Понедельник 28 октября

Недавно Леша и Аля уехали <учиться в Сураж>. Мама привезла мне из Суража 3 книжки психологических очерков проф. Сикорского. Они оказались весьма интересными и нужными в данный момент. Темы – гигиена труда, развитие воли, развитие вообще духовных способностей.

Мама сказала мне, что не надо никаких уроков и служб, а следует учиться, развивать свои наклонности и способности. <...>.

Вторник 29 октября

<...>. Мама привезла мне еще две книжки проф. Сикорского, мой старый дневник и чистовую тетрадь для естествоведения. Перечел старый дневник. Сколько приятных воспоминаний!

Воскресенье 10 ноября

Кончатся 4 дня праздников. Леша пришел в среду пешком и сегодня уехал. В Сураже проводят электричество. Занятия идут по Лешиним словам очень слабо. Пицца очень хорошая.

От папы письмо за письмом. Его Комиссия будет раскассирована³⁵⁾.

Я все еще болен. Позавчера был фельдшер и нашел мои легкие лишь немного улучшенными. Учение, следовательно, откладывается. Скучно.

В Сигеевке вчера померли двое: Захариха и Дуня Михалева от испанки³⁶⁾. Seriously больны Тит и Петрок Захаровы.

Я занимаюсь съемкой. Немного рисую. Выписки из Шопенгауэра³⁷⁾ идут туго. Философ он интересный. Очень и очень многое приложимо к жизни хоть сейчас. Он проповедует уединение, удаление от глупцов, т.е. человечества; так сказать служение себе.

Хочется поскорее в Сураж, начать работать.

Вторник 19 ноября

<...>. Я сижу в Сигеевке и медленно поправляюсь. <...>. Продолжаю изучать Шопенгауэра. Он неуязвим в логике.

Четверг 28 ноября

События – грандиозны. В Германии революция. Вильгельма нет. Австрия развалилась и заключила с союзниками позорный мир. Германия также. Союзники двигаются на Россию через Украину³⁸⁾. По слухам, они в Гомеле. Вообще мир трещит. <...>.

Поехали мы с мамой в субботу в Сураж на санях. Путешествие было с приключениями. Из Душатины выехали после захода солнца. Сбоку дул ветер. Темно, дороги не видно и скверная дорога. Плелись, плелись, доехали до Кошовки. Еле нашли объездную дорогу. Коней пришлось вести в поводу, а тут еще и оглобля оборвалась. Кое-как приладил. Доехали до земской больницы – совсем дрянь. Дотащились на одной оглобле.

Явились к Смельницким³⁹⁾. Леша и Аля устроились неважно. Беспорядок страшный. Уборной нет. Обедуют в каморке для прислуги (на голод не жалуются), спят по-походному. Ученье никуда не годится. Леша уже получил урок немецкого языка и принимает участие в общественной жизни.

Пятница 29 ноября

Получили кучу писем от папы и тети Оли. Папа подумывает о приезде сюда. Я ездил в Бороньки за хлебом и привез 5 пудов. Мучит сравнительное ничегонеделание. Освещения мало, и потому мы сумерничаем.

Я забыл сказать, что доктор запретил учиться до Рождества. А там, вероятно, так и останусь здесь. <...>. Я не здоровею. Начал запись температуры.

Пятница 13 декабря

<...>. В среду поехал в Мошеву⁴⁰⁾ (с тетей Аней) и забрал там «Геологию»

Мушкетова, «Жизнь растений» Кернера-Марилауна и немного беллетристики. Там жизнь бьет ключом. Сооружают театр.

Пятница 20 декабря

Получили письмо от папы. Нерадостно. Он слабеет, кашляет, голодает. Цены невероятные. Сало 65–70 руб. фунт, сахар 55–60 руб., конина 10 руб. и все в таком роде. Страшно вспомнить про чиновников, которым еще в Нижнем было плохо. Большинство, вероятно, сойдет с ума или умрет с голоду.

Болезнь моя продолжается, и конца что-то не видно. Вот уж третий день страшная метель.

Понедельник 23 декабря

Время летит. Какой, собственно, характер у него сейчас? Близкое единение с мамой, постоянная болезнь, общее тихое, спокойное состояние. Чтение серьезных книг (Шопенгауэр, Ибсен, Ренан, Кернер, Мушкетов). Мало-помалу определяется и выясняется долг «покоить» родителей.

Суббота 28 декабря

Сегодня мама отправилась в Сураж на своих санях и со своей упряжкой на своей лошади. Аля приехала вчера. Папа пишет, что он очень ослаб. Ах, если б он поскорее плюнул на службу и катил сюда! Мама говорит, что если она будет получать 600, то ему можно все кидать и ехать. Он вполне согласен с тем, что Лешу и Алю не надо больше возить в Сураж. <...>.

Сегодня я давал в школе первый урок гимнастики. Сошел средне. Уже два раза приходила теть Аня заниматься по-немецки. Температура моя все не падает, да я и почти плюнул на нее. Интересно бы побывать у фельдшера. Запись наружной температуры на время прекратил. Градусник понадобился тете Ане.

1919 год

Среда 1 января

В воскресенье мама приехала, привезла тысячи полторы денег из жалованья. Заказан второй хомут, почти расплатились с долгами. Теперь вся семейка за исключением папы здесь. <...>. Закуплены дрова и привозятся. <...>.

Суббота 4 января

<...>. В школе деятельная подготовка к Рождеству. Идет разучивание ролей и

пр. Леша принимает деятельное участие.

Четверг 9 января

<...>. Вчера и сегодня была дивная погода, и я немного прошелся. В голове зудит одно: лыжи, лыжи и лыжи. Вчера произошел маленький разговор на тему о будущем. Я выразил желание «жить».

Пятница 17 января

Новая эра *a la* начало 1917 г. Началось с елки у тети Ани <в школе>. Температура оказалась нормальной, и я пошел. Из гостей были о. Андрей, Мария Андреевна с дочками Шурой и Дуней, о. Михаил с женой, Серафима Ивановна, Анна Ермолаевна; далее из волости т.т. Азаров, Юденков, Кротов Терентий Павлович, Коршунов.

Сначала малыши поплясали вокруг елки, потом был спектакль. Все шло хорошо, только волю потеряли рога, и атаман вышел с волчьим хвостом. Далее были танцы. Тут я пустился во все легкие. <...>. После танцев ужинали. Я не присутствовал. Было выпито 2 бутылки самогонки. После ужина были танцы вперемежку с хороводами, флиртом и почтой. Разъехались часов в 5 утра. Вечер прошел абсолютно без инцидентов и скучно не было. <...>.

Воскресенье 19 января

<...>. Кабана зарезали. Нам дали только ¼ всего. Фунтов 10 колбас вышло, 30 фунтов сала.

В четверг был вечер у батюшки. Отправились мы с тетей Аней пешком. <...>. Азарова и Юденкова не было ибо приключилась следующая вещь: второй арестовал первого в гостях у о. Андрея за якобы контрреволюционные мысли, а попросту верно «не поделили» кого-нибудь. Попили чайку. Пришла музыка – скрипка и бубен. Танцевали, флиртывали, переписывались. Специально за кем-нибудь не стрелял, но за всеми по очереди. Ужин. Богато самогонки. Похороводили и разъехались.

Среда 22 января

Все еще не в колее работы. Вчера опять вел гимнастику в школе, сегодня пришел в первый раз на урок Иван Василенков. В понедельник отвез в Душатин Таню, которая получила там место в военкоме. Уезд переводится в Клинцы. Новое осложнение. Теперь все больше и больше нарастает вопрос – куда повернуться: к земле или к городу.

Пятница 31 января

Болею свинкой. Весь опух. Постепенно привыкаю к серьезной работе. Сегодня даже сел за алгебру. <...>. Закупка продуктов продолжается. Крупа почти закуплена, хлеб обеспечен. Остается сало и бульба. Последнюю понемногу собираем.

Вторник 4 февраля

Письмо от Сергея. Он устроился волостным библиотекарем и шикарно получает. Собирается осенью поступить в университет. <...>. Привезли все сено, возов 13, т.е. на неделю по возу. Очень-очень мало.

Четверг 6 февраля

Ну, вчера повеселился. Была свадьба у Бересня. Пимен выдавал Александру. Жених – бороньковский, довольно бедный. Свадьба была веселая. Гостей было – вся Мошевая. Завел два новых знакомства: Елена Стефановна Пилейко («панна Галена») и разрытинская учительница. Танцевал усиленно. <...>.

Теперь меня занимает вопрос об урегулировании деловой, образовательной и светской сторон жизни. Определенного, конечно, ничего не скажешь, но жить, как Бог на душу положит, тоже нельзя. Известные принципы соблюдать следует. Посмотрим назад. <...>.

Прочел дневник начала 1917 года и укрепился.

Понедельник 10 февраля

В Мошевое я попал-таки. Туда прошел пешком. Зашел к о. Андрею, выпил стаканчик чаю с «буржуйскими пампушечками» и познакомился с весьма симпатичным господином, учителем из Вировки, некто Федорович. Посидели, пошли покупать билеты. В театре (бывший питейный дом) духота, слабое освещение и толкотня. Мы вышли и пошли гулять. Поболтали задушевным образом, зашли в волость. Там погрелись. Видел т. Козлова, присланного от уезда для сбора чрезвычайного налога⁴¹). Типичнейший молодой человек, говорит ходячими фразами. Пошли на спектакль. Сначала шла Толстовская пьеска «От нее все качества». Потом играли «Букет». Пели. Выступил т. Козлов с куплетами на тему «Жил один еврей, имел семь дочерей» в costume низкопробнейшего куплетиста. Выступал т. Дубровский с куплетами на злобу дня на всех «ответственных советских работников». Был оркестр балалаечников. Точка. <...>. На вечере была летучка <почта>. Терентий Павлович написал записку мне, в которой спрашивал, не желаю ли я учительствовать. Я ответил уклончиво.<...>.

Однако, вопрос о службе и вообще о деле меня серьезно волнует. Надо выяснить обстоятельства.

Понедельник 17 февраля

В субботу 15 февраля был во Влазовичах на вечеринке. Поехали с тетей Аней на жеребке. <...>. Влазовичи - весьма большое, но запутанное село с красивой церковью. Черниговщиной пахнет. Появляются малороссийские плетни и т.п. Школа дивная. Вышина помещений 5 ½ аршин. Огромные окна. Приходим в класс. Тусклое освещение. Играет безрупорный граммофон. Сидят и слушают. Компания душатинская - учительницы, военрук А.Я. Алексеенко с дочкой⁴²⁾, Н.И.Обыденник, влазовские учительницы и еще некоторые. Тетю Аню и меня встретили радушно.

Самая обширная корреспонденция была у меня. К сожалению, все анонимки. Обыденник предлагает место учителя. Танцевали, играли, чай пили и ужинали. Меня усиленно приглашают в душатинскую компанию. Что ж, согласен. <...>.

Среда 26 февраля

В воскресенье приехал папа и привез с собой сослуживца Закопайко, певца и звукоподражателя. Теперь в комнате тикают знакомые петроградские часы – «наш домовый». Из нового он привез костюм (огромные штаны и пиджак) из брезента, каковыми я и завладел.

Завтра в школе предполагается спектакль. Ставим 2-е действие «Ревизора», «Злоумышленника» Чехова, потом Михаил Николаевич Закопайко споет с гитарой и расскажет что-нибудь комическое. Побачим.

Мы вырубали и вывезли больше 100 жердей.

Суббота 1 марта

Спектакль 27-го сошел отлично. <...>. Вчера был спектакль в Гавриленке. <...>. Сегодня – истинно широкая масленица. У обоих Никаноровичей гуляня. Самогонка, музыка. Красные лица и блестящие глаза. Угар форменный. <...>.

Понедельник 3 марта

Начинается пост. <...>. Кстати, собираемся открыть в Сигеевке культпросветкружок. Интересно начертить некоторые диаграммы. <Следуют диаграммы, отражающие события во времени, участие в них и степень их интересности для автора дневника. Отрывок текста далее написан шифром>.

Пятница 7 марта

<...>. Кстати, о написанном в шрифте – глупо. С огнем играть опасно, и нужно бояться слепоты. Осторожней. Вспомни прошлое. Дай Бог не закиснуть.

Воскресенье 9 марта

Вчера приехал фельдшер, и всем прививали оспу. Шуму было много. Все, однако, чинно привили. Обморок был один.

Потом мы с тетей Аней пошли в Разрытую. Зашли к учительнице. <...>. В Разрытой частенько бывают душатинцы, например, военрук Алексеекко (см. Влазовичи).

Сигеевский культпросвет действует. Сегодня привлекли к участию и девушек. Авось, дело наладится.

Среда 12 марта

Я совсем забыл отметить годовщину дневника. Вот прошло три года. Перемен масса. Петроград, вероятно, останется волшебным сном. Какую роль сыграет Сигеевка – еще вопрос. Наверяд ли придется засесть здесь. Это было бы неприятно. Но внешние обстоятельства навряд ли позволят размахнуться. Посмотрим итог третьего года: он весь проходит без папы. Папа уехал. Распродажа обстановки. Прогулка в Парголово. Разговоры об эвакуации. Одиночная прогулка. Закончен набор «Бобра» (при воспоминании о нем начинает чесаться в носу). Папин приезд и его отъезд в Москву. Последняя прогулка на Лахту (чёрт побери, как жалко делается). Первая кража. Отъезд. Мытарства по дороге. Нижний <Новгород> (короткий волшебный сон, за исключением стояния в хвостах и плохой погоды). Пасха. Прогулка за скаутами. Нижегородские скауты. Искание комнаты. Пришел багаж. Отъезд в Сигеевку. Московские впечатления. Кошмарное путешествие. Брянск. Унеча. Сураж. Я заболел. Приезд в Сигеевку. Томительная болезнь. Скучное, дождливое, неприятное лето. Переписка с Осом. Мама поехала в Москву. Мы готовим отдельно. Болезнь. Леша и Аля в Сураже. Начало зимней умственной работы. Приезжают Леша и Аля. Рождество. Поворот. Елка у тети Ани и вообще светская жизнь. Многочисленные знакомства. Приезд папы. Масленица. Пост. Духовных результатов много.

Понедельник 17 марта

С учеьнем дело дрянь. Год потерян. Ну, и к чёрту!

В пятницу был в Мошевой. Зашел в волость, спросил совета у Е<лены> С<тефановны>, какие книги взять для культпросвета. Потом в школу. Книг взял немного. Между прочим «Основы социологии» Спенсера.

По словам тети Ани мои акции везде стоят довольно высоко. Жалко, что трудно следить за их курсом. Кстати, список моих знакомых: <далее перечислено около 30 фамилий>.

<Далее записи за несколько дней написаны шифром>.

Понедельник 31 марта

Сшил себе новый дневник. Вид у него не ахтителный. Бумага скверная, зато он отвечает времени. Что-то будет на его страницах?

Пятница 4 апреля

Весна идет. Вчера и сегодня солнечные дни. Давно уж прилетели чибисы и бегают по горе и около Клинны. Снег тает, хотя ручьев еще нет. По деревне уже грязно. Скоро надо будет думать и об огороде. Гречку, просидевшую целую зиму в овине⁴³), помолотили. Я скидывал ее с овина.

Воскресенье 6 апреля

Весна, чёрт побери! Вышел сейчас за сад – луна, звезды. Весенний туман, белая ночь, чуть слышно журчанье воды. Снег сходит быстро. Сегодня был первый весенний дождик. Эх, кабы Сергея сюда! Вдвоем лучше... Бродили бы, мечтали бы!

Суббота 12 апреля

На поле снегу уж почти нет. Сегодня такой теплый день, что мы с Лешей обчищали жерди в одних рубахах. Летят журавли, дня три уже придтели аисты. Дышится вольно, но тоска, воспоминания снова нахлынули. Сегодня за обедом вспоминали Ваську <см. прим. 31> и К⁰, последнюю прогулку, Нижний и прочее. Ровно год. А дальше? Все это будет забываться и уходить в вечность. Грустно. <...>.

Понедельник 14 апреля

Вчера ходил в Мошевое. Собирался с утра, да Григорий Петрович поймал (я счетовод кооператива), и я до обеда проработал. Наконец собрался. До Гавриленки делал съемку, а дальше зашпарил. <...>. Зашел в банк, взял там скребницу и мыла. <...>. Потом двинул к Серафиме Ивановне, набрал книг (Джек Лондон, Конан Дойль, Стриндберг). Двору <домой> отправились втроем - Крымские и я, причем матушка ехала. Вечер был божественный. Синее, зеленоватого оттенка небо, луна, прозрачные деревья и пр.

Суббота 19 апреля

Великая Суббота! Содом и Гоморра. Печник штукатурит печь, мама печет, жарит и варит. Грязь неимоверная.

Вчера с Таней был в Душатине. Время провел с пользой и весело. Носился невероятным образом. По одному Душатино сделал верст семь. Все дела сделал. Получил деньги, постоял в церкви – служба была торжественная, побывал у кузнеца, достал сахару и т.п. Случайно попал к А.Я.

<Алексееenko>. Квартирка у него премиленькая. Две комнаты, оштукатуренных. Прохладно, светло и весело. Сидели долго. Болтали, попили чайку. Потом собрались домой.

<Далее отрывок написан шифром>.

Понедельник 28 апреля.

Начался дележ <с родственниками>. Ярь⁴⁴⁾ и усадьбу поделили. Сегодня уже начал пахать в поле. <...>.

Вторник 29 апреля

Буду вести дневник работ. 26-го начал пахать огород. 28-го вспахал часть у «кладбища», 29-го закончил. Сегодня, наконец, после продолжительной плохой погоды ясный, солнечный день. Вечером спектакль. А затем – рабочие будни все лето. <...>. Летом – строительство, некоторым образом, будущей жизни, ибо подготовка к зиме. Зимой - служба где-нибудь поблизости. Учителем быть не хотелось бы.

Попробовал спать на чердаке. Терпимо.

Четверг 1 мая

Вчера вспахали землю около кринички и начали около моста. Сегодня пахали «мост».

Совсем забыл про день своего рождения. Скандал. <...>. Мне стукнуло 17 лет. Пошел восемнадцатый. Чёрт подери! Проходит молодость.

Работа вошла в свою колею. На днях посеём картофель на огороде. Там в поле, и пошло. Отсеять бы поскорее ярь, а там роздых.

1919 год. Сигеевка.

Начинаю третью тетрадь. Бумага невзрачная, обложки нет, а между тем будет здесь описываться восемнадцатый год моей жизни. Определится ли хоть отчасти направление моей жизни?

Мама познакомилась с А.Я. <Алексееenko>, и он пригласил нас к себе. Приходим – у него слегла жена. Неудобно. Посидели и пошли домой. Больше писать нечего. Вообще, переживания за недостатком времени сокращаются.

Воскресенье 11 мая

Кончили пахать. В общем это было совсем не трудно. Ещё в среду вечером отсеяли на огороде бульбу. Поехал в Душатин. Спал в пуне. Утром отвез кузнецу колеса и плуг, зашел в волость.

Среда 21 мая

12-го пошел в Сураж, но остался в Душатине, ибо по телефону узнал, что ничего не дают (в земстве). Увидел Шандру. Приглашает. Посидел, поговорили, закусил. <...>. Пошел к Алексеенкам. <Далее текст написан шифром>. Того настроения, что было в конце марта, нет и в помине. <...>.

Оканчиваем огород. Посеяли порядно. В поле посеяна бульба (20 мер) и горох (20 фунтов).

Плохо писать в этом дневнике, плохая бумага. Хотя, если писать приятное, то везде будет хорошо.

Среда 4 июня

<...>. Время проходит под знаком Душатина. Последнее время приходится бывать довольно часто. Ну, гуляю, наношу визиты и пр. <Далее текст написан шифром>.

Отсеяли вчера овес (8 мер), а в пятницу просо (5 фунтов). Остались ячмень и гречка. В общем дела пока идут. <...>.

Среда 18 июня

Дождь, а потому небольшая передышка. <...>. В воскресенье был в Душатине, но поход вышел неудачный.

Суббота 21 июня

Вчера и сегодня сижу дома. На ногу нарыв. Завтра, по всей вероятности, спектакль в Душатине. Я пойду. <Далее запись шифром>. Если спектакль будет, то это, так сказать, финал моих последних хождений в Душатино.

Просматриваю в дневнике последние дни и с ужасом замечаю, что не записал такого важного события, как путешествие в Клинцы.

Дело было так. Получив от мамы разрешение, я собрался в среду перед Троицей. Думал до ночи добраться до Суража, но дело не вышло. Под Душатином ливанул дождь. Я спрятал сапоги под мышку и свернул прямо на село. Огородом прошел к Алексеенкам. Там трохи обсох, затащили на репетицию, повеселился всласть. Ночевал у Башлаковых в пуне⁴⁵). Раненько утром (все еще спали) вышел я из Душатина, часов в 7 был в Сураже. Часик отдохнул у Олимпиады Ивановны и двинул. Дорога ничего. Скоро снял сапоги и до Клинцов шел босиком. Прошел Беловодку, Кулаги, Кажущ и др. Прошел мимо шикарной дачи бывш. Сапожкова. Уже под вечер подхожу к Клинцам. Нашел Ореховку, нашел и Петра Башлакова. Грязно, грубо, неприятно. Приходит папа⁴⁶). Мы ужинаем и – спать. Клинцы мне понравились. Домики небольшие, масса зелени. Население – старoverы и евреи. Выбрались мы оттуда только в субботу под вечер. Пошли прямым

путем на Косичи.

Путешествие было героическое. Вышли поздновато. Шли-шли, дошли до Смолевич. Тут выпили горлач⁴⁷⁾ топленого молока за 30 рублей. Отдохнули и пошли дальше. Скоро папа снял сапоги и всю остальную дорогу сделал босиком. Погода хмурится. Подходим к Субовичам, дивный и далекий вид на долину р. Ипути. На горизонте видна мельница Косич. Вечереет. Идем по заливным лугам. Вот и Ипуть. Накапывает дождик, стемнело. Соловьи заливаются. На другом берегу светится огонек паромщика. Под дождем (папа уж успел два раза шлепнуться) переправляемся на лодке. Пошли в компании с двумя типами. Путешествуем на Косичи. Папа шлепается в третий раз. Отыскиваем Захарова родича. Ужинаем молоком и ночуем. На утро совершенно разбитые двигаемся дальше. Вот Андреевка, Граховка, Сенча, Сосновец, буслинос⁴⁸⁾ гнездо, наш сад, и мы дома. <Приведена схема пути>.

Среда 25 июня

В воскресенье был в Душатине на спектакле. Зашел к Алексеенкам. Там уныние. А<лексей> Я<ковлевич> должен ехать в Клинцы призываться. Спектакль начался в 10 час. вечера.

Четверг 26 июня

Театр помещается в бывшем амбаре за речкой. Темновато, но ничего, сцена сделана хорошо. Идет пьеса «Не так живи, как хочется». Роли: старик-отец – Федос Суховерхий, его сын – Василий Обыденник, тетка – Миля Алексеенко, жена сына – Катя Абраменко⁴⁹⁾, девушка Груша – Ханна Фридендер⁵⁰⁾ и пр. Загримированы были артисты великолепно. Игнали ничего. Потом были жидкие танцы и летучка.

Четверг 2 июля

Время летит сумасшедше быстро. На будущей неделе пахота. Сегодня опаживали картофель.

В воскресенье опять был в Душатине. Никак от него не отвертишься – все какие-то дела. Побывал на почте, на собрании Культпросвета. <Далее текст написан шифром>.

Вторник 15 июля

Позавчера был в Душатине. В субботу пошел после обеда, побывал на репетиции. Вечером гуляли. <Далее текст написан шифром>.

Понедельник 21 июля

Начался сенокос. Через неделю будем жать (кстати, жито⁵¹⁾, слава Богу,

хорошее).

Вчера опять был в Душатине. В четверг (4-го по старому стилю – мои именины) Катя и Миля были у нас.

Но надо все по порядку. Во вторник сигеевцы решили косить «гору» и вышли в количестве около 50 человек. Я тоже пошел. Несмотря на мокрую погоду, косили интенсивно, и в день положили десятин около 15. В четверг его возили. Нам досталось около 30 пудов. Еще в воскресенье, когда был спектакль, я зазвал гостей. В четверг я стою на возу в пролетарском костюме и вижу с высоты своего величия, как шествуют Таня, Миля и Катя. Ну, дома выпили чайку в саду, поболтали, посидели в школе, поужинали, дядя Коля поиграл, а мы потанцевали при лунном свете. Ночевали они в школе, утром я их проводил до Михайловки, и именины мои закончились.

Понедельник 28 июля

Всю прошлую неделю косил. Вчера поехал в Сураж с Алексеем. Там бегал по делам собственного образования. Познакомился с К.Локсом⁵²⁾, потом – в Семинарию <учительскую> к Дейнеке. Через недели две пойду опять и буду окончательно все устраивать. Начало <занятий> 1 сентября. Побачим. Потом вечером гулял в Душатине. Пошли после репетиции большой компанией в лес. Пели басами и весьма дико. Разошлись рано. Ночевал в пуне и к снеданью был дома.

Вторник 5 августа.

Эх-ма, все Душатины, да Душатины. Дома уже морщатся. Ну, ничего. Картина получается неприятная. Например, в субботу на Илью⁵³⁾ мы гребли сено. Вскоре после обеда я ушел, ибо в Душатине предполагался спектакль. Вообще настроение теперь такое – от воскресенья к воскресенью. Правда, время летит быстро вследствие работы. <Далее запись шифром>. Физическая работа порядком приелась. Хочется перемены, работы головой.

Может, вернется опять то время, когда от каждого деревца, от самого паршивого леска появлялось настроение. А теперь – черт знает что. Идешь в хорошую погоду с поля, дивный закат, вся деревня розовая. По полю раскиданы дубы, цветет гречиха. Я все это понимаю, но не чувствую, как будто сижу в раковине и смотрю сквозь грязное стекло. Нет непосредственного чувствования.

<...>. Как бы хотелось определенно учиться, читать, обмениваться мыслями с интеллигентными людьми. Период обширных знакомств прошел. Теперь ищешь,

с кем бы перемолвиться душевным словечком, поговорить бы на интеллигентные темы. <...>. Со второй половины зимы я снова вырос

духовно и снова поднялся на ступень выше. И в помине нет той пустоты, что была тогда. Если бы было время читать – но скоро, авось, и читать можно будет. <...>.

Как-то раз целый день лил дождь. Я отлеживался на чердаке. В голову лезли одна за другой мрачные мысли. Мне идет восемнадцатый год. Тут надо бегать, наслаждаться красотой, своей молодостью, влюбляться, сходить с ума – а тут почти непрерывная физическая работа и всё в таком роде. Горько сделалось до слез, захотелось созерцания чего-нибудь изящного в духе Ростана, чтения изящных произведений, комфорта, хорошей музыки, вообще всего того, что окружало прежде буржуазное существование. Черт подери, горько.

От Сергея никаких известий. Вероятно, он под Деникиным. Жаль. Насчет продовольствия пока хорошо. С хлебом, Бог даст, дотянем. Крупа водится. Сало, правда подходит к концу. <...>

Вторник 12 августа.

Погода отчаянная. Только вчера прояснилось, и мы стали возить сено. Сvezли 4 воза. Сегодня то солнце, то дождь. Одолевает тоска от ничегонеделания. Праздные мысли приходят в голову, невеселые и тупые.

Пятница 15 августа

Вот уж кажется 2 недели непрерывно отчаянная погода, сено гниет в поле. Позавчера меня даже залихорадило. Вчера почти все время валялся, сегодня лучше.

Воскресенье 21 сентября

Целый месяц не писал. Работа была непрерывная. Погода уж давно стоит дивная. Дни ясные, теплые. Убрали сено, отсеяли жито, сvezли ярь⁵⁴). Почти все помолочено. Кончили рыть картофель. Завтра начнем возиться с пуней. Сена напихали Самоновскую пуню. Положили немного в пуню около «моста» и на гумне. Пудов 600–700 есть. Гречки мы сvezли 4 воза и намолотили около 20 мер. Гороху 2 пуда. Жита 29 мер.

Посеяли жита около 17 пудов. Навоза вывезли всего 13 возов. Картофель мы копали полную неделю. На поле нарыли возов 10. Картофель хороший. На огороде пудов 10 тоже нашлось еще.

Состояние сытое, спокойное. В Сураж еще не знаю, когда поеду.

Воскресенье 5 октября

Ну, вот я и в Сураже. Сегодня приехал. Квартиру эту я нашел уже давно. Находится она у черта на куличках, хозяева – простые крестьяне. Товарищи

по квартире – два симпатичных хлопца.

Вторник 7 октября

Вчера были занятия <в школе>. Нас всего два хлопца штук на 15 барышень. Были уже уроки физики, литературы и французского языка. Повторяли давно известные «зады». После занятий разыскал сигеевцев и просидел у них весь вечер. Побалакали, поохотали, потом по Красной <улице> домой. Встретили Катю Абраменко в компании с Милей и Лидой.

Четверг 20 октября

Надо всё-таки оставить в дневнике след этого времени. Встаю я, как станет светло, пью чай, затем читаю до обеда, иду в гимназию. Там относительная скука до вечера, а там ужин, болтовня с товарищами и спать. Думаю перейти в другую гимназию. В самом деле, глупо повторять зады, когда можно серьезно идти вперед.

Суббота 25 октября

Черт подери, ехал сюда, думал просидеть чуть ли не до Рождества, а оказывается, что трудно просидеть и неделю без дома. Ноги свои я ценю еще дешево.

Вторник 28 октября

Вчера пришел <из Сигеевки> в лаптях. Вечером в Народном доме был интересный митинг. Один тов. Березкин сказал очень интересную речь. От души и сердца исходил его крик против мещанства и обывательщины толпы, наполнявшей зал. «Вы не люди, не человеки, – возмущался он – вы видите, что происходит, почему вы не становитесь определенно на ту или на другую сторону? Не будьте беспартийными. Сочувствуете белым – идите туда, сочувствуете красным – здесь, сейчас записывайтесь в коммунисты!» Взывал он и к молодежи, к интеллигенции, возмущался, кричал, давал этой бесчувственной толпе мещан пощечины. Я ушел положительно смущенным.

Сегодня подал заявление о переводе в смешанную гимназию.

В воскресенье вечером <в Сигеевке> зашел в школу к тете Ане. Говорили о Сураже. Я жаловался на свое одиночество. И правда, за последнее время у меня нет товарища. Нет его уже больше полутора лет. Плохо. Ну, авось, в смешанной кто-нибудь найдется. <Далее запись шифром>.

Пятница 31 октября

Снаружи вполне зимний ландшафт. Еще с ночи идет снег, порядочный ветер. Деятельности никакой. Поля наблюдения тоже. Читаю, но как-то бессистемно.

И не знаю, с какой стороны подойти и взять жизнь за шиворот.

Существование, вообще говоря, невеселое. С пищей неважно. Пустой борщ, нисчемная бульба, почти без хлеба, немного фасоли.

Голова работает слабо. Вообще нехорошо.

Вторник 11 ноября

Не писал больше недели. В ту субботу я все-таки пошел домой, ибо вышла моя бульба и капуста. Ну, после второго урока деранул. Конечно, в лаптях. По дороге увидел Федоса, и пошли мы вместе. Снегу намело целые горы, дороги почти не было, и идти было очень тяжело. В Душатине передал Алексеенкам письмо от Мили, передохнул и двинул далее. Тут пришлось совсем туго. Между Михайловкой и Сигеевкой не было даже следа <дороги>, и я месил снег.

Наутро было решено, что я просижу эту неделю дома. Раза два ездил в лес, затем ездил в Косичи драть крупы. <...>.

В субботу был спектакль в Душатине. Собрались мы с Алексеем на жеребке. Ехали ни шатко, ни валко. Заехали к Алексеенкам. Оказывается спектакль уже давно начался. Мы застали конец пьесы («Бедность не порок») и дивертисмент. Настроение было веселое и безалаберное. Ставили, кстати, не в амбаре, а в панском доме. Танцевать там отлично.

Неделя эта дома была приятна, как всякая перемена. День проходит там <дома> так. Встают часов в шесть, поят коней, приносят корм скоту (чужие коровы еще у нас). Снедают. Потом какая-либо работа до обеда. Обед. Поят скот, задают корм. Там скоро вечер, задают корм, спать.

Вчера с Алексеем приехал в Сураж. В первый раз пошел в смешанную гимназию. Класс большой, шумный, как в настоящем мужском учебном заведении. Попадают знакомые физиономии: Федос, Лида, Франчук, Сергей Абраменко. Как мне найти общие точки соприкосновения?

Среда 12 ноября

Дела не особо важны. Павлович <учитель> положительно неисправим. Ему не быть педагогом. Математика еще нет. Я, по-видимому, попал из огня да в полымя. Ну, черт с ними.

Общее настроение неважное. Чувствуется потребность дисциплины физической и умственной, да не знаю, как приступить. Хочется совершенно не зависеть от внешних обстоятельств в отношении всестороннего развития. Читаю сейчас философию йогов. Довольно туманно, но все-таки кое-что есть.

Пятница 28 ноября

Настроение прескверное. Отчаянный скептицизм, полное отсутствие точки

опоры, отсутствие интереса к жизни. Одним словом, черт знает, что! И не знаешь, как вылезти из этого болота, что делать. Как тут помог бы такой товарищ, как Сергей! А своего духа не хватает, потеряна способность сосредоточиться. Это сущая беда. Чувствую себя преглуло.

Среда 10 декабря

Маленькая встряска. На прошлой неделе в среду пошел домой и прогулял до понедельника. В понедельник, несмотря на ужасную погоду, поехали в Сураж. Тащились шагом.

Прихожу в класс. Какие-то выборы. Спрашиваю – разъясняют, что выбирают делегатов на конференцию беспартийных учащихся г.Суража. Выбраны 6 человек, в том числе я. На следующий день получаю мандат. Вечером заседание. Фома, между прочим, тоже делегат.

Заседание открывает организационная комиссия – т.т. Березкин, Аграновский, Цукерман. Оглашаются два списка в президиум, я фигурирую в обоих. Занимаем места на сцене. Тов. Березкин говорит о текущем моменте. Предлагается резолюция от Коммола⁵⁵⁾ и Шубов <от нашей школы> предлагает свою, где говорит против диктатуры коммунистов. Гвалт страшнейший. «Контрреволюция!» - вопит Березкин. Дело пахнет разгоном конференции и ЧК⁵⁶⁾. Шубов выбрасывает из своей резолюции «диктатуру коммунистов». «Трус!» - кричат ему. Голосованием (24 и 30) проходит коммольная резолюция.

Пятница 12 декабря

Следующий день конференции прошел спокойнее. <...>. Окончательная резолюция – образовать при Школьном отделе РКСМ беспартийный коллектив культурработников. В Бюро этого коллектива входят по одному представителю от каждой школы 2-ой ступени, от Отдела Наробраза. От нашей школы прошел я.

Воскресенье 14 декабря

За последнее время я все левею. От вступления в Компартию меня удерживает только нежелание подчиняться партийной дисциплине. Собственно говоря, теперь живое дело есть только около Компартии и Коммола. В Коммолу я «приручился». Есть намек на хорошего товарища – Лев Аграновский. Теперь я частенько захожу туда и читаю. Того отчаянного пессимизма уже нет. Фома тоже попал в Бюро.

Вторник 16 декабря

14-го было первое воскресенье, которое я провел в Сураже. Пошел к

Абраменкам заниматься математикой. Оттуда – в Коммол. На базаре встретил Емельяна Егоровича. Он передал записку и посылку из дома. Посылают белье, куренка, деньги, книжку Коммунара. По книжке я уже получил 2 ½ фунта сахару, столько же соли и спички. Обещают мануфактуру, мыло, резиновые подметки.

В Коммоле приятно провел время в интимном разговоре с Аграновским. Вчера приехал Воронов с фуфайками, раздавать будет сегодня.

Было первое заседание бюро беспартийного коллектива культработников, очень интересное. Много практических, полезных задач. Вообще жизнь получает новое освещение. Председателем Бюро избран я.

Кажется, я переживаю серьезный перелом, в смысле частичной перемены мирозерцания. По крайней мере на давнее и на недавнее прошлое я смотрю, как на весьма наивную вещь. Старые дневники кажутся верхом наивности.

Одно горе – отсутствие систематизированного чтения. Гимнастикой не занимаюсь – тоже плохо.

После долгих оттепелей пошли основательные морозы. Фуфайки поспели вовремя.

Вторник 23 декабря

В субботу пошел домой. Дорога тяжелая. Дома тьма событий. Приходил отряд 40 человек с пулеметом – выгонять дезертиров⁵⁷⁾. Избили Николая Латугина.

Наши продали жеребку за 17 тыс. Но замены пока не видно.

Четверг 25 декабря

Маленькая неприятность. Урок для будущего. Получаю от хозяйского Ивана сапоги, на подошве надпись «Прошу прибавить 250 руб.». Рука лезет чесаться.

Воскресенье 28 декабря

На неделе все заседания и репетиции. Впрочем, назначенное в пятницу собрание кружка реформы школы с треском провалилось за явным саботажем.

Лекторский кружок Беспартийного коллектива учителей начал действовать. Несколько лекций будут прочитаны на этой неделе.

<Далее запись шифром>.

1920 год*Понедельник 5 января*

Вот я и дома почти что уж неделю. В последний день в Сураже мне пришлось вести три заседания. Записка моя домой так и не поехала. Ну что ж, драл пешком. Мороз был солидный.

В пятницу резал дрова в лесу, на коммунальных началах. В субботу возил и резал. Вчера с утра двинул в Душатин. Сдал посылку, побыл на двух репетициях и вернулся ночью.

Воскресенье 11 января

В сочельник ездил в Сураж на ярмарку. Поехал в лаптях, до свету, одним словом, по-крестьянски. Доехал отлично. Загнал лошадь к Юдовичу во двор и пошел на ярмарку. В кармане 32 тыс. руб. денег на лошадь. Встретил Левона Ивановича Колосовского и попросил его помочь мне купить. Выбору было немного. Ходили, смотрели, высмотрели и за 25 ½ тыс. купили. Кобылка ничего.

На второй день праздников поехал в Душатин. Заехал к Алексеенкам и прямо скорей в экономию⁵⁸⁾. Репетиции не было. Повертелись и начали гримироваться, а там начался и спектакль. Сошел он хорошо, но все-таки репетиции были веселее.

На третий день привезли сено, вчера ездили в лес.

Понедельник 18 января

Новый год встречал в Душатине. Вчера был в Сураже. Узнал, что начало занятий отложено до 1-го февраля.

Четверг 22 января

Ездил сегодня в Паньковскую Буду с дядей Сашей на его новом коне. Выехали часов в 6 утра. Тихо, слегка морозит. Проехали Бороньки – слегка светает. Конь мчится. Срезали в Терещине три дуба.

Воскресенье 8 февраля

Пищу сидя на новой квартире.

Понедельник 9 февраля

Начался новый суражский сезон. Вчера приехали сюда целым обозом. Я остался в Душатине. Получил жалованье и навестил болящую рабу божью Маланью <Милко>.

Сегодня гимназия полным ходом. Все на своем месте. Получил

приглашение на вечеринку, но не знаю, пойду ли. <Далее запись шифром>. Надо набросать художественные впечатления от Терещины.

Еще совсем темно. По деревне в окнах огни. Перед крыльцом маленький возок, туго набитый душистым сеном. Поскорее поспедав, выслушиваешь последние просьбы потеплее закутаться и садишься. Дядя берет вожжи в руки – «Но, Мальчик!». Покатили. Промелькнула деревня. При выезде сбоку пахнул свежий ветерок, чуть заставивший зашевелиться мерзлые, мертвые ветви берез на кладбище. Полутьма. Небо затянуто темной пеленой, только впереди над темнеющим вдали лесом мелькают две-три звезды. Конь мерно бежит. Селезёнка у него слегка ёкает. Холодок пробирает. Ёжишься, глубже засовываешь руки в карманы.

Вот звезды над лесом померкли. Там светлее. Вдали чернеет кладбище деревни, через которую надо проехать. Вот все ближе и ближе. Мелькнул огонек, другой, зачернелись грузные, неуклюжие гумна, покрытые тяжелой снежной шапкой. На уже пожелтевшем фоне неба обрисовался стройный силуэт мельницы-ветряка с ажурными неподвижными крыльями. Вот изгородь огородов, два-три новых сруба, и под подковами зазвенела обледеневшая улица. Уже светает. Восток переходит в красный цвет. Туча отступает. По деревне кое-где визжат открываемые ворота. Некоторые едут в лес. Под ногами лошади снова закрипел снег. Деревня кончилась. Опять проплыли мимо гумна. Надо свернуть на боковую дорожку. Шлях, обсаженный березами, уходит направо. Впереди и сзади нас уже собралось много подвод. Скоро-скоро перебирая ногами трусят маленькие лошаденки, запряженные в корявые сани.

Четверг 12 февраля

Позавчера была у Абраменков вечеринка. Народу было *tout a fait intime*⁵⁹⁾ – человек 30. Я притащил чуть ли не силой и Алексея. Но он в конце и себе пару нашел и, кстати сказать, самую интересную – Любу Рашкес⁶⁰⁾, дочь соседей Абраменков по квартире. Ей не больше 14–15 лет, но она очень развита, в высшей степени интеллигентна, стильна и красива. Это одна из жертв войны – беженка из Вильно, где её отец, ныне умерший, был, по-видимому, очень состоятельный человек. Выдержана и тактична. Танцует идеально, ибо училась у балетмейстера. Леша подсел и разговорился. Из всех окружающих она выделяет нас троих (Алю и Лешу знает она еще по прошлому году), более или менее Катю, несомненно Милю и только. Вообще взгляды самые строгие, и штучка она тонкая. Не мешало бы Алексею почаще с ней болтать.

Теперь новую силу берут размышления об интеллигентности. Как мало

таких людей кругом! Пальцев на руках много, чтобы их сосчитать.

Четверг 19 февраля

Вчера заполнили анкету в Коммоле я, Фома и Андрей. Вообще, неделя союза проходит блестяще.

Вчера был концерт-митинг. Редкое наслаждение в настоящее время. А я действительно наслаждался. Скрипка, рояль, пение, балет. Тем более, что рядом сидели Еня Каган и Люба Рашкес. Лешин выбор недурен.

Вторник 24 февраля

Я, Фома и Андрей приняты членами <Коммола>. С места в карьер меня выбрали в Совет Трудотряда, который организуется в целях борьбы с эпидемией и недостатком топлива. Посмотрим.

Среда 25 февраля

Черт, берут сомнения в работе Коммола, кажется, что слишком много говорят, да мало делают.

Алексей чаще стал пописывать, и стихи выходят великолепные.

Сергей Абраменко записался в Коммол.

Среда 10 марта

Весна в полном разгаре. Неожиданно она подкралась. Снегу почти нет. Туман да ненастье свое дело сделали. Потекли ручьи, пропала дорога. Клинна и другие речонки разлились. Воды много кругом.

Сегодня дивный день. С утра, правда, слегка подморозило, но небо голубое, солнце сияет. С крыльца дома далеко видно. Ближние сосонники, шлях на Мглин. Резкие пятна снегу блестят на солнце.

Настроение хорошее, хочется изменить жизнь, которая идет теперь довольно пусто. Хочется сделать ее полной содержания. Мелькают мысли о красивой, осмысленной жизни, чтобы в каждом шаге, каждую минуту находить кругом красоту и получать эстетическое наслаждение. Конечно, этому много способствует весна.

В школе сейчас самое интересное – уроки психологии. Много дают полезного.

Суббота 13 марта

Вчера в Коммоле среди власть имущих была маленькая паника. Дело в том, что поляки беспокоят Гомель. В случае его взятия нам надо удирать. Но из Клинцов по телефону были сообщены успокоительные сведения.

Среда 17 марта

Получил интересное предложение: помощник заведующего книжным отделом Союза кооперативов. Завтра, вероятно, бегу домой выяснять положение.

Понедельник 22 марта

Вот и побыл дома. Служба разрешена.

Среда 24 марта

Сегодня вечером уезжаю в Клинцы на уездный съезд РКСМ⁽⁶¹⁾ с Аграновским. Лева Аграновский скоро уезжает в Николаев. С Коммоллом я плотно завяз. Один из самых активных работников. Работы много. Скверно только, что с массой ничего не сделаешь.

Воскресенье 26 марта

Вчера пришел пешком из Клинцов. Съезд прошел не особенно хорошо. Было всего человек 15 от 5 организаций. Недоставало еще 3-х организаций. Выяснилось, что лучшей организацией является наша. Новоизбранный Уком⁽⁶²⁾ ни к черту не годится, ибо нет работников.

Четверг 1 апреля

Черт побери! Иллюзии, казавшиеся такими прочными, рушатся с великим грохотом. Обидно, досадно и пр. и пр.

Когда я приходил первый раз справляться у мамы о службе, мама как будто согласилась. Я полторы недели жил этим, и вдруг – ни, ни, ни. Черт! Конечно, жить в Сураже летом эгоистично. Но, если принять во внимание упадок умственной деятельности за лето, зимой придется начинать сначала, придется много за зиму учиться, готовиться к дальнейшему. А тут опять в грязь, среди кваканья лягушек, деревенского застоя и тины...

Понедельник 5 апреля

Сезон открыт. Вчера был в Душатине, и впечатление совсем, как прошлым летом. И по парку пошлялись, и в лесу погуляли, играли в горелки и в жгут.

Пятница 9 апреля

Работа помаленьку идет. Дома покончили с дровами. Пахать еще рановато.

Во вторник пошел с Андреем в Сураж. В Сураже военное положение. Непокойно в Ляличах и Дрокове. У Суража самый нормальный вид. Соня Шухова у своих ворот, Хайкин с Рисей Зайцевой, Черняк, Злотников Хаим с новостями о выпуске и пр. На следующий день побродили по базару, была ярмарка, повидал Аграновских, Голода и много других.

План действий таков. Летом зароблю хлеба на зиму и разовьюсь физически, зимой буду служить и на заработанные деньги экипируюсь. А дальше – что будет. Настроение бодрое, с надеждой на будущее. <Далее запись шифром>.

Четверг 22 апреля

Ну, заездили. Работы хватает. Отсеяли бульбу на огороде, сейчас сеется ячмень. Навозу под него вывезли 17 возов. На огород под бульбу 8. <...>.

В четверг поехал на гнедой в Костюковичи. Достал в советской мастерской плуг. Отдал 1 пуд 15 фунтов хлеба, 1600 руб. деньгами. Назад было ехать великолепно. Я не торопился, сидел спокойно на возу, просматривал литературу, полученную в Костюковичском Коммоле. День был дивный. Дорога частью идет по Терещине. Красота! Лес прямо по Шишкину! <...>.

В нравственном отношении живется нелегко. Кругом нападки на коммунистов, бунты, все со злорадством ждут падения РКП⁶³. Говорят, что правит меньшинство, но большинство есть болото, а потому да здравствует меньшинство.

<...>.

Среда 28 апреля

Сегодня лежу в постели и потому благодушно-философское настроение. Вчера и позавчера путешествовал в Панки. Путешествие было хорошее. В понедельник пахал до обеда, а там двинул в Панки. Ночевал в Буде у Левченка. И препоганая деревня! Утром пошел в Панки. Вот дорога! Через самую гущу Терещины. Красота! Сейчас самое лучшее время. Листки нежны и ароматны. Дуб только думает распускаться. Шел я по дороге о воображал себя веков на десять моложе, когда по таким дорогам путешествовали захолустные лесные князьки и собирали дань вениками и бортовым медом. Кстати, для полной картины тут же в вековой сосне и борть <улей в дупле>. С каждым поворотом дороги новые комбинации лесных пород. Вот осинник, вот дуб, вот на моховом болоте тоскливый тонкий северный сосонник. Просвет. Открывается ровная ярко-зеленая, пестреющая желтыми цветами поляна. Посредине извивается полная до краев черной, медленно текущей водой, кажущаяся бездонной речка. Поляна эта – зыбкая трясины. Так и кажется, что вот там на взгорочек сейчас выйдет или лось, или тур, или зубр. Но прошло время. Даже курную хату днем с огнем надо поискать.

В Панках запруда, солидное озеро, окаймленное лесом. Пришлось долго дожидаться. Я соснул часок-другой в соседнем перелеске. Деньги заплатили, конечно, по старой таксе. Устал я здорово.

Четверг 29 апреля

<...>. Сегодня мне исполнилось 18 лет – совершеннолетие по новому закону. Можно наделать много глупостей – жениться, поступить в РКП или еще что-нибудь более остроумное. Год тому назад в этот день был спектакль у нас в Сигеевке, два года назад – сидел в вагоне железной дороги, выезжал из Петрограда в новую жизнь, три года назад – был шпицбал с тапершей.

Воскресенье 9 мая

<...>. Понедельник и вторник мы пахали. Во вторник вечером пошел в Душатин, переночевал у Абраменков, утром зашел к Алексеенкам, а там под дождем двинул в Сураж. <...>. Достал я свой аттестат и документы. Зашел в Коммол. Там все неурядицы. Комитет переизбирается чуть ли не каждый день. Работников нет. Лева в Гомеле.

Вечером гулял по Красной улице. Встретил Любу Рашкес, и мы с ней долго гуляли и разговаривали о высоких материях. Она развита решительно не по летам, ее уже мучают «проклятые» вопросы и все в таком роде. Беседа носила самый задушевный характер, и мы расстались очень довольные друг другом.

Суббота 22 мая

Будни проходили в сплошной работе. Картофель посеяли, просо тоже, горох. Теперь очередь за овсом. Хотя мне, может, и не придется. Мобилизуют меня и Фому для работы в Сураже. Сергей Абраменко, Ушеров, Гладченко, Щербаков поехали на фронт по союзной мобилизации. Нам дают 2 ½ тыс. руб. жалованья, помещение в общежитии, стол, хоть и голодный, и обещают подыскать место с пайком.

В Сураже был я с Алей на празднике Вознесения. Из Душатины шли с Милей.

Вторник 25 мая

Пишу уже в Сураже. Настроение неважное. Навряд ли удастся вырваться отсюда. Буду стараться. Собственно теперь должна быть маленькая переоценка ценностей. Работы будет уйма мне и Фоме.

Среда 26 мая

Все входит в свою колею. Пока день проходит так. Встаем средне (я достал учебники, будем вставать раньше, заниматься). Идем в Коммол, затем обед в столовке, купанье, общежитие, Коммол, Красная <улица>, спать. В общежитии живется сносно. Мы с Фомой занимаем отдельную комнату, я назначен от Наробраза комендантом здания, с окладом.

В воскресенье конференция культпросвета и Коммоллов района. Вообще, мы тут дело, по возможности, наладим и улизем.

Суббота 29 мая

Вчера было общее собрание, на котором я начал организовывать клуб. Сегодня был субботник, довольно неудачный.

Пайка мы не раздобыли, но зато получили из Рабкоопа временное пособие в виде 3-х фунтов соли, 2-х фунтов сахара, 2-х коробок спичек и 5-ти фунтов хлеба на обоих. И за то спасибо! По нынешним ценам около 6 тыс. руб. Во вторник получим картошку, сахар и соль в общежитии. Вообще живется сносно, если не голодно.

Четверг 3 июня

Завяз плотно. Приехал Борис Аграновский и освежил начавшую становиться затхлой атмосферу. Организация спит. Приходится работать только комитету.

Воскресенье 13 июня

Вывался таки! Но без порчи крови не обошлось. В воскресенье пошел домой. В среду с Алексеем поехал опять в Сураж, чтобы ликвидировать все дела, и вдруг пришлось остаться. Ругались мы там страшно, но дело пахло серьезным. На следующий день было созвано экстренное собрание специально по нашему вопросу. Мы, конечно, времени не теряли и обрабатывали «общественное мнение» в свою сторону. Думали просить хоть отпуск месяца на два <в деревне работа ждет!>, но на повестке дня стояло «О демобилизации», и в таком духе и решили вопрос. Никто не возражал. Цукермана, к счастью, не было.

Какой взрыв индивидуализма вызвал категорический приказ остаться! Готово было все пойти насмарку, тем более, что говорили не взвесив всего и не подумав. Но, во всяком случае, я сейчас дома и впредь буду умнее.

Последний день в Сураже много беседовал с Монею Юдовичем. Хороший хлопец.

Суббота 19 июня

Эту неделю проработали. Привезли и спилили на доски 4 колодки, они были очень основательны. Обошлись они дорого: 1 пуд хлеба и 8750 руб. деньгами. 21 доска – на амбар хватит с излишком.

Стоит сильная засуха, дождя нет и нет. Еще такая неделька, и ярь пропала. Мы голодаем тогда еще год. Скверно.

Вторник 22 июня

Два дня немного вздохнул. В понедельник поехал с дядей Сашей в Сураж, там зашел к Моне. Вероятно зимой все-таки буду в Москве. Обрато шел пешком. В Душатине зашел к Федосу, побрился, пообедал, потолковали. Затем пошел к Алексеенкам. Там сидел до темного.

Четверг 24 июня

Сегодня, наконец, хороший дождик с обещанием еще. Навоза еще не начинали. Работаем над торфом. Сегодня вывез 15 возов.

Новая бульба почти поспела. Уже пробовали. Кризис, следовательно, проходит. Сало кончается, да и пора – с 4-го декабря – растянули порядочно. <...>.

Надо бы небольшой итог подвести. Сравним прошлое лето с этим. Работы, пожалуй, больше, и она серьезнее. По воскресеньям я в этом году значительно спокойнее. <...>. Нет теперь бесцельного шлянья на гулянье.

У Алексеенков я свой человек. В этом году прибавились новые знакомства – хутора.

Что же сказать про душевную жизнь? Она течет теперь ровно, только иногда бывают встряски... Прогресс, несомненно, есть. Я становлюсь все определеннее и определеннее. Несмотря на то, что во мне еще есть остатки детского, недалек уж и зрелый в душевном отношении возраст. <...>.

Вообще, если удастся попасть в Москву, надо оставшееся время использовать возможно полнее. Тогда уже будет крупный переход из промежуточного состояния, в котором я нахожусь теперь, к более высшему.

А впрочем, неужели нельзя быть счастливым без высшего образования, политехникума, инженерства и прочего? Вот вечный вопрос.

Примечания

1. Петроград – Сигеевка (1916–1920)

- 1) Санкт-Петербург был переименован в Петроград 31 августа 1914 г. в связи с началом войны с Германией.
- 2) *Симуков А.Д.* Доклад о двенадцатилетней работе в Монголии и её результатах // *Симуков*, 2008б: 176–183.
- 3) Андрей Симуков учился в 3-й Петербургской классической гимназии (в Соляном переулке), основанной в 1823 г.
- 4) Архив семьи А.Д.Симукова. Открывают дневник 15 тщательно выполненных карт континентов и стран, № 4 – физическая карта Азии, в центре которой крупная надпись: «Гоби» (см. *Приложение I - 2*).
- 5) Служебная поездка; отец Андрея - Дмитрий Андреевич Симуков после окончания

- историко-филологического факультета Петербургского университета служил в Комиссии по погашению долгов Министерства финансов.
- 6) **А н д р е в с к и е** Михаил и Борис (Андры) – друзья Андрея, дети преподавателя Политехнического института.
 - 7) **О с т р о г о р с к и й** Сергей (Ос) – друг и одноклассник Андрея.
 - 8) **С у й д а** - дачное место в 54 км от Петрограда, где Симуковы снимали дачу на лето.
 - 9) **Д я д я А л е ш а** - Алексей Яковлевич Миллер (1874–1927) – брат матери Андрея, Натальи Яковлевны, сотрудник Министерства финансов; во время I-ой Мировой войны заведовал Красным Крестом в Тифлисе.
 - 10) **А л я** – сестра Андрея, Александра Дмитриевна Симукова (в замужестве Ковалева) (1905–1988), впоследствии окончила Высшие государственные курсы стенографии, работала в Московском институте советского строительства, Наркомфине (с 1946 г. Министерство финансов) СССР, на Московском автозаводе им. И.А.Лихачева.
 - 11) **Л е ш а** - брат Андрея, Алексей Дмитриевич Симуков (1904–1995), впоследствии - драматург, киносценарист, писатель.
 - 12) **Т р о и ц а** - Праздник Святой Троицы.
 - 13) **Э к з а м е н** - мать Андрея, Наталья Яковлевна Симукова (урожденная Миллер) (1875–1962), окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, преподавала в частной гимназии. Сданный экзамен дал ей право преподавать в государственных гимназиях.
 - 14) **Д а у р и я** – название части территории Забайкалья.
 - 15) **С к а у т ы** (*scout* – разведчик) – добровольное неполитическое движение, основанное полковником Р.Баден-Пауэллом (Англия, 1907 г.) и писателем Э.Сетон-Томпсоном (Америка) с целью воспитания у молодежи высоких нравственных качеств, самостоятельности и навыков, необходимых для практической жизни, в том числе в экстремальных условиях. Основатели скаутского движения в России (1910 г.) – О.И.Пантюхов (Петербург) и В.А.Попов (Москва).
 - 16) **Т е т я В е р а** - Вера Ивановна Миллер (в девичестве Бевад) (1875–1945), жена Алексея Яковлевича Миллера, брата Н.Я.Симуковой; окончила Смольный институт и Высшие женские (Бестужевские) курсы, мать пятерых детей.
 - 17) **П р о т о п о в** Александр Дмитриевич (1866–1918) - министр внутренних дел России (20 декабря 1916 г. – 28 февраля 1917 г.).
 - 18) **Т е т я О л я** - Ольга Яковлевна Миллер (в замужестве Пейкер) (1873–1944) – сестра Натальи Яковлевны Симуковой; окончила в Петербурге Фребелевские курсы (учебное заведение для подготовки педагогов дошкольного обучения и воспитания детей), преподавала языки.
 - 19) Имеется в виду двуглавый орел на гербе Российской империи.
 - 20) **П и т и р и м** (1958–1920) – митрополит Петроградский и Ладужский (23 ноября 1915 - март 1917), считался ставленником Григория Распутина.
 - 21) **Н о л ь д е, К р у т и к о в** – одноклассники Андрея Симукова в 3-ей гимназии.
 - 22) **С т р а с т н а я с е д м и ц а** (Страстная неделя) – последняя неделя Великого поста, предшествующая Пасхе.
 - 23) **Л и т о в с к и й з а м о к** – построен в 1797–1799 г.г. на пересечении р. Мойки и Крюкова канала. В нем размещался Кавалергардский полк, Литовский мушкетерский полк, в 1810-х годах – Гвардейский экипаж. С 1826 г. – городская

- тюрьма.
- 24) Имеются в виду скауты Южного района Петрограда (носили желтые галстуки); синие галстуки были у скаутов Северного района.
 - 25) Б о с т р е м Иван Федорович (1857–1934) – русский флотоводец, вице-адмирал; с августа 1914 г. председатель Общества содействия организации «Русский скаут».
 - 26) Д я д я С е р е ж а - Сергей Яковлевич Миллер – брат матери Андрея Симукова; окончил Морской корпус, участник русско-японской войны 1904–1905 г.г., командир корабля Добровольного флота, впоследствии начальник порта Петровск (совр. Махачкала) на Каспийском море.
 - 27) Г у ч к о в Александр Иванович (1862–1936) – российский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября», председатель Государственной думы (1910–1911), член Государственного совета (1907 и 1915–1917), военный и морской министр Временного правительства России (1917).
 - 28) С и г е в к а – деревня в Могилевской губернии, где родился отец Андрея - Д.А.Симуков и жила его родня.
 - 29) К о з а к е в и ч - название лавки по фамилии её владельца.
 - 30) Г у м н о – помещение для хранения хлеба в снопах с площадкой для молотбы.
 - 31) В а с и л ь е в Сергей Дмитриевич (Вася) (1900–1959) – скаутмастер Петроградской дружины, впоследствии кинорежиссер, сценарист, один из создателей фильмов «Чапаев», «Волочаевские дни» и др.
 - 32) Ш а п о ш н и к о в Георгий Сергеевич – естествовед, краевед, воспитанник Петербургского университета; Андрей ходил к нему на занятия. Впоследствии Г.С.Шапошников – преподаватель Никопольского педагогического училища, директор местного краеведческого музея, автор работ по краеведению; умер в эвакуации на Кубани.
 - 33) Ш и н г а р е в Андрей Иванович (1869–1918) – политический и государственный деятель, министр (март-июль 1917) и лидер кадетской группы Временного правительства. К о к о ш к и н Федор Федорович (1869–1918) – юрист, Государственный контролер Временного правительства, один из основателей Конституционно-демократической партии.
Накануне открытия Учредительного собрания декретом Совета народных комиссаров РСФСР партия кадетов была объявлена «партией врагов народа», а ее лидеры – подлежащими аресту. А.И.Шингарев и Ф.Ф.Кокошкин были арестованы, содержались в Петропавловской крепости; по состоянию здоровья переведены в Мариинскую больницу, где были убиты караулом революционных матросов в ночь с 6-го на 7-е января 1918 г.
 - 34) Т а н я - Татьяна Андреевна Миллер – двоюродная сестра Андрея Симукова.
 - 35) Ликвидация Комиссии по погашению долгов связана с аннулированием всех займов, включая иностранные, заключенных «правительствами российских помещиков и российской буржуазии» (декрет Совета народных комиссаров 21 января 1918 г.).
 - 36) И с п а н к а – пандемия гриппа 1918 г.
 - 37) Ш о п е н г а у э р Артур (1788–1860) – немецкий философ; высоко ценил работы Э.Канта, философские идеи буддизма. Основной труд – «Мир как воля и

- представление» (1818).
- 38) См. *Голицын*, 2010: 14–16.
 - 39) У Смельницких (в Сураже) была снята комната для Леши и Али.
 - 40) М о ш е в а я – село, волостной центр.
 - 41) Имеется в виду Единовременный чрезвычайный 10-миллиардный революционный налог на имущие группы городского и деревенского населения (декрет 30 октября 1918 г.). Раскладку налога производили комитеты бедноты, сельские, волостные и городские Советы депутатов.
 - 42) А.Я.А лек с е е н к о с д о ч к о й - Алексей Яковлевич Алексеенко – душатинский крестьянин, участник I-ой Мировой войны, дважды награжден Георгиевским крестом; дочка – Миля (Мелания) Алексеенко (1904–1993), с 1926 г. - жена А. Д.Симукова.
 - 43) О в и н – строение для сушки хлеба в снопах.
 - 44) Я р ь – (*здесь*) – поле для яровых культур.
 - 45) П у н я – сарай для хранения сена.
 - 46) Д.А.Симуков работал в Клинцах и снимал комнату в Ореховке.
 - 47) Г о р л а ч – высокий узкогорлый глиняный горшок.
 - 48) Б у с л а – аист.
 - 49) К а т я А б р а м е н к о – душатинская подруга Миля Алексеенко, впоследствии студентка рабфака МГУ.
 - 50) Х а н н а Ф р и д л е н д е р – подруга и одноклассница Миля Алексеенко в Сураже; погибла в оккупации во время Великой Отечественной войны.
 - 51) Ж и т о (*здесь*) - рожь.
 - 52) Л о к с Константин Григорьевич (1889–1956) – уроженец Суража, окончил историко-филологический факультет Московского университета; литературовед, критик, переводчик, мемуарист; в 1918–1921 г.г. преподавал в Сураже, позднее – в МГУ, ВГИКе, ГИТИСе, Литературном институте.
 - 53) Имеется в виду Ильин день (2 августа по нов. ст.) – день памяти пророка Илии; народный праздник славян.
 - 54) Я р ь – яровой хлеб, яровое.
 - 55) К о м м о л (позднее «комсомол») - Коммунистический союз молодежи.
 - 56) ЧК - (ВЧК СНК РСФСР) – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (1917–1922), имела территориальные подразделения для «борьбы с контрреволюцией на местах».
 - 57) По словам Анисима Сергеевича Лисичкина (односельчанина Симуковых и ровесника Андрея): «В те времена бывших солдат царской армии и юношей, достигших 19-ти (а в некоторых местах и 18) лет, стали призывать в Красную Армию, но многие убегали и прятались в лесах. Тогда были созданы специальные отряды, вылавливавшие дезертиров, после чего их нещадно пороли, но они опять дезертировали из Армии. Тогда, выловивши однажды дезертиров, их собрали всех вместе, построили и расстреляли каждого десятого человека. С той поры дезертирство прекратилось. Если солдату становилось от голода в Красной Армии невмоготу, он тайком пробирался к себе домой набирал полную сумку сухарей и прочих продуктов и скорей спешил в свою часть. Таких сильно не наказывали». *Лисичкин*, 1969. /Архив Алексея Дмитриевича Симукова/. Материалы из

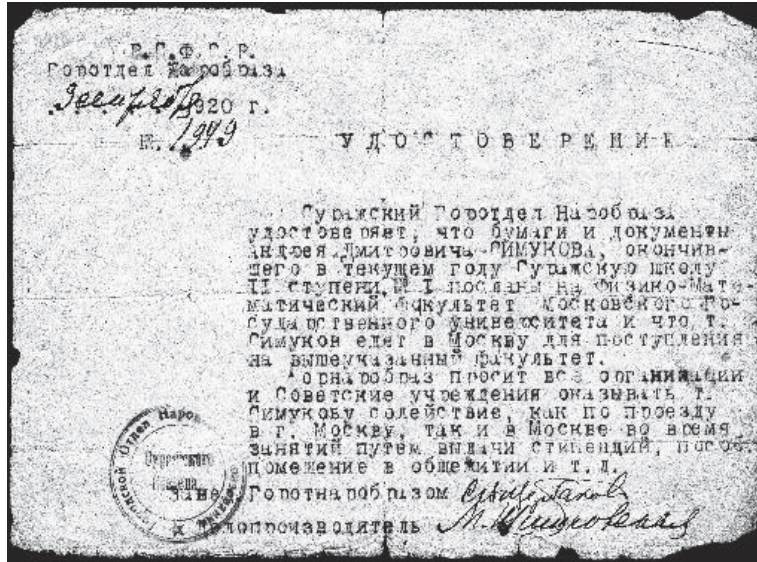
- указанного архива любезно предоставлены Дмитрием Алексеевичем Симуковым.
- 58) Э к о н о м и я (*здесь*)- панская экономия, панская усадьба, где организовали театр.
 - 59) *Tout a fait intime* (франц.) – совсем мало.
 - 60) Л ю б а Р а ш к е с - ученица суражской гимназии, умерла от туберкулеза; её брат Ефим Рашкес стал летчиком-испытателем, первым браком был женат на Марии Алексеенко, сестре Мили.
 - 61) РКСМ – Российский коммунистический союз молодежи, создан в 1918 г.
 - 62) У к о м – уездный комитет РКСМ.
 - 63) РКП – РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевики) – название партии в 1918–1925 г.г.

Глава II
Сигеевка – Москва
(1920–1922)

II Сигеевка – Москва. Список документов

II 1	Удостоверение Суражского Горотдела Наробраза. <i>3 сентября 1920.</i>	69
II 2	Аттестат Авто-Технических курсов. <i>16 февраля 1921.</i>	70
II 3	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>Октябрь-ноябрь 1920.</i>	71
II 4	Д.А.Симуков – А.Д.Симукову. <i>14 ноября 1920.</i>	71
II 5	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>17 ноября 1920.</i>	72
II 6	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>Ноябрь-декабрь 1920.</i>	72
II 7	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>7 декабря 1920.</i>	73
II 8	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>20 декабря 1920.</i>	73
II 9	Аттестат № 843 Авто-Технических Курсов. <i>16 февраля 1921.</i>	74
II 10	О.Я.Пейкер - А.Д.Симукову. <i>26 апреля 1921.</i>	75
II 11	Е.А.Миллер – А.Д.Симукову. <i>17 апреля 1921.</i>	76
II 12	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>Октябрь 1921.</i>	78
II 13	Анисим Лисичкин вспоминает. <i>1969.</i>	79
II 14	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>1 ноября 1921.</i>	80
II 15	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>12 ноября 1921.</i>	81
II 16	А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <i>6 мая 1922.</i>	82
II 17	А.Я.Миллер – А.Д.Симукову. <i>26 мая 1922.</i>	84
II 18	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>Осень 1922.</i>	84
II 19	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>Декабрь 1922.</i>	85
II 20	Удостоверение Механико-Электротехнического Института. <i>29 декабря 1922.</i>	86

II 1 Удостоверение Суражского Горотдела Наробраза¹⁾. 3 сентября 1920.

Р.С.Ф.С.Р.
Горотдел Наробраза
3 сентября 1920 г.
№ 1949

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Суражский Горотдел Наробраза удостоверяет, что бумаги и документы Андрея Дмитриевича Симукова, окончившего в текущем году Суражскую школу II ступени № 1, посланы на Физико-Математический факультет Московского Государственного университета и что т. Симуков едет в Москву для поступления на вышеуказанный факультет. Горнаробраз просит все организации и Советские учреждения оказывать т. Симукову содействие, как по проезду в г. Москву, так и в Москве во время занятий путем выдачи стипендий, пособий, помещение в общежитии и т.д.

Завед. Горотнаробразом <подпись>

Делопроизводитель <подпись>

<Печать>: «Городской Отдел Народного Образования
Суражского Совдепа»

<Текст (рукопись, чернила) на оборотной стороне удостоверения>:

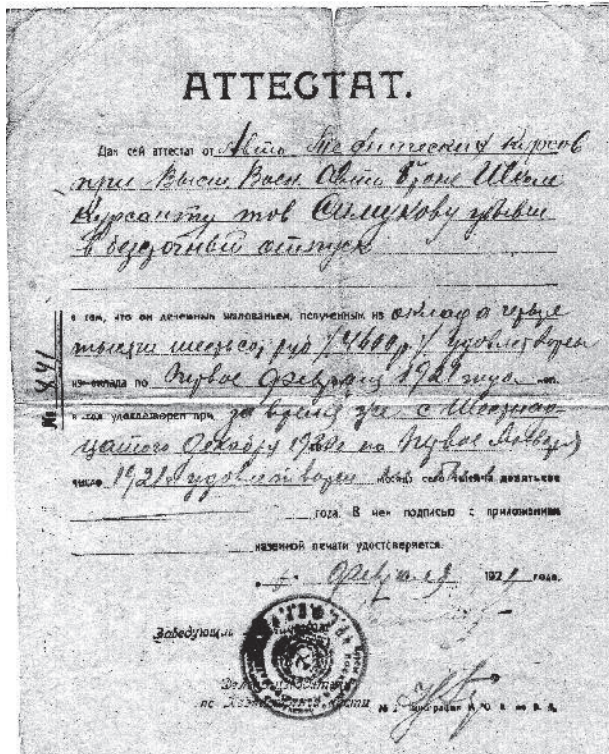
Снят с учета военнообязанных в Суражском Горвоенком 6 сентября 1920 г., как выбывший в Москву, где подлежит взятию вновь на учет.

<Штамп>: «Военком г. Суража» <подпись>

<Штамп>: «Делопроизводитель» <подпись>

<Печать>: «Суражск. Городск. [...] Воен. делам»

II 2 Аттестат Авто-Технических курсов²⁾. 16 февраля 1921.

АТТЕСТАТ

Дан сей от Авто-Технических курсов
при Высш. Воен. Авто Броне Школе курсанту тов. Симукову
убывш. в безсрочный отпуск в том, что он денежным
жалованьем полученным из оклада четыре тысячи шестьсот руб
(4600 р.) удовлетворен по Первое Февраля 1921 года, за время
же с Шестнадцатого Декабря 1920 г. по Первое Января 1921 г.
удовлетворен не был. В чем подписью с приложением казенной
печати удостоверяется.

16 Февраля 1921 года.

Заведующий Хозяйством <подпись>

Делопроизводитель по

Хозяйственной части <подпись>

<Печать>: «Курсы Младшего Командного состава
Высшей Военной Авто-Броне Школы
Р.С.Ф.С.Р.»

II 3 Н.Я.Симукова³⁾ – А.Д.Симукову. *Октябрь-ноябрь 1920.*

<Октябрь – начало ноября 1920 г.>

<Сигеевка>

<в Москву>

Дорогой мой Люленька⁴⁾! С большим чувством удовлетворения читаю твои складные содержательные письма. Мое материнское чувство удовлетворено: в тебе я вижу отражение моих стремлений к идеалу. Береги свою душу, не загрязни ее. Очень, очень рада за тебя и Аллю⁵⁾, что вы выбрались на дорогу, только мы с Лешей⁶⁾ все еще не можем вытащить себя. К моему большому прискорбию Леша болен: его флюс <...> не проходит, и все время повышенная температура. Я это время испытываю душевные муки и только одного жажду – скорее пережить их. С конем у нас вышла целая история: он никуда не годится, нас обманули. <...>. Наконец и мое невыясненное положение⁷⁾ тяготит меня. Не будь твоих писем о вашей, слава Богу, хорошо сложившейся жизни, не знаю, как бы все это я перенесла. Но жизнь меня научила переносить всякие моменты, и это время переживается и пройдет безвозвратно. <...>.

Папе приходится очень много переживать, и эти переживания не из приятных. <...>. Вообще моя энергия ослабевает, и весь центр тяжести переходит на вас. <...>.

Поцелуй тетю Олю⁸⁾, бабушку⁹⁾, Аллю. <...>. Поклон Сергею Владимировичу¹⁰⁾, тете Вере¹¹⁾ и остальным. Целую тебя.

Мама.

II 4 Д.А.Симуков¹²⁾ – А.Д.Симукову. *14 ноября 1920.*

14/XI/1920 <Сигеевка>

<в Москву>

Дорогой мой Люленька, большое тебе спасибо за письма; читая их я отдыхаю от разного рода дряг и неожиданных неприятностей. Здоровье мое по-прежнему неважно; после твоего отъезда пролежал 5 дней – ноги и лихорадка; температура до 40°С а потом сразу 36°С. Хозяйство обстоит так: амбар еще не прибрали – не могли найти плотника; а теперь и по хозяйственным соображениям нельзя – хлеба очень мало – придется отложить до весны. <...>. Ну, брат, и влопались мы с конем; оказывается, он не годится никуда; до Бельниковичей не мог довести 10 пудов клади. <...>. Кабан наш выглядит изрядным медведем. Жаль, что нельзя его продержать еще месяца два; если бы мешка 2 овса, то можно бы взять сала до 5 пудов, а то придется бить его в конце месяца. <...>. С кормами очень плохо; не знаю, как удастся дотянуть до весны. Сейчас снегу нет, но стоят морозные ночи, а часто и дни; скот еще бродит по полям и [...], но подкармливать приходится.

По реквизиции¹³⁾ отдали 6 пудов карофеля, 1½ пуда жита за 9 пудов

картофеля, 1 пуд жита; а еще 4 ½ пудов картофеля, 1 пуд овса и 20 фунтов гречихи не отдавал; сена отвезли 5 пудов 30 фунтов и соломы 4 пуда 15 фунтов, а квитанцию выдали на 4 пуда сена и 3 пуда соломы, вот грабители! <...>.

Позавчера сигеевские леса обходила комиссия из землемера, объездчика и лесничего. В Барсуках отбили 10 десятин сигеевского леса к срубам, заглянули и к нам; постановили конфисковать дрова, отдать желающим убрать поваль; одним словом у нас лесу больше нет. И обидно, и досадно. Хлопочу, чтобы дали нам убрать хоть валежник.

Знаешь ли, сколько назначено с Гомельской губернии к реквизиции, сиречь к добровольной сдаче продуктов? Ржи 750 тыс. пудов, ярового 1,350 тыс. пудов, сена 4 млн. пудов, картофеля 6 млн. пудов и мяса 640 тыс. пудов. Теперь чего только не требуют с крестьян. Прямо приходится удивляться изобретательности власть имущих. Да, тяжело становится жить при таких условиях. <...>.

Передай мой горячий поцелуй Але за письмо. Напишу ей.
Ну, будь здоров; поклон бабушке, Миллерам, Пейкерам <...>. Целую крепко.
Папа.

II 5 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 17 ноября 1920.

17/XI/1920 <Сигеевка>

<в Москву>

Дорогой мой Люленька, по получении твоего письма я бесконечно счастлива и довольна, что ты здоров и бодр. Здоровье самое главное, остальное само в руки дается. Дай Бог, чтобы твое ученье прошло благополучно. Твои письма приносят мне большое удовлетворение, смотри, крепись и не поддавайся соблазнам.

Мы живем по-прежнему, жизнь бьет ключом: реквизиции, приказы, заботы, хлопоты и т.д. <...>. Лешин отъезд затягивается по разным причинам: 1) он болел, теперь поправляется; 2) дрова; 3) всякие поездки по реквизициям. <...>.

Целую тебя, тетю Олю, поклон Сергею Владимировичу.

Мама.

II 6 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. Ноябрь-декабрь 1920.

<Ноябрь - декабрь 1920 г., Сигеевка>

<в Москву>

Дорогой Люля! твое присутствие необходимо. Отпросись у начальства хоть на неделю. Такая масса осложнений, что только при твоей помощи можно что-либо сделать. Папа болен и окончательно расстроен болезнью коня. <...>. Затем сидим без дров, некому и не на ком привезти. Я назначена

в Гавриленку¹⁴) и буду там жить, так что папа остается без всякой поддержки. Сено надо перевезти, а то раскрадут, и наш скот погибнет от голода. Много еще есть другого. Пожалуйста, не оставь своих родителей без поддержки.

Целую тебя. Мама.

Не можешь ли ты достать «Геометрию» сыну Владимира Никаноровича и для меня какую-нибудь элементарную [...]?

Не можешь ли достать какое-либо удостоверение, как красноармеец, на получение лошади из реквизированных, конечно на месте? Может быть, это безумная мысль, но я хватаюсь за все. <...>. Мама.

II 7 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 7 декабря 1920.

7/XII/1920 <Сигеевка>

<в Москву>

<...>. Как Леша доехал¹⁵? <...>. Я переведена в Климовический уезд¹⁶. Добилась своего, была в Клинцах¹⁷. Передай Леше, что благополучно доехала туда и обратно.

Целую всех. Мама. Скорее ответь.

II 8 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 20 декабря 1920.

20/XII/1920 <Сигеевка>

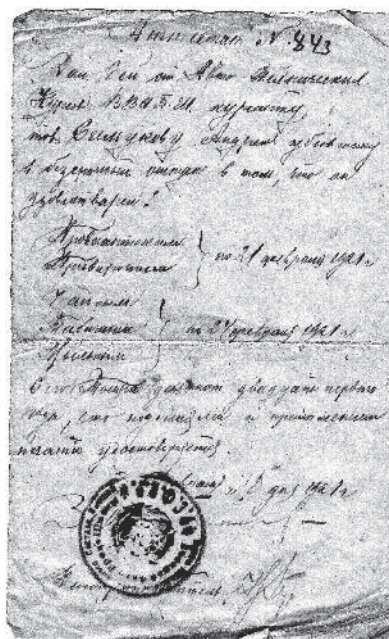
<в Москву>

Дорогой Люленька! Спасибо за твои письма, которые вносят свет и радость в нашу обыденную жизнь. Теперь у нас тихо в хате. Недавно забили кабана, который не подвел нас. Сала кускового 2 пуда с лишком, мяса достаточно, 4 окорока на 2 пуда с лишком. Мы сейчас сыты и жалеем только, что вам не придется вкушать с нами мяса. Но окорока останутся нетронутыми к вашему приезду, и постараемся поменьше тратить сала. Готовлю вам посылку: сала, колбас и сухари; не знаю только, в каком количестве можно послать. Настроение мое сейчас куда лучше. <...>.

До сих пор у нас нет санного пути. Сегодня идет снег. Я сижу одна в хате, папа ушел по делам. Воскресенье. Завтра думаю начать заниматься в Сигеевской школе.

Целую тебя, мой друг. Мама.

II 9 Аттестат № 843 Авто-Технических Курсов¹⁸⁾. 16 февраля 1921.

АТТЕСТАТ № 843

Дан Сей от Авто-Технических
Курсов В.В.А.Б.Ш. курсанту
тов. Симукову Андрею убывшему
в безсрочный отпуск в том, что он
удовлетворен:

Провиантским		по 21 февраля 1921 г.
Приварочным		
Чайным		
Табачным		по 24 февраля 1921 г.
Мыльным		

Сего Тысяча девятьсот двадцать первого
года, что подписями и приложением печати
удостоверяется.

Февраля «16» дня 1921 г.
Заведующий <подпись>
Делопроизводитель <подпись>
<Печать>: «Курсы Младшего
Командного состава
Высшей Военной
Авто Броне Школы
Р.С.Ф.С.Р.»

II 10 О.Я.Пейкер¹⁹⁾ - А.Д.Симукову. 26 апреля 1921.

26.IV.1921 <Москва>

<в Сигеевку>

Дорогой Люля,

Христос Воскресе! Со светлым праздником поздравляю тебя и желаю тебе встретить его радостно, без раздвоения души твоей.

Готовлюсь и я к празднику. Яйца и мука есть, но творогу, наверное, не будет. Жду Алю к себе на ее именины. Недавно была там в колонии²⁰⁾, проведала бабушку и Алю. Бабушка очень соскучилась без меня.

Была я в Московском электротехн <ическом> институте. 3 года обучения. Прием на 1-й и 3-й семестры будет к осени. На 3-й семестр принимаются окончившие гимназию. Экономические условия печальны и даже очень. Студенты получают карточку А и 5000 руб. и больше ничего. На карточку А дают по 1 фунту хлеба и обещано мясо, крупа и кой-что еще, но ничего этого нет. Есть в Моспрофобре²¹⁾ общежитие, но оно переполнено. Если туда попасть, то учиться можно. Занятия происходят днем, т.ч. служить нельзя.

Продовольственный вопрос ухудшается, хоть рынки открыты, но и цены рыночные, т.ч. с 5000 руб. ты не проживешь, а погибнешь. Одежда, обувь, освещение, отопление, квартира! У меня душа болит за тебя, но ничего не поделаешь. Еще пойду в хозяйственную академию, что там скажут, а пока дело швах.

Конечно, Але очень хочется домой, и я считаю, ей необходимо побывать дома. <...>. Но одна она ехать не решится. Говорят, на вокзалах столпотворение. <...>. Самое лучшее, если ты приедешь за ней. С тобой она и в окно полезет. <...>.

В июле бабушка переезжает на постоянное жительство в Москву, ей там и скучно, и тяжело; Але придется перейти в интернат. Ей голодно, но вид у нее хороший.

Весна у нас сухая, дожди отсутствуют. Теперь дома я занята чисткой комнаты и вещей, которую зимой я так запустила. Дверь на балкон открыта. Сергей Владимирович посеял томаты, скоро будет рассаживать, раздобыл ящики, землю, и у нас будут Семирамидовы сады. <...>.

Я даю частные уроки. Ко мне ходят два мальчика, с которыми я занимаюсь по-французски и по-немецки. Денежный доход прибавился на 30,000 руб.

В Хрущевской обители²²⁾ перемены. Приехали домовладельцы Фроловы и живут в синей комнате. Хотели нашу комнату, но ввиду того, что бабушка переедет к нам, мы не уступили свою комнату.

Сегодня ночью был обыск²³⁾ у дяди Алеши²⁴⁾, но, конечно, ничего не нашли, и все обошлось пока.

Милый мой Андрюша, тебе придется прокладывать путь в жизни по-американски, как Джек Лондон. Читай такие книги, как «История цивилизации в Англии» Бокля, Тена, философию Канта и разные учебники по механике и прикладным ремеслам. Где можно, учись чертить.

Женя²⁵⁾ написал мне и хотел ответить и тебе. Он женился! Обещал прислать свой новый адрес. Он перенес сыпняк.

Сегодня ночью я сильно поволновалась. Пока довольно. Всего хорошего. Пиши. Поцелуй всех, кого можно, а другим поклоны. Все мы кланяемся и целуем.

Твоя тетя Оля. Сегодня бабушке 81 год.

II 11 Е.А.Миллер²⁶⁾ – А.Д.Симукову. 17 апреля 1921.

17 апреля 1921г.

<Станица Суворовская>

<в Сигеевку>

Дорогой Андрюша! Большое спасибо тебе за твое обширное послание. Оно дало мне немало материалов для размышлений. Как быстро летит время! Как незаметно, но с неумолимой последовательностью совершаются перемены в нас самих и в окружающем мире! Читая твое письмо, я думал о той разнице, которая существует между известным мне «Люлей» прошлого и настоящим Андрюшей, между гимназистом Женей и Евгением Андреевичем, как меня теперь по большей части называют. Во всяком случае я очень рад, что возобновилась прерванная было связь между нами. <...> Теперь несколько слов о самом себе, вернее о главнейших событиях моей жизни. Начал я свою военную карьеру с должности командира взвода запасной батареи IX армии в с. Себрово у станции Себряково Донской Обл <асти>. Оттуда ходил со взводом на Дон (во время отступления Красной Армии из Дон. Обл.) для обороны переправ. Был у станиц Кременской, Перекопской и Клецкой. Отряд, при котором я находился со взводом, был уничтожен кавалерией Мамонтова²⁷⁾, а я еле спас большинство людей и лошадей. Вернулся в батарею, с которой из Себрякова походом прошел до Балашова, а оттуда до Пензы. Там я был начальником Учебной артиллерийской команды IX армии <...> Затем опять Балашов, откуда переехали в окрестности Саратова, где я был назначен командиром запасной батареи и где пробыл с осени до весны 1920 г. В мае нас по Волге отправили в Царицын, оттуда в Калач и далее походом до станицы Суворовской на Дону. <...>. В Суворовской мы простояли два с небольшим месяца. Это лучшее место из тех, в которых я побывал за все это время. Спектакли, прогулки (обычно вечерние), беседы <...> сменяли друг друга. Отличный стол, отличная квартира, общество – все способствовало процветанию и укреплению как

духа, так и тела, в чем (особенно в первом) я очень нуждался. <...> Добровольная работа в поле (по уборке сена) и на огороде дорисуют картину. Сама Суворовская во многих отношениях не похожа на нашу деревню, по крайней мере такую, какую я видел в Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерниях даже по соседству с губернскими городами, особенно в отношении культурности населения она во много раз стоит выше их.

Осенью военные обстоятельства заставили нас передвинуться к устью Донца <...> оттуда – к ст. Белая Калитва и далее по железной дороге до Каменской. Здесь моя батарея была выделена, и я самостоятельно отправился для действий против Махно²⁸⁾. Это было в середине сентября, а с началом октября моя батарея была переброшена на Врангелевский²⁹⁾ фронт. Побывал в Крыму и вернулся в Донецкую губернию уже вместе со всем дивизионом для охраны складов и производства Донбасса. Расположились недалеко от станции Дебальцево. Всего с сентября до этого момента было пройдено почти 2000 верст одним походным порядком с краткими и редкими передышками. К счастью потерь было немного – всего три человека раненых (один из них – бомбой с аэроплана), да два-три пересеханных орудиями во время ночных походов. (Утомленные до крайности люди засыпали на лафетах и передках).

Вспоминаю впечатления этих зимних походов. То пасмурно, то ясно, но всегда сухо. Мороз, светит солнце, ветер и тучи, бесконечные тучи пыли, заволакивающие солнце и небо. Пыль, серая, удушливая, забивающаяся в рот, в нос, в глаза, в уши и волосы. <...> Жестокий, пронизывающий ветер, обжигающий щеки, уши и руки. <...> Лошади, понуро плетущиеся среди облаков пыли, поднимаемой орудиями, повозками и толпами идущих людей. И они идут, идут с рассвета до полуночи. Сначала бодро и весело, под конец – угрюмо и озлобленно. Длинная вереница отставших тянется по дороге. Они пытаются пристроиться на повозках, орудиях или кухнях, но это редко кому удается. А сзади их ждет неизвестность, страх перед жестоким врагом, идти же вперед уже нет сил. И так – изо дня в день, часто по целым неделям и месяцам. Но дух, откуда берется этот дух? Усталые люди под сильнейшим огнем по команде подымаются и идут вперед не задерживаясь ни на минуту. Очевидцы говорят, что в Германскую <I-ю Мировую> войну гораздо труднее было заставить людей подняться и идти вперед. Что это – отвага, презрение к смерти ради идеи или привычка рисковать собою, апатия, обесценение жизни? <...>

Но вот кончились военные действия, мы стали на стоянку. Мне удалось получить кратковременную командировку в Суворовскую со специальной целью ... жениться. <...> «Пути Господни неисповедимы» ... Так или иначе, но это было, кажется, единственной причиной того, что я остался жить. <...> Сыграли скромную свадьбу (настоящее «торжество» я собирался устроить в

части) и через день уехали лошаадьми в станицу Морозовскую. <...> В Суворовской я был нездоров, но торопился в часть, т.к. дал слово быть к сроку. К несчастью, на обратном пути заразился сыпным тифом <...> и уже почти не помню, как меня довели со станции Каменская в хутор, где стояла моя батарея. Утром уже у меня была температура 40.5°C и я был без памяти. В таком состоянии пролежал почти четыре недели. К моему великому счастью меня не отправили в госпиталь, и этому обстоятельству я обязан своим спасением: самоотверженный уход Ани (моей жены), питание, заботы дивизионного врача, установившего постоянные дежурства фельдшеров и санитаров, наличие лекарств (в свое время захваченных у Врангеля) вернули меня к жизни. Никто почти и не надеялся на такой благополучный исход. <...>. Много сил, средств и здоровья унесла эта болезнь, но «все хорошо, что хорошо кончается». <...>.

II 12 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. Октябрь 1921.

<Октябрь 1921 г., Сигеевка>

<в Москву>³⁰⁾

Дорогой Люля, как же ты устроился? Тяжело, наверное, живется тебе! Беру ли я кусок хлеба, сушеное яблоко, каждый раз вспоминаю о тебе. Тебе и холодно, и голодно, моя жилетка не спасет тебя от холода, а главное - душевное состояние - каково оно? Как твое учение, насколько оно удовлетворяет тебя, веришь ли ты в целесообразность его? Как дела с комнатой³¹⁾, со службой³²⁾? Ты – ночной сторож: *choking! Quelle horreur!*³³⁾ Как же «свет» смотрит на это? Думаешь ли ты, что твое с таким трудом завоеванное положение будет прочно? Пиши скорее обо всем. Как доехали Аля с Анисимом³⁴⁾? Все ли вещи целы? Как ты сделаешь с заготовками? Как у вас со столом? Получил ли Анисим место? Как Аля устроилась в интернате³⁵⁾?

Теперь перенесись в нашу деревню. Сегодня воскресенье; папа в Гавриленке, Леша сидит за книгой и потягивается, тетя Аня³⁶⁾, как всегда интересная, напевает песенки. Склонившееся уже к западу солнце бросает «свои последние прощальные лучи» в нашу унылую хату. Я уже поглядываю на часы, чтобы вовремя приготовить все к вечеру: замешать свиньям, поросятам, из которых остались только двое: черненькая и рябенькая, а кабанчика мы зарезали. <...>.

Сейчас только что принес Сергей Исаков твое письмо. Бедный мой Люленька! Хлеб и вода! Суровое время для тебя! Но зато ты закалишься в борьбе за существование.

Мы, наконец, купили коня (серого) у Марьи Осипихи за 15 пудов муки. Мы сразу все выплатили и остались, дай Бог, с 15-ю пудами, надо еще отдать

пастухам, Николаю, Сергею. Все уже помолочено у нас; овса получилось 35 мер. Хорошо! Гречки 6 мерок на крупу, 5 мерок на посев. Будет крупа, будет хоть одна мерочка и на блины.

Неужели ты не приедешь к Рождеству? Мне без тебя скучно. Ты знаешь наше чудное семейное общество; папа все больше и больше отдалается от всего. Утром, молчит или лежит.

Надеюсь, ты забыл в заботах Душати³⁷⁾, брось его.

Целую тебя крепко, крепко, мой милый.

Твоя мама.

II 13 Анисим Лисичкин вспоминает³⁸⁾. 1969.

В сентябре того же <1921> года я вновь поехал в Москву вместе с Андреем Дмитриевичем Симуковым и кое-кем из суражан. Теперь уже сам Андрей ехал к своим родственникам, а передо мной была вся Москва. <...>. Андрей Симуков поступил в Механико-Электротехнический институт им. Ломоносова. У него было временное жилье у тётки, у меня же вовсе не было, и я не знал с какого конца к этому делу подступиться. Выручила «счастливая звезда». Андрей как-то встретил одного из бывших курсантов Авто-Технических курсов <...> и разговорился с ним. Это был Михаил Васильевич Катарэу <...>. У них в квартире освободилась только что комната <...>, он взялся переговорить со своим управдомом и велел нам приходить денька через два прямо к управдому. Никаких ценностей у нас не было поэтому мы напилили и раскололи на мелкие чурочки для «буржуйки» кубическую сажень (10 куб. метров) дров, а он оформил нам прописку в доме № 25 в квартире 12 по Новослободской улице (недалеко от теперешней станции метро «Новослободская»). Так я внедрился в Москву в 1921 году. Первые две зимы жили в нетопленной комнате, хотя и в каменном хорошем флигеле дома. Только летом 1923 года было отремонтировано центральное отопление. Попытка отапливаться буржуйкой выведя трубу в форточку не удалась. <...>. Студенческого пайка хватало на неделю-полторы, а при самом голодном питании – на две недели. В остальное время нужно было где-то подрабатывать. Наш сосед М.В.Катарэу совместно с компаньоном открыл авторемонтную мастерскую на Долгоруковской улице. И вот мы с Андреем то пилили и кололи дрова для «буржоек» у знакомых наших соседей, за что нас кормили, то поочередно служили сторожами и раздатчиками инструмента в мастерской «Катарэу и К^о», а также убирали мастерскую и помогали слесарям. Иногда сосед находил на автомобильном кладбище у Савеловского вокзала какую-нибудь запасную часть и ее нужно было на саночках привезти в мастерскую, за что платил он отдельно. <...>.

Работы тогда не хватало. На бирже труда в Романовском переулке числилось много безработных. Поэтому работу надо было захватить рано утром (часто еще затемно приходиться наниматься на поденную работу). Учебой в это время было заниматься невозможно и мы пропускали занятия. Но это в те времена легко сходило с рук. На каникулы я ездил домой и там тоже запасался продуктами. <...>. В первую зиму я успел окончить подготовительное отделение Практического института внешнего благоустройства населенных мест (там давали паек), после чего этот институт закрылся. <...>. Затем я поступил в Институт Гражданских Инженеров. Через год и этот институт закрыли, а сотрудников и помещение передали инженерно-строительному факультету Московского Высшего Технического Училища. <...>. Его я и окончил в 1930 году. <...>. Во время учебы в Институте Гражданских Инженеров и на первых курсах МВТУ стипендия равнялась всего десяти рублям. <...>.

За годы революции и гражданской войны Москва сильно разрушилась. На давно закрытых магазинах висели еще дореволюционные простреленные вывески. В 1921 году стали уже ходить трамваи, но их было очень мало. Ходили преимущественно пешком, отчего обувь изнашивалась быстрее, а взять ее было негде. На Смоленском рынке я купил за 200000 руб. австрийские военные ботинки подбитые гвоздями и с подковами. Они выручали меня года три. Асфальтовые тротуары разрушались. Да и было их тогда немного. Наиболее значительные улицы и переулки в центре города были замощены булыжником. Асфальтовых мостовых не было, за редким исключением. <...>. Вся Тверская была вымощена экспериментальными участками: булыжной шашкой, деревянной торцовой шашкой, немножко асфальтировано, остальное обыкновенной булыгой. А это была главная улица Москвы. <...> Окраины же и вовсе без мостовых. Разрушенные (особенно на Никитском бульваре) дома не восстанавливались до 1925–26 годов. Так же и тротуары.

II 14 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 1 ноября 1921.

1/XI/1921 <Сигеевка>

<в Москву>

Дорогой Люленька, спасибо за твои для меня бесконечно дорогие письма. <...>. У нас все идет по-старому. Папа занят сейчас чисткой гороха и время от времени выскакивает с пугой³⁹⁾ разгонять стадо свиней наших милых соседей. Последнее время он часто жалуется на головокружение. Он по-прежнему ходит в Гавриленку <на работу> и будет получать жалование натурой: 1 пуд 10 фунтов хлеба, но почему-то оно все задерживается. <...>. Затем учителям полагается получать паек с деревень, с которых будут брать

налог. Этот налог будут сыпать в волость, откуда мы уже должны получать. Такса такая: 1 ½ пуда хлеба, 1 ½ пуда картофеля, 5 фунтов сала, 10 фунтов круп, 10 фунтов фасоли и гороху, мяса не помню сколько. Если все это выполнится, то тогда мы живем.

Про корову пока не слышно. Трофим еще не приходил за ней⁴⁰; я надеюсь, что еще продержим, но конечно, неизвестно. Остаться без коровы – невозможно, придется покупать, а коровы теперь страшно дороги. <...>.

Занятия в школе еще не начались, задержка в ремонте школы. Я увлекаюсь чтением Шеллера-Михайлова. Теперь горит у нас большая лампа, и мы по вечерам сидим и читаем. Узнай что-нибудь для Леша про высшее художественное училище или что-нибудь другое. <...>. Пиши все про Алю, следи хоть издалека за ней.

Как дядя Алеша, тетя Вера? Всем, всем горячий привет.

Сейчас Тришка ползает по полу и подбирает горох. Надо спешить идти кормить свиней. Наступают холода, уже шел снег.. Горит лампа, папа лежит уже, Леша читает, я кончаю тебе письмо. Еще одна печальная новость: кожа серой уже висит. Ее водил Леша в Михайловку, и за 15,000 все было сделано.

Недавно я получила жалованье со всякими добавлениями 130,000! Получила 77 коробок спичек. Да здравствует советская власть.

Целую всех, поклон Анисиму. Смотри, чтобы ваши товарищеские обязанности были распределены равномерно.

Целую тебя. Будь бережлив с вещами. Мешки целы? Я постараюсь достать онучи⁴¹.

Твоя мама.

II 15 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 12 ноября 1921.

12/XI/1921 <Сигеевка>

<в Москву>

Дорогой Люленька, что-то нет писем от тебя. <...>. На днях я получила от Али письмо. Бедная, скучает. Она была у тебя? Напиши про нее. Уж этот год надо выдержать, а будущий – что Бог даст.

С хлебом у нас обстоит так: нашего хлеба до Рождества хватит, папа получил 6 ½ пудов – это пойдет на еду после Рождества. Но, знаешь, масса расходов. С долгами (старыми) мы расплатились, по продналогу⁴² все заплатили, но растут новые долги. Есть еще надежда на получение пайка с деревни. <...>. Наше начальство нам вот как разъяснило: обещают жалованье 1,200,000 руб. в месяц, из него будут высчитывать за паек по рыночным ценам. Вот будем богачами. Мы соблазнили Лешу, и он тоже зачислился в шкрабы⁴³. Будет, наверное, служить в Бороньках. Надо хлеб заработать. Мы занимаемся в две смены с Аней. Пока еще не было трений.

Эти дни мне что-то нездоровится; вчера совсем расклеилась, сегодня – ничего. Сейчас сижу на печке, вечернее развлечение.

Корова остается у нас, как объявил нам Трофим, но тоже надо бы заплатить сколько-нибудь за нее. Кони сейчас бездействуют, только иногда Леша привезет воз дров. Дороги еще нет хорошей, мало снега, но морозы изрядные. В хате температура сейчас 11°C, поднимается до 13–14°C. Дрова очень хорошие. <...>.

Как же ты? Думаешь приехать на Рождество? Учебники наши у тебя? Береги их. Они теперь на вес золота. <...>. Как ты с Анисимом? <...>.

Я получила письмо от Али, в котором она спрашивает, что делать с деньгами, вырученными за ботинки. Пускай купит разные мелочи, как-то: мыло, расчески, частый гребешок, наперсток, нитки, чулки себе, соды, перцу для колбас. Часть денег пусть прибережет, все пригодится. (*Аля пишет: «Или, может быть, на эти 300 тысяч купить пилу или что-нибудь в этом роде?»*)

Пишу тебе с перерывом. У нас гроза. Отыскали скрытую землю от продналога, и теперь требуют налога и за нее. На нас будет числиться, наверно, 6 десятин пахоты. Что мы будем делать? Мы, учителя, пока ничего не получаем. Леша мобилизован по продналогу на эти скрытые земли и назначен учителем в Бороньки.

Хорошо было бы, если бы ты с Алей приехали на праздники. Но не буду настаивать, вам виднее, как поступить. <...>.

Как твоё учение, удовлетворяет ли оно тебя? Напиши обо всем и обо всех. Завтра Леша идет в Мошевое, трудно будет справляться без него. <...>.

Целую тебя крепко. Поцелуй всех, бабушку особенно. Твоя мама.

II 16 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 6 мая 1922.

Москва, 6/V/1922

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Доехал я вполне благополучно, Можно сказать даже очень хорошо. Выехал из Суража в пятницу ночью и в Москве был в понедельник в 2 часа дня. Т<ак> к<ак> я сдал крупу в багаж, притом только в Унече, ибо в Сураже не оказалось билетных бланков до Москвы, то мне не пришлось отправить на свой билет чужую муку, и половины билета мне не оплатили⁴⁴⁾. Поэтому на путевые расходы мне пришлось кроме овса продать еще 5 ф<унтов> сала. Далее: цены в Москве не ахти как высоки: салу цена 1.200.000 – 1.300.000, и было весьма неудобно повышать моим кредиторам цену до 750.000. Поэтому пришлось повысить лишь до 600.000. Таким образом мне осталось всего фунта три на еду. Сейчас сижу без гроша (*Six joues baisent gros chat*⁴⁵⁾). Багаж еще идет.

Сегодня иду поздравлять бабушку с днем Ангела и уничтожать именинный пирог. Погуляю всласть. <...>. Тетя Оля благодарит тебя за присланное. Лопатка прибыла в великолепном состоянии. Малосольная, хорошо прожаренная, сочная и нежная она была превосходна. Опять уж начались ее заботы обо мне. К сегодняшнему дню мне готова рубашка (потихоньку от С.В.). Мысли о чем-то грандиозном в наших краях она оставила, и они собираются просто помочь нам с постройкой новой хаты, с условием уголка для них. А пока тетя Оля собирается просить тебя о следующем: когда подойдет сезон, кормить на ее счет свинью. Конечно, ради прекрасных глаз этого делать тебе не придется, а будет известная часть продуктов в твою пользу. С этой целью тетя Оля будет закупать под моим руководством товар, который я и привезу летом.

Дядя Алеша⁴⁶⁾ все еще болен, хоть и на пути к улучшению. Он и тетя Вера отправились на месяц в Угреш, где наняли комнату у митрополита. Колония⁴⁷⁾ вероятно прекратит свое существование, т.к. в кредитах ей отказано. <...>. Благодарю за присылку записной книжки, но забыта еще важная вещь: оба ремня.

Как здоровье Али? Я уверен, что она перенесет свою болезнь без особых последствий. Здесь все встревожены этим известием. <...>. Представляю себе, как ты сейчас должна разрываться! Что Леша? Как всходы ячменя, пшеницы? Как сегодняшняя Душати́нская ярмарка? Получили ли вы дробины⁴⁸⁾?

Погода здесь пока превосходная. Был дождь, даже гроза. Бабушку поздравлю сегодня от всех нас. По приезде она меня угостила портвейном.

Сейчас мне предстоит весьма тяжелый период напряженнейшего умственного труда. Думать о заработке будет некогда. Поэтому я в первый раз за два года обращаюсь к тебе и всем вам с серьезной просьбой помочь, чем только можно. У меня нет, например, денег даже на бумагу для черчения, которое мне необходимо сдать сейчас. Прежде всего прошу продать и переслать плату за платок, кроме того необходимо рассчитаться за краску, а потому постарайтесь немедленно выслать пуд, который должен дать Заяц⁴⁹⁾. Подумайте и об оборотном капитале. В конце концов что-нибудь сделать надо. Конечно, по окончании зачетов я еще поторчу здесь недели 2–3 с целью заработка, но его не так легко достать теперь. Момент важный: перевод на второй курс. Не переведусь – выкинут – значит военная служба, а оттуда на помощь не рассчитывайте. Помочь мне сейчас нужно.

Все здесь, и я в том числе, шлют сердечнейшие поздравления Але⁵⁰⁾ и желают скорейшего выздоровления.

Твой Андрей.

II 17 II 17 А.Я.Миллер⁵¹⁾ – А.Д.Симукову. 26 мая 1922.

Motzstrasse 2

Berlin W. 30

26 Мая 1922 <в Москву>

Дорогой Андрияша,

Прежде всего обрати внимание на измененный адрес. Пиши мне по новому. Дело в том, что вследствие регулярного, никакими естественными причинами не объяснимого, взвинчивания хозяйкой пансиона цен, я принужден буду искать себе другой, более дешевый приют. Жадность обуяла здешних буржуев, и они стараются выжать все. *Motzstrasse 2* – это наша контора. Твое письмо от З.В. получил лишь вчера. Как изложение, так и тон твоего послания произвели на меня хорошее, бодрое впечатление. Меня гложат угрызения совести, что до сего времени мне не удалось переслать тебе никакой одежды. Никто за это не берется. Тем не менее, тем или иным способом, быть может, добьюсь своего. Напиши ты мне определенно, получила ли тетя Оля⁵²⁾ мои 4 последние Нансеновские посылки⁵³⁾ ?

Ты еще начинаешь жизнь, а уже приобрел опыт и закал. Свято храни то и другое, а прежде всего здоровье. Мне на склоне жизни приходится очень много работать: с утра до ночи. Работа нервная и спешная. Благодарю Бога за это. Все чаще забирает меня тоска по родине и всем родным. Многое приходится мне переносить, но с покорностью терплю, ибо всегда у меня стоит картина больного Алеши (твоего дяди), бабушки, твоей мамы и всех других наших.

Напиши мне, прививаются ли в деревне тракторы для распашки? Как обстоит дело с сельскохозяйственными машинами и орудиями?

Здесь наступила жара, что в большом городе неприятно. Тетя Лаура⁵⁴⁾ время от времени болеет – не может привыкнуть к здешнему климату. Надеюсь, летом ей будет лучше.

Поцелуй твою славную, милую маму и папу, Алешу, Алю и всех наших. Не забывай меня твоими интересными письмами. Всего наилучшего.

Твой А.М.

II 18 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. Осень 1922.

<Осень 1922 г.⁵⁵⁾, Сигеевка>

<в Москву>

Люля! Как твои [...] и зачеты?

Мы переживаем период волнений и колебаний в связи с продналогом⁵⁶⁾. Еще пока неизвестно, чем все кончится. Тетя Аня является ходатаем всех пролетариев. Симуковы, которые единственные [...] Иван Сидор[...] не могут уплатить налога.

[...] поговаривали о переводе Сигеевской школы в Великий Бор, но и это пока неизвестно. Товарищ Михайлов стоит за просвещение населения Великого Бора. Значит, моя судьба на волоске.

Серого коня продал Леша в Душатине на ярмарке за 12 пудов Георгию Леон [...]. Трофим продал мне пасеку за [...], причем половина уже заплачена. Леша ищет купить кобылу, а пока мы остались с одним жеребенком. Мы еще ничего не молотили после вас. Как вы [доехали]? Какое впечатление осталось у тети Оли от нашей деревенской жизни?

Папа лежит совершенно и уже больше ничем не помогает. Леша принужден быть совершенно самостоятельным, что для него в воспитательном отношении очень полезно. Гумно собираемся крыть, да еще нет [...] и пеньки, а главное [...] мало. Леша топит овин, завтра будут с Леной молотить овес. Леша заметил правильно, что что ни год, то для нас испытание.

Если будут у тебя деньги, купи [...] большой спрос и [...].
Одарка Степановна дала капусты на имеющуюся у меня [заботу].
Целую крепко. Письмо отправляется с Андреем Обыденником.
Твоя мама.

II 19 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. Декабрь 1922.

<Декабрь 1922 г.⁵⁷⁾, Сигеевка>

<в Москву>

Дорогой Люля, наше печальное известие сильно запоздает не по нашей вине, в Сураже не было марок, а без них не принимают на почте.

Многое, многое хотелось бы сказать, да надеюсь, так или иначе увидеться и обо всем переговорить. Мне очень хочется в Москву, но средств, можно сказать, нет. Я получила жалованье за два месяца, и денег уже нет. Если ты пришлешь на проезд, нет, лучше ты побереги деньги к моему приезду, а я за проезд туда найду деньги.

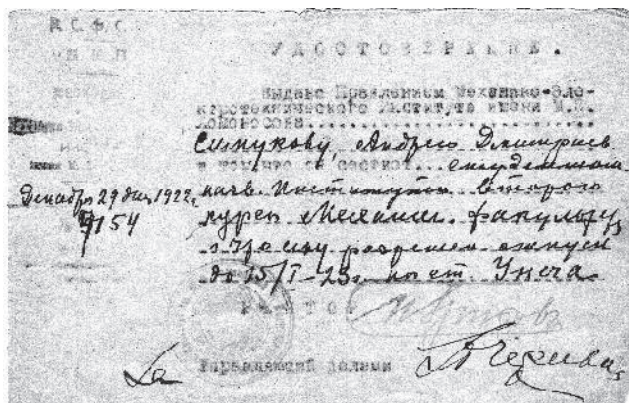
На 3-й день Рождества будет 40 дней со дня смерти папы, и будет обед. Этот день считается очень важным. Если ты сможешь приехать без насилия и натяжки для себя, то было бы хорошо. Хоть все вместе помянем в этот день нашего папу.

Я думаю, если ехать, то сейчас после так называемой отправки⁵⁸⁾, значит быть в Москве накануне старого Нового года. Ты сейчас же напиши о своих планах.

Спасибо за твои письма. Пиши. Целую тебя. Твоя мама.

Хорошо было бы, если ты приедешь к 40-му дню. Даже необходимо.

II 20 Удостоверение Механико-Электротехнического Института. 29 декабря 1922.

Р.С.Ф.С.Р.
Н.К.П.
Московский Механико-
Электротехнический
Институт
им. М.В.Ломоносова
Декабря 29 дня 1922 г.
№ 7154

УДОСТОВЕРЕНИЕ
Выдано Правлением Механико-Электротехнического
Института имени М.В.Ломоносова Симукову Андрею
Дмитриевичу в том, что он состоит студентом назв.
Института второго курса Механич. факультета и что ему
разрешен отпуск до 15/1/23 г. на ст. Унеча.
РЕКТОР <подпись>
За Управляющий делами <подпись>
<Печать>: «Московский Механико-Электротехнический
Институт им. М.В.Ломоносова»

Примечания

II. Сигеевка - Москва (1920-1922)

1

1) Имеется в виду Городской отдел Народного образования Совета депутатов г. Суража.

На физико-математическом факультете МГУ в 1920 г. было естественное отделение, представленное двумя направлениями: химическим и биологическим. Андрею Симукову не пришлось стать студентом МГУ. Неизвестно, что стало основной причиной, сословные ограничения или отчаянная бедность.

Декретом СНК от 2 августа 1918 г. о правилах приема в высшие учебные заведения всем трудящимся предоставлялось право поступления в любой ВУЗ и бесплатного обучения в нем. Одновременно было принято постановление о

преимущественном приеме в ВУЗы представителей пролетариата и беднейшего крестьянства. На практике до середины 20-х годов доступ в ВУЗы был закрыт для детей священников, дворян, бывших офицеров, чиновников, крупных промышленников и торговцев. Опросные листы для поступающих требовали детальных сведений о социальном положении и занятиях родителей до и после Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Отец Андрея – Дмитрий Андреевич Симуков, крестьянский сын, до революции окончил Петербургский университет и служил в Министерстве финансов, т.е. был «царским чиновником». Мать – Наталья Яковлевна Симукова, дочь врача, пожалованного дворянством за выслугу лет, считалась «из дворян».

В столице России, разоренной двумя войнами и двумя революциями, положение с продовольствием, жильем, топливом, одеждой в 1920 году было катастрофическим (только за 1919/1920 учебный год умерло 12 профессоров МГУ). Найти работу, обеспечивающую прожиточный минимум, практически невозможно. Общежития переполнены (с открытием рабочего факультета в 1919 г. число студентов МГУ возросло с 7 тыс. (1917 г.) до 23 тыс.). Рассчитывать на стипендию также не приходилось (см. выше).

2

- 2) Андрей Симуков поступил на Авто-Технические курсы при Высшей Военной Авто-Бронс-Школе (Москва, Поварская, Трубниковский переулок 15). Помимо полезных для будущего практических знаний и навыков курсы обеспечивали общежитием, обмундированием и небольшим содержанием.

3

- 3) Н а т а л ь я Я к о в л е в н а С и м у к о в а (урожденная Миллер) (1875–1962) – мать Андрея Симукова; окончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, преподавала русский и немецкий языки, историю, работала в библиотеке Министерства финансов (где и познакомилась с Д.А.Симуковым, своим будущим мужем); в деревне (1918–1931) – учительница сельской школы, позднее в Москве – сотрудник библиотеки МВТУ им. Баумана, главный библиотекарь Научной библиотеки им. А.М.Горького при МГУ.
- 4) Л ю л я - домашнее имя Андрея Симукова в детстве.
- 5) А л я - сестра Андрея Симукова, см. прим. 10 к гл. I.
- 6) Л е ш а – брат Андрея, см. прим. 11 к гл. I.
- 7) По-видимому, речь идет о месте работы Н.Я.Симуковой.
- 8) Т е т я О л я – см. прим. 18 к гл. I.
- 9) Б а б у ш к а - Александра Федоровна Миллер (в девичестве Егер) (1840–1926) – дочь капитана каботажного судна (порт приписки Рига), мать девяти детей, среди которых были врачи, учителя, дипломат, морской офицер, инженер-путеец; к 1920 году в живых осталось четверо (Александр, Алексей, Ольга, Наталья).
- 10) С е р г е й В л а д и м и р о в и ч Пейкер – муж Ольги Яковлевны (тети Оли), сотрудник Министерства финансов.
- 11) Т е т я В е р а – см. прим. 16 к гл. I.

4

- 12) Д м и т р и й А н д р е в и ч С и м у к о в (1862–1922) – отец Андрея Симукова, уроженец деревни Сигеевки Могилевской губ., окончил гимназию в Могилеве, Петербургский университет, служил в Министерстве финансов России, в период жизни в Сигеевке (1919–1922) работал счетоводом в волостном и в уездном управлении.
- 13) Имеется в виду продразверстка (1919–1921 г.г.) – обязательная сдача государству установленной нормы («излишков») сельскохозяйственных продуктов по установленным государством ценам, фактически бесплатно, т.к. денежные знаки были практически обесценены.

По словам односельчанина Симуковых Анисима Лисичкина (ровесника Андрея): «Продразверстку же в наших краях собирали так: приезжал в какую-нибудь деревню продотряд. Моментально конные добровольные вестовые сообщали об этом своим родственникам в близлежащих деревнях, а те всей деревне. Тогда крестьяне грузили на возы все свои хлебные запасы и увозили в лес. Когда прибывал отряд, то в деревне он ничего не находил. Тогда собирали сходку и начальник отряда требовал какое-то количество хлеба, но старики отказывались, говорили, что у самих ничего нет и предлагали отряду самому проверить правильность их слов. Умудренный опытом начальник не верил их словам и предлагал к определенному сроку достать где угодно определенное количество хлеба. Тогда начиналась торговля. Когда сходились на каком-то количестве, отряд временно уезжал для такой же процедуры в другую деревню, а тем временем крестьяне собирали в условленном пункте оговоренное количество хлеба. Отряд приезжал и беспрепятственно увозил собранный хлеб.

Я не берусь утверждать, что все вышеописанное было и других местах, так как в те времена каждый начальник (или, как тогда говорили, «комиссар») действовал в меру своего разума и умения.» (*Лисичкин А.С. Записки. См. прим. 57 к гл. I).*

6

- 14) Имеется в виду школа в деревне Гавриленке, в 4-х верстах от Сигеевки.

7

- 15) Речь идет об отъезде Леши из Сигеевки в Москву.
- 16) Имеется в виду возможность работать в сигеевской школе.
- 17) К л и н ц ы - уездный город.

9

- 18) В феврале 1921 г. Авто-Технические курсы закрылись. После безуспешных попыток найти работу в Москве Андрей Симуков уезжает в Сигеевку.

10

- 19) См. прим. 18 к гл. I.
- 20) К о л о н и я - в голодном 1920 году сотрудники Министерства финансов организовали на кооперативных началах колонию-интернат для членов своих семей, сняв помещение в бывшем Николо-Угрешском монастыре.

- 21) М о с п р о ф о б р - Управление профессионально-технического образования при Отделе народного образования Моссовета.
- 22) Х р у щ е в с к а я о б и т е л ь - после перевода Министерства финансов из Петрограда в Москву сотрудников поселили (по комнате на семью) в особняке (Хрущевский пер. д. 3, близ Пречистенки), конфискованном у частных владельцев.
- 23) О б ы с к - кампания по «изъятию ценностей у буржуазии» сопровождалась обысками и конфискациями ценных вещей, произведений искусства и изделий из драгоценных металлов у семей работников умственного труда; см. также: *Харченко К.В.* Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 - начала 1921 г. М.: Русский двор, 2000.
- 24) Д я д я А л е ш а - (см. прим. 9 к гл. I) также жил в доме 3 по Хрущевскому пер.
- 25) Ж е н я - Евгений Андреевич Миллер (1898–1976) - двоюродный брат Андрея Симукова, участвовал в Гражданской войне в составе Красной армии, окончил Военно-артиллерийскую академию, артиллерийский конструктор, провел 15 лет в заключении, где работал в «шарашке» (ОКБ НКВД), и 3 года в ссылке; реабилитирован.

11

- 26) См. прим. 25.
- 27) М а м о н т о в (М а м а н т о в) К о н с т а н т и н К о н с т а н т и н о в и ч (1869–1920) – окончил Николаевское кавалерийское училище, участник русско-японской и I-й Мировой войн; в Гражданской войне – военачальник Всевеликого войска донского и Вооруженных сил юга России, генерал-лейтенант (1919). 10 августа 1919 г. корпус Мамонтова прорвал южный фронт красных, провел рейд по тылам Красной армии, взял Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец, Воронеж, станицу Касторную.
- 28) М а х н о Н е с т о р И в а н о в и ч (1888 – 1934) – окончил Гуляйпольское двухклассное училище, анархист (с 1906 г.), участвовал в терактах и экспроприациях, находился в заключении (1908–1917); с марта 1917 г. – председатель Гуляйпольского крестьянского союза, а с 1918 – ревкома (анархисты, украинские эсэры); руководил повстанческим движением в Екатеринославской губ.; воевал с немецкими и гетманскими войсками, а после их ухода – с режимом Петлюры; сражался с войсками Деникина (периодически в союзе с большевиками), возглавил Революционно-повстанческую армию Украины (июль 1919 г.); после ликвидации деникинского фронта объявлен Троцким вне закона, отказался от союза с Врангелем и вновь предложенного союза с большевиками. В эмиграции с 1921 года.
- 29) В р а н г е л ь П е т р Н и к о л а е в и ч (1878 – 1928) – барон, окончил Горный институт (1901) и Николаевскую Гвардейскую академию (1910); участник русско-японской и I-й Мировой войн, Георгиевский кавалер, генерал-лейтенант; в годы Гражданской войны – один из руководителей Белого движения, главнокомандующий Русской армией в Крыму и Польше; с ноября 1920 года – в эмиграции.

12

- 30) Осенью 1921 г. после окончания деревенской страды Андрей Симуков снова едет в

Москву, поступает в Московский Механико-Электротехнический институт им. М.В.Ломоносова (Благовещенский пер. д.1).

- 31) Андрей с сигеевским другом поселились в комнате на Новослободской ул. д 25, кв.12.
- 32) Андрей работал ночным сторожем, чтобы иметь возможность днем учиться.
- 33) *Choking! Quelle horreur!* (франц.) – Это шокирует! Какой ужас!
- 34) А н и с и м (Онисим) Сергеевич Лисичкин – сигеевский друг Андрея Симукова.
- 35) И н т е р н а т – см. прим. 20.
- 36) Т е т я А н я – Анна Андреевна Симукова (1894–1988), сводная сестра Дмитрия Андреевича Симукова, отца Андрея; учительница сигеевской школы.
- 37) В Душатине жила Миля Алексеенко, в будущем – жена Андрея Симукова.

13

- 38) *Лисичкин*, 1969. См. прим. 57 к гл. I.

14

- 39) П у г а – кнут.
- 40) Симуковы кормили корову односельчанина и за это пользовались ее молоком.
- 41) О н у ч и – длинные полосы ткани для обертывания ног до колена; носили с лаптями или солдатскими ботинками (обмотки), как замену сапог.

15

- 42) П р о д н а л о г – (март 1921 г. - май 1923 г.) – продовольственный натуральный налог – процентное или долевое отчисление от производимых в хозяйстве продуктов с учетом урожая, числа едоков и наличия скота; налог возрастал для зажиточных хозяйств, беднейшие хозяйства от него освобождались.
- 43) Ш к р а б ы - школьные работники.

16

- 44) Из-за инфляции денег в России начала 20-х годов сельчане оплачивали расходы (включая транспортные) главным образом сельскохозяйственными продуктами, нормы провоза которых на транспорте (при наличии билета) были ограничены.
- 45) *Six joues baisent gros chat* (франц.) – звучит как русское «сiju без гроша», а дословный перевод: «шесть щек целуют большого кота»; по старинному анекдоту эту фразу послал сын из Парижа отцу в Россию, на что получил ответ: «*nous ici dix*», что звучит, как русское «ну и сиди», а перевод: «нас тут десять».
- 46) Д я д я А л е ш а – см. прим. 9 к гл. I.
- 47) К о л о н и я – см. прим. 20.
- 48) Д р о б и н ы – пивная дробина – побочный продукт пивоварения (богатые клетчаткой остатки семян ячменя, овса после выработки из зерновых сусла); ценная кормовая добавка в животноводстве.
- 49) В условиях хозяйственной разрухи 20-х годов купить промышленные товары личного потребления на месте для сельчан было практически невозможно; за товары, которые удавалось найти в городе и переправить в деревню, рассчитывались обычно сельскохозяйственными продуктами.
- 50) Имеется в виду день именин Али (Александры) 6 мая.

17

- 51) **А л е к с а н д р Я к о в л е в и ч М и л л е р** (1868 – после 1936 г.) – брат матери Андрея Симукова; дипломат, представлял Россию в Персии, Бухаре, Португалии; дипломатический агент и Генеральный консул России в Монголии (Урга) (1913–1916); с лета 1917 г. в эмиграции (Лондон, Берлин, Париж).
- 52) см. прим. 18 к гл. I.
- 53) В 1921 г. по просьбе Красного Креста известный полярный исследователь Фритъоф Нансен возглавил организацию помощи голодающим европейских стран, в том числе России, где после мировой и гражданской войн, двух революций и жестокой засухи голодом было охвачено более 40 млн. человек. Комитет Нансена осуществлял сбор частных средств (Лига Наций отказала России в помощи), закупку и транспорт продовольствия, организацию столовых; являлся также посредником между ARA (American Relief Administration) и правительством советской России. Одной из форм индивидуальной помощи стали «нансеновские посылки»: желающий помочь приобретал в миссии Нансена за небольшую сумму купон, который миссия вручала адресату в стране голода и отоваривала купон весомым количеством продуктов. См. <http://www.westeast.us/03/article/5451.html>
- 54) **Т е т я Л а у р а** - жена А.Я.Миллера в эмиграции.

18

- 55) Датируется по содержанию.
- 56) См. прим. 42.

19

- 57) Датируется по содержанию.
- 58) **О т п р а в а** - отправление, проводы души умершего на 40-й день после смерти (по православному обычаю).

Глава III
Монголо-Тибетская экспедиция¹⁾
(1923–1926)

III Монголо-Тибетская экспедиция. Список документов

III 1	<Автобиография>. <i>Начало 1923.</i>	97
III 2	А.Я.Миллер – А.Д.Симукову. <i>22 марта 1923.</i>	98
III 3	А.Я.Миллер – А.Д.Симукову. <i>24 марта 1923.</i>	100
III 4	Удостоверение. <i>29 марта 1923.</i>	101
III 5	Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. <i>Конец апреля 1923.</i>	101
III 6	Удостоверение. <i>11 июня 1923.</i>	102
III 7	Титульный лист книги П.К.Козлова с дарственной надписью А.Д.Симукову от автора. <i>3 мая 1923.</i>	103
III 8	Удостоверение. <i>14 июня 1923.</i>	104
III 9	Удостоверение. <i>1 октября 1925.</i>	105
III 10	А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <i>13 сентября 1923.</i>	106
III 11	А.Д.Симуков – П.К.Козлову. <i>27 июня 1924.</i>	108
III 12	А.Д.Симуков – П.К.Козлову. <i>5 июля 1924.</i>	109
III 13	А.Д.Симуков – П.К.Козлову. <i>[14] июля 1924.</i>	111
III 14	А.Д.Симуков – П.К.Козлову. <i>Начало августа 1924.</i>	113
III 15	А.Д.Симуков – П.К.Козлову. <i>12 августа 1924.</i>	114
III 16	А.Д.Симуков – П.К.Козлову. <i>20 ноября 1924.</i>	115
III 17	А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву. <i>Конец ноября 1924.</i>	116
III 18	П.К.Козлов – М.А.Алексеевко. <i>24 февраля 1925.</i>	116
III 19	А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <i>27 февраля 1925.</i>	118
III 20	А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <i>23 июня 1925.</i>	121
III 21	А.Д.Симуков – П.К.Козлову. <i>18 января 1926.</i>	122
III 22	Удостоверение. <i>26 октября 1926.</i>	123
III 23	П.К.Козлов – М.А.Симуковой. <i>11 ноября 1926.</i>	124

«...получив сведения о том, что П.К.Козлов собирается в новую экспедицию, я приложил все старания к тому, чтобы быть зачисленным в ее сотрудники, что мне и удалось»²⁾.

III 1 <Автобиография^{*3)}>. Начало 1923.

Симуков Андрей Дмитриевич.

Родился в Петрограде 29 апреля 1902 г. в семье среднего чиновника. Отец⁴⁾ по происхождению крестьянин Могилевской губ<ернии>; мать⁵⁾ – учительница гимназии – петроградка родом.

Детство прошло в здоровой атмосфере интеллигентного труда. С ранних лет отец, большой любитель географии и естествознания, сумел заинтересовать меня этими науками и вложил горячую любовь к природе. Лучшим подарком всегда была книга из этой области, лучшим удовольствием – прогулка с ним, с его объяснениями и рассказами о животных и растениях. И эта любовь к каждому листику, к самой незаметной пичужке осталась, думается, навсегда.

Учился я в Зей Петроградской гимназии, где с первых же классов сошелся с товарищами – любителями естествознания и интересовался почти исключительно этими вопросами. Работал с микроскопом, собирал коллекции, вел записи, но самым интересным и плодотворным занятием считал изучение общих биологических картин природы и наблюдение за животными в их родной среде.

Так шло до весны 1918 г., когда учреждение отца⁶⁾ было эвакуировано сначала в Н<ижний> Новгород, а затем в Москву. Невозможность существования заставила нас вспомнить об отцовской доле в дедовом⁷⁾ хозяйстве, и мы уехали в деревню. Там, с невероятными для горожан усилиями, без отца (он еще служил в Москве), мы буквально из ничего создали немудрое хозяйство и научились непрерывному тяжелому, 14–16-часовому физическому труду. Я был старшим в семье работником.

Окончив последний класс гимназии в провинции⁸⁾ с большими усилиями мне удалось выбраться в 1920 г. в Москву, где после двух крайне тяжелых зим мне посчастливилось устроить себе более или менее сносную жизнь. Обстоятельств толкнули меня на путь техника, и в настоящее время я студент второго курса Ломоносовского Института⁹⁾.

* ГАРФ. Ф.2307. Оп. 2. Д. 79. Л. 66–67; рукопись. Документ найден ведущим научн. сотр. Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН, д.и.н. Т.И.Юсуповой. Публикация и примечания Т.И.Юсуповой и Н.Я.Симуковой.

Практические навыки
и общая характеристика.

Грамотен в отношении сбора растений, насекомых и прочего для коллекций. Есть умение наблюдать. Вполне разбираюсь в основных вопросах естествознания и географии и очень люблю это дело.

Знаю практически глазомерную съемку. Могу вычертить маршрут и набросать план местности. Хорошо ориентируюсь.

Умею грамотно, связно и сжато излагать свои мысли и наблюдения на бумаге. Могу вести дневники и записи.

Физически здоров, вынослив и неутомим, особенно в ходьбе. Люблю труд, не боюсь и люблю большие напряжения. Хорошее зрение, твердая рука и вообще все в исправности. Неприхотлив в пище, неоднократно переживал голодовки. Знаком практически с лагерной жизнью. Знаю и выполняю основные правила гигиены. Жил в здоровой нравственно среде и считаю себя таковым. Излишеств не знаю ни в каком отношении. Нервы абсолютно здоровы, сохраняю неизменно ровное, хорошее расположение духа и уживчив. Дисциплинирован в военном смысле.

Свободен от каких бы то ни было обязательств и притязаний. Живу самостоятельно. Отец недавно умер, мать живет в деревне с братом¹⁰⁾ (19 лет) и сестрой¹¹⁾ (18 лет).

III 2 А.Я.Миллер¹²⁾ – А.Д.Симукову. 22 марта 1923.

*Pension Lüttich
Motzstrasse 20
Berlin W. 30*

*22 Марта 1923.
<в Москву>*

Дорогой Андрюша,

Два твоих письма от 14 и 18 с<его> м<есяца> я получил и очень обрадовался выпавшему тебе счастью совершить интересное, но трудное путешествие. Ты не должен смотреть на это великое дело исключительно с спортивной точки зрения. Нет, тебе необходимо взять на себя какую-нибудь определенную часть серьезной научной работы: коллекционирование ли растений и насекомых, метеорологические наблюдения или что-либо другое по указанию Петра Кузьмича. Непременно все время веди краткий дневник, не пропуская ни одного дня, как бы ты ни был утомлен. Во время путешествия ни под каким видом никаких спиртных напитков. Помни всегда об одном: здоровье.

С туземцами обходись вежливо, но не давай себя надувать. Никогда не бей их. Франц<узский> путеш<ественник > Дютройль де Ренс¹³⁾ был убит своими верблюжниками за скверное с ними обращение. Мягкий нажим, но не брань и не драка. Туземцы очень ценят человеческое с ними обращение.

Посмотри в Урге¹⁴⁾, что осталось от заведенной мной обстановки. Кланяйся там очень Василию Петровичу¹⁵⁾, почтмейстеру. Б<ыть> м<ожет> найдешь там Тимофея Тимофеевича Прокина с его женой Маргаритой Ивановной и Николая Яковлевича Южина. Кланяйся очень обоим, да и вообще всем, кто меня помнит.

Имей в виду, вся Монголия в сифилисе.

Сегодня я был у Захария Григорьевича Гринберга (*Lietzenburgerstrasse 11 Wissenschaftlich-Technische Abteilung* Н.К.Проса). Он любезно обещал купить указанные тобой бинокли и лично доставить их в Москву П<етру> К<узми>чу по адресу Пречистенка 16, дом К.У.Б.У.¹⁶⁾ (Ты забыл сообщить его адрес, но тетя Оля¹⁷⁾ исправила твою ошибку, во время путешествия тети Оли при тебе не будет...)

Присланное тобой письмо на имя Frau *D.R.Schlechter*¹⁸⁾ отправил вчера по назначению заказным. Расписку приложил к письму на имя П<етра> К<узъм>ича.

Обращаюсь к тебе со следующей просьбой. Уезжая из Урги я отправил оттуда через Ургинскую контору Российского Транспортного и Страхового Общества (1844) все мое имущество в 8 больших ящиках по квитанции [...] нной конторы от 5 Августа 1916 г. за № 5589224. Этой клади я не получил. Она застряла в Феврале, Марте 1917 г. в Оренбурге. Моим письмом из Лондона от 6/19¹⁹⁾ Февраля 1918 г. я просил Петроградскую Контору вышеупомянутого Транспортного [...] хранить мою кладь за [...]. Все документы, касающиеся этой клади, находятся у С.А.Юревича (Мясницкая 19, «Транспорт»). Наведи справки об этом имуществе. Будешь вознагражден. Понимаю, что надежды почти никакой нет.

Да хранит тебя Бог. Поцелуй от меня твою маму, тетю Олю, бабушку²⁰⁾, Лешу²¹⁾ и Алю²²⁾.

Всего наилучшего! Пиши!

Твой А.М.

Ш 3 А.Я.Миллер – А.Д.Симукову. 24 марта 1923.

<Берлин>

24 Марта 1923.

<в Москву>

Со Светлым Праздником²³⁾!

Дорогой Андрюша,

Передай, пожалуйста, Петру Кузьмичу прилагаемое при сем письмо г-жи Шлехтер о получении присланного тобой мне письма.

При снаряжении обрати внимание на: 1) шерстяное исподнее белье; 2) толстые шерстяные чулки; 3) удобную, просторную обувь: сапоги и валенки; 4) непременно возьми башлык, пары четыре шерстяных перчаток и 2 пары теплых рукавиц. Наушники ты купишь в Урге, монгольские наушники.

При верховой езде просторный монгольский халат на овчине или меху удобнее полушубка. В Урге же можно купить удобные и теплые шоферского типа пальто из шкур монгольской собаки.

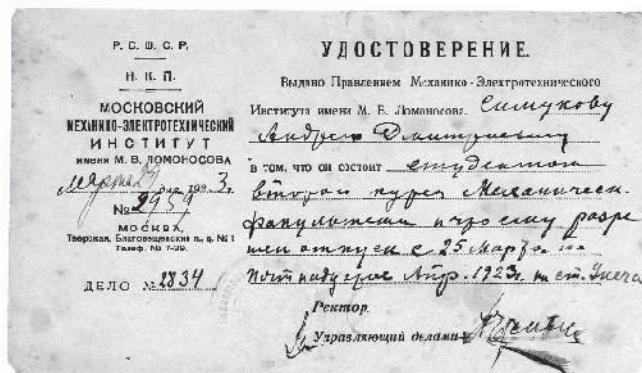
Умеешь ли ты фотографировать? Это очень ценное качество при путешествиях. Непременно отмечай на каждом негативе название местности и дату. На память не надейся ни в каком случае. Воспользуйся временем до выступления, чтобы научиться делать глазомерную съемку. Это необходимейшая вещь. Научись обращаться с метеорологическими инструментами и компасом. Кажется это легким, но требуется основательная техническая сноровка и опыт для точных результатов.

Фамилия почтенного Василия Петровича (почтмейстера) Бурдуковский. Ты его поцелуй от меня. Это славная, хорошая семья. Узнай об ученом и хорошем буряте Жамцарано²⁴⁾. Это выдающаяся личность. Мой сердечнейший привет ему и <бывшему> ми<нист>ру и<ностранных> дел Церен-Доржи²⁵⁾. Умнейший монгол. Не забудь научиться препарированию животных. Тоже важная статья в путешествиях. Напомни о приобретении портативных фильтров. Не фильтрованную воду не пей. Наилучший напиток слабый чай с клюквенным соком. Кирпичный чай недурен, нужно лишь к нему привыкнуть. Походная кровать необходима. Спать прямо на земле опасно для здоровья.

Перевал Манхатай проделай пешком (это между Кяхтой²⁶⁾ и Ургой). Во время пути жалей лошадь и половину перехода иди пешком. Смотри сам за лошадью, чтобы, главное, спину не набила. Лучшее седло – кавалерийское нового образца. На монгольском седле сотрешь себе ноги, мягкое место, и вообще лишь монголы могут на нем ездить.

Глубокое почтение Петру Кузьмичу. Будь здоров! Поцелуй бабушку, тетю Олю и всех, всех, всех.

Твой А.М.

III 4 Удостоверение²⁷⁾. 29 марта 1923.

Р.С.Ф.С.Р.

НКП

Московский

Механико-Электротехнический
Институт
имени М.В.Ломоносова

Марта 29 дня 1923 г.

№2959

Москва

Тверская, Благовещенский п., д.№1

Телеф. № 7-39

Дело № 2834

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано Правлением Механико-Электротехнического
Института имени М. Ф. Ломоносова Симукову
Андрею Дмитриевичу
в том, что он состоит студентом
второго курса Механическ.
факультета и что ему разрешен
отпуск с 25 Марта по
пятнадцатое Апр. 1923 г.
на ст. Унеча.

Ректор

За Управляющий делами <подпись>

<Печать>: <нрзб.>

III 5 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. Конец апреля 1923.

<Конец апреля 1923 г.>

<Сигеевка>

<в Москву>

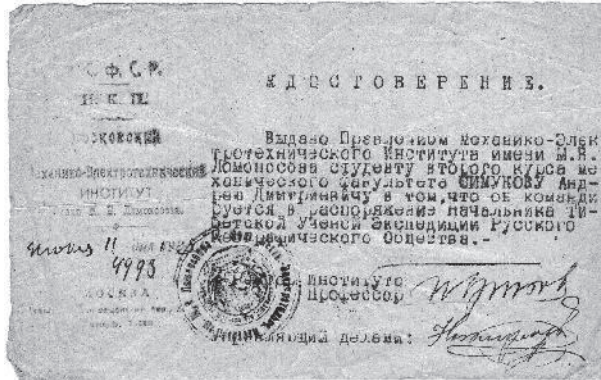
Дорогой Люленька,

шлю Тебе еще мой прощальный поцелуй перед нашей продолжительной
разлукой. Ты мне так же близок, как когда-то был мне близок Твой покойный
папа. Мне очень, очень тяжело подумать только, что лето, праздники пройдут
без Тебя. Я себя чувствую вдвойне осиротелой. <...>.

Целую Тебя крепко, крепко. Береги себя.

Думай почаще о своей одинокой маме.

III 6 Удостоверение. 11 июня 1923.

Р.С.Ф.С.Р.
НКП

Московский
Механико-Электротехнический
Институт
имени М.В.Ломоносова

Июня 11 дня 1923 г.
№4993
Москва

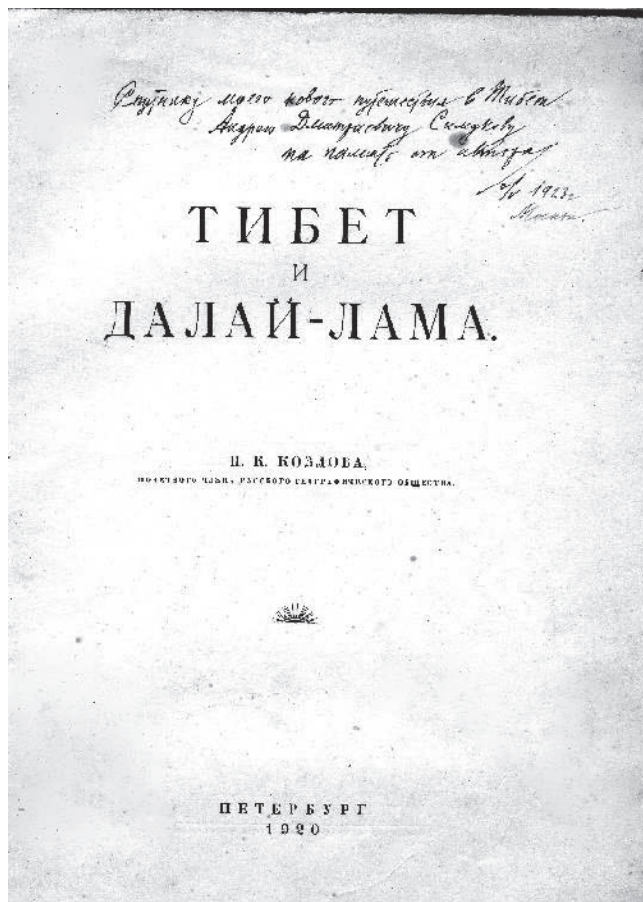
Тверская, Благовещенский п., д.№1
Телеф. № 7-39

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано Правлением Механико-
Электротехнического Института имени М.
В.Ломоносова студенту второго курса ме-
ханического факультета СИМУКОВу Анд-
рею Дмитриевичу в том, что он команди-
руется в распоряжение Начальника Тибетской Ученой
Экспедиции Русского Географического
Общества.

Ректор Института, профессор <подпись>
Управляющий дела <подпись> <Печать>:
«Моск. Механик.-Электро-технич. Институт
им.М.В.Ломоносова»

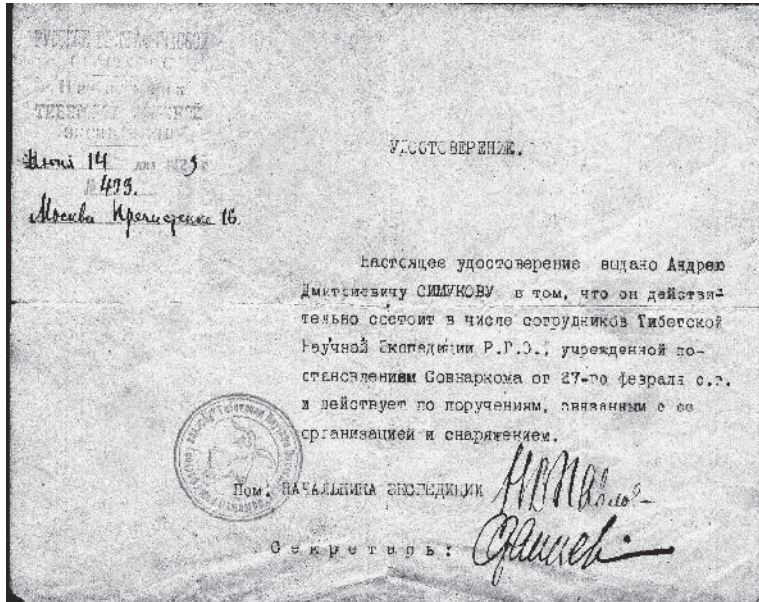
III 7 Титульный лист книги П.К.Козлова с дарственной надписью А.Д.Симукову от автора. 3 мая 1923.

«Спутнику моего нового путешествия в Тибет
Андрею Дмитриевичу Симукову
на память от автора

3/V 1923 г.
Москва»

III 8 Удостоверение. 14 июня 1923.

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Начальник
ТИБЕТСКОЙ НАУЧНОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция».

Июня 14 дня 1923 г.
№ 409.
Москва, Пречистенка 16.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее удостоверение выдано Андрею Дмитриевичу СИМУКОВУ в том, что он действительно состоит в числе сотрудников Тибетской Научной Экспедиции Р.Г.О., учрежденной постановлением Совнаркома от 27-го февраля с. г. и действует по поручениям, связанным с ее организацией и снаряжением²⁸⁾.

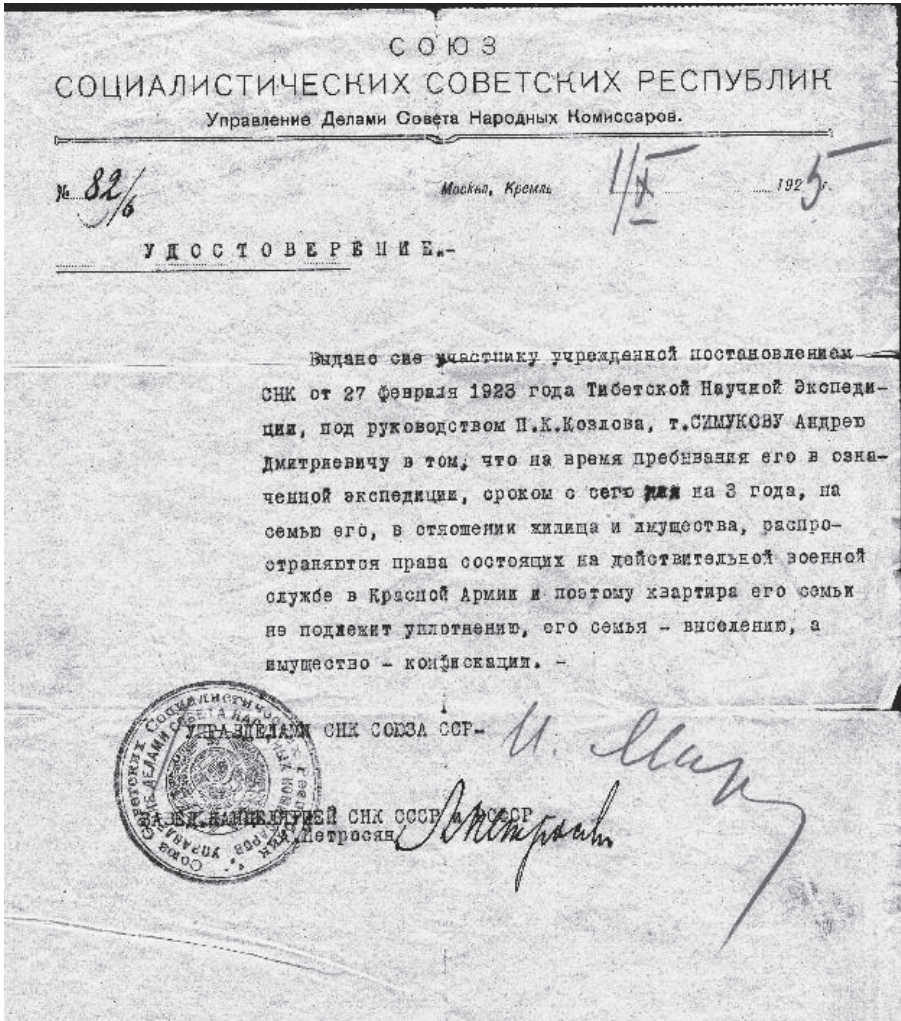
Пом. НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

<подпись>: /Н.В.Павлов/

Секретарь <подпись>: /Саранцев/

<Печать>: «Русское Географическ. Общество.
Тибетская Научная

III 9 Удостоверение. 1 октября 1925.

СОЮЗ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК
Управление Делами Совета Народных Комиссаров.

№ 82/6

Москва, Кремль 1/X 1925 г.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Выдано сие участнику учрежденной постановлением СНК от 27 февраля 1923 года Тибетской Научной Экспедиции, под руководством П.К.Козлова, т. СИМУКОВУ Андрею Дмитриевичу в том, что на время пребывания его в означенной экспедиции, сроком с сего дня на 3 года, на семью его, в отношении жилища и имущества, распространяются права состоящих на действительной военной службе в Красной Армии и поэтому квартира его семьи не подлежит уплотнению, его семья – выселению, а имущество – конфискации.

/ УПРАВДЕЛАМИ СНК СОЮЗА СССР -

<подпись>

ЗАВЕД. КАНЦЕЛЯРИЕЙ СНК СССР И РСФСР –

/А.Петросян/

<подпись>

<Печать>: «Союз Советских Социалистических Республик.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ»

<Штамп на оборотной стороне документа>:

«С настоящего документа в [...] –ой Московской Госнотконторе снята копия 19/II 1926 г. по реестру № 6997».

III 10 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 13 сентября 1923.

*Троицкосавск*²⁹⁾

13.IX.1923

<в Сигеевку>

Дорогая моя мамочка!

Давно уже не писал я тебе, да и мало писал вообще. Насколько помню, всего с пути два-три письма. Потянуло немного побеседовать, хоть душой минутку побыть у вас, с тобой. Здесь как-то часто вспоминается Сигеевка³⁰⁾, в особенности эти две недели отсутствия П. К.³¹⁾, когда мы сидим без работы. Очень бы мне хотелось иметь весточку от вас, надеюсь, что Онисим³²⁾ привезет в Москву и вышлет мне хоть коротенькую записку от тебя. Я только

знаю о нашем крае, что уборка была скверная из-за погоды и что се лето мало яблок и прочих благ этого сорта. А прошло 4 месяца живой работы, деревенский год! Ибо зима уж не то. Получила ли ты в конце концов бумагу³³⁾ и какого она сорта? Годится ли? Я сделал все возможное, но получали их уже без нас. Что вы думаете делать с деньгами? Что рассказывал Онисим, да вообще, как прошло лето? Все это меня очень интересует (прошу при этом Лешу³⁴⁾ обойтись без сарказмов по поводу моего интереса к вашим делам). Мне очень бы хотелось знать твои и Лешины планы и ... ох, как мне иногда хочется побыть среди вас, а у меня нет даже нашей общей карточки, нет и твоей карточки. Напишите мне все хоть по строчке, не поленитесь, отплачу той же монетой. Письмо догонит меня. Христом Богом прошу, смиренно ...

Теперь пару слов о моей жизни здесь. Этими днями заканчивается период жизни без Кузьмича³⁵⁾, период спокойного экспедиционного безделья, за исключением личных дел, период отдыха перед напряженной деятельностью. За это время я много экскурсировал, иногда делал по 40 верст за день, излазал все окрестные горы и наслаждался вдоволь здешней, во многом отличной от нашей, природой. Душевная моя жизнь тоже не спит, материалу для обработки и усвоения очень много, и этому очень помогают задушевные разговоры с некоторыми из наших спутников, вроде милейшего нашего ботаника Николая Васильевича Павлова³⁶⁾. Вернусь я куда более взрослым с большим опытом.

Сейчас здесь осень, лес расцвятился замечательно. Здешние кустарники, рододендрон даурский, боярышник, приобрели кроваво-красный, до фиолетового, цвет; береза пожелтела, осина стала оранжевой, даже лиственница стала желто-зеленой. Хорошо сейчас в лесу на здешних сопках! С вершин их в ясную погоду видны отроги Северо-Монгольских хребтов, за которые вьется дорога в Ургу, а на северо-западе чуть виднеется в 250 верстах стена Хамар-дабана, закрывающего Байкал. Хороши здесь горизонты! Лесистые и голые сопки, белые церкви Троицкосавска, лента извивающейся вдали Селенги, бесконечные волны горной страны и синеющие хребты, точно задние кулисы картины. Своеобразна и жизнь здесь, во многом зависящая от «заграницы» - город почти весь промышляет мелкой контрабандой.

Из зверей здесь много волков, лисиц, больших сурков – тарабаганов по-монгольски и косуль, двух последних я неоднократно видел сам. Есть интересные птицы, попадаются изредка даже олени-маралы. Да, много интересного уже я увидел, потому что ничто не минует мой глаз и мое ухо даром. Обо многом порасскажу по приезду. Ведь время-то летит скоро!

До Урги мы пойдем на подводах, а там уже поджидают разжиревшие за

осень в Гоби верблюды, которых придется покупать. Возни с ними будет!

Следующее письмо напишу, пожалуй, не раньше Урги, а там – тьма, неизвестность. А пока – пока прощай, не забывай твоего беспокойного первенца и, по возможности, пиши.

Самый хороший, дружеский, братский привет Алексею и Але³⁷⁾, мне очень бы хотелось получить письма и от них. Пусть хоть Леша найдет минутку написать о себе, я его очень прошу об этом.

Крепко целую тебя, моя мамочка, сердечно поздравляю с прошедшим твоим праздником³⁸⁾ и желаю крепости и бодрости духа и энергии, а также мира душевного.

Андрей.

«26 сентября 1923 года в составе экспедиции Русского Географического Общества под начальством П.К.Козлова, снаряженной по почину и на средства Совета Народных Комиссаров СССР, я перешел впервые границу Монгольской Народной Республики»³⁹⁾.

III 11 А.Д.Симуков – П.К.Козлову^{†40)}. 27 июня 1924.

27/VI/1924⁴¹⁾

<Урга>

<в Сугу-нур⁴²⁾>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Имею честь доложить Вам, что прибыли мы в Ургу сегодня, 27-го сего июня около двух часов дня. Пост⁴³⁾ нас задержал, но все обошлось благополучно, т.е. ящиков⁴⁴⁾ не трогали, благодаря вмешательству очень любезного Д.Р.Ринчино⁴⁵⁾, к которому я обратился. В момент приезда Пахомов⁴⁶⁾ обедал у Мадаева⁴⁷⁾ и все было, как и должно, на запоре. Мною принят ключ от склада, который при поверхностном осмотрении оказался в порядке за исключением пыли, с которой, при свободном доступе ее в склад

† Письма № 11–16 и № 21: Архив Русского Географического общества. Ф. 18. Оп. 3. Д. 629. Составители выражают глубокую благодарность сотрудникам РГО за высокий уровень сохранности документов, помощь в их поиске, изготовление копий и предоставление права на публикацию. Публикация и примечания заведующего Группой истории изучения Центральной Азии (Музей-квартира П.К.Козлова) Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН д.и.н. А.И.Андреева и Н.Я.Симуковой.

через окна, бороться трудно.

Метеорологическая станция оказалась также в порядке. Дневник велся чисто, тщательно и подробно (в смысле примечаний о состоянии погоды). Материальная книга принята мною также. Часы со скандалом отобрал у Пахомова Н.В.Павлов⁴⁸⁾, не имевший для разъезда своих. Для наблюдений Пахомов замечал время по хронометру. Я надеюсь привести в порядок свои собственные и размерять свой день и наблюдения по ним. Бидон со спиртом найден был в указанном Вами месте и посылается вместе с цинкой⁴⁹⁾ 3-х-лин<ейных>⁵⁰⁾ патронов с Георгием⁵¹⁾. Пыжи 12 кал<ибра> войлочные и таковые же картонные взяты из патронного ящика, Вами указанного, посылаются также с Георгием. Почту получила Елизавета Владимировна⁵²⁾. С уходом Пахомова все обстоит благополучно. Никаких трений не предвидится, ибо обо всем переговорено, согласно Вашему предписанию. Елены Петровны⁵³⁾ я еще не видел. По словам Пахомова она живет то на Богдо-Уле, рядом с Ринчино, то у нас, и занимается ботаническими сборами. Пахомов, как быть может, Вам уже известно, уходит с В.А.Казакевичем⁵⁴⁾ на юг, в Гоби. Обо всем этом я доложу Вам подробно при Вашем приезде.

Дела, порученные Вами мне, начну с завтрашнего утра, пока Елизавета Владимировна здесь.

Пыль в городе просто невероятная, забивающаяся всюду. Сегодня дул сильный ветер, и мы еще издали увидели ее волнующееся облако, стоящее над городом.

Пахомов еще около недели пробудет в Урге. Следовательно, недоразумения, могущие возникнуть при детальном осмотре склада, возможно будет устранишь.

Преданный Вам

А.Симуков.

III 12 А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 5 июля 1924.

5/VII/1924

Урга

<в Сугу-нур>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Имею честь доложить Вам следующее.

1. Мною проверено количество ямбов⁵⁵⁾ и дробы, причем первых, как и следует по списку, 40 штук в сумах, указанных в реестре. Дробы же в сумах имеется: в с<уме> № 20 – 5 мешков (25 ф.) 6-го № и 1 мешок (5

ф.) № 13, в иркутской суме 1 мешок № 10-го. Кроме того в юрте лежат след<ующие> №№: № 3-ий – 1 большой зашитый мешок и 1 малый начатый; № 1-ый – 1 большой простой мешок и 1 малый начатый; № 4-ый (?) купленный у Кабанова⁵⁶⁾ - 1 малый мешок; картечь – 1 мал<ый> начатый мешок. В суммах я искал по описи, а в юрте нашел при уборке.

2. Патронов следующее количество:
3-х-лин<ейных> 27 ящ<иков> полностью – 24.300 шт.
«Наган» - 3 ящ<ика> полностью + в Вашей цинке 16 п[ачек]- всего 6.776 шт.
3. Выдал Ц.Г.Бадмажапову 5 пачек патр<онов> «Наган»; таким образом в Вашей цинке оказалось всего 21 пачка.
4. Ящик с птицами⁵⁷⁾ отправлен мною в Консульство. Последние два места наши⁵⁸⁾ еще не отправлены, и относительно времени отправки ничего положительного мне сказать не могли. Относительно Льюисов (пулем<етов>)⁵⁹⁾ и патронов А.Н.Васильев⁶⁰⁾ не упоминал.
5. Я получил бумагу из Полпредства с резолюцией А.Н.Васильева о выдаче во временное пользование Учкому⁶¹⁾ 2-х винтовок, 3-х чехлов, седла и 600 3-х- лин<ейных> патронов и принужден был выполнить требование. Бумагу и расписку при сем прилагаю.
6. Е<лена> П<етровна> уехала, взяв с собой немного менее бидона спирта и, по личной просьбе А<лексея> Ник<олаевича>, брезент<овый> плащ для него и датск<ую> палатку.
7. Предметы, вынутые при снаряжении Н.В.Павлова из ящичков и сум, в книге не помечались, что очень плохо, т.к. не знаешь, есть ли имеющийся в описи предмет на самом деле.
8. Ящички с археологией в порядке.
9. Отослано письмо К.М.Даниленко⁶²⁾ с указанием о высылке жалования Пахомову лишь до 1-го авг<уста> с. г. Пахомов денег не брал. Обмундирование я выдал согласно Вашей инструкции.
10. Юрта очищена и приведена в порядок. На очереди склад и двор.
11. Посылаю Вам следующее:

10 ф. пил<еного> сахара	4 энтом<ологических> ящика
15 ф. крупы гречн<своей>	1 банку с ружейной мазью
20 ф. крупчатки	(Вамиуказанной)
4 ф. свеч (кабановские)	рубанок
1 п<ачку> спичек	гвоздей (немного оставил себе).
10 кор<обок> ирисок	Остальное (патроны и проч.)
10 бан<ок> варенья	доставит Ел<изавета>
4 бан<ки> консервов	Влад<имировна>.
сл<ивовых>	

Цокто Гармаевич⁶³⁾ приехал дня четыре тому назад, страшно загорелый, привез детеныша дзерена. Ко мне он относится чрезвычайно любезно, и я стараюсь быть на высоте. Мадаев уехал домой. Учкомские партии выезжают на днях; одна (Лисовский⁶⁴⁾) на восток (Онон и Керулен), другая на юго-запад, с намерением, при возможности, посетить ур<очище> Шара-холосун (Казакевич).

Дела мне хватает. От склада к книге, от книги к метеорологической станции... Ворота постоянно на запоре. После отъезда Е<лены> П<етровны>, Пахомова жизнь идет более размеренно и правильно. Е<лену> П<етровну> я благодарил от Вашего имени за уборку вещей из Вашей комнаты.

Дождь пролил здесь основательный, но вообще барометр очень устойчив.

Преданный Вам

А.Симуков.

III 13 А.Д.Симуков – П.К.Козлову. [14] июля 1924.

[14]/ VII/1924⁶⁵⁾

<Урга>

<в Сугу-нур>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Имею честь доложить Вам следующее.

1. Вечером 13-го сего июля Е.Я.Сахарова⁶⁶⁾ передала мне Ваше письмо с инструкциями для меня, письмо Елизаветы Владимировны мне же и три письма для отправки по почте.
2. Относительно дунста⁶⁷⁾ можно пока не беспокоиться: в суме № 8 (Ваши указанной) его оказалось 5 мешков – 25 ф.! В описи они указаны не были, а по частным сумам я, разумеется, не лазил.
3. Склад мною очищен. Грязи было очень много. Теперь приступаю к детальному пересмотру и описи нашего имущества, начиная с самого грубого. Ящиков без Вашего разрешения касаться не буду.
4. Метеорологическая станция находится в порядке. Записи и заводка хронометров производятся неукоснительно в назначенное время. Образцы характеристик мая и июня посылаю Вам при этом письме. Для себя я вычертил кривые температурные, атмосферного давления и облачности за все месяцы пребывания в Урге и думаю составить характеристики зимы (декабрь – январь – февраль) и весны (март – апрель – май).
5. С серебром в Госторге⁶⁸⁾ дело обстоит след<ующим> образом: обменяли они всего на 400 долл<аров>, т.к. серебра на рынке появилось много, цена упала, и его не принимают в банке, таможне и проч<их> местах.

- Поэтому последние 200 д<олларов> они выдали мне как ссуду под обеспечение лежащего у них серебра. На днях Г.Н.Бердиев⁶⁹⁾ просил меня зайти к ним для подсчета и полного урегулирования этого вопроса. Вероятнее всего, что дело в цене серебра, и если бы Вы согласились на уступку цены, оно пошло бы. Конечно, это весьма не в наших интересах.
6. Е.Я.Сахаровой помог, чем был в состоянии, был с ней любезен и, надеюсь, оставил хорошее впечатление. С М.П.Кузнецовой⁷⁰⁾ дело обстоит весьма просто. Вся загвоздка в том, что ей нужно приехать самой, представить фотографические карточки и заполнить анкеты, необходимые для получения пропуска в Россию. По исполнению этого в пропуске ни малейшей задержки не будет. Заявление ее не потеряно, паспорт ее я сам видел (его Шахов⁷¹⁾ продолжил даже). Давным-давно ей следовало бы побывать здесь, и все было бы готово.
 7. Мягкие коллекции мною упаковываются, но один пункт наводит сомнение: на кабаньих шкурах я не вижу ни намека на номер или этикетку. Как восстановится их связь с определенным черепом?
 8. Посылаю Вам стопу бумаги для растений, сахару, чаю и рису. Мешки пришлось купить, т.к. экспедиционных, кроме очень больших, я не нашел. При заказе в следующий раз б<ыть> м<ожет> Вы пришлете мешки? С ящиками дело обстоит неважно. Госторг, в лице Бердиева, заявил мне, что они сами покупают ящики и направил меня к Кабанову. Ящик для прошлой посылки последний дал мне так, а за этот пришлось заплатить. Посылаю Вам почту (три письма). Газеты пришлю со следующей оказией, т.к. для этого надо поймать Дадияни⁷²⁾. У Ц<окто> Г<армаевича> они все куда-то исчезают, то в Сангин⁷³⁾, то неизвестно куда. Маршала⁷⁴⁾ все еще нет. Вильямсы⁷⁵⁾ все разбежались.
- Жизнь моя течет очень тихо. За исключением Ваших поручений, я все время дома и кроме Ц<окто> Г<армаевича> никого не вижу. Монг<ольский> язык не налаживается, хотя я и болтаю немного с бурятами. Занимаюсь усердно английским.
- Дожди перепадают частенько. Пыли мало.

Преданный Вам А.Симуков.

P.S. Деньги я должен получить сегодня в банке по Госторговскому чеку. Возможно, что и не получу, т.к. сегодня начинается «Военный праздник», продолжающийся, кажется, дней 5, и прием посетителей не производится.

P.P.S. Деньги 200 д<олларов> получил, благодаря содействию И.П.Жекеля⁷⁶⁾, с заднего хода. Банк сегодня закрыт.

III 14 А.Д.Симуков – П.К.Козлову. *Начало августа 1924.*

<Начало августа 1924 г.⁷⁷⁾>

<Урга>

<в Суцзуктэ>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Имею честь донести Вам следующее.

1. Елена Петровна приехала с неделю тому назад. Живет она при Консульстве и в лагере нашем бывает редко. Привезла она гербарий (около 80 видов) и несколько шкурок птиц. Крупные хищники и одна крачка (*Sterna hirundo*, если не ошибаюсь. Такую определяла Елизавета Владимировна у Канаева⁷⁸⁾).
2. Счета наши в Госторге находятся в следующем положении.
В счет плит весового серебра нам выдано:

Июня 18-го	-	1000 долл<аров>
20-го	-	600 долл<аров>
Июля 15-го	-	200 долл<аров>

Итого 1800 долл<аров>

Получено при реализации серебра 545 д<олларов> 87 ц<ентов>.

Остается наличного серебра 1126 лан⁷⁹⁾ 23 фына⁸⁰⁾.

В случае благополучной реализации серебра по официальному курсу, на что Бердиев надеется, вырученная сумма покроет взятые нами деньги.

3. Письма Ваши отосланы в день получения.
4. Все, заказанное Вами, пришло с И.П.Смердиным⁸¹⁾. Нет в Урге только варенья.
5. Мною пересчитаны, просмотрены и переложены консервы. Кое- что испортившееся выброшено (проржавели коробки и содержимое воняло).
6. Посылаю при сем характеристику июля в метеорологическом отношении.
7. Зная Ваш глубокий интерес ко всему, касающемуся священного массива Богдо-Ула, посылаю Вам описание своей краткой экскурсии туда. В складе меня заменила на день разбиравшая свой гербарий Е<лена> П<етровна>.
8. Маршалла нет, и пока он не приедет (он везет обои), дом Ц<окто> Г<армаевича> не будет отремонтирован.

На складе и станции все благополучно. Живу по-прежнему тихо и мирно. С Ц<окто> Г<армаевичем> отношения наилучшие. Он шлет Вам свой

привет. В Сангине у детей его (не знаю именно у которой) скарлатина.
Вот, собственно, и все новости.

Преданный Вам А.Симуков.

P.S. Мне очень и очень хотелось бы, хотя бы под самый конец работы,
побывать в Суцзуктэ. А.С.

III 15 А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 12 августа 1924.

12/VIII/1924

Урга

<в Суцзуктэ>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Имею честь донести Вам следующее: вчера 11-го августа в девятом часу утра Е.С.Воробьева⁸²⁾ передала мне письма от Вас, Елизаветы Владимировны и Сергея Александровича⁸³⁾. При этом она сказала, что все заказанное должно быть готово к 12-ти часам. Ц<окто> Г<армаевич>, как я уже Вам докладывал, уехал, и на руках у меня было всего около 20 руб. Поэтому я принужден был поступить следующим образом: почти все заказанное я купил в кредит у Кабанова и Топала⁸⁴⁾, товары для китайцев взял за наличные в кит<айских> лавках. Все было упаковано у Кабанова, и оттуда Воробьева взяла сама.

Зная, что деньги Вам, вероятно, необходимы, я на свой риск проделал след<ующую> операцию: взял в Монголбанке ссуду под плиточное серебро сроком на месяц. Сдал я им 10 плиток и получил на руки 322 долл<ара> 40 ц<ентов>. Уплатить им придется 330 долл<аров>, т.е. проценты, комиссионные и прочее составляют 7 д. 60 ц. Плитки сданы по описи (на каждой ведь имеется №) и будут возвращены по уплате вышесказанной суммы. Из этих денег сегодня же я уплатил долги за товар и 200 долл<аров> посылаю Вам с И.П.Смердиным, которому и передам это письмо. Очень жаль, что Воробьева так торопила. Вина такого же больше нет. Ягодного варенья тоже не нашел. Кое-какие мелочи, упущенные мною из-за спешки, дошло при первой же оказии. Также и газеты. Новостей пока никаких нет. Об остальных поручениях донесу по исполнению.

Привет Елизавете Владимировне и всем нашим.

Преданный Вам А.Симуков.

Ш 16 А.Д.Симуков – П.К.Козлову⁸⁵⁾. 20 ноября 1924.

20/XI/24 г.

Суцзуктэ

<в Ургу>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Имею честь препроводить Вам первую часть моего отчета – съемку, легенду к ней и гипсометрические данные. Ко времени моего отъезда в новую экскурсию, если только с Вашей стороны не последует изменения первоначальных планов, разрешения на исполнение которых я испросил у Вас через посредство Сергея Александровича, я должен закончить вторую часть отчета, куда войдет все, не относящееся непосредственно к съемке. Много промахов заметил я в своей работе сам, много больше укажете мне Вы, но я надеюсь в предстоящей мне большой и серьезной работе по возможности исправить их. Особенное внимание я должен буду обратить на геологию. В истекшую экскурсию я, в силу моей совершенной неопытности, только присматривался к этой стороне исследования.

Предполагаемый мной маршрут таков: р. Баин-гол, из нее в р. Терельжу, по ней до впадения Цзам-Терельджи, по последней вверх до ее истоков, вблизи которых и будет стан. Обследовать же я собираюсь: истоки р. Хонгина (Иро), р. Ха[...]⁸⁶⁾ (Тола), докончить обследование гольцов и истоков Цзам-Терельджи с их озером и проникнуть возможно дальше вглубь Кентея. Конечно, что из всего этого выйдет – вопрос будущего, но пока я здоров – мои ноги и спина проявят максимум работоспособности. Ведь результат зависит (судя по предыдущей экскурсии) от того, как далеко пройдут ноги и на сколько одиночных ночевок унесет провианту спина.

История с часами мучила меня с самого начала, продолжает мучить и сейчас. По всей вероятности Вы будете в Москве у К.М.Даниленко – не откажите мне в покорнейшей просьбе ликвидировать это дело путем вычета из жалования всего, в чем я виноват перед Вами и экспедицией.

Не осмеливаюсь утруждать Вас различными просьбами по поводу Вашего отъезда в Россию⁸⁷⁾. Очень прошу лишь об одном – опустить в почтовый ящик прилагаемое письмо.

Разрешите пожелать Вам скорого и благополучного пути и осуществления Ваших желаний относительно дальнейших судеб экспедиции.

Преданный Вам А.Симуков.

III 17 А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву⁸⁸⁾. Конец ноября 1924.

<Конец ноября 1924 г.>⁸⁹⁾

<Суцзуктэ>

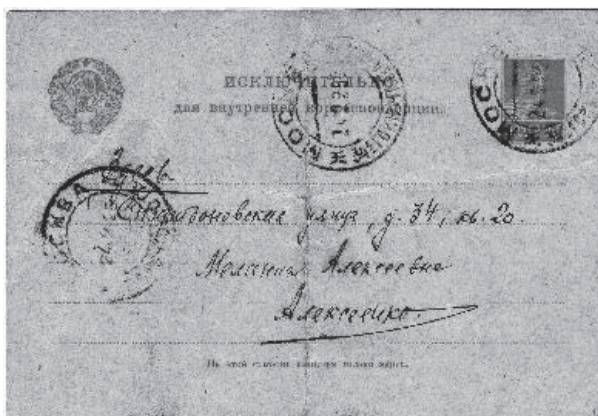
<в Ургу>

Дорогой Сергей Александрович!

Сейчас отсылаю с попутным в Мандал⁹⁰⁾ отчет и почту. Отчет сделал, как сумел. Сегодня же отправляюсь на Ноин-Улу. Теперь о делах. 1) Мне думается, что для поездки моей необходим термометр. Не привезете ли Вы его? 2) Китаец Вася⁹¹⁾ обращается с просьбой обменять ему монг<ольский> паспорт. Вся заковыка в том, что он просрочил 8 мес<яцев> и ему грозит штраф в 28 янч<анов>⁹²⁾. Если ходатайством экспедиции можно что-либо сделать – сделайте, пожалуйста. 3) Я забыл в письме к Петру Кузьмичу попросить его привезти мне немного денег из жалованья на покрытие возможных личных расходов рублей 20–25. 4). Не можете ли Вы отправить со мной в хребет Котика⁹³⁾? Он был бы очень и очень не лишним, особенно при том методе работы, какой я предполагаю применять, т.е. большими, на несколько ночей пешеходными экскурсиями. Вдвоем сделами бы много больше, т.к. у меня не было бы забот о многом. Насчет зверованья в Суцзуктэ все-таки слабо. А уж я ему спуску не дам - вымотаю⁹⁴⁾. Впрочем Вы сами рассудите, что важно и что не важно для экспедиции.

Ваш А.Симуков.

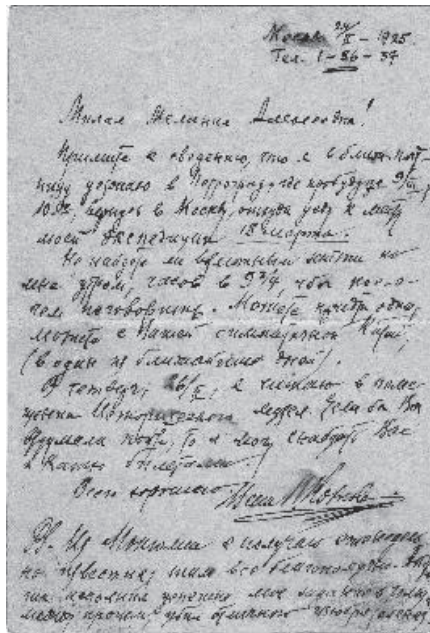
III 18 П.К.Козлов – М.А.Алексеевну⁹⁵⁾. 24 февраля 1925.

Здесь. Спиридоновская улица, д.34, кв.20.

Мелании Алексеевне Алексеевну.

<Штамп>: «Москва. 34-е Гор. Почтовое Отд. 24.2.25».

Москва 24/II – 1925
Тел. 1–86–37

<Здесь>

Милая Мелания Алексеевна!

Примите к сведению, что я в ближ<айшую> пятницу уезжаю в Петроград, где пробуду до 9/III, 10-го вернусь в Москву, откуда уеду к месту моей экспедиции 18 марта.

Не найдете ли возможным зайти ко мне утром, часов в 9 $\frac{3}{4}$, ч<то>бы кое о чем поговорить. Можете придти одна, можете с Вашей симпатичной Катей⁹⁶⁾ (в один из ближайших дней).

В четверг, 26/II, я читаю⁹⁷⁾ в помещении Исторического музея. Если бы Вы вздумали пойти, то я смогу снабдить Вас и Катю билетами.

Всего хорошего.

Ваш П.Козлов.

P.S. Из Монголии я получаю еженедельные известия; там все благополучно. Андрюша исполнил успешно мое задание в гольцах⁹⁸⁾ и, между прочим, убил отличного изюбря (оленя).

III 19 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 27 февраля 1925.

27/II/1925

Суцзуктэ

<в Сигеевку>

Дорогая моя мамочка!

Можешь себе представить, какой радостью было получение твоего большого письма – второго письма за два года экспедиции! Письмо путешествовало менее месяца, что для расстояния Климовичи⁹⁹⁾ – Суцзуктэ срок очень быстрый. Ведь из Урги мы получаем все с окаяниями, довольно редкими. Расскажу тебе сначала о нашей тихой жизни отшельников. Живем мы сейчас в Суцзуктэ втроем, не считая китайца-повара да рабочих. Эти трое – С.А.Кондратьев, пом<ощник> нач<альника> эксп<едиции>, замечательнейший человек по глубине и чистоте души, сын ст<аршего> астронома Пулковской обсерватории; Котя Даниленко – фамилия, знакомая тебе по московским рассказам Леша, и я. Работы у нас по горло. После того, как я, убив зараз трех оленей (17 ½ пудов чистого мяса), надолго обеспечил наш монастырь мясом, мы не ходим даже на охоту.

Только что я закончил вчерне отчет о своей поездке в Кентейский хребет, где странствовал по тайге целый месяц. Это та самая поездка, благодаря которой моя фамилия появилась в газете. Отчет растянулся на 50 стр. писчей бумаги большого формата. Теперь на очереди вычисление абсолютных высот по записям показаний anerоида и окончательное вычерчивание съемки.

Помимо этого каждый день приходится бывать на раскопках. Сейчас мы раскапываем «Мокрый» курган, попавший уже в газеты. На днях, вероятно, закончим его, т.к. роемся уже в погребальном помещении.

Развлечений никаких. Иногда только вечерами поем хором вещи, написанные специально для наших голосов С.А. (он, кроме всего прочего, композитор. Есть замечательные вещи его таланта).

Теперь нас сильно волнуют вести из центра, где наш папаша¹⁰⁰⁾ в настоящее время летает орлом. Судя по газетным рецензиям он сумел показать товар лицом и действительно заставил весь мир интересоваться нашей работой. Благодаря этому перед экспедицией новые перспективы и ... увеличение срока работ. По всей вероятности уйдем на юг, но куда – пока неизвестно. Все это выяснится в ближайшем будущем, а в июне б<ыть> м<ожет> тронемся в путь. Можешь себе представить, какие противоречивые мысли и желания все это вызывает! Но во всяком случае я на посту и долг свой по отношению к экспедиции должен выполнить до конца, тем более, что мой удельный вес за последнее время увеличился, благодаря самостоятельным поездкам.

А как хороши были эти поездки! Всего я с октября месяца провел под открытым небом у костра 44 ночи, это не считая ночевок в примитивнейших лесных охотничьих хижинах. Самая низкая t° была -37° С или около -30° R. И чувствовал себя прекрасно. Это была моя сфера. Первая поездка, продолжавшаяся недели три, носила разведочный характер. Я знакомился с тайгой, лазил на гольцы до 2600 м над ур<овнем> моря. Написал отчет и представил съемку с проектом дальнейших исследований. И вот поехал снова. Как раз самые короткие дни и длиннейшие зимние ночи... Прошагал я очень много. Подробности я уже писал Леше, послав письмо через Милю. Дошло ли оно – не знаю. По-видимому, некоторые из последних моих писем не дошли – Москва стороной (через Даниленок) жалуется на молчание. Второй раз проездил месяц и отшагал около 600 верст. Охотником стал завзятым и по разнообразию дичи превзошел С.А.Кондратьева – нашего лучшего охотника. Годовой список – 12 коз, 5 изюбрей (олений), кабан с поросенком и барсук, кроме того птицы – 2 глухаря, 4 тетерева и около 50 рябчиков. А у С.А. 20 коз и масса птицы. В качестве иллюстрации посылаю в этом письме фотографию моей собственной персоны в обычном одеянии над двумя оленями – третьего не успели подвезти к моменту съемки. Впрочем фотографию должны вложить в Урге, а я не знаю, отпечатали ли Е.В.Козлова этот снимок для меня. Снято около бивуака в речке Хацуртэ, верстах в 10–12 от Суцзуктэ. Мороз около -20° С. Одеяние зело дыряво. На ногах поверх ичигов – сибирской обуви – веревки, чтобы не скользить по крутым склонам. Убитые олени – самки по 7 и $7\frac{1}{2}$ пудов живого веса. Третья была $10\frac{1}{2}$ пудов. Все шкуры, черепа и один скелет пошли в коллекцию. Все изюбри нашей экспедиции мои! Оружие – винтовка военного образца. Физиономия грязна, но это не заметно. Кругом тайга, в которой я чувствую себя теперь, как дома, как бы дика она ни была.

Но довольно о фотографии. Мама, мама, неужели ты сомневаешься во мне по отношению к Але¹⁰¹)?! Что бы с ней ни случилось, как бы она ни изменилась, мое самое теплое отношение к ней неизменно. Ведь она наша, от Симуковской плоти и крови... В чем же я могу помочь ей сейчас? Пожалуй, единственное – это указать петроградские адреса наших ленинградских знакомых. Миша Андреевский¹⁰²) дал адрес: ул.Рылеева (ей Богу, не знаю, как по-старому), д.3, кв.58. Конечно, им самим не очень-то весело (см. письмо Леше¹⁰³)), но ориентироваться они все-таки помогут, а это много значит. Через них помогут и Шапошниковы¹⁰⁴), отец – профессор Университета. Я был у них перед отъездом и возил письма в Иркутск. Затем адрес С.Д.Васильева¹⁰⁵) - старого моего и Алиного знакомого: Б. Пушкарская д.65 (или 63, вернее первое), кв. 10. «Васька» сделает для меня очень и очень многое. Потом адрес Ростовцевых – кажется, Литейный 30, кв. не помню, но во дворе, т.к. их

квартира выходит на Баскову, а парадная была заперта, во двор же вход с Литейного. Мать, если ты помнишь, зовут Людмила Дмитриевна. Дело в том, что точные адреса у меня в Урге, и получить их я не смогу. Больше, кажется, нет никого. Но зато эти люди пойдут навстречу Але с открытым сердцем. Весной, перед отъездом, я постараюсь написать ряд писем, которые еще более заставят помочь Але, кто чем может. Письма эти вышлю своевременно. Относительно же Леша могу сказать следующее: в газетном мире у меня двое знакомых: Константин Матвеевич Даниленко (Леша отлично мог бы поговорить с ним в Москве), работающий в «Известиях ЦИК» и Лева Аграновский, учившийся в момент моего отъезда в Институте журналистики (Москва, М.Дмитровка 8 или 10). Где он сейчас - не знаю, но думаю, что это знают его родные в Сураже. Там их найти легко. В крайнем случае можно навести справки в Ин<ститу>те. Котик Даниленко напишет отцу по этому поводу письмо. На место, правда, рассчитывать нельзя, но К<онстантин> М<атвеевич> - человек, чрезвычайно опытный в газетном деле, и его совет стоит многого. Не знаю, что бы мог я сделать еще.

Бюджет наш, вероятно, пересмотрели, но не знаю, как насчет жалованья. Во всяком случае обо мне не заботьтесь в этом отношении. О том, что им (т.е. Леше и Але) нужно выбираться на дорогу – не может быть никаких сомнений. Думаю, что не может быть сомнений и в нашей семейной спайке. Как бы мне хотелось получить письма от всех вас!

Как-то странно, мамочка, пишешь ты о Миле. До сих пор я со своей стороны ни на что не могу пожаловаться. Письма нет-нет да и получаю. Последнее перед твоим письмом известие о ней было от Андреевского, с которым Миля завела переписку, по-видимому, именно ради меня. Твои слова, мама, безусловно меня огорчили, тем более, что были совершенно неожиданны. Конечно, мне трудно знать, что делается за 6000 верст, но менять свое мнение о человеке я буду лишь на основании новых ощутительных данных. Старые же идут вразрез с твоими словами о Миле. Конечно, ни о каких размолвках не может быть и речи. Ты и Миля – единственное в мире, что помрачает радостные перспективы дальнейшего странствования.

А как все-таки быстро летит время! Подумать – мне через 2 месяца 23 года! Но надо, конечно, оговориться, что время даром не проходит, и я много-много старше душой того времени, когда еще не было разговора об экспедиции и когда я приезжал домой на Рождество в последний раз.

Кажется, мамочка, сказал обо всем. Мне, право, часто совестно за себя, что я сижу (или ежу) здесь спокойно, на всем готовом, в очень хороших условиях в смысле духовного влияния окружающих – как много я благодарен в этом отношении С.А.Кондратьеву! В то время, как там, далеко, так трудно и нудно живется тебе и вообще близким людям. Мамочка! Знай, что я всегда с

тобой, что чуть ли не ежедневно мечтаю о моменте встречи – все равно где, в городе или в деревне. Знаю и я, что ты-то меня не забудешь. Помни, что искорка, заложенная твоей любовью и воспитанием, никогда не потухнет, и это единственное, что я ценю в себе.

Завтра утром письмо уйдет в Ургу. Прости, что мало написал, но, право, у нас работы до чертиков. Просто не знаешь, когда что-либо сделать для себя.

Крепко-крепко целую тебя, мамочка, будь уверена во мне во всем, всем. Братский привет Леше и Але. А остальным – как хочешь.

Твой первенец Андрей.

Ш 20 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 23 июня 1925.

23/VI/1925 г.

Суцзуктэ

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Писал я тебе сравнительно недавно, а сегодня снова захотелось настрочить письмо. Ведь сегодня ровно два года, как мы выехали из Москвы в далекий путь. Как сейчас, вспоминается жаркий день, асфальтовый двор КУБУ¹⁰⁶, погрузка автомобиля... Сколько воды утекло с тех пор! Мелькают лица, пейзажи, настроения. Сколько раз мы собирались в Тибет, сколько раз домой! В результате больше года сидим на Суцзуктэ, и отъезд все откладывается. А как хочется домой! Чувствую, что для тебя и для других мое присутствие просто необходимо, несмотря на то, что пишет мне одна Миля, и довольно часто. Часто и много думаю о всех вас и с особенной любовью и болью мысль останавливается на Але. Силюсь представить себе ваши отношения и ... невесело делается... Обдумывая задатки и характеры прихожу к заключению, что, по всем вероятностям, Аля сейчас стоит совсем особняком, нет у нее действительно близкого человека, который мог бы поддержать, понять, разъяснить жизненные вопросы, что, быть может, она ищет такого человека, вместо того, чтобы найти его в тебе. А ведь кругом вас – форменная пустыня в смысле людей. Если и копошится кто-то, то это либо бесформенные маски, либо нравственные уроды. Чтобы жить в такой среде, надо иметь большую внутреннюю жизнь, иначе закинешь. А Аля ведь только формируется, бредет ощупью, в темноте.

Большая просьба к тебе, мамочка, если ты хоть немного меня любишь – отнесись к Але любовнее, мягче, прости, искренне прости, если она в чем-нибудь грешит против тебя, смотри на положение шире, человечнее, плюнь на мелочи, на слова, а больше всего любви, настоящего тепла, прощения, настойчивой мягкости! Ведь надо понять молодую душу! Появляются у ней

большие вопросы, пытается она жить самостоятельно, поднимаются внутри до сих пор неведомые силы различного характера. А кругом мразь, болото... Пойми, мамочка, все это, не осуди, а подлинным материнским теплом борись со льдом взаимного непонимания. Не верю, не хочу верить, что и тут Аля не отзовется. Аля менее всего виновата в своем одиночестве. Грустно мне будет, если по возвращении я не увижу ее в семье, не понимая, конечно, этого слова буквально.

Как счастлив я, в смысле окружающих меня товарищей! Т.е. лучшей компании и подобрать невозможно. И ... все-таки, скорее бы домой! Часто мы с Даниленко садимся и подвываем на слова: « *ich will nach Hause gehn* »¹⁰⁷⁾...

Спасибо Миле. Ее бодрые, полные любви письма очень сильно меня поддерживают. Каждое письмо – для меня праздник. По возможности, она вводит меня в курс московских и, частью, сигеевских дел. Поэтому я не совсем в потемках касательно наиважнейшего в вашей и хрущевской¹⁰⁸⁾ жизни.

У нас же после прошлого письма никаких перемен. Тихо и мирно ковыряемся на Суцзуктэ. Думаю, все-таки, что в конце июля, в августе мы выедем на юг.

20/VII. Целый месяц пролежало письмо. Теперь же мы уезжаем из Суцзуктэ. Б<ыть> м<ожет>, через неделю двинемся и из Урги. Но это меня мало занимает. Гораздо больше меня интересует вопрос, как бы поскорей навестить мамочку. Уж больно тоскливо у нас¹⁰⁹⁾. Б<ыть> м<ожет> этой зимой удастся вырваться или на время, или совсем.

Скоро писем, мамочка, не жди. Идем на юг¹¹⁰⁾.
Крепко целую тебя и жду блаженной минуты возвращения.

Привет Леше и Але. Остальным по усмотрению.

Твой Андрей.

III 21 А.Д.Симуков – П.К.Козлову¹¹¹⁾. 18 января 1926.

18/1/26

<Верхнеудинск>

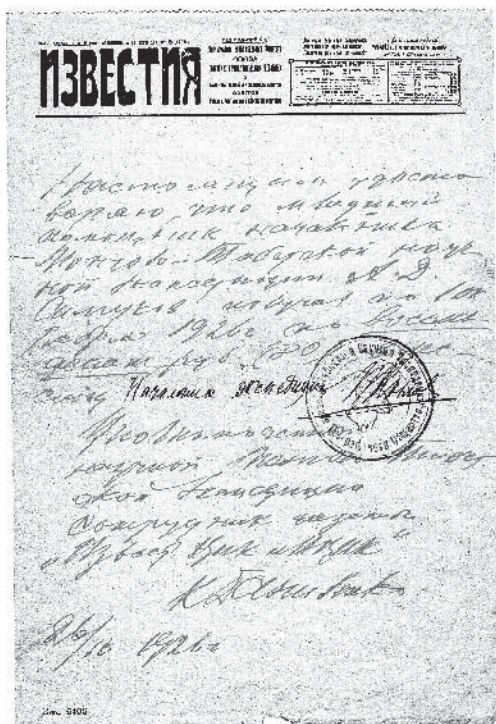
<в Ургу>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Пишу Вам из В<ерхне>-Удинска¹¹²⁾, до которого добрался вполне благополучно. Получил уже билет на Москву и через полчаса сяду на поезд. Партия в 19 посылок СНК¹¹³⁾ отправлена целиком. 10 еще не прибыли. Другие посылки в СНК не поступали. Привет Вам от Д.М.Убугунова¹¹⁴⁾. Даниленко¹¹⁵⁾ вернется.

Привет Елизавете Владимировне и всем нашим.

Ваш А.Симуков.

III 22 Удостоверение¹¹⁶⁾. 26 октября 1926.

Цена отдельн. № в
Москве,
провинции и на
жел-дор. ст. 5 копеек
ИЗВЕСТИЯ

Год издания 9-й.
Центрального Исполнительного
Комитета Союза Советских
Социалистических Республик
и Всероссийск. Центральн.
Исполнит. Комитета Советов
Рабочих, Крестьянских и
Красноарм. Депутатов

Пролетарии всех стран,
соединитесь!

<на шести языках>

Подписная цена на 1925 г.
с пересылкой и доставкой:
на 12 мес. - 10 р. на 3 мес. 2 р. 25 к.
на 6 мес. 5 р. 50 к. на 1 мес. 1 р.
Тариф на объявления *<нрзб>*
Редакция: Тверская 48. Телефоны
<нрзб>.

Настоящим удостоверяю, что младший помощник начальника Монголо-Тибетской научной экспедиции А.Д.Симуков получал по 1 октября 1926 г. по восемьдесят руб. (80) в месяц.

Начальник экспедиции П.Козлов *<подпись>*

<Печать>: «Русское Географич. Общество.

Тибетская Научная Экспедиция».

Уполномоченный научной Монголо-Тибетской Экспедиции
Сотрудник газеты «Известия ЦИК и ВЦИК»

К.Даниленко *<подпись>*

26/10 1926 г.

III 23 П.К.Козлов – М.А.Симуковой¹¹⁷⁾. 11 ноября 1926.

Дорогая Милочка!
Спешу выслать Вам, скреплен-
ную моей подписью и экспеди-
ционной печатью, бумажечку.
Желаю Вам быть бодрой и
надеяться на предстоящее свет-
лое, радостное.
В самом конце ноября я
приеду в Москву, а пока до
свидания.
Ваш П.Козлов

11/XI 1926 г.

11/XI 1926
<Ленинград>

<в Москву>

Дорогая Милочка!

Спешу выслать Вам, скрепленную моей
подписью и экспедиционной печатью бумажечку¹¹⁸⁾.

Желаю Вам быть бодрой и надеяться на
предстоящее светлое, радостное.

В самом конце ноября я приеду в Москву, а пока
до свидания.

Ваш П.Козлов.

11/XI 1926 г.

Примечания

III. Монголо-Тибетская экспедиция
(1923–1926)

1) В августе-сентябре 1922 г. Совет РГО одобрил инициативу П.К.Козлова о возрождении Монголо-Тибетской экспедиции, не состоявшейся в 1914 г., и ходатайствовал перед Совнаркомом РСФСР о ее разрешении. 27 февраля 1923 г. СНК СССР постановил:

«1. Признать своевременной и целесообразной экспедицию РГО в Монголию и Тибет под руководством путешественника П.К.Козлова сроком на три года. 2. Принять расходы экспедиции на средства Правительства». См. *Андреев, Юсупова*, 2003: 12,13.

1

- 2) См. прим. 2 к гл. I.
- 3) Рукописный документ <почерк А.Д.Симукова>, найденный ведущим научн. сотр. Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН, д.и.н. Т.И.Юсуповой, является, по-видимому, приложением к заявлению, адресованному П.К.Козлову, с просьбой о зачислении в сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции.
- 4) О т е ц – см. прим. 12 к гл. II.
- 5) М а т ь – см. прим. 3 к гл. II.
- 6) Имеется в виду Министерство финансов России.
- 7) Д е д - Андрей Минович Симуков, крестьянин деревни Сигеевка Могилевской губернии.
- 8) Имеется в виду г. Сураж Гомельской губернии.
- 9) Имеется в виду Московский Механико-Электротехнический институт им. М.В.Ломоносова.
- 10) Б р а т – см. прим. 11 к гл. I.
- 11) С е с т р а – см. прим. 10 к гл. I.

2

- 12) А л е к с а н д р Я к о в л е в и ч М и л л е р – брат матери А.Д.Симукова, см. прим. 51 к гл. 2.
- 13) Д ю т р о й л ь д е Р е н с (J.-L. Dutreil de Rhins) – французский исследователь Центральной Азии, географ, археолог, работал в Восточном Туркестане, Тибете, где был убит в 1894 г. в возрасте 47 лет.
- 14) У р г а (монг. Өргөө - дворец, ставка) – название столицы Монголии, применявшееся в русской и европейской литературе до 1924 г.; монгольские названия столицы: с 1706 г. - Их хүрээ (Великий монастырь), с 1911 г. - Нийслэл хүрээ (Столичный монастырь). В 1924 г. город переименован в Улан-Батор; современное название – Улаанбаатар.
- 15) Имеется в виду Василий Петрович Бурдуковский.
- 16) К.У.Б.У. - Комиссия по улучшению быта ученых; с 1922 г. организация, находившаяся по указанному адресу получила название «Дом Ученых».
- 17) Т е т я О л я – см. прим. 18 к гл. I.
- 18) Возможно, член семьи ботаника и таксономиста Рудольфа Шлехтера

(F.R.R.Schlechter (1872–1925), работавшего в Африке, Австралии, Центральной и Южной Америке и др. и проявлявшего большой интерес к центральноазиатским ботаническим коллекциям П.К.Козлова.

- 19) Дата указана по старому и новому стилю.
- 20) Б а б у ш к а – см. прим. 9 к гл. II.
- 21) Л е ш а – см. прим. 11 к гл. I.
- 22) А л я – см. прим. 10 к гл. I.

3

- 23) Имеется в виду православная Пасха.
- 24) Ж а м ц а р а н о Ц ы б э н Ж а м ц а р а н о в и ч (Жамсраны Цэвээн) (1880–1942) – учился в Санкт-Петербургском университета, ученый (монголовед-филолог, фольклорист), просветитель, автор книг и учебников, общественно-политический деятель, организатор и ученый секретарь Ученого Комитета Монголии (1921–1929), инициатор создания Государственной библиотеки и Музея; обвинен в «правом уклоне» (1931), исключен из МНРП и вынужден был уехать в Россию (1932); сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1932–1937), где опубликовал ряд работ по истории и культурному наследию монголоязычных народов, монографию «Монгольские летописи XVII века»; арестован (1937), умер в заключении; реабилитирован (1956). О нём см. *Улымжиев, Цэцэгма*, 1999; *Решетов*, 1998: 5–55; *Юсупова*, 2011: 200–213.
- 25) Ц е р е н - Д о р ж и (Балингийн Цэрэндорж) (1868–1928) – государственный деятель Монголии: с 1913 г. – зам. министра, затем министр иностранных дел; в МНР – зам. министра иностранных дел (1921–1922), министр иностранных дел (1922–1923), премьер-министр (1923–1928); писатель, поэт.
- 26) К я х т а – город (прежде слобода) в Забайкалье у границы России и Монголии; основан (1727) как торговый форпост у Троицкосавской крепости на самом коротком пути из России в Пекин; важный торговый центр (Китай, Монголия).

4

- 27) Перед предполагаемой трехлетней разлукой (Монголо-Тибетская экспедиция планировалась на три года) Андрей Симуков едет в Сигеевку попрощаться с матерью и родными.

8

- 28) «Козлов тут же включил Андрея в работу по подготовке экспедиции. В частности он ездил в Кимры закупать сапоги для членов экспедиции. Когда же настала пора грузить хозяйство экспедиции в вагон на вокзале, то помогал это делать Андрею и я». (Лисичкин, 1969); см. прим. 57 к гл. I.

10

- 29) Т р о и ц к о с а в с к – город на р. Кяхта, среди гор, в нескольких километрах от границы России и Монголии; основан (1727) как пограничное укрепление; в 1934 г. объединен с г. Кяхта под названием последнего.
- 30) С и г е е в к а – деревня Могилевской губернии (ныне Беларусь сс), родина Дмитрия Андреевича Симукова (отца А.Д.Симукова), куда его семья переехала

из Петрограда в 1918 г.

- 31) П. К. - Петр Кузьмич Козлов, руководитель Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926).
- 32) О н и с и м – см. прим. 34 к гл. II.
- 33) Видимо, речь идет о документе, подтверждающем права семьи А.Д.Симукова, как участника Монголо-Тибетской экспедиции; см. документ III 9 настоящей главы.
- 34) Л е ш а – брат Андрея Симукова, см. прим. 11 к гл. I.
- 35) К у з ь м и ч – Петр Кузьмич Козлов.
- 36) Н и к о л а й В а с и л ь е в и ч П а в л о в (1893–1971) – ботаник, участник Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова 1923–1926 г.г. и экспедиции Монгольской комиссии АН СССР 1926 г.; академик АН Казахской ССР (1946); см. также: Павлов, 1930.
- 37) А л я – сестра А.Д.Симукова, см. прим. 10 к главе I.
- 38) Имеется в виду день именин Н.Я.Симуковой 8 сентября.
- 39) Симуков А.Д. Доклад о двенадцатилетней работе в Монголии и её результатах // Симуков, 2008б: 176.

II

- 40) Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова не пришлось попасть в Тибет. См. *Андреев*, 1997: 92–120; *Андреев, Юсупова*, 2001: 51–74. Экспедиция работала в Монголии и в районе Хара-хото. Крупнейшим итогом стали результаты археологических раскопок курганов Ноин-улы (см. *Юсупова*, 2010: 26–67). Помимо исследовательской работы (географическая характеристика местности, топографическая съемка, метеорологические наблюдения, сбор этнографических материалов, зоологических и ботанических коллекций, археологические и палеонтологические раскопки) сотрудники экспедиции поочередно выполняли необходимую хозяйственную и организационную работу (выпас верблюдов, дежурства, работа поваром, работа на складе экспедиции и обеспечение всем необходимым экспедиционных партий на раскопках и в разъездах. Письма № 11–15 относятся к периоду, когда А.Д.Симуков был откомандирован П.К.Козловым с раскопок в Суцзуктэ в Ургу «в роли заведующего метеорологической станцией и складом Тибетской экспедиции» (*Козлов*, 2003: 226).
- 41) Датируется по содержанию.
- 42) А.Д.Симуков отправлял донесения и корреспонденцию обычно в пос. Мандал, откуда нарочный доставлял их в лагерь П.К.Козлова (в данном случае – Сугунур).
- 43) П о с т - таможенный пост.
- 44) Имеются в виду ящики с материалами археологических находок и зоологических сборов.
- 45) Р и н ч и н о Э л ь б е к Д о р ж и (1888–1937) – активный деятель бурятского национального движения, первый председатель Бурнацкома (1917), председатель Реввоенсовета Монгольской народно-революционной армии, член ЦК МНРП (1921–1924); учился в Институте красной профессуры, преподавал в КУТВ; репрессирован, расстрелян (1937), реабилитирован.
- 46) П а х о м о в В л а д и м и р П а н к р а т ь е в и ч – сотрудник Монголо-Тибетской

- экспедиции (конвойный).
- 47) М а д а е в А р ь я - участник двух предыдущих экспедиций П.К.Козлова – Монголо-Камской (1899–1901) и Монголо-Сычуаньской (1907–1909).
 - 48) Н. В. П а в л о в - см. прим. 36.
 - 49) Ц и н к а (цинк) – герметично закрытая жестяная коробка, в которой хранятся на складе патроны к стрелковому оружию.
 - 50) Очевидно, имеются в виду патроны к 3-х линейной винтовке, бывшей на вооружении российской армии в I-ой Мировой войне.
 - 51) Г е о р г и й – кучер, возчик.
 - 52) Е л и з а в е т а В л а д и м и р о в н а К о з л о в а (Пушкарева) (1892–1975) – сотрудник Монголо-Тибетской экспедиции, орнитолог; жена П.К.Козлова (с 1912 г.); участник экспедиций Монгольской комиссии АН СССР 1929 и 1931 г.; д.б.н., сотрудник ЗИН АН СССР.
 - 53) Е л е н а П е т р о в н а Г о р б у н о в а (1888–1973) – сестра Николая Петровича Горбунова (1892–1938), секретаря В.И.Ленина (1917–1920), управляющего делами Совнаркома РСФСР/СССР (1921–1930), куратора Монголо-Тибетской экспедиции; Е.П.Горбунова окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы, училась в Женском медицинском институте и Географическом институте в Петрограде; участник Монголо-Тибетской экспедиции; с 1924 г. – жена юрисконсульта полпредства СССР в МНР Всесвятского П.В. (1884–1938); до 1930 г. жила в Монголии, позднее – в Москве (1930–1936) и Алма-Ата (совр. Алматы (Казахстан)).
 - 54) К а з а к е в и ч В л а д и м и р А л е к с а н д р о в и ч (1896–1937) – студент ЛИЖВЯ, командирован НКВД СССР в МНР, сотрудник полпредства СССР (1923–1925, 1927) и Учкома МНР, проводил этнографические, топографические и рекогносцировочные исследования (Дариганга, Южная и Юго-Западная Гоби); монголовед, сотрудник Азиатского Музея (ИВ АН СССР); репрессирован (1937), расстрелян, реабилитирован (1989). См. также: *Козлов*, 2003: 968. О нём см. *Люди и судьбы*, 2003: 187–188.

12

- 55) Я м б ы - слитки серебра определенной формы, веса и пробы - платежное средство в Китае, Монголии вплоть до 30-х гг. XX в.
- 56) К а б а н о в - владелец магазина в Урге.
- 57) Имеются в виду орнитологические сборы.
- 58) Видимо, имеются в виду ящики с экспонатами зоологических и ботанических коллекций отправляемых через полпредство в институты и музеи Ленинграда и Москвы для изучения и описания.
- 59) В снаряжение экспедиции входили три пулемета (возможно, на случай непредвиденных обстоятельств в Тибете), хранившихся в полпредстве; в июле 1925 г. они были переданы на хранение монгольской армии (см. *Козлов*, 2003: 550).
- 60) В а с и л ь е в А л е к с е й Н и к о л а е в и ч (1878–1941) – уполномоченный Наркомвнешторга в Монголии (1923), полпред СССР в МНР (1924 -1925), генеральный консул в Мукдене (1925–1926), работал в Персии, Турции, Египте (1926–1929), управляющий делами АН СССР (1930), юрисконсульт торгпредства

- СССР в Париже, директор Музея изобразительных искусств; арестован (1937), расстрелян.
- 61) У ч к о м – Ученый Комитет (с 1930 г. Комитет Наук, Научно-исследовательский Комитет МНР) создан в 1921 г.; преобразован в Академию Наук МНР в 1961 г.
- 62) Д а н и л е н к о К о н с т а н т и н М а т в е е в и ч (? – 1928) – уполномоченный Монголо-Тибетской экспедиции в Москве, журналист, сотрудник газеты «Известия» ВЦИК; отец К.К.Даниленко (Котика), участника Монголо-Тибетской экспедиции.
- 63) Ц о к т о (Ц о г т о) Г а р м а е в и ч Б а д м а ж а п о в (1879–1937) - забайкальский бурят, офицер забайкальского казачьего войска, участник Монголо-Камской экспедиции П.К.Козлова 1899–1901 г.г., первооткрыватель Хара-хото (1907), советник Министерства юстиции, член правления Монценкопа, Монголтранса, председатель Монголстроа (20-е г.г.), сотрудник Учкома; был вынужден уехать в Улан-Удэ (1930), арестован (1931), после заключения и ссылки жил в Ленинграде, Новосибирске, повторно арестован в 1937 г., расстрелян; реабилитирован в 1957 г. О нем см. *Юсупова*, 2004: 75–96; *Ломакина*, 1998: 186–203.
- 64) Л и с о в с к и й В с е в о л о д И г н а т ь е в и ч – инженер-мелиоратор, сотрудник Управления русского советника при правительстве Монголии (1914–1917), участник экспедиции П.А.Витте по статистико-экономическому обследованию Монголии (1915–1916), сотрудник Ученого Комитета (1921–1926); с 1927 г. – ассистент кафедры солонцеведения Донского сельскохозяйственного института (Новочеркасск). О нем см. *Шастина*, 1971: 202–203.

13

- 65) Датируется по содержанию, см. также: *Козлов*, 2003: 248.
- 66) С а х а р о в а Е в г е н и я Я к о в л е в н а – жена русского колониста С.И.Сахарова (пос. Мандал).
- 67) Д у н с т (монг. дунс) – курительный табак.
- 68) Г о с т о р г – государственная экспорно-импортная контора, учреждена в 1922 г.; представительства Госторга за границей работали в составе торгпредств.
- 69) Б е р д и е в Г е о р г и й Н и к о л а е в и ч – представитель Госторга СССР в Урге.
- 70) М. П. К у з н е ц о в а – жена Алексея Александровича Кузнецова – бывшего служащего золотопромышленной компании «Монголор», хранителя прииска Цзун-модо и его имущества, оказавшего большую помощь Монголо-Тибетской экспедиции в организации и проведении археологических раскопок курганов Ноин-улы.
- 71) Ш а х о в А л е к с е й Г е о р г и е в и ч (Островский Моисей Маркович) (1897–1938) – зав. консульской частью полпредства СССР в Монголии (1924–1925), сотрудник отдела экономического права НКВД (1925–1926), зав. консульским отделом полпредства СССР в Польше (1926–1930), помощник и зав. консульским отделом НКВД (1931–1938). (См. *Козлов*, 2003: 1021).
- 72) Д а д и а н и В. Г. (Генкин-Дадиани Иосиф Исаевич) – политический обозреватель полпредства СССР в МНР, сотрудник «Ургинской газеты». (См. *Козлов*, 2003: 1001).
- 73) С а н г и н – урочище в долине р. Толы с лесными зарослями и незамерзающими

ключами, где находилась заимка Ц.Г.Бадмажапова.

- 74) М а р ш а л (Маршалл, Marshall) – англичанин, владелец торговой компании в Урге.
- 75) В и л ь я м с (Williams) - англичанин, ургинские знакомые П.К.Козлова.
- 76) Очевидно имеется в виду Э к к е л ь И в а н П а в л о в и ч – брат Иды Павловны Эккель (Бадмажаповой), жены Ц.Г.Бадмажапова.

14

- 77) Датируется по содержанию, см. также: *Козлов*, 2003: 265.
- 78) К а н а е в В а с и л и й М и х а й л о в и ч (1903 - ?) - препаратор, участник Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова, экспедиций Е.В.Козловой в Монголию (1929, 1931), сотрудник Ученого комитета Монголии (начало 1930-х).
- 79) Л а н (лянь) – единица измерения массы и основная денежная единица Китая середины XIX – начала XX в. В обращении было несколько десятков видов лан с разным содержанием серебра (37,3г ; 37,7г и др.).
- 80) Ф ы н (фынь) – единица измерения массы и денежная единица, равная 1/100 лана.
- 81) И в а н П е т р о в и ч С м е р д и н (Смертин) – житель поселка Сугу-нур.

15

- 82) В о р о б ь е в а Е ф р о с и н ь я С т е п а н о в н а - жительница пос. Мандал, жена Л.Я.Воробьева, русского колониста.
- 83) С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч К о н д р а т ь е в (1896–1970) – композитор, музыковед, поэт; участник (1923–1925) Монголо-Тибетской экспедиции, руководил по поручению П.К.Козлова археологическими раскопками курганов Ноин-Улы, изучал музыкальный фольклор монголов; сотрудник Ученого Комитета МНР (1926–1930), исследовал Хэнтэй и Западный Хангай; по возвращении в Россию заведовал музыкальной частью Московского Драматического театра, был дирижером Центрального театра Красной Армии; автор монографии «Музыка монгольского эпоса и песен» (1970). См. Жизнь и научная деятельность С.А.Кондратьева, 2006; *Жуков, Кульганек*, 2012: 116–135.
- 84) Т о п а л - владелец магазина в Урге.

16

- 85) 2 сентября 1924 г. А.Д.Симуков был откомандирован П.К.Козловым из Урги в Суцзуктэ, где помимо участия в археологических раскопках занимался обследованием Юго-Западного Хэнтэя в ходе нескольких зимних экскурсий; результаты послужили основой его первой работы: Симуков А. Отчет в экскурсии по Юго-Западному Кентею. Зима 1924–1925 года. (Материалы экспедиции П.К.Козлова) // *Симуков*, 2007а: 851–890.
- 86) По-видимому, имеется в виду р. Хагги.
- 87) П.К.Козлов выехал из Урги (с 1924 г. - Улан-Батор-хото) в Россию 14 декабря 1924 г. для отчетов о результатах работы Монголо-Тибетской экспедиции и выяснения ее дальнейшей судьбы; вернулся в Монголию 11 апреля 1925 г.

17

- 88) Письма А.Д.Симукова, адресованные С.А.Кондратьеву, любезно переданы

М.И.Клягиной-Кондратьевой в архив семьи А.Д.Симукова в 1970 г.

- 89) Датируется по содержанию.
- 90) Для дальнейшей отправки с попутным в Ургу.
- 91) К и т а е ц В а с я – рабочий на раскопках курганов.
- 92) Я н ч а н - мексиканский серебряный доллар, обращавшийся в Китае.
- 93) К о т и к (К о н с т а н т и н К о н с т а н т и н о в и ч Д а н и л е н к о) (1905–1931) – участник Монголо-Тибетской экспедиции, по ее окончании учился в ЛИЖВЯ; умер, возвращаясь с практики в Китае; сын К.М.Даниленко.
- 94) Андрей предполагал таким образом помочь Котику справиться с депрессией.

18

- 95) М. А. А л е к с е е н к о – Мелания Алексеевна (Миля), в замужестве Симукова (1904 -1993), родом из села Душатино, друг юности (с 1919 г.), жена (с 1926 г.) Андрея Симукова; студентка химического факультета МГУ (1925–1927).
- 96) К а т я - Екатерина Алексеевна Миллер, кузина А.Д.Симукова.
- 97) Имеется в виду лекция об археологических открытиях Монголо-Тибетской экспедиции в Ноин-Уле.
- 98) Г о л ь ц ы - «обнаженные вершины, поднимающиеся выше границы леса» (определение А.Д.Симукова); здесь имеются в виду гольцы юго-западного Хэнгэя.

19

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков*, 1971: 209.

- 99) К л и м о в и ч и – административный центр Климовичского района Могилевской области.
- 100) Имеется в виду П.К.Козлов.
- 101) А л я - сестра А.Д.Симукова; см. прим. 10 к гл. I.
- 102) М и ш а А н д р е в с к и й – друг Андрея Симукова, см. прим. 6 к гл. I.
- 103) Л е ш а – брат А.Д.Симукова; см прим. 11 к гл. I.
- 104) Ш а п о ш н и к о в Г е о р г и й С е р г е е в и ч – см. прим. 32 к гл. I.
- 105) В а с и л ь е в С е р г е й Д м и т р и е в и ч – см. прим. 31 к гл. I.

20

- 106) КУБУ – см. прим. 16 .
- 107) «ich will nach Hause gehn» (нем.) – «я хочу домой».
- 108) Имеется в виду дом № 3 в Хрущевском переулке близ Пречистенки в Москве, где жили со своими семьями сестра (Ольга Яковлевна Пейкер) и брат (Алексей Яковлевич Миллер) Н.Я.Симуковой, матери Андрея Симукова.
- 109) По-видимому, имеется в виду серьезный конфликт между П.К.Козловым и С.А.Кондратьевым (конец апреля 1925 г.); возможные последствия которого для экспедиции были обсуждены с младшими сотрудниками (июнь 1925 г.); см. *Козлов*, 2003: 483–486; см. также: *Жизнь и научная деятельность С.А.Кондратьева*, 2006: 197–204, 218–219.
- 110) Южная (в «Дневниках» П.К.Козлова – Восточная) партия экспедиции под руководством С.А.Глаголева вышла из Урги 28 июля 1925 г., провела октябрь и

ноябрь в горах Ноин-Богдо, после чего достигла низовьев Эцзин-гола. Результаты работы А.Д.Симукова за этот период см. Симуков А.Д. Зоологические заметки по маршруту Южной партии Монголо-Тибетской экспедиции Г.Г.О. под начальством П.К.Козлова. 1925–1926 г. // *Симуков*, 2008а: 5- 36; и Симуков А.Д. Краткая заметка о результатах двухмесячной стоянки в горах Ноин-Богдо (Центральная Гоби) // *Симуков*, 2008а: 37–39.

21

- 111) В конце декабря 1925 г. П.К.Козлов отозвал А.Д.Симукова из Южной партии и 8 января командировал в Москву с коллекциями Монголо-Тибетской экспедиции.
- 112) В е р х н е у д и н с к - город в Восточной Сибири на р. Селенге; в 1678 г. - Удинский острог, с 1775 г. - город; в 1934 г. переименован в Улан-Удэ, ныне – столица Республики Бурятия.
- 113) С Н К - Совет Народных Комиссаров СССР; по-видимому, посылки адресовались управляющему делами СНК СССР Н.П.Горбунову, курировавшему экспедицию со стороны правительства.
- 114) У б у г у н о в Д а н и и л М и х а й л о в и ч (1897–1938) – член РКП(б), участник Гражданской войны, сотрудник Коминтерна (1921), политкомиссар Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1924), занимал ответственные посты в аппарате БМ АССР (нарком внутренних дел, нарком торговли, зам. пред. ЦИК и СНК), председатель Госплана БМ АССР (1930–1934).
- 115) Имеется в виду Котик Даниленко, уехавший в отпуск в Москву в ноябре 1925 г.

22

- 116) После возвращения (из командировки в Москву) в Ургу в марте 1926 г. А.Д.Симуков отправляется в апреле вместе с К.К.Даниленко в лагерь П.К.Козлова в Холт, оттуда - на Эцзин-гол к партии С.А.Глаголева, где занимается зоологическими сборами и участвует в раскопках Хара-хото; в августе партия покидает Эцзин-гол и через Холт возвращается в Ургу в начале сентября; Монголо-Тибетская экспедиция отбывает из Урги в Россию 17 сентября 1926 г.; А.Д.Симуков собирается в поездку в южный Хангай (от Миннархоза МНР).

23

- 117) М е л а н и я А л е к с е е в н а С и м у к о в а (1904–1993) – (Миля, в девичестве – Алексеенко) – жена (с марта 1926 г.) А.Д.Симукова, окончила Суражский педагогический техникум (1923), студентка химического факультета МГУ (1925 - апрель 1927); участник экспедиций Учкома МНР под руководством А.Д.Симукова (1927, 1931, 1932 г.г.) (ботаник-коллектор и фотограф); сотрудник Наркомфина (с 1946 г. - Министерства финансов) СССР (1936–1959).
- 118) Имеется в виду приведенное здесь удостоверение на бланке «Известий» (см. документ III 22), по-видимому, необходимое для оформления документов на выезд М.А.Симуковой в Монголию к мужу.

Глава IV
Монголия
(1926–1939)

IV Монголия. Список документов

IV 1	<i>А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву. 15 октября 1926.</i>	139
IV 2	<i>А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 25 декабря 1926</i>	140
IV 3	<i>А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву. 6 января 1927.</i>	143
IV 4	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 22 января 1927.</i>	145
IV 5	<i>А.Д.Симуков – Е.В.Козловой . 20 марта 1927.</i>	147
IV 6	<i>А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 31 июля 1927</i>	151
IV 7	<i>Москва – Уланбатор. Апрель 1927. Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989</i>	152
IV 8	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1927.</i>	153
IV 9	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 января 1928.</i>	155
IV 10	<i>А.Д.Симуков – П.К.Козлову. 15 февраля 1928.</i>	159
IV 11	<i>Моя первая экспедиция (1927). Запись рассказа М.А.Симуковой. 26 декабря 1989</i>	163
IV 12	<i>Экспедиция 1927 г. Записки М.А.Симуковой. 1980-е.</i>	164
IV 13	<i>М.А.Симукова – Е.Э.Будовской. 22 июня 1986.</i>	165
IV 14	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 13 июня 1978.</i>	166
IV 15	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1928.</i>	166
IV 16	<i>А.Д.Симуков – О.Я.Пейкер. 14 мая 1928.</i>	169
IV 17	<i>А.Д.Симуков - Ал.Д.Симукову. Май-июнь 1928.</i>	172
IV 18	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июля 1928.</i>	176
IV 19	<i>А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 6 декабря 1928.</i>	178
IV 20	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 25 декабря 1928.</i>	183
IV 21	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1929.</i>	186
IV 22	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 мая 1929.</i>	188
IV 23	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 июля 1929.</i>	189
IV 24	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 августа 1929.</i>	193
IV 25	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1930.</i>	195
IV 26	<i>Нацагдордж (1929–1930). Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989</i>	197
IV 27	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1930.</i>	197
IV 28	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 11 января 1931.</i>	199
IV 29	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 15 января 1931.</i>	200
IV 30	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 февраля 1931.</i>	202
IV 31	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 19 января 1932.</i>	203
IV 32	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 мая 1932.</i>	204
IV 33	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 декабря 1932.</i>	205
IV 34	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 декабря 1932.</i>	206
IV 35	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 февраля 1933.</i>	207

IV 36	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 апреля 1933.</i>	209
IV 37	<i>А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 20 сентября 1933.</i>	210
IV 38	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 сентября 1933.</i>	212
IV 39	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 2 октября 1933.</i>	213
IV 40	<i>Удостоверение. 3 ноября 1933.</i>	214
IV 41	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 декабря 1933.</i>	215
IV 42	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 20 декабря 1933.</i>	217
IV 43	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1934.</i>	217
IV 44	<i>А.Д.Симуков – Н.Я. Симуковой. 6 февраля 1934.</i>	219
IV 45	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 13 февраля 1934.</i>	219
IV 46	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 марта 1934.</i>	221
IV 47	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Апрель 1934.</i>	222
IV 48	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 25 августа 1934.</i>	224
IV 49	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 17 октября 1934.</i>	226
IV 50	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 ноября 1934.</i>	227
IV 51	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 14 ноября 1934.</i>	228
IV 52	<i>М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 21 ноября 1934.</i>	229
IV 53	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 декабря 1934.</i>	230
IV 54	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 декабря 1934.</i>	232
IV 55	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 5 января 1935.</i>	235
IV 56	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 февраля 1935.</i>	236
IV 57	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 января 1935.</i>	237
IV 58	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 февраля 1935.</i>	239
IV 59	<i>А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 21 февраля 1935.</i>	240
IV 60	<i>Доверенность. 18 февраля 1935.</i>	245
IV 61	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 22 февраля 1935.</i>	247
IV 62	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 марта 1935.</i>	250
IV 63	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 апреля 1935.</i>	252
IV 64	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 29 мая 1935.</i>	252
IV 65	<i>М.А.Симукова – Ал.Д.Симукову. 8 июня 1935.</i>	253
IV 66	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 июня 1935.</i>	254
IV 67	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 сентября 1935.</i>	255
IV 68	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 сентября 1935.</i>	258
IV 69	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 сентября 1935.</i>	259
IV 70	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 октября 1935.</i>	261
IV 71	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 ноября 1935.</i>	262
IV 72	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 10 ноября 1935.</i>	263
IV 73	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 декабря 1935.</i>	265
IV 74	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 декабря 1935.</i>	266
IV 75	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 1 декабря 1935.</i>	267

IV 76	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 декабря 1935.</i>	268
IV 77	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 14 января 1936.</i>	268
IV 78	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Февраль 1936>.</i>	269
IV 79	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 марта 1936.</i>	272
IV 80	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 23 марта 1936.</i>	273
IV 81	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 31 марта 1936.</i>	273
IV 82	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 31 марта 1936.</i>	274
IV 83	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 апреля 1936.</i>	274
IV 84	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 17 апреля 1936.</i>	274
IV 85	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Апрель - май 1936>.</i>	275
IV 86	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 9 мая 1936.</i>	276
IV 87	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 22 мая 1936.</i>	276
IV 88	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июня 1936.</i>	276
IV 89	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 26 июня 1936.</i>	277
IV 90	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 июня 1936.</i>	278
IV 91	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 1 сентября 1936.</i>	278
IV 92	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 1 сентября 1936.</i>	279
IV 93	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 17 октября 1936.</i>	280
IV 94	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Ноябрь-декабрь 1936>.</i>	280
IV 95	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <12 декабря 1936>.</i>	280
IV 96	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <6 января 1937></i>	280
IV 97	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 6 июня 1937.</i>	281
IV 98	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <1 июня 1937>.</i>	281
IV 99	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <2 сентября 1937>.</i>	282
IV 100	<i>Автобиография Симукова . 11 сентября 1937.</i>	282
IV 101	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 16 октября 1937.</i>	290
IV 102	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 22 октября 1937.</i>	290
IV 103	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 ноября 1937.</i>	290
IV 104	<i>А.Д.Симуков - Н.Я.Симуковой. 29 декабря 1937.</i>	290
IV 105	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 18 <января – февраля> 1938.</i>	291
IV 106	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Март - апрель 1938>.</i>	291
IV 107	<i>А.Д.Симуков - Н.Я., М.А., Н.А.Симуковыми. <Август 1938>.</i>	292
IV 108	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 1сентября 1938.</i>	292
IV 109	<i>А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. <Сентябрь - октябрь> 1938.</i>	292
IV 110	<i>А.Д.Симуков – Н.Я., М.А.Симуковыми. <Январь-февраль> 1939.</i>	293
IV 111	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 2 августа 1939.</i>	294
IV 112	<i>А.Д.Симуков – М.А.Симуковой и Н.Я.Симуковой.</i>	

	<i><2 августа 1939>.</i>	296
IV 113	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 28 августа 1939.</i>	297
IV 114	<i>М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 сентября 1939.</i>	298
IV 115	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Август 1939.</i>	299
IV 116	<i>НКСвязи СССР – Н.Я.Симуковой. <Октябрь - ноябрь> 1939.</i>	299

IV 1 *А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву*¹⁾. 15 октября 1926.

15/X/26 г.

<хуре Дашидогун>

<в Уланбатор>

Дорогой Сергей Александрович!

Пишу Вам из вольных степей Хангая, с золотых россыпей Байдарика. В Урге Вы наверно уже знаете все подробности и те обстоятельства, при которых я остался в Монголии. посох странника оказался для меня дороже всех других выкладок – и вот я снова на воле, в горах. История с Учкомом провалилась²⁾, надеюсь, временно. Я на службе в Миннархозе³⁾, наворачиваю по-немецки, по-монгольски и по части съёмки⁴⁾. Написал жене, чтобы ехала сюда и думаю закопаться на порядочное время. Очень жалко и досадно мне, что не мог я дожидаться Вас в Урге⁵⁾ и не застаю Вас, вероятно, по возвращении⁶⁾, т.к. обратно буду не ранее, вероятно, 1 декабря.

Не знаю совершенно Ваших планов на будущее, в связи с сокращением Учкома⁷⁾, а как хотелось бы быть здесь в Монголии с Вами! Помните весенние наши планы?

Пребывание до конца в экспедиции принесло пользу только в практическом смысле, да отчасти в смысле «радостей странничества», т.к. я повидал Хара-хото, почувствовал дыхание Великой Гоби, а там, за ней, ледников Нань-шаня. О всех этих вещах, впрочем, в письме, да еще в походе, разговаривать трудно. Нужно говорить непосредственно. В смысле же внутреннем я сделал, если вообще что-либо сделалось, весьма мало. Главная причина Вам известна – отсутствие моей жены. Если она сумеет приехать – для меня начнется настоящая жизнь, а не вечное ожидание.

С папиком⁸⁾ расстался хорошо, хотя он на что-то озлился и устроил мне на Эцин-голе⁹⁾ совершенно небывалый разнос.

Единственное, что я предполагаю впереди – держаться Учкома и при первой возможности перейти туда, хотя бы и на небольшой оклад. Может быть, уйду куда-нибудь в лесничество, в Кентей.

Узнав, что Вы поехали к Кентей-хану с Чухломиным¹⁰⁾, я был в восторге. Кентей и он – комбинация хорошая. Я это, как Вы знаете, испытал.

Тяжелее всего мне было, когда уезжала экспедиция, расставаться с Котей¹¹⁾ и Елизаветой Владимировной¹²⁾, да об этом Вам и говорить не нужно.

Сейчас я просто не в состоянии писать Вам много и подробно. Сижусь в отделении Монценкопа¹³⁾ хуре¹⁴⁾ Дашидогун (на 40-верстке не ищите, а см. там примерно ологой¹⁵⁾ на дороге Пекин – Улясутай, к О от вершин Байдарика). Дела много, интересно, но, повторяю, жизнь не полна.

Думаю я, что поразмыслив Вы поймете, как мне хочется видеть Вас, говорить с вами и как тяжело думать, что это, может быть, удастся не скоро. Напишите, будьте добреньки, мне письмо и оставьте его в Учкоме. Писать (из Урги) я буду Вам часто и сделаю для Вас всегда, что могу.

Если к Вам никто не приходил от моего имени и если у Всесвятских¹⁶⁾ не лежит для Вас ничего от меня – спросите в Монголбанке шофера Крыжановского. Моя квартира у него, и я оставил для Вас старинную монгольскую гадательную книгу-календарь. Если она интересна для Вас хоть в малой мере – примите ради Бога на память от меня. Если же она совсем барахло – уж не знаю, просить ли Вас продать ее в Питере или, пожалуй, оставить у себя, може пригодится. Купил я ее у бедного старика в южном Гобийском Алтае, в горах Сиврэ. Дал 8 мд¹⁷⁾. Купил специально для Вас. Не обижайте меня, если только она интересна.

Простите, что письмо коротко и безалаберно – в данный момент не могу иначе.

Глубокий поклон Мелитине Ивановне¹⁸⁾.

Всегда и везде Ваш А.Симуков.

Привет сердечный папе Пете¹⁹⁾ и Елене Петровне²⁰⁾.

мини монгол нырэ Даши²¹⁾.

IV 2 2 А.Д.Симуков – П.К.Козлову*. 25 декабря 1926

25/XII/1926

Уланбатор

<в Ленинград>

Глубокоуважаемый Петр Кузьмич!

Прежде всего должен извиниться перед Вами за долгое молчание. Причиной тому была общая неналаженность моей личной жизни. Теперь мало по-малу все начинает входить в норму и я могу писать Вам. Прежде всего о поездке моей на запад. Маршрут: Урга – Цзаин-шаби – Ургу-Тамир – Хулюсай-даба – Туин-гол почти до старого Туй-уртона²²⁾, затем на запад и северо-запад в хурэ Дашидогун, оттуда немного на юг и снова на запад почти до Байдарика. И обратно – уртонной дорогой.

Выбрались мы 24-го сент<ября>. На авто до Цзаина без приключений.

* Архив Музея П.К.Козлова (Санкт-Петербург). Ф.1. Оп. 7. Д. 139. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано, см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т. И.Юсуповой //Mongolica VII. СПб., 2007. С. 103–104.

Единственное интересное по дороге – развалины большого монастыря близ уртона Ходасын. Их мы мельком осмотрели, и немец²³⁾ снял несколько фотографий. По мнению В.И. Лисовского²⁴⁾ это был монастырь красного толка²⁵⁾, разрушенный цзонхавистами²⁶⁾. Кладка стен из дикого камня, причем крупные неправильные куски последнего чередуются со слоями тонких кусков сланца. Все скреплено подобием цемента. Вокруг вал, а вне вала следы арыков.

В Цзаине мы простояли 7 дней, налаживая небольшой караван и кое-какое добавочное снаряжение. Оттуда двинулись по Урту-Тамиру. Пара хайныков с друндулетами и 4 коня – вот и весь наш караван. Я был занят всецело съемкой. Выдающегося на этом пути нам ничего не попало. Единственное обращающее на себя внимание – это классические конечная и боковые морены в верховьях Урту-Тамира. Далее я получил сведения, что на Туин-голе, близ монастыря Туин-голийн-хурэ имеется надпись на скале, которую не могут прочесть ни монголы, ни китайцы. К сожалению у меня не было возможность съездить к этой надписи и срисовать ее. Мы слишком спешили начать наши основные работы. Кроме надписи, близ этого монастыря имеются развалины, прежнее место этого монастыря, по словам монгол.

Через два перехода от Дашидогуна мы пришли к первым на нашем пути монгольским «приискам». Узенькое дно сухой долинки сплошь изрыто, словно тарабаганами. Шурфики один на одном, узенькие и неглубокие – не больше 2–2 ½ саж<ен>. Золотоносный пласт тонок и небогат. По природе здесь был как раз переход от Хангая к северной Гоби, т.е. все слегка напоминало по характеру ур<очище> Холт. Далеко на юге синела, радуя глаз, громада Ихэ-богдо, а с вершин можно было видеть полоску оз. Боун-цаган-нор. Изучив место, где, между прочим, мы нашли, по-видимому, остатки весьма древних плавильных печей – рядом есть следы железа и кам<енного> угля – мы двинулись к Утын-голу, к тому месту, недалеко от которого сливаются Утын-гол с Байдариком. В этом месте горы носят уже совершенно гобийский характер. В районе Утын-гола много рисунков на скалах. Мотивы знакомые: янгер²⁷⁾ во всех видах, иногда аргали²⁸⁾, барс, редко фигура человека. Вследствие крайне позднего времени мы очень торопились. Какая тут промывка пород, когда ночью морозы до - 25°C! Покончив с работами мы выехали на север, к уртону Байдарик, а там через Эгин-даба по большой уртонной дороге в Ургу.

Результатами поездки были геологический маршрут Цзаин - Утын-гол и подробное обследование целого ряда золотоносных урочищ.

По возвращении (в Ургу мы приехали 22 ноября) я продолжал работать в Миннархозе. Но не так давно В.И.Лисовский получил предложение занять кафедру в Новочеркасском сельхоз-институте и собрался уезжать. Так как

Гнадеберга²⁹⁾ Миннархоз не отпустил, то Ц.Ж. Жамцарано³⁰⁾ предложил мне занять место Лисовского и, насколько хватит сил, заменить его в Учкоме. В настоящее время я уже ушел из Миннархоза, вникаю в учкомские дела с тем, чтобы с 1 января официально вступить в должность. Желание работать у меня огромное.

Вот собственно все мои новости. Т.к. все там, в России, ждут писем от меня, то я пока получил всего одно письмо от жены. Остальные молчат. Поэтому я не имею никакого представления о том, как была встречена экспедиция правительством и обществом, как встретили наши коллекции ученые, что там новенького и т.д. Если у Вас, Петр Кузьмич, найдется время, черкните мне пару строк обо всем этом.

Думаю, что моя работа Вас будет интересовать, поэтому я временами буду писать Вам о том, что делаю и предполагаю делать.

А все-таки, как хотелось бы взглянуть на выставку, увидеть «свои» коллекции, ставшие достоянием науки и широкой публики, услышать Ваши лекции и узнать на диапозитивах знакомые, почти родные места!

Как только налажено будет дело с открытием музея и все в Учкоме придет в свою норму, я сейчас же займусь составлением плана летних работ. Хочется снова к южной границе, в Центральную Гоби, поближе к Шара-хулусуну, на дикий простор, такой знакомый и близкий.

Очень надеюсь на Вашу помощь в смысле завязки постоянных сношений с Академией³¹⁾.

Как устроилась и устраивается вся наша публика? Что подельвает Вася Канаев³²⁾, Василий Андреевич³³⁾, Коля³⁴⁾. О Коте³⁵⁾ я уже кое-что слышал. Здесь я часто вижу Фу-чина³⁶⁾, иногда Фильчу Вторушина³⁷⁾.

Сам живу ни шатко, ни валко. Читал лекцию в деловом клубе под заглавием: «Впечатления туриста о Мертвом городе (Хара-хото³⁸⁾)». Лекция сошла удачно.

Вечерами иногда бываю в знакомых семейных домах – у Шастиных³⁹⁾, Бадмажаповых⁴⁰⁾, Всесвятских⁴¹⁾.

Поздравляю Вас и всех Ваших с праздниками. Глубокий поклон Елизавете Владимировне⁴²⁾. Привет Владимиру Петровичу⁴³⁾ и Ольге Петровне⁴⁴⁾.

Ваш А. Симуков.

P.S. Мне бы очень хотелось иметь на память от Вас несколько фотографий, особенно Эцзин-гол, Хара-хото, наши группы и, конечно, общий вид каравана в движении (помните, Ваш снимок между Уйцзен-ваном и Мишик-гуном).

А.С.

Мой адрес: Улан-Батор, Учком, Симукову.

IV 3 А.Д.Симуков – С.А.Кондратьеву. 6 января 1927.

6/1/1927

Уланбатор

<в Москву>

Дорогой Сергей Александрович!

Наконец-то таки собрался я написать Вам о своем житье-бытье и об ургинских делах.

Прежде всего большое Вам спасибо за письмо и за фотографии. Вы знали, что меня порадует больше всего. Вид нашего домика⁴⁵⁾ и слова о том, что «все так же бесшумно бродят козы...» и т.д., подняли волну сладких и немного щемящих воспоминаний. Приехал я ровно через 4 дня после Вашего отлета, но письмо получил много позже. Досадно было, что увидиться с Вами будет возможно только весной.

Теперь кардинальная новость: В.И.Лисовский⁴⁶⁾ уехал сегодня в Новочеркасск преподавать в Институте мелиорации, и с 1-го января я назначен на его место – заведывать музеем, картографическим отделом и т.д.! Везет...

Оклад 125 д.⁴⁷⁾ – с меня пока довольно. О работе Вам писать не приходится – сижу до вечера, да и вечером иногда работаю. Перспективы несколько суживаются отсутствием средств в Учкоме (пока), но привыкнув работать на малом, можно потом лучше справиться с большим. На лето перспективы таковы: мне лично очень хочется поехать в Гоби, хотелось бы и Вас соблазнить туда же. Максимальные *desiderata*⁴⁸⁾ следующие. Основной маршрут: Урга - на юг до дороги Пекин – Баркуль, по этой дороге на запад, затем к южной границе, по возможности Шара-хулусун⁴⁹⁾ и обратно на Юм-бейсе⁵⁰⁾, Уйцзюн-Ван⁵¹⁾, Ургу. Разъезды на верблюдах в стороны. Особо интересные районы: местопребывание олгой-хорхой (таинственная червяга), может быть Эцзин-гол, где у меня масса знакомых – фазаны, *Salpingotus* 'ы⁵²⁾, и т.д.; аргали, *Capra*⁵³⁾, барс, леопард (ох, как редок, каналья!) - в хребтах Гобийского Алтая; загадочный Шара-хулусун – дикие верблюды, *Equus przewalskii*⁵⁴⁾ и возможная остаточная фауна мелкоты, медведь среди Гоби и т.д.

Немыслимые места! На этих днях займусь сметой *maxima*⁵⁵⁾. Денег потребуется не слишком много. Если Вы не соблазнитесь – я обойдусь 2000–2500 д.⁵⁶⁾ Что же касается окончания Вашей работы в Кентее, то тут главное, ведь, охотничий промысел, а его обследование можно сделать и поздней осенью и даже в первую половину зимы. Гоби же Вам совершенно незнакома и доставит Вам своим величием и просторами, частью еще неизведанными,

много «радостей странника». Я это знаю по себе. Если только поездка по моему плану будет утверждена, в чем я почти не сомневаюсь, то я с дрожью нетерпения буду ожидать весны, готовиться исподволь начну сейчас же.

Не передать в письме очарования беспредельных гобей, синеватых, цвета «сигарного дыма» дальних неведомых и немислимых хребтов, и оазисов, вроде Эцзин-гола, с совершенно своеобразной природой! Радость увидеть вновь Центральную Гоби усилится во много раз переживанием ее вместе с Вами.

Во время моей последней поездки на запад я только чувствовал дыхание Гоби, видел ее издали с горных вершин, и ноздри мои раздувались. А созерцание благородных форм Ихэ-Богдо на расстоянии почти 200 верст заставляло иногда тихими вечерами на час бросать неотложную работу.

Как вы живете в Москве? Я слышал, что Вы поехали за границу, в Вену. Факт или реклама? Как живет Москва вообще? В стенах Учкома я просто забываю о буднях городов. Хотя, если бы пришлось с ними столкнуться – принял бы вызов.

С нетерпением жду Милю⁵⁷⁾. С неделю назад получил утешительную телеграмму о том, что дела с выездом налаживаются. Жду теперь телеграммы о выезде. Без нее жизнь наполовину. Все чего-то не хватает. Просто жду - не дождусь.

Рассматривал Ваши Ононские альбомы⁵⁸⁾. Федя⁵⁹⁾ очей ревнив к сокровищам Ононской экспедиции и допускает к ним, так сказать, в особо торжественные дни.

Как здоровье Мелитины Ивановны⁶⁰⁾? Добром или злом поминает она кентейские дебри?

Как только я подберусь с основными делами Музея и Учкома, сейчас же налажу экскурсии и буду сам устраивать набеги на знакомые места: Баинбулык, Сугнур, Суцзуктэ... Долго ли просидел я в Урге, а между прочим снова захотелось на волю. Неприятно смотреть на побелевшие руки, лицо. Мысль же о лете, повторяю, приводит в дрожь.

Здесь в Урге начинаю устроиваться по-домашнему. Снял с товарищами отдельный домик, Фучин⁶¹⁾ живет с нами. Но сейчас Цокто Г<армаевич>⁶²⁾ попросил меня временно переселиться к нему, т.к. сам он уехал с И<дой> П<авловной> в Китай и побаивался оставить дом без солидного (*sic!*)⁶³⁾ человека. Здесь у них проживу месяца два. Изредка бываю у папы Пети и Елены Петровны⁶⁴⁾, у Шастиных⁶⁵⁾, еще кое у кого.

Беседы Ваши в Суцзуктэ дают себя чувствовать. Желание быть на пути по-прежнему сильно. По возможности стараюсь вносить меньше зла в мир и удерживать от этого других. Но, как и прежде, повторяю, ровной работе духа мешает отсутствие Мили.

В Урге становится для русских несколько хуже. Отчасти виновата монголизация*, отчасти мертвый зимний сезон.

А трубы Цзун-хуреня гудят по-прежнему. По-прежнему заходящее солнце горит на кровлях Гандана и Майдари, по-прежнему лиловеет вечером небо над сопками к *NO*, а ночью луна обливает знакомым теплым сиянием щетинящуюся тайгу вершин Богдо-Улы.

Больше писать пожалуй и не о чем. Жду от Вас письма с указанием срока Вашего приезда. Вас, как и всегда, буду ждать с нетерпением.

Придется, наверное, написать Вам и деловое письмо. Как, между прочим, стоят на мировом рынке акции ноин-ульских древностей? Если Вы осведомлены, то ответьте на этот вопрос телеграфом. Не лишено некоторого значения.

Мой адрес: Уланбатор, Учком.

Привет Вам от всех знакомых с Вами ургинцев, от Фучина особый, с «китайскими церемониями». Мелитине Ивановне поклон от Феди и особый от меня.

Ваш А.Симуков.

IV 4 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой⁶⁶. 22 января 1927.

22/1/1927

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая, милая моя мамочка!

Получил сегодня твое письмо, письмо бесконечно любящей меня мамы, рзнувшее меня больно по сердцу. Не думай, что забыл тебя твой первенец, слова мои «я всегда с тобой» не забыты. Не писал же я тебе вот почему. В экспедиции почти невозможно было, да и думал я, что осенью увидимся. Осенью же, когда я решил остаться, сначала я не хотел писать, пока не устроюсь прочно, затем уехал на два месяца. Я предполагал, что возвратясь найду Милю уже в Урге. Вышло иначе. Без меня не могли достать нужных документов и не отослали письма. Потом я доставал документы, посылал их, оказывалось недостаточно, посылал новые и т.д. Сама же ты знаешь, что без Мили у меня жизнь наполовину. Вот и не хотелось писать, пока не заживу полной жизнью. История эта затянулась, а теперь мне горько, что я причинил тебе боль.

* В тезисах ЦК МНРП к VI съезду был намечен курс, в частности, на сокращение советского присутствия (советники, инструкторы) и монголизацию аппарата (Лузянин, 2003: 171).

Теперь о себе. Весной, при проезде к экспедиции, предполагалось, что зиму я проведу в центрах⁶⁷⁾, подготавливаясь к работе в Ученом Комитете Монголии на деньги этого же Комитета. Но в связи с событиями в Китае⁶⁸⁾ Монголия сразу обеднела и учкомскую смету обрезали со всех концов. Меня не могли даже принять сейчас же на службу. Я чувствовал, что если уеду – в Монголию мне скоро не вернуться, а об этом я не мог и думать. Решил попробовать остаться. Сразу же нашел место, хоть и не шибко важное. Съездил. К концу декабря же выяснилось, что некто Лисовский⁶⁹⁾, хранитель Музея, мой очень хороший знакомый, проживший в Монголии 12 лет, уезжает. В Урге заменить его, кроме меня, некем. И вот с Нового года я хранитель Музея, зав<едающий> картографическим отделом и т.д. Получаю 125⁷⁰⁾. По Урге это очень немного. Но Учком пока беден и больше дать не в состоянии. А дальнейшее зависит от меня. Работа же, ты сама знаешь, моя в полном смысле этого слова.

Работы очень много. В ургинскую жизнь я вошел вполне <...>. Летом уеду месяцев на 4–5 в Гоби, в экспедицию, уже в качестве начальства. Милую жду с нетерпением. Как хотелось бы, мамочка, видеть тебя здесь, но об этом подумай сама. В материальном смысле – проживем. Захочешь помаленьку работать – работа найдется всегда. Деньги на проезд тоже соберем, хотя только к осени. <...> Сейчас, по некоторым обстоятельствам, только свожу концы с концами. <...> Эх, если бы ты приехала бы осенью, пока еще тепло! Сейчас ехать зарез. Можно только здоровому, молодому. <...>. В Москву же я приеду не ранее, чем через год, а вероятнее, что через два. Подумай. А здесь тебе жить будет хорошо. Славно зажили бы вместе! <...>. У меня чудесный отдельный домик – две комнаты и кухня, плачу 45 в месяц. По Урге недорого. Дрова же здесь сейчас 20 руб. погонная сажень, уголь 50 коп. пуд. Топливо-то и бьет зимой по карману.

Много тихих вечеров провел я в своей квартирке, перечитывая твои письма (немного их) и рассказывая своему другу, с которым я живу, о нашем с тобой житье-бытье, о тебе и папе. О папе вспоминаю часто. Кстати (или некстати) как у тебя с сердцем? Очень слабому здесь трудно. Абс<олютная> высота Урги 1250 метров. Но воздух здоровый до безобразия. Сухо. 40°-ный мороз переносится легче, чем в Питере 25°.

Монголия бы тебе несомненно понравилась. Я же здесь нашел третью родину⁷¹⁾. Знакомых у меня здесь много и, как водится, в самых разнообразных кругах. Солидные семьи местных интеллигентных работников, китайцы - рабочие и мелкие торговцы (среди них есть даже друзья), буряты самых разнообразных степеней, монголы, русские рабочие, крестьяне-колонисты, англичане (в понедельник танцую фокстрот) и т.д. Есть много искренне хорошо относящихся ко мне людей, т.к. зла я никому не стараюсь

делать и во мне живет напряжение удерживать и других от этого. Вообще внутри меня полубессознательная работа идет, и я жду только Милю, чтобы отчетливо направить нашу жизнь в этом отношении на определенный путь.

Как растут Леша⁷²⁾ и Аля⁷³⁾? Что у них внутри? Хотелось бы мне получить письма от них, а от тебя, вдобавок, хорошую фотографию. Ведь у меня нет даже маленькой твоей карточки. Напишу же я всем, всем, никого не забуду, дайте только время и установившуюся жизнь.

Что нового в Сигеевке? Как все наши, особенно Анна Андреевна⁷⁴⁾? С теплом вспоминаю я Сигеевку и когда-нибудь уж доберусь. Передай привет всем-всем, кто только меня помнит. В Душатине привет Алексеенкам⁷⁵⁾, особенно Феодосии Макаровне⁷⁶⁾. Чуткое у нее сердце, и жаль мне её, что увлакиваю старшую дочку на край света. Маня⁷⁷⁾, наверное здорово распустилась (т.е. расцвела). Федотовне тоже особый поклон.

Зайди, мама, к папе на могилку, отслужи панихиду в церкви. Пусть это будет 1-го марта. Я буду знать и молиться вместе с тобой. Часов в 10 утра (у нас в Урге это будет 3 1/2 час. дня).

Крепко, крепко целую тебя, моя милая мамочка, помни еще раз – я всегда с тобой, если даже почему-либо и не будет писем. Твои заветы живут во мне и твое благословение всюду открывает мне ворота по бодрой пока тропе моей жизни.

Будь здорова, мамочка, береги себя. Хочется быть вместе...
твой Андрей.

Кажется, ничего не забыл. 5 часов утра, а я еще не спал. Глаза слипаются. Покойной ночи.

IV 5 А.Д.Симуков – Е.В.Козловой*⁷⁸⁾. 20 марта 1927.

20/III/1927

Суцзуктэ

<в Ленинград>

Глубокоуважаемая Елизавета Владимировна!

Простите меня за долгое молчание. Писать Вам я собрался отчасти из-за дела – о нем ниже, отчасти благодаря мысли, что Вам небезынтересно было бы получить весточку от истинно преданного Вам человека, работающего в

* Архив Музея П.К. Козлова (Санкт-Петербург). Ф.2. Оп.17. Д.119. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано: см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т. И.Юсуповой //Mongolica VII. СПб., 2007. С. 104–105.

местах, с которыми несомненно связано много приятных для Вас воспоминаний.

Петру Кузьмичу я написал подробное письмо, описав, как обещал, свою поездку на Байдарик. Ответа пока не получил. Или же письмо не дошло, или же Петр Кузьмич не пожелал мне ответить хотя бы парой строк. Если у него было время писать Вере и Марине Бадмажаповым⁷⁹⁾ то неужели не нашлось пяти минут, чтобы ответить своему спутнику, хорошо ли, плохо ли, а отслужившему делу экспедиции три года? По накоплении интересного материала буду писать ему еще и еще. Но и мне хотелось бы услышать о Вас обоих, о всех наших, забывших меня, о судьбе наших сборов и нашей работы, о всем, что стало за эти три года так близко и дорого.

Моя судьба здесь не лишена интереса. Через неделю после отъезда экспедиции, т.е. через три недели по приходе каравана нашего в Ургу, я уехал в новую экспедицию-разъезд в Дашидогунский золотonosный район. Повторяться не буду, вспомню лишь, какое наслаждение было созерцать тихим осенним вечером, сидя у палатки после трудового дня, громаду Ихэ-богдо, столь знакомую Вам, уже покрытую снегом. Правда, до нее было верст 150, но в Гоби это ведь не мешает! Или вспомните осеннее золото лесов Хангая с белоснежными гольцами на заднем плане... Сидя вечером с ганзой в зубах около огонька в нашем «хуху-майхане»⁸⁰⁾ и разговаривая одновременно на трех языках (русском, немецком и монгольском) я чувствовал себя в своей атмосфере.

Обратно мы выехали «ургой»⁸¹⁾ на Байдарик-уртон⁸²⁾ и понеслись по большой уртонской дороге. 20 уртонов проехали в 8 дней, не торопясь. Жирные осенние кони давали подчас возможность поистине лихой скачки. Только *Herr Weiske* страдал – лошади гнулись под его 7-ю пудами и отказывались скакать. Приходилось брать заводную⁸³⁾.

В Урге я поработал первое время в Миннархозе, вычерчивая свою съемку. К Рождеству выяснилось, что В.И. Лисовский уезжает надолго, м.б. навсегда, в Россию. В качестве заместителя он выдвинул меня и дело было решено. С 1-го января этого года я вошел в учкомскую семью при жаловании в 125 д.⁸⁴⁾ (без квартиры). Снял неподалеку от Учкома чудесный отдельный домик и живу там с моим близким другом (экспедиция его не знает), его 14 летним братишкой⁸⁵⁾ и нашим дорогим Фу-чином⁸⁶⁾. Жду не дождусь жену. Без нее жизнь какая-то половинчатая.

Да получается, как будто, по любезной сердцам нашим песенке:

«Друзья мои, не ждите!

Я не вернусь домой...

В путь меня проводите,

Благословите рукой...⁸⁷⁾

За узеньким порогом
Раздолие путей...
Ах! У Господа Бога
Много таких детей!

Которые уходят
В забытые края.
Боль и звезды уводят
От суеты и дня...»

Слово в слово исполняю я ее. Ждали меня дома, даже варенье сварили – я не вернулся. Узенький порог я, думается, уже перешагнул, а манило-то ведь – раздолие путей...

Чем Гоби не забытый край? А тянет именно туда. Последние же две строчки полностью выражают, почему я перешагнул узенький порог..

Работы в Учкоме по горло. На мне и картографический отдел, и музей, и всякие другие дела. Работаю и вечерами. По части монгольской зоологии в музее почти пусто. Это и будет, пожалуй, моим коньком. Пришлось мне даже начать учиться делать чучела! На безрыбье, поистине, и рак – рыба!

На Цагалху* приезжал сюда, поколотил маленько птичек. Сейчас думаю провести здесь апрель. Что буду делать летом – пока темна вода во облацех. Подал докладную записку - смету на поездку к Шара-хулусуну. Не знаю, как будет с монетой. С этой корявой штучкой у нас туго. А тысячи 2–3 мне нужно на это дело.

Теперь о делах. Помимо чисто черновой работы по сбору типичной фауны Монголии и всяких организационных заданий, мне хотелось бы, что будет в моих силах, поработать и для науки. Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой помочь мне в этом деле. Я не хочу бродить впотьмах. Мало догадываться о том, что важно и с какой стороны; надо знать. Немного времени ведь отпущено человеку. Прежде всего книги. Что есть по монгольской фауне? Новейшие перечни, монографии. Ведь у нас нет даже такой важной штуки, как монография Насонова о роде *Ovis*⁸⁸⁾. Лучшие определители. Затем пожелания Бялыницкого-Бирули⁸⁹⁾, Сушкина⁹⁰⁾ и других академиков. Пожелания в таком роде, чтобы мне ясна была основная задача и я мог бы сделать маленькое обобщение. *Noblesse oblige*⁹¹⁾. Увы! «К вопросу о...». Помните? Но в этом отношении я делаю уступку только благодаря

* Так в тексте

большой плате за нее в виде раздолья путей, и то, хочется думать, временную. Впрочем ведь и С.А.⁹²⁾ написал «о некоторых могильных памятниках бассейна верхней Хары»... Какая грусть!...

Я думаю, что если Вы познакомите академиков с моим существованием и положением на сей планете в настоящем перерождении, они сами заинтересуются всякими возможностями и тогда я буду просить Вас только о покровительстве, а то за 6000 верст академикам очень даже просто «изгаляться» над молокососом, не рискуя ребрами. Хотя вероятно многие вопросы интересуют и Вас лично. Для Вас, будьте уверены, сделаю все, что могу и даже *über*⁹³⁾, т.е. что в обычном порядке не могу.

Конкретно, на всякий случай, хотелось бы знать, что можно сделать в пограничном южном районе, на что обратить сугубое внимание? В общем виде я себе все это отлично представляю, но хотелось бы частных. Думаю, что Вам ясно, чего мне хочется от Академии, в чем нужда нашего Уланбаторского и всемонгольского музея.

В первый день Цаган-сара⁹⁴⁾ я был в Урге. Ровно в полночь мы вышли на двор – загудели монастырские трубы... Начал Гандан. Не успели замереть последние колебания его мощного голоса, отозвался Цзун-хуре, сначала *piano*, *forte*, *fortissimo* и снова кончил *pianissimo*. А там пошли другие, кругом всей - провинциальной для одних и сказочной для других – Урги. С полчаса мы безмолвно слушали эту дивную музыку... Ночь была ясная, теплая. В городе было тихо, но чувствовалось какое-то напряжение, неведомая ургинским *quasi*-«европейцам» мощная жизнь...

Получил ли Петр Кузьмич официальные письма Учкома о высылке крайне необходимых нам копий съемки? Если получил, то как дела с этим вопросом?

Передайте, пожалуйста, ему от меня глубокий поклон и еще раз благодарность за его школу. Результаты сказываются уже сейчас и, конечно, благодарить и вспоминать его мне придется более, чем часто. Это весьма приятный долг.

Привет Владимиру Петровичу и Ольге Петровне, а также всем нашим, кого Вы видите.

Язву Котика⁹⁵⁾ следует обругать даже непечатно. Я ему написал, а он мне ни слова. Все решительно меня забыли. Просил я Петра Кузьмича о некоторых photographиях на память – Эцзин-гольских, Хара-хото и групповых и каравана – очень хочется их иметь.

Низкий поклон Вам и Петру Кузьмичу от Фу-чина и Кузнецовых⁹⁶⁾. Лидочка их сбежала... в Дадахэ с полуграмотным парнем-бобылем. Вася Воробьева⁹⁷⁾ выходит замуж. Павел за стрихнин и ружья в тюрьме.

Ваш А. Симуков.

IV 6 *А.Д.Симуков – П.К.Козлову**. 31 июля 1927

31/VII/1927

Ламэн-гэгэн

<в Ленинград>

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Кузьмич!

Простите Христа ради мое долгое молчание, над многим я должен был подумать. Прежде всего сообщу Вам о результатах моих раскопок (Ваше письмо касательно их сильно запоздало). Пятый номер оказался с чрезвычайно рыхлой почвой. Все сгнило, от помещений почти ничего не осталось. Взял я лишь урну, два-три золотых листика и 4 подвески зеленого камня с очень интересным орнаментом. Затем я взялся за одинокий курган в Цзурумтэ, пониже Кондратьевского. Тут оказалось прекрасно (благодаря тройному навалу бревен) сохранившееся помещение, но бедное по содержанию. Добыл я, помимо мало-интересных, обычного порядка предметов, хорошо сохранившийся череп, прелестное маленькое рельефное изображение лошадки скифского стиля и лаковую чашечку с китайской надписью, относящейся к погребению и точно устанавливающей его дату (т.е. погребения).

Не знаю, кому пошлет эту надпись Ц.Ж<амцарано> для перевода. Это очень любопытная штучка.

Копал я совершенно так же, как и мы в свое время. Много помог Фу-чин.

Поработав в начале лета в Музее[†], около первого июля я получил возможность снарядить маленькую экспедицию в Гоби. Собрался я очень быстро, причем во время сборов очень часто вспоминал Вас, т.к. никому не решался доверить даже мелочь. Все, от начала до конца, сделал сам. Да и во время путешествия каждый день, каждый переход буду вспоминать Вас с глубокой благодарностью за Вашу школу, результаты которой очень и очень заметны.

* Архив Русского Географического Общества. Ф. 18. Оп. 3. Д. 629. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано: см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т. И.Юсуповой // *Mongolica VII*. СПб., 2007. С. 105–106.

† В качестве заведующего Государственным музеем А.Д.Симуков подготовил открытие его в новом помещении – бывшем дворце Богдо-гегена (*Симуков А.Д.* Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и её результатах / *Симуков*, 2008 б: 178). 10 мая 1927 г. Симуков ознакомил с экспозицией Музея Г.Ц.Цыбикова (*Цыбиков Г.Ц.* Дневник поездки в Ургу 1927 г. / *Цыбиков*, 1981: 134, 138–139).

Маршрут у меня намечен примерно следующий: Ламэн-гэгэн, куда я добрался на авто, - Ихэ-богдо, Легин-гол, Немегету, Алтын-ула, район Шарухулусуна, здесь центр внимания, – м.б. легкий разъезд на Эцзин-гол, Ноинбогдо и прямо на Ургу. Из Ламэн-гэгэна я уже съездил на Байдарик с целью осмотреть земледелие там. То же задание у меня на Тацин-голе и Легин-голе.

Состав – я с женой (Миля у меня фотограф и коллектор по ботанике) и два монгола. Один, учкомовский, для сбора расспросных сведений, сношений с властями и помощник по препарированию⁹⁸), другой – повар⁹⁹).

Трудно будет очень, т.к. на юге – засуха. Но задачу свою выполнить постараюсь всеми силами. По возвращении подробно сообщу Вам о результатах поездки и пришлю наиболее интересные фотографии. Вернуться думаю не раньше ноября месяца.

Очень прошу Вас, Петр Кузьмич, не забыть и меня в Вашем предполагаемом походе на Голубую реку¹⁰⁰). Как видите, страсть к странствованиям во мне еще не остыла, да и не скоро остынет. Хотелось бы еще поработать под Вашим руководством.

Большое спасибо Вам за книжку.

Поклон Елизавете Владимировне и Василию Андреевичу¹⁰¹).

Ваш А. Симуков

Жена моя, очень часто Вас вспоминающая, шлет Вам свой привет и лучшие пожелания. Добралась она до Урги, благодаря Вам, вполне благополучно.

IV 7 Москва – Уланбатор. Апрель 1927.

Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989.

В апреле 1927 г. отправилась я в Монголию к Андрею. Поездом до Верхнеудинска примерно 10 дней. На вокзале спрашивала, кто на Уланбатор? Указали. Представились. В одном из них узнала Пашуканиса, которого несколько раз видела в общежитии МГУ. Второй – Ханзен. Отправили меня за разрешением к начальнику в гостиницу. Это был Блюмкин¹⁰²). Он должен был ехать вслед за группой, отдельно. После его приезда в Уланбаторе появилась песенка: «Прилетел к нам легче птицы Яша Блюмкин из столицы».

В группе, с которой мне предстояло ехать, 3–4 мужчин и женщина с ребенком около 4-х лет. Ехали примерно 5 дней, в легковой машине, из которой все было вынуто. В дороге все пили, стреляли. Защитил меня шофер.

Довезли до таможни в Уланбаторе. Вылезла. У меня был «большой багаж»

- маленький брезентовый чемоданчик. Нашла Учком (с помощью шофера). Зашла в огромный двор. Андрей с Фучином встречали меня (по телеграмме), но разминулись.

Андрей жил вместе с Фучином в то время. Недалеко от Учкома базарчик. Там Фучин покупал дрова. Фучин был как товарищ; так и в экспедиции – просто у каждого своя работа.

Устроилась и я на работу в детский сад – у меня был диплом педагогического техникума. А через два месяца, в июле отправились мы в экспедицию в Гоби.

IV 8 8 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1927.

30/VII/1927

Ламэн-гэгэн-хурэ

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Много раз виноват перед тобой за столь долгое молчание. Будучи весной в Суцзуктэ я написал тебе длинное письмо. В Урге его затеряли, и оно осталось неотосланным. Не помню сейчас точно, когда писал тебе последний раз, поэтому расскажу о себе начиная с весны.

Поработав зимой в Ученом Комитете и Музее я в самом начале марта выехал на раскопки в столь милую сердцу бывшей экспедиции Суцзуктэ. Поработал там два месяца и раскопал совершенно самостоятельно две гробницы. Снова бродил по знакомым местам, охотился и с легкой грустью вспоминал невозвратную свежесть первых впечатлений в этой дивной местности, тех людей, с которыми так легко и хорошо жилось и думалось. Кое-что в этих раскопках было весьма удачным, и начальство мое было довольно.

Вернувшись в Ургу я через несколько дней встретил Милю, и впервые мы с ней зажили по-семейному. Приехала она совершенно измотанная Москвой. Мне же, жившему все время и в Урге полупоходной жизнью, надо было привыкать к новому положению и резко изменить весь уклад моей жизни. Поэтому первое время ушло у нас на налаживание совместной жизни. В это время мне не хотелось писать тебе. Вскоре мы переехали на житье «на дачу» - в китайские постройки бывшего дворца Богло-гэгэна, около Музея. Версты две от города, близ реки, садик, вычурные постройки кругом и полная тишина. Там было очень хорошо.

Но мне все время хотелось на простор, и вот я получил возможность совершить маленькую экспедицию. Собрался быстро, и 12 июля мы выехали из Урги. Маршрут выбирал я сам и выбрал самый глухой уголок Гоби, где

почти никто не бывал и никто не собирал коллекций. Состав – я с Милей и два монгола. Доехав до того места, где я пишу сейчас, на авто, отсюда пойдем на верблюдах.

Отсюда я смахал вдвоем с монголом верст за 200 осмотреть монгольские пашни в Гоби. Послезавтра выступаем на юг.

Только здесь, среди гор, вдали от города, Миля стала по-настоящему отходить и поправляться. Применилась она к новой обстановке, даже походной, весьма быстро и несомненно будет мне очень ценной помощницей. С фотографией она справляется прекрасно, и надо надеяться, что альбом нашей маленькой экспедиции будет весьма интересен.

Вернемся в Ургу поздно, вероятно в ноябре, а потому писем до зимы не жди. Посылать их не предвидится никакой возможности.

Вот внешнее моей жизни за последнее время. До приезда Мили я очень скучал по ней, и жизнь шла как-то наполовину. Теперь все входит в норму, путешествие наше по пустыням и горам добавит большую дозу вдумчивости, и скоро жизнь наша войдет в определенное русло, по которому мы и будем быстро двигаться вперед. Ты можешь быть совершенно спокойна за нас и за меня в частности. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что в Миле я нашел свою истинную пару.

Трудно сказать сейчас, когда мы с тобой увидимся. Часто, очень часто тоска по тебе, мамочка, щемит мое сердце. А тут еще рассказы Мили о тебе, такие свежие, как будто она только вчера тебя видела. Часто вспоминаю я и нашего папу, моего первого учителя в познании природы. Грустно, что не дожил он до начала, хотя бы, моих странствований по пустыням Центральной Азии. <...>.

Большое спасибо Эмме Леонтьевне. Теперь у меня две фотографии папы (одна маленькая, Женина¹⁰³), сделанная в Суйде¹⁰⁴).

С удовольствием я слушал рассказы Мили о Леше и Але¹⁰⁵), но из них сделал вывод, что нелегко нам будет понять друг друга, когда свидимся.

У Гумилева есть одно стихотворение, где он говорит:

«..... сердцем чуял он,
что в мире есть один закон,
которым каждому дано
изведать что-нибудь одно:
тем – жизнь среди городских забав,
тем – запахи пустынных трав.»

Я выбрал последнее. А хотелось бы, очень хотелось бы помочь им обоим своим опытом, своими мыслями. Да и в твою жизнь я смог бы внести много

нового. Будем надеяться, что свидимся мы скоро, и к тому времени у меня окончательно сформируется линия жизни.

Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Будь уверена, что по возвращении в Ургу уж никто и ничто не помешает мне регулярно писать тебе.

Миля также крепко целует тебя и посылает тебе фотографии своей работы.

Привет всем близким и знакомым, кто поминает меня добром.

Твой старшой Андрей.

IV 9 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 января 1928.

10/1/1928

Улан-Батор

<в Сигеевку>

Дорогая моя мамочка!

Прости меня за столь долгое молчание – последнее письмо тебе я написал числа 1 августа, в начале моего путешествия, и не знаю, дошло оно или нет. От тебя же давно ни звука. Недовольна ты чем-нибудь с моей стороны? Тяжело быть без весточки от тебя. Я же это время не писал, так как был в путешествии. Вернулся только 3-го декабря. Теперь несколько очухался, пришел в норму и – пишу.

Моя экспедиция этого года – первое большое самостоятельное дело – удалась. За 4 ½ месяца объездил я очень много, побывал в самых глухих уголках пустыни. Были мы с Милей и в пустыне, и в высоких горах; жарились и мерзли, уставали и отдыхали. Быть может на днях тут в одном журнале напечатают мою статью об этой экспедиции¹⁰⁶ - ее я обязательно пришлю тебе. А пока ограничусь фотографией <см. А.Д.Симуков. Труды. Т. 3(1). С. 578. Фото №112>. Снят я с двумя моими спутниками-монголами, по возвращении из долгого (свыше месяца) и небезопасного разъезда в совершенно безлюдные места Центральной Гоби, где временами проезжают разбойники. Миля оставалась с моим помощником-монголом в населенных и безопасных местах, и можешь себе представить, каково ей было, когда я, обещав вернуться ровно через месяц, просрочил 6 дней? Но все кончилось хорошо, разбойников я и не видал, а сейчас мы оба тихо и мирно обретаемся в Урге. Фотография снята осенью, в конце октября.

Во время этой поездки я был в местах, еще не посещенных европейцами. Видел там диких верблюдов – штука весьма редкая – и в компании с моими монголами угробил одного для коллекции. Ночи две пришлось ночевать совсем без воды. Верблюдов же своих мы иногда не поили по 3–4 дня, проходя до 120 верст, не встретив воды. Видел я абсолютно бесплодные

галечные равнины и такие же черные угрюмые холмы и горы. Видел животную жизнь пустыни в совершенно первобытном виде, где даже крупные звери, вроде диких ослов, еще незнакомы с человеком.

Побывал в Хара-хото, знаменитом «Мертвом городе» Козлова. Там я был уже вместе с Милей. Заехав в большой оазис Центральной Гоби – Эцзин-гол – я встретился там с Свенем Гедином¹⁰⁷⁾ (думаю, что имя это тебе знакомо – знаменитый шведский путешественник по Центральной Азии). Гедин чрезвычайно любезно встретил меня и Милю. Мы провели в лагере его большой (до 80 человек) экспедиции целый день в качестве «знатных иностранцев», хотя костюмы у нас были... мягко выражаясь, в грустном состоянии. Он сам и его спутники – шведы и немцы – очень удивлялись Миле, решившейся ехать в такую даль, и наперебой расспрашивали о наших странствиях. Главные «моменты дня» были запечатлены на кинофильме, причем в центре постоянно был Гедин с нами обоими. Было очень интересно и весело. Разговор шел по-немецки, и только Гедин с Милей разговаривали по-русски.

На обратном пути мы сильно мерзли, ночуя при морозе свыше 20° в палатке со скверным огнем – топливом служил аргал (кизьяк), не всегда сухой. Вообще в путешествии бывали переходы по 50–60 верст, т.е. не менее 12 часов в седле. Мне-то ничего, а Миле приходилось туго. Но теперь, издали, и невзгоды кажутся приятными.

Сейчас мы живем во дворе Ученого Комитета. Комната у меня большая, светлая. Тут же во дворе живет и С.А.Кондратьев¹⁰⁸⁾, знакомый тебе еще по письмам из Суцзуктэ.

Работы у меня очень много – сижу не менее 10 часов в день, но распределяю ее по своему желанию так как службу мою выполняю большей частью у себя же в комнате. Живем скромно и тихо, в городе бываем редко, да и то только в 2–3 домах.

Почему ты не пишешь? Тяжело не знать, что с тобой, или узнавать о тебе косвенно. Вон, Миля уже два письма от своих получила. Теперь я буду писать тебе чаще, до весны, а там – снова в поездку. Если все будет благополучно, то возможно, что я попаду домой в течение ближайших двух лет. Это весьма вероятно. Раньше могу приехать лишь по непредвиденным причинам.

Пришли, мамочка, твою фотографию. Ведь у меня нет ни одной. Пиши о себе. Что поделяваешь, как живешь?

Получил я большое письмо от Леша¹⁰⁹⁾. Письмо хорошее, дружеское, откровенное. <...>.

С Милей мы живем крепко и дружно, без всяких перебоев и зацеп. Она тоже крепко целует тебя. Скоро мы снимемся вдвоем и тогда пришлем тебе карточку.

Как живут все близкие и знакомые? Как твои отношения с Алей¹¹⁰ и Лешей? Пиши, мамочка, обо всем подробно.

Крепко-крепко целую тебя, а уж как хочется сделать это не в письме, а наяву!

Твой Андрей.

Привет всем близким и знакомым.

<Миля пишет:> 11/1/28

Дорогая Наталья Яковлевна!

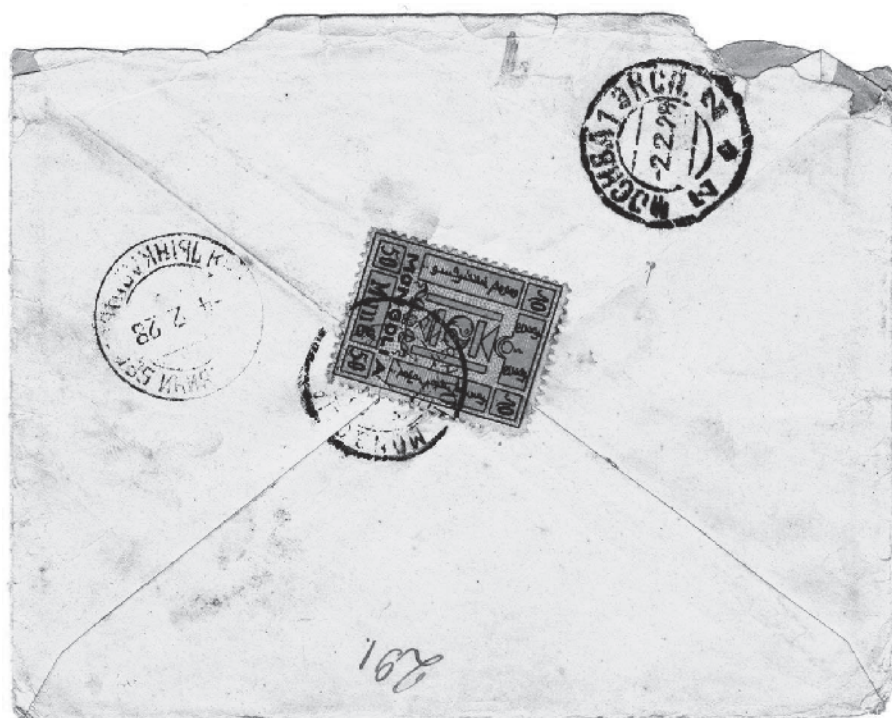
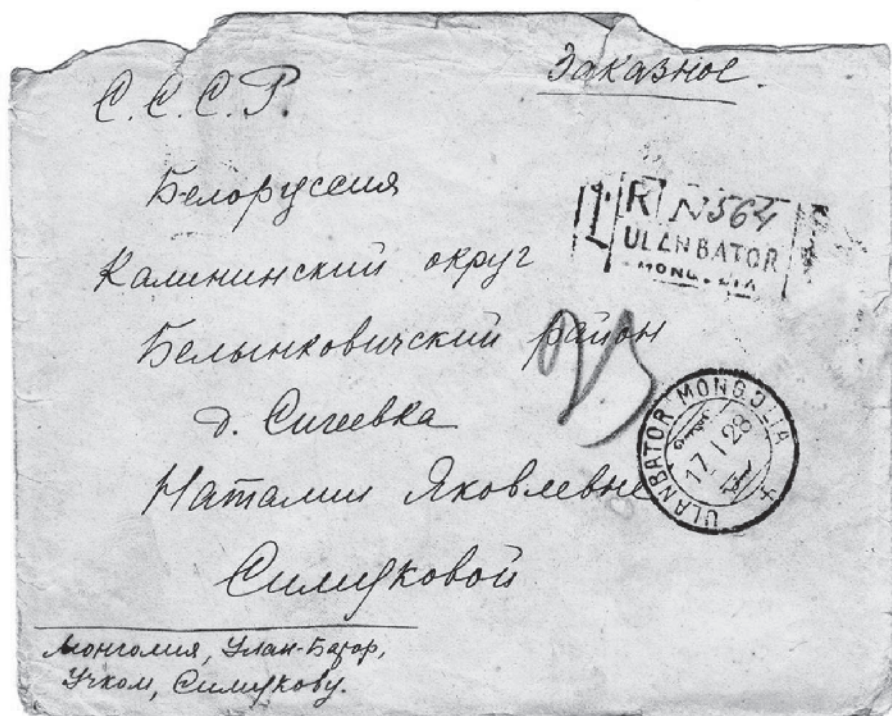
<...>. Каково Ваше здоровье, состояние духа? Простите, что спрашиваю о последнем, думаю, что Вам не раз становилось грустно в долгие зимние сиегевские вечера. Может быть, мы приедем показаться своим мамашам через год, полтора. Андрей да и я тоже охотно говорим и думаем об этом. Хочется, чтобы Вы были здоровы и чувствовали себя хорошо это время.

Как живут Леша и Аля? Але я писала перед путешествием, от нее – ничего, а Леша сокрушается в своем письме о моей судьбе. Должно быть, не получил письма, а там были и фотографии.

У Андрея работа идет очень хорошо – после поездки много пишет и готовится уже к следующему лету – опять путешествие. Дела в Учкоме и отношения с учкомцами – прекрасные, состояние духа по этому поводу – тоже. Плохо только, что от Вас нет ничего <...>. Здоровы ли Вы? Напишите, а то опять мы уедем и целое лето не будем получать ни строчки от близких.

Крепко-крепко целую Вас, привет тете Оле¹¹¹, Але и Леше.

Миля.

IV 10 А.Д.Симуков – П.К.Козлову*. 15 февраля 1928.

15/II/1928

Улан-Батор-хото

<в Ленинград>

Многоуважаемый и дорогой Петр Кузьмич!

Много виноват я перед Вами за столь долгое молчание. Вы наверное получили мое письмо, посланное в конце июля из Ламэн-гэгэна. Думаю, что Вам интересно будет узнать о результатах моей поездки по Гоби. С этого и начну.

Из Ламэн-гэгэна мы обычной дорогой – вниз по Туин-голу – прошли к Ихэ-богдо. Минуя Орок-нор, я вышел прямо в Битютэн-ама, где и простоял дней 5. С большим трудом, пешей экскурсией, мы прошли вдоль всего Вашего каньона и вышли в верховье Битютэн-ама, достигнув ее истока. Этот участок ущелья – выше каньона – весьма интересен. Широкое ущелье – дно ледника, ясные морены, ледн<иковые> кары, дивный альпийский луг и пятна вечного снега на окружающих гребнях. Есть даже лесок карликовой широколистной ивы (не той, что в каньоне). Собрали довольно полный гербарий самого верхнего пояса, пофотографировали. В каньоне нашли прелестный водопад, метров до 8–10 высоты. Из Битютэн-ама мы прошли к перевалу Сэнсул-даба, расположенному много западнее, чем Хусту-даба. Спускаясь по южному склону, прошли мимо Пунцук-обо. Я заехал на эту горку и видел Ваш Ханский мавзолей¹¹²⁾. Взял схему, фото снять не удалось – гора была в облаке. Придя на Легин-гол, мы задержались там надолго. К юго-западу от Легин-гола пошаливали скотокрады с юга, население откочевало на север и восток.

Прямо на Шара-хулусун меня везти отказывались. Чтобы все поподробнее выяснить, я, оставив караван в Лег'е[†], налегке съездил в Юм-бейсе и Йосту-бейсе (к югу от SW оконечности г. Гичигин-нуру). Пересек маршруты А.Н. Казнакова¹¹³⁾ и В.Ф. Ладыгина¹¹⁴⁾. Местные монголы еще помнят их и очень хорошо отзываются. Вернувшись, я собрал подробные данные о Легин-гольском земледелии, оказавшемся весьма и весьма древним, доставшимся монголам по наследству (об этом еще у Потанина, Гань-суйское

* Архив Русского Географического Общества. Ф. 18. Оп. 3. Д. 629. Публикация, примечания Т.И.Юсуповой, Н.Я.Симуковой. Ранее опубликовано, см. Письма А. Д.Симукова к П.К.Козлову и Е.В.Козловой / публ., введение, примечания Т.И.Юсуповой //Mongolica VII. СПб., 2007. С. 106–108. См. также: Симуков, 2008б: 74–79.

† Так в тексте.

путешествие¹¹⁵⁾). Далее я прошел в Нэмэгэту. Долго задержаться в этом интересном хребте не пришлось – я торопился дальше. Видел там уларов¹¹⁶⁾. Перевалив эти горы, мы остановились в горах Тосту. Здесь я направил свой караван в Ноин-богдо, а сам с двумя проводниками-охотниками легким разездом двинулся к г. Цаган-богдо, в места, теперь небезопасные. К сожалению в тех краях, т.е. в Цаган-богдо, была сильная засуха, что мне сильно напортило в деле сбора зоологических коллекций.

Верстах в 50 к юго-западу от Потанинского пересечения г. Тосту есть урочище Чоный-боом - группа песчаных барханов с саксаулом и тамариском. В этом урочище мне повезло: я добыл прелестный неповрежденный экземпляр *Salpingotus*'а, выкопав его из едва заметной, засыпанной им изнутри, норки. Не буду утверждать, что это *S. Kozłowi*, т.к. пойманного Колей¹¹⁷⁾ в Хара-хото плохо помню¹¹⁸⁾.

Дойдя до Цаган-богдо, я пошел вдоль северного склона Хуху-Тёмирты к Шара-хулусуну. Проводник знал дорогу лишь до Хурундэль-хулука (см. Ладыгинскую съемку), поэтому далее мы шли с некоторым риском, руководствуясь грубым изображением Ладыгинской съемки на сороковерстке. Одну ночь ночевали-таки голодом*, совсем без воды, после 50-верстного перехода. Видели следы медведя. К сожалению, вероятно вследствие засухи, медведей в этом году к востоку от Шара-хулусуна почти нет. На громадном расстоянии мы встретили следы всего 2–3 особей. Поэтому несмотря на все старания и поиски мы даже не видели гобийского мишку. С неделю стояли в Цаган-Бургусуне, откуда я съездил посмотреть Шара-хулусун. Усердно ловил грызунов, но попадались (кроме *Gerbillus*'ов 2 видов) лишь два вида: короткохвостый хомячок и длиннохвостая мышь. Оба вида в камышах.

Добыли очень интересную антилопу, редкую в Ц<ентральной> Гоби. Монголы называют ее «ада-боро». Я подумал: не Нань-шаньская ли ада – *Procapra picticauda*? Очень похожа на хара-сульту (убит самец), но меньше последней. Окраска: светлее, желтее хара-сульты и темнее, рыжее цаган-дзере. Хвост черный.

На обратном пути вышли на южный склон гор. В общем Хуху-Тёмирты меня несколько разочаровали. За исключением Цаган-Бургусуна и Шара-хулусуна, они почти ничем не отличаются от, скажем, Ноин-Богдо. Особо интересных птиц не отметил. Наличие медведя еще ничего не говорит, т.к. по словам монгол он держался в большом числе лет 20 назад, а м.б. и сейчас держится, в горах Этэрингиин-нуру, а лет 30 тому назад попадался в диких участках Тосту. На обратном пути мы дали крюк в дикую пустыню к *SO* от Цаган-Богдо, где и встретили на 110-верстном безводном перегоне прошенных

* Так в тексте.

и моленых диких верблюдов. Удалось добыть громадного старого бура¹¹⁹⁾ в очень хорошем виде. Взял шкуру и полный неповрежденный скелет. Дикий верблюд тех мест ничем не отличается по величине от домашнего.

Благодаря этой охоте наши верблюды не пили 4 дня. В населенные места мы вышли около ур. Кобдэн (Потанин) к югу от Тосту. За весь разезд не видели ни одной юрты, ни одного монгола.

Заехав в Оботэн-хурул, я приехал в свою базу, стоявшую около Гурбун-Тушемила. Не задерживаясь в Ноин-Богдо (вернулся я туда в конце октября), снова оставив свой караван, я с женой поехал на Эцзин-гол. Был там у Циндэ (помните «хуху-Циндэ»¹²⁰⁾). Вспоминали Вас.

Проехав на нашу стоянку в ур<очище> Бухан-хуб, мы побывали в гостях у Свена Гедина¹²¹⁾, уже полтора месяца стоявшего на Ихэ-голе. Принял он меня, как Вашего спутника и ученика, прекрасно. Мы с женой были приглашены к официальному завтраку. Гедин показал нам свою мет<еорологическую> станцию, которая проработает на Эцзин-голе не менее года. Экспедиция у него очень большая – около 80 чел<овек>, из них свыше 20 научных сотрудников, и до 300 верблюдов. Вышел он из Пекина, затем Бауту, пересек Алашань, мимо Хара-хото пришел на Эцзин-гол. С Эцзин-гола он вышел 8 ноября и должен был через Ма-цзы-шань и Бэй-шань выйти на Хами, где и зимовать. Небольшую партию, во главе с геологом, он направил северным путем, вдоль Хуху-Тёмирты, но удался ли этот план – сомневаюсь, так как для громадных совершенно безкормных и безводных переходов в этой местности его верблюды совершенно не годились. Они были в отвратительном состоянии – совершенно без горбов. Собирался он работать в Тянь-Шане, а дальнейшие его планы неизвестны. Главное внимание у него обращено на метеорологию. Почти на каждом переходе пускаются привязные баллоны для изучения верхних слоев воздуха¹²²⁾. Насчет сбора естественно-исторических коллекций у Гедина дело совсем швах. Занимается этим делом врач экспедиции, имеющий очень туманное представление о препаровке¹²³⁾ и совершенно не знающий фауны и флоры Гоби.

О Вас Гедин говорил очень тепло. В его экспедиции участвуют в качестве научных сотрудников и китайцы – они были, очевидно, навязаны ему. Да и вся экспедиция носит название «Китайско-Шведской», хотя китайские деньги там и не участвуют. Так вот, китайцы-археологи предложили Гедину поработать в Хара-хото. Он ответил: «Хара-хото – открытие и собственность моего друга, знаменитого путешественника Козлова, и я в его городе работать не буду»¹²⁴⁾. Гедин просил предать Вам наилучшие пожелания и сердечный привет.

Вообще сейчас, минуя Пекин, работать в населенных местах Китая невозможно, особенно по археологии, так как вышел закон о запрещении

иностранным экспедициям работать без ведома научных учреждений Китая и о запрещении вывоза исторических и археологических ценностей. Выпускаются лишь дубликаты.

Съездив в Хара-хото - я пробыл там всего 2–3 часа – мы вернулись в Ноин-Богдо и на следующий же день, 15 ноября, тронулись в обратный путь. Идя большими переходами, без дневок и не работая в дороге, мы Вашим путем, через Хошун-хит на Онгиине, на восемнадцатый день пути были в Улан-Баторе. Это было 3 декабря. О нас здесь очень беспокоились и собирались искать.

Помимо подробного дневника (120 таких, как эта, страниц)¹²⁵, я привез 20 шкур с черепами, около 15 грызунов в спирту, несколько экземпляров пресмыкающихся, до 300 листов гербария (200 видов) и 80 характерных фотографий. Птиц почти не собирал, привез лишь десятка полтора-два экземпляров и интересных среди них нет. Лучший экземпляр – эцингольский фазан.

Вот вкратце ход и результаты моей Гобийской поездки. Обошлась она в 2000 тухр<иков>.

С тех пор, как я получил в начале лета Ваше письмо, много воды утекло, многое переменялось. Самое главное тут то, что если бы Вы пожелали бы снова видеть меня в рядах Вашей новой экспедиции, мне пришлось бы отказаться. Причин этому много, самого различного свойства. Очень нелегко было мне придти к такому решению, вместо того, чтобы дожидаться весны с мыслью о Тибете. Но... ничего не поделаешь. Мне только очень не хотелось бы, чтобы это мое решение вызвало бы в Вас неприязненные чувства ко мне. Просто такова моя судьба... Грустно мне будет, когда Ваш караван пойдет на юг, но что-же делать?

Все это не помешает мне с удовольствием выполнить Ваши поручения, если таковые будут. Мне очень хочется снова увидеться с Вами, показать свои работы, услышать Ваши советы, получить подкрепление к дальнейшей работе. Ведь я – всецело Ваш ученик и таковым и останусь.

Сюда откуда-то проникли сведения, что Вы будете в Урге уже в апреле. Верно ли это?

Из Тибета новостей не слышно. Сообщения почти нет. Нет известий и о Рерихе¹²⁶, хотя м.б. Вы знаете о нем уже из иностранной печати. Донир¹²⁷ сидит на старом месте. Ему (по письму Коти) я о Вашей экспедиции сообщил. Как идет разработка Ваших материалов? Много ли еще нашли нового?

Старые товарищи меня не забывают. Получил письма от В.А., Васи, Коти и Коли¹²⁸. Как здоровье Елизаветы Владимировны? Ваших детей?

Вы же наверное чувствуете себя сильным и бодрым, вновь обремененным

доверием Правительства и общества. Подготовка к новому подвигу идет, вероятно, полным темпом.

Кажется, сказал все, что хотел сказать в этом письме.

Передайте, пожалуйста, мой глубокий поклон и лучшие пожелания Елизавете Владимировне. Привет Владимиру Петровичу и Ольге Петровне, если они еще помнят меня.

Миля просит передать Вам ее лучшие пожелания в успехе подготовки к новой экспедиции. Надеюсь проводить Вас из Урги лично.

Ваш А. Симуков

P.S. Долг свой Вам (100 тухр<иков>) я уже давно внес на Ваш текущий счет в Монголбанк. Квитанции не посылаю, боясь утери.

IV 11 *Моя первая экспедиция (1927).*

Запись рассказа М.А.Симуковой. 26 декабря 1989.

В июле 1927 г. отряд, состоявший из 4-х человек: А.Д.Симуков – начальник отряда, Джаргал – помощник А.Д.Симукова, Джемба – рабочий и я – М.А.Симукова – фотограф и коллектор по ботанике, ушел в экспедицию на юг – в Гоби. Мои обязанности – фотография и сбор ботанических коллекций. Снаряжение – фотоаппарат, кассеты, ботанизирка, совок, рамки, фляжка. Весь дневной сбор в тот же день надо разложить по сеткам. Обучал меня А.Д.¹²⁹⁾, которого обучил П.К.Козлов.

На машине доехали до Ламэн гэгэна. Наняли проводника. Купили два мешка дзамбы¹³⁰⁾ – запас. Дальнейший путь - верблюжьим караваном. Очень страшно было первый раз садиться на верблюда. Потом, наконец, расхрабрилась. Андрей предупредил, что верблюд быстро вскакивает. А когда верблюд лежит, горбы достают до моего носа. Между горбов положили седло казачье (Елизаветы Владимировны Козловой). Монголы кладут коврик.

Добрались до Ихэ Богдо. Отправилась в экскурсию. Забралась далеко и высоко. Дело к вечеру. Присела отдохнуть на камень, лицом к северу. Кругом скалы, осыпи. Увидела, как слева шагах в 200–300 мелькнуло что-то желтоватое, в пятнах. Подумала: хорошо, что он меня не видит! Схватила за фотоаппарат, но не успела - он исчез. Испугаться тоже не успела. Рассмотрела хорошо: пятнистая шкура, ростом с хорошую собаку, пластичный – «пролился» между скал.

Собралась в обратный путь. Пока перебиралась со склона на склон, в распадок, на хребет, стемнело. Услышала выстрелы, увидела огонь, пошла на

выстрелы. От сапог остались только голенища (день по острым камням), ноги замотала рукавами от гимнастерки. Сказала, что видела ирбиса¹³¹). Все схватились за ружья: «Где?!» Когда сказала, что он меня не заметил, монголы долго хохотали и подшучивали надо мной.

А когда родился Алик, монголы подарили нам шкуру барса.

IV 12 Экспедиция 1927 г. Записки М.А.Симуковой. 1980-е.

Еду ранним утром, «по холодку», в пустыне. Удивилась – сидят три собаки на моем пути (песчаные шкуры под цвет окружающего пейзажа) – откуда здесь собаки? Юрт в этой пади нет. Лошадка моя забеспокоилась, пришлось спешиться. Она храпит и не идет вперед, т.к. «собаки» малость подошли поближе и опять сели. Молчат. Я – в седло, лошадь – на дыбы, не идет. Слезла, тяну её за повод, бьется, не идет. Я – повод на плечи и силой сорвала её с места. Тут подошли наши уже завьюченные верблюды, и волки исчезли, как и не было!

А вперед я отправилась ранним утром «по холодку», чтобы полюбоваться восходящим солнцем.

Когда уходили в разъезд вдвоем, Андрей мог часами читать мне Овидия. Иногда пел.

Андрей с двумя товарищами – Доржи и Санжачей – ушел в разъезд на запад в Цаган Богдо. К небольшому айлу из 2-х – 3-х небогатых юрт в районе Ноян Богдо прибавился и мой дом – синий майхан.

Помню свою первую учительницу монгольского языка – семилетнюю тоненькую смуглянку Дугар.

Когда ехали на юг, монголы рассказали, что там на Эцзин голе работает большая экспедиция «нерусских людей». Андрей спрятал палатку в зарослях, оставил меня там и поехал на разведку. Вернулся, сообщил, что это экспедиция Свен Гедина работает в окрестностях Хара хото. Свен Гедин пригласил его в гости с женой. Готовились торжественно, помыли головы! Подъехали на верблюдах к Эцзин-голу (много рукавов реки). На том берегу палаточный лагерь. Оператор с киноаппаратом. Во главе с пожилым человеком группа молодежи. Андрей представил меня (говорили но-немецки, Андрей владел им свободно). Свен Гедин хорошо знал П.К.Козлова. Молодежь вела себя почтительно. Одеты они были по-европейски. А мы – в монгольской одежде, загорелые, пропыленные... Показали нам лагерь, устроили обед, провели с нами целый день. Потом – торжественные проводы

в обратный путь.

А через границу мы перешли свободно потому, что цагды (пограничники) хорошо знали П.К.Козлова и Андрея. <А.Д.Симуков работал на Эцзин-голе и в районе Хара-хото в экспедиции Козлова в 1925–1926 г.г.>

Потом мы отправились в Хара-хото. Глинобитные стены такой ширины, что может тройка проехать. Ворота построены лабиринтом. Андрей показывал мне субурган, над которым работал П.К.Козлов, рассказывал о книгах, найденных в нем. Книги заворачивали в материи, особо ценные – в шелк, носили только у груди. Когда лама несет книги, все особо почтительно к нему.

Монголы встречали нас очень приветливо. Иногда меня принимали за младшего брата Андрея. Однажды по пути на юг в конце дня подъехали к большой юрте. Там была пожилая хозяйка. После многих часов на верблюде я была полумертвая. Хозяйка уложила меня, разула, ворчала на Андрея, как добрая родная бабушка, что такую молодую таскает в такую даль: «Наши монголки и то так далеко не забираются!». Напоила нас чаем, накормила.

Однажды в юрту, где мы остановились, приехал молодой князь (бывший). Красоты необыкновенной. Я не могла отвести от него глаз – живое божество!

IV 13 М.А.Симукова – Е.Э.Будовской¹³². 22 июня 1986.

22/VI/1986

Мичуринец

Моск. обл.

<Новгород,

археологическая

экспедиция истор.

факультета МГУ>

<...> Вспомнила, как мы возвращались в 27 году из одной интереснейшей экспедиции. Осень (ноябрь), холодно, темнеет рано, но намеченные километры надо пройти. Картина довольно экзотичная: черная галечная пустыня. Караван из 5 верблюдов (3 под седлом и 2 под вьюками). Я с нетерпением жду восхода звезды Сириус. Это сигнал к ночлегу. А он, бродяга, восходит поздно, к полуночи. Наконец над горизонтом справа (на востоке) медленно появляется великолепная, большая, яркая зеленая звезда. 2 палатки, ужин, чай, залезаешь в овчинный мешок. Спать!

Я как-то пробовала любоваться звездами под Москвой. Не то! В Монголии любую звезду, кажется, можно рукой достать. И просторы там какие-то бескрайние... А пустыня Гоби страшна в рассказах тех кто её или не видел, или видел, но не знает. Надо уметь себя вести и держать в руках.

Пустыня бывает галечная, песчаная, барханная и ... зеленая, цветущая!
Запахи – непередаваемые, в зависимости от растительного покрова. <...>

IV 14 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой¹³³. 13 июня 1978.

13/VI/78

Саулкрасты

Латвия

<в Москву>

<...> Прочла недавно послесловие в книге Колесниковых¹³⁴ (я ведь до сих пор его не читала, хотя книгу прочла давно), и ахнула – я ли это, Господи?! Вспоминаю и удивляюсь, хотя – ничего удивительного. Были молоды, бесстрашны до глупости, доверчивы тоже до глупости. Кроме того, отец твой был ведь очень интересным человеком. С ним всегда было интересно и весело. Восемь лет¹³⁵, но каких! <...>

Помню, как я прыгала в Ихэ богдо по краю пропасти во время съемки, а он боялся, что я сорвусь, но ничем не показал своего ужаса. Только потом сказал. А я удивилась. Ничего по-моему не было особенного.

Вот так жили и дружили. Ни одну статью не сдал в редакцию пока я не прочту. Я втайне удивлялась этому, но критиковала беспощадно!

<...> Надом¹³⁶. Ярко, празднично, тьма народа. Там, где шум, смех, веселье, значит там Андрей. Зато однажды в ресторане, где сидели за столиком с монголами (пропасть рассказов об экспедиции, шутки, смешные истории), услышала за спиной шипение (по-русски): «У-у-у, русский монгол...». Виду не подала, что слышала. Андрею ничего не сказала. <...>

Живой свидетель, и единственный притом. <...>

IV 15 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1928.

21/IV/1928

Уланбатор

<в Сигеевку>

Милая и дорогая моя мамочка!

Прежде всего самое важное: поздравляю тебя с внуком... Неожиданно? Для нас с Милей это, конечно, было не неожиданно. Но писать об этом до появления нового гражданина в свет нам очень не хотелось.

Случилось все это на днях, именно в 9 ч. 15 м. утра 18 апреля. Накануне, в первые два дня Пасхи мы с Милей усердно визитировали. 17-го днем Миля тоже была в гостях, а вечером почувствовала приближение родов <...>. Мы, собственно, ожидали всю эту историю на недельку позже и не совсем подготовились. Я побежал за акушеркой, оставив с Милей С.А.Кондратьева,

сильно боявшегося, не придется ли ему принимать, и даже спросившего, где ножницы!.. Акушерка сказала, что надо торопиться. Я немедленно вызвал нашу машину (авто) и мы покатали в больницу¹³⁷. <...> Милю положили в отдельную палату, и я отправился домой. Спать, конечно, эту ночь не мог совершенно, страшно беспокоясь. Около 8-ми утра появился в больницу, а через час с четвертью мне объявили о рождении сына.

Самые роды прошли благополучно, но потом началась очень скверная история. Миля потеряла очень много крови и, по слабости сердца (высота Урги 1300 м) с ней приключился обморок, сильно напугавший всех докторов больницы, немедленно к ней собравшихся. Начались всякие впрыскивания. <...>. После этого ей стало лучше. Меня пустили к ней, посмотрел я на сына. Мы даже разговаривали. Вечером я снова пришел в больницу, совершенно спокойный. И вдруг меня к Миле не пускают, я вижу суматоху, испуганные лица персонала и вижу, как быстро, одного за другим, вызывают всех наличных докторов. Оказывается, с Милей снова случился очень скверный обморок.<...>. Я пережил чрезвычайно тяжелый час, сидя в соседней комнате и видя чрезвычайно озабоченные и расстроенные лица бегающих за всякими шприцами и препаратами прислуги и докторов. Вдобавок ко всему, меня попросили сбегать в аптеку. Мне показалось, что меня отсылают в момент крайнего кризиса. 15 минут в аптеке, пока служащие, напуганные моим перекошенным лицом, торопливо приготавливали по рецептам с надписью «спешно» нужные лекарства, - эти 15 минут показались мне веком. Вернувшись я со страхом смотрел в глаза врачам. Но через несколько минут кризис миновал, и, по желанию Мили, меня тотчас же пустили к ней. <...>. Я пытался состроить веселое, ободряющее лицо, но оно все-таки имело весьма жалкий вид. Всю ночь около Мили дежурили врач и я. Но это, по-видимому, было последним испытанием. Сейчас она чувствует себя хорошо. Лежит в отдельной палате. Весь <...> персонал больницы относится к ней очень тепло, с большим участием. Лучи этого участия падают и на меня, и я пользуюсь правом посещать Милю в любое время, почти без ограничений. Дней через 6 я перевезу ее домой.

Внук твой очень спокойный, не криклив, обещает быть красивым мальчиком.

Весь город уже знает об этом, меня все поздравляют, все хотят навестить Милю и посмотреть на нового гражданина, но гостей к ней сейчас еще не пускают. Работать по службе это время мне почти не приходится, но Учком на это не претендует.

Большое счастье, что родила Миля в больнице, иначе исход был бы совсем печальный. Но все это уже в прошлом, хоть и недавнем. Скоро Миля переедет домой, и мы заживем новой жизнью. Имени сыну еще не выбрали. Не хочется называть его обычными именами. Возможно, что дадим ему

какое-нибудь буддийское имя.

Во время беременности (половина ее прошла в дороге, в путешествии) Миля чувствовала себя прилично. Плохо было первый месяц-два, да последний месяц. Иногда нервничала. Часто вспоминала о тебе.<...>. Она, вероятно, как только встанет, напишет тебе письмо. Я же прошу тебя написать ей. Имея поддержку от тебя, ей будет легче справляться с ее новым положением, тем более, что она скоро останется вдвоем с сыном – я уеду месяцев на 5.

Вместе с этим письмом я посылаю (через Москву) журнал с моим первым печатным произведением¹³⁸⁾. Сегодня мне сказали, что принята и вторая моя статья.¹³⁹⁾ По этому журналу ты увидишь, как протекало наше путешествие. Писал за эту зиму я вообще порядочно: две статьи в русский журнал, 1 – в монгольский¹⁴⁰⁾, затем обработанный дневник в 120 стр., небольшая статья специального характера¹⁴¹⁾ и теперь сижу над серьезной работой по географии большого участка Монголии, где мой опыт и наблюдения должны свести в одно целое отрывочные данные целого ряда путешественников.

Помимо этого у меня большая работа по Музею и подготовка к экспедиции этого года. Уеду я, вероятно, в первых числах июня. Миля думает устроиться с одной знакомой семьей недалеко от Урги, на опушке леса, в юрте.

Далеко в будущее я пока не заглядываю. Общий мой принцип – обращать больше внимания на свое внутреннее содержание, нежели на внешние условия. Миля в этом отношении вполне со мной солидарна. За мои недостатки мне так же попадает от нее, как когда-то попадало от тебя, но во многом, думается, я исправился. Она крепко целует тебя и хочет, чтобы и ты радовалась бы вместе с нами нашему сыну и твоему внуку.

Крепко целую мою мамочку, да живется тебе светло и радостно!..

Твой Андрей. Привет всем, всем, всем.

<Миля пишет:> 24/IV/1928

Дорогая Наталья Яковлевна и бабушка!

Родился у меня сын, сейчас лежу в больнице уже 7-е сутки. Встать еще нельзя – сердце плохое.

Роды были не из хороших, но это все прошло, нужно только беречься и поправляться, чего я совсем не умею делать. <...>. Только бы мне немножечко окрепнуть, а ухаживать за ним я, несмотря на неопытность, сумею.

Горе мое, вчера уже на 6-е сутки опять чуть не было обморока, напугалась

я этого ужасно. Теперь я не хочу и боюсь умереть.

У него очень ясные синие глазки, хорошей формы головка, толстенький (9 ½ ф. при рождении). Никак не разберу, на кого он похож, частью на меня, частью на Андрея. <...>.

Устала, всего хорошего. Подробности может напишу когда-нибудь. Имени еще не придумали.

Миля.

Привет Вам и от внука. Он спит.

<Андрей пишет:> 6/V

Прибавлю еще несколько слов. На днях получил твое письмо. <...>. Все это время Миле нездоровилось, из-за чего и задержалась отправка письма. Теперь же все наладилось, завтра-послезавтра Миля встанет с постели. Внук твой процветает. <...>. Очень и очень хочется увидеться, но трудно сказать, когда это будет.

Твой Андрей.

<Миля пишет:> 8/V/28 г.

Дорогая Наталья Яковлевна!

Получила недавно Ваше письмо. Хорошо, что Вы напомнили нам о дне рождения Андрея¹⁴²⁾, мы о нем забыли совершенно, так заняло и отвлекло нас от всего рождение сына, а больше того моя болезнь. Бедный, бедный Андрей, за эти три недели он совсем в ног сбился. Крендель я испеку им с сыном вместе уже в будущем году. Благо оба рождены в апреле.

Мне сейчас очень хочется поговорить с Вами об Андрее, но сын старается обратить мое внимание только на себя <...>. Я часто думаю и говорю, что все то, что у Вас ушло на Андрея, дало хорошие результаты. Прекрасный, благородный человек. Странно в нем только некоторая слабость воли и вместе с тем упорство, настойчивость. Не знаю, где кончается одно и начинается другое.

Ну, всего хорошего, напишу, хочу написать Вам много, а сейчас – к сыну. Целую Вас крепко.

Миля.

Привет Леше, Але и тете Оле.

IV 16 А.Д.Симуков – О.Я.Пейкер¹⁴³⁾. 14 мая 1928.

14/V/1928

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая тетя Оля!

Быстро текут дни нашей жизни... Меняются, переливаясь одна в другую, ее разнообразные формы... Ты хорошо знаешь мое детство – тихого «идиотика», не менее тихого гимназистика-первоклассника, различные мои увлечения – индейцы, танцы, много было разного. Потом был перерыв – вы перебивались в Москве, мы – в Сигеевке. Но и Сигеевку ты впоследствии узнала.

Я стал студентом. Приходил к тебе грязный, оборванный, голодный. Колот дрова, пилили их мы с тобой, ставил самовар. Вместе пили кофе с сахарином. Затем дела несколько наладились. Ты видела меня на хрущевских¹⁴⁴ вечеринках, видела мои попытки «ухаживать».

Пришел 23-й год, год крупного поворота в моей жизни. Уехав в экспедицию, я нашел себя. И здесь ты потеряла меня из вида, перестала знать, чем я живу. А я... я оказался настолько неблагодарным, что написал тебе за эти пять (да, пять) лет всего два-три письма... Оправданий этому мало. Отчасти это следствие моей кочевой жизни.

Не так давно мне стукнуло 26 лет. Возраст почтенный. Я стал отцом. Моему сыну (зовут его Алтаем) на днях исполнится месяц. Рождение его обошлось Миле очень дорого <...>. Понятно, что и для меня это не прошло даром.

Вот уже второй год я работаю в Ученом Комитете. Работа моя, достаточно разносторонняя, сильно увлекает меня. Я не связан служебным временем и имею возможность распределять свой день по желанию. Конечно, обычно получается так, что работаешь вместо 6-ти – 8, 10 часов в день.

Я заведу Музеем, который все время растет, наблюдаю за картографической работой и активно участвую в деле исследования Монголии. Это дело наиболее увлекательно. Мою работу знают и ценят. В прошлом году я сделал интереснейшую поездку в весьма малоизвестную часть Гоби, впервые выступив совершенно самостоятельно. И в этом году через какой-нибудь месяц я снова уеду в пятимесячную экспедицию, на этот раз в горные леса северо-запада Монголии.

Но Мили со мной уж не будет. Ей придется довольствоваться обществом сына неподалеку от Урги.

Желтые равнины и голые скалы хребтов Гоби, где я странствовал три сезона подряд, горная тайга севера Монголии, где я прожил полтора года, - стали мне родными, близкими и понятными. Такими понятными, что иногда кажется, что я уже жил здесь и только вспоминаю давно знакомое, известное.

В большой город, в многолюдство западной России меня совсем не тянет. Единственное, что связывает сейчас меня с Москвой и Сигеевкой – это желание, иногда очень сильное, повидать маму, тебя, Лешу и Алю. Трудно

сказать, когда оно сбудется. Постараюсь сделать это в ближайшие год-два.

Внешне моя жизнь протекает тихо и скромно. Живем мы втроем с Милей и сыном в одном из учкомских домов, занимая одну большую комнату. Работаю я б<ольшей> ч<астью> у себя же дома. Столуемся здесь же во дворе у С.А.Кондратьева. Жалованье я получаю, по ургински, очень небольшое, но концы с концами все-таки сводим. Есть несколько знакомых семей, где мы иногда вечерами бываем. Кино здесь прескверное – лучшего трудно и ожидать – ходим очень редко. Главный интерес – своя работа. Близко стоим к монголам, благодаря некоторому знанию языка. В наши окна видна Богдо-ула – огромная, покрытая заповедной тайгой гора, отделенная от Уланбатора лишь долиной р. Толы (версты 4–5). Летом Миля с Алтаем уедут верст за 20 от Урги, где будут жить на берегу реки, во всю пользуясь солнцем, воздухом и водой. На зиму мы получаем, кажется, в свое распоряжение отдельный домик. Вообще, все мало-помалу налаживается.

Большое спасибо тебе за твое сердечное письмо. До отъезда вряд ли сумею написать еще раз. М<ожет> б<ыть> напишу с дороги. Одновременно с этим письмом высылаю на твое имя журнал «Хозяйство Монголии» с моей статьей. Журнал этот возьми под свое покровительство и по прочтении, возможно скоро и надежно перешли маме. Она ждет его уже давно. <...>. Почти одновременно отправляем письма и Леше, и Але. Маме я уже послал не так давно.

<Миля пишет:> 24/V

Дорогая Ольга Яковлевна!

О рождении сына у нас Вы, наверное, уже знаете – мы писали об этом Наталье Яковлевне. <...>. Со времени рождения нового человечка прошел уже месяц с небольшим, я оправилась, человечек мой выглядит и чувствует себя, по-видимому, распрекрасно <...>. Он очень спокоен. Я настолько привыкла к абсолютной тишине в нашем жилище, что иногда досаую на его попытки попищать. Пищит он очень редко и скромненько – «весь в папу».

Не буду повторять многострадальную историю его рождения. История эта нашумела на всю Ургу, и меня так часто спрашивают все знакомые о состоянии здоровья, что, право, уж не по себе делается иногда.

Ваше письмо мне доставило много хороших минут. Последнее время перед родами я чувствовала себя прескверно в смысле моральном. Собиралась умирать <...>. Ваше письмо пришло очень своевременно, после него я как-то почувствовала себя спокойнее. Очень, очень благодарна Вам за Ваше участие.

Если можете – пишите мне летом. Андрей уезжает опять до декабря месяца. Мы с сыном будем взаимно утешать друг друга в его отсутствие.

Извините за мазню, тороплюсь. Теперь я всегда, везде и во всем тороплюсь. Потому – сын ждет. Сейчас он на крылечке гуляет с нянькой. <...>.

Я теперь очень грущу, что исчезла для меня возможность путешествовать. Прощлое путешествие пришлось мне весьма по душе. Не знала я, что это так крепко захватывает. Даль тянет.

Пока желаю Вам всего, всего хорошего.

Ваша М.Симукова.

IV 17 *А.Д.Симуков - Ал.Д.Симукову*¹⁴⁵. *Май-июнь 1928.*

<Май-июнь>1928

<Улан-Батор>

<в Москву>

<Дата и адрес на старомонгольском>

Дорогой мой друг, мой братец,
сверстник детства золотого!

Ведь давно мы не встречались...

Не только не встречались, но и писем не писал я тебе уже целую вечность. Месяца три тому назад начал писать тебе и все не мог кончить. Решил начать снова. На днях я писал тете Оле, маме, Миля написала Але, я приписал несколько строк. Ты, наверно, уже успел обидеться и во всяком случае знаешь все наши новости. Из них главная та, что у тебя есть племянник Алтай. Род Симуковых продолжается. Впрочем фраза эта – твоя. Мне несвойственен такой подход к делу.

Подробности этого события, достаточно тяжелые, описаны в вышеперечисленных письмах. Так что на них останавливаться не буду. В настоящее же время все идет благополучно. Миля здоровеет, сын ведет себя, по-своему, конечно, вполне благопристойно. На вид благообразен, хоть и похож на меня. Глаза у него синие и ясные, как стеклышки <...>. Все наши ургинские знакомые принимали и принимают большое участие в этом событии, и такая моральная поддержка во многом помогает. Итак, на исходе 26-го года моей жизни я стал отцом.

Об экспедиции прошлого года, вероятно уже известной тебе по письмам и высланному тете Оле для мамы журналу, добавлю несколько слов.

Проездили мы без малого 5 месяцев, причем лично я покрыв за это время расстояние в 4000 верст. Из них около 500 на авто, остальное же – кони и верблюды. Снова разостлались передо мной пустыни, взметнулись ввысь дикие, скалистые горные хребты, зазеленели приветливые пятна «оазисов». Слово это, Впрочем, здесь не употребляется. Какие к чёрту оазисы без тени финиковых пальм, без бедуинских шатров и прочих классических атрибутов...

Снова расцветали для меня дивные восходы и закаты пустыни и радовали глаз чистые зубчатые линии силуэтов дальних гор, днем – цвета сигарного дыма, на закате – фиолетовые или чудного цвета кобальт.

Один месяц, когда я уехал в далекий разъезд, оставив Милю с моими монголами в безопасном месте, носит название «В стране дикого верблюда и разбойников», так как там можно встретить и то, и другое. Разбойников мы, правда, не встретили, хоть и видели их следы, а вот диких верблюдов видели и одного даже угробили для коллекции. За этот разъезд я с двумя местными монголами проехал до 600 верст по совершенно безлюдным местам. Раза два ночевали совсем без воды, т.е., вместе с тем, и не жравши после перехода в 50 верст (10 часов в седле). Один раз верблюды наши были лишены удовольствия напиться четверо суток подряд. Видел я любопытнейшие места.

Миле этот месяц достался нелегко. За 700 верст от Урги, одна среди монгол, совершенно не знающих по-русски, и, вдобавок, страх за меня, что встречу с разбойниками. А вооружена эта публика европ<ейскими > винтовками, т.е. встреча – не из приятных. Обещал я вернуться ровно через месяц и запоздал на 6 дней. Эти дни очень дорого стали Миле, бывшей на исходе третьего месяца беременности.

Зато на Эцзин-гол, т.е. в пределы Китайской Монголии, мы с ней съездили прекрасно. Совсем налегке, по хорошо знакомой мне дороге, с приятным проводником, мы наворачивали по 60 верст в день (до 12 часов в седле). После такого упражнения, правда, Миля не могла ни стать, ни сесть, ни духу перевести. Болело все. И все боялась границы, спрашивала, где она. Вполне понятное волнение для непосвященного, т.к. китайских документов у меня не было. Но граница там настолько неинтересна в любом отношении, что не охраняется фактически ни с той, ни с другой стороны. Кому интересно стеречь почти безводную галечную равнину? В Эцзин-гольском же оазисе знакомые монголы-торгоуты (другое племя) встречали меня, по старому знакомству, как своего почетного гостя. Показал я Миле знаменитый «Мертвый город» Хара-хото, куда мы ездили вовсе вдвоем.

Побывали в гостях у старого волка-авантюриста – знаменитого Свена Гедина. Что на Эцзин-голе европейцы – я слышал еще по эту сторону границы. Но кто? Узнать никак не мог. И все-таки поехал. Спрятав палатку и Милю в ней (одну) в зарослях верстах в четырех от лагеря европейцев, я с проводником поехал к знакомым торгоутам разузнавать, в чем дело. А в мозгу вертелась неприятная мыслишка: а вдруг это секретная военная английская разведочная партия? Тогда до первого прочного сука, сочтут за шпиона. Миля сидела одна и гадала – что будет? Но ее скоро развлекла торгоутка, прибежавшая за три версты с кувшином молока познакомиться с первой светловолосой женщиной, увидевшей Эцзин-гол. О Миле она узнала от меня.

Свен оказался таким же старичком - любителем женского общества, что и наш Кузьмич¹⁴⁶⁾, несколько пожалуй тоньше, европеизированнее последнего. Целый день занимал Милю, даже ручки (огрубелые и пахшие верблюдом) целовал на прощанье. В Алино письмо вложена фотография, изображающая неприличную вариацию на сюжет «старый да малый»¹⁴⁷⁾.

Обратный марш – 23 дня без роздыху на верблюдах во второй половине ноября. Последние дней 10 – морозы за 20, сырой аргал (мовэ говз, как сказала бы Зоичка). Отчаянная усталость, холод и дым в палатке. 3-е декабря – знаменательный день, когда «истомленные путники увидели с последнего перевала священный город монголов – Ургу», как говаривали в старину. Последнее усилие – и наши верблюды с ревом ложатся в последний раз для развьючки во дворе Ученого Комитета. Запоздай мы еще на недельку – нас бы поехали искать на авто, целой военной экспедицией. «Жертвы науки» *et cetera*¹⁴⁸⁾.

Зиму мы прожили мирной коммуной. С.А.Кондратьев, мы с Милей и повар Фучин. Работы было много, но работалось весело. В гости ходили всегда *en trois*¹⁴⁹⁾. Иногда веселились на дому, причем мужчины изрядно клюкали.

В ближайшем будущем и С.А.¹⁵⁰⁾, и я снова уезжаем месяцев на 5. На этот раз по горным лесам Хангая. Миля проведет лето верстах в 20 от Урги на Ветеринарной опытной станции, у знакомых. Воздух, вода (на берегу реки), солнце и зелень. Зима еще далеко и особых планов относительно ее не строим.

Но довольно о Монголии. Твое письмо, такое искреннее и душевное, мне не очень понравилось. Если даже отчасти то *credo*, которое ты в нем привел в стихотворной форме, - твоё настоящее *credo*, то дело обстоит довольно грустно. И самое грустное в том, что Москва – как Молох. Она медленно, но беспощадно пожирает молодые неокрепшие души. Ужасен самый темп жизни, не дающий опомниться, одуматься, оглянуться на себя. «Жить, как все» - самое легкое и простое. Мимолетные удовольствия, наслаждения неглубокого, частенько достаточно низменного свойства. Туман напряженной работы ради конкуренции за кусок хлеба, туман легкого времяпрепровождения в часы досуга. И всегда туман. Выбраться из него для слабого волей человека возможно лишь при коренной ломке жизни. Уехать куда-либо, порвать с накипью «цивилизации», одуматься, окрепнуть, найти себя, утвердиться в этом – а там можно и вернуться в город.

Сюда бы тебя – живо показал бы я дэнди с Хрущей¹⁵¹⁾, где зимуют раки. А иначе жизнь пролетит мимо тебя, как в киношке. Ахнешь перед смертью, ругнешься с тоской – и в небытие. Впрочем, в бытие. И тут-то ты увидишь прожитую жизнь под совершенно иным углом зрения. Как мало

действительно значительного найдешь ты в ней!

Определи себе ежедневный досуг в полчаса, 20 минут, и попытайся быть это время с самим собой. Вдумывайся больше в свои поступки, привязанности, времяпрепровождение. По возможности – никакой рисовки. К черту <...> изломанность. Не к лицу она нам. <...>. Да, впрочем, разве скажешь все в письме, даже и длинном! Хорошо бы просто повидаться, поделиться опытами. Но когда это будет возможно – не скажу.

Насчет твоих знакомых и друзей – боюсь, что нет у тебя настоящей мерки для людей. И, весьма вероятно, ты или слишком снисходителен, или часто разочаровываешься. Женщинам не очень верь. Они часто лгут просто по природе своей, сами того не сознавая. Изливаешься ты, она тебе поддакивает, вздыхает с тобой, говорит: «Да... вот и я тоже...». Ну, думаешь, нашел родственную душу. Рад. А на самом деле ничего подобного. Просто тонок нюх у них насчет слабых струн нашего брата и, может быть иногда и почти бессознательно, они сразу берут быка за рога. Миля того же мнения и всегда больше верит мужчине.

Кончай свою художественную школу, да и выбирайся в поиски сюжетов куда-нибудь подальше, безразлично, в Кара-Кумы или на Печору, но туда, где есть ширь и размах. Несомненно, что тебя первое время придавит величие и суровость окружающего. Выдержи, победи. Истопчи неприветную к новичку землю, полей ее потом своим, полюбишь ее и она раскроется для тебя, и без конца ты будешь находить все новые и новые радости, тем более, что ты художник.

Миля, например, навсегда отравлена просторами и, если бы не сын, ее не удержать в городе. И это – несмотря на все трудности, передраги и прочее.

Ты себе представить не можешь, как хочется мне иногда увидиться со всеми вами, особенно, конечно, с мамой. Поправься у нас дело с монетой – я с удовольствием звал бы маму к себе. К сожалению, сейчас очень трудно приехать в СССР из-за границы на короткое время, т.к. все равно считается, что ты вернулся, и надо брать новый паспорт¹⁵²).

Пиши, что думаешь обо всем вышеизложенном. От меня скоро писем не жди, хотя я постараюсь написать с дороги. Возможность отослать будет.

Привет всем, всем, всем. Особенно Модесту, Васильевым¹⁵³). А где сейчас Лева Аграновский¹⁵⁴)? Пиши обо всех знакомых.

Кажется все. Крепко жму руку.

*Vale*¹⁵⁵) <подпись на старомонгольском>.

IV 18 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июля 1928.

19/VII/28 г.

Сангин-Далай

<в Сигеевку>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Получила недавно Ваше письмо из Сигеевки, очень, очень обрадовалась ему. Вы первая поздравили меня с рождением сына <...>. Я с ним живу сейчас на даче, верстах в 20 от Урги на противочумной станции у знакомых. Андрей 30-го июня уехал в экспедицию¹⁵⁶⁾ вместе с Кондратьевым и его женой. Хотели вернуться в середине ноября, но, наверное, запоздают. Два номера журнала «Хозяйство Монголии» (1-й и 2-й), где помещены статьи Андрея, еще он выслал Вам через Москву, получили ли Вы их? Третий номер¹⁵⁷⁾ вышел недавно, как только получу его, тоже перешлю через Москву.

Если бы у Андрея было больше времени, он мог бы сейчас приняться за большую, серьезную работу, время его уходит после каждой экспедиции на обработку собранных материалов, на отчеты и вот на такие статьи для разных монгольских журналов и министерств. Думаю, что таким образом (т.е. на этих статьях) он приобретет привычку писать и усидчивость, к тому же соберет побольше материалов. Работает он очень много, но условия работы хорошие – время не ограничивается днями и часами, разнообразие, большие возможности для творчества. Он своей судьбой доволен. <...>.

Он очень похудел за время моих страданий и болезней. Я рада, что вскоре после этого он уехал в экспедицию, там отдохнет от кутерьмы, которая еле начала успокаиваться к его отъезду. <...>.

Андрей уехал в экспедицию, предварительно отправив нас на дачу и устроив все, как следует. Вообще он очень нежный и заботливый папаша, для сына сделано и делается все, что нужно, хотя бы и в ущерб себе.

Сейчас я вполне отдыхаю. Нас живет здесь вместе трое, все дамы, есть прислуга <...>, я занимаюсь исключительно сыном. Правда <...> иногда очень устаю к вечеру, т.к. человек он «с весом» - 16½ фунтов. Все время мы с ним проводим на воздухе, и я таскаю его на руках, т.к. коляски нет и негде достать.

Постараюсь Вам описать его, насколько могу, беспристрастно. У нас папаша гораздо пристрастней и нежней мамы – Андрей все время уверял меня, что сын очень хорошенький и первое время не давал и мне и ему спать тем, что по ночам вскакивал к нему при малейшем шорохе. (Правда это было только тогда, когда я не могла вставать). <...> Зовут его Алтай, а ласкательно – Аля, Алек <...>. Алтаем он назван по желанию папы из тех соображений, что мама любовалась гобийскими хребтами Алтая в первые месяцы беременности, оттого, вероятно, и у сына глаза вышли синие-синие, как горы

вдали. <...>. Похож на Андрея и иногда на Вас. Глаза бывают часто совсем, как Ваши. <...>. Он улыбается, иногда громко смеется, много «разговаривает» и все время барахтается. <...>. Очень любит песни. Стоит мне запеть, он тоже начинает бесконечно что-то тянуть и мурлыкать. <...>. Самое интересное время сейчас, когда пробуждается постепенно сознание и всякие чувства. Тому, кому он дорог, все это чрезвычайно интересно и радостно, и вот слезу за всем этим и радуюсь и грущу над ним я одна. Когда вернется Андрей, ему будет уже 7 месяцев.

Здесь у моей знакомой есть сын, ровесник Алеку. У него вся родня здесь – и дедушка, и бабушка, и тетки, и дядьки. Все они не могут нарадоваться на Павлика¹⁵⁸). Часто мне бывает грустно, глядя на их счастье... Таков уж человек, всегда ему чего-то нехватает. <...>.

От Андрея пока еще нет никаких известий, если будут – сообщу все интересное и Вам. <...>. Нет еще месяца, как уехал Андрей, а мне уже очень, очень грустно иногда бывает без него. Вы вырастили очень хорошего сына и человека. Я никогда не закрываю глаз на все его слабые стороны, и все-таки хорошего в нем больше. Мы как-то говорили с Кондратьевым и оба пришли к заключению, что Андрей необычайно благородный и милый человек. Мнением Кондратьева Андрей дорожит.

Желаю Вам всего, всего хорошего, а главное здоровья и душевной бодрости. Перебирайтесь скорее к своим поближе¹⁵⁹). Мы с Андреем очень хотели бы видеть Вас у себя, но пока мы не сможем доставить Вам покой и удобства, этого не должно быть. Андрей говорит, что он должен «покоить» родителей, как когда-то у него было записано в детском дневнике. Думаю, что желание его сбудется. <...>.

Крепко-крепко целуем Вас оба. Сынок у меня научился громко смеяться и теперь часть хохочет вслух. Каждый день у него появляется что-нибудь новое!

Ваши Миля и Алек.

IV 19 А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 6 декабря 1928.

<Улан-Батор>

<в Москву>

72 7222 6/12/28
 Мон друг!
 Датирую на двух языках, чтобы дасть тебе наи-
 ного солида воле. Давно уже (медаль твоя на-
 зад) вернулся я из экспедиции. В этот год
 заморозили не было. Обиды и неудачи и коро-
 на. И местности и работы в этом году
 были совсем иные, нежели в прошлом. Горы, горы и горы,
 вероломные хребты, правда без великого снега, но все же до 3500
 метров над уровнем моря, а то и выше. Много леса, пыльные
 альпийские горы, масса озер, великий мир сорных рощ, бего
 по рвущих каменную землю гор. Вдобавок голые горы
 росли из огромных камней, следы древнего оледенения в виде
 огромных ледниковых цирков, морен. В такой обстановке я
 и проводил большую часть экспедиции. Горы в конце июля в видны
 снег, горы не видел вовсе. Трудности заморозились в под'езде
 на крутые вершины, когда, при разреженном на таких высотах
 так воздухе, обморока одичала и усталость. Зато было одиноко
 на вершине, наедине с небом, видя у своих ног бескрайнюю
 низ колеблющегося и наведа застылого море гор, перепада
 вбегая с знакомой габриельской вершиной, находившейся за
 за вершю у тебя — редкое малозадрение. При попутном кру-
 гании с камня на камень, лавании по скалам, расклевываю, гостю
 небезопасном, ноги делаются стальными, твердыми — точными и
 расогнутыми. В горном воздухе и необычных горных условиях
 французский. На этот раз мы с Р.А. Кондратьевым каибинирован
 ной экспедицией ввели маршрутом окрестности большой район
 на запад и северо-запад от Улан-баатора. Мне пришлось побывать
 и в пограничном Монголии Урянхае (Танну-Тувиинская долина),
 где проводником моим ушел все же медаль был старик-монгол.
 Тедкий по иркутскому ветру я провел в его торбе, когда он прили-
 сел меня поглазеть на его камлание? Но отпущен камла-
 ния у моря до конца твоего. В конце экспедиции мы
 с Р.А. Кондратьевым побывали на оз. Касогол (до 120 в. длины
 при ширине в 40 в.). Достойной твоей кисти объект!
 Благодаря камни то приехали вода озера, снего-аква

6/XII/28

<Улан-Батор>

<в Москву>

*Mon frère!*¹⁶⁰⁾

Датирую на двух языках, чтобы дать тебе немного *couleur locale*¹⁶¹⁾. Давно уже (недели три назад) вернулся я из экспедиции¹⁶²⁾. В этом году запоздания не было. Съездил интересно и хорошо. И местность, и методы работы в этом году были совсем иные, нежели в прошлом. Горы, горы и горы, огромные хребты, правда без вечного снега, но все-таки до 3500 метров над уровнем моря, а то и выше. Много леса, пышные альпийские луга, масса цветов, вечный шум горных речек, бешено рвущих каменную грудь гор. Суровые оголенные вершины, россыпи из огромных камней, следы древнего оледенения в виде огромных ледниковых цирков, морен. В такой обстановке я и пробыл большую часть экспедиции. Уже в конце июля я видывал снег, жары не видел вовсе. Трудности заключались в подъемах на крутые вершины, когда, при разреженном на таких высотах воздухе, одолевала одышка и усталость.

Зато быть одному на вершине, наедине с небом, видеть у своих ног бесконечное, раз взметнувшееся и навсегда застывшее, море гор, переглядываться с знакомой гобийской вершиной¹⁶³⁾, находящейся за 300 верст от тебя – редкое наслаждение.

При постоянном прыгании с камня на камень, лазании по скалам, россыпям, часто небезопасном, ноги делаются стальными, движения – точными и рассчитанными. От горного воздуха и необъятных горизонтов ширится грудь.

На этот раз мы с С.А.Кондратьевым комбинированной экспедицией двумя маршрутами охватили большой район на запад и северо-запад от Улан-батора. Мне пришлось побывать и в пограничном Монголии Урянхае (Танну-Тувинская республика), где проводником моим целых две недели был старик-шаман.

Редкий по интересу вечер я провел в его юрте, когда он пригласил меня посмотреть на его «камланье». Но описание камлания отложу до конца письма.

В конце экспедиции мы с С.А.Кондратьевым побывали на оз. Косогол (до 120 в<ерст> длины при ширине в 40 в<ерст>. Достойный твоей кисти объект! Благодаря каким-то примесям вода озера, светло-аквамариновая в мелких местах, на большой глубине принимает ни с чем не сравнимый чистый синий, очень густой и глубокий цвет. Смотреть на эту воду – чистая радость. И вот вообрази: такого цвета озеро обрамлено мохнатыми от леса горами. Золотой осенний лес (лиственница) смотрится прямо в воду. А на горизонте на фоне

светло-голубого усталого осеннего неба, как бы вырастая из дальних синих волн, высится огромная иззубренная вершина г. Мунку-Сардык, ослепительно серебристая от вечных льдов на вершине и свежевывающего снега на склонах.

Да вообще, *fli mi*¹⁶⁴, тебе, пожалуй, следовало бы навернуть летом сюда, побродить немного по Монголии и вернуться «знатоком по Востоку». Ты мог бы заполнить интереснейшими этюдами не один десяток альбомов. Съездил бы куда-нибудь со мной, пожили бы немного лагерной жизнью. Хотя бы поверхностно ознакомился бы с очень своеобразными страной и народом. Тем более, что я сразу же указал бы важное и не имеющее значение, кратчайший путь к познанию страны. Посмотрел бы и на будущего «носителя Симуковских традиций», твоего, находящегося ныне в полном и добром здравии племянника. Вообще, масса аттракционов! Если тебе эта мысль в принципе по нутру, к весне напишу подробный Бедекер¹⁶⁵ с указанием цен и вообще необходимой на это дело суммы.

Итак, вернулся я 12 ноября. Милю и Алтая нашел здоровыми и бодрыми. На даче Миля пробыла долго – до 10/X. К моему приезду для меня был отремонтирован один из учкомских домиков, и теперь я живу совсем отдельно, занимая две теплые комнаты. Кроме них в домике теплые сени и еще одна комната, где сложены экспедиционные вещи. Таким образом я фактически занимаю целый домик. До домика Кондратьевых не более 40 шагов. Столуемся мы по-прежнему коммуной, возглавляемой все тем же Фучином. Работаю я у себя дома, иногда бегая в Музей. Работы много, поэтому считаться с шестичасовым рабочим днем не приходится. Но работа настолько интересная, что этого не замечаешь. Миля пока занята исключительно сыном и нашим несложным хозяйством.

В комнатах наших светло (все окна на юг), бело и чисто. Снаружи дом белый с зелеными ставнями. Все это, так сказать, «внешнее оформление». Жизнь протекает тихо и мирно. В городе бываем не часто, больше по делам. В гостях очень редко, у нас тоже редко кто бывает. Лишь самое последнее время здесь завели постоянное кино, где мы иногда с удовольствием смотрим картины, о которых Москва уже давно забыла, вроде «Броненосца Потемкина» и «Ледяного дома».

Я продолжаю заниматься монгольской письменностью и в разговорах с знакомыми монголами, которые бывают у меня почти ежедневно, понемногу совершенствую свой разговорный язык. Работа, как и всегда, идет по двум линиям: Музей и обработка экспедиционных материалов.

Большим праздником для меня было чтение писем, полученных Милей за лето. Туапсе¹⁶⁶ твое меня просто по затылку стукнуло. Очень и очень рад за тебя. Только насчет моря не очень-то треплись; меня с моей «гобийской»

позиции не собьешь. С не меньшим интересом читал я строки, посвященные деревне. Не совсем согласен я лишь с твоими восторгам по поводу «освобождения» от земли. Нельзя так огульно отрицать и ее и труд на ней. О труде этом у меня остались очень хорошие воспоминания. Кроме того сейчас, по практике странствий скажу, что красота земли раскрывается и прочно запечатлевается лишь тогда, когда землю эту потопчешь как следует усталыми ногами и польешь потом. А авто вместо верблюда или пребывание в деревне на даче, вместо работы – это близкий к кинофильму (от которой мало остается в голове) туризм. Так что смотреть на Сигеевку через монокль совсем не годится.

Насчет маминих проектов о переселении в город ничего не могу сказать. Вам виднее. Но отнести к этому вопросу необходимо с максимальной продуманностью. Мне кажется, что очень трудно уехать из деревни, не сожегши этим там всех кораблей. Не рискованно ли это? Затем, хорошо ли представляет себе мама условия жизни в городе сейчас? Вообще, надо подумать и подумать.

За тебя я рад. В твоих письмах последнего периода нигде (как будто?) не заметно нотки усталости, пессимизма, вполне возможных при трудностях городской жизни. Но с другой стороны все-таки как будто чувствуется нотка некоторой поверхностности. В твоём возрасте пора относиться к жизни и людям несколько вдумчивее. Правда, чем больше вдумываешься, тем больше вылезает из покойного кресла поверхностности, но ведь только в этом случае и есть смысл существовать. Отбрасывать от себя глубины потому лишь, что они могут нарушить спокойное существование – преступление. Это совершенно независимо от характера мирозерцания, материалистического или идеалистического.

Мне очень хочется увидеться с тобой, узнать вплотную, что ты за человек сейчас. Кати сюда, повторяю, если есть хоть небольшая возможность. Как гражданину СССР тебе будут открыты все пути. Был тут один австрийский художник, очень хороший. Он пытался ездить, но, в силу его западноевропейского подданства, ему чинились всякие препятствия, что вполне понятно. А материала здесь – непочатый край. Рерих¹⁶⁷ затронул очень немного. И пейзажист, и бытовик-жанрист, и декоратор – все найдут здесь обильную пищу.

В заключение дам краткое описание шаманского камлания, виденного мной в Урянхае.

Дело происходило на южном склоне хр. Тагну-ула. У лесистой таежной речки на небольшом лугу стояла одинокая юрта. Над ней вздымались высокие белые известковые скалы. Невдалеке от нее, в густом ельнике я разбил свой лагерь. Под вечер меня пригласили в юрту смотреть ежемесячное камлание

старого Пельчже, шамана в 9-ом поколении. Во время традиционной чашки кирпичного чая и медлительных разговоров об охоте на изюбров (благородный олень), медведей и диких северных оленей незаметно стемнело. Старик не торопясь стал готовиться. Большой бубен, обтянутый медвежьей кожей, был подсушен над огнем очага. Дети притащили маленькое деревцо лиственницы, навесили на веточки 9 белых полосок материи – жертва духам гор и леса – и воткнули это деревцо в землю шагах в 15 от юрты, против двери.

После этого Пельчже стал одеваться в ритуальные одежды. На голову он надел шапку с венцом перьев филина и с черной бахромой, закрывавшей лицо. Затем натянул на себя короткую куртку из оленьей кожи. Сзади к этой куртке была пришита густая бахрома разноцветных подвесок, спускавшихся до полу, с металлическими полвесками, звеневшими при каждом движении. На плечах были прикреплены небольшие пучки перьев того же филина. Ноги Пельчже обул в мягкие расписные чулки из оленьей кожи (мокасины).

Одевшись, он попробовал бубен. Зажгли арцу (курение из особого смолистого кустарника) и стали его окуривать, обнося кругом ног. Наконец он повернулся лицом к висевшим против двери на стенке юрты онгонам (изображениям духов) и запел призывание, слегка ударяя в бубен. Очень скоро темп пения и ударов ускорился, движения стали быстры и резки, послышался храп – Пельчже впал в транс. Петь он перестал. Глаза были закрыты. Тело быстро вертелось то в одну, то в другую сторону. Гулкие удары в бубен, неизменно ритмичные, стали угрожающе сильными и частыми, странно волнующими и зовущими. Освещенный красноватым отблеском очага старый Пельчже крутился в неистовом танце жреца древней «черной веры». Временами длинная бахрома его одежды образовывала сплошной горизонтальный мерцающий круг. Глухие, ритмичные звуки бубна с аккомпанементом железных подвесок то наполняли пространство и мощным потоком лились на нас, то замирали. Тогда Пельчже наклонялся к бубну и вслушивался в него. Слышался тихий смех, свист и громкий храп. Затем снова начиналось безумие пляски. Временами старик пел, торопясь и захлебываясь. Бубен то и дело взлетал к самой крыше юрты.

А снаружи мерцала глухая лесная ночь. Спали темные мохнатые таежные гривы, чутко сторожили тишину остроконечные белые скалы. Где-то по сопкам в золотом упоении хрусталем осени победно и звонко трубили изюбри – стадо духа гор.

Во вторую половину камлания Пельчже неожиданным прыжком перемахнул через огонь очага и выскочил из юрты. Пляска продолжалась под открытым небом, около деревца с белыми ленточками, где также вился сладкий дым арцы. Затем он вернулся в юрту. Пришло время проричать.

Шаман каждому из нас по очереди бросил свою колотушку для бубна, обтянутую кожей дикого северного оленя, и напевно, стихотворными, довольно невнятными строками предсказывал ближайшее будущее. Мне сказал по поводу завтрашней охоты, что убью козу. Предсказание исполнилось.

После предсказаний он камлал еще довольно долго. Наконец темп движений и звуков стал замедляться. С шамана упала шапка, постепенно стала сползать одежда. Жена его приготовила шубу. В последний момент, когда одежда упала на пол, Пельчже весь выгнулся и в судороге ухватился за остов юрты. Тут на него накинули шубу и общими усилиями заставили сесть. Во время вторичной судороги с него стянули обувь. Постепенно он пришел в себя, усиленно растирая себе лицо и отдуваясь. С наслаждением выпил чашку чая и затянулся трубкой. На дворе звезды подвинулись к полуночи.

Камланье это продолжалось долго – не менее трех часов. Просто трудно было предположить, что человек в нормальном состоянии, будучи уже в преклонном возрасте (Пельчже за 50) может вынести такой вихрь движений. Такое серьезное камланье несомненно носит в себе элементы транса и экстаза.

Вот тебе маленький кусочек здешней жизни, правда довольно яркий. Сын мой неуклонно растет и обнаруживает недюжинную физическую силу. В этом, вероятно, ему помогает крестный отец – «семидесятиглавый седой Алтай» монгольского эпоса. Скоро уже он сядет на коня. Вообще не дитё, а чистая радость.

Почти одновременно посылаю журнал «Хозяйство Монголии» с моей статьей¹⁶⁸. Статья неважная <...>, но общее представление о ландшафтах дает. Прочти поскорее и перешли маме. Кроме того в это письмо вкладываю фото этого (1928) года. Удачный выстрел: под лопатку на 400 шагов. Это – горный баран, аргали, архар, взрослый самец¹⁶⁹.

Твой Андрей

Приветы всем. Тете Оле и Але в особину. Впрочем обеим, а также и маме пишутся письма.

3/1/29 г.

IV 20 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 25 декабря 1928.

25/XII/28 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

<...> Вот уже полтора месяца, как я вернулся из экспедиции¹⁷⁰, а письмо

тебе все еще не написано. Миля стыдит меня ежедневно. Оправданий и приводить не стоит. Просто стыдно мне очень.

Экспедиция этого года прошла вполне удачно. С каждым годом опыта по этой части прибавляется все больше и больше.

Везде по Монголии чувствую себя я как дома. Быстро, легко схожусь с мирными и радушными степняками, знаю их интересы и нужды, словом очень часто бываю «своим» человеком. Поэтому и узнаю многое, что ускользнуло бы от «европейца».

Народ здешний совсем не такой некультурный, как принято обычно думать. Мне всегда досадно, когда какой-нибудь свежеприбывший верхогляд говорит: «... эти дикари», хотя сам в некоторых отношениях бóльший дикарь, чем монголы. А есть и такие, которые целый ряд лет живут бок о бок с монголами и, считая этих последних много ниже себя, нимало не интересуются своеобразной, имеющей такие глубокие и различные корни, культурой страны.

Районом моих странствий в этом году были хребты и горные страны Центральной и Северной Монголии. Совсем иные ландшафты, нежели в прошлом году. Почти везде хоть немного лесу (лиственница), выше него пышные многоцветные альпийские луга, везде много воды, шумные горные речки, крутосклонные высокие горы, довольно много населения.

Но много времени провел я и в безлюдных местах, в высокогорных районах. Приходилось лазить на высоте 2500–3600 метров над уровнем моря. Трудновато. Подъемы крутые, россыпь, каждое движение должно быть рассчитанным, четким, иначе нетрудно и сорваться. А сердце колотится и работает, как поршень в паровике. Дыхание затруднено. На вершинах я видел снег в конце июля.

Как хорошо на этих вершинах быть одному! Чувствовать себя как бы хозяином окружающего хаоса гор... Это чувство зависит от привычки быстро разбираться и осваиваться в извивах хребтов и долин, от того, что окружающее не подавляет меня, так как я знаю, как к нему подойти.

Маршрут этого года был тоже очень велик – более 2500 верст. Вернулся я 12 ноября. Возвращение было совсем иным, нежели в прошлом году. Тогда в Ургу тянуло положение Миля и усталость от бесконечных огромных переходов (чуть ли не по 1000 верст в месяц), а теперь я ехал домой, где меня ждали Миля и сын. И чувство, когда я увидел дым Урги с последнего перевала, было совсем особенным.

С тех пор мы живем очень тихо и мирно. Большая работа не дает возможности рассеиваться, да этого и не хочется. «Вылазки» бывают редко, почти исключительно вдвоем. Тогда с сыном остается наш старый друг и товарищ китаец Фучин. Впрочем остается он больше для виду, так как Алтай

имеет благодатную для родителей способность спать по 12 часов подряд. В кино (постоянное появилось только этой зимой) бываем еще реже.

Наш беленький домик (кроме нас – никого) стоит в самом дальнем угду учкомского двора. В окна (все на юг) виден кусочек лесистой Богдо-улы, горы, имеющей верст 80 в окружности. Воздух чист, чего нельзя сказать про ургинский центр. Вообще, живем почти на даче. Видим восход и заход солнца, любимся изумительно яркими звездами. А мороз частенько доходит до 35° Цельсия, а то и ниже (28–30 по Реомюру). Но ведь холод переносится здесь много легче, чем у вас.

Работаю по-прежнему по Музею, обрабатываю экспедиционные материалы. Колупаю статьи в «Хозяйство Монголии», недавно прочел на курсах монголоведения для русских ответработников (при полпредстве) две лекции (о географии и населении Монголии), сошедших хорошо. С сослуживцами и начальством отношения, по-прежнему, прекрасные. Всю письменную работу я по-прежнему делаю дома и определенными часами не связан. Будущим летом больших экспедиций не предвидится, буду большей частью сидеть в Урге. Слишком много хвостов, необработанного накопилось за эти 2 года.

Одно время шел разговор о возможности командировать меня для повышения квалификации в Ленинград, но пожалуй смета этого не позволит.

О том, как мне хочется повидать тебя, Лешу, Алю, тетю Олю и говорить не приходится. Может быть это и сбудется в скором времени.

Сын – это каждодневная, сплошная большая радость. Чем старше он становится, тем ближе он делается мне, тем больше понимаю я радость быть отцом и следить за постепенным развитием сознания. Для 9-ти месяцев он хорошего роста, правильно, пропорционально сложенный хорошенький парнишка. <...>. Любит играть в прятки (прячется в маму, либо в подушку), танцевать (прыгает препотешно). Монгол предпочитает русским. День-деньской возится, играет, но вместе с тем очень нетребователен и скромнен. Синие яснае глазки «с массой выражения и ума» по мнению родителей, 4 зуба и препотешный светлый чубик.

Письмо это, как ни стыдно, пишу уже почти два месяца. Альке завтра стукнет 10 месяцев. <...>. В свободные минутки мы с ним превесело играем. Купаем его через день, и он очень любит плескаться в воде. Половина ванны обычно на полу. Он очень любит смотреть в окошко и далеко узнает, если идет Миля или я. Весело смотреть, приближаясь к дому, как в окошке прыгает веселая фигурка, колотящая по стеклу ручонками. Он уже понимает, что значит, если мама или папа одевают шапку и сразу становится грустным. Очень стремится ходить и, наверно, к году овладеет этим искусством. <...>.

Скоро уж мы с ним будем ходить на охоту, бить коз и т.д.

Монголов он очень любит, а к русским относится с подозрением и побаивается. Все знакомые монголы постоянно спрашивают о его здоровье, на Монгольский Новый год неуклонно дарили ему что-либо, хотя бы серебряную монету.<...>.

Праздники, и русские, и монгольские (последние были на днях с 10 по 15 февраля) мы провели весело и довольно разнообразно. Ходили по гостям, немного фокстротили. Новый год встречали у нас, т.е. у Кондратьевых, причем считая и нас собралось до 15 человек. Разошлись в шестом часу.

В первых числах февраля (было здорово холодно, до -45°С) я съездил верст за 80 от Урги в тайгу, где настрелял птиц для Музея и наснимал дюжины 3 фотоснимков.

Монгольский Новый год встречал в Урге впервые, в прежние годы все уезжал. Обычай возможно больше визитировать свято исполнил и ходил <с визитами> и принимал оные пять дней подряд. Теперь и ко мне ездят с визитами. <...>. Как-то живешь ты? У нас все ходят слухи, что в наших краях трудно¹⁷¹). Здесь пока хорошо; были бы деньги.

Все время думаю о том, как бы заполучить командировку и повидать тебя. Скоро ли это удастся – не знаю.

Крепко целую тебя, моя мамочка, хочется скорее свидеться; крепко целуют тебя и внучек, и Миля.

Твой Андрей.

IV 21 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 21 апреля 1929.

21/IV/29

Уланбатор

<в Сигеевку>

<Дата и надпись на
старомонгольском>

Дорогая моя мамочка!

Мое молчание в течение такого длинного периода – совершенно непростительное свинство. <...>. От Мили мне несколько раз здорово попадало за то, что я никак не соберусь писать тебе, а не здорово попадает чуть ли не каждый день.

18-го апреля Алтаю исполнился год. И что же это за бесконечно дорогое, милое, такое веселое и потешное существо! Ходить самостоятельно он начал 11½ месяцев, опередив в этом отношении всех своих сверстников, и теперь топает вовсю. Падать не боится, шишки на лбу – явление перманентное. Но плачет после ушибов мало, после небольших иногда и вовсе не подает голоса. <...>. На руки никогда не просится, наоборот, возмущается, когда

возьмешь, чтобы хоть немного отдохнули ножки-топалки.

Испытываешь совсем особое чувство, когда он подходит, вернее подбегает к тебе во время работы и кладет головку на колени, рассказывая о чем-то. <...>.

Скоро он с мамой уедет на дачу, будет там бегать голышом, увидит лес, птичек, будет плескаться в ручье. Загорит, наверно, здорово. Он и сейчас уже посмуглел. Гуляет почти каждый день. К счастью эта весна не так ветрена, а то пыльные и холодные ветры часто заставляли бы его сидеть дома. Здесь ведь весна иная, нежели у нас – сухая и ветреная.

Что же касается меня, то я весь в работе. Получается по пословице: чем дальше в лес, тем больше дров. В этом году из-за работы не придется и в дальнюю экспедицию ехать – слишком много старых, недоработанных хвостов накопилось. Лишь в ближайшие дни уеду на месяц в Гоби, и не на верблюдах, а на автомобиле.

Много времени отнимает, конечно, и забота о побочном заработке. Мне немного прибавили – получаю теперь 150, но проживаем мы, при сравнительной дороговизне здесь, не менее 200. Работает и Миля, обрабатывая на дому данные метеорологических станций нашей учкомской сети. Концы с концами сводим. Живем все время очень тихо и скромно. В гости ходим редко, у меня публика бывает больше по делам. В конце концов весь день с небольшими перерывами проходит в работе. Но работаете обычно радостно и легко, т.к. работа более или менее творческая. Её минус в том, что конца-краю ей не видно. Все время открываются новые и новые направления, в которых кажется совершенно необходимым поработать.

Своим предположением, что мы испугались твоего приезда, ты меня очень обидела. Мне бы такая мысль и в голову не пришла. Мы так истосковались по близким нам людям, что приезд твой был бы очень большой радостью для нас, тем более, что, судя по всему, нам выбраться на время в СССР очень трудно. Во-первых надо большую монету, а во-вторых трудно выбраться обратно – слишком много хлопот с паспортом.

Расставаться же с Монголией сейчас ни мне, ни Миле не хочется. Полюбил я Монголию крепко, ее степи, леса и горы сделались совсем близкими мне. Да и Миля тоже успела привязаться к окружающему. Почти каждый день на закате мы выходим к воротам и любимся Богдо-улой, огромной лесистой горой, поднимающейся всего в 4–5 верстах от нас.

Относительно возможности для тебя работать здесь я снова наведу кое-какие справки. Тем более, что недавно познакомился с заведующим (третьим на моей памяти) советской школы, который оказался нашим земляком, гомельцем. Фамилия его – Барабанов.

Относительно хозяйства нашего¹⁷²⁾ мне очень трудно сказать что-либо, так

как я довольно плохо представляю себе современные условия наших города и деревни. Весь вопрос в тебе, так как ни Леша, ни Аля на землю, вероятно, не вернуться. Что же касается меня, то если я это и сделаю, на запад не поеду, а постараюсь устроиться где-либо на востоке. Ежели ты, без риска полуголодного существования, сможешь устроиться в городе – в полной ликвидации хозяйства я большой беды не вижу.

А уж как хотелось бы видеть тебя здесь – и сказать не умею. От Леша я получил как-то большое и хорошее письмо. <...>. Летом, вероятно, буду сидеть в Урге, совсем один, а потому буду писать чаще. <...>. Целую тебя крепко, моя дорогая мамочка, хочется мне видеть тебя, побыть с тобой. Пиши чаще, больше.

Привет родной земле (пролитого пота не забыть), привет близким, ежели еще кто меня помнит.

Твой Андрей.

IV 22 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 мая 1929.

8/V/1929

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Не сердитесь на меня, пожалуйста, за долгое молчание. Счастливые люди часто бывают эгоистами, а счастья у меня сейчас очень много. Конечно, все оно исходит от сынули. Недавно ему исполнился год, и к этому времени он уже ходил. <...>. Сейчас он хорошо ходит, иногда очень неуклюже, как медвежонок, бегает, гоняет собак на дворе во время гулянья, расхаживает важно по всему учкомскому двору, заходит самостоятельно в домик Кондратьевых, наводит порядок у Фучина в кухне, заглядывает в юрты к монголам, чем вызывает страшный восторг с их стороны, словом предприимчив необычайно, а также и разговорчив – иногда держит торжественную длинную речь к кому-нибудь, причем слушатель понимает только «папа», «мама» и «дай», остальное – какой-то новый, неизвестный никому, кроме него, язык. Одевается он по-мужски: брюки, рубашка, ботинки, а на улице – монгольский халатик или фуфайка. <...>.

Отношения у нас в семействе таковы. Мама – строгое и твердое начало, папа – доброе, пытающееся быть строгим (ничего не выходит). Вообще папа наш – лучший из пап. Очень любит сына, внимателен, заботлив и нежен с ним. Старается помогать мне в заботах о нем. <...>.

А от сына сейчас нет никакого спасения. Тащится, хватается и роняется все, находящееся в пределах досягаемости, даже бумаги с папиного письменного стола, для чего приходится становиться на цыпочки и тянуться

изо всей мочи. Лезет в плитку, затем оmyвается в ведре¹⁷³), затем лижет мыло, заводит часы, подлизывает с пола соринки, собирает и с аппетитом ест завалившиеся корочки, целует мамины старые туфли, топчет радостно по луже, вытирает свои лужицы, <...> и все это делается страшно быстро, так что не успеешь в одном месте спасти что-нибудь, как он уже творит беду в другом. Очень любит гулянье и проводит дни на дворе. Очень загорел и поздоровел, но немного похудел. (Похудеешь тут, ведь столько работы!). <...>. Андрей на днях должен уехать на месяц в Гоби (любезные сердцу места!). Я с сыном отправляюсь (тоже на днях) на дачу к Бадмажаповым, очень хорошим нашим знакомым. Юрта, в которой мы там будем жить, отправляется туда послезавтра.

С Андреем я постоянно сражаюсь из-за писем. Много ему попадает за то, что редко пишет Вам. Он говорит, что для письма он должен собраться, подумать, а при настоящей занятости это не удастся, а я говорю, что если он матери напишет о самых простых вещах и событиях, так она будет рада так же, как и длинному письму «с психологией». Андрея иногда требуется подталкивать в простых жизненных вещах и вопросах, к сожалению, я не всегда это могу делать спокойно, а потому ему иногда малость перепадает. Вот единственное темное пятно в нашей жизни.

К весне я всегда нервничаю больше положенного. Расстраивает то, что я не могу поехать в Гоби, мучительно и даже немножко противно смотреть на веселые, довольные лица других, менее пригодных для путешествия людей. (Относится это, конечно, не к Андрею). С другой стороны утешением служит то, что у меня сын <...>. Хочется поскорее уехать на дачу, не видеть экспедишников и успокоиться. Хотя, конечно, на деле все это менее страшно, чем на бумаге.

Очень хочется нам увидеть хоть кого-нибудь из близких. Андрей не теряет надежды увидеть здесь Лешу. Пишет ему об этом. А материалу для него здесь непочатый край. Художников <приезжих> здесь мало было.

Пишите по-прежнему на Учком, уж оттуда перешлют нам, где бы мы ни были, да и Андрей ведь скоро вернется. Целуем Вас оба с внуком крепко-крепко.

Я иногда работаю, а он подойдет и приласкается. Так хорошо бывает от его ласки.

Всего хорошего.

Ваши Миля и Алек.

IV 23 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 июля 1929.

17/VII/29 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Сегодня получил твое письмо, посланное воздушной почтой. Надежды твои не оправдались: как раз был большой перерыв в воздушном сообщении вследствие плохой погоды. Поэтому письмо подоспело лишь к моим именинам, которые я провожу одиноко в пустой квартире, заваленной работой. Вследствие этой самой работы я пропустил уже два раза возможность съездить на два-три дня на автомобиле к Миле и Алику. Сведений о них не имею уже недели две. Сегодня вечером, наверно, получу письмо, а завтра, может быть, поеду на лошади к ним дней на 5–6, так как самая спешная и важная работа сдана.

Миля и Алик уже давно на даче. Я отвез их туда на машине еще 11 мая. В этом году они в другом месте, лучшем, чем прошлогоднее. В 70 верстах к северо-западу от Уланбатора, в стороне от больших дорог есть заимка (т.е. по-сибирски хутор) одной знакомой семьи¹⁷⁴. Хутор этот расположен в устье лесистого ущелья со скалами, по дну которого бежит веселый ручей. До лесу всего полверсты. Большой участок луга огорожен изгородью. Посредине аккуратный домик – зимняя дача. Ледник, амбар, навес. Внутри изгороди протекает ручей, устроен искусственный пруд и бьет чистый холодный ключ, огороженный еще отдельно, чтобы сохранить чистоту. К этой общей ограде, в которой стоит и моя юрта, прилегает порядочный огород и десятины 3½ поливного (из канавы) покоса. В полуверсте ниже китайские пашни и маленький поселок с китайцами-земледельцами, а дальше – широкая степь, за которой виднеются новые горы. С севера и востока хутор защищен горами. Лес сосновый, с березняками, густой. Есть тетерева, козули, даже бродят 2–3 оленя. Плохо, что в скалах много змей, приползающих иногда к хутору. Цветов в июне была пропасть, самых разнообразных, теперь же их, наверно, меньше, но все-таки достаточно. Дождей было много, и травы и хлеба хороши, хотя лето стоит прохладное. Действительно жарких дней было мало.

Большую юрту я нанял за 10 руб. в месяц. Войлока неважные, но я подложил на крышу китайской клеенки, обставил стены циновками, поставил чугунную печку – и ни одна капля дождя не попадает в юрту. Внутри, стараниями Мили, все просто и чисто. Миле помогает девчонка лет 15, вроде прислуги. <...>. Мясо, молоко, картошка и прочие овощи – на месте. Муку и прочие городские продукты доставляю я из города.

Алька загорел и носится целый день, как угорелый: то гоняется за курами, то лезет под лошадей (Миля иногда катается верхом; у нее есть свое казачье седло), то в пруд. Он очень крепенький. Терпеть не может торчать на руках, и мы ходим гулять в лес «за ручку». Но так как вверх ему идти трудно, то он поворачивается и бежит обратно, вниз. Если дождь, и надо сидеть в юрте – он нервничает и капризничает. Миля тоже поздоровела и поправилась, стала

крепче нервами, бодрее. Иногда только ее пугает Алтай, склонный к простудам (от меня, вероятно) и бронхитам.

Большое счастье для меня, да и для Мили, что они смогли выехать на дачу так рано. Позже в Урге развилась эпидемия скарлатины. Хотя и скучно мне до чертиков, хоть и скучает Миля без меня, а все-таки я счастлив, что она отдыхает и большей частью не знает всей кучи всяких дел и обстоятельств, приятных и неприятных, всей работы, словом, среди чего я верчусь в Урге, как белка в колесе.

А тут сейчас в некотором роде переломный период¹⁷⁵, предстоит реорганизация Учкома (что уже отчасти сделано с прочими учреждениями), везде работают ревизионные комиссии. Поэтому приходится проводить отчетную кампанию, писать о том, что сделано, что должно быть сделано в ближайшем будущем и что желательно было бы сделать в случае реорганизации и увеличения бюджетов.

А я сейчас кроме Музея заведую еще и картографическим кабинетом и сотрудничаю, вместе с Кондратьевым, в отделе экспедиционных исследований. Помимо этого участвую в профсоюзной работе (член Монгольского профсоюза) и приглашен в качестве представителя от Учкома в две комиссии при Монголбанке: по пропаганде агрикультуры и по устройству сельхозвыставки во время ярмарки и военного праздника, которые состоятся в начале августа.

А так как к весне и лету в семейном бюджете всегда оказываются провалы, и, кроме того, надо готовиться к зиме, то, вследствие небольшого жалования, (все те же 150 руб.) приходится прирабатывать на стороне. Работа есть. Время от времени пишу в «Хоз<яйство> Монголии», получил большую работу в Штабе¹⁷⁶, предлагают писать в военном журнале, кроме того помогаю Миле в обработке метеорологических данных. Как видишь, дел не на одного, а на трех по крайней мере. Силы есть, поддерживает сознание, что мои на даче отдыхают и здороваются и что зимой заживем вместе тихо и мирно. Больше будет работать Миля, легче будет мне, да и работа войдет в более спокойные рамки, можно будет почитать, пописать и подумать.

Конечно, ни о каких экспедициях этим летом нечего и думать. Разве так в октябре м<есяце> можно будет устроить какую-нибудь экскурсию недели на две-три.

Весной мы с Кондратьевым все-таки с месяц проехали (18/V – 13/VI)¹⁷⁷. Сделали на автомобиле около 2000 километров по Гоби, причем 650 км совсем без дороги, прямо по пустыне. Чуть ли не в самом центре Гоби (600 км к югу от Уланбатора) поставили в большом монастыре (300 монахов - лам) метеорологическую станцию и оставили там на год русского наблюдателя, студента-восточника¹⁷⁸. Вот кто ведет сейчас блаженную отшельническую

жизнь! Кругом пески, пустыня, вдали широкая панорама скалистых горных цепей. Солнце, песок, небо и тишина... В монастыре узкие улочки, домики-кубики из глины, вообще что-то очень близкое Туркестану и Персии, только без садов. Изумительные зори под аккомпанемент низких, мелодичных звуков ламских труб...

Я с удовольствием побывал на юге, отчасти почти в местах, где был уже три раза подряд (25–26–27 г.г.), значительно расширил свои познания о Монголии (теперь я прилично знаю бóльшую ее половину, осталось ознакомиться с крайними западом и востоком). Пустыня, все-таки тянет меня значительно больше, чем северные леса. М<ожет> б<ыть> потому, что там больше солнца, проще и потому чище природа, больше простора и воздуха. Только там я действительно дышал полной грудью.

Тон твоего письма меня очень порадовал: спокойный и отзывающий именно относительным благополучием, хотя бы внешним. Рад я, что ты решила пока остаться в Сигеевке. Последнее время, судя по разным известиям, доходящим до нас, в городе все-таки плоховато¹⁷⁹⁾. У меня сердце болит за наших москвичей – тетю Олю, Лешу, Алю. Наверно, тяжело приходится! Как у них с заработком? Что они подельвают? От них тоже уже давно никаких известий. Ну, может быть, за лето отдохнут у тебя.

К сожалению возможность повидать тебя все отодвигается и отодвигается. Еще год назад об этом можно было говорить довольно определенно. Но вот пришли перемены¹⁸⁰⁾ и снова вспомнить об этом можно будет, наверно, не ранее года, за исключением каких-либо особых обстоятельств. Хуже всего затруднения при выезде обратно. А ехать с тем, чтобы сюда не вернуться, ни мне, ни Миле не хочется. Привыкли мы к стране и к людям, полюбили и то, и другое, кое-как наладили жизнь, а там надо начинать сначала в очень нелегких условиях, менее заметных лишь для того, кто привыкал к ним постепенно.

Здесь я в своей сфере. Недостаток теоретических знаний во многом покрывается практическим знанием страны, её условий, языка, подкрепляемым хорошей памятью, пока еще сохранившейся у меня. Так, например, всякие свои работы я пишу всегда непосредственно, не лазая по дневникам и записям, разве что потребуется какая-нибудь мелочь, выскочившая из головы. Относительно твоих слов «не вечно же сидеть в Урге зав. Музеем», я должен сказать, что так сказать «научная карьера» меня интересует мало. В моей теперешней работе творческие возможности неисчерпаемы и разносторонни. Кроме того я постоянно нахожусь в непосредственной близости от сырого материала, который только остается черпать. Мне всегда видны мелочи и пробелы в практическом познании страны, и я имею возможность их восполнять. Остается только добиться

возможности немного почитать и, может быть, съездить на несколько месяцев в Ленинград. Это для теории. Для меня это лучше, чем тянуть скучную лямку в ученых учреждениях центра и совершать изредка короткие поездки на 2–3 месяца в разные страны, не вращая в их жизнь, а оставаясь «туристом». Словом, здесь я настолько на месте, что частенько вижу те или иные промахи больших ученых, приезжающих сюда на короткое время.

Куча всяких дел, из которых было много неприятных, сильно отсрочила окончание письма. Я совсем не могу писать, если на душе неспокойно. Но теперь все вошло более или менее в норму и, хоть с запозданием, мое длинное послание до тебя доберется.

Лето идет к концу. Скоро уже привезу с дачи Милю с Алтаем. Все лето просидел в Урге, в жаре и пыли. К Миле ездил не часто – дела не пускали. Как прожила лето ты? А.Я.¹⁸¹⁾ писал Миле о том, что к тебе приезжал Алексей с товарищами, и они много малевали¹⁸²⁾. Что делает Аля? Мне почему-то всегда кажется, что ей живется нелегко. И я уже давно ничего не слышал о ней.

Все это время Алик был здоров и весел. Не знаю, как будет в Урге. Здесь с весны не прекращается скарлатина, и вообще в смысле санитарии городок так себе. Особенно летом. Правда, мы живем в стороне от центра, его пыли, грязи и грохота автомобилей, которых здесь много. Я так рад за Альку и Милю, что они хорошо отдохнули за лето. Оба выглядят прекрасно. Я чувствую себя пока тоже хорошо.

Теперь буду писать регулярно. Летом уж очень много было всякой возни.

Вкладываю в конверт фотографии. <...>. Одновременно посылаю Милино письмо тебе. Журналов с моими статьями накопилось уже 4. Все ждут отправки к тебе – вышлю с этой же почтой.

А увидеться очень и очень хочется... И трудно. Когда у тебя кончается срок для пенсии? Потому что самое простое – пожить тебе здесь, у нас.

Крепко целую тебя, дорогая мамочка, прости ты своего беспутного первенца за молчание. Исправлюсь обязательно.

Твой Андрей

P.S. Нажми на Алексея, чтобы написал.

IV 24 М.А.Симукова – Н.Я Симуковой. 10 августа 1929.

10/VIII/29 г.

Сучжи

<в Сигеевку>

Очень давно писала я Вам,

да и всем тоже, дорогая Наталья Яковлевна.

<...>. Я, должно быть, не так крепка, как Андрей, и меня, в особенности теперь, часто тяготит отсутствие близких родных людей. <...> Так хочется, чтобы кто-нибудь еще кроме нас двоих порадовался бы на нашего маленького человечка. Думаю, что и Андрею этого все-таки хочется, часто мечтаем о бабушках.

Живу я с сыном сейчас на даче, верстах в 70 от Урги, у наших знакомых Бадмажаповых. Альке здесь очень хорошо – лес, луг, горы. Он загорел, выглядит очень хорошо и носится целый день по лугу вокруг юрты, в которой мы живем. Часто хожу с ним за ручку в лес, ему такие прогулки нравятся, рвет цветы, нюхает и мне дает понюхать, зазевывается на птичек, слушает, как лес шумит, причем презабавно поднимает носик кверху – старается рассмотреть, что шумит.

Недавно ездили целой оравой на весь день в лес по ягоды, брала и Алтусика с собой. Как он был доволен поездкой, просто передать нельзя. Гулял по лесу, спал, раскладывал костер, «варил» нам обед, карабкался со мной на скалу и оттуда торжественно созерцал море гор под ногами. <...>. Занят он необычайно. Нужно кур погонять, цыплят покормить, с собакой поиграть, осликову тележку покатать, в ручье поболтаться, к лошадям сбегать... Любит всякую живность, а лошадей даже черезчур. Катаю его иногда в своем седле, когда сама собираюсь кататься. Это удовольствие здесь легко доступно, седло у меня собственное, а лошади Бадмажаповых. <...>. Ведет он себя сейчас совсем иначе, чем зимой. Тогда он был мал, и не было компании – копошился себе потихоньку и подолгу. Сейчас компания обширная и шумливая, он мало уделяет внимания своей сверстнице – Джаме Бадмажаповой, старается поспеть везде, где возьется и играют старшие ребята, борется с ними, играет в прятки, в лошадки, в футбол. Думаю о зиме, когда он снова должен будет обходиться без общества, что мне с ним тогда делать? <...>.

Андрей сказал, что теперь у него появляется все больший интерес к сыну, пропорционально его возрасту, и на сердце мое пролился бальзам. Я ведь очень подозрительно смотрела на отношение Андрея к Алюшке, когда тот был крошкой. <...>. Если Андрей, по-моему, проявлял мало интереса к нему, мало писал о нем в письме из экспедиции, мало любовался им, когда был дома (хотя подумать – не может ведь мужчина висеть, как мать, целый день над кроватью) – я уже огорчена.

<...>. Теперь сын подрос, мама поумнела и папа научился выражать свои отцовские чувства. (Раньше он предпочитал молча и в отдалении любить его). Все пришло в порядок, и для меня нет лучших слов, когда Андрей напишет из Урги, что соскучился по Алеку.

23/VIII Продолжаю письмо нескоро. Живем по-прежнему на даче. Вчера ходили в лес, а сегодня проснулись и вместо летнего увидели зимний ландшафт, за ночь снег взял, да и выпал по колено. Алтуська никак не мог сообразить, почему вместо зелени кругом бело. <...>. Здесь такие случаи и в середине лета не редкость, да, вообще, климат здесь игривый – днем жара, а ночью холод. Все лето так. <...>.

25/VIII Письмо мое, кажется, уедет сегодня. Снег наш растаял, опять жара, и опять ходим по-летнему. Внук Ваш бегаёт и тянет бесконечную степную песню – схватил откуда-то монгольский мотив. Всяк поёт родные песни, а Алькина родина – Монголия. <...>.

Жду от Вас письма. Приезжали ли Леша с Алей к Вам летом? Как живет Аля, служит ли где? Пишите мне «обо всем и помногу».

Целуем Вас я и Алька, желаем быть здоровой и не грустить в Сигеевке. Мечтаем о том, как бы погостить «у бабушки в деревне».

Ваши Миля и внучек.

P.S. Очень просим Вас прислать внуку фотографию.

IV 25 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1930.

8/1/30 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая Наталья Яковлевна, а также милая бабуся!

Каждый вечер собираюсь писать Вам и каждый вечер не могу – устаю очень в своем «рассаднике цветов» (детский сад). Занята я там до 5 часов, прихожу домой и сразу берусь за Алека. Я поступила в открывшийся здесь детский сад, работаю в нем три месяца, причем Андрей ежедневно пилит меня, чтобы я бросила эту работу. Плата 100 рублей, а занята бываю часто совсем до вечера.

Дитя мое растёт, тянется все вверх. Забавен сверх меры. Вид у него очень самостоятельный и независимый, походка мужская – крупные, увесистые шаги, мордашка кругленькая, розовенькая и очень веселая. Часто танцует с папой и *solo* танец диких с большим усердием (когда они пляшут вдвоем, я просто валюсь от смеха). Марширует по комнате с красным флагом и считает «раз-два», кричит «ура!», занимается гимнастикой, играет с кубиками. <...>. Хозяйничает, когда мы заезаемся, на папином столе, часто пальчики у него бывают в чернилах – все пишет бабушке письмо, приговаривает при этом: «баба, Аля, мама». <...>. Все стены и пол исписаны карандашом, и когда я начинаю речь об этом, берет тряпку и старается все стереть. <...>.

Говорит еще мало, но уже старается и любит повторять сказанное взрослыми. Бывают преуморительные сцены, Недавно, например, приходит монгол, говорит ему: «Сайнуу» (приветствие) и кланяется, Алька в точности проделал и повторил перед ним все виденное и слышанное. Это было очень смешно – крохотная фигурка скорчилась в низком поклоне перед очень высоким азиатом. <...>. Часто он поет, причем мотивы его, несмотря на мои старания, нисколько не походят на наши родные песни. Летом на даче научился тянуть бесконечную монгольскую степную песню и часто заводит её.

Понимает он уже настолько, что может выполнять несложные поручения, прибирает за собой игрушки, знает место некоторых вещей. Знает животных, которых видит постоянно: верблюд, осел, лошадь и т.д. Словом «понимает немного жизнь», как говорит С.А.Кондратьев. <...>.

Живем мы, по-прежнему, в Учкоме в нашем старом жилище, столуемся отдельно от Кондратьевых, так удобнее для Алюшки, да и прислуга есть. Дела финансовые до сего времени были у нас в весьма плачевном состоянии – масса долгов, накопившихся с рождения сына, с моего нездоровья после родов, с наших с ним поездок на дачу. Теперь с долгами расплатились, и у Андрея начинают появляться всякие домовитые наклонности, тяготение к комфорту и уюту. Одна комната у нас вдруг затянулась линолеумом, супруг мой стал взыскательнее насчет стола, любит приобретать всякие хорошие вещи и т.д., и т.п. Сбылось предсказание Ольги Яковлевны! <...>. Она говорила нам когда-то в Москве, что все это равнодушие к внешнему у Андрея кажущееся, что стоит ему мало-мало обзавестись домом, как «все займет свое место». Я, по мере сил, стараюсь удовлетворить эту новую потребность Андрея. <...>.

Опишу Вам, если хотите, внутренность нашего жилья – масса шкур! Шкуры везде: на полу, на стульях, на стене, и Андрею все еще мало. Скажите Леше, что если он к нам приедет (а мы этого очень хотим), то будет спать на шкуре барса, а укрываться одеялом из <шкуры> *antilope gutturosa*, по-монгольски «цаган дзере». Вот!

Моя жизнь сейчас, по-моему, бедна впечатлениями. Заботы о сынуле, об улучшении финансовых дел, хозяйство, детский сад. Конечно, трудно было бы вынести это, не будь у меня Алека, а к чему мне много впечатлений, если эта маленькая мартышка так скрашивает жизнь.

Грустно бывает только весной, когда в Учком наезжает народ из Академии¹⁸³⁾ - все собираются в экспедиции, а меня спешно спроваживают на дачу. Поехать еще хоть раз очень хочется. Много прелести в поездках (даже таких, где не встретишь Свен Гедина).

Крепко целуем Вас, милая бабушка, оба – я и сын. Пишите нам,

пожалуйста. Так приятно получать от родных письма.

Ваша Миля.

IV 26 Нацагдордж¹⁸⁴ (1929–1930).

Запись рассказа М.А.Симуковой. 27 декабря 1989.

В Уланбаторе мы жили в небольшом домике во дворе Учкома – большом дворе, огороженном забором. Через дорогу – таможня, потом спуск к Толе – галечная россыпь. Внутри двора 2 больших одноэтажных дома смотрели окнами на Богдо улу, это и был Учком. В одном из домов кабинет географии. Неподалеку домик Кондратьевых

Вход в наш дом со двора на кухню. Оттуда налево – две наших комнаты, направо – одна, там всегда кто-то еще жил, помню Гомбо¹⁸⁵ – студента из группы монголов, которые учились за границей.

Однажды вечером слышу тихое царпанье в дверь. Наш Алик был еще маленький, и гость, видимо, не хотел будить ребенка. Андрей открыл и сказал мне, что пойдет погулять с Нацагдорджем. Гуляли долго. Это было частенько. Нацаг приходил к Андрею, и они тихо бродили по пустынному учкомскому двору в темноте. Однажды я спросила Андрея, почему так долго? Он ответил: «Если бы ты знала, какой это тонкий лирический поэт! Он читает мне свои стихи. Нацаг будет большим поэтом!» Таких слов я ни от кого из наших знакомых тогда не слышала.

Жил Нацаг в юрте во дворе Ученого Комитета, позднее с женой Ниной Николаевной¹⁸⁶, а потом и с дочерью Ананда Шри¹⁸⁷. Работал он тогда в Учкоме. Он был очень скромным и деликатным. Нацаг бывал у нас несколько раз. С Андреем они общались тихо и влюбленно.

IV 27 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 июля 1930.

30/VII/30 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая бабушка!

Пишем Вам письмо вдвоем – я пишу, а Алька кувырывается на моей кровати. Сегодня нашла под его кроватькой в башмачке змею и поэтому положила его спать с собой, а он и рад случаю побезобразничать.

Живем с ним на даче недалеко от Урги. Кругом природа, что называется – коровы, куры, ребята, лошади и всякая прочая тварь блаженствует. Плохо только то, что город близко. Урга летом – очаг всяких болезней, вплоть до чумы.

Алешка уже похворал изрядно. <...>. Теперь поправился, хотя еще на диете. <...>. Сейчас он становится очень интересным для меня, раньше было к нему просто чувство нежности, а сейчас появляются какие-то новые стороны и формы материнской любви. Интересно следить за тем, как пробуждается в нем человечек. <...>. Часто мы с ним, сидя за столом, занимаемся каждый своим делом, я читаю, а он что-нибудь режет ножницами. Вдруг ловишь на себе внимательные глазенки и видишь перед собой свою же позу, только комично исполненную. Мне приходится очень за собой следить, так как он все повторяет. Часто он меня ласкает теперь и приговаривает «бедненькая, бедненькая». Это позаимствовано из моего с ним, за время болезни, обращения.

Мы с Андреем часто гадаем, сколько Вам еще осталось до пенсии. Если мы с ним не скоро попадем к Вам, то хотелось бы Вас видеть здесь. Как идут дела Вашей сельскохозяйственной артели? Симучатам¹⁸⁸⁾, наверное, очень кстати бывают дары этой артели. У нас здесь никаких стеснений с продуктами нет, есть все, чему позволяют здесь быть географические условия. Нет, например, свежих фруктов, мало овощей. Интересует это меня только ради Алека. Хотелось бы мне посмотреть на «сады в цвету», как Вы писали мне весной.

Теперь о нашей жизни. Андрей недели три тому назад уехал в Гоби, должен вернуться на днях. Его здесь заждались, так как наехали академические экспедиции, много вопросов и дел у всех, которые надо разрешить и устроить. Кроме того ему еще надо ехать куда-то на запад месяца на 2–3. Последнее время работы у него тьма, так как Кондратьев в Ленинграде, и Андрей отдувается за двоих. А работа все разрастается. Я ему часто советую взять меня в секретарши (секретарь Анатоля Франса¹⁸⁹⁾) и нанять швейцара, чтобы устанавливать очередь машин, приезжающих по всяким разнообразным делам и поводам, у нашего скромного домика.

Часто бывает так, что некоторые сведения можно добыть только у него или Кондратьева. Андрей хорошо знает юг Моголии, т.е. всю Гоби, Кондратьев же – запад. Это практически, а теоретические знания у них тоже солидны. Кроме того Андрей знает язык и письмо монгол.

<...>. Предлагали мне заведывать монгольским <детским> садиком. Но убоялась величины ответственности, и опять-таки, в здешних условиях ребенка не на кого оставить. Бросила теперь нанимать прислуг, хозяйствую одна и сама ухаживаю за сыном. <...>. Раньше утешалась тем, что могла следить за Андреевой работой, кой-где помогать, быть в курсе его работ, а теперь так много работ у него, что и он не пытается меня втянуть в них, да и невозможно это. <...>.

Целуем Вас оба крепко-крепко. Андрей напишет Вам, может быть, из

экспедиции.

Ваши Алек и Миля.

IV 28 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 11 января 1931.

11/1/31 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая бабушка - Наталья Яковлевна!

<...>. Как Вы живете? Наверное опять одна в Сигеевке? Как Леша с Алей? От них давно ничего нет.

Мы с сыном собираемся весной в СССР. Напишите нам, пожалуйста, как там живет. Меня это интересует только из-за Алека, хочется знать, как у вас обстоят дела с питанием. Сами мы судить об этом совершенно не можем, а иметь представление при сборах хочется. <...>. Лето мы думаем провести около бабушек, а на зиму – видно будет. Может быть, Андрею удастся уехать тоже.

Сын наш совсем вырос – острижен, как большой и умеет свистеть. Ужасно забавно – копошится этакая крохотная фигурка у игрушек и тихонько пошвыстывает. А то еще лучше – развлекает ночью родителей ариями и уверяет, что это «Хауст» (у нас есть несколько пластинок из «Фауста»), либо Шаляпин.

Жизнь у него проходит сейчас в игре. Играет во все, что видит и слышит. Можете себе представить порядочек в нашей квартире! Другой раз ни пройти и ни пролезть. Тут караван идет, там кони табуном бегают, тут быки идут (тоже караван), а там Алька в маму стреляет и требует, чтобы я «была застрелена».

А маме вечно некогда <...>. Всегда спешу поскорей закончить утренние дела и отправиться гулять. Последние дни не гуляем, у Алека грипп, да и морозы вторую неделю с утра -45–47°С. Правда, здешние морозы легко переносятся, так что гуляем при -36°С.

Алек подрастает, и у них с папой возникает близость. Часто сидят и шушукаются о чем-нибудь, либо играют. Иногда, прибежав откуда-нибудь, застаю умильную картину – сидят оба за письменным столом и каждый занят своим делом – папа работает, а на другом конце еле видна из-за стола страшно серьезная головка, пишет «письмо бабушке» или «читает». С чтением вот у нас плохо – ни одной детской книжки. Алек «читает» наши! Я выписала, да что-то нет еще. Кроме того должны прислать экспедишники из Академии. Скоро, наверное, будут.

Вот так и живем. Папа работает во все лопатки, мама хозяйничает и сына воспитывает. Бросила думать пока о службе – жалко оставлять крошку на

произвол чужих и, главное, недобросовестных людей. Мал еще он очень – не постоит за себя. <...>. Плохо то, что я безвыходно сижу дома, т.к. Андрей занят по уши, и «выходных дней» у меня нет. Все это скрашивается радостями, которые доставляет сын. <...>.

Целуем Вас оба крепко, напишите нам, пожалуйста, обо всем подробно. Андрей Вам пишет отдельно.

Ваши Алек и Миля.

IV 29 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 15 января 1931.

15/1/31 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая мамочка!

Очень и очень давно не писал я тебе и почти так же давно не получал писем от тебя. Ни малейшего представления о твоей жизни! Знаю лишь, что ты в колхозе, а как и что – неизвестно. В ответ на это письмо постарайся все это изобразить.

Мое время бежит сейчас с бешеной быстротой. О медленных созерцательных темпах 1923 и 3–4 последующих годов нет и помина. Как почти единственный (за отъездом Кондратьева) краевед, я целиком втянулся в вопросы экономики, хозяйства и строительства, имеющие здесь почти ту же актуальность, что и у нас в СССР. Работаю я все время в Ученом Комитете, находящемся в стадии расширения, и сейчас заведу кабинетом общей географии, временно – метеорологической сетью, фототекой и инструктирую кабинет картографии. Таким образом я фактически являюсь заведующим Отделения Географии при Ученом Комитете МНР. После такого перечисления кинематографичность моего существования станет тебе вполне понятной. Помимо этого я принимаю участие в профработе, занимаюсь в кружке исторического материализма, иногда читаю лекции, пишу географию Монголии. Начал было заниматься английским, но через месяц не под силу стало – бросил. Прозвище мое здесь – «живая монгольская энциклопедия». Основной мой оклад теперь 250 руб., да еще иногда кое-что прирабатываю, так что выходит не менее, а иногда и более 300 в месяц. Но жизнь здесь за последние года 2–3 вздорожала, и, как водится, денег не видно. Тем более, что Миля окончательно разочаровалась в домработницах и, отказавшись от службы, взялась за хозяйство сама. Таким образом разделение труда у нас обычное: муж добывает средства к существованию, а жена устраивает дом и воспитывает сына. Кстати, сын этот служит нескончаемым источником радостей. Возраст самый интересный – в апреле ему будет три («тли года»). Парнишка веселый, в меру послушный, в меру развитой, словом – все как

полагается. И хорошенький к тому же. Но о нем подробно пишет Миля. <...>.

Теперь немного о ближайшем будущем. Мы с Милей очень определенно думаем о путешествии половины (по весу) семьи к пенатам (т.е. мать + сын). Срок отъезда – весна, с первым теплом. Намечаются продолжительные визиты обеим бабушкам, словом лето и осень желательно было бы провести в родных краях. А что делать осенью – будет видно. Весьма возможно, что я тоже поеду в СССР для учебы, «повышать квалификацию», т.е. подводить теоретический фундамент под восьмилетнюю практику.

Все эти планы требуют некоторых сведений о положении у вас, в частности о твоём положении. Возможно ли все это? Сколько монеты потребуется ежемесячно для беспечального существования в наших краях двух «знатных иностранцев», одного из которых зовут «Алтай Симуков тли года» (по его личному заявлению)? Возможно ли в течение некоторого времени пребывание оных иностранцев под крылом бабушки Наташи? Расчет монеты надо делать без отчислений на одежду. Я без особых трудов могу давать 150–200 руб. Стоимость дороги мы примерно знаем. Что нужно из еды для Алика – знаешь ты. Напиши обо всем этом возможно скорее, чтобы мы знали о положении заранее.

Лето у меня прошло под знаком непрерывного разгона. 4 поездки, давшие в общей сложности свыше 6000 км пути¹⁹⁰. В промежутках суетня по учкомским делам, урывками на дачу.

На это лето я купил себе юрту и поставил её в 6 верстах от города, под горами за рекой, в небольшой роще тополей. Кругом жило еще несколько семейств. Выбор был довольно удачен: солнце, воздух, немного зелени, вода. Лес – в 2–3-х км. Плохо лишь, что лето было исключительно дождливое. Река вздулась и очень мешала сообщению. Для того, чтобы подойти к мосту, надо было до, извините, «пуна» залезать в холодную воду горной реки и брести, борясь с быстрым течением. Эдак продолжалось около двух месяцев. Я в это время ездил по пустыне и не видел ни капли дождя.

В своей работе я перехожу сейчас от чистой географии на таковую с хозяйственно-экономическим уклоном. Интересуюсь кормами, пастбищами, кочевками и т.д. Все время приходится сталкиваться с работниками различных ведомств, заинтересованных этими вопросами. Эта кинематографическая жизнь довольно быстро выматывает, и обычно бывает такая картина: в экспедицию едет сухарь, возвращается же эдакая добротная, широколицая фигура. В Уланбаторе добротность быстро опадает, и к экспедиционному сезону снова налицо сухарь. Так как экспедиции бывают каждый год, то такая смена, в общем, организму не вредит.

Миллю часто несколько тяготит сиденье дома и хозяйничанье. Понятно, что

соединение *Kinder – Küche*¹⁹¹⁾ не является идеалом её существования. Но специфические уланбаторские условия не позволяют устроиться так, чтобы *Küche* не касалось бы Мили. Ряд попыток не увенчался успехом. Причины – невозможность найти хорошую домработницу и боязнь отдать парня в детский сад, вследствие частых эпидемий скарлатины и т.п.

Так складывается наша жизнь. «В гостях» не бываем, вообще вылазим только врозь и только по делам.

Купил я себе хорошее ружье (охотничью винтовку). Обошлось оно мне с патронами и т.д. в 275 руб. Сегодня уезжаю дней на 10 в тайгу ставить на горячих источниках (будущий курорт) метеорологическую станцию. Воспользовавшись этим случаем отдохну несколько дней, занявшись охотой. Буду ходить за оленем (изюбрем, маралом), лосем, козулей, кабаном. Хочется найти берлогу и взять медведя. В том районе их много.

А после поездки – опять кинематографическая спешка, беготня, необходимость думать одновременно о десятках вопросов и т.д. Словом, обычная зимняя обстановка.

На днях с неделю продержались морозы по 40°С и ниже, но сейчас отлегло.

Уже давно я не имею ни малейшего представления о жизни Леша и Али. Особенно о последней. Как они живут, чем живут, о чем думают? Леше я скоро пошлю письмо. А в общем пора уже свидеться, восстановить связь, потолковать. Чертовски много воды утекло! С 26/IX пошел восьмой год моего пребывания в Монголии.

Крепко целую тебя, мамочка. Пиши, береги себя и поджидай нас.

Твой Андрей.

IV 30 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 февраля 1931.

27/II/31 г.

Уланбатор

<в Сигеевку>

Дорогая бабушка Наталья Яковлевна!

Письмо мое должно быть радужным, как всегда у выздоравливающих, дело в том, что у Альки кончается ангина. <...>.

Алек, как поправится совсем, пойдет первый раз в детский сад. Садик хороший, я там все разузнала, рассмотрела, подала заявление, и его приняли. <...>.

Разговоров о садике у нас с ним очень много. Интересно, каков будет первый выход? <...>. Пока все плохое прекращается при упоминании о детском садике, там, мол, так делать не полагается, приучайся дома, он охотно слушает и выполняет все, что нужно. <...>.

Алька теперь подросток. <...>. Сын сыном, а Андрею помочь и хочется, и

нужно.

Андрей уже давно вернулся из своей поездки на Ирбó, о которой писал Вам, побродил по тайге, отдохнул, поохотился – до сих пор едим кабанину.

Получили от Али большое и обстоятельное письмо. Андрей ахнул – восемь больших страниц! Он очень доволен, радуется, что Аля вышла замуж. <...>.

Весной, т.е. в мае, думаем отправиться к бабушкам под крылышко. <...>. Сейчас сижу и думаю, с чего начать сборы. Во-первых, многое нужно сделать, а во-вторых дорого все, и монеты мало. О наших планах на будущее говорить не буду – все видно будет осенью. Если Андрей поедет, то... и.т.д. <...>.

При сборах всплывают старые воспоминания и картины, вспоминаем вдруг, что для весны там необходимы сапоги – грязь, а здесь весну ходим в туфлях, этой зимой снег выпал только один раз в начале, да уж давно испарился, так что сухо. Да здесь вообще-то грязи не может быть, сушь и почва не та, что у нас. Очень много говорим обо всем и о всех, кого хочется поскорей увидеть.

Состояние поэтому какое-то растрепанное, по крайней мере у меня. Целуем Вас все крепко, крепко, а Алька больше всех. Ждем письма.

Ваши Миля и Алтай.

<почерком А.Д.>: и Андрей.

IV 31 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой¹⁹²⁾. 19 января 1932.

19 января 1932 года

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Совершенно не помню, когда писал тебе последний раз. Но теперь это теряет остроту, так как (не падай в обморок!) я собираюсь в самом ближайшем времени заявиться в Москву. Думаю, что нам удастся выбраться из Монголии уже в конце февраля. Принципиально этот вопрос уже решен, нащупана почва в Москве и Ленинграде. Хочу приехать, осмотреться и устроиться более или менее прочно. На лето, может быть, вернусь сюда, в Монголию. Сейчас все мысли об отъезде. Готовимся, каждый по своей линии. Миля – по хозяйству, я – подгоняю работы, по службе и для монеты. Хозяйство свое ликвидируем. Сокращаем багаж до необходимого (исключительно одежда). Да впрочем, все подробности при свидании. По приезде съезжу в Ленинград, в Академию. Дел всяких будет очень много.

Очень трудно, как я себе представляю, с квартирой. Мы здесь ищем все

ходы. Но на всякий случай очень прошу и тебя позондировать почву в этом отношении <...>. Кроме того мы оба просим не отказать в крове на самое первое время. Вот и все.

Скоро увидимся.

Твой Андрей.

Поцелуй от нас обоих тетю Олю.

<Миля пишет:>

Дорогая Наталья Яковлевна,

Все, что пишет Андрей, к моему удивлению, верно. Мы ведь уж давно собираемся ехать, еще с Алеком строили всякие проекты на этот счет. <...>. Хочется увидеть близких, переменить обстановку, может быть, поучиться еще успею. Словом, пришло съездить «домой». У меня уж все мысли уехали, можно сказать, заканчиваю всякие хлопоты по хозяйству, надеюсь немного помочь Андрею в его сборах и работах.

Не пеняйте на краткое и нескладное письмо, я не помню, писала ли Вам после смерти Алека¹⁹³). Очень часто хотелось написать многое, но каждый раз махала рукой – все равно не поможет. Вот приеду, все расскажу.

Привет Ольге Яковлевне, а также Симучатам.

Всего хорошего. Теперь – до свидания.

Ваша Миля.

IV 32 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 мая 1932.

3 мая 1932 года

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

приходится приносить повинную – опять отложили приезд, как будто до осени. Никто нам теперь не поверит, если даже и телеграмму с дороги пришлем. Андрей задержался до весны со всякими работами, требующими окончания, а весной Учком предложил ему остаться на летний сезон – куда, мол, ты поедешь на лето глядя, уж оставайся до осени – мы и остались, исключая огорчение по поводу откладывающегося свидания с родными, с некоторой радостью даже, так как лето по приезде прошло бы довольно бестолково.

«Круги», в которых пришлось бы работать Андрею, все, конечно, <летом> разведутся и разбредутся кто куда. <Мы> поедем в этом году, кажется, вместе с академической экспедицией, с каким отрядом и куда – видно будет.

К Вам в Москве наверное зайдет, если не потеряет адреса, ученый секретарь Учкома Михаил Израилевич Тубянский¹⁹⁴), расскажет подробнее наши планы на будущее и возможности. Он едет по всяким учкомским делам

на месяц-полтора. Необыкновенно приятный и милый человек, работать с ним сплошное удовольствие. Сейчас я не работаю, так как оставила работу в Учкоме для того, чтобы привести в порядок хозяйственные дела перед отъездом. Предлагали опять приняться за «делопутание»¹⁹⁵⁾, да неинтересно уж очень. Работаю понемногу дома, беру работу здесь же¹⁹⁶⁾, помогаю Андрею и иногда, в припадке хозяйственности, начинаю усиленно его кормить. Ну, только не в коня корм – во-первых, лопают все, что дают, не ценя тонкости произведений (для этого я приглашаю Тубянского), а во-вторых воротнички по-прежнему свободны. <...>. Сейчас он сидит над подробной картой Монголии, которая будет печататься. Думаю, что Вашему сердцу будет приятно, когда взглянете на подпись автора. <...>. Посмотрите также дневники Андрея – большие и интересные, он ухитрялся вести их в походных условиях чернилами и аккуратным, четким почерком <...>.

Недавно Андрею исполнилось 30 лет¹⁹⁷⁾, день этот он отметил тем, что провалялся с утра до вечера, обозревая прошлое и подводя итоги. Сейчас ходит и похвастается тем, что, как говорил наш Фучин, «сталик стал». <...>.

У нас как раз все большие дни весной. Прошел день смерти сыночка и день его же рождения¹⁹⁸⁾. Стараюсь как можно меньше думать о нем, и самой же обидно и плохо от этого. Говорить мы о нем никогда не говорим, если поймаю себя на думах о нем – тоже старательно сворачиваю на другое. Изгнан окончательно мальчик из жизни. И все равно ничем и никогда не поможешь так больно раненому сердцу. Это ведь был мой первый ребенок, и к тому же сыночек. Мы много с ним говорили, подолгу оставаясь вдвоем.

Ну, раз уж начала о нем, больше ни о чем не говорится. <...>. Пишите мне, пожалуйста. Привет тете Оле и Але с Лешей.

Ваша Миля.

IV 33 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 декабря 1932.

8/XII/32 г.

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна, приехали мы из экспедиции¹⁹⁹⁾ уж с месяц. Копаемся дома с отчетом, с камнями²⁰⁰⁾, фото и т.д. Письма как-то не пишутся в чайнии близкого отъезда. Собираюсь в скором будущем ехать одна, Андрей немного задержится с отчетной работой.

Экспедиция этого года прошла прекрасно. Много материала, много ездили, много видели.

Открытку Вашу из Гагр²⁰¹⁾ получили будучи в Гоби. Очень устыдились тому, что послав деньги не удосужились написать. Деньги эти – Вам, и если Вы их не истратили, так поспешите это сделать сейчас. <...>. Посылаю в Ваш

адрес письмо Леше²⁰²), Вы как-нибудь перешлите ему. Как живет Аля? <...>.

Простите за коротенькое письмо. Сегодня у меня хандра и не пишется.
Привет Ольге Яковлевне. Всего доброго.

Ваша М.Симукова.

IV 34 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 30 декабря 1932.

30/XII/32 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

сiju в одиночестве, храбрюсь и утешаюсь письмами. Андрей сбежал – уехал на две недели в худон (в переводе, приблизительно, провинция). Последние дни смешно было смотреть, как он, учуяв поездку, носился и, несмотря на старания свыше удержать его в Уланбаторе, все-таки ухитрился уехать.

Сегодняшний вечер посвятила подведению итогов прошлого. Завтра мой день рождения²⁰³, мне исполнится 29 лет. Итоги грустные.

Думаю отбойриться от встреч Нового года и посидеть тихонечко дома. Надоела толча и веселье по обязанности в так называемых гостях. Андрей в этом смысле моложе меня. Он работает как следует и веселится – тоже. Раньше мне, должно быть, потому жилось весело, что жива была моя радость – сыночек. Мы с ним провели когда-то два зимних глухих месяца вдвоем, и нам не было ни скучно, ни страшно.

Сейчас собираюсь в Москву, и без Алека очень не хочется ехать. Отъезд мой намечается в начале февраля (успеть бы закончить «хвосты»). Перспективы на квартиру, как будто, имеются. Там у нас есть знакомая – врач глазник, работавшая в Монголии. Она мне писала, что они должны получить квартиру во вновь отстроившемся доме этой зимой. Предлагает, уж не знаю, на каких условиях, мне комнату у себя. <...>. Человек она простой и хороший, знала и любила Алюшку, восхищалась моим умением «вести» ребенка. Алек, по ее словам был настоящий маленький мужчина и джентльмен. В первом я сомневаюсь, а второе подтверждаю. Его всегда лупили девчонки, он им не решался дать сдачи «потому что она девочка и ей будет больно». Как я ликовала внутренне, когда мне одна мамаша с вытянутой физиономией доложила, что Алик отгузил ее дочку. Я просияла, а собеседница обиделась. Это была первая попытка к самозащите. Я тогда вспомнила Ваши сетования на то, что в Андрее много тряпичности (извините, мягкости). Как обидно, что все так нелепо кончилось. Иногда распускаюсь (как сейчас вот) и начинаю думать и вспоминать. Глупо!

Теперь о настоящем. Мы вчера перевели на Торгсин²⁰⁴ 15 <американских> долларов моей сестре Шуре²⁰⁵ на Ваш адрес, т.к. до востребования не

приняли. Во-первых, пусть она купит Вам что-либо из продуктов, затем посоветуйте ей, что послать моим родителям. Боюсь, что она по младости накупит ерунды. Переводы теперь очень ограничены. Бóльшого Андрей не мог добиться. <...>.

Не сердитесь на Андрея за то, что он не пишет. Зная, как Вы относитесь к нему, он хочет писать Вам только «настоящие» письма. К вечеру же голова колесом, мысли вразброд, да и работает он ночами много, несмотря на мои протесты. <...>.

Пишите нам, пожалуйста, от Вас давно уже ничего не было. Здоровы ли Вы?

Привет Ольге Яковлевне, Але и Леше. Всего доброго.

Ваша М.Симукова.

Посылаю три фотографии из экспедиции этого года. Аппарат и работа мои. М.С.

IV 35 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 17 февраля 1933.

17/II/33 г.

Уланбатор, Монголия

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Очерь и очень долго не писал тебе. Каюсь и смиренно склоняю голову. *Mea culpa, tea culpa!*²⁰⁶⁾ Вчера получили твое письмо и уже успели перечитать его десять раз. Судя по твоему продвижению по службе²⁰⁷⁾ ты попадешь в академики много раньше меня! Тогда уж не забудь, пожалуйста, что у тебя есть один бедный сын, хоть он, свинья, и не пишет писем, и не откажи ему в маленькой протекции...

О паспортной системе и прочем²⁰⁸⁾ мы знаем по газетам. О жизни вообще и московской в частности – тоже по газетам и отрывочным и весьма разнообразным рассказам приезжающих – рассказы эти действительно «разнообразны»²⁰⁹⁾. У каждого личный, узкий подход.

Твои «дети» (ты сама поставила в своем письме это слово в кавычки) повергают нас с Милей в изумление. Мы начинаем уже подумывать о своей старомодности, отсталости и ставим вопрос: не пойти ли в ногу с молодым поколением и не развестись ли и нам? Затем, по обсуждению, решаем, что не стоит – слишком много излишней возни. Привыкать к новому человеку, узнавать его привычки, приспосабливаться обоюдно... *Fi done!*²¹⁰⁾ Скучно... И без того дела много. Уж как-нибудь доплетемся до конца в прежнем составе.

Но в сторону шутки. Сердечно поздравляю обоих, предполагая удачный выбор. За Любовью²¹¹⁾ буду ухаживать на правах эдакого старого дядюшки индийской службы из старых английских рассказов, а с Анатолием

Петровичем²¹²⁾ у нас будут разговоры об очередных кознях японских империалистов и о перспективах китайской революции. Человек я, как ты знаешь хоть и крупный, но спокойный, а потому его «дробное» телосложение помехой нам в спорах не будет.

Теперь немного о себе или, вернее, о нас. Живем в материальном отношении хорошо. Сыты, одеты, обуты, в тепле и с электрическим освещением.

Приезжающих москвичей убивает отсутствие в Уланбаторе теплых уборных, но мы привыкли и, наоборот, любим созерцать ночное морозное небо с мириадами звезд *et cetera*²¹³⁾.

Получаю я сейчас 300 руб., есть случайный приработок. Денег более или менее хватает Обзаводимся одежкой. Я начал даже форсить – ходить почти ежедневно в тройке, в новых ботинках, и уже не прочь походить по магазинам (их всего-то два основных).

Миля возится с фото по экспедиции²¹⁴⁾, недавно закончила геологический отчет – она вела заметки по геологии по маршруту. Ведет хозяйство, готовится к отъезду в СССР. Я тоже усердно думаю об отъезде и не хочу дожидаться десятилетнего юбилея своего пребывания в Монголии, который будет... в сентябре этого года. Есть некоторые перспективы в этом отношении. В Москву меня зовут на работу, и принципиальное согласие я дал.

Вследствие всего этого я подвожу сейчас итоги своим работам, чтобы уехать с чистой совестью. Учком не хочет терять связи со мной, и, вероятно, и в Москве я буду исподволь продолжать обработку своих материалов. Все это соответствует моим желаниям.

Морально я чувствую себя тоже хорошо. *Feci, quod potui, faciant meliora potentes*.²¹⁵⁾ Сделал, что мог. Сейчас я, пожалуй, единственный человек, прилично знающий географию Монголии, страны в полтора миллиона кв. км площадью.

Это знают, ценят и с этим считаются. Теперь надо шагать дальше. Побывать годика два в Москве, а там снова в Центральную Азию. Долго в городе мне сейчас не высидеть.

Сейчас черчу карты, пишу, готовлюсь к докладам, бегаю по разным учреждениям – дела много. Хорошо знаю, что в Москве дела будет еще больше. Ничего, не боги горшки обжигают!

Сообщи Леше и Але, что наши суражане не забывают Монголии: после Зямки Цитрина и Любы Карасик²¹⁶⁾ сюда приехал Велька Казакевич²¹⁷⁾. Так и запахло милым Суражем, тем более, что публика такого сорта не меняется и всюду возит с собой суражский «дух».

Сегодня пятница, 17-е число, одиннадцать часов вечера. В домике нашем тишина. Тихо и на большом учкомском дворе. В городе лают собаки.

Порошит мелкий снег (его очень мало этой зимой). Холодно. Весны еще не чувствуется, хотя дни стали много длиннее. Против наших окон (все на юг) чернеет лесистый горный хребет. В городе огни. Изредка прогудит авто.

Я сижу за своим рабочим столом, обложенным картами. Миля развесила сушиться очередную порцию отпечатков и сидит рядом, читая «30 дней». Через два-три часа я кончу работать, и мы уляжемся спать. Завтра много дела.

Встаем в 8–9 часов. Обедаем большей частью в столовой, ужинаем дома. Часто бывает народ, но «детских криков» в этом году не устраиваем – потеряли вкус и желание тратить энергию на шум, ужин, танцы и прочее.

Сегодня перевел тебе на Торгсин 15 американских долларов. Этот перевод предназначен целиком тебе, вернее вам с тетей Олей. Адрес: Москва 34, Хрущевский <пер.> 3, Наталии Яковлевне Симуковой.

Теперь еще об одном щекотливом обстоятельстве. Мы с Милей имеем основания предполагать, что месяцев через семь у нас будет дочка или сын. Только это всерьез по секрету. Приданое уже сшито, но нас заботит вопрос о ванне и ведрах, каковые, якобы, в Москве достать трудно. Не сможешь ли ты заблаговременно присмотреть эти вещи и купить их? Надеюсь и в следующем месяце сделать такой же перевод, а потому думаю, что материальная сторона вопроса тебя не затруднит. Теперь более или менее все.

Остались поцелуи, приветы и поклоны.

Крепко целую тебя письменно, надеясь в скором времени совершить это действие «наяву». Поцелуй от меня тетю Олю. Привет и лучшие пожелания Леше, Але и нашим новым родственникам обою полу – Любви Ароновой и Анатолию Ковалеву.

Всем прочим приветы по твоему выбору и усмотрению. Миля в точности повторяет вышеописанную процедуру.

Ответь немедленно, а то письмо может и не застать нас здесь, хоть некоторые и уверяют, что Симуков уедет из Монголии тогда, когда рак свистнет.

Твой блудный сын Андрей.

IV 36 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 апреля 1933.

25/IV/1933

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна, получили за последнее время два Ваших письма с неожиданными и приятными новостями. Мы оба очень рады тому, что Аля увидит и узнает много интересного и нового²¹⁸. <...>. Андрей, хоть и радуется за нее, но сам не любит городов и шума. Говорит, что «в цивилизацию» он не поехал бы.

Ему по-прежнему милы азиатские просторы. <...>.

Живу сейчас опять одна. Муж сбежал. Я уговорила Андрея взять впервые за 7 лет работы отпуск, он послушался и укатил в тайгу к одному знакомому охотнику-медвежатнику. Все обещал мне медвежонка живого привезти. Я просила его позаботиться о своей шкуре, а не о медвежьей – они ведь сейчас злые.

С отъездом (даже стыдно писать) все по-старому, т.е. в Москву не поедем. Андрей летом сделает небольшую поездку, а я скоро отправлюсь на дачу туда, где он сейчас проводит отпуск. <...>.

Андрей был чрезвычайно сконфужен тем, что своим невниманием довел Вас до мысли о том, что «одна бедная старая мать» никому не нужна и одинока. Может быть теперь он будет чаще писать Вам. Говорит он о всех вас с любовью и весьма часто, а писать ленится.

На днях перевела Вам 10 долларов. О получении напишите. Простите за то, что потеряв Шуркин адрес прошлый перевод сделала на Ваше имя. Я не знала, что получение обставлено такими хлопотами. <...>. Из посланного перевода я очень хотела бы уделить нашим старикам что-нибудь. Пожалуйста, пошлите Шуре открытку, и пусть она пошлет посылку старикам, главным образом продукты. <...>

Привет Ольге Яковлевне. Крепко Вас целую. Будьте здоровы.

Ваша М.Симукова.

IV 37 А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 20 сентября 1933.

20/IX/33

Уланбатор

<в Москву>

Fili mi!⁽²¹⁹⁾

Ответ на твое письмо несколько запоздал – считай настоящую цидулку по желанию: ответом или просто письмом. После получения твоего послания, осветившего нам значительный отрезок твоей жизни, прошло много времени.

Главное в нашей жизни за этот период – рождение дочки, которую мы назвали Наташей. Произошло сие событие 2-го сентября, без меня. Я приехал из очередной экспедиции только 7-го. К счастью на этот раз все обошлось благополучно. Ход полагающихся событий был вполне нормальным. Обе, и Миля, и Наташа <...>, чувствуют себя хорошо, предполагая процветать и в будущем. Несмотря на все трудности, связанные с «потомками», искренний совет – последовать нашему примеру.

Теперь о себе и о своей работе. Эта последняя, как и у тебя, занимает значительное место в жизни.

26 сентября этого года исполняется 10 лет моего пребывания в Монголии.

Только теперь я чувствую, что кое-что знаю об этой стране. В связи с этим я поставил себе целью заняться предстоящей зимой исключительно обработкой накопленных материалов, реализацией накопленного опыта. По окончании этой работы мы окончательно и бесповоротно едем в СССР. Обработка начата мною еще весной – я уже сдал в печать Географический Атлас Монголии²²⁰), готовлю к печати большую общую карту страны²²¹) и обработал все картографические материалы (главным образом свои) по Гоби. Предстоит еще одна работа по картографии и пять литературных работ. Их я также намерен подготовить к печати. Мне хочется, чтобы по приезде в СССР на вопрос: «Что вы сделали в Монголии?» у меня было бы «что предъявить». Москва слезам не верит!

Все эти работы, кроме атласа, общей карты и «Географии МНР»²²²), будут иметь специальный характер и отобразят мою работу за последние 3–5 лет.

Характер моей деятельности постепенно меняется. Если в первые годы, связанные с участием в «Тибетской» экспедиции Козлова, на нас падала тень Пржевальского, любившего природу и презиравшего человека, особенно «азиата», то теперь человек и его хозяйство, его быт и экономика занимают весьма большое место в моих исследованиях. Я не смотрю уже на географию, на географический ландшафт, как на нечто самодовлеющее, а рассматриваю его как арену деятельности человека, изыскивая пути наилучшего использования элементов этого ландшафта в хозяйстве страны. Надо оговориться, что человек интересовал меня с самого начала – недаром я сразу же взялся за монгольский язык – но в программе работ первых годов вопросы, связанные с ним, отсутствовали.

Этим летом я был в поле недолго, всего около двух месяцев. Работа была почти стационарной – радиус разъездов не превышал сотни километров. Ездил я в одиночку, верхом, ночуя в юртах и занимаясь исключительно разговорами и расспросами. Район был знакомый по прежним поездкам, следовательно, почти каждый меня знал, много приятелей – работать было легко.

Люблю я монгольский *couleur locale*²²³)! В монгольском халате, шапке, с ножом за поясом, на маленьком шустром коньке носился я от аила (= аула) к аилу, чувствуя себя в каждой юрте, как дома, и за чашкой соленого чая, кумыса или молочной водки в медлительном, пересыпанном шутками разговоре вскрывал суть кочевков, социально-экономические тайны степи, готова заключительную часть трилогии «география – пастбища – хозяйство».

Все это происходило на фоне лесистых гор, зеленых склонов, усыпанных цветами, под неумолчный шум кристально прозрачных горных речек на высоте двух километров над морем.

Хорошо нестись на крепком коне по узкой тропинке над грохочущей

речкой, вдыхая разреженный воздух альпийских высот. Хорошо увидеть знакомое стойбище в лучах вечернего солнца, когда раздастся бляение и мычание возвращающегося стада, над юртами тянется дымок и слышится широкая, как степь, старинная песня. Хорошо чувствовать себя своим в кругу знакомой семьи, когда хозяин интересуется моей жизнью со времени последней встречи, хозяйка хлопочет с угощением, а ребяташки, пристраиваясь на моих коленях, рассматривают блокнот, рисуя в нем карандашом, или шарят по карманам в поисках конфет.

А когда соберутся соседи и, в добавление к кумысу, найдется немного «архи» (молочной водки) – я с большим наслаждением слушаю протяжные, со сложным и нежным мелодическим рисунком песни степи. Слушаю с правом слушать и понимать эту музыку, ибо знаю круг жизни певцов, их интересы, радости и горе. В этом – романтика работы нынешнего года.

Возможно, что в начале октября я снова выеду в поле месяца на полтора, на этот раз в любезную сердцу Гоби. Зиму, особенно вечерами, буду сидеть дома и писать, чертить, прислушиваясь, не беспокойно ли спит маленькое беленькое существо и не пора ли будить Милю для очередной кормежки. Миля, если позволит здоровье, собирается помогать мне в работе – ведь в материалах есть и ее доля.

Продолжаю после некоторого перерыва. Ехать снова в степь мне, по-видимому, не придется. *Ergo*²²⁴⁾ - сразу сажусь за зимнюю работу.

Очень хочется, чтобы к нам приехала бы на несколько месяцев мама. Средства на это дело найдутся – вопрос заключается в получении загранпаспорта. Для ускорения этого дела нам и вам надо использовать все кнопки (разумеется, если мама хочет ехать вообще и может ехать по состоянию здоровья). <...>. Маме я пишу отдельно.

Привет Любе от меня и Мили. Хоть бы карточку прислали! А то весь «семейный альбом» наш пахнет прошлым столетием и вообще НЭПом²²⁵⁾.

*A propos*²²⁶⁾: почему ты не шлешь мне своих печатных произведений? Жду с нетерпением. Все свое буду высылать. А.С.

IV 38 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 сентября 1933.

26/IX/33 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

ответ на Ваше последнее письмо запоздал по самым различным причинам. Самая главная – рождение дочки Наташи. Опять будем писать Вам «дорогая бабушка».

Появилась на свет моя Наташа 2-го сентября <...>. Счастлива я

чрезвычайно. И несмотря на всю радость, все-таки всплакнула уже не раз – нет у нас моего дорогого Алека, чтобы порадоваться на девочку. Он ведь как упрашивал меня подарить ему «настоящую девочку-куколку». <...>.

Андрей очень нежно нюхает (монгольский поцелуй) дочку в голову. Уверяет, что моя половина дочки кричит, а его – молчит и спит (в папу!). Папа он тихий и нежный. <...>. На днях он опять уезжает. Пока у меня есть работница, так что не придется бегать на базар с Наташкой под мышкой, как это я делала с Алеком – иногда запирала его одного, бедный мой сыночек.

Всего хорошего, пишите нам побольше и поскорее, очень приятно получать письма (хорошо бы и фото). Привет Симучатам младшим. <...>.

Андрей напишет отдельно. М.С.

IV 39 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 2 октября 1933.

2/X/33

Уланбатор

/в Москву/

Дорогая мамочка!

Самокритика по поводу долгого молчания стала уже шаблоном в моих письмах тебе. Поэтому в настоящем послании я ее ликвидну.

О нашей самой главной новости и радости тебе уже известно из моей телеграммы. Что же писать о нашей Наташе, о нашей радости и свете? Тебе понятно и без слов мое и Милено состояние, когда наш унылый после большого горя дом оживился вследствие появления в нем маленького розового пупса с носиком-пуговкой. <...>. В ближайшем будущем попытаемся снять Наташу с мамой и прислать бабушкам.

В связи с Наташей и вообще нам обоим очень хочется, чтобы ты приехала бы к нам в Монголию. Что мы можем тебе здесь предложить? Покой, отдых после московской работы и беготни, отсутствие заботы о хлебе насущном и почти дачную жизнь – тишина, свет, воздух. У нас две небольших комнаты и кухня. Места хватит. После первого столь печального опыта с Аликом мы просим тебя помочь нам вырастить Наташу. При отсутствии вокруг близких людей нам вдвоем, особенно принимая во внимание характер моей работы, это дело почти не под силу.

Телеграмму я посылаю одновременно с этим письмом. Не ожидая ответа на нее на всякий случай сообщу некоторые подробности.

1. Загранпаспорт. Получение его в настоящее время - довольно сложная штука. Тут надо использовать все возможные кнопки. Пусть тебе помогут Ковалев²²⁷⁾ и Аля. Я со своей стороны напишу одно или два письма и сообщу тебе, к кому по этим письмам обратиться. Кроме того вышлю удостоверение с места службы, заверенное Консульством.

2. Средства. Получи, если можно, наши старые торгсиновские переводы сов. знаками – там должно быть около 350–400 руб. (150 + 50 ам. долл.). Остальную необходимую сумму я переведу телеграфом.

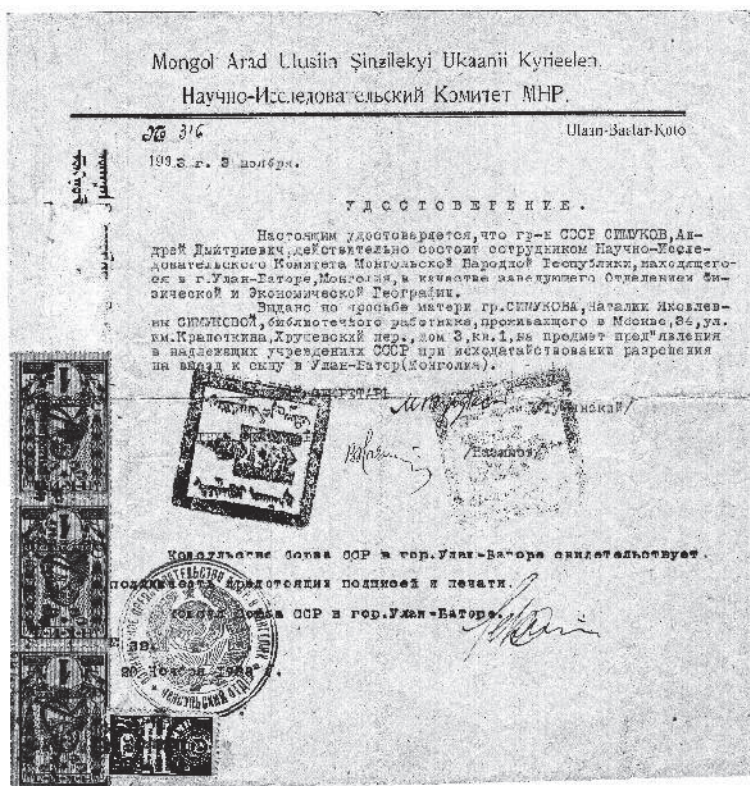
Из Верхнеудинска тебе удобнее всего прилететь в Улан-Батор на самолете – 4 часа вместо 3-х суток скверной дороги на автомобиле.

Если решишь ехать к нам, то начинай наводить справки, доставать необходимые документы и т. д. Будем ждать тебя с нетерпением. Заранее представляю себе радость дня, когда встречу тебя на аэродроме.

Привет и поцелуй тете Оле. Её письмо и фотография доставили нам большую радость. Леше посылаю письмо одновременно с этим. Привет Але и её мужу.

Твой Андрей.

IV 40 Удостоверение. 3 ноября 1933.

Mongol Arad Ulusiin Şinzilekyi Ukaanii Kyrieelen
 Научно-Исследовательский Комитет МНР.

№ 316.

Улаан-Баатар-Кото

1933 г. 3 ноября

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяется, что гр-н СССР СИМУКОВ, Андрей Дмитриевич, действительно состоит сотрудником Научно-Исследовательского Комитета Монгольской Народной Республики, находящегося в г. Улан-Баторе, Монголия, в качестве заведующего Отделением Физической и Экономической Географии.

Выдано по просьбе матери гр. СИМУКОВА, Наталии Яковлевны СИМУКОВОЙ, библиотечного работника, проживающего в Москве, 34, ул. им. Крапоткина, Хрущевский пер., дом 3, кв. 1, на предмет пред'явления в надлежащих учреждениях СССР при исходатайствовании разрешения на выезд к сыну в Улан-Батор (Монголия).

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ <подпись> /Тубянский/

ТЕХН. СЕКРЕТАРЬ <подпись> /Назимов/

<Печать НИК МНР: текст на старомонгольском яз.>

<На левом поле документа – текст на старомонгольском яз.(поврежден).>

Консульство Союза ССР в гор. Улан-Баторе свидетельствует подлинность предстоящих подписей и печати.

Консул Союза ССР в гор. Улан-Баторе <подпись>

<Печать>: «ПОЛНОМОЧНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СССР В МОНГОЛИИ.
 КОНСУЛЬСКИЙ ОТДЕЛ».

<Три консульские марки стоимостью 1 руб. каждая,
 след от удаленной марки того же достоинства,
 одна консульская марка стоимостью 50 коп.>

IV 41 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 10 декабря 1933.

10/XII/33 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая мамочка!

В этом письме я посылаю тебе официальную справку²²⁸⁾, которая, надеюсь, поможет в хлопотах по выезду. Я нарочно не слишком торопился посылать её, чтобы дать тебе время окончить дело с пенсией и подвести твой отъезд поближе к весне.

Живем мы втроем с Милей и Наташей тихо и мирно. Наташа – сплошная

радость; смешливая, веселая и спокойная девочка. Развивается прекрасно <...>. Спит по ночам хорошо – дает отдыхать и нам. Рук особенно не просит, <...> все вполне нормально. <...>. Вообще внучка у тебя замечательная.

В связи с ней, а также в связи с обилием работы, жизнь наша размерена и проходит быстро. Утром я отправляюсь на службу (у себя же на дворе), Миля сидит дома, прибирается, готовит себе поесть, в хорошую погоду выносит Наташу погулять. В три я кончаю, обедаю в хорошей столовой и время с 4 до 7 провожу с Наташей, отпуская Милю на базар и т. д. С 7 Наташа уже спит, Миля делает вечернюю уборку, стирает (через день) пеленки и вообще занимается хозяйством, а я сажусь за работу. Ложимся в разное время: Миля часов в 11–12, иногда раньше, а я в 12–2. Эту зиму мы оба настолько заняты, что почти никуда не ходим. Оба изрядно устаем, но чувствуем себя хорошо. Миля выглядит здоровой. Наташу пока не прикармливает.

Моя большая нагрузка по работе объясняется тем, что я поставил себе задачей реализовать в годичный срок (т.е. до осени 34 г.) все, накопленное мною за 10 лет. Я чувствую себя в силе это сделать и потому накручиваю, как говорится, в хвост и в гриву. Работаю по двум линиям – карты и литературные работы. Кое-что уже оформлено или близко к оформлению. Такая итоговая работа даст мне очень много во всех смыслах. Большинство моих работ будет, вероятно, напечатано. Кроме того я занимаюсь сейчас английским языком. Со временем очень туго. Поближе к весне, наверно, предстоит небольшая поездка в район.

Твой приезд желателен во всех отношениях. Я уверен, что ты отдохнешь здесь, тебе будет интересно перерезать такой значительный участок земного шара и посмотреть Монголию, на которую уже пошло десять лет моей жизни. Радостно будет тебе и повозиться с тезкой-внучкой. Своим присутствием ты очень поможешь нам обоим, облегчив мне задачу окончания моих работ здесь.

Для облегчения и ускорения выезда единственное, что я могу посоветовать тебе отсюда – это повидаться в Наркоминделе с Сергеем Степановичем Борисовым²²⁹⁾ (отдел Востока). Он меня знает. Последний раз он видел меня здесь в 1932 году весной. Он же помог когда-то выехать и Миле. В это письмо я вкладываю небольшое письмецо и ему. Правда, Наркоминдел специально оформлением не занимается, но, возможно, сможет помочь в этом деле.

Вогнать меня в долги не бойся. Монету найдем – я всегда имею возможность подработать. Пусть тебя этот вопрос совершенно не смущает.

Телеграфируй получение справки и вообще информируй о ходе дела с выездом.

Из Верхнеудинска тебе проще всего попасть в Уланбатор на самолете – 4 летных часа – если не помешает погода.

Будем ждать с Наташей её бабушку.

Привет и поцелуй тете Оле, приветы Леше и Але с их парами и всем знакомым.

Крепко целую тебя, мамочка, и жду.

Твой Андрей.

IV 42 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 20 декабря 1933.

20/XII/33 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
 посылаю Вам Наташины фотографии, сделанные недавно. Её очень трудно снимать, возится она как мешок с котятами <...>. Получила сегодня Ваше письмо. Мы с Андреем, кажется, окончательно превратились в бесплотных духов, витающих на семейных собраниях и торжествах над присутствующими. Но духи все же не теряют надежды материализоваться. Мы с ним иногда облизываемся читая Ваши письма о том, как вы все собрались и что делали. Ну, хорошо, по приезде покуролесим. <...>.

Дочка наша растет и толстеет неуклонно. <...>. Девушка она очень веселая, хохотунья.<...>. Спокойна на удивление. <...>.

Фото Ваше и Ольги Яковлевны получили, часто любуемся. Вид у Вас весьма боевой. Я хочу, чтобы моя Наташа была в бабушку веселостью и энергичностью. Только не в папу! Я уж с ним бросила бороться. <...>. На нем не ездит только тот, кто не хочет. Страдает от этого его здоровье, а не работа, а для него это – все в порядке!

Передайте привет Симучатам с их домочадцами <...>. Целуем Вас все. Привет Ольге Яковлевне.

Ваша М.С.

IV 43 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 8 января 1934.

8/I/34 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогие бабушки Наталья Яковлевна и Ольга Яковлевна, поздравляем вас с Новым Годом и желаем здоровья и счастья. Весьма приятно было получить от вас телеграмму – лишнее подтверждение внимания и заботы о нас.

Письмо это начинаю писать уже третий раз – эти дни Наташа нездорова

и, как только я сяду, она просыпается и зовет меня. Сейчас в Урге у всех грипп, Андрей везде ходит по служебным делам, сам захворал и нас с Наташей заразил. <...>. За исключением этого все у нас шло до сих пор хорошо, недавно ей исполнилось 4 месяца <...>, весит сейчас 17 ф<унтов> с походом. Мы её взвешивали дома на безмене, завязав в узелок. В консультацию тащить далеко и холодно, т.к. у нас сейчас морозы от 30 и до 36 градусов. Она еще маловата гулять при такой температуре. <...>. Она уже совсем окрепла, держит голову и очень любит, когда её поддержишь в вертикальном положении. Словом масса удовольствия и радости от нее. Беспокоюсь только, как пройдет грипп.

Очень хотела бы я получить какую-нибудь книжонку о прикорме и, вообще, о кормежке. Не мешает почитать. <...>.

Очень рада за Любу²³⁰) и Лешу. Передайте Любе мои лучшие пожелания, пусть только ведет себя спокойно, и дитё будет спокойное. Нужно надеяться, что Леша окажется умнее своего брата и выкажет Любе должное внимание и заботу. Андрей останется младенцем до старости. Скажу, как пример, что за неделю до рождения Наташи я носилась по крышам, чердакам и, вообще изображала из себя подрядчика по ремонту. До сих пор сердита на него за это.

9/1/. Вчера Наташа так и не дала закончить письмо. Сегодня у нее уж все в порядке. <...>. Как жаль, что мы не имеем возможности показать её вам именно сейчас. Прелестный возраст!

На днях у нас едет в Москву сотрудник Учкома т. Жебрак²³¹). Хотим поручить ему увидеть вас. Он у нас столовался, пусть порасскажет о нас и о Наташе.

Я уж заранее беспокоюсь, как мы поедem с Наташей? Я бы давно одна уехала, если бы была квартира. Придется ждать Андрея, хоть мне уж и очень хочется увезти Наталку отсюда²³²). Андрей говорит, что подгонит конец работы к осени 34 года. Он, кстати, сегодня сам собирается писать Вам.

Если Вы соберетесь приехать к нам, мы с Наташей будем очень рады. Пусть Ковалев не беспокоится сесть в калошу хлопоча о Вашем выезде²³³). Сведения об Андрее поступят по возбуждению хлопот. Его знают. Если очень трудно получить паспорт, то Вы не тратьте на это силы, не измучивайтесь.

Пишите нам чаще, мы живем сейчас очень замкнуто, сами никуда не ходим, и у нас мало народу бывает, да я кроме Наталки ничем теперь не интересуюсь.

Целуем Вас обе, дочка и я. Привет бабушке Оле и младшим Симуковым с домочадцами. Что же они не пишут?

М.С.

IV 44 А.Д.Симуков – Н.Я. Симуковой. 6 февраля 1934.

6/II/34 г.

<Уланбатор>

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Посылаю эту записку с проф. Жебраком Антоном Романовичем, которого я просил зайти к тебе и рассказать, в качестве «благородного свидетеля» о нашем житье-бытье, о том, как растет и здравствует твоя внучка и тезка Наташа. Более подробное письмо я отправляю почтой. Сейчас же мы с Милей посылаем несколько фотографий, в качестве иллюстраций к рассказам Антона Романовича. С первым хорошим теплом Миля с Наташей думают двинуть в Москву. Я же, наверно, несколько задержусь.

Крепко целую. Привет всем родичам.

Андрей.

<Миля пишет:> Не «думают», а поедут не позже середины мая. Привет! М.С.

IV 45 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 13 февраля 1934.

13/II/ 34 г.

Уланбатор

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

получили недавно письма от Вас и от Ольги Яковлевны, большое спасибо. Как всегда, чрезвычайно приятно было читать их. Вы, вероятно, получили нашу телеграмму о том, чтобы прекратить хлопоты о паспорте? Как только потеплеет, настолько, чтобы можно было везти Наташу, я поеду с ней в Москву. Не обижайтесь за то, что наши планы так круто меняются. Может быть, мы с ней и немного раньше постараемся уехать. Андрей, вероятно, будет здесь до осени. Сейчас он весь в том, что следит за печатанием его атласа Монголии²³⁴). Действительно выходит очень хорошо. Затем будет ещё кое-что печататься; также он торопится закончить Географию <Монголии>²³⁵), которую начал уже давно. Словом, он рассчитывает подвести итоги своего пребывания здесь к осени 34 года. В данный момент его дома нет, т.к. сегодня Монгольский новый год – ушел в гости к приятелям монголам. Думаю, что вернется домой в «неустойчивом равновесии». Наташа спит в соседней комнате. <...>. Алек спал всегда мощно раскинув руки крестом. Нужно ли говорить о том, что я ни на секунду не забываю своего милого первенца?..

Я последнее время нахожусь в довольно беспокойном состоянии – волнуют сборы и предстоящая дорога. Нужно обшивать Наташу и себя, а ничего у нас с ней не выходит, очень уж много времени я ей отдаю. <...>.

Боюсь также дороги. Предполагается, что до Верхнеудинска²³⁶⁾ мы поедем на авто, и нас проводит до поезда Андрей. Иначе мне с ней невозможно. А как в поезде? Ведь на миг нельзя будет отлучиться.

Не помню, писала ли я Вам, что у нас должен был уехать в Москву проф. Жебрак и зайти к Вам передать письмо и пачку Наташиных фотографий. Он на днях уехал, и на следующий же день мы получили известие об аварии автомобиля, на котором он ехал, вызов хирурга и, вообще, ужасное беспокойство. Андрей хотел сегодня узнать, кто и что себе переломил. Вероятно, это письмо придет к Вам раньше, чем то, которое послано с ним. Очень беспокоюсь, в каком он состоянии. Мы зиму прожили бок о бок, и он очень много внимания и забот отдавал Наташе. Дочка наша подросла <...>. Сейчас она в очень хороше виде <...>. Не знаю, в каком виде я её доведу до Москвы.

Очень потрясла меня смерть Кати²³⁷⁾, да ещё такая страшная... Бедная Вера Ивановна²³⁸⁾.

Напишите мне, не выбью ли я Вас и Ольгу Яковлевну из колеи, если останвлюсь с Наташей у вас на недолгое время. Наталка, хоть и очень спокойный, но все же младенец, который, в ущерб может быть другим, требует своего распорядка.

Относительно денег, которые лежат без внимания, пусть соображает и пишет Андрей. <...>.

Пишите, мы ещё успеем получить много писем от Вас. Отъезд наш предполагается в мае. Очень сочувствую, что Вам сейчас приходится много хлопотать и переписываться по поводу 8 лет работы²³⁹⁾.

От Наташи привет.

20/II/ 34 г.

Т.к. Андрей не отослал письмо, припишу ещё. Все эти дни у нас праздники – Монгольский новый год. Монголы ходят нарядные, праздничные. Шубы шелковые яркие, цветистые. Шапки собольи особого здешнего покроя. Красиво и весело. Андрей все занимается визитами, т.к. знакомых много. Приходя домой смиренно на меня поглядывает, знает, что сержусь, когда он выпьет через меру. Но ради праздников я уступаю.

Наталочка моя цветет. С каждым днем делается смышленней, крепнет. <...>. Вот только «сосуда»²⁴⁰⁾ нет и негде достать. На вес золота не купишь. <...>. Недавно взвешивались, и папа её, конечно, упустил. Шлепнулась на кровать. Ничего, смеялись все втроем. <...>.

Готовимся к отъезду, шьем одеяло, рубашечки Наташе. Нужно ли везти кухонную посуду, примус, керосинку? У меня есть электроприборы, но только все на 220 вольт. По здешней сети. Очень жаль, но к Москве не подходят.

Узнали об аварии – Антоша наш (Жебрак) повредил руку и голову, на месте подправили ему все, поехал дальше. Одного монгола привезли с поломанными ребрами. Как доедем мы?

Пока всего хорошего. Пишите. Целуем всех. <...>.

М.С.

IV 46 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 25 марта 1934.

25/III/ 34 г.

Уланбатор

<в Москву>

Давно уж не писали Вам, дорогая

Наталья Яковлевна.

<...>. Все у нас идет хорошо, Наташа здорова и весела. Ей сейчас около 7 месяцев. <...>. Пытается вставать на ноги. Все хватает и везде сует свой нос, очень любит кушать папины бумаги. Скоро съест какой-нибудь доклад.

Готовимся к отъезду. Наталке заказана вся верхняя одежда и обувь, куплены валенки, шьются рубашки и платье. Только горе мне с шитьем – платье в неделю! Все время уходит на уход за таким маленьким человеком. Гуляем каждый день. А тут ещё кровать без перил, того и гляди <дитя> свалится. Бегаю я как на состязаниях!

Хочу выбраться отсюда не позже конца мая, да иначе и нельзя – нужно освободить Андрея для летних работ. <...>. До отъезда мы Вам напишем, а из Верхнеудинска телеграфируем, чтобы встретили.

Андрей остается до осени. Сейчас ему никак нельзя уехать, т.к. некоторые его работы в печати и за выпуском надо следить. Вообще он хочет подчистить все хвосты. Хочет кое-что подготовить к моему отъезду и отправить со мной.

Получили ли Вы переведенные Вам в апреле 10 тугриков? Как здоровье Ваше и Ольги Яковлевны? Каковы дела Симуковых младших? С удовольствием думаю о том, что приеду как раз вовремя – купать Лешино потомство. Обожаю маленьких человечков. Привет от нас всем Симучатам.

Жаль, что мы так поздно вздумали Вас вызывать сюда, и Вы не увидели Монголии. Хорошая страна! Солнечная. Солнце здесь горячее и зимой. Мы с Наташей гуляли зимой при 25°C. И ничего, тепло. Пасмурных дней в году чрезвычайно мало. Дождевики и зонтики забыты! Недавно вспомнила, что в Москве потребуются галоши, зонт...

Одна наша знакомая говорит (она недавно из Москвы), что ей каждое утро при взгляде в окно хочется петь и плясать, так ярко на улице.

Хочу привезти много фотографий, не знаю, успею ли смонтировать все. <...>. Извините за небрежность – вишу на уголке стола, Андрей, как обычно.

расселся на весь стол со своими картами.

Привет от всех троих.

Ваша М.Симукова.

IV 47 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Апрель 1934.

<Апрель 1934 г.²⁴¹⁾>

<Улан-Батор>

<в Москву>

Дорогая мамочка!

Очень и очень давно не писал тебе писем и напоминал о себе только телеграммами. Вообще переписка почти целиком перешла в Милены руки.

Живем мы тихо, почти замкнуто (некогда!) и главное внимание уделяем твоей тезке. Девочка растет вострая, бойкая, гораздо более «земная» по Милиному выражению, нежели Алик, у которого частенько бывали «отсутствующие» глазки. Рост у Наташи гренадерский, <...> пока что хорошее здоровье, постоянная веселость и, вообще, «все качества». Начинает помаленьку сидеть, хохотушка и очень спокойна.

Жизнь наша идет почти по расписанию. Встаем рано, часов в семь. Обычно я успеваю ещё до чая что-нибудь пописать. Миля возится с Наталкой, и из их комнаты слышны разговоры, Наташкин смех, возня. К девяти я ухожу на работу, а дома идет уборка, завтрак, потом гулянье (конечно, если позволяет погода). Март у нас был холодный, по утрам доходило до -25°С. Около трех я возвращаюсь домой, бегу в столовую, обедаю и приношу обед Миле. Потом либо мы оба дома, и тогда я, немного отдохнув, сажусь за работу, либо Миля уходит часа на два в город, и я сижу с Наташей. Вечером работа и часов в 12 – спать. Так изо дня в день. Через два дня на третий купаем дочку, причем барахтается она в ванне всюю.

Работы у меня очень много, так как я поставил себе целью обработать в этом году все, собранное мною за истекшие 10 лет. Поэтому день у меня занят картографией, а вечер – писаниной. Ко времени моего отъезда в СССР у меня должно быть около 10 напечатанных и готовых к печати работ.

Миля готовится к отъезду; возможно, что ей удастся выехать в мае. Я провожу её до Верхнеудинска и посажу в поезд, а кого-нибудь из вас (Лешу) мы очень просим встретить <Милю> на вокзале <в Москве>. О дне выезда и № поезда я своевременно дам телеграмму. Общий план у нас следующий: Миля с Наташей уезжают отсюда весной и после кратковременного пребывания в Москве у тебя (надеюсь, не выгонишь?) направляются в Сураж²⁴²⁾, где и живут. Если все будет благополучно, то я приеду не ранее поздней осени или зимой в Москву, где (или в Ленинграде) и буду устраиваться. Совершенно уверен в том, что найду свою полочку в системе

научно-исследовательских учреждений.

Начав это письмо, получил твое письмо, посланное 1/III. Из него видно, что ты не получила моей телеграммы о том, чтобы оставить хлопоты по выезду сюда, так как весной в Москву едет Миля. Поэтому я сейчас же отправил вторую телеграмму почти того же содержания.

Твое письмо очень обрадовало нас обоих. Твоей жизнерадостности и энергии следует завидовать, и всем нам надо брать с тебя пример. Надеюсь, что в этом смысле твое письмо полностью отражает действительность.

Хорошо, что ты настаиваешь на том, чтобы Леша учился, но не совсем аккуратно получится, если ты его будешь поддерживать. Правда, другой выход найти трудно, но, в конце концов, пора бы делать наоборот, т.е. чтобы не ты нас, а мы тебя поддерживали. И я, и он уже перевалили на четвертый десяток, Аля приближается к этому перевалу. Возраст более чем солидный.

Ты спрашиваешь о моих «трудах». Выше я уже сказал два слова об этом, подробнее же напишу сегодня же в письме Леше. Пока в печати есть только десятка полтора мелких статей, но в ближайшие 2–3 месяца выйдет две книжки²⁴³⁾ на монгольском языке и географический атлас по Монголии²⁴⁴⁾. Вся основная работа по реализации накопленного материала и опыта должна быть сделана в этом году, которым я хочу кончить «Монгольский период».

Ты пишешь далее, что деревню нашу не узнать. Я не буду просить тебя написать мне подробно об этом, так как надо посмотреть самому, что я и сделаю по приезду в СССР. Ты знаешь, что о Сигеевке у меня остались хорошие воспоминания, а потому произошедшие там перемены интересуют меня особенно остро.

По правде сказать, мне хочется скорее присоединиться ко всем вам, но я, если не будет каких либо экстраординарных причин, сделаю это после всех своих работ, т.е. в конце текущего года.

Благополучное окончание этих работ составит в известной степени некоторую эпоху в монголоведении. В области географии Монголии я – монополист.

Напиши, заходил ли к вам проф. Жебрак. Мы послали с ним много фотографий (Наташа во всех видах). Сейчас все наши мысли в сборах. Миле надо «справить» приданое, Наташе – тоже. Не все есть в продаже, надо искать, заказывать, добывать деньги. Надеемся все эти сборы благополучно закончить. <...>.

Крепкий поцелуй от нас троих тебе, тете Оле. Дружеские приветы всей тесной братии. Выпейте как-нибудь за наше здоровье! А уж когда соберемся все – пир на весь мир обеспечен.

Твой Андрей.

IV 48 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 25 августа 1934.

25/VIII/34

Уланбатор

<в Москву>

Милые мои белочки (маленькая и большая)!

Прошел почти целый месяц после вашего отъезда и мне захотелось написать вам письмо, первое по счету.

Если бы вы знали, как иногда бывает скучно без вас! Особенно первые дни, вечером, когда сидишь за работой, я часто прислушивался, не слышно ли тоненького посапывания белочки маленькой и довольно таки не тоненького – белочки большой. Хотелось и хочется сейчас встать и потихоньку пройти к вам, посмотреть на ваши позы во сне (одна так, а другая эдак) и убогаторенным сим зрелищем вернуться к столу, к своему «пиши-пиши».

Моя жизнь идет, как и полагается старому, лысому рамоли, очень тихо. Встаю большей частью часов в 6–7, иногда позже, иду за молоком, выпиваю его и путешествую на работу. Обедаю в клубе, вечером выпиваю вторую бутылку. Таков мой обычный пищевой режим. Раза три варил себе дома, а как-то раз даже угощал обедом себя, Гомбо²⁴⁵⁾ и одну интересную особу (разумеется не русскую). Банкет на 3(00) персон! Роскошная сервировка! Стол ломился от яств! Было три блюда! (сосиски, макароны и яичница). Чай можно считать четвертым!

За время ваших сборов я так устал, что просто физически не мог сразу впрячься как следует в писанину. Бегать – не бегал, сидел и мучаясь спал либо читал, работая кусочками, урывками. Сейчас запрягся как вол.

В Учкоме полная тишина. Папа Миша²⁴⁶⁾ укатил в увеселительную поездку с мамой²⁴⁷⁾, маминым другом (по случаю поездки несколько повеселевшим. Он был очень мил последнее время), Ефремовым²⁴⁸⁾, Ефремовской американкой²⁴⁹⁾, кинооператором Беляевым (оттуда, от вас) с помощником и двумя ламами. Все это на автокаре. Провожать их было очень весело. Американка носилась с маслом и потом умоляла не сесть в него, я советовал решительно всем обратное, помоператора конфисковал полповерхности машины под аппаратуру. Ламы сидели подобно буддам прошлых и будущих веков. Сзади была привязана новая тона²⁵⁰⁾, которую папа вез в подарок в Эрдэни цзу²⁵¹⁾, а шофер с Беляевым собирались использовать в виде запасного колеса. В *консэ консов* папа едва сел – ему не было места...

После папы, через каких-нибудь три дня, тихой сапой и крайне поспешно смылся Дэндуб²⁵²⁾ (в отпуск). После него пришла очередь Амора²⁵³⁾ (тоже в отпуск). Можешь себе представить, как блаженствуют Учкомцы! Тумэ (машинистка) еще потолстела и аж светится. Папа поехал в большой разъезд на месяц и скоро вернется. Со своей поездкой я решил особенно не

торопиться и не ломать себе голову и ребра, чтобы скорее выехать. Конечно, лета жалко. Но его не догонишь (уже крепко запахло осенью), а ехать можно и зимой, тем более, что зимнего «байдол'а»²⁵⁴ я почти не знаю. Стулова²⁵⁵ я успокоил, сдав ему три статьи. Монгольский атлас²⁵⁶ вышел окончательно (в Учкоме уже лежит 1500 экз.) К русскому <атласу>²⁵⁷ написал и отдал на утверждение предисловие, кончаю индексы. Карты готовы.

Из долгов помаленьку вылезая <...>. На автобусе катаюсь часто и в результате вдвое увеличил перевод²⁵⁸. <...>. Оба перевода за август послал в мамин адрес на её имя. О переводах в Сураж²⁵⁹ сообщи. Итого за этот месяц переведено около 23 рб. Жить можно! <...>.

Недавно было распределение Учкомских наград по поводу республиканского праздника. Награждено довольно много народа и я в том числе. Мое имя в списке было первым, но Президиум распорядился, ввиду получения мною и Гавой²⁶⁰ ценных наград прошлый раз, премировать нас теперь скромнее. Я получил довольно аккуратный портфель и 5 ½ метров хорошего дурдуна²⁶¹ (высшего сорта, плотного, как чесуча) на тэрлиг²⁶². Дурдун в 80 см ширины солнечного оранжевого цвета с рисунком. Гава получил гутулы²⁶³. Это, так сказать, вторая и третья категории. Первая категория (в том числе Гомбочжаб²⁶⁴, Ринчин²⁶⁵, Тонсаг²⁶⁶ и пр.) получили вдобавок по ружью (русские охот-винтовки под маузер). Н.П.²⁶⁷ получила портфель и часы (точмех), Вера²⁶⁸ получила такой же дурдун, как и я. Не обошли и Цэбэна Ж.²⁶⁹, но что назначили ему – не знаю. «Стадо слонов»²⁷⁰ сочли неудобным обойти, и ему достались портфель и часы. Он был чрезвычайно доволен. Очень доволен и я, так как у меня сейчас уже две премии, что для послужного списка будет очень не плохо. Дурдун я спрятал для тебя или Наташки. Она опять выиграла по займу (что-то около 50 тугр.).

География моя²⁷¹ идет к концу. Думаю закончить её примерно через недельку. Сейчас заканчиваю третью часть, послезавтра кончу и сяду оканчивать вторую. Объём выдерживается. <...>

От тебя кроме телеграмм получил лишь письмо из Алтанбулага, сильно запоздавшее. <...>

Чувствую себя хорошо. Личность моя даже несколько расширилась. Бреюсь часто, хожу чисто, только вот в баню не могу собраться. В квартире порядок. Чисто, так что даже как-то зашедшие дамы (Нина Ник<олаевна>²⁷² и Юка) удивились. По гостям почти не хожу. У Носовых²⁷³ бываю редко (за это время раза три). Дождей нынче так и не было. После тебя они шли раза три. Было жарко и сухо. А со вчерашнего дня уже по-настоящему запахло осенью.

Недавно был у меня Чжиргал²⁷⁴. Он слышал, что ты уехала, думал, что и я скоро смоюсь, и поспешил увидаться. Я его угостил чаем и коньяком, мы долго сидели, потягивая вино и предаваясь воспоминаниям. Очень просил

передать тебе всяческие приветы. Он стал совсем солидным, потолстел и вид у него важный. Смотря на Наташкину карточку все удивлялся, до чего она похожа на Алика²⁷⁵⁾. Получил я письмо от Абдрахмана²⁷⁶⁾ из Казани. Он работает там в банке шофером. Пишет, что жить можно, город красивый и «есть где провести время» (в его духе!), но скучает по Гоби и спрашивает, еду ли я нынче, на какой машине и с кем. Кланяется всем и особенно Тонсагу, чем последний был весьма тронут и просил меня передать привет – «написал бы сам, да все равно не прочтет». Все наши монголы живо интересуются, как ты доехала и грозят немедленно сообщить тебе, если заметят за мной что-либо предосудительное. Калитку нашу в связи с отъездом папы Миши заколотили, ворота запирают рано, и двор наш снова стал монастырем. У калитки строят большой гараж на три (- неходячие -) машины. Анандашири²⁷⁷⁾ стала препотешной девчушкой. Я у них почти не бываю, Н.Н.²⁷⁸⁾ особенного внимания не оказываю. Она тихо бродит по двору в одиночестве²⁷⁹⁾.

Жду не дождусь подробного письма от тебя, так как пока твое пребывание в Москве²⁸⁰⁾ кажется совершенной абстракцией, неким умозрительным построением, лишенным осязательной формы. Высчитываю по пальцам, когда придет письмо. Как устроилась, каковы отношения с окружающими, что делают все наши, где купаешь Наталочку и что она при этом делает, как она спит, что и как кушает, где гуляете, получила ли ты паспорт, как себя чувствуешь, что намерена делать и т.д. и т.д. ?? Пожалуйста, пиши часто и много.

Поздравляю Наташу, тебя, бабушку и тетю-бабушку²⁸¹⁾ с днем рождения. Ведь ей уже год! Особое поздравление тебе, моя женушка, ибо что сделали для Наташки все прочие, в том числе и я? Надеюсь, что ты не забыла известить своих о твоём приезде. Вскоре после тебя я получил от твоей мамы письмо, где она все не верит, что ты приедешь.

Скучно, детки мои, без вас. <...> Осень... Поцелуй Натаску во все места, возможные и невозможные. Крепко целую тебя, моя женушка, белочка и друг. Не забывайте меня и не превращайте в высылающего переводы автомата.

Привет и поцелуи всем, особенно трем бабушкам.

/Подпись на старомонгольском/

IV 49 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой²⁸²⁾. 17 октября 1934.

17/X/34 г.

<Сураж²⁸³⁾>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

доехали мы с Наташей до Унечи и дальше вполне благополучно и хорошо <...>. В Унече нас встретил Петя²⁸⁴, утащил наши вещи в садик, и мы там гуляя, ожидали поезда до 3-х часов дня (в Унечу приехали в 8:25 утра). Наташа нагулялась, подышала свежим воздухом, и ей стало лучше. В Сураж приехала здоровой. В Сураже нас встретил папа²⁸⁵, багаж наш погрузили на телегу, и Петя <...> доставил его домой. <...>. Комната здесь большая, светлая и теплая. <...>. Место для поселка выбрали тоже неплохое – на бугре за семинарией. Гуляем с Наташей в сосоннике над речкой, где когда-то гуляли мы с её папой. <...>.

В здешнем Торгсине²⁸⁶, как я и ожидала, почти ничего нет. Громадное пустое помещение с совершенно пустыми голыми полками. Мука, сахар, крупа, изредка – масло, валенки и немного мелочи.

Кстати о переводах²⁸⁷, переадресованных Вами на имя папы. Перевод в 5 тугр<иков> получен, а в 12 – нет, хоть извещение о нем пришло. Завтра отправим запрос на Неглинный <проезд> в банк. <...>.

Сураж, оказывается, нисколько не изменился за 7 лет. То же и те же! <...>. Хорошо ещё, что наши живут на таком хорошем месте и далеко от города. Место красивое, веселое. Летом здесь у всех была дизентерия. Много умирало. Хорошо, что мы не приехали летом. <...>.

Петя ходил на почту с телеграммой Андрею, так там не нашли Уланбатора, усомнились в существовании его вообще. Серо... <...>.

Петя уезжает послезавтра <в Мурманск> - грусть! Наташа еще в Унече подружилась с ним. Он, к моему удивлению, умеет как-то очень хорошо с ней забавляться – тихо, незаметно сидят, «разговаривают» и играют.

Пишите нам чаще. Привет всем <...>. Целую крепко. Привет от мамы и папы. Ваша М.С.

IV 50 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 ноября 1934.

3/XI/ 34 г.

Сураж

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

<...>. Не сердитесь, что долго не писала <...>. Мы с Наташей только что хотели устроить себе здесь удобную жизнь, как захворала мама. Лежит третью неделю. <...> Тут одно светило предположило сыпняк²⁸⁸ <...>. Затем были предположения – брюшной тиф, возвратный, колит. Теперь лечат её от малярии и от колита. Лазарет и детская вместе. <...>.

Наташа ходит совсем хорошо, топает целые дни по комнате, хозяйничает. Гуляем с ней много. Очень тяжело, т.к. по-прежнему таскаю её на руках – холодно ей ходить. <...>.

Как Ваши дела и здоровье, как Ольга Яковлевна? Напишите мне обо всех. <...>. Слышали ли Вы что-нибудь о т. Рыжике²⁸⁹⁾, с которым Андрей «послал атласы»²⁹⁰⁾? (Он так мне телеграфировал). Интересно – какие, сколько и кому? Если есть русские <атласы>, а это несомненно, пусть Леша сбегает в Атлас Мира и, если они ещё не получили, отдаст им от имени Андрея (если не поздно уже).

С моим приездом расширились сведения суражских почтовых служащих о Востоке. Первую телеграмму <Андрею> приняли с боем «на риск». А письма! Нормально адресованное письмо у меня не приняли. Пришлось все написать «по-иностранному». <...>.

Скучно что-то становится, т.к. жистенка довольно первобытная – горшки, ночовки²⁹¹⁾, печь. Счастье, что место очень хорошее для Наташи. <...>. Зимой приезжайте, если будет время, уместимся хорошо.

Удобства здесь в следующем состоянии: керосина нет – бывает изредка в Торгсине и по карточкам²⁹²⁾. Электричество не горит, а тлеет – сидим большей частью при лампешке. Запасы на зиму сделаны. Куплена картошка, капуста, осталось купить морковь. В Торгсине покупаю муку, крупу, керосин, иногда масло, мяса не бывает. Мясо и молоко покупаю на советские. Советских денег у меня уже нет. Если бы Вы перевели мне рублей 100, Вы ведь знаете, где их взять?²⁹³⁾ <...>.

Если все будет у нас в порядке, может быть в конце декабря удастся смотать в Москву – забыла необходимые мелочи: марганцовку, мыло детское. Игрушек здесь нет. Купить негде. <...>.

Так хочется иногда написать Андрею, чтобы поскорей приезжал и добывал жилище. Не напишу, конечно, пока сам не приедет.

Вчера получила письмо от Али, очень обрадовалась, читали мы его с Наталкой много раз.

Пишите, пожалуйста. Целуем Вас и Ольгу Яковлевну обе – Наташа и я. Привет всем родичам.

Ваша М.Симукова.

P.S. Напишите Андрею письмишко.

IV 51 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 14 ноября 1934.

14/XI/34 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
не знаю, с чего начать. Так скверно живется, что хочется лечь и выть. Мама лежит уже месяц, у нее тяжелая малярия, доктор говорит, что она все равно умрет, только неизвестно, сколько времени протянет. Она уже ничего не

понимает, не ворочается сама <...>. Последние дни совсем плохо. <...>.

Наташа тоже не выдержала – сегодня жар (с утра было 39°), капризничает, плачет. Тяжело ей приходится. Я пока держусь <...>. По ночам не сплю – уход, лекарства маме, да и не спится. Сердце разрывается из-за Наташи. <...>. Звала сегодня к ней доктора, не пришел, т.к. его послали во Влазовичи на борьбу с сыпняком. <...>. Топить печь ходит ко мне баба. Тоже боюсь, что сыпняка принесет, нужно на днях рассчитать. Эпидемия здесь небывалая.

Зачем Вы выдумали помогать мне? Если бы я знала, что Вы будете мне переводить из своих денег, то не написала бы Вам. Кстати, деньги (100 руб.) сегодня получены, большое спасибо. Но лучше будет, если Вы продадите часть рублей <валютных> и возьмете себе, если Вам нужны советские. И вообще, Вы должны брать себе из переводов сколько требуется на питание²⁹⁴. Я не могу понять, как это Вы будете помогать мне? Да и Андрей рассердится, что мама ему помогает.

Он мне не пишет, и не надо. У него всегда работа была превыше всего. Это, конечно, хорошо, но я, так же как и Вы, ревнива – можно было бы иногда кроме работы и Наташу вспомнить.

Я никому, кроме Вас и Леши еще не писала. Не до писем. Старые друзья меня не навещают, потому что их нет здесь. Одна приятельница умерла, другие разъехались <...>.

Так вот и живем. Топим печь (баба часто не приходит), печем хлеб, колем и таскаем дрова, носим иногда воду, ухаживаем за мамой, бегаем за доктором. На Наташу времени не остается. Вчера она обожглась о кочергу. <...>. Дед в счет не идет. Он привык жить за мамой, как у Христа за пазухой, сейчас ведет себя, как ребенок. Наташу ему доверить нельзя. <...>.

Не сердитесь за резкое, может быть, письмо. <...>.
Целуем Вас обе – Наташа и я. Привет всем. М.С.

IV 52 М.А.Симукова - Н.Я.Симуковой. 21 ноября 1934.

21/XI/34 г

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

Давно уж не было писем от Вас. У нас все идет пока без перемен – если маму трясет лихорадка, то она после этого лежит в жару, бредит, чем нагоняет на меня жуть невероятную. Особенно, когда папа работает в ночную смену, и я дома одна с Наташей. А так она иногда ходит и, во всяком случае, может позабавить Наташу, когда я занята. Наташа совсем поправилась. Гуляем с ней. Она стала смешная. Поет песенки, рассказывает, что видела на улице <...>. Хорошо, если бы Вы прислали ей книжек и игрушек. Она

одевает на нос ободки от очков и важно рассматривает «Вестник кочегара».

Андрей телеграфировал, что перевел в Сураж 30 и в Москву 7 <тугриков в бонах Торгсина>. Я очень расстроена этим. Нужно было наоборот. <...>. Я эти 30 руб. растяну не меньше, чем на три месяца. Очень заботит меня вопрос с советскими <знаками>, здесь доставать не стоит, а нужны они очень. При надобности я буду писать Вам, а Вы поступайте так, как найдете лучшим. Не хотелочь бы, конечно, обдирать Вас. Уж Вы лучше продавайте <бонь> сколько нужно. <...>. Без моей просьбы ничего из денег мне не высылайте.

Бедный Андрей! Скоро ли он придет, и скоро ли мы будем жить опять своим «домом»? <...>.

Сюда собирается приехать Маруся²⁹⁵⁾ помогать ухаживать за мамой. Если пойдет к Вам, передайте ей, пожалуйста, склянку с марганцовкой, детское мыло и все сообще детские вещи <...>. Приезд в Москву, кажется, улыбнулся. Дураков работа любит и притом черная.

Ну, всего Вам доброго. Привет всем. Наташа целует обеих бабушек.

Ваша М.С.

IV 53 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 декабря 1934.

3/XII/34 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна, могу, наконец, написать Вам более веселое письмо, чем прежде писала. По старинному правилу – все утрясется – вещи, время и действия нашли свои места.

Очень благодарна Вам за Ваши теплые, бодрые письма, они также мне много помогли. Всегда, ведь, поддерживает то, что о тебе кто-нибудь заботится и болеет душой.

Мама больна по-прежнему. Вернее, так: малярия у нее идет своим чередом, часто лихорадит здорово, но в перерывах она уже может ходить и хоть немного мне помогает тем, что позабавится с Наташей. Папа занялся дровами и водой уразумев, что мне это не по силам. Бабу, приходящую помогать, рассчитала, без нее мне легче, и нет страха, что тиф занесет. Кстати, последний пошел на убыль. Работаю в хвост и в гриву, но, ей Богу, лучше себя стала чувствовать <...>.

Самое главное в том, что я Наташу поставила во главу угла, что называется. Сперва Наташино здоровье, питание и гуляние, а потом уже стараюсь поспеть и за остальным. Все мое несчастье в том, что я такая неистовая мать. Не могу чувствовать себя спокойной, если ребенок плохо

устроен. Сейчас Наташа здорова и весела. <...>. Гуляем много (часа по 3–4). На днях думаю достать саночки для нее, а то все еще погибаю под тяжестью объемистого свертка.

Жить в Сураже буду до тех пор, пока только это будет возможно. Здесь, конечно же, Наташе лучше, чем в Москве <...>. А я свое наверстаю, когда Наталочка подрастет и когда устроимся. Ведь вся моя жизнь пока в том, чтобы ей было хорошо и удобно. Она начинает понемногу говорить. <...>.

Переведенные Вами 20 руб. <в бонах> получила, а Вам переводу, когда придут, 30 руб. <...>. Тратьте их по своему усмотрению. И не огорчайте нас с Андреем излишней экономией на себе. Вы и Ольга Яковлевна должны брать все, что вам нужно, из Торгсина. Кофе, который остался, расходуйте на здоровье. Ведь Андрей привезет еще. А мне здесь не нужно. Я ни разу кофе не варила – некогда и керосину нет.

Ну, как не изругать Андрея? Ведь ни одного письма еще не получала после того (первого), что получила еще в Москве! Я ему писала много. Правда, время от времени получаю телеграммы, но ведь этого совсем мало. Иногда разбирает досада на него, а иногда очень и очень беспокоюсь о нем. Боюсь, что если не пишет, не все у него в порядке. Напишите хоть Вы ему, чтобы он меня не пугал долгим молчанием. Ах, ведь этакий упрямый... молчу, молчу! <...>.

Передайте привет «всем нашим». Тронута их расположением ко мне. Взял ли, наконец, Леша себе какое-нибудь «место»? <...>. Как растет Олечка? <...>.

Рада, что Вы во время отпуска съездите в Ленинград. И удовольствие, и отдых. Вообще моя свекровь должна служить примером трудолюбия и работоспособности своим невесткам, или вернее: невестки должны брать с нее пример.

Старший сын определенно в маму удался в смысле работы. Ах, как мне жаль этого гадкого паршивого утенка! (Думаю, что без меня он уже запаршивел). И никак не могу сейчас помочь ему работать на семью – нужно Наталочку подрастить и хоть угол свой устроить.

Маму советуют везти в Москву в клинику. Не знаю, как дела пойдут у нее дальше. Пока выздоровления не предвидится.

Целуем Вас обе с Наташей крепко. Будьте здоровы, привет Ольге Яковлевне и Але. Получали ли Вы письма от Андрея?

Ваша М.Симукова.

IV 54 *А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 декабря 1934.*

2/XII/34 г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые мои, нежные белочки!

Не буду говорить о том, как мне стыдно за свое долгое молчание. Теперь буду писать хоть понемногу, но часто, каждую неделю. Из системы редких и объемистых писем хорошего ничего не выйдет. Как-то вы живете? Думаю о вас обоих ежедневно, тем более, что срок привычных отлучек истек, и я все больше и больше чувствую свое одиночество. Тоскливо бывает! Особенно часто я стал думать о вас, Миля и маленькая моя дочушка, после последнего вашего письма из Суража, когда почувствовал, что и среди своих вы немного одиноки, что и среди своих вам обоим приходится нелегко, чтобы не сказать хуже.

В данный момент меня больше всего интересует вопрос с квартирой в Москве. Нельзя ли её все-таки купить? Уж очень не хотелось бы зависеть в этом отношении от службы. Я очень прошу тебя, Миля, не откладывая в долгий ящик, списаться с Гилицом (если он еще работает на старом месте²⁹⁶) и узнать, можно ли купить квартиру в Торгсине в общем порядке <...>. Хотя неограниченных переводов отсюда и не предвидится, но некоторые переводят золото – его принимают. <...> Если такая покупка возможна, то сообщи мне хотя бы телеграфно цены (1 комната, 2 и квартира из трех). Частная покупка жилплощади на боны, кажется, преследуется. <...>. Стоимость золота здесь примерно 10 тгр. золотой рубль. Кроме того я сам запрошу письмом маму или Лешу о стоимости квартиры в жилкооперации. Хочется попытаться заработать <...> себе квартиру. Давно пора сделать свое прочное гнездо.

Теперь о Торгсине. Меня очень тронула твоя благодарность за переводы, но ведь это – единственное, что я могу пока делать для вас, мои дорогие белочки. Лышу себя надеждой, что до сих пор вам хватало. Теперь в Уланбаторе идут усиленные разговоры <...> о прибавке торгсиновского лимита. Во всяком случае пока, со своими 15 тгр., я был в довольно привилегированном положении – столько переводят здесь очень немногие (не считая категории М.И.²⁹⁷ и других). Если у тебя все еще то же положение с работой по дому, Наташей и т.д., то нельзя ли взять помощь со стороны за тот же Торгсин? Мне легче перевести лишнюю пятерку, нежели мучиться за тебя.

Твои заветы относительно себя и своего здоровья я выполняю полностью (о чем ниже). Изволь же, не жалея меня, попытаться устроиться так, чтобы встретить главу семейства веселой и толстой (не запрещаются даже размеры Нины Арт<уровны>).

Теперь о себе. Имею честь сообщить, что несмотря на сидение в

Уланбаторе, я довольно хорошо поправился и потолстел. От летнего Кашея нет и следа. Чувствую себя прекрасно – ни живота, ни чего другого не слышу и не чувствую. Несомненно этому помогли твои первые телеграммы и письма о хорошей жизни в Москве. Смотри, чтобы не получилось обратного! Что хорошего в том, что мы оба на разных концах земного шара (1/6 его окружности по экватору) будем худеть и стареть? Но это не значит, что ты должна мне втирать очки в письменном и телеграфном виде. Если попробуешь – я все равно узнаю и тогда сразу лягу и умру. Так и знай! Уж постарайся помеддековать, чтобы тебе полегче жилось, повторяю, не жалея меня. Конечно, вдвоем и эта задача была бы разрешена, но ты сама знаешь, что преждевременный мой отъезд из Монголии в очень и очень многом испортит и утяжелит материальную и моральную сторону нашей с тобой жизни в Москве. Вместе с тем имей в виду, что договорами я не связан и могу явиться в Москву по первому зову.

Уехали вы чрезвычайно вовремя. Здесь долго продолжался тиф, сменившийся черной оспой в очень скверной кровотокающей форме. Сейчас заканчивается поголовная прививка – я тоже привил себе оспу дважды – первый раз не принялась. Не было недостатка и в прочей пакости – скарлатине, дифтерите и т.д. Букинич²⁹⁸ болел крупозкой²⁹⁹ – лежал в больнице. Рентгеном обнаружил сильное расширение сердца и теперь сматывает удочки. Я показался Носову и тоже ходил на рентген. Обнаружил полный порядок сердца (даже меньше, чем нужно, по словам Носова и Наджарова) и такой же – легких. Старый процесс³⁰⁰ зарос так, как это очень редко бывает, по словам Носова. Словом, физика моя в полном порядке, включая абсолютно молчащий живот, плюс округлость моей личности. Происходит это отчасти еще потому, что на работу я налегаю не очень свирепо, и даю себе возможность отдохнуть и развлечься, хотя это обстоятельство меня постоянно и грызет.

Утром встаю в 8, чаще в 9 ч., пью молоко. Осенью выпивал сразу 2 бутылки, сейчас одну – подорожало. Затем обычное времяпрепровождение на службе, по-прежнему часто с разной беготней и мелочами, затем обед (представь себе – иногда дома!) разные дела по городу, визиты, с 8–9 ч. – дома, за работой. Ложусь поздно.

Только недавно кончил свою Географию³⁰¹, выросшую до 700 стр. на машинке. Сейчас она на «политпросмотре» у т. Златкина³⁰². С первой дип<ломатической> оказией высылаю её Рыжику³⁰³, и тогда ты сможешь получить у него 1,5–2 тыс. аванса. Кончилось тем, что я дал в этой книге всю Монголию в целом, и физическая география оказалась в меньшинстве – всего 120 стр. из 700. Принцип – сказать обо всем, хотя бы понемногу. Поэтому я дал и исторический очерк, и очерк ламства, и герб, и денежную систему,

словом – все.

Атлас³⁰⁴) весь сброшюрован, поступил в продажу. Русский <атлас> тоже закончен. На днях начну рассылку «от автора». Сейчас заканчиваю материал для «Толкового словаря» и завтра-послезавтра решительно ставлю вопрос о худоне³⁰⁵).

Получил, между прочим, уже два письма из Арахангая, от своих приятелей, с приложением масла. На одном из писем (привез Теркулов) адрес: «Уланбатор, русскому Дамдинсуруну» (помнишь чеховского Ваньку Жукова – « в деревню дедушке Василию Назарычу»?).

Вообще, с вашим отъездом я чувствую себя в Учкоме несколько по-иному: «захочу – полюблю, захочу – разлюблю», тем более, что на Востоке³⁰⁶) отношение ко мне прекрасное. Много мелочей показывают прочное доверие.

На днях получил телеграмму от Атласа Мира с благодарностью за присланные атласы. <...> Приятно сознание, что моя работа не совсем обывательская и что я кладу свой кирпич в общесоветское дело.

Бываю, хоть и не часто, у Носовых – их экспедиция работает сейчас в Арахангае, по моей указке в Ихэ Тамире. Раза два-три был на Комбинате³⁰⁷). Сегодня слушал прекрасный радиоприемник у Цзандры³⁰⁸) – он женился... на Данаре и живет в той самой квартире, где чуть не родилась и провела свои первые дни Наташечка³⁰⁹). Здесь хорошо слышим Москву, всю Сибирь, Японию, Китай. Последнее время почти ежедневно один или два часа говорят харбинские белогвардейцы – слышно этих язвов прекрасно. И какую только они чушь не порют! Аж уши вянут – вроде сообщения о том, что к годовщине Октября «трупы погибших от голода были с московских улиц подобраны».

Сегодня по радио же слышал тяжелую весть об убийстве Кирова³¹⁰) в Ленинграде. Руки зачесались – как бы заставить замолчать этих сволочей – международных убийц. Ведь наверняка нити идут к германо-японской группировке. <...>.

С разными долгами я почти расквитался. Лишнего пока не оставалось, так как стеснять себя мне пока не хотелось. Теперь перейду ко второй стадии – стадии накопления к отъезду.

Получил письма от Роппов – они в Туве, от Абдурахмана³¹¹) (Казань) и ... от папашки Козлова – просит прислать кое-что еще из старых, его экспедиции, материалов. Привет тебе, вообще письмо выдержано в «его» тонах. Написал ему большой ответ – как-никак, а ведь он «незабвенный учитель».

*А propos*³¹²), по сведениям из Ленинграда (здесь много студентов-восточников вплоть до ... Коликова³¹³), Васенька Якимов³¹⁴) сошел на нет, ибо единственной его лестницей вверх была тема о... монгольских колхозах. А

сверх этого он не мог ничего высидеть. Коликов с почтением вспоминает о тебе, помня твою зубастость. Руководитель московских студентов очень зовет в Наримановский³¹⁵⁾ и уже писал обо мне, Рыжик³¹⁶⁾, с которым мы очень хорошо распрощались, - в КУТВ³¹⁷⁾, ленинградцы³¹⁸⁾ – к себе. Везде я ставлю условием квартиру.

Прости, что я все письмо заполнил собой. Скучно все-таки без вас, детка. Очень скучно! Хочется ласки, тепла, хочется положить голову хоть на минутку на твои колени, хочется поддержать Натаску (она тепленькая!) и посмотреть, как она вертит головенкой и болтает голыми ножками. И вообще <...> неуютна одинокая жизнь... Скверно. Держит сознание, что работаю для вас, мои любимые, что надо с честью закончить Монголию, чтобы сразу войти хозяином в московскую жизнь.

Привет и сыновний поцелуй Федосии Макаровне и Алексею Яковлевичу. Крепко целую вас, мои дорогие.

Ваш папа <подпись на монгольском языке>.

IV 55 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 5 января 1935.

5/1/35г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Поздравляем обеих бабушек с Новым Годом, желаем здоровья и счастья. Получили телеграмму «от хрущевцев»³¹⁹⁾, Ваше письмо и посылку, очень, очень довольны и благодарны. Наташе больше всего приглянулись уточка и Ванька-встанька. Так с ними и заснула – по игрушке в каждой лапке. <...>.

Поздравление мое запоздало потому, что была больна Наташа. У нее был грипп <...>. Все время было 39–40°. <...>. [Гамрат] развеселил меня – либо корь, либо грипп, либо дифтерит. Такая дубина! Всех этих «либо» я и сама боялась, особенно последнего. Врача получше так и не могла дозваться. <...>. Теперь Наташа повеселела, и мы опять счастливы.

Простите, Христа ради, что не написала о получении вторых 100 руб. Мама была так плоха, что я замоталась и забыла. Большое спасибо. Меня все-таки интересует – откуда Вы берете эти сотни, дорогая свекровь? Думается, из своего кармана.

Последнее время состояние у мамы было ужасное. Неумолчный стон, вид просто страшный, <...> не могла уж ворочаться и вставать сама. У нее, как выяснилось в Москве³²⁰⁾, малярии нет и признака. Лихорадило её от какого-то сложного кишечного заболевания. Мария мне писала, что у нее предполагают рак. Жалко её бесконечно. Мучается очень.

Расправлялась я с Наташей, мамой, дровами, водой и прочим

самостоятельно. <...>. Ничего, выкрутилась с честью. Сейчас мы с Наташей живем вдвоем. <...>. Квартира хорошая, район тоже, питание налаживаем, все прочее когда-нибудь приложится. <...>.

Получила от Андрея телеграмму и «большое и хорошее», как всегда, письмо. Это первое письмо от него в Сураж! Он таки верен себе. Из-за хороших писем раз в четыре месяца у нас с ним выйдет что-нибудь очень нехорошее. Будут созваны все (молодые и здоровые) родственники поучить этого отщепенца.

Какой Восточный Институт издает Андрееву Географию? Мне он пишет, что сговорился с КУТВ'ом через Рыжика. Высылает её Рыжику же. Я помню, при мне подкатывались к этой Географии ещё какие-то «восточники». Если что-нибудь не совсем ясно, лучше запросить Андрея телеграфом. За вычетом всех личностей и нежностей письмо Андрея деловое, и я высылаю его Вам для ознакомления с его планами. Читайте только Вы, конечно. Вот насчет квартиры в Торгсине и справок у Гилиса – думаю, что лучше просто лично поговорить с ним кому-нибудь (наверное, Леше). Самое ценное в нем – все и везде навывлет знает. <...>.

Целуем Вас обе, Наташа и я. Привет Ольге Яковлевне, Але, Леше и всем. Лешина пьеса³²¹⁾ была сейчас же прочитана и одобрена. В постановке будет неплохо. Приятно держать книжечку в руках – вещь! Мне нравится также и обложка. Пусть обязательно пошлет Андрею.

Всего доброго. Пишите.

Ваша М.Симукова.

P.S. Андреево письмо посылаю в отдельном конверте.

IV 56 М.А.Симукова – Н.Я Симуковой. 8 февраля 1935.

<открытка>

8/II/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Получили вчера 100 руб., большое спасибо. <...>. От мамы с 31-го января нет никаких вестей, а 1-го февраля ей должны были делать операцию. Жива ли она? Напишите, если знаете что о ней. От Андрея получила телеграмму – здоров, не скучает и перевел за январь в Москву 15 руб., Вы их возьмите себе с Ольгой Яковлевной. Наверное, Ваши запасы уже иссякли. <...>. Целуем Вас обе.

Ваша М.Симукова.

IV 57 *А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 января 1935.*

4/1/35г.

Уланбатор

<в Сураж>

Родные мои белочки!

Скучно мне без вас очень. Думаю о вас, о вашем житье ежедневно и ежечасно. Как-то очень трудно представить себе Наташу высококонькой, бегающей и лепечущей. В следующем письме, Миля, напиши её рост, чтобы я мог отметить его на лутке³²², а если можно, то и снимитесь у старика Эйдлина (до чего все-таки мало меняется обстановка в таких местах, как Сураж!). Ваши суражские письма повергли меня в уныние. Полная противоположность ожидавшемуся! Не хлебом единым будет сыт человек, как говорится, но и мясом, и маслом, а в данном случае относительная обеспеченность этим самым хлебом далеко не устраивает жизни полностью. Мысль о своем угле, как я уже писал тебе раньше, мучит меня непрестанно. Жду от тебя известий относительно возможностей в этом отношении. Повторю еще раз, что надо знать все варианты: на Торгсин и на совзнаки. Кое-какие возможности в смысле заработка и т.д. у меня здесь определились, а кроме того в ближайшее время я получу информацию из Москвы и Ленинграда относительно возможностей напечатания моих работ, в частности и беллетристики. Тяжело думать, что ты там сбиваешься с ног, худеешь, желтеешь из-за чего-то, как будто мы с тобой не заработали права на лучшее. Ведь кое-чего добились, другим по мере сил помогали – и вдруг такой конфуз. То, что от тебя снова давно нет писем, заставляет предполагать, что Федосье Макаровне опять плохо, и ты разрываешься на части. клянeshь всех и вся и меня в том числе, жалея, что не осталась в Уланбаторе.

Встречая Новый год (у Бадмажаповских, вернее у Кейва и Марины³²³) я с грустью думал, что в Сураже, наверное, далеко не так весело, как у нас тут, и темновато, и скучновато, и грустно. Конечно, в Москве при всех прочих недостатках было бы весело, и на время эти недостатки забылись бы. Хуже всего то, что я вот сейчас, сразу, и помочь ничем особенным не могу, и посоветовать нечего – тебе там во всяком случае виднее. С другой стороны ехать в СССР сейчас, не закончив своих хвостов, не хотелось бы без крайней необходимости. Этим в сильнейшей степени затруднится быстрое устройство с должным использованием результатов Монгольского нашего этапа и соответствующее движение вперед. Но, как я тебе говорил всегда, достаточно твоего слова для того, чтобы я в самый короткий срок собрался бы в Москву. Ясно, что никогда никаких упреков по этому поводу ты не услышишь. Хоть ты иногда и говорила «в минуту жизни трудную» противоположное, но мне вы обе дороже и ближе всяких «работ» <...>.

Чувствую я себя по-прежнему превосходно – лучше, чем за последние осень, лето и зиму. Все тело в абсолютном порядке. Я уже писал тебе, что за этот период (4 месяца после твоего отъезда) я не очень налегал на сиденье за столом, а довольно много бегал (почти исключительно по расчету). Имея в виду отъезд в Москву, предпочитаю сейчас монгольское общество и в русских домах почти не бываю, несмотря на разные обиды (вроде Нины Артуровны³²⁴).

Сейчас снова переменяю курс и засел за стол. Поездка в Худон до сих пор неопределенна. Ежели за ближайшие 2–3 дня ничего не выяснится – никуда не поеду, ибо время будет упущено, а форсирую окончание работ и отъезд в Москву.

Морозы сейчас стоят крепкие: -30 -35° и больше. Хожу в валенках, кожанке и не мерзну. Дома сухо и тепло, по-холостяцки чисто – убираюсь ежедневно.

На днях закончу работу по детальной географии Гоби – листов на 6 печатных. Рыжику³²⁵ послал полный экземпляр Географии³²⁶ - уж и повозился с ней!

Перед Новым Годом был Великий Хурал³²⁷, не собиравшийся лет пять. Из Хангая приехал знакомый – ночевал у меня раза три. Два раза были с ним в кино (звуковом), и вообще бывал он у меня почти ежедневно, тем более, что это мне было на руку. Худонцы вообще меня не забывают – за зиму получил писем пять-шесть и сам писал (вернее Содбо³²⁸ писал) столько же. Хотелось бы перед отъездом в СССР побывать еще раз, хоть ненадолго, в Хангае и Гоби.

Букинич³²⁹ ещё не уехал. Для холостяка – прекрасный сосед. Поет целыми днями (по-прежнему фальшиво), охотится за мышами, съевшими у него всех хлебных цоликов³³⁰, отвоєванных у собак на улице, при неудаче тихо кроет этих мышей матом.

В квартире у меня тепло, солнечно и сухо – как всегда (а все благодаря тебе...).

Все это хорошо, но вот опять так долго нет от тебя ни телеграмм, ни писем. Точат сомнения, предположения, боль. В чем дело? Что случилось? Ведь у тебя даже телеграммы в двух словах содержательные выходят, не говоря о письмах. Хоть бы почаще их посылала. Получила ли мою новогоднюю телеграмму, несколько, правда, запоздавшую? Твое молчание беспокоит самым серьезным образом: молчишь – значит дела обстоят плохо. Обо мне не беспокойся – что может быть сногшибательного в Уланбаторе? Все в порядке, грызет лишь совесть за то, что до Нового года не тянул лямку так, как следовало бы тянуть. Наверстываю сейчас.

В твоих письмах из Суража я совершенно не нахожу упоминания о ком-

либо, кроме узкого круга семьи. Очевидно, тебе не до какого бы то ни было общества. А может быть и совершенно не с кем встречаться? Ясно, что от прежнего круга ты оторвалась основательно и навсегда. Надо надеяться, что в этом году у нас будет новый круг и, вероятно, неплохой. Все мои мысли – в Москве, об устройстве (в первую голову – о квартире).

Между прочим, мой атлас³³¹⁾ был роздан делегатам Хурала и произвел большое впечатление. Кроме того я получил поздравление по этому поводу от Картотреста и Атласа Мира. Русский выпуск <атласа> поступил здесь в продажу. От монгольского издания осталось уже всего тысячи полторы (из 4000).

Что же рассказать тебе ещё? Люди в Уланбаторе живут по-старому. Радна³³²⁾ в положении, Гавиха³³³⁾ тоже (Гаву из Музея выперли). Был как-то у Дандара³³⁴⁾ - попал на молебен с обедом и бобо (борцаками). В кино бываю теперь редко – жалко времени.

Если сегодня от тебя ничего не будет – завтра пошлю телеграмму с запросом. Одно дело, если я, сидя на старом месте, в привычной обстановке, пишу редко – здесь беспокоиться нечего. У тебя же совершенно другое дело, и надо было бы давать о себе знать почаще.

Поцелуй от меня Наташечку покрепче, везде, где можно и нельзя, только не задуши, смотри! Крепко целую тебя, моя белочка – скучно без вас очень и очень. Плохо жить в одиночестве, когда некого приласкать и не у кого приласкаться.

Привет, самый теплый, Федосии Макаровне и Алексею Яковлевичу.

Ваш папа и <подпись на старомонгольском языке>

или попросту Андрюшка.

Все о вас спрашивают и шлют приветы. Больше, конечно, женщины.

IV 58 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 февраля 1935.

28/II/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Давно не писала Вам, и от Вас что-то ничего не слышно. Здоровы ли? Мы живем по-старому. Чихали и кашляли немного в связи с февральской погодой, сейчас все прошло. На меня такая промозглая сырая погода наводит уныние. Отвыкла я, все-таки, от туманов и серого неба.

Получила вчера от Андрея телеграмму о том, что он выезжает на полевую работу на 2 месяца. Он и так не баловал нас письмами. Со времени отъезда из Уланбатора я получила ровно три письма от него. По приезде, конечно, так чистосердечно удивится моему беспокойству, так просто скажет, что с ним

нигде, никогда и ничего не может случиться, что остается вспомнить истину – блаженны чистые сердцем и т.д.

Между прочим, пусть московские доброжелатели не смущаются экспедицией и пишут ему – все письма и телеграммы быстро и аккуратно доставляются с нарочными и оказиями. Может быть он будет работать близ какого-либо центра, в таком случае о сообщении беспокоиться нечего. <...>.

Пришла ли доверенность Леше от Андрея на получение денег, и получил ли Леша их? Я присоединяюсь к сетованиям Лешки на то, что братец у него не от мира сего. Это верно. Мир, а в особенности деловой круг там далеко не так официален, как в Москве – в своем кругу все дела решаются более или менее по-свойски. Андрей привык к этому, но, даст Бог, он и московские деловые условия все-таки одолеет как-нибудь. <...>.

Чувствуем себя с Наташкой немножко ничьими, т.к. отовсюду нам стали очень мало писать. Андрей стал отделяться изредка телеграммами. Я понимаю, что ему некогда, но нельзя же злоупотреблять моим долготерпением. Вообще, «сам» у нас испортился!

Пишите нам, пожалуйста. Почему Вы стали нас забывать? Поцелуйте бабу Олю и внучку Олечку. Целуем Вас обе. Привет Але и Леше.

Ваша М.Симукова.

IV 59 А.Д.Симуков – Ал.Д.Симукову. 21 февраля 1935.

21/II/35 г.

<Уланбатор>

<в Москву>

Уважаемый и дорогой братец!

Наша с тобой переписка последнего времени приняла совершенно угрожающий характер: сплошные телеграммы, начинающиеся словами «срочно», «спешно», «немедленно» и т.д. Жду твоего давно обещанного письма, но, вследствие моего отъезда через несколько дней в район («худон» по местному), вынужден писать тебе раньше получения оно.

Поездки этой я добивался давно, и она должна стать заключительным звеном моей полевой работы в Монголии. Предполагаю месяца за два сделать 2000 км, причем половину – на верблюдах. Объезжаю, быть может в последний раз, наиболее знакомые и любимые места и всех своих старых приятелей, благо работа сейчас такова, что не требует освоения новых пространств. Наоборот, мои теперешние задачи нуждаются в прочной связи с населением, так как сейчас я занят изучением кочевого быта, преимущественно с социально-экономической стороны. Просторов (ибо из Уланбатора далее 20 км не видно) я не видел уже полтора года – срок тяжелый при стародавней привычке к ним.

Сначала поеду на автомобиле на запад, в Хангай, в горную, хорошо облесенную и густонаселенную страну с красивейшими ландшафтами. Там уже давно ждут меня мои друзья – к сожалению, я опоздал к Монгольскому Новому году (4 февраля) – к которым заявлюсь, как к самым близким знакомым. Разговоров будет на несколько ночей. Там меня знают буквально в каждой юрте. Оттуда поворот на юг, перевал через Хангайский хребет и спуск в гобийские пустынные низины, где уже сильно будет греть солнце. Желтые барханы около озера Орог нур, огромная скалистая стена оголенного хребта Ихэ богда, поднимающаяся на два с половиной километра над озером, и среди барханов – юрты гобийцев с привязанными около них верблюжатами и возвращающимся с пастбища стадом верблюдов в розовой дымке пыли под заходящим солнцем. Опять приятели. Оттуда переход через безлюдную пустыню в полтораста км шириной (без проводника, ибо мне он уже не нужен), в конце которой – проверка слухов о кладбище динозавров, якобы там существующем. Место это находится среди огромных (до ста метров) песчаных барханов, ярко-красных обрывов и останцов третичного песчаника и порослей чахлого саксаула, в глубокой котловине. После динозавров – дичайшие скалистые хребты южной окраины республики, вид с их вершин на бескрайние просторы Южной гоби, охота на барса, горных козлов и баранов и работа среди старых знакомых – свидетелей моих первых, уже почти легендарных походов по пустыне. Обязательное паломничество к месту нашего двухмесячного лагеря в 1925 г. в горах Ноян богда³³⁵) (как жаль Котьку Даниленко³³⁶) – он один был в состоянии понять меня в этом отношении полностью).

Короткая задержка в «моем» городе – Далан цзадагае. Тут я сыграл роль Петра первого: «здесь будет город заложен, назло надменному соседу...», указав, по заданию правительства МНР, новое место для города, который и ... прикочевал сюда за 200 км. «Город» этот состоит почти сплошь из юрт, но в нем есть теперь телеграф (провели нынче – я был очень горд), радиостанция, банк, больница, почта, начальство, магазины (в юртах же), сплетни, новости, автомобильная дорога до Уланбатора – словом всамделишный город. Оттуда в Уланбатор.

Так как у тебя есть теперь атлас³³⁷), то не ленись проследить мой путь: Уланбатор, затем на запад – Цэцэрлиг, р. Хойту Тамир, поворот на юг, перевал через Хангай, вниз по Туийн голу, Орог нур, перевал через Ихэ богда, на юго-восток через большую пустыню к горам Нэмэгэту (восточнее их и находится кладбище динозавров), отсюда на юго-восток в горы Ноян богда, затем на северо-восток через Цзёлэн и Гурбан сайхан к Далан цзадагаю и обратно в Уланбатор.

После этой поездки мне хотелось бы недели две отдохнуть, съездив на

север от Уланбатора, км за 200–250, на р. Иро за медведями. К сожалению я не мог попасть туда осенью, а творилось в это время там что-то особенное. Вследствие неурожая кедрового ореха в тайге, а может быть и по другим причинам медведи вышли из глубин горной тайги на окраины и навели панику на население, встречаясь на каждом шагу. В небольшом районе (верховья Иро и к северу до границы СССР) за осень и начало зимы было убито 62 медведя – цифра легендарная. Пару охотников медведи съели дочиста. Было, где разгуляться! Надеюсь, что на мою долю ещё осталось. А затем нужно ещё и распрощаться с тайгой, давшей мне много незабываемых впечатлений. Затем упорная работа в Уланбаторе и возвращение блудного сына, мужа и отца к давно покинутым пенатам. *Dixi*³³⁸).

Теперь о всяких делах. Миля уже переслала тебе одно из моих немногочисленных писем со всякого рода соображениями. Не знаю, что написал мне ты, но пока повторяю все мои просьбы. Самое главное – жилплощадь. Не смущаясь астрономическими цифрами сообщи мне все возможные и невозможные варианты покупки жилплощади, за исключением способа получения её путем вооруженного нападения на мирных обывателей. Можно ли достать эту площадь <...> в Торгсине и какова цена или цены? Можно ли купить жилплощадь в Моссовете на совзнаки (мне говорили, что в Ленинграде это делалось, причем квартира стоила 12–15 тыс.). Каковы возможности в этом отношении под Москвой? <...> Можно ли просто купить квартиру в Москве у отъезжающего собственника? Можно ли купить пай в жилкооперативе? И так далее и т.п. Повторяю, мне нужно знать все диапазоны, не смущаясь цифрами – относительно одной комнаты, двух и маленькой квартирki. Это самая большая моя просьба.

Посылаю одновременно две доверенности: на получение аванса³³⁹) и вообще на ведение всех моих дел. Хотел послать консульской почтой, но консул отговорил – тебе будет возня с получением письма. Передай Рыжику³⁴⁰), что в ближайшие дни вышлю диппочтой все исправления к моей географии³⁴¹). Нужно написать еще одну главу, о которой я просто забыл – история исследования страны. Её я вышлю по возвращении, вместе с чертежами и фотографиями.

На днях вышло тебе ещё пару атласов³⁴²) с просьбой передать Атласу Мира (второй экземпляр) и 2-ой картографической фабрике Госкартогтреста. Твои телеграммы о высылке второго экземпляра географии меня бешено заинтриговали. Моя последняя довольно резкая телеграмма с запросом о целях высылки вызвана двумя причинами: я счел возможным появление у вас с Ковалевым³⁴³) большой мысли о переводе книги в Москве на монгольский язык (в издательстве «Иностраннй рабочий»), тогда, как право издания на этом языке принадлежит безраздельно Учкому. Второе: посылать книгу я

считаю возможным только диппочтой, а для этого я должен обратиться в полпредство с точным объяснением цели высылки. Так что не сердись. Завтра жду телеграммы от тебя с объяснением, если ты вообще её послал. Отчасти вследствие этих твоих телеграмм я посылаю тебе вторую доверенность «о ведении всех дел и о защите авторских прав» Хорошо и необходимо в случае перевода на другой язык и нового издания книги известить об этом Рыжика, чтобы не было недоразумений. Материальную сторону дела ты, разумеется, не забудешь.

Знаком ли ты по писательской линии с Борисом Лапиным³⁴⁴), З.Хацревиным³⁴⁵) и Львом Славиним³⁴⁶) (последний наиболее известен)? Если успею, то попытаюсь выслать тебе теперь же, или с дороги, или по возвращении очерк, или отрывок, или главу «неоконченного романа» в виде опыта для помещения в соответствующий журнальчик. Если будет возможность, то свяжись с кем-нибудь из этих ребят (сначала по телефону) и напомни им о данном мне обещании помочь моим первым шагам.

Здесь, кроме «Хозяйства Монголии» и его продолжения – «Современной Монголии» я печатался еще в монгольском литературно-художественном журнале «Путь национальной культуры» (ундусин сойалин цзам) – единственном пока в этом роде – где начал «пропаганду действием» нового для Монголии жанра научно-туристической приключенческой литературы, написав очерк «По Хэнтэйской тайге». Сейчас пишу «В стране диких верблюдов».

Из научных работ заканчиваю «Географический обзор гобийской окраины МНР» объемом в 10 печ. листов. Кроме того закончил переделку своей большой «Географии» в маленькую (11 печ. листов) для учебника³⁴⁷). Договорился с Министерством просвещения об издании на монгольском языке серии очерков о Монголии в разрезе «занимательного родниоведения». Эти же очерки в переработанном виде хотел бы видеть напечатанными в Москве. Хочу стать вторым Арсеньевым³⁴⁸) («Дерсу Узала»). Каков сейчас спрос на подобную литературу, особенно касающуюся Центральной и Восточной Азии? Я знаю только одну очень приличную книжечку о Монголии, которую советую прочесть и тебе. Это «В Монголии» А. Формозова, Госиздат, 1928 г.

Из полученного тобой аванса³⁴⁹) за «Географию» необходимо в первую очередь возместить все мамины расходы на Милю и Наташу. Никаких возражений по этому поводу. А остальное пусть решают мама и Миля. Я просто не могу передать, как тронуло меня ваше, а особенно мамино отношение к «одиноким женщинам», муж и отец которых болтается в центре Азиатского материка.

Как и чем живешь ты и твоя семья, включая чудо-богатыря Ольгу

Алексеевну? Над чем сейчас работаешь, шла ли твоя пьеса? Единственное твое, что я видел, это очерк о Балтфлоте в «Прожекторе». Каково твое материальное положение, где ты обитаешь, каковы планы на будущее, в каком направлении ты думаешь идти по литературе? Я хочу постараться уехать отсюда членом Монгольского Союза писателей.

Почему ты до сих пор не прислал своей семейной группы? Ведь я до сих пор не могу себе реально представить Любу, не говоря о твоей дочке. Обоим мой сердечнейший привет.

Крепко поцелуй от меня маму и тетю Олю. Завтра буду писать письмо маме. Все вы так много сделали для меня, что я просто не знаю, чем и как сумею восстановить «равновесие» в этом отношении.

Еще раз привет и братский поцелуй. Пиши. Жду.

Твой брат Дамдинсурун (это по-монгольски <имя на старомонгольском>)
или Андрей.

IV 60 Доверенность. 18 февраля 1935.

ДОВЕРЕННОСТЬ.

Я, нижеподписавшийся, проживающий в настоящее время в гор. Уланбаторе, Монголия, гражданин СССР СИМУКОВ, Андрей Дмитриевич, сотрудник Научно-исследовательского Комитета Монгольской Народной Республики, настоящим доверяю своему брату, Алексею Дмитриевичу СИМУКОВУ, гражданину СССР, проживающему в гор. Москва, ул. имени Крampfкина, Хрушевский пер. д. 3 кв. 1, получить аванс, причитающийся мне с научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся востока за переданное мною названной организации право издания работы "Географический очерк Монгольской Народной Республики", в размере, предусмотренном заключенным мною с представителем названной организации т. Рижиком условием.

Мой адрес: г. Уланбатор, Монголия, Научно-исследовательский Комитет МНР, А. Д. Симукову.

18 февраля 1935 года
г. Уланбатор, Монголия.

СОТРУДНИК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
КОМИТЕТА МНР

А. Симуков

| А. Симуков |

Настоящая доверенность нотариально удостоверена в Консульском отделе Генерального Представительства СССР в Монгольской Народной Республике.

Подпись на настоящем документе произведена собственноручно гражданином СИМУКОВЫМ Андреем Дмитриевичем, представителем в удостоверение своей личности Загранпаспорт № 112153/21308 выданный в Москве 27 января 1935 года.

Зав. консульским отделом
Представительства СССР в МНР *Лаванки*

№...3

18 февраля 1935 года

г. Улан-Батор-хото

ДОВЕРЕННОСТЬ

Я, нижеподписавшийся, проживающий в настоящее время в гор. Уланбаторе, Монголия, гражданин СССР СИМУКОВ, Андрей Дмитриевич, настоящим доверяю своему брату, Алексею Дмитриевичу СИМУКОВУ, гражданину СССР, проживающему в гор. Москве, улица имени Крапоткина, Хрущевский пер. д. 3 кв. 1, получить аванс, причитающийся мне с Научно-Исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом Университете трудящихся востока за переданное мною названной организации право издания работы «Географический очерк Монгольской Народной Республики» в размере, предусмотренном заключенным мною с представителем названной организации т. Рыжиком условием.

Мой адрес: г. Уланбатор, Монголия, Научно-Исследовательский Комитет МНР,
А.Д.Симукову.

18 февраля 1935 года
г. Уланбатор, Монголия.

СОТРУДНИК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА МНР

<Подпись>

/А.Симуков/

Настоящая доверенность нотариально удостоверена в Консульском отделе
Полномочного Представительства СССР в Монгольской Народной Республике.

Подписи на настоящем документе произведены собственноручно гр-ном
СИМУКОВЫМ Андреем Дмитриевичем, представившим в удостоверение своей
личности Загранпаспорт № 112153/21503, выданный в Москве 27.И. 26 года.

Зав. Консульским Отделом
Полпредства СССР в МНР

<Подпись> /Левани/

№ 3
25 февраля 1935 года
г. Улан-Батор-хото

<Печать>: «Полномочное Представительство СССР в
Монголии. Консульский Отдел»

<Консульская марка стоимостью 10 руб>

IV 61 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 22 февраля 1935.

22 февраля 1935 г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые мои синеглазые белочки!

После массы обещаний и благих намерений сел наконец за большое письмо к вам. Главной причиной откладывания была долгая и нудная неопределенность с поездкой в худон, куда я просился всю зиму. Наконец (капля долбит камень) добился своего – на днях еду месяца на два. Приказ о поездке подписан и выданы деньги. Ты знаешь, Миля, как нужна мне была эта поездка для полного закругления работы. И вот, это закругление, последнее на данном этапе работы в Монголии, будет сделано (хотя... не кажи гоп, я ещё не в пути). Держали меня всякие причины, известно же, как тяжел наш Учком на подъем. Зимовки пропущены, поеду хоть на весновки. Маршрут следующий: Цэцэрлиг – Ихэ Тамир (скопище приятелей, так сказать) – Ламаин гэгэн – Орог нур – Далан цзадагай (а может быть, поеду в Южную гоби и через Уйцзэн ван) – разьезды по югу (до Ноян богда включительно) – Уланбатор. На авто еду лишь до Цэцэрлига и от Далан цзадагай до Уланбатора. Повидаю всех без исключения старых знакомых. Тема работы та же, что в 1933 году – кочевки хотоны и т.д. Загляну в Чудиновскую яму³⁵⁰, благо спутником мне будет, по-видимому, Дондокодонт³⁵¹). Этот маршрут уже говорит сам за себя, и делать лирические отступления о красоте всех мест по дороге в письме тебе совершенно излишне. После поездки как следует поработаю, больше никуда ездить не буду и покачу в Москву.

Твои последние письма из Суража весьма и весьма меня радуют. Они настолько хороши, что иногда закрадывается сомнение – все ли так уж хорошо и не замалчиваешь ли ты чего-нибудь хотя бы просто потому, что пишешь через Алю. Аля всегда добавляет от себя записочку в несколько слов, и мне это тоже приятно. Никак не могу представить себе Наташу большой, бегающей и лепечущей – все какое-то нереальное представление получается. Спасибо за посылку – её нежные и сладкие волосики, которые как будто ещё сохранили теплоту её тельца. <...>. Дорого бы дал сейчас (пишу вечером), чтобы посмотреть на наш с тобой ежевечерний спектакль: «они укладываются». <...>.

Перед отъездом снимусь в двух видах – городском и худонском – пусть выбирает, какой ей лучше понравится.

Зная, как ты любишь благоустроенность и порядок, я был очень рад прочесть, что ты этого добилась, думаю, не без малых трудов. Не скучай, детка, ибо тебе не может не быть скучно, хотя бы из-за отсутствия людей вокруг тебя, людей, конечно, подходящих. Как видно из писем, ты совсем

одна, не считая, конечно, Наташкиных проказ. Теперь, когда положение мое стало ясным – буду писать чаще. В частности раза два напишу из Цэцэрлика, да и отсюда перед самым отъездом напишу ещё раз.

Между прочим, в Далан цзадагай провели телеграф! (Через Арбай хэрэ, т.е. Уйцэн ван). Теперь «мой» город стал совсем всамделишным. Обязательно пошлю тебе телеграмму от подножия Цзун Сайхана! Так постепенно уходит романтика «пустыни Гоби или Шамо».

В отношении будущего больше всего думаю по-прежнему о своем угле. Написал большое письмо Леше по поводу всех дел и с кучей лирики. Послал ему почтой (телеграфом неудобно) две доверенности: на получение аванса и на ведение вообще всех моих дел, заверенные в консульстве. В тех краях по-прежнему бываю часто. Отношения прекрасные. Приехал новый полпред³⁵²⁾ - его я еще не видел. «Старика» Чуцкаева³⁵³⁾ выбрали во ВЦИК и председателем Бюджетной комиссии. Вернулся из отпуска Блохин. Приехали снова ... В.Н.Тиханов и венеролог Орлов (это уж совсем древние времена). Вот, пожалуй и все новости среди русских знакомых. Уехал Н.П.Шастин³⁵⁴⁾ - отправили его очень хорошо, позаботились обо всем. Нина Павловна³⁵⁵⁾ все еще здесь. Отношения у нас спокойные и хорошие. У Тубьянских³⁵⁶⁾ бываю только по делу, иногда захожу к Носовым³⁵⁷⁾.

Очень большая нагрузка мне была во время Цаган сары³⁵⁸⁾ (первый день был 4-го февраля). Знакомых монгол развелось много, это была последняя моя Цаган сара, и я обошел около 30 домов, ходил недели две. Нигде не задерживался и вида не терял. В первый день, по традиции, начал с начальства – Цэцэн хан³⁵⁹⁾, Дэндуб³⁶⁰⁾, Амоголан – все честь честью. Цэцэн хан впоследствии отдал мне визит. Заходил и к Бадмажаб Цед.³⁶¹⁾ чем она была очень тронута. У Дандара праздник скучный, так как сам он сидит за растрату – торговал вином. У меня все время стоял цагансарский стол, но «ответ держал» я только один день, когда собралась ко мне молодежь. Пользуясь правом хозяина, я был в таком состоянии, что ночью еще часа 4–5 работал.

Несколько раз фокстротил, главным образом у Дашиномы (фотографа), куда ходил с Грушей³⁶²⁾. У нее я бываю, и отношения у нас – «соломенных»³⁶³⁾ (Гомбочжаб³⁶⁴⁾ в Ленинграде) – хорошие. Без него она лучше, чем при нем. Держит себя она хорошо, с достоинством.

К Содбо³⁶⁵⁾ попал без него (он женился и тщательно скрывал это обстоятельство). Обошел всех своих китайцев. Миша-часовщик весьма следит за моей нравственностью и постоянно спрашивается о тебе и Наташе.

Вероятно, меня очень ждали на Цаган сару в худоне, но туда я опоздал, а было бы очень интересно. В городе Цаган сара шла по старинке – публика ходила с визитами прямо толпами в течение всех двух недель, а особенно

первые дни – в ярких дэлях и с узелками. Вошло в моду дарить с платком флакон духов или цветочного одеколona. Цаган сара, трубы – и вдруг ТЭЖЭ³⁶⁶! Пропасть бобровых шапок (доходят до 700 тугриков). Кто может, покупает в Москве, в Торгсине бобровый воротник за 30 руб. и везет сюда на шапку. Дамы считаются, у кого шапка выше и кто где «по благу» достал шелка (конечно, монгольские дамы).

Перед Цаган сарой, очевидно из сочувствия Наташе, поболел с неделю и я, прохотив почти все время на ногах (сидел больше дома). Плохо было дня три. Когда грипп мне надоел, я пошел с температурой 38° на вечеринку, как следует выпил, как следует же оттанцевал – и назавтра был абсолютно здоров. Грипп более не возвращался.

Кажется я тебе не писал о том, что смотрел здесь «Чапаева»³⁶⁷, который мне очень понравился. Смотрел я его два раза.

Восточные события, о которых ты, вероятно, читала в газетах (надеюсь, что ты их читаешь!), т.е. драка у Буир нура (Халхаин сумэ)³⁶⁸, к удивлению, не вызвали среди здешней обывательщины той паники, которую следовало бы ожидать. Весной 1932 года (помнишь, когда меня не пустили в СССР) было меньше данных, но гораздо больше паники³⁶⁹. Обо мне и говорить не приходится. Я счастлив, что вы обе далеко, и ни у тебя, ни у меня голова по этому поводу не болит. Сейчас всё успокоилось. Жизнь же вообще шла нормально все время.

Сейчас в УБ <Улан-Баторе> Гаврила Карчанов³⁷⁰. Ему «предложили»³⁷¹, но затем, отчасти по моей просьбе, отсрочили до лета. Что он будет делать в СССР после своей тайги? Ребята его все, кроме маленьких и Надьки, здесь на работе, Старшие тянут в Союз.

Кузнецовы³⁷² все еще на Иро. Там нынче осенью был необыкновенный «медвежий урожай». В районе главного стана, т.е. собственно Иро, убили 36 штук, а с приграничной полосой (Бельчир и т.д.) – 62 штуки. Что-то особенное! Прихаживают³⁷³ к войне! Не было ореха, и медведи спустились вниз, к людям. Очень жаль, что я не попал туда осенью. Много было незалегших «шатунов» в начале зимы. Они съели начисто двух русских охотников-белковщиков. Конечно, куча «медвежьих» историй.

Заезжает ко мне во время своих рейсов Алексей³⁷⁴. Он работает сейчас в Нефтесиндикате³⁷⁵. Стал гораздо солиднее, самостоятельнее и совершенно не пьет, что просто уму непостижимо, хотя и полноценный факт.

«Предложили» и Феде Большакову³⁷⁶. Вообще «стариков» остается совсем мало.

Наш дарга³⁷⁷ Дэндуб³⁷⁸, видимо, не заинтересован в моем отъезде и при удобном случае всегда старается повздыхать, что без меня будет не то, что мне довольно, при моем опыте, недели там, где другой, новый, провозится

месяца три, потом еще язык и вообще – зачем покидать Монголию? Я же каждый разговор и каждую фразу начинаю с «так как я уезжаю», «ведь все равно я уеду», «одной ногой я уже в Москве», причем смотрим мы в это время друг другу в глаза дипломатично и нежно. Стороной я слышал, что в монгольских кругах акции мои стоят хорошо. А уехать я все-таки уеду и именно тогда, когда сочту это нужным сам! Про запас имею кучу средств сделать это.

Акции *papa* (папы)³⁷⁹⁾, кажется, несколько пошатнулись.

С работой дела у меня обстоят средне. Очень мешала неопределенность с поездкой, мешавшая засесть (вот-вот, вот-вот решится вопрос). Однако за это время расквитался с Минпросом³⁸⁰⁾ и почти кончил новую большую работу, о которой тебе уже писал (География Гоби). Много времени уходит на разную беготню (не по личным делам, разумеется). Но план свой, если не помешает какой-нибудь казус неучитываемого заранее порядка, выполню полностью. Нынче опять предположены экспедиции (Рачковский³⁸¹⁾, Лус³⁸²⁾ и т.д.)³⁸³⁾.

Между прочим, как будто снова разрешили вывоз машинок, фото и проч. Увеличитель я загнал Учкому – отвязался от проклятого наследства Додьки³⁸⁴⁾. Гомбочжаб-шилътэ³⁸⁵⁾ начал печатать мой заказ – хочу увезти отсюда не менее 2000 отпечатков. Из готовых кое-что привел в порядок.

Ну, расписался здорово, и все про себя. Зато будешь знать мое одинокое житье-бытье.

А когда же, детка, мы будем втроем, и я смогу положить свою голову на твои колени <...>? Как и ты, думается, я уже успел очень и очень изголодаться по твоему голосу, твоей милой, глядящей руке, просто по твоему присутствию. Да и ты не только ведь в письмах говоришь о том, что ждешь меня, именно для себя ждешь, ведь еще любишь хоть немного рыжего чёрта, а? Холодно, солнышко мое, очень холодно, одна ведь ты у меня. Больше никто не согреет и не погрееется... Ну, замнем, а то совсем раскисну.

Целую тебя нежно, зайчик мой, поцелуй от меня уж совсем нежно нашу дочушку.

Ваш папа.

IV 62 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 марта 1935.

16/III/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...> Долго не получала писем ниоткуда. Начала было выдумывать страхи – все ли, мол, здоровы и живы на Хрущах и в Монголии. Сейчас все в порядке, получила Ваше письмо, и сегодня было от Андрея письмо и телеграмма

(последняя уже из экспедиции).

По Вашему письму видно, что Вы переутомлены чрезвычайно. Бедная моя трудолюбивая свекровь, не падайте духом, не унывайте так. Всегда находится выход из самых, казалось бы, невозможных положений, только не давайте воли таким грустным мыслям о склерозе и всяких подобных ему неприятностях. Совсем он не прогрессирует! Я еще раз от чистейшего сердца говорю, что по приезде нашла Вас в тысячу раз лучшей, чем ожидала. Хорошо бы Вам взять отпуск (если только это возможно) без сохранения содержания и просто произрастать недельки, хотя бы, две. Неужели вы думаете, что Андрей отнесся бы спокойно к тому, что его мать так себя чувствует? Ведь помогаете Вы нам с Наташей, почему же не хотите более широко пользоваться его помощью? Оставьте свои добровольные нагрузки уроками и преспокойно возмещайте их тем, что посылает Андрей. Меня просто удручает, что Вы не хотите приберечь свое здоровье для Андрея же. Незаметно подрастут Ваши внуки, и их кто-то будет обучать премудростям немецкого языка. <...> Над облегчением своей работы, долго не думайте. Дети Вам помогать, я считаю, должны. В настоящее время эта возможность у Андрея имеется, думаю, что и дальше так же будет.

А Андрей верен себе – письмо, конечно, «большое и хорошее» и пришло оно как раз тогда, когда я просто места себе не находила. Третий месяц без письма! На него даже и сердиться невозможно. Говорит, что послал Леше 2 доверенности, одну на получение денег и вторую на ведение всех дел, обе заверены в консульстве. Может быть, они лежат там в каких-либо инстанциях? Например, в Наркоминделе? <...> Если, паче чаяния, получите андреевы деньги, возьмите себе то, что я взяла у Вас и мне вышлите немного – хочу кой-что подшить и переделать. Надоело ходить в старом мамином полушубке. Мужики на базаре кличут – цётка³⁸⁶.

Наташе хочу сделать прививки дифтерита и скарлатины. Последней пока не слышно, а дифтерит по деревням иногда объявляется. Бегаю уже третий день и всякому барану кланяюсь – так это трудно здесь организовать. <...> Вот Пошехонье-то! За Андреевым письмом иди на почту, а там еще подумают – отдавать ли? Затем вскроют и отдадут!

У Наташи режется коренной зуб, и она всю неделю скучает. <...> Мастодонтик вырос, и все платья стали хороши, а обувь мала. Выглядит так, что даже мое ненасытное сердце довольно. <...> Правда, мяса она не видала почти всю зиму – трудно достать. А фрукты в Торгсине водились очень недолго, всего два раза.

Мама поправляется, и я спокойно могу бегать по делам. Летом приезжайте сюда на время отпуска. Хорошее в Сураже тоже есть – наш поселок, сосны,

речка, окрестности.

Целуем Вас обе. Не грустите, не хворайте. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 63 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 3 апреля 1935.

3/IV/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...>. Как Ваше здоровье, нервы? Комнату поблизости я, кажется, найду.
<...>. Напишите, когда, примерно, вы приедете? <...>. Сейчас мы с Наташкой уже на даче. Как хорошо у нас на поселке! Не зря я мучилась всю зиму. Обязательно приезжайте и Але передайте то же самое. Мы, конечно, будем очень и очень рады увидеть бабушку и цётку. <...>. Живу сейчас хорошо. С приездом мамы отец образумился. Живет дома, носит воду, колет дрова. Только бывает это редко, т.к. он все время в разъездах. Работает агентом по снабжению фабрики. Иногда носит воду баба, иногда я. Вот только вода далеко. <...>.

Большая просьба к Вам – переадресуйте мне, пожалуйста, перевод рублей на 15 (торгсиновских). У меня кончаются. Телеграфировала Андрею еще до экспедиции, да что-то никакого ответа не было и нет. Не хотела Вас беспокоить этим, да приходится. <...>.

Как Лешины дела? Как растет и чувствует себя Оля? <...>. Мне хотелось одно время съездить в Москву, теперь раздумала. Нет монеты, да и Наташу не смогу оставить. Не могу, да и все. Я в Сураже утвердилась прочно и буду здесь жить до глубокой осени.

Наташе сейчас очень хорошо здесь. Бегает все время на воздухе, лепечет помаленьку, загорает, дружит с соседкиной козой, дает сдачи, если кто лезет драться. Я её этому очень старательно учу. Алека дети обижали, т.к. он был уж очень деликатен. Наташу, кажется, не обидят.

Получила от Андрея прекрасную книгу «Искусство Палеха». Очень тронута вниманием. <...>.

Передайте привет Ольге Яковлевне. Как её здоровье? Але скоро напишу. Всего хорошего. Целуем Вас обе, Наташа и я. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 64 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 29 мая 1935.

29/V/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...>. Добралась я до Суража благополучно, если не считать того, что подъезжая к сосоннику увидела на пригорке Наташу и чуть не вылетела из вагона. Встреча была потрясающая! Наташа первый раз в жизни бежала по настоящему

(ко мне!). Она очень обрадовалась игрушкам, все ей понравилось, и все в большом ходу. <...>. Раздолье и приволье ей здесь замечательные. <...>. Мы с ней много поем и пляшем. Я хочу, чтобы она была веселая, чтобы у ней был «легкий» характер. <...>.

Сады у нас сейчас в полном цвету, все бело от цветов. Очень хорошо сейчас в Сураже. Напишите, поговорив сначала с Алей, можно ли договариваться насчет комнаты. <...>. Жилье в Сураже подыскать летом будет очень трудно – народу прибывает, т.к. заканчивается постройка новой электростанции, и наехало много монтажников. <...>. Как сейчас Ваше здоровье и работа? <...>.

Получали ли Вы хоть что-нибудь от Андрея? Ну, уж и будет ему, если он жив вообще! Завтра я посылаю в Учком телеграмму, т.к. не получала из Гоби ни шиша вот уже два с лишним месяца, знаю обстановку, и вполне законно и обосновано мое беспокойство. Он прекрасно знает, что я буду беспокоиться, т.к. бывала там не раз. <...>. Когда-нибудь мы, без обид, поговорим обо всем втроем: Вы, я и он. <...>. Целуем Вас обе. Привет Ольге Яковлевне, Але и Леше.

Ваша М.Симукова.

IV 65 М.А.Симукова – Ал.Д.Симукову. 8 июня 1935.

8/VI/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Милый Леша,

что это из Москвы ни от кого нет вестей? Все ли в порядке? Как здоровье, жизнь и прочее всех родственников? Напиши.

От Андрея тоже ни бум-бум! В середине мая должна бы быть телеграмма (по условию) из пустыни³⁸⁷, а в конце мая он должен бы быть в УБ <Улан-Баторе> и, конечно, телеграфировать. Но у твоего великого брата сроки никогда не совпадают с намерениями, и, хоть пора мне привыкнуть к этому, все-таки боюсь ужасно. Все может быть... и т.д. Уж и попадет ему, если все обойдется благополучно! Вчера я послала телеграмму в Учком, если не ответят дня через 4, пошлю в Полпредство. Пропал большой рыжий муж!

Ведь он, идол этакий, однажды до чего дошел – повез меня, овечку бедную (в 27-ом знаменитом году), изъездили мы весь белый свет, прошли

все сроки возвращения, и из УБ <Улан-Батора> собиралась тронуться экспедиция на розыски во главе с Сергеем Александровичем <Кондратьевым>!

Сейчас я в довольно-таки неинтересном положении. Сижу и жду, а чего? Пока не известно. <...>. Если у вас будут какие известия, то напишите мне поскорей.

Как ты живешь сейчас? Отправил ли семействочко на дачу и куда? У нас лето пока неинтересное – ветра и холод. <...>. Как чувствует себя моя уважаемая племянница и её мамаша? <...>.

Ты знаешь, по приезде из Москвы я не получила ниоткуда ни одного даже самого завалышенького письмишка. Сама тоже не пишу. <...>.

Лешенька, если есть монета, пришли мне некоторую сумму. У меня денег давно нет.

Пиши мне, пожалуйста. У меня всегда немного сжимается сердце, когда вспоминаю тебя в твоём подвальчике³⁸⁸ <...>.

Всего хорошего.

Мне все-таки очень грустно и нехорошо. Где этот рыжий чёрт? Если что с ним случилось, то что и где? Если объявится – между нами все порвато!!!

Привет бабушкам и Але, семейство поцелуй.

IV 66 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 16 июня 1935.

16/VI/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

очень рада Вашему письму. Андрей, все-таки, объявился. Телеграммы от него я так и не получила, и волновалась потому, что он перед экспедицией писал мне, что телеграфирует из Гурбан-Сайхана³⁸⁹, примерно, в середине мая. Ну, к середине июня меня и разобрало беспокойство. Он, таки, верен себе! Всегда затянет экспедицию и всегда издегает меня своими безвестными отлучками. <...>.

У нас все, по-прежнему, в порядке. Наташа растёт, бегаёт, лепечет. <...>. Когда же будет Ваш отпуск? Напишите. Я постараюсь найти комнату. <...>. Теперь просьба к Вам. Переадресуйте мне небольшую сумму (6–7 руб.) на Торгсин. У нас ходят упорные слухи о закрытии «лавочки». Может быть, мне придется покупать в запас всякие продукты (крупы). <...>. Попросите также Лешу выслать мне малую толику советских <денег>, а то я давно живу на то, что отец даёт маме. <...>. Приезжайте к нам скорее. Пишет ли Ольга Яковлевна? Как на нее действует отпуск и новые места?

Мне скучно и тоскливо невероятно. И делать-то уж ничего не хочется.

Занимаюсь Наташей, хожу на базар и работаю по дому, вот и вся моя жизнь. А погода сейчас великолепная. Погулять бы, да боюсь одна. Тут много рабочих понаехало – одна никуда не пойдешь.

Словом, мои принципы – как можно меньше мешать Андрею добиваться намеченной цели – боком мне вылазят. Но это, конечно, было и будет так, меня всегда угнетает мысль, что я не могу взять на себя хоть часть забот о материальном благополучии семьи. Нет специальности.

Вы не сердитесь на меня за последнее сердитое письмо. Я очень боялась и боюсь за Андрея. Ведь Наташа и он – это все, что у меня есть хорошего и близкого. Если будет еще что от него – пишите. В Сураж частенько не доходит корреспонденция. Да и он, рыжий, хорош! Последнее письмо было от 26-го марта! Я так сердита на него, что писать не буду совсем. Всегда из Гоби можно послать нарочного с пакетом в УБ <Улан-Батор>. Пишите нам чаще. Целуем Вас обе.

<...>. Наташа уже ждет бабушку из Москвы. Всего доброго.

Ваша М.Симукова.

IV 67 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 2 сентября 1935.

2/IX/35 г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые мои белочки, большая и маленькая!

Прошло уже две недели по возвращении из экспедиции, и только сегодня, в день рождения Наташи, я сел писать вам отчет о своей жизни за целые полгода. Надо было осмотреться в Уланбаторе, а главное – выяснить вопрос с отъездом. Так как именно это интересует, надеюсь, вас больше всего, то расскажу сначала о сроках желанного возвращения. С Учкомом дело обстоит по-старому, т.е. весь вопрос в выполнении давно уже запроектированных работ. Разговор в полпредстве определил почти то же положение. С первой же почтой пошлют запрос о смене. Ко времени окончания работы этот вопрос определится, и задерживать меня не будут. Более того, полпредство само заинтересовано в моей учебе и поможет мне в этом деле. Таким образом я выеду в Москву примерно через 3–4 месяца. Я виноват перед вами, что долго «прогулял» в экспедиции и тем самым отодвинул время отъезда, но так было нужно.

А поездил я всласть! Объехал в последний раз все знакомые места и всех знакомых людей, вплоть до Ноин богдо. Не был, конечно, только на Эцзин голе.

Выехали мы втроем – Дондок³⁹⁰, Фучин³⁹¹ и я – на учкомском автокаре в Цецерлик, где остановились у Акатовых³⁹², а затем проехали дальше, в Ихэ

Тамир, прямо к знакомой юрте. В Хангае, именно в этом сомоне, я болтался, работая по кочевкам, целый месяц. И Дондок, и я чуть не получили растяжение желудка, так как съедали до пяти увесистых обедов в день. Хорошо, что не было кумыса и архи – ранняя весна. В Цецерлике я купил трех верблюдов (950 тгр!), и на них, сидя сверх багажа, мы перевалили в Туин гол и быстро пошли вниз, к Орок нору, делая в среднем по 30 км в день. На Орок норе стояли пять дней около юрты Дэмчика. С ним, к сожалению, я так и не виделся, так как он уехал в гости к сестре (помнишь, ты снимала нас всех в Шинэ усу, перед Хухэн даба?) Взяв в подмогу еще одного верблюда, мы двинулись дальше и перевалили Ихэ богдо в его восточной части, восточнее Убты. Видел я много аргали (мазал!) и полазил по скалам. Затем мы вышли на Легин гол и почти по старым нашим с тобой следам дошли до Цзун толи (под Нэмэгэту). Проводниками я не пользовался вовсе, а шел по старой памяти, кое-где спрашивая о дороге. От Цзун толи мы свернули на восток, к Баян тухуму, и шли по моим автом<обильным> следам 1931 года, осмотрев по дороге Чудиновскую яму³⁹³). Оказывается, именно в ней мы дошли без воды в 31 году³⁹⁴! А вода была, правда в стороне от дороги. Похожие на Баян цзак обрывы песчаника, и в нижних слоях пропасть костей, почти что сверху. Целых, правда, нет, и живьем динозавры не бегают. По-видимому, третичная фауна. Я таки нашел целый череп, но взять его пришлось по кусочкам. Варварство!

Дальше мы прошли через Хонгорин гол, Хабтаргу, Б<аян> тухум и Б<аян> далай в Далан цзадагай. В песках Хонгор Элис дошли от жары, а на Хабтарге попали в снежную пургу. Уже в Баян тухуме все спрашивали про тебя, особенно бабы. Санги-до в Б<аян> далае. Там же я видел Ханду – бухгалтер первички³⁹⁵! Народу совсем мало – 5–6 юрт. Видел Будун Галсана, Нарин Галсана и кучу старых знакомых. Под Охин хутулем мы, как снег на голову, нагрянули к Бацзару³⁹⁶). Он был искренне рад, зарезал барана, ухаживал, как мог. Живет по-прежнему неважно. Я ему много помог деньгами и вещами – увез, как ты говорила, многое из своего.

В аймаке³⁹⁷) я просидел дней 10 в ожидании денег. Бывал у Табхая – он теперь работает там. Русских совсем мало – сейчас осталось три человека. «Мой город» растет. Много домов, радио, часты почтовые машины. Жизнь идет!

Дондок уехал в У<лан> Б<атор>. Я продал честно отшагавших 900 км верблюдов и вернулся в Баян далай, где купил новых. Окончив здесь работу мы вдвоем с Фучином отправились в Ноин богдо. Первая же юрта в знакомых местах была юртой Чжамцо (вез нас в УБ в 27 г.), вторая – Чурума (отец Санчжичжаба). Дугар³⁹⁸) уже замужем, старики все те же, Санжача³⁹⁹) женился. Стояли они в Хабчиле, на ю. склоне Тушемыла. Все на старых местах! Был я

на Ихэ Дэбсэжэ, где до сих пор видны следы нашего стойбища 1925 г.! Проезжал Ара шанду. Очень и очень хорошо приняли меня Дагва доржи с женой (были в 27 г. на Ара шанде). За эти 8 лет народ здорово изменился, стал гораздо развитее, с более широким кругозором. Приятно видеть такую перемену.

Дальше мы, все время вдвоем, прошли в Тосту и через Чонай бом по старым следам вышли в Цаган богдо. На этот раз там были юрты. Я нанял проводника, пару теменов⁴⁰⁰) и за 10 дней объехал все эти горы, уйдя на запад км на 100 дальше, чем в 27 г. В атласе⁴⁰¹) ты найдешь г. Ата богдо – это крайний западный пункт моих странствий. С этой горы я хорошо видел вечные снега Тянь шаня, Ачжи богдо, большой кусок Монгольского Алтая и Бэй шань, словом, радиусом на 200 км. На обратном пути лазил на Цаган богдо, откуда видел Мацзуншань. Тех разбойников, которые грабили народ в 27 г., нет и в помине – их вырезали киргизы. Так, лазая в поте лица на горы, я осмотрел всю дикую Западную Гоби. Теперь мне там делать почти нечего. Обрато мы шли быстро – по 40–50 км в день (да и вообще не ленились) и задержались лишь в Ноин богдо у сомона⁴⁰²) (было дело) и у Санчжи (начался кумыс). В аймаке удачно подошла машина, и мы ночевали всего одну ночь. Бацзару на обратном пути я подарил целого верблюда. Он проводил нас до аймака и посадил на машину.

Всего я проездил 5 месяцев и сделал 1000 км на машине и 2500 – на верблюдах. Ходили мы напористо – от 30 до 50 и даже 60 км в день. И Дондоком, и Фучином я очень доволен. Фучин с честью выдержал весь путь без слова жалобы, работая как молодой, и за поездку избавился от своей старой скверной привычки⁴⁰³). Я здорово поправился. В.Н.Носов⁴⁰⁴) сказал, что толстеть мне больше нельзя. Кроме того, по его мнению, за это время я еще возмужал, и исчезли последние юношеские черты. Пора!

Сейчас сел за работу. Живу в квартире Рачковского⁴⁰⁵), так как наш дом собирается развалиться. Ем за троих, беру молоко, полностью здоров и прямо смотрю вперед. Привыкая к будущей (и скорой) Москве, хожу в новом фетре, всегда бритый и в чистом воротничке (падай в обморок!). С долгами расплатился, теперь буду копить и собираться к отъезду. О делах московских напишу Леше. Читал его рассказы в «Огоньке». Понравились. Перевел⁴⁰⁶) сразу за три месяца половину вам в Сураж, половину в Москву. «Мерлок»⁴⁰⁷) у нас будет – сил хватит. Леше я дам на этот счет конкретные указания. Дачи я не боюсь и даже предпочту, ибо в городе хорошо устроиться невозможно. Чтобы скрасить последние месяцы разлуки я буду теперь писать вам, мои белочки, еженедельно. и сообщать о своей работе. Сейчас заканчиваю карту экспедиции⁴⁰⁸), Очерк Западной Гоби⁴⁰⁹) и очерк Кочевков Убур Хангая⁴¹⁰).

Шлю фото «на верблуде». В следующем письме пришло изящную фото-

физиономию в фетре. Очень жду ваши рожицы – пришлите, пожалуйста, поскорее. Пиши, детка, подробнее о вашей жизни, вплоть до меню, и побольше о Наташе. Я же свое обещание относительно писем выполняю полностью.

Очень хочется поскорее начать новую жизнь с вами. Очень плохо одному! Больше писать не буду, чтобы не задерживать письмо.

Крепко целую вас обоих, хочу и жду вашей ласки, мои родные. Здесь смотрю иногда на чужое счастье весьма завидующими глазами.

Привет родным и знакомым.

Ваш папа и «чоловік».

IV 68 М.Я.Симукова – Н.Я.Симуковой. 27 сентября 1935.

27/IX/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

<...>. Получила, наконец, письмо от Андрея. Вы знаете, когда он придет? По его словам не раньше, чем через 3–4 месяца. В переводе на наше исчисление это будет, примерно, к маю месяцу. Уж я то хорошо знаю его сроки! Прислал фотографии экспедиционные: на верблюде и караван. Пишет, что потолстел, отдохнул, опился кумыса. Ходит, говорит, в новом фетре (!) и чистом воротничке. Я его все пугаю московской подтянутостью в костюме, и он старается привыкнуть к «московскому виду».

Совершенно неожиданно получила письмо от Миши Андреевского⁴¹¹). Предлагает возобновить старую переписку. Кажется, Андрей и я в его глазах овеяны ореолом романтики, приключений, знакомства (ближайшего) с мертвыми городами и тысячелетними древностями. Да оно, в сущности, так и есть на самом деле!! Долой скромничанье – Андреева чашечка (из могил Ноин-Улы) ездил, ведь, на экспертизу в Париж, мои экспонаты из Хара-хото красуются, ведь, в Монгольском Музее? Кстати, чашечке оказалось 2000 лет, и это единственный предмет с надписью, указывающей дату. <...>.

Наташа говорит уж совсем почти хорошо и обо всем. Бабу Наташу она вспоминает часто и все указывает: «Вон и крыша красная, где баба жила». Заподозрив, что маме скучно без папы, спешно исполняет «Чижика» и другие песенки и уверяет, что папа скоро-скоро придет. Мне кажется, что она раздумывает иногда над тем, что у других ребят папа есть, а у нее нет. Во всяком случае, увидев Аню с папой, она мне часто говорит: «Вон поезд идет, это мой папочка едет». <...>.

Целуем Вас обе.

М.Симукова.

IV 69 *А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 сентября 1935.*

27/IX/35

<Уланбатор>

<в Сураж>

Милые, дорогие мои белочки,
большая и маленькая!

Дня два тому назад получил наконец долгожданные письма от тебя, моя женушка, и от мамы. Почта безобразничает, и письма эти валялись здесь чуть ли не неделю, прежде, чем попали в Учком.

Прежде всего отвод от обвинения в молчании: около 1-го июня, когда я попал в Далан цзадагай, я прежде всего послал радиogramмы тебе и маме о том, что задержусь в худоне на более длинный срок. Ни одна из этих телеграмм вами не получена. Ясно, что получение телеграммы тобой успокоило бы тебя, и ты воздержалась бы от преждевременных похорон своего беспутного мужа.

Ваши письма меня обрадовали и огорчили. Меня все время мучает твое суражское сиденье. Главное, что из-за Наташи радикально этого изменить нельзя. Я не представляю себе, как могла бы ты жить в Москве отдельно от Хрущев⁴¹²⁾ без меня. Я же не могу оторваться отсюда, не закончив хотя бы самого необходимого. Ехать в отпуск нелепо, когда впереди всего каких-нибудь 4 месяца работы. В прошлом письме я уже писал тебе о том, что мой отъезд в конце зимы прошел по обеим инстанциям, причем полпредство считает мой отъезд и дальнейшую учебу необходимым и с их точки зрения.

В Учкоме я поставил дело так, что не толкусь там зря, а захожу «для связи» и приношу готовые работы. Пока что сдал «Очерк Западной Гоби» (Цаган богдо etc.) в три печатных листа, «Кочевки Убур Хангая» в ½ печатных листа, обработал съемку и выполнил одно задание, не входившее в план. По текущей работе я со вчерашнего дня начал преподавать географию на маленьких курсах, организованных при Учкоме⁴¹³⁾. Час в день, готовиться мне не надо, слушателей всего 6–7 человек.

Встаю рано – в 7–8 часов, пью чай с молоком. Потом, в зависимости от обстоятельств, либо работаю дома, либо иду по делам в Учком и др. места. С 3 до 4 часов урок, потом обед. С 5 до 6 – «приемные часы», когда ко мне приходят по делам и т.д. Потом прогулка по городу и необходимые визиты до 8 часов. Домой, чай и работа за письменным столом. Пью редко и не люблю этого дела – жалко времени. Танцую совсем редко – вообще на «вечера» ходить избегаю. Правда, неделю назад был с Носовыми на вечеру и «обслуживал» один четырех дам. Хвалили. Значит есть еще порох в пороховницах! А в общем обстановка уланбаторская с той, впрочем, разницей, что считаю себя уже отрезанным ломтем, не загружен текущими

мелочами и основное внимание сосредотачиваю на фундаментальной работе, приближающей день отъезда. Сплю обычно 6 часов. Новых интересных знакомств нет. На днях должны приехать арахангайцы. Я уже получил письма из худона.

Стоят дивные теплые осенние дни. Очень хочется в лес, золотой лес монгольской осени. Вероятно, уже начали реветь изюбри... Но жаль времени. Вспоминаю о тебе, о Сураже и отворачиваюсь от Богда улы. Здоровье пока прекрасно. Никаких желудков и прочего. В худоне зарядился здорово.

Теперь можно посплетничать об Уланбагоре и худоне. В УБ начинают мостить улицу от Универмага к милиции (старое ГВО⁴¹⁴). В автобусе не позволяют стоять, за посадкой следит мильтон, женщины с детьми – с передней площадки. Культура!

Н.П.Ш.⁴¹⁵ в ближайшее время уезжает в Москву. Нина Ник.⁴¹⁶ ушла от Нацока⁴¹⁷ к Тубдэну (Данара ушла ведь к Цзандре) и тоже уезжает в Союз. У Радны хороший сын⁴¹⁸. Она все полнеет, но по-прежнему свежа. Носовы все те же. Работают оба. Светлана их – жуткий чудо-богатырь. Нелли Гитман уехала. Вообще народу все меньше и меньше. У папы Миши⁴¹⁹ бываю очень редко. Теперь у нас два секретаря – он и Цэ-ригцзин. Мерген Гомбочжаб⁴²⁰ уехал в Ленинград со всей семьей. Ему в Союзе нравится больше, чем здесь. Гава (музейный) работает сейчас в виномонополии и получает 140 тугр. Дандар работает в автобазе. В общем всё и все по-старому, и сногшибательных новостей нет.

О худонских приятелях я уже писал тебе кое-что. Скажу ещё раз, что такой глухой угол, как Ноин богдо резко переменялся. С людьми можно говорить на самые современные темы, не боясь непонимания. Я подолгу разговаривал с Санжачей, с Дагва доржи и другими. Хорошо было на обратном пути, уже усталому, отдохнуть два дня у Чурумовских. Они стояли вместе с той юртой, где я в 1925 г. лечил старуху. Жива, бегает и работает! Я переходил из юрты в юрту, пил кумыс в несметном количестве, сплетничал со старухами, шутил с молодежью, играл с ребятами и смотрел на знакомые горы.

Между прочим только в Цаган богда я почувствовал всю свою практику за время с 1927 г. Идя тем же маршрутом один, без проводника, я без труда расшифровывал довольно таки запутанную местность, по которой тогда прошел, как слепой. «Очерк Западной Гоби» - почти открытие большого района, о котором до сих пор ничего вразумительного не было.

Тебя вспоминают везде с большим теплом – и на Орог нуре, и на Лэгин голе, в Баян тухуме, в Баян далае, Ноин богдо и Тосту. Не помню, писал ли тебе о том, что послал фото Циндэ⁴²¹ и в ту юрту, где ты ждала меня на Торцо⁴²², пока мы с Лубсанчжабом ездили к Циндэ. С вершины Тосту видел оба Эцингольских озера. Увы! Сейчас там ходят автомобили из Китая в

Синьцзян. Где романтика бесконечного пути верблюжьего каравана?!

Очень приятно было отдохнуть и у Бацзара⁴²³). Здесь я чувствовал себя положительно, как дома. Он сразу понравился и Дондогу, и Фучину – оба старались выразить ему свое внимание и подарили все, что можно было. Дондог, кстати, снова уехал в Ленинград. Я просил его, по возможности, зайти на Хрущи.

Вообще поездка этого лета дала очень много впечатлений. В последний раз!

В Цаган богда наслушался много разбойничьих историй, которые в свое время тисну в беллетристику.

А за всем этим очень и очень скучно мне, мои родные белочки, без вас. Пуста одинокая жизнь, и никакая деятельность этой пустоты не заполнит. Еще раз скажу, что очень больно мне думать о твоём суражском сидении. Радостно было узнать, что мамин приезд немного развеял тебя. Не сердись на меня за долгие сроки, родная моя. Так было нужно. Как хочется сейчас приласкать и приласкаться самому, быть рядом, вместе с самыми близкими мне... просто и слова не подберу.

Крепко целую обеих.

Ваш папа.

IV 70 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 27 октября 1935.

27/X/35г.

Уланбатор

<в Сураж>

Милые, родные мои белочки!

Несказанно обрадовался я вашим письмам, в одном из которых была фотография Наташи. <...>. По фото видно, что она перестала быть дитём и превратилась в маленького человечка. Это, в соединении с твоими, Миля, письмами, помогает мне реально представить себе её, живую и жизнерадостную. Расцелуй её от моего имени настолько, насколько допускает это твоя педагогика.

Мне здесь очень скверно. Уланбатор надоел до чёртиков, все время думаю о вас, об отъезде и изображаю из себя отрезанный ломоть (отрезанный, разумеется, от Уланбатора). Скучища, увеселения надоели, по гостям хожу очень мало и всегда по специальным приглашениям. Даже в кино почти не хожу. В театре (монгольском) был всего раз, и то потому, что мне купили билет и принесли его на дом.

Живу я пока в квартире Рачковского⁴²⁴), в Барановском⁴²⁵) доме. Думаю на днях перебраться на старую квартиру, когда там немного подремонтируют.

Дел, как всегда, куча. В порядке общественной работы по предложению

полпредства проверял кружки монгольского языка в Минскотземе и Управлении связи в качестве экзаменатора. Теперь дали еще дело: начинать преподавать географию в старших классах сов. школы (8 часов в неделю). Отказаться нельзя. Мне это дает лишнюю сотню в месяц, освежение географических познаний и опыт в преподавании. Однако, лучше бы это делать в Москве, чем здесь.

Основная работа движется вперед. Сейчас работаю над гобийскими кормами – перечитываю твои записи и вспоминаю наши странствия. В предисловии с удовольствием оговорил твои заслуги в этом деле.

В одном из твоих писем промелькнула нотка сожалительного воспоминания об Уланбаторе. Брось, не стоит он того. Все как-то меняется, и сейчас обстановка уже не та, что была при тебе. Нехорошо⁴²⁶⁾, все надоело, пора кончать это дело.

Носовское «заведение» действует ежесубботне. Только там и бываю. Очень многие уехали и уезжают⁴²⁷⁾.

Недели полторы я промаялся с гриппом. Сейчас ничего. По это причине откладывал написание этого письма. Не до того было! Гриппует весь город, и уже изобретено словечко «гриппер».

Наш Цецен хан⁴²⁸⁾ женился!... на бурятке-уборщице (дочь старика-галчи⁴²⁹⁾ Дамбы). В городе мостят улицу от универсама до поликлиники и собираются мостить у ГВО и Банка. Вот тебе две самые сногшибательные новости.

О моем отъезде уже написано в соответствующие инстанции в Москву на предмет смены⁴³⁰⁾, дожидаться которую я не буду (что оговорено). План моей работы в текущем году Учком несколько сократил вследствие долгого пребывания в худоне. Я не собираюсь доделывать все свои хвосты, а дам лишь самое необходимое.

Не тоскуй, детка, скоро увидимся. Я очень хорошо помню, что тебе стукнет 32. Да и я ведь не мальчик! Довольно фокусов. Надо пожить солидно.

Пока кончаю письмо, чтобы оставить зарядку для следующего.

Крепко целую обоих.

Ваш нөхөр⁴³¹⁾ и папа (ачжа).

IV 71 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 ноября 1935.

18/XI/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Вчера прочитала в газете о ликвидации Торгсина⁴³²⁾. Жаль, что так быстро. <...>. Если можете, то попрошу Вас купить материал для шубы Андрею.

Наташке, конечно, на шубку и пальто демисезонное, к следующему году у ней ничего нет. <...>. Получила от Андрея письмо. Хворал, был грипп. Очень скучает. Видимо, ему там надоело и хочется вырваться поскорее. Дай Бог! В восторге от того, что получил, хоть плохую, Наташину карточку. <...>. Я все посматриваю, как Наташа растет быстро. Сейчас она похожа на четырехлетнюю в своей длинной монгольской шубке.<...>. Часто вспоминает Вас и тетю Алю. <...>. Очень ждет папочку и все спрашивает: «Папочка мой где?» <...>.

19/XI/35 г. Сейчас была в Торгсине. Ликвидировала имевшиеся 19 руб. Купила Андрею 3 метра сукна для шубы. Так что там ему не покупайте. Возьмите взамен этого матерьял на платья. Если останется немного, то купите Але и мне по паре хороших (не шелковых) чулок. <...>.

Целую Вас обе. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 72 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 10 ноября 1935.

10-XI-35

<Уланбатор>

<в Сураж>

Милые мои солнышки!

Это письмо откладывалось в довольно долгий ящик по причине моего нездоровья за последние две-три недели. О своем гриппе я уже писал вам раньше. Он продолжался недели полторы, причем несколько дней я из дому почти не выходил. Прошел он не просто, а дал осложнение на мое несчастное пузо. Поэтому мое «выбытие из строя» продолжалось еще столько же. Какие тут письма, когда ежевечерне я тихо корчился на своей одинокой постели! Ходил на рентген к В.Н.Носову и мрачно ел кашу с сернокислым бариумом, ежась от холода рамки аппарата <...>. Желудок мой В.Н. нашел в полном порядке. Однако потребовал, если боли будут продолжаться, взять еще раз желудочный сок <...>. Я сразу же сел на диету и несколько дней питался чаем с сухарями и бульоном. Случайно или не случайно вся история прекратилась на праздниках, когда я с разрешения В.Н. и у них же на квартире «несколько повеселился», обслуживая, по обыкновению, четырех дам. Теперь я снова здоров. Хотел было добавить, что и весел, но это не так. Повторю еще раз, что Уланбатор мне в достаточной степени осточертел, все надоело, очень и очень тянет к вам, родные мои, и вообще домой. Я совершенно не представляю себе возможности оставаться здесь⁴³³, хотя бы и с вами. К счастью, в моем отъезде отсюда нет никаких сомнительных моментов. Возможно, что я сумею осуществить его раньше, чем предполагал. Не мила стала и работа, на которую я смотрю сейчас как на препятствие к

отъезду. Лишь трезвое рассуждение о том, что самое необходимое все же лучше сделать и написать здесь, нежели дома, что у меня все-таки есть какие-то обязательства перед Учкомом, что надо, как-никак, уехать из Монголии с честью – заставляют выполнять теперь уже минимальную программу обработки материалов. Думаю, что уже к Новому году эта программа будет в основном закончена.

Нагрузка у меня сейчас полная. Два раза в неделю еду к девяти часам в Совшколу (учитель гимназии!) в Консульский поселок. Школа помещается в расширенном теперь доме б<ывшего> Стормонга⁴³⁴) против Полпредства. Ребят из города возят в специальных автобусах. Я езжу тоже на них. Отбарабаниваю свои четыре урока (6а, 6в, 7 и 8 классы) и на автобусе же тороплюсь в город на двухчасовой урок на учкомских курсах⁴³⁵) (та же география на монгольском языке). Потом домой и за работу до поздней ночи. В дни, когда уроков в Совшколе нет – утром чаще всего всякие дела. Часто бываю на востоке⁴³⁶). Вообще помнить надо об очень многом. Кажется, я уже писал тебе о моей деятельности, как экзаменатора двух кружков монгольского языка. По этому делу пришлось как-то даже съездить в Сонгин. Впрочем, ехал я с фасоном. Меня возил советник МСЗ⁴³⁷). Работаю и для Штаба – опять проверка названий⁴³⁸). В общем, в эти последние месяцы буду зарабатывать по 500–600 тгр. В кино не был с сотворения мира. В Ленклубе – только на торжественном заседании и то потому, что прислали для меня билет. По гостям хожу лишь по настойчивым приглашениям не чаще раза в неделю.

Но, конечно, болезнь меня подковала здорово. Потерять столько вечеров! За время болезни я едва лишь подвел к концу «Гобийские корма» со всеми приложениями. Получается 4 печатных листа. На фоне всего этого еще во время болезни твое несколько «краткое» письмо, белочка, подействовало, как не совсем заслуженная пощечина. Эту пощечину я ощутил буквально физически и с великим трудом удержался, чтобы не побагроветь до кончиков волос под любопытным взглядом Н.П.Ш.⁴³⁹), передававшей мне письмо. До сих пор я имел привычку вскрывать письма и телеграммы немедленно по вручении. Теперь придется быть осторожнее.

Сегодня я получил твою телеграмму из Москвы и весьма обеспокоился. Как и почему потеряла и зачем снова нужна бумажка о моей службе? Между прочим, я имею возможность сделать тебе «добавочный» перевод. Можно прислать и оригинал. Напиши, что лучше?

Таково мое довольно гнусное уланбаторское житьишко. Все мое здешнее знакомство превратилось в шапочное – фактически бываю только у Носовых,

а в другие дома хожу лишь по делу. Живу в квартире Рачковских⁴⁴⁰. Наш дом пришел в ветхость. Весной пойдет на слом, и мне ради двух-трех месяцев жизни в нем было просто совестно заставлять НИК⁴⁴¹ выбрасывать на ветер 400 тгр. за минимальный ремонт в нем, хотя наши и вполне шли в этом отношении навстречу. Мне же здесь удобнее. Я пользуюсь кухней, прихожей и комнатой А.Л. Пока было тепло, я работал в большой комнате З.А.⁴⁴². Рядом живет Нацок⁴⁴³ и еще ребята-монголы. Во дворе стоит еще юрта. Со мной живет Фучин⁴⁴⁴, временно работающий в столовой по соседству. Все-таки живая душа, хоть мы и мало разговариваем друг с другом, умея вместе молчать. Он помогает мне по хозяйству и в прочих неслужебных делах (дрова, стирка и т.д.). Кормит скромными шами. Именно благодаря ему я мог держать диету. Я уже писал тебе, что он за поездку окончательно освободился от своей скверной привычки⁴⁴⁵ и более к ней не возвращается. Здоров, очень кланяется тебе и Наташе, всегда вами интересуется и заботится о том, чтобы я мог уехать в Москву как следует и смог бы там наладить наше гнездо.

Всегда справляется о вас Радна⁴⁴⁶, которую я вижу очень редко. Очень просила передать тебе привет и Нина Аркадьевна⁴⁴⁷. У них я как-то совсем не бываю. Она работает сейчас в Востваге⁴⁴⁸. Положение папы Миши⁴⁴⁹ было одно время, говорят, весьма шатким и сейчас посредственно. Вообще я совершенно сознательно, а отчасти и по причине недостатка времени, поставил себя в положение уже отрезанного ломтя. Так лучше.

После твоих писем о «прелестях» суражской жизни, а также и потому, что с каждым днем срок разлуки становится непропорционально ощутительным, ежечасная мысль о вас, любимые мои, о вашем бытѣ равносильна поджариванию на сковороде, при сознании, что прыгнуть с этой сковороды к вам, домой вот сейчас, сию минуту – невозможно без серьезных последствий для нас всех. Я думаю, что из этого письма ты видишь, что от прежних сантиментов по отношению к своей работе у меня осталось очень мало. Основная мысль сейчас – пути скорого и полного перехода от нашего с тобой вечного бивуака к соответствующей возрасту, заработанной нами жизни в настоящем «гнезде».

Крепко целую вас, мои любимые, единственные. В хорошую минуту пожалуйста немного вашего папу и Андрея.

IV 73 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 декабря 1935.

2/XII/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна!

Собиралась писать Вам с первым снегом, который произвел на Наташу

большое впечатление <...>. Она радовалась от души и вдоволь насладилась снегом – катали бабу, копали снег лопатой, бросались снежками, валялись, падали, катались в санках. Я рада, что она так весело умеет реагировать на то, что ей нравится. Ходит она сейчас в синей монгольской шубке, белой пушистой шапке и в большущих старых валенках. Совсем мужичок-с-ноготок. <...>. Папу она очень ждет, много говорит о нем и о кукле, которую он привезет.

Получила сегодня от Андрея телеграмму, пишет, что основную работу заканчивает к 1-му января (а сколько работ не основных?), выслал спешной почтой справку, перевел за ноябрь-декабрь в Москву телеграфом. Здоров и привет всем.

Относительно пессимистического взгляда на жизнь – Вы, наверное, видите по моим письмам, что единственная радость и надежда в жизни у меня только Наташа. Зачем же мне рисковать ею? В повседневном отношении к ребенку я (как Вы, надеюсь, заметили летом) не безумная мать, слепо над ней не трясусь. Но со дня рождения Наташи нет покоя моей окаянной душе – я знаю, как легко и от каких, казалось бы, пустячных причин гибнут дети. <...>. Есть от чего впасть в пессимизм. А Наташке нужна простая и здоровая, правильно урегулированная жизнь. Кой-что от этой жизни у ней сейчас имеется, и на том спасибо. <...>.

Нам в Сураже без здешнего Торгсина делается плохо. Масла на рынке совсем нет, так как коровы еще не начали тельиться. Хоть плачь! <...>. Если сможете, купите мне, пожалуйста, валенки <...>. В Сураже ничего нельзя достать! Хорошо бы нам и масла получить кило 3. <...>. Постарайтесь прислать как-нибудь.

<...>. Целуем Вас с Наташей обе крепко.

Ваша М.Симукова.

IV 74 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 18 декабря 1935.

18/XII/35г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

получила Ваше письмо. Очень рада, что все здоровы и все хорошо. Долгое молчание всегда беспокоит меня. Получила письмо от Андрея, опять животом мается!

Огорчена, что ликвидация остатков <бонов Торгсина> связана с такими трудностями для Вас. Приехать вряд ли смогу. Нет сейчас денег и, самое главное, Наташу боюсь оставить. <...>. Если можете, купите, если попадетесь, что-нибудь хорошенькое из мужских вещей, например, джемпер, носки.

Хорошо бы ему купить белого <материала> для летнего костюма!

Наташа очень выросла. Говорит много и обо всем. <...>. Скушает о «папотьке». Сегодня уж звала его: «Папочка, приезжай скорей! Ох, скоро ли наш папочка приедет?» Тяжело жить так. Наташа часто вспоминает Вас и тетю Алю, ждет, что Вы скоро приедете. Лицо у нее уж вполне оформилось. К приезду Андрея будет совсем большая девочка!

Крепко целуем Вас обе. Привет от мамы. Привет всем.

Ваша М.Симукова.

IV 75 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 1 декабря 1935.

1-XII-35

Уланбатор

<в Сураж>

Дорогое мое семействочко!

В этом письме посылаю спешной почтой просимый тобой, Миля, документ. Думаю, что я сделал правильно, послав копию той справки, которая была выдана Полпредством на твое имя. Это солиднее Учкома, и там все сказано. Если нужно будет все же иметь тебе бумажку от Учкома или копию удостоверения о твоей работе там – вышлю незамедлительно.

Все идет к концу, как, например... Торгсин. Два дня назад я выслал в Москву телеграфом, очевидно, последние переводы за ноябрь и декабрь месяцы. Распорядись всеми остатками Торгсина, как знаешь.

Я сейчас развиваю деятельность несколько бешеного характера: помимо всех нагрузок заканчиваю основную работу к новому году, чтобы в январе очиститься окончательно и подготовиться к отъезду. К 1 января я закончу все о кочевках, хотонах и пастбищах, сделаю оригинал экономического атласа и обработаю дневники. Сейчас вся эта работа идет полным ходом. Я написал после приезда из худона: 1) Гобийские кочевки, 2) Убур Хангайские кочевки, 3) Очерк Западной Гоби, 4) Гобийские пастбища и 5) Хангайские пастбища – всего до 15 печатных листов (450 страниц).

А нагрузка у меня сейчас такая: 8 часов в неделю – Совшкола, 12 часов – учкомские курсы, теперь дают еще 2 кружка монгольского языка – 8 часов в неделю – и обещают периодические лекции. За все, разумеется, платят. Основную работу я делаю, как всегда, вечерами и ночью. Сплю 5, не более 6 часов. Зря бегаю совсем мало и только в носовском направлении, где ко мне относятся неизменно хорошо.

Ни о чем теперь не думаю, кроме отъезда отсюда. Довольно! Повоевали! Никаких препятствий к отъезду не видно и, кажется, не предвидится, так что теперь уже можно считать оставшиеся дни. Для меня время в работе проходит очень быстро – день за днем, неделя за неделей только свистят в

пространстве. Хочется думать, что до осени будущего года в Москве у меня найдется время и возможность немного вздохнуть, приостановив свой бег, и оглянуться.

Ничего мне сейчас так не хочется, как почувствовать себя около вас, мои детки! Тяжело беспризорному и неуютно в жизни.

Сейчас тороплюсь, а потому кончаю письмо.

Ваш папа.

IV 76 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 28 декабря 1935.

28/XII/35 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

поздравляем Вас с Новым Годом, желаем здоровья и всего самого лучшего. <...>.

Сегодня получили Вашу посылку. Большое, большое спасибо Вам и за посылку, и за все. Наташа сейчас же нарядилась в чулки, валенки и шарфик. <...>.

Получила от Андрея телеграмму и письмо с обещанным удостоверением. В конце января, говорит, будет собираться в отъезд. Пишет, что пока препятствий к его отъезду не предвидится. Работает очень много, о здоровье ничего не пишет. Вероятно, немного лучше, но не настолько, чтобы говорить хорошо.

Каковы Ваши дела и настроение? Как здоровье? <...>. Не помню, писала ли я о том, чтобы Любе⁴⁵⁰ купили из моих денег в Торгсине чулки или что-нибудь другое для Олечки⁴⁵¹. Мне очень хочется, чтобы Аля и Люба купили себе что-либо.

<...>. Целуем Вас обе крепко. Будьте здоровы и пишите Вашим внучке и невестке.

Привет молодежи.

Ваша М.Симукова.

IV 77 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 14 января 1936.

14/I/36 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

доехала я очень хорошо, захватила вторую полку и лежала всю дорогу. Вот только украли у меня (первый раз за все мои рейсы!) все газеты и журналы, какие я накупила на вокзале для вырезывания картинок Наташе. <...>.

Встреча, как всегда, была радостной. <...>. Мандарины произвели

впечатление! <...>. Все эти я только и слышу – мама, дай мандаринчик. По вкусу ей прихлились и шоколад, и ветчина. <...>. По-прежнему часто вспоминает «бабу Тату» и раз даже попросила рассказать сказочку про Москву и бабу Наташу. Сегодня мы с ней украшали елочку, завтра будут у Наташи гости. Елку нам принес из лесу и утвердил в чурбачок дядя Митя. Цепи и корзиночки для елки клеили, конечно, вместе с большим увлечением. <...>. Вчера я «нанесла визиты», конечно же, развлекали меня картами! Здесь это главное, как в Москве танцы, когда соберется несколько человек. <...>. А самой мне надоело до смерти быть беспризорницей. Вот и в этот приезд в Москву мне просто противно стало шататься одной. И у Жени⁴⁵²⁾ (между нами!) мне было и грустно, и нехорошо. Больше никуда и никогда не пойду одна! <...>. Нужно надеяться, что мой муж <...> приедет к десятилетию нашей совместной жизни. В марте будет десять лет! Опоздает, по обычаю!

Пишите нам иногда. Привет от мамы. М.С.

IV 78 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Февраль 1936>.

<II/1936⁴⁵³⁾>

<Уланбатор>

<в Сураж>

Милые мои детки и солнышки,
большое и маленькое!

Идут за днями дни, и больно мне до чёртиков сидеть в Урге и только думать о вас, не имея возможности услышать Наташин голосок, её веселую топотню, приласкать веселую козочку-дочушку, рассказать ей на ночь сказку и почувствовать себя в своей семье, около единственных действительно близких мне людей. Хочется дать ласку и получить её. Да что говорить об этом! Думаю, что все это достаточно понятно.

Я не совсем уверен в том, Миля, что ты думаешь о моем затянувшемся здесь пребывании. Хочется знать, что ты уверена во мне и в том, что сижу я здесь из-за вас же. Твои слова о необходимости вернуться «на щите», а не наоборот, засели у меня в сознании очень крепко. Я уже писал тебе ранее, что всякие сентименты <...> из меня давно испарились, и теперь я весь у вас, в Москве, Ленинграде, словом – в Союзе. Хочу вернуться с законченным багажом работ, а не с их обрывками.

Сейчас на этом фронте дела обстоят следующим образом: я закончил просмотр, обработку и исправление всех своих дневников; заканчиваю подбор и просмотр мелких работ (не считая журнальных статей, их набирается около 25); закончил тему о кормах и пастбищах (две новых работы и переработка одной старой); закончил тему о кочевках и хотонах (три работы). Остается написать две работы по чистой географии (Гоби и Хангай) и составить

диаграммы для Экономического атласа.

Работу по гобийским кормам кончил, в сущности, только на этих днях: чем больше писал, тем больше оставалось ненаписанного, и в результате получился объемистый труд в 300 моих рукописных страниц (11 печатных листов). Одна глава («Анализ пастбищ Баян тухумской котловины») написана целиком по твоим материалам. Эту работу я считаю такой же «коронной», как и свою «Географию». Впихал туда все, что мог. Трудно было разбираться в Хангайских пастбищах – там площадки ведь собирали не мы с тобой, а Михалевская⁴⁵⁴). Но и тут, как будто, справился. Таким образом, мой «багаж» будет заключаться в следующем:

1. Обработанные дневники 1927⁴⁵⁵), 28, 29, 30, 31 и 32 годов⁴⁵⁶)
2. Общая география: «Географический очерк МНР»⁴⁵⁷)
«Краткая география МНР»⁴⁵⁸)
«Географический атлас МНР»⁴⁵⁹)
«Экономический атлас МНР»
3. Специальная география: «Гобийская окраина МНР»
«Центральный Хангай»
«Западная Гоби»⁴⁶⁰)
4. Пастбища: «Схема растительных комплексов МНР»⁴⁶¹) (вместе с Барановым⁴⁶²)
«Гобийские пастбища»⁴⁶³)
«Хангайские пастбища»⁴⁶⁴)
5. Кочевки и хотоны: «Кочевки и хотоны Ихэ Тамира»⁴⁶⁵)
«Кочевки и хотоны Гурбан Сайхана»⁴⁶⁶)
«Кочевки Убур Хангая»⁴⁶⁷)
6. Разные работы: с мелкими заметками всего около 25. В том числе
«Карта монастырей»⁴⁶⁸)
«Монгольская картография»⁴⁶⁹) и т.д.
7. Журнальные статьи: тоже около 25, т.е. всего мелких работ около 50.

Подчеркнул я еще не сделанные работы. Общая сумма в печатных листах – вероятно, что-нибудь вроде 100 с хорошим гаком.

Примерно через месяц я сделаю, вероятно (мне идут в этом навстречу), отчетные доклады⁴⁷⁰) о своей работе как в Учкоме, так и в Полпредстве, причем хочу дать не историю вопроса, а конкретные результаты и вообще «показать товар лицом». Довольно скромничать!

Надо сказать, что перечисленными работами я далеко не исчерпал весь свой запас. Несколько тем, как по географии, так и по хозяйству, я берегу для Союза с тем, чтобы пустить их, как диссертации для получения впоследствии

ученой степени. Кроме того (мечты, мечты!), если только будет малейшая материальная возможность, мне хочется тихо посидеть в вашем кругу и вечерами, под Наташино посапывание, заняться беллетристикой, надеясь на Лешино руководство. У меня есть план одной повести, а может быть хватит сил и на сценарий. Но довольно о работе.

Что писать тебе про Уланбатор? Зима нынче была жестокая. Только теперь отпустило, а то месяца два жали морозы по 30–40°. Были неоднократные случаи замерзания людей. В Южной гоби – бедствие, выпал очень большой снег, и публике приходится тяжело. Я был доволен, что не пришлось ехать почему-либо в худон. Мало радости путешествовать по такому морозу! Учком дал мне дров (ей богу, только не падай в обморок!), и я поплеываю по этому случаю в потолок. Живу в Барановском (см. прим. 425) доме, в комнате Ан<астасии> Лаврентьевны <А.Л.Смолянинова – сотрудник геологических отрядов 1931–1933 г.г.>. Поставил чугунную печку и блаженствую. Фучин – рядом, в кухне. Друг друга не стесняем и не мешаем. Живем, как старые друзья, которые могут молчать днями.

Нагрузили меня здорово: в школе (советской) – 12 час. в неделю (3 дня по 4 урока), на учкомских курсах – 8 час. в неделю, плюс по общественной линии я – секретарь постоянного совещания преподавателей и старост кружков. Правда, все это – монета.

Это время немного прихворнул – что-то вроде ангины, но не в горле, а во рту. Пухли десны, гланды и т.д. Был очень доволен – сидел дома и писал, писал, писал. Теперь очень не хочется влезать снова в ляжку. Живот мой в полном порядке, как будто и не он болел. Красота!

Очень смешно изображать «учителя гимназии». Воистину, судьба играет человеком, а человек играет на трубе, как сказал Остап Бендер. Опрос, отметки, контрольные работы, классные журналы, исправление тетрадей. Своим же коллегам – учителям преподаю монгольский язык. Теперь это дело поставлено строго – отметки и т.д. Они краснеют, пыхтят, составляют фразы, путают «абху» и «ябху», говорят «бахугый» и «захадыр» и т.д. Второй кружок – геологоразведка (Никитин и К°).

На учкомских курсах меня хвалят. Приходится самому изобретать курс и диктовать его по письменному. Дарга⁴⁷¹), хитро ухмыляясь, говорил мне как-то, что вот тобой ученики довольны, а Цзандру-бурята не понимают.

Новый год я встречал вместе с Носовыми у Петуховых. Встретили его неплохо. Носовы дня через три-четыре сматываются. Вообще народу стало меньше. Там, между прочим, часто появляется В.Н.Тиханов. Вообще же по гостям не шляюсь, а если да, то с большим выбором и «по необходимости». У Тубянских совсем перестал бывать.

У Алексея Турутанова⁴⁷²) на днях родилась и умерла дочка (я получил от

него из Алтана⁴⁷³) телеграмму). Иногда получаю письма от своих друзей из худона. Вот, в сущности, и все об Уланбатаре.

Говоря вообще, тонус мой против прежнего значительно повысился (немного подгадила снова болезнь) – главную роль тут сыграли твои более спокойные письма, за которые большое и большое спасибо.

А в общем <...> пора менять атмосферу⁴⁷⁴). К счастью (надеюсь, обоюдному) от счета месяцев можно переходить к счету дней.

Крепко целую обеих.

Ваша тень отца Гамлета

Андрей.

Фучин очень кланяется и все думает, что послать Наташе. Срочно сообщи её рост.

Кланяются и приветствуют также и многие другие.

IV 79 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 марта 1936.

10/III/36 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

мы с Наташей живем уж на новой квартире и очень довольны обе. Мама одна осталась на старой – пока не продаст пчел. Наташа по переезде во все вникла, ознакомилась с положением и заявила: «Как здесь хорошо, как здесь приятно». Ведет она себя прекрасно на новом месте, ей все нравится, и в результате – покорила все сердца. Я рада, что она так хорошо приспосабливается ко всяким переменам, не будет нервничать в Москве. <...>.

Андрей еще не приехал? Напрасно Вы ждете его сейчас. Лето, еще одна «последняя» экспедиция... И так всю жизнь! Бог с ним, мы все прощаем. Ему же хуже. Так много пропустил из Наташиной жизни интересного, и сам жалеет об этом.

Каковы последние Симуковские новости? Как у Вас со здоровьем? Вы бы разгрузились хоть немного от уроков. <...>. Очень хорошо, что сердце ведет себя прилично, и не нужно его перетруждать.

У Наташи масса новых слов и выражений. <...>. Она повадилась в ОГИЗ⁴⁷⁵), все спрашивает «Русские народные сказки», мы видели у одних знакомых хороший сборник старых сказок. <...>. Ей книжка понравилась, сказки она любит. <...>.

Целуем Вас обе. Привет Але и Ольге Яковлевне. Пишите нам.
Мой адрес: Сураж, конечно. Белорусская ул. 6, дом Григория Афанасьевича

Пануса (это «Панусевка»). Мне.

Миля.

IV 80 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 23 марта 1936.

<23/III/36⁴⁷⁶>

Сураж

в Москву

Дорогая Наталья Яковлевна,
получили Ваше письмо, и Наташа долго носила его на сердце. <...>. Хорошо, что написали про скарлатину, от переезда воздержусь. <...>.

Почему Вы написали Андрею письмо? Вероятно, Носова сказала, что он ещё не скоро раскачается? Я писала ему последний раз в середине февраля и то боялась, что письмо не застанет его там. Какая наивность все-таки с моей стороны! Вы его знаете лучше всех, в конце концов. Он ещё дюжину писем может получить. <...>. Носовой Екатерине Федоровне привет от меня – очень живая и веселая дама. Наташу она видела совсем крошкой и сочувствовала мне, глядя на пеленочный период.

Живем мы с Наташей сейчас тихо. <...>. Хозяева – дед с бабой – тихие и хорошие люди, возятся с Наташкой, заботятся о ней и её здоровье. <...>. У нашего деда два сада, один при доме и один на мысу над речкой. <...>. Скоро будет, к Наташиной радости, теленок. Одно огорчение – пчелы. «Дед, прикажи пчелам не кусаться!» <...>.

Денег опять придется попросить у Вас, вышлите малую толику. Каждый раз я думаю, что «вот придет Андрей» и дела мало-мало устроятся. Никак! Записывайте, ради Бога, все мои долги.

Пишите обо всех и их делах. Как Олечка? Что говорит? <...>. Целуем Вас обе крепко. Привет Ольге Яковлевне.

М.Симукова.

Сегодня 23-е марта – годовщина смерти Алека.

IV 81 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 31 марта 1936.

31/3/36

Телеграмма

из Урги

в Сураж

Проболел две недели гриппом выезжаю две недели отдыха гоби целую обоих все идет хорошо Андрей

IV 82 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 31 марта 1936.

31/III/36

<Сураж>

<в Москву>

Сейчас получила эту телеграмму <телеграмма (см. документ IV 81) вложена в письмо>. Прибавить к ней больше ничего не могу, тем более, что наше положение (главным образом денежное) он знает, я писала. <...>.

P.S. Мысль о « последней» экспедиции мне приходила в голову. Так оно и вышло.

IV 83 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 10 апреля 1936.

<10/IV/36>

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
получила сегодня деньги (200 руб.), большое спасибо. Почта их держала у себя целую неделю. Новостей у нас нет. Живем помалу. Сегодня снег выпал до колена. Наташа здорова. <...>. Живется ей теперь не всегда хорошо, тиранить я её стала иногда, но мне трудно было уберечь хороший характер и нежность. Скучно и безрадостно жить без планов и перспектив, и напрасно я себя тешила, что «вот приедет Андрей...». Он всегда был, есть и будет таким. Добиваться всего бесконечным и ненужным напряжением всех сил, так трижды неэкономно расходовать свое (и мое) время... <...>. Я знаю, что все пойдет у нас по-прежнему – вот еще немного, и тогда!... <...>. И какой замечательный, правда не преднамеренный эгоизм! Человек крепко уверовал (по моим письмам), что мне в Сураже хорошо, и успокоился на много лет. Я писала, что мы «сыты, обуты, одеты», и этим рассчитывала успокоить его лишь на несколько месяцев. Очевидно, перестаралась. <...>. Интересно отметить полнейшее отсутствие мысли о том, как действуют на жертву назначаемые и откладываемые сроки <приезда>. <...>.

Целуем Вас обе крепко. Привет Ольге Яковлевне. Привет Вам от мамы.

Ваша М.Симукова.

IV 84 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 17 апреля 1936.

17/IV/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

<...>. Наташа здорова и весела, гуляет много <...>. Часто она удивляет меня какой-либо новостью: если говорят «желток», то нужно говорить «белток». Считает – четвертая, «семертая» и т.д. Иногда очень удачно к моменту цитирует на память стихи из своих книжек. <...>. Приехать в Москву на 1-е Мая очень соблазнительно именно с Наташей. Радио доставило бы ей большое удовольствие, она любит музыку, пение. Пока не могу сказать, поедем ли: коклюш, грипп везде. <...>.

Относительно Андрея <...> - в Монголии я часто поступала так: я же не такой полноценный человек, как Андрей, я не могу дать в работе того, что Андрей, и, следовательно, нужно, в ущерб своему движению вперед, создавать ему условия для продуктивной работы, и пусть он растет <...>. Он никак не может расстаться с любимыми красивыми местами. А я не любовалась ими? Меня не брала тоска, что я смотрю в последний раз? <...>. Мы с ним много говорили о том, что вот это безволие какое-то и вместе с тем упрямство виновато в том, что было плохого в нашей жизни. <...>. В Сураж я (бедная овца!) попала только потому, что проектировалось прожить здесь месяцев 6, в крайнем случае 9–10. Иначе никогда бы не поехала. Не работаю я здесь только потому, что «вот приедет Андрей» и будет проще уехать не связанной. Можно взбеситься получая письма раз в полгода или 4 месяца и всегда обещания писать еженедельно. <...>. Так меня это наконец измучило. <...>. Я хочу семьи, а не вечного ожидания. <...>. Не так уж трудно будет Наташе без отца. Она привыкла. <...>. Кроме того, я не только Наташина мать, я сама живой человек, мне, наконец, хочется повеселиться, посмеяться. Я десять лет не была в театре, а когда-то умела выбрать и пойти на хорошую постановку или в хороший концерт. Кстати, я его угостила в 26-м году «Обедней» Рахманинова... <...>. Накопилось много обид и огорчений совсем не заслуженных. <...>.

Целуем Вас обе. Привет Ольге Яковлевне. Привет от мамы.

М.Симукова.

IV 85 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Апрель - май 1936>.

<III-IV/36⁴⁷⁷>

Телеграмма

из Урги

в Москву

Получил Милино письмо выслал Миле пятьсот на днях вышло дополнительно тчк школу кончаю пятнадцатого июня готовлюсь отъезду здоров целую телеграфируй здоровье привет всем Андрей

IV 86 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 9 мая 1936.

9/V/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
давненько не писала Вам. Наташа здорова, бегает, веселится и загорает понемножку. У нас уже лето, все зазеленело, скоро зацветут сады. <...>. Наташа до сих пор ходит с красным бантом, так ей понравился день 1-го Мая. Мы с ней были в этот день на демонстрации, все видели, все слышали, встретили всех знакомых детей, побегали, порезвились на травке, пока с трибуны гремели речи. Митинг был в саду около бывшей новой церкви, там сейчас кино. <...>.

Папу стала забывать. Оно и понятно, любой огонь угаснет без поддержки. Теперь Андрея задерживает школа, где он преподает монгольский язык. В Гоби его задержали метели... Мне иногда смешно, все-таки, но большей частью грустно. <...>. Если Вы летом думаете приехать к нам отдохнуть в Сураж (а стоит приехать, летом здесь очень хорошо), напишите раньше, и я опять постараюсь найти комнату поближе к нам. <...>.

Всего хорошего. Пишите чаще, а то хоть бы слово кто написал!
Целуем обе. Привет от мамы.

М.Симукова.

IV 87 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 22 мая 1936.

22/V/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
не слышно что-то ничего от Вас, все ли здоровы? <...>. Письма я пишу. Может быть они иногда теряются. Здесь это не редкость. <...>.

От Андрея была телеграмма в конце апреля. Спрашивал, куда послать деньги. Я ответила, и нет ничего. Беспокоить Учком запросами о нем по прошлогоднему мне неудобно. Подождем. Лето... Последняя экспедиция... А с другой стороны там брюшник по летам свирепствует. <...>.

Целуем Вас обе.

Ваша М.Симукова.

IV 88 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 19 июня 1936.

19/VI/36 г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
сегодня получила Ваше письмо. Потрясена Татиной смертью, просто и сказать ничего не могу. Ужасно, как все это у них там вышло. Очень жалею Женю⁴⁷⁸). Наташа интересовалась, чем меня баба Наташа обидела, что я читая письмо, поплакала. Пришлось соврать. <...>.

Наташа очень выросла. Купается уж давно и ежедневно. Приезжайте, будете водить её на речку. <...>.

Андрей мне телеграфировал сначала, что дела с отъездом идут хорошо, потом уж отлично и советовал «немножко терпения». С 1-го июня замолчал. Это мне-то немножко терпения! Я терпелива, по-моему, как труп. По отношению к нему уж во всяком случае. А прилагать усилия, чтобы вернуть его в семью, я никогда не буду ни при каких условиях. Мы говорили перед Наташиным рождением «о жизни» и только потому не разошлись, что он обещал немножко жить для семьи. <...>. Он не пишет писем, например, уже несколько месяцев. <...>. Телеграммы шлет очень нежные (очень редко), а вот выехать оттуда или письмо написать не может – толкать некому.

Жестко Вам все это писать, но не могу я больше молчать. Два года ожиданий, надежд, волнений. А что будет с квартирой, когда и где её удастся устроить? Может быть мне придется опять в Сураже искать себе пристанище на зиму? Измучилась я от такой жизни без перспектив. А тут ещё с монетой заколодило! Хорошо, что квартира в долг и молоко так же. Ах, да что говорить. Пишите Вы мне чаще, и все будет хорошо. <...>.

Приезжайте, мама уехала в Москву к Марии, и мы с Вами проживем хорошо у меня. Дед ловит рыбу, у бабы есть корова – молоко, творог, сметана – все свежее можно брать. Кругом зелень, речка рядом. Может быть и Аля приедет? Наташа сладко вспоминает её и прошлое лето <...>. Может быть и непутевый отец семейства раскачается? Он все нелады улаживает молча – молчит и жалко смотрит.

<...>. Целуем Вас обе крепко. Привет Ольге Яковлевне. Пишите и не тоскуйте. Все образуется.

М.Симукова.

IV 89 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 26 июня 1936.

26/VI/36

Телеграмма

из Урги

в Сураж

Дела идут прекрасно тчк <в> начале июля получаю проездные подъемные всего две тысячи тчк Получил право рублевой стопроцентной дотации с начала года принимаю меры получению <её> вами <в> Москве тчк заканчиваю сборы тчк Учком просил приготовить выставку пятнадцатилетию

революции все очень хорошо здоров целую до скорого свидания Андрей.

IV 90 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 26 июня 1936.

26/VI/36

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,

<...>. Посылаю Вам телеграмму, полученную от Андрея <см. документ IV 89>. Все идет как будто бы к отъезду, да вот выставка... <...>. Пятнадцатилетие революции будут праздновать одновременно с «Надамом»⁴⁷⁹⁾, а это очень торжественный военно-народный праздник, бывает он в июле. Выставку нужно, конечно, к празднику, а где приготовить, там уж и открыть её надо и товар лицом показать, да обычно на Надаме как раз премируют⁴⁸⁰⁾ и, может быть, Андрея задержат всем этим вместе взятым. <...>. Все это хорошо, но было бы еще лучше, если бы он телеграфировал не раз в месяц, а хотя бы два. А то думай, жив ли он там? Пусть Ваша душа не тоскует, я все-таки еще хочу его видеть. Вообще, «все образуется» (его любимое выражение), но сначала будет большое сражение. Раз-то за два года я могу дать выход чувствам? (Кстати, не пугайтесь, это совсем не так страшно на деле, как на бумаге. Ваш Великий сын обычно приезжает тогда, когда я уж совсем «без чувств»). <...>. Андрей сообщает о дотации, это очень приятно, но получит её, верно, он сам. Это мне и Егорова говорила, что все получают в Москве какие-то проценты с зарплаты. <...>.

Приехать к нам можно в любое время. Если соберетесь, телеграфируйте, поезда опять приходят ночью, я обязательно встречу. <...>. Если захотите привезти Наташе игрушек, то везите лейку, она очень мечтает о ней, а здесь есть только очень большие. <...>. А насчет согласования отпуска с приездом Андрея – телеграфируйте сами. Привет Ольге Яковлевне.

Ваша М.Симукова

IV 91 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 1 сентября 1936.

1/IX/36

Телеграмма

из Уланбатора

в Сураж

Горячо поздравляю и целую дорогую доченьку Наташу поздравляют все знакомые тчк Учкомом покончил⁴⁸¹⁾ при условии месячной поездки Гоби⁴⁸²⁾ с киносъемкой тчк <в> случае удачи экспедиция даст очень много картин <с> моим участием и сценарием пойдет в Союз и за границу тчк выезжаем третьего одновременно сдаю документы на оформление выезда дела идут

прекрасно тчк все документы на получение денег выслал дип почтой одновременно телеграфирую маме просьбу получить крепко целую обеих послал письмо ваш папа.

IV 92 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 1 сентября 1936.

1/IX/36г.

<Сураж>

<в Москву>

Дорогая Наталья Яковлевна,
<...>. Как Вы доехали, как провели день на Унече? Пишите. Позавчера на нашей улице был пожар, сгорело два дома напротив. <...>. Аврал у нас был жуткий, но все кончилось благополучно для нас, хоть сарай и загорелся с крыши (соломка!) <...>. Я, несмотря на испуг, выказала необычайную расторопность и распорядительность, а Наташа <...> молча смотрела и запоминала. Никаких следов испуга. Я её быстро отдала одной девице и скомандовала утекать подальше. (Потом я увидела, что девица эта толклась здесь же, около лошадей, с Наташей). Затем схватила двоих граждан и притащила их выносить вещи. Словом, все было вытащено, вечером опять втащено, ничего не потеряли и не украли. Я отделалась жестокой простудой. Наташа не пострадала нисколько. Жалко Савельевнина дома, я только было стала собираться к ней перекочевать. <...>.

Получила от Андрея телеграмму <...>. Прилагаю сей документ. Говоря по совести, я уж подумывала о его молчании. Плохой признак, значит собирается куда-то. В последний день уведомляет о выезде, и у меня нет возможности метать в него телеграфные громы и молнии. Ухитрился и на этот раз. Я ведь писала Вам или Але, что он еще съездит в Гоби. Так просто он с ней не расстанется. Проще с нами расстаться. <...>.

Теперь о делах. Получила вчера 100 руб. Наверное от Леши. Благодарствую. Расплачусь с хозяйкой. <...>. С квартирой выясним сегодня вечером. Хозяева с интересом ждали приезда Андрея и нашего отъезда. Теперь интерес этот подтаял. Бегала сегодня к Филиппу Андреевичу – у них комнату снять придется на всю зиму. Зачем же отбивать других квартирантов, если уеду месяцев через 2–3? <...>. А переехать под Москву и жить в дачке, может быть одной с Наташей, я боюсь.

Дрова. Пилить. Колоть. Таскать. Мне упорно кажется, что это не мое дело⁴⁸³. <...>.

Вы уж не расстраивайтесь больше из-за Андрея. <...>. Целуем Вас обе крепко.
Миля.

IV 93 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 17 октября 1936.

17/X/36

Телеграмма

из Урги

в Сураж

<Из> интересной поездки⁴⁸⁴ вернулся <в> прекрасном состоянии сегодня тчк дальнейшее пока не ясно телеграфирую через несколько дней тчк телеграфь здоровье получение денег новости целую обеих Андрей.

IV 94 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <Ноябрь-декабрь 1936>.

XI-XII/36

Телеграмма

из Урги

в Москву⁴⁸⁵

Сходи <на> улицу Каляева 6 кв 114-а <к> дочери советника Воробьева⁴⁸⁶ выезжающей Монголию сообщи необходимое тчк телеграфь твой адрес⁴⁸⁷ <для> подписки <на> газеты привет папа.

IV 95 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <12 декабря 1936>.

<12/XII/36>

Телеграмма

из Улан-Батора

в Москву

Подтверди телеграфом получение перевода <и> доверенности <на> имя Мили <в> адрес мамы тчк здоров осенью получаю длительный отпуск курорт тчк целую маму Наташу Милю привет всем – Андрей.

IV 96 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <6 января 1937>

<6/I/37>

Телеграмма

из Улан-Батора

в Москву

На днях тебе сообщает срок <моего> выезда причину задержки тчк <о> важнейших нуждах переговоры <с> сообщившим кроме того <в> случае необходимости телеграфь учком Воробьеву тчк <с> учком кончил⁴⁸⁸ выезжаю <в> худон <по> срочному делу другой организации⁴⁸⁹ тчк отказ исключен прошу поддержки <в> тяжелой поездке целую - Андрей.

IV 97 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 6 июня 1937⁴⁹⁰.6/VI/37
из Урги

Телеграмма

в Москву

Письмо получил тчк Воробьев выехал <в> срочную командировку <в> Москву третьего сел <на> курьерский <поезд в> Улан-Удэ тчк Непременно сходи <к> Китаеву увидеться <и> получить посылку крепко целую обеих ваш <во> всех случаях⁴⁹¹ – Андрей.

IV 98 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <1 июня 1937>.<1/VI/37>⁴⁹²
<Уланбатор>

<в Москву>

Родные мои Миля и Наташа!

Павел Иванович Воробьев срочно выезжает в Москву по служебным делам. Пользуюсь этим случаем для того, чтобы поставить вас в известность о всех делах и обстоятельствах, касающихся меня. П<авел> И<ванович> в полном курсе всей моей жизни, настоящей и прошлой. Поэтому можешь говорить с ним обо всем не стесняясь. По этой же причине не буду в этой записке писать подробно о себе, так как он все расскажет.

Вся эта история с затягиванием отъезда мне тоже в высшей степени тяжела, а последнее время⁴⁹³ я уже стал испытывать настоящий страх перед Монголией⁴⁹⁴, ибо дальнейшие проволочки – это крест над всем моим будущим, над всей второй половиной жизни.

Поэтому я во что бы то ни стало буду в Москве, тем более, что это отлично понимают и те, от которых зависит мой отъезд⁴⁹⁵. Эти же лица понимают и ваше положение, тем более, что я всегда ссылался на твои телеграммы и письма.

Самое же главное, мои милые, в том, что я не представляю себе дальнейшее существование без вас и приложу все усилия к тому, чтобы как-нибудь стереть память о этих тяжелых годах глупого житья врозь. Поймите все это, ибо доживать жизнь подлецом перед своей собственной семьей я, вероятно, не смогу. Заранее прошу тебя, Миля, не быть в дальнейшем, после встречи, просто свидетелем моих стараний, а как-нибудь помочь быстрейшему налаживанию совместной жизни.

Крепко целую.

Ваш папа

IV 99 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. <2 сентября 1937>⁴⁹⁶.

Телеграмма

2/IX/37
из Урги

в Москву

Что <с> Наташей <?> поздравляю её <с> днем рождения выслал телеграфом
четыреста доверенность почтой здоров целую ваш Андрей.

IV 100 Автобиография Симукова⁴⁹⁷. 11 сентября 1937.

- 17 -

АВТОБИОГРАФИЯ СИМУКОВА

Для того, чтобы полнее осветить себя и, с другой стороны, дать полный ответ на поставленный мне основной вопрос, считаю целесообразным начать с родильного "

Место рождения - Вензиград, год рождения - 1902. Отец Дмитрий Андреевич СИМУКОВ происходил из крестьян в. о. Оршанской губернии, Хинговичского у., Дзюновской волости, дер. Сидеевичи, дед - Андрей Епифанович был одно время управителем у помещика помещика, сумел устроить себе квартиру в Урге для себя и родственников и поэтому отцовская деревня считалась зажиточной, хозяйство было много и скотины не считаясь особенно обильной богатством. При этом работал с землей около 40 дес., па было. Мой отец пошел в ученье и поступил в гимназию в Могилеве (?). Однако для меня в второй раз неудачно жена оказалась пьяницей и мотыжкой в 5-го класса отец был вынужден либо вернуть ее домой, либо продолжать ученье своим средствами. Он продолжил последние в среднем общежитии для того времени у дяди Сергея-Гаминского, а затем в Урге студента Ивановича. По окончании урта он поступил на инженерную службу, где и прослужил 470-ты рублей денег лет 20-25, однако, поскольку начался он использовался до советского Управления, хотя многие из его коллег на службе дали это обжаловать. Служил он до 4-го февраля, но после революции был ссылан в бухгалторский. Роскомхозом назначен в Урге и начальником был ссылан в Урге.

Мать - дочь помещика Антонина дочь Ивановича из Урге, окончившая через Ивановича ученье в Урге и зарабатывавшая в Твери в Урге в последние годы своей жизни довольно много (много денег) дочку к своей мать, Антонина - уроженка Вензиграда, по образованию была тоже родом из Вензиграда и воспитывалась в качестве домашней ки в одной барыне сестры Россы И мать была много и все она сидела у дяди Григорьевича Буржуазия и инженерами принимала стипендию. Она же и был лучшим высшим, другой Сергей Иванович капитаном артиллерии доблестного (сестры и Антонина Ивановича был военным инженером и жил в Урге, в Урге жизни друзьями дяди Ивановича, т.е. была много ссылан и жил в Урге, до дальнейшего и Червоного завода, Иванович все одна не спиритом горько испытан и поэтому и жил в Урге, т.е. был в Урге принимал и жизни и Могилеве. Этот Александр Иванович политический за сторону России один из дочери род по автобиографии Монтезума, чтобы не разделялся с ним в Урге и дальнейшего жизни, что они все уехали до Москвы и А.И.Иванович занимался романом, запретил Косме того в Урге и дальнейшего его Александр Иванович отправлял позже ссылан в Урге и дальнейшего и указав уже до дальнейшего жизни в Урге.

Мать и тетя (бабушка) Ивановича и дальнейшего телеграфно от бесплатной дальней дома и жизни в Урге.

- 27 -

Мои ближайшие родственники:

Мать - Наталья Яковлевна СИМУКОВА, вышла на пенсию, но продолжает работать в объединение 1 МЛУ Москва 34, Хуцевский пер, 3, - кв. 1. Живет со своей сестрой (моей тещкой) Ольгой Яковлевной ПЕНКЕР.

Жена - Валентина Александровна СИМУКОВА - работает в Коммунальном хозяйстве гост. под Москвой (в состоянии неустраиваемости в квартире и в связи с переездом адресом я пишу на адрес матери). Жена живет с чужими людьми в комнате.

Брат - Алексей Дмитриевич СИМУКОВ - писатель, на пенсии с 1964. Работал в журнале "Новоизвестия", писал в журнале "Современник", удачно работал литературного редактора в "Взгляде".

Сестра - Елизавета Дмитриевна СИМУКОВА. Работала много время секретарем в Наркомате. Мужем ее А. Колосовым (в начале 30-х не знал), работавшим в Литературном Агентстве по обмену с заграницей (в настоящее время в ссылке). Несколько лет тому назад Колосов уехал в Англию (до 1945 года проживал в Горгиредейно, Москва).

Уже давно не писалась с женой и матерью только телеграфными (в ожидании своего окопного адреса), но знаю сейчас, что делают брат, сестра и ее муж, также их адреса.

А. СИМУКОВ

11/IX-37г.

А. Симуков

Автобиография Симукова. <11 сентября 1937 г.>

Для того, чтобы полнее осветить себя и, с другой стороны, дать посильный ответ на поставленный мне основной вопрос⁴⁹⁸, считаю целесообразным начать с небольшого «Curriculum vitae»⁴⁹⁹.

Место рождения – Ленинград, год рождения – 1902.

Отец – Дмитрий Андреевич Симуков⁵⁰⁰ происходил из крестьян б. Могилевской губернии, Климовичского уезда, Мошевской волости, дер. Сигеевки. Дед – Андрей Минич был одно время управляющим у соседнего помещика, сумел устроить дешевую продажу земли для себя и односельчан, и поэтому отцовская деревня считалась зажиточной. Бедноты было мало, но и кулаки не отличались особенно обширным богатством. При мне хозяев с землей свыше 40 дес. не было. Мой отец пошел в ученье и поступил в гимназию в Могилеве (?). Однако дед женился второй раз неудачно – жена оказалась пьяницей и мотовкой – и с 5-го класса отец был вынужден либо вернуться домой, либо продолжать ученье своими средствами. Он предпочел последнее и прошел обычный для того времени путь

репетитора-гимназиста, а затем бедного студента в Петербурге. По окончании университета он поступил на казенную службу, где и прослужил что-то очень долго лет 20–25. Однако происхождение мешало, и он дослужился до статского советника, хотя многие из его коллег по службе давно его обогнали. Служил он по М-ву финансов, и перед революцией был главным бухгалтером Госкомиссии погашения долгов. С деревней он связи не терял, посылая туда деньги и частенько влезая по этому случаю в долги. Его мечтой было по выходе на пенсию зажить на хуторе и заниматься хозяйством.

Мать – дочь врача Якова Миллера⁵⁰¹. Дед Яков – латыш из низов, выбившийся через аптекарского ученика в врачи и зарабатывавший в Петербурге в последние годы своей жизни довольно много (имел свою дачу и свой выезд). Бабушка⁵⁰² – урожденная Иегер – полунемка, полурусская – была тоже родом из Прибалтики и воспитывалась в качестве компаньонки в одной богатой семье. Детей у них было много, и все они были уже типичными буржуазными интеллигентами примерно стиля к-д⁵⁰³. Один из них⁵⁰⁴ был путейским инженером, другой – Сергей Миллер⁵⁰⁵ – капитаном крейсера Добфлота (сидел в Порт-Артуре), третий – Андрей⁵⁰⁶ был военным врачом и, как видно, разведчиком русского империализма, т.к. очень много ездил и жил в Персии, доходя до Афганистана и Персидского залива. Наконец еще один из сыновей хорошо известен в истории начала этого века, т.к. был видным дипломатом, в частности в Монголии. Это – Александр Миллер⁵⁰⁷, подписавший со стороны России один из договоров об автономии Монголии. Чтобы не возвращаться к ним (кроме последнего), скажу, что все они умерли до революции. А.Я.Миллер эмигрировал за границу. Кроме того в живых остался еще Алексей Миллер⁵⁰⁸, служивший при Соввласти в Наркомфине и Госспирте и умерший уже после моего выезда в Монголию.

Мать⁵⁰⁹ и тетка⁵¹⁰ (обе живы), идя по прогрессивному течению, отказались от безбедной жизни дома и пошли в учительницы.

Наша семья, вследствие долгов отца, жила посредственно, мать была вынуждена брать пансионерок, давать уроки и т.д. Я учился в 3-ей Петербургской гимназии. Основными интересами, определившими впоследствии мою современную деятельность, были естествознание и география. В это русло меня направил отец, прививший любовь к природе и умение разбираться в ней. Мне было 8 лет, когда он подарил мне книгу Козлова об одной из его экспедиций по Центральной Азии. С тех пор я стал интересоваться именно этим участком земного шара. Пржевальский, Козлов, С.Гедин стали моими героями. Учился я хорошо (отец строго следил за этим) и очень много читал. Товарищеская среда по гимназии была специфически буржуазной, интеллигентской. Там был ряд довольно известных аристократических фамилий (барон Нольде, кн. Трубецкой, кн. Голицин и т.д.), и мне приходилось бывать в некоторых из этих домов. Однако наиболее тесный кружок приятелей был связан интересом к естествознанию, и в него входили менее «знаменитые» фамилии рядовых интеллигентов. Готовясь к роли путешественника и исследователя я уже в 12 лет научился производить простейшую планшетную съемку, знал все виды птиц окрестностей Петрограда и писал «географические обзоры» дачной местности, где мы жили летом. Уже во время империалистической войны я поступил в бой-скауты (тогда эта организация приняла массовый характер). Летом 1917 г. я ездил с бой-

скаутами на полевые работы на Украину, и этим же летом наша семья впервые провела лето на родине отца, в деревне.

Грянул Октябрь. Мы отсиживались дома, отец принимал участие в массовом саботаже чиновничества, но затем, как и большинство, стал работать, отнюдь не симпатизируя соввласти. Прошла трудная зима 1917–18 г. Весной началась разгрузка Петрограда, и его учреждение эвакуировали в Нижний <Новгород>. Но и там обстановка стала быстро меняться, и родители решили вывезти семью в деревню и пропитаться там. Отец уехал служить в Москву, а мы с матерью – в деревню, садиться на землю. Раздел с братьями отца дал нам 10 дес. полузаброшенной и истощенной пашни и покоса, разваленный сарай и половину избы. Скота не было, инвентаря тоже. Все надо было начинать сначала, почти не имея средств. Мать учительствовала в соседней деревне и несла всю женскую работу по хозяйству, а я был единственным работником по мужской части. Брат и, особенно, сестра были еще детьми, да и мне было только 16 лет. Работать приходилось много и притом без помощи, неумелыми руками. Деревенскую премудрость я одолел быстро и уже на следующий год стал ходить на заработки по соседям (на косовицу). Первое время жилось весьма туго, тем не менее молодость брала свое, я быстро воспринимал новую обстановку и быстро вошел в нее. Надо сказать, что здоровая трудовая жизнь этого периода глубоко врезалась в сознание, вытеснив бедные воспоминания Петроградского детства.

Просидев зиму 1918–19 г. дома (у меня начинался туберкулез), я окончил в ближайшем городке⁵¹¹ последнюю группу второй ступени. Здесь же я впервые столкнулся с политической жизнью. Горячий доклад одного партработника (я до сих пор помню его фамилию) с поставленным в лоб городскому мещанству вопросом: «С кем вы – с нами или против нас? Середины нет!» в обстановке наступления поляков (последние были всего в 100 с лишним км) привел меня в комсомол. Дома отец ворчал (он уже уволился со службы и полубольной жил дома), мать поддерживала меня. К сожалению толку из моего порыва вышло немного. Городишко был мещанский, организация была без руля и без ветрил, никто мною не занимался, а у самого не хватило ума подвести под свое комсомольство какую-то твердую базу. Так следующим летом (1920 г.), когда была проведена добровольная мобилизация комсомольцев моего года, организация вызвала меня с товарищем из деревни и оставила на работе в городе, причем одно время я даже руководил организацией, совершенно не зная, что и как нужно собственно делать. Кончилось тем, что я отпросился домой, куда действительно звала летняя страда.

Надо было учиться дальше, и в конце 1920 г. с пудом муки за плечами я поехал в Москву, где жила тетка. Решив, что естествознанием заниматься не время, я начал толкаться в технические вузы. Один из преподавателей Ломоносовского института посоветовал мне поступить на Высшие военные авто-технические курсы⁵¹², занимавшиеся в том же помещении. Документы и знания были признаны достаточными, и я стал военным курсантом, хотя военного на этих курсах было немного. Я числился «добровольцем-допризывником» и, так как комсомольской организации на курсах не было, меня перевели в кандидаты ВКП(б). Я чувствовал себя «человеком от сохи» и, помню, нередко на собраниях задавал вопросы, как отзовется то или иное мероприятие соввласти на крестьянстве. Надо сказать, что и тут

мне никто не помог, а я сам не сумел войти в партработу, и мое кандидатство дало немного. Курсы просуществовали недолго, и в конце зимы их прикрыли, причем я, как доброволец-допризывник, получил бессрочный (до призыва) отпуск и уехал домой. Здесь я сделал глупость, которую до сих пор не могу себе простить – не встал на учет местной уездной организации и тем самым механически выбыл из своего кандидатства. Основным мотивом этого поступка была боязнь надолго засесть в уезде (вдобавок вдали от дома с его летней работой) по назначению организации и невозможности поэтому продолжать учебу. Примеров этому среди товарищей – комсомольцев и партийцев – было кругом много.

Отработав лето дома, я поехал снова в Москву (в лаптях и с пудом муки за плечами) и благодаря зачетной книжке <военных> курсов без экзамена поступил на первый курс Электро-механического института им. Ломоносова⁵¹³). С квартирой и питанием я устроился, поступив ночным сторожем в частную авторемонтную мастерскую. В начале 1922 г. я получил несколько уроков и оставил мастерскую, тем более, что один из её хозяев – бывший курсант тех же военных курсов – устроил мне комнату. Так пошла моя студенческая жизнь.

В начале 1923 г., когда я оканчивал второй курс института, меня как громом ударило объявление о лекции путешественника Козлова и газетное сообщение о подготовке им новой экспедиции. Все старые детские и юношеские мечты о Центральной Азии, о Тибете всплыли, я забросил институт, ходил сам не свой, отыскал Козлова и подал заявление об участии в экспедиции. Однако, надежды было мало, хотя я и постарался близко сойтись с принятыми ранее тремя молодыми людьми; заявлений было подано около 400, а требовалось 1–2 человека. Тогда я решил взять Козлова «на арапа», рассчитав, что он должен знать моего дядю Александра Миллера и, как человек дореволюционного склада, учесть это родство в мою пользу. Воспользовавшись хорошим настроением Козлова после одной из его лекций, я улучил момент, чтобы спросить, знает ли он Миллера; на радостный утвердительный ответ представился его племянником и наврал, что я писал дяде о новой экспедиции Козлова, и что дядя в ответе просил передать лучшие пожелания успеха. Нечего и говорить, что письма были моей фантазией. Но факт тот, что номер прошел, и через два-три дня Козлов уже рекомендовал меня кому-то, как будущего спутника.

Единственным из четырехсот, жаждавших путешествия в Тибет, оказался я. Поддержало меня в этой комбинации еще и то, что покойная бабушка переписывалась с сыном, и я мог ответить Козлову на вопросы о том, где живет, что делает и как чувствует себя А.Я.Миллер. Козлов попросил написать Миллеру письмо с просьбой сообщить о возможности достать какие-то бинокли. Дядя что-то ответил, помню лишь, что с биноклями не вышло, и на этом наша переписка закончилась.

26 сентября 1923 г. экспедиция П.К.Козлова перешла советско-монгольскую границу. Надо сказать, что действительно советского в ней было немного: паспорта участников, средства, снаряжение, марка и комиссар (Д.М.Убугунов), прикомандированный к ней уже в Кяхте. Козлов нарочито подобрал спутников безусловно беспартийных, без базы в смысле научной работы, заслуг и т.д., и все мы целиком зависели от него. Взаимоотношения начальника с подчиненными, внутренний режим, система подхалимства и слежки (он перлюстрировал наши письма) были целиком пересажены из старых экспедиций. Приходилось молчать, чтобы не быть

вышвырнутым на пороге долгожданной цели – путешествия. Прежний образ героя-путешественника П.К.Козлова потускнел в глазах его спутников самым основательным образом еще в самом начале работы.

Как известно, в Тибет экспедиция не пошла. В середине зимы встал даже вопрос о её полной ликвидации, но затем Козлову было разрешено развернуть работу в Монголии. Большинство участников (общее число доходило до 20) было уволено и возвратилось в Союз. Осталось всего человек 8, чуть не отправил обратно и меня, но его упростили мои ближайшие товарищи по экспедиции.

Весной 1924 г. началась работа по раскопкам Ноин-Ульских могил, причем в основном на этих раскопках работали Кондратьев, Даниленко и я. Мы жили оторванно от мира в лесу (100 км от Уланбатора), очень много и плодотворно работали, охотились. Практически, ставшие мировой известностью результаты Ноин-Ульских раскопок – дело рук нас троих.

В МНР я остался на временную работу из следующих соображений. За три года работы в экспедиции Козлова я очень полюбил страну и народ, особенно первую, т.к. народ я тогда знал еще мало. Перспектива возвращения в Союз под маркой Козлова с устройством на учебу под этой же маркой меня не устраивала.

Здесь же, в МНР, предстояло необозримое поле совершенно самостоятельной и по-серьезному любимой мной географической работы. Тогда я несколько презрительно относился к дипломам и к косной среде тогдашней Академии наук, желая заработать себе имя, вернувшись в Союз с рядом законченных научных трудов, хотя бы и написанных самоучкой-практиком.

Политически мне казалось, что всякая работа для МНР при условии правильной политической линии, является такой же советской работой, как и всякая другая на территории Союза.

Однако бесконечно сидеть в Монголии я не собирался. Заручившись обещанием поддержки со стороны ряда участников академической экспедиции 1931 года, я в начале 1932 года решил выехать в Союз и уже совсем было рассчитался с Ученым Комитетом, но был задержан мобилизовавшим меня на двухмесячную работу Штабом МНРА. После этого начались бесконечные задержки. Наконец в 1934 году я отправил в Союз семью (жену и дочку), рассчитывая, что наличие семьи в Союзе облегчит мне отъезд. Кроме того, похоронив в Уланбаторе сына, мы с женой боялись за дочку. В результате вот уже три года, как я и семья живем врозь на бивуачном положении, так как семья не имеет постоянной жилплощади и кочует под Москвой с дачи на дачу, а я живу от срока до срока назначаемых отъездов и кормлю семью завтраками. В результате жену можно считать нервнобольной⁵¹⁴.

Мне 35 лет. Четырнадцатилетняя практика научно-исследовательской работы должна быть закреплена теоретической учебой как по специальности, так и по линии марксистско-ленинского фундамента. Накопленные научные работы должны быть реализованы путем напечатания. Я считаю, что дошел до критической точки, за которой начнется постепенная потеря приобретенного, и вся моя жизнь и работа пойдут насмарку. Это равносильно самоубийству. Поэтому отъезд в Союз, хотя бы временный, и помощь по линии реализации накопленного мне жизненно необходимы, нужны, как воздух.

Заканчивая мой «*Curriculum vitae*» я хотел бы изложить вкратце свою «программу максимум» на оставшийся мне отрезок жизни.

Первым долгом необходимо в кратчайший срок реализовать то, что я получил в Монголии, т.е. напечатать написанное, написать еще несколько работ, полностью исчерпав собранный материал и опыт. Сюда входит и беллетристика, знакомящая широкие круги советских читателей с подлинной Монголией и её населением, в духе хотя бы Арсеньевских «Дебрей Уссурийского края». Одновременно необходима серьезнейшая учеба по марксизму-ленинизму и по теории специальности географа с экономическим уклоном. Все это было бы желательно закрепить получением ученой степени.

В дальнейшем моя мечта – стать специалистом не только по Монголии, в которой мне стало тесно, а по Центральной Азии в целом, включая советскую Среднюю Азию, Синьцзян, Внутреннюю Монголию, Куку и Тибет. Монгольский опыт несомненно поможет мне изучить любую из перечисленных стран в кратчайший срок, полностью. Кабинетным работником я стать теперь уже не в состоянии и в Москве мне долго не высидеть, но вместе с тем хотелось бы иметь в «столице нового мира» обеспеченный семейный угол и признание советской общественностью и наукой пользы моей работы.

Мои ближайшие родственники:

- Мать - Наталья Яковлевна Симукова, вышла на пенсию, но продолжает работать в библиотеке 1 МГУ. Москва 34, Хрущевский пер. 3, кв.1. Живет со своей сестрой (моей теткой) Ольгой Яковлевной Пейкер.
- Жена - Мелания Алексеевна Симукова⁵¹⁵), работает в Наркомфине, проживает под Москвой (вследствие неустроенности с квартирой и частых перемен адреса я пишу на адрес матери). Жена живет с четырехлетней дочкой.
- Брат - Алексей Дмитриевич Симуков⁵¹⁶), писатель из начинающих. Работал в журнале «Колхозник», написал неудачную комедию «Свадьба», удостоившуюся внушительного разноса в «Правде». Москва.
- Сестра - Александра Дмитриевна Ковалева⁵¹⁷), работала одно время секретарем Замнаркомфина. Замужем за А.Ковалевым⁵¹⁸) (я лично его не знаю), работавшим в Литературном Агентстве по обмену с границей (Наркоминдел – Междунар. книга). Несколько лет тому назад Ковалевы ездили в Англию (он был назначен в Торгпредство). Москва.

Уже давно переписываюсь с женой и матерью только телеграммами (в ожидании своего скорого отъезда), не знаю сейчас, что делают брат, сестра и её муж, а также их адресов.

11/IX-37 г.

А.Симуков
<Подпись>

IV 101 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 16 октября 1937.

16/X/37

Телеграмма

из Урги

в Москву

Телеграфъ здоровье Наташи тчк Доверенность выслана <...> Через день два зайдет знакомый который может помочь квартирой деньгами прочим лучше меня тчк Сам выехать не могу надеюсь <на> хороший исход <во> всех отношениях⁵¹⁹⁾ жду ответа целую – Андрей.

IV 102 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. 22 октября 1937.

22/X/37

Телеграмма

из Урги

в Москву

Форменную доверенность также деньги высылаю немедленно тчк Срочно сообщите что Наташа тчк Молчал <из-за> неопределенности положения вследствие неприезда Воробьева⁵²⁰⁾ разрушившего планы <моего> отъезда тчк. Теперь <в> Учкоме один <с> вытекающими последствиями в ожидании специалистов тчк Независимо полпредством обеспечен выезд <в> январе зпт прошу немедленно компенсации квартирой Москве тчк Воробьевы выехали сходи <к> Китаеву⁵²¹⁾ телеграфъ крепко целую обеих всегда ваш – Андрей.

IV 103 А.Д.Симуков – М.А.Симуковой. 4 ноября 1937 ⁵²²⁾

4/XI/37

Телеграмма

из Урги

в Москву

Сегодня выезжаю <в> худон⁵²³⁾ сроком месяц тчк Прошу срочно телеграфировать Цецерлик <до> востребования здоровье Наташи также твое тчк Подтверди получение обоих переводов и доверенности тчк здоров целую обеих – ваш Андрей.

IV 104 А.Д.Симуков - Н.Я.Симуковой. 29 декабря 1937.

29/XII/37

Телеграмма

из Цецерлика⁵²⁴⁾

в Москву

Поздравляю Милю <с> днем рождения зпт маму Наташу также всех <с> новым годом телеграфъте Улан-Батор здоровье привет – Андрей.

IV 105 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 18 <января – февраля> 1938.

18/I-II/38

Телеграмма

из Урги

в Москву

Закончился Пленум Учкома поздравьте <с> членством Учкома тчк по-прежнему один фактически положении советника с вытекающими последствиями тчк оклад <с> начала года повышен четыреста восемьдесят разницу получите марте тчк марте выезжаю Москву отпуск или командировку все устрою на месте тчк все письма фотографии получены спасибо целую маму Милю Наташу привет всем – Андрей.

IV 106 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. <Март - апрель 1938>⁵²⁵.

<III-IV/38>

Телеграмма

из Улан-Батора

в Москву

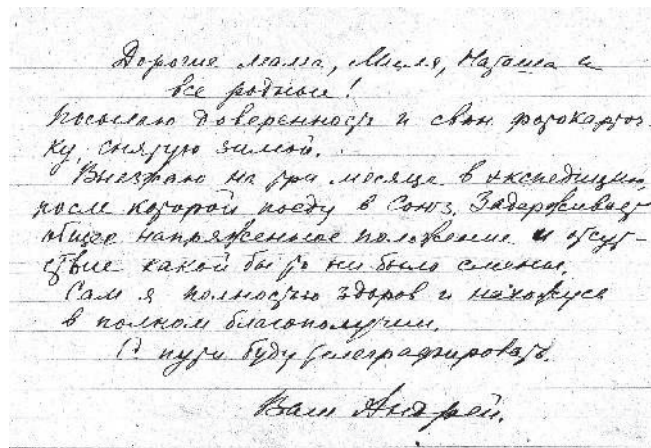
Подтвердите получение доверенности тчк получил три месяца отпуск плюс месяц командировки тчк дела сборы задерживают до первого июня ответьте немедленно подробным письмом целую всех благодарю за поздравления – Андрей.

IV 107 А.Д.Симуков - Н.Я., М.А., Н.А.Симуковым. <Август 1938>.

<VIII/38>

<из Улан-Батора>

<в Москву>

Дорогие мама, Миля, Наташа и
все родные!

Посылаю доверенность и свою фотокарточку снятую зимой.

Выезжаю на три месяца в экспедицию⁵²⁶⁾, после которой поеду в Союз. Задерживает общее напряженное положение⁵²⁷⁾ и отсутствие какой бы то ни было смены⁵²⁸⁾.

Сам я полностью здоров и нахожусь в полном благополучии.

С пути буду телеграфировать. Ваш Андрей.

IV 108 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 1сентября 1938.

1/IX/38

Телеграмма

из Цецерлика

в Москву

Поздравляю Наташу <с> первой пятилеткой тчк. Телеграфьте Кобдо <до> востребования получение второго перевода <и> доверенности также здоровье всех тчк Еду хорошо целую всех – Андрей Симуков.

IV 109 А.Д.Симуков - М.А.Симуковой. <Сентябрь - октябрь> 1938⁵²⁹⁾.

<IX-X>38

Телеграмма

из Цаган нура

в Москву

Благодарю за телеграммы полученные <в> Кобдо тчк Еду хорошо здоров телеграфьте Улясутай <до> востребования – Андрей.

IV 110 А.Д.Симуков – Н.Я., М.А.Симуковым. <Январь - февраль> 1939⁵³⁰.

<I-II>39

из Улан-Батора

в Москву

Мои дорогие!
 С отъездом в СССР наладился окончательно.
 Приеду вместе с 2-3 монголами из Урхома
 для установления связи с Академией
 Наук. Перед отъездом я съезжу дней на
 10 в Гоби и дней на 5-6 в Хангай.
 Оформление и все прочее начал.
 Ждите в мае.
 Крепко целую всех
 Андрей.

Мои дорогие!

С отъездом в СССР наладился окончательно.
 Приеду с двумя-тремя монголами из Учкома
 для установления связи с Академией Наук⁵³¹.
 Перед отъездом съезжу дней на 10 в Гоби и
 дней на 5–6 в Хангай⁵³².
 Оформление и все прочее начал.
 Ждите в мае⁵³³.

Крепко целую всех. Андрей.

Москва 34
Кранохинская ул.
Хрущевский пер.
д. 3 кв. 1
Надпись Яковлевна
Симуковой.

от А. Симукова.
Монголия, Уланбаатор,
Чресный Коллежет ймн
2/III 39г.

Дорогая мамочка!

Подпись этой записки – мой старый приятель Лого, председатель одной из первых в Мире сельскохозяйств, «зачинщик» членом которого состою и я. Рассказал мне о себе, как живого свидетеля моего существования. Русского языка он не знает, но Москву знает по работе Милл, или она сейчас в Москве. Думаю, что она еще не совсем забыла монгольский язык. М. Лого'а был делегатом на Всесоюзную сельско-хозяйственную выставку знакомился с представителями Советского Союза.

С моим отъездом пока не вошло и не вошло вероятно принимается, пока не. Трудно сказать, когда изменился положение. Через 3-4 дня я еду домой на во в Камтае, затем приеду в Уланбаатор и попытаюсь отдохнуть, как как чувствую себя очень усталым, а в сентябре приеду с собой еще раз в Лого. После этого может быть будет что-нибудь видно и с отъездом.

Крепко целую тебя

твой Андрей

Привет и пожелай всем близким. Скажи маме, что видела с писателем Славинским, Липинским и Хайревичем. Что пишет сейчас мама?

Москва 34
Крапоткинская ул.
Хрущевский пер.
д. 3 кв.1
Наталии Яковлевне
Симуковой

от А.Симукова.
Монголия, Уланбатор,
Ученый Комитет МНР
2/VIII 39 г.

Дорогая мамочка!

Податель этой записки – мой старый приятель Гочó, председатель одной из первых в МНР сельхозартелей, «заочным» членом которой состою и я. Посылаю его к тебе, как живого свидетеля моего существования.

Русского языка он не знает, но может быть тут поможет Миля, если она сейчас в Москве. Думаю, что она ещё не совсем забыла монгольский язык. Т. Гочó едет делегатом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку знакомиться с достижениями Советского Союза.

С моим отъездом пока не вышло, и вы все вероятно понимаете, почему⁵³⁴). Трудно сказать, когда изменится положение. Через 3–4 дня я уеду дней на 20 в Хангай, затем приеду в Уланбатор и попытаюсь отдохнуть, так как чувствую себя очень усталым, а в сентябре придется съездить еще раз в Гоби. После этого может быть будет что-нибудь видно с моим отъездом.

Крепко целую тебя.

Твой Андрей.

Привет и поцелуй всем близким. Скажи Леше, что виделся с писателями Славиним, Лапиным и Хацревиным⁵³⁵). Что пишет сейчас Леша?

<2 августа 1939>.

Москва.
 Мелании Алексеевне
 Симуковой и
 Наталье Вендреевне,
 Симуковой

г-р. А. Симуков, Москва,
 Уланбагур, Улан-Олгой МНО

Дорогая Маша!

Записку эту составил с того, когда старшим
 приехал из Уха-Тамур сумрак Араханай-
 ского аймака, где он собрал председателем
 первой скардам, заочным членом которой
 являюсь и я. Он едет на Всесоюзную сельско-
 хозяйственную выставку в Крестово Зеленога,
 с. Мони отсюда отъезду много не было, а
 надеюсь я очень. Твоему же усталым и
 крайне бедным в паре на обжалован в
 оудке. Очень благодарен тебе за фото Зеленога.
 Она мне много помогла и показала, что
 я понималась повороте. На днях уезжаю
 на короткий срок в Араханай. Там в одном
 разе сумрак уде и скардам. Заем попра-
 бую отдохнуть в Уланбагуре (куда по Наврид ли
 удасть), а там приеду сюда в Уба. Там
 тоже новости, в Далахуздате много поле,
 а в Баянжурине косят тарисун на село. Весной
 заезжал в Найд бода. Многие знакомые уде
 ли, и обр. из родных Самарканд. В конце осени,
 возможно, с Мони отъезду что либо определит.
 Крепко целую тебе и Наталье

А.Д.С.

Москва.
Мелании Алексеевне Симуковой и
Наталии Андреевне Симуковой

отпр. А.Симуков, Монголия,
Уланбатор, Ученый Комитет МНР

Дорогая Миля!

Записку эту посылаю с Гочó, моим старым приятелем из Ихэ-Тамир сумуна Арахангайского аймака, где он состоит председателем первой с/х артели, «заочным» членом которой являюсь и я. Он едет на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в качестве делегата.

С моим отъездом опять ничего не вышло, а надеялся я очень. Чувствую себя усталым и крайне нуждаюсь в перемене обстановки и отдыхе⁵³⁶. Очень благодарен тебе за твою телеграмму. Она мне много помогла и показала, что ты понимаешь положение.

На днях уезжаю на короткий срок в Арахангай. Там в одном только сумуне уже 4 с/х артели. Затем попробую отдохнуть в Уланбаторе (хотя это навряд ли удастся), а потом придется съездить в Гоби. Там тоже новости: в Даланцзадагае опытное поле, а в Баянтухуме косят дэрисун на сено⁵³⁷. Весной заезжал в Ноян богда. Многие знакомые умерли, главным образом из родных Санжачи⁵³⁸.

В конце осени, возможно, с моим отъездом что-либо определится.

Крепко целую тебя и Наташу.

Андрей.

IV 113 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 28 августа 1939⁵³⁹.

28/VIII/39
из Цецерлика

Телеграмма

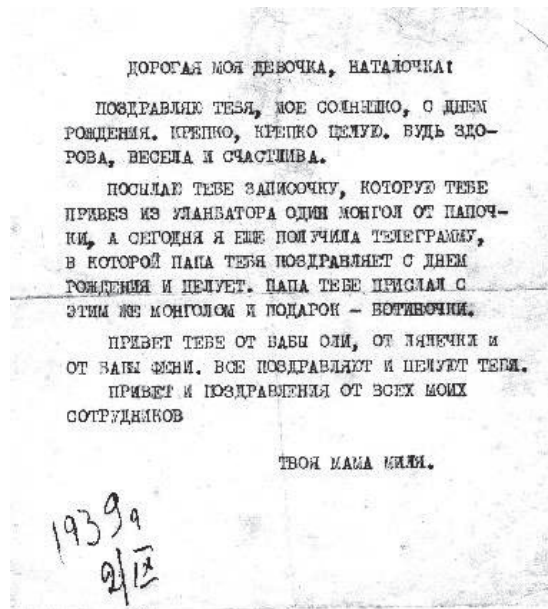
в Москву

Поздравляю Наташу днем рождения тчк Вторично прошу адрес Мили <для> новой доверенности тчк Улан-Баторе буду пятого здоров привет всем – Андрей.

IV 114 М.А.Симукова – Н.Я.Симуковой. 2 сентября 1939.

2/IX/39
из Москвы

<в Домодедово Московской обл.,
Детский сад Наркомфина СССР>

Дорогая моя девочка, Наталочка!

Поздравляю тебя, мое солнышко, с Днем рождения. Крепко, крепко целую. Будь здорова, весела и счастлива.

Посылаю тебе записочку, которую тебе привез из Уланбатора один монгол от папочки⁵⁴⁰, а сегодня я еще получила телеграмму, в которой папа тебя поздравляет с Днем рождения и целует. Папа тебе прислал с этим же монголом и подарок – ботиночки.

Привет тебе от бабы Оли⁵⁴¹, от Лялечки⁵⁴² и от бабы Фени⁵⁴³. Все поздравляют и целуют тебя.

Привет и поздравления от всех моих сотрудников⁵⁴⁴.

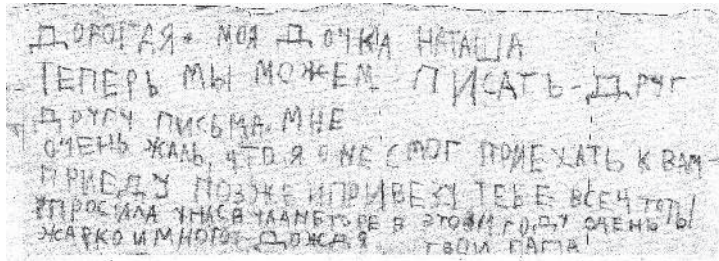
Твоя мама Миля.

1939 г.
2/IX

IV 115 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. Август 1939.⁵⁴⁵⁾

из Улан-Батора

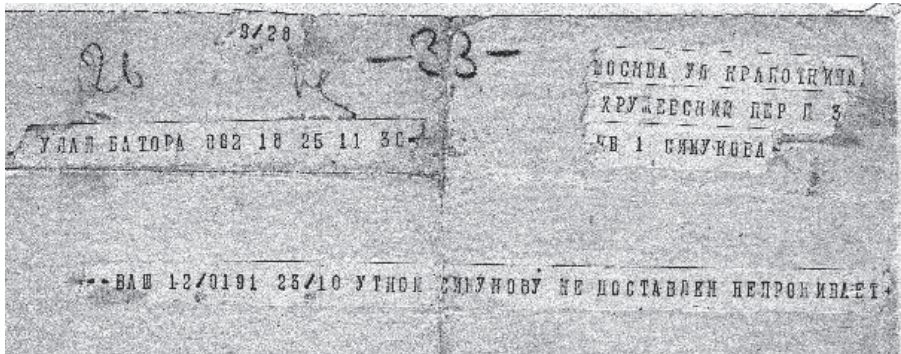
<в Москву>

Дорогая моя дочка Наташа,
 теперь мы можем писать друг другу письма.
 Мне очень жаль, что я не смог приехать к вам.
 Приеду позже и привезу тебе все, что ты
 просила. У нас в Уланбаторе в этом году очень
 жарко и много дождя.

Твой папа.

IV 116 НКСвязи СССР – Н.Я.Симуковой. <Октябрь - ноябрь> 1939.

Телеграмма

<из> Улан Батора 082 18 25 11 30 -

Москва ул Крапоткина
 Хрущевский пер д 3
 кв 1 Симукова

Ваш 12/0191 23/10 Учком Симукову не доставлен не проживает

1

Письма А.Д.Симукова, адресованные С.А.Кондратьеву, любезно переданы М.И.Клягиной-Кондратьевой в архив семьи А.Д.Симукова в 1970 г.

- 1) С.А.К о н д р а т ь е в – см. прим. 83 к гл. III.
- 2) Весной 1926 г. А.Д.Симуков получил от Ц.Жамцарано предложение работать в Ученом Комитете Монголии после окончания Монголо-Тибетской экспедиции (см. письмо № 4 от 22 января 1927 г. настоящей главы). Летом 1926 г. изменилась военно-политическая обстановка в Китае, Чан Кайши начал Северный поход, в Монголии была объявлена мобилизация. Бюджет Учкома резко сократился, принять А.Д.Симукова на работу осенью 1926 г. возможности не было.
- 3) М и н н а р х о з – Министерство Народного Хозяйства МНР.
- 4) В 1925–1926 г.г. монгольское правительство пригласило из Германии 26 специалистов по горному делу, механике и текстильному производству (*Лузянин*, 2003: 166). Владевший монгольским и немецким языками и методами топографической съемки А.Д.Симуков сопровождал от Миннархоза горного инженера F.Weiske (см. *Baabar*, 1999: 277); в задачу поездки входило обследование золотоносного района в Хангае.
- 5) Летом и в начале осени 1926 г. С.А.Кондратьев находился в экспедиции в Кентэе. Об экспедиционной работе С.А.Кондратьева в Монголии см. *Симуков А.Д.* О работе Комитета Наук МНР. Исследование страны. // *Симуков*, 2008 б: 83–84.
- 6) По просьбе Ц.Жамцарано и договоренности его с П.К.Козловым (*Козлов*, 2003: 485). С.А.Кондратьев в 1925 г. был командирован в Учком Монголии, где работал до 1930 г., периодически выезжая в Россию для продления командировки (*Юсупова*, 2006: 50).
- 7) См. прим. 2.
- 8) Имеется в виду (*здесь*) П.К.Козлов.
- 9) На Эцзин-голе (река во Внутренней Монголии, вблизи Хара-хото) находился лагерь Южной (в «Дневниках» П.К.Козлова – Восточной) партии Монголо-Тибетской экспедиции; см. прим. 116 к гл. III.
- 10) Ч у х л о м и н П о р ф и р и й Ф р о л о в и ч (Фрольч) – забайкальский крестьянин, работал в Учкоме по хозяйственной части, участник экспедиций А.Д.Симукова и С.А.Кондратьева (возчик, охотник).
- 11) К о т я – К.К.Даниленко, см. прим. 93 к гл. III.
- 12) Е л и з а в е т а В л а д и м и р о в н а К о з л о в а (Пушкарева), см. прим. 52 к гл. III.
- 13) М о н ц е н к о п – Монгольский Народный Центральный Кооператив (заготовка и экспорт сырья и продуктов монгольского хозяйства, импорт потребительских товаров).
- 14) Х у р е (хурэ, монг. *хүрээ*) – крупный монастырь с поселениями.
- 15) О л о г о й (монг. *олгой*) – шланг, труба; *здесь* – аппендикс, отросток, ответвление дороги.

- 16) Имеются в виду: Всесвятский Петр Васильевич (1884–1938), окончил юридический факультет МГУ, советник при правительстве МНР, сотрудник полпредства СССР в МНР (1924–1930), Верховного Суда СССР (1930–1936), Наркомюста Казахской ССР (до марта 1938); арестован, расстрелян (1938), реабилитирован; его жена Елена Петровна Горбунова, участник Монголо-Тибетской экспедиции; см. прим. 53 к гл. III. В доме Всесвятских в Улан-Баторе осенью 1926 г. останавливался Н.К.Рерих с семьей и до весны 1927 г. жили сотрудники Центрально-Азиатской экспедиции Рериха. О них см. *Горбунов Алдар*. Соприкосновение с Николаем Рерихом // «Мысль» № 4. 2013. Республика Казахстан (<http://www.roerich.kz/shurnal/texts/Gorbunov.htm>).
- 17) Имеется в виду мексиканский серебряный доллар (янчан), единая финансовая и счетная единица, обращавшаяся в Китае и в Монголии до введения национальной монгольской валюты – тугрика.
- 18) Мелитина Ивановна Клягина - Кондратьева (1896–1971) – жена С.А.Кондратьева, ориенталист-индолог по образованию, зав. европейским отделом библиотеки Учкома (1926–1930), участник экспедиций Учкома 1926–1929 гг., исследователь монгольских монастырей (*Клягина-Кондратьева М.И.* Материалы к изучению буддийских монастырей. Опыт характеристики культовых и жилых построек в монастырях Кентея и Хангая. // Монгольская буддийская культура. Исследование храмов и монастырей в Хэнтее и Хангае. / Ред.- сост. Т.И.Юсупова, С.Чулуун./ *Senri Ethnological Reports* 113. National Museum of Ethnology. Osaka. 2013. С. 65–184); автор экспедиционных дневниковых записей (*Клягина-Кондратьева М.И.* 1-я Кентейская (Ононская) экспедиция / публ. и прим. К.Н.Яцковской // *Российское монголоведение*. Бюллетень. IV. М., 1996. С.125–142. *Она же*. Дневниковые записи. Хангайская экспедиция 1928 г. / публ. и прим. К.Н.Яцковской // *Mongolica* V. СПб., 2001. С. 125–151. *Она же*. Гобийская экспедиция 1929 г. / публ. и прим. К.Н.Яцковской // *Российское монголоведение*. Бюллетень. V. М., 2001. С. 412–435; впоследствии – член Союза писателей СССР (секция перевода), переводчик Р.Тагора, Р.Киплинга, фольклорных произведений.
- 19) Имеется в виду П.В.Всесвятский.
- 20) См. прим. 16.
- 21) мини монгол нырэ Даши (монг. *миний монгол нэр Даши*) – моё монгольское имя Даши.

2

- 22) У р т о н (монг. *өртөө*) – станция почтовой службы, расстояние между станциями, а также расстояние, равное приблизительно 30 км.
- 23) См. прим. 4.
- 24) Л и с о в с к и й В с е в о л о д И г н а т ь е в и ч - см. прим. 64 к гл. III.
- 25) Имеется в виду одно из направлений буддийской школы (секты) кармапа, ламы которого носили красные головные уборы.
- 26) Имеются в виду последователи Ц з о н х а в ы (Цзонхава Лобзангдракпа) (1357–1419) – тибетского религиозного деятеля, основателя буддийской школы гелугпа (*тиб.* – закон добродетели) («желтошапошники»), получившей широкое распространение в Тибете, Монголии и др. странах. Цзонхава - автор философского трактата «Ламрим Чхенмо» («Ступени великого пути»), основал

несколько монастырей, ввел строгий монашеский устав, впервые разрешил монахам иметь собственность, что кардинально изменило роль церкви. О нем см. *Цендина А.Д.* ...и страна зовется Тибетом.// М.: Восточная литература. РАН. 2006. С.128–131.

- 27) Я н г е р – сибирский горный козел (*Capra sibirica*).
- 28) А р г а л и – горный баран (*Ovis ammon*).
- 29) Г н а д е б е р г А. Г. – сотрудник Миннархоза МНР, лесничий.
- 30) Ж а м ц а р а н о Ц ы б е н Ж а м ц а р а н о в и ч – см. прим. 24 к гл. III.
- 31) Имеется в виду Академия наук СССР.
- 32) К а н а е в В а с и л и й М и х а й л о в и ч – см. прим. 78 к гл. III.
- 33) Г у с е в В а с и л и й А н д р е в и ч – препаратор, участник Монголо-Тибетской экспедиции. После ее окончания работал в Иркутском противочумном институте.
- 34) П р ж е в а л ь с к и й Н и к о л а й В л а д и м и р о в и ч (1908 - ?) - внучатый племянник Н.М. Пржевальского, участник Монголо-Тибетской экспедиции (1925–1926), впоследствии инженер - строитель автодорог (Прибайкалье, Север, Куба).
- 35) К о т я - см. прим. 93 к гл. III.
- 36) Ф у - ч и н – китаец, наемный рабочий, повар в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова, впоследствии друг, помощник и участник экспедиций А.Д.Симукова.
- 37) В т о р у ш и н Ф и л и п п - наемный рабочий в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова.
- 38) Х а р а - х о т о (XI-XIV вв.) – был крупным торговым центром (в низовьях р. Эцзин-гол) тангутского государства Си-ся (982–1226); завоеван монголами (1226), разрушен китайскими войсками (1372). Развалины Хара-хото впервые обнаружены и сфотографированы в 1907 г. Ц.Г.Бадмажаповым. Археологические раскопки Хара-хото Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К.Козлова в 1908 и 1909 г.г. дали богатейший материал по древней тангутской письменности, истории и культуре Си-ся и сопредельных государств. Раскопки были продолжены Монголо-Тибетской экспедицией в 1925–1926 г.г.
- 39) Ш а с т и н ы - семья Ш а с т и н а П а в л а Н и к о л а е в и ч а (1872–1953) – врача, приглашенного из Иркутска монгольским правительством для организации системы здравоохранения (1923); в Урге он основал амбулаторию и больницу, названную впоследствии его именем, работал в Монголии до 1937 г., награжден монгольским орденом; с 1937 г. работал во Всесоюзном пионерском лагере Артек (см. *Шастина Н.П.* Из воспоминаний о Монголии // Книга братства / сост. *А.Гатов, С.Эрдэнэ.* Москва - Улан-Батор, 1971. С. 197–201). Жена П.Н.Шастина – Мария Игнагьевна, фельдшер; старший сын – Николай Павлович Шастин (врач, также работал в Монголии) с семьей; три других сына жили в это время в Ленинграде; дочь – Нина Павловна Шастина (1898–1980), впоследствии известный монголовед; вместе с ними жил брат П.Н.Шастина – Михаил Николаевич. (О них см. Из воспоминаний М.И.Клягиной-Кондратьевой / публ., введение и прим. *К.Н.Яцковской* // *Mongolica VII.* СПб., 2007. С 97).
- 40) Б а д м а ж а п о в ы - Бадмажапов Цогто Гармаевич (1879–1937) (см. прим. 63 к гл. III.); его жена – Ида Павловна Эккель, из семьи обрусевших немцев, четверо её дочерей от первого брака (одна из них – Вера (1909–1995) впоследствии участвовала в Гобийской экспедиции А.Д.Симукова 1930 г., работала в

Государственной библиотеке) и трое общих детей: сын Гава и дочери Дэнсима и Дэви. (О них см. Из воспоминаний М.И.Клягиной-Кондратьевой / публ., введение и прим. К.Н.Яцковской // *Mongolica* VII. СПб., 2007. С. 96–97. Ломакина И.И. Монгольская столица, старая и новая (и участие России в её судьбе) / М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 134–135).

- 41) См. прим. 16 к данной главе.
- 42) К о з л о в а Е л и з а в е т а В л а д и м и р о в н а – см. прим. 52 к гл. III.
- 43) К о з л о в В л а д и м и р П е т р о в и ч (1897–1971) – сын П.К. Козлова от первого брака, ученый-почвовед.
- 44) К о з л о в а О л ь г а П е т р о в н а (в замужестве Мясоедова) (1903–1982) – дочь П.К. Козлова от первого брака, художник-иллюстратор.

3

Письма А.Д.Симукова, адресованные С.А.Кондратьеву, любезно переданы М.И.Клягиной-Кондратьевой в архив семьи А.Д.Симукова в 1970 г.

- 45) Имеется в виду домик в районе прииска Сузцуктэ в Хэнтее, в котором жили участники археологических раскопок курганов Ноин-улы.
- 46) См. прим. 24.
- 47) Имеются в виду мексиканские серебряные доллары; см. прим. 17.
- 48) *desiderata* (фр.) – желаемые.
- 49) Шара-хулусун («Желтый камыш») – богатое урочище (оазис) в районе северных склонов горной системы Цаган богдо (См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С. 482).
- 50) Юм-бейсе – монастырь с поселением у южного подножья хр. Байбаян ундур. (См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С.65–66).
- 51) Уйцзюн-Ван (позднее - Арбай хэрэ) – крупный монастырь и значительный торговый пункт Убурхангайского аймака. (См. *Симуков А.Д.* труды. Т. 1. С. 418).
- 52) *Salpingotus* – трехпалый карликовый тушканчик.
- 53) Видимо, имеется в виду *Capra sibirica* (см. прим. 27).
- 54) Имеется в виду дикая лошадь Пржевальского (монг. - *тахь адуу*).
- 55) *maxima* (фр.) – максимальная.
- 56) См. прим. 47.
- 57) М и л я – Мелания Алексеевна Симукова, жена А.Д.Симукова; см прим. 117 к гл. III.
- 58) Видимо, имеются в виду альбомы Ононской экспедиции 1926 г.
- 59) Ф е д я - Ф е д о р Ф е д о р о в и ч Б о л ь ш а к о в – топограф, сотрудник Ученого Комитета, участник экспедиций С.А.Кондратьева и А.Д.Симукова, заведующий кабинетом картографии (1931).
- 60) Имеется в виду Мелитина Ивановна Клягина-Кондратьева, жена С.А.Кондратьева; см. прим. 18.
- 61) Ф у ч и н - см. прим. 36.
- 62) Имеется в виду Цогто Гармаевич Бадмажапов; см. прим. 63 к гл. III.
- 63) *Sic* (фр.) – так.
- 64) Имеются в виду Всесвятские; см. прим. 16.
- 65) См. прим. 39.

4

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 209.

- 66) Наталья Яковлевна Симукова – мать А.Д.Симукова; см. прим. 3 к гл. II.
- 67) Возможно, имеются ввиду Москва и Ленинград.
- 68) См. прим. 2.
- 69) См. прим. 64 к гл. III.
- 70) имеется в виду месячная заработная плата - 125 мексиканских серебряных долларов, см. прим. 17.
- 71) По-видимому, первой родиной А.Д.Симуков считал – Россию (Петербург), где он родился и рос, второй – Белоруссию (Сигеевка), где прошла его юность.
- 72) Леша - брат А.Д.Симукова; см. прим. 11 к гл. I.
- 73) Аля - сестра А.Д.Симукова; см. прим. 10 к гл. I.
- 74) Анна Андреевна – сводная сестра Д.А.Симукова, отца А.Д.Симукова; см. прим. 32 к гл. II.
- 75) Семья Мили.
- 76) Феодосия (Федосья) Макаровна Алексеенко (ум. в 1942 г. в эвакуации) – крестьянка села Душатино, мать пятерых детей, в том числе Мили (М.А.Симуковой).
- 77) Маня – Мария Алексеевна Алексеенко (в замужестве Райхман) (1908–1999) – сестра М.А.Симуковой.

5

- 78) Козлова Елизавета Владимировна - см. прим. 52 к гл. III.
- 79) Бадмажаповы Вера и Марина - приемные дочери Ц.Г. Бадмажапова.
- 80) Синяя походная палатка.
- 81) Путешествовать «ургой» - нанимать верховых лошадей из ближайшего селения.
- 82) Станция почтово-пассажирской службы; см. прим. 22.
- 83) Заводная – запасная лошадь, которая походом идет в заводе, в запасе.
- 84) Имеются в виду мексиканские серебряные доллары; см. прим. 17.
- 85) Возможно, имеются в виду Алексей и Саша – сыновья Гавриила Мефодьевича Карчанова, старателя и охотника, работавшего при Учкоме по хозяйственной части.
- 86) Фу-чин – см. прим. 36.
- 87) Первая строфа песенки – из стихотворения, прочитанного Е.В.Козловой С.А.Кондратьеву в Суцзуктэ (см. Жизнь и научная деятельность С.А.Кондратьева (1896–1970) в Монголии и в России // подготовка к изданию, предисловие, введение, комментарий и указатели – И.В.Кульганек, В.Ю.Жукова / СПб., 2006. С. 163).
- 88) Насонов Николай Викторович (1855–1939) – биолог, зоолог, академик Петербургской академии наук. Возможно, речь идет о книге: *Насонов Н.В.* Географическое распространение диких баранов Старого Света / Петроград, 1923. 255 с.
- 89) Бялыницкий - Бируля Алексей Андреевич (1864–1937) – зоолог,

зоогеограф, полярный исследователь, член-корр. АН (1923), директор (1921–1929) Зоологического музея АН, профессор ЛГУ. Снят с должности директора в ноябре 1929 г. и до момента ареста временно исполнял обязанности старшего зоолога. Арестован в ноябре 1930 г. по «академическому делу», приговорен к 3 годам лагерей.

- 90) Сушкин Петр Петрович (1868–1928) – орнитолог, академик АН СССР (1925), научный руководитель Е.В. Козловой.
- 91) *Noblesse oblige* (фр.) – положение обязывает.
- 92) Сергей Александрович Кондратьев – см. прим. 83 к гл. III; о какой его работе пишет А.Д. Симуков выяснить не удалось.
- 93) *über* (нем.) – (здесь) – сверх, свыше.
- 94) Цаган-сар (монг. *Цагаан сар*) – дословно «Белый месяц», первый месяц нового года, а также название праздника Нового года по монгольскому лунному календарю.
- 95) Котик - К.К.Даниленко; см. прим. 93 к гл. III.
- 96) Кузнецовы – см. прим. 70 к гл. III.
- 97) Воробьевы – семья русских колонистов в Монголии (пос. Мандал), оказывали помощь экспедиции при проведении раскопок в Ноин-Уле. Вася – Васса Воробьева.

6

- 98) Помощник А.Д.Симукова по Музею – Джергал (монг. *Жаргал*).
- 99) Наемный рабочий Джамба (монг. *Жамба*), бывший лама.
- 100) В ноябре 1927 г. П.К. Козлов представил на рассмотрение правительства план новой трехлетней экспедиции в Тибет, к истокам Янцзы, с посещением Лхасы. Однако Наркоминдел и ОГПУ выступили резко против очередной центральноазиатской инициативы путешественника. Несмотря на активную поддержку со стороны Академии наук, Географического общества и др. П.К. Козлову в конце февраля 1928 г. было отказано в организации новой экспедиции.
- 101) Видимо, имеется в виду Василий Андреевич Гусев, см. прим. 33.

7

- 102) Блюмкин Яков Григорьевич (1898–1929) – левый эсэр, большевик (1921), сотрудник ВЧК (1918), ИНО ОГПУ (с 1923), учился на восточном факультете Военной академии (1920–1921), работал в секретариате председателя Реввоенсовета Л.Д.Троцкого, в 1926 г. направлен в Монголию как представитель ОГПУ и главный инструктор Государственной Внутренней Охраны, в ноябре 1927 г. по настоянию руководства Монголии отозван в Москву; работал в Закавказье, на Ближнем Востоке (1928); арестован и расстрелян в 1929 г.

8

- 103) Жения – Евгений Андреевич Миллер, кузен А.Д.Симукова; см. прим. 25 к гл. II.
- 104) Суйда – дачное место под Петроградом; см прим. 8 к гл. I.
- 105) Леша и Аля – брат и сестра А.Д.Симукова; см. прим. 11 и прим. 10 к гл. I.

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 209–210.

- 106) *А.Симуков.* Очерк работ Гобийской партии Ученого Комитета МНР (июль-ноябрь 1927 года). // *Хозяйство Монголии.* 1927. № 1 (81). С. 86–99; см. также: *А.Д.Симуков.* Труды. Т. 3(1). С. 52–73.
- 107) *С в е н Г е д и н (Hedin von, Sven Anders)* (1865–1952) – известный шведский путешественник, исследователь Центральной, Средней и Передней Азии (Тибет, Синьцзян, Монголия, Китай, Памир, Кавказ, Персия, Ирак); Симуковы встретили Китайско-Шведскую экспедицию Свен Гедина (1927–1932); о ней см. *Sven Hedin. Auf Großer Fahrt. Meine Expedition mit Schweden, Deutschen und Chinesen durch die Wüste Gobi 1927–1928.* // Leipzig: F.A.Brockhaus, 1929. *Sven Hedin. Across The Gobi Desert.* // NY: E.P.Dutton & Co, 1932.
- 108) *С е р г е й А л е к с а н д р о в и ч К о н д р а т ь е в* – см. прим. 83 к гл. III.
- 109) *Л е ш а* – брат А.Д.Симукова; см. прим. 11 к гл. I.
- 110) *А л я* – сестра А.Д.Симукова; см. прим. 10 к гл. I.
- 111) *т е т я О л я* – сестра Н.Я.Симуковой; см. прим. 18 к гл. I.

10

- 112) *П.К. Козлов* посетил Пунцук-обо (Пунцэн-обо) 6 июля 1926 г. См. *Козлов П.К.* Дневники. С. 877–879.
- 113) *К а з н а к о в А л е к с а н д р Н и к о л а е в и ч* (1871–1933) – выпускник Пажеского корпуса, натуралист, географ, путешественник; участник Монголо-Камской экспедиции П.К.Козлова (1899–1901); директор Кавказского музея естественной истории и Публичной библиотеки в Тифлисе; участник I-ой Мировой (полковник) и Гражданской войн; умер в эмиграции (Париж). Описание маршрута А.Н. Казнакова см. *Казнаков А.Н.* Мои пути по Монголии и Каму / Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. I. 136 с.
- 114) *Л а д ы г и н В е н и а м и н Ф е д о р о в и ч* (1860–1923) – участник Тибетской экспедиции (1893–1895) В.И. Роборовского, начальник дунганской школы в Семиречье, сотрудник Монголо-Камской экспедиции (1899–1901) П.К. Козлова; ботаник, этнограф, свободно владел китайским языком. С 1912 г. старший коммерческий агент КВЖД в Харбине. Описание маршрутов В.Ф. Ладыгина см. *Ладыгин В.Ф.* О пересечении Гоби от Далин-туру в Су-чжоу. Вести из экспедиции П.К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI. Вып. II. С. 169–197. *Он же.* Поездка на верховья реки Урунгу (Булугун). Вести из экспедиции П.К. Козлова // Изв. ИРГО. 1900. Т. XXXVI. Вып. I. С. 47–66. См. также: Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. II.
- 115) Имеется в виду Третье Ганьсуйское путешествие (1884–1886) Г.Н. Потанина.
- 116) *У л а р* - горная индейка.
- 117) *К о л я* - см. прим. 34.
- 118) Еще во время Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова 1907–1909 гг. недалеко от Хара-хото удалось поймать редкий экземпляр тушканчика. Позднее,

обрабатывая коллекции экспедиции, зоолог В.С. Виноградов установил, что тушканчик представляет новый вид и род. Он назвал его именем П.К. Козлова (*Salpingotus Kozlowi*).

- 119) Б у р (монг. *буур*) – верблюд-самец.
- 120) Ц и н д э (Цэндэ) в мае-июле 1926 г. был проводником в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова.
- 121) С в е н Г е д и н - см. прим. 107.
- 122) 8 немецких сотрудников экспедиции Свена Гедина изучали по заданию фирмы *Lufthansa* атмосферные условия с целью выяснения возможности использования авиации для преодоления недоступных пустынных областей; см. *Sven Hedin. Auf Großer Fahrt. / Leipzig, 1929. S. V-VII.*
- 123) Так в тексте. Имеется в виду «препарирование».
- 124) См. прим. 38.
- 125) Обширные выдержки из экспедиционного дневника А.Д.Симукова 1927 г. приведены в авторском послесловии к книге *М.В.Колесникова, М.С.Колесников. Экспедиция идет к цели. М.: Детская литература, 1977. С. 261–270.* Авторы работали в Монголии с весны 1939 г. до осени 1945 г. В архивах Монголии дневник экспедиции 1927 г. до настоящего времени не найден.
- 126) Р е р и х Н и к о л а й К о н с т а н т и н о в и ч (1874–1947) – художник, путешественник, инициатор движения в защиту памятников культуры. С 1916 г. жил в Финляндии, США, с 1927 г. в Индии. В сентябре 1926 г. во главе Центральноазиатской экспедиции прибыл в Ургу, где пробыл до апреля 1927 г. См. также: Рерихи и Монголия /отв. ред. Ш.Бира, сост. Е. Бондаренко, Ч. Нарантуяа / Улан-Батор, 2008.
- 127) Д о н и р (*dhonir*, тиб. *mgron gnyer*) – распорядитель церемоний; *здесь* – лама, представитель Далай-ламы XIII в Монголии.
- 128) Имеются в виду члены Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова: Василий Андреевич Гусев, Василий Михайлович Канаев, Константин Константинович Даниленко, Николай Владимирович Пржевальский.

11

- 129) А.Д., А н д р е й – имеется в виду А.Д.Симуков.
- 130) Д з а м б а – мука из поджаренных зерен пшеницы или ячменя.
- 131) И р б и с (монг. *цоохор ирвэс*) – снежный барс.

13

- 132) Е л е н а Э д у а р д о в н а Б у д о в с к а я - внучка А.Д.Симукова и М.А.Симуковой, славист, выпускница МГУ, работала в Институте славяноведения и балканистики РАН, ряде университетов США: Stony Brook, UCLA (Ph.D), Columbia, сотрудник Georgetown University.

14

- 133) Н а т а л и я А н д р е е в н а С и м у к о в а (1933 г.р.) – дочь М.А.Симуковой и А.Д.Симукова, окончила МГУ, к.х.н., работала в Институте биоорганической химии РАН, ряде университетов США (John Hopkins University, Boston University, Northeastern University).

- 134) См. прим. 125.
- 135) А.Д.Симукову и М.А.Симуковой довелось прожить вместе неполных восемь лет (май 1927- июль 1934).
- 136) Н а д о м (монг. *наадам*) – национальное празднество, включающее традиционные три вида состязаний: борьбу, скачки и стрельбу из лука; самый большой надом, посвященный годовщине революции 1921 года, проходит в июле.

15

- 137) Имеется в виду больница, организованная и возглавляемая доктором П.Н.Шастиным; см. прим. 39.
- 138) А.Д.Симуков. Очерк работ Гобийской партии Ученого Комитета М.Н.Р. Июль-Ноябрь 1927 г./ Хозяйство Монголии. 1928. № 1(8). С. 86–99. См. также: А.Д.Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. / Сост.: Юки Конагая, Санжаасурэнгийн Баяраа, Ичинхорлоогийн Лхагвасурэн. / Государственный музей этнологии, Осака. 2008 (далее «Труды»). Т. 3 (1). С. 61–73.
- 139) А.Д.Симуков. Очерки природы и быта Кентэя. / Хозяйство Монголии. 1928. № 2 (9). С. 93–103./ См. также: А.Д.Симуков. Труды. Осака. 2007. Т. 2. С. 561–571.
- 140) А.Симуков. О работе Гобийской экспедиции 1927 года. / Партийный журнал (*на монгольском яз.*). 1928.
- 141) О какой статье идет речь, установить не удалось.
- 142) День рождения А.Д.Симукова - 29 апреля (по новому стилю).

16

- 143) О л ь г а Я к о в л е в н а П е й к е р (урожденная Миллер) – см. прим. 18 к гл. I.
- 144) Имеется в виду дом № 3 в Хрущевском переулке Москвы (близ Пречистенки), где жили родственники А.Д.Симукова; см. прим. 108 к гл. III.

17

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д. Письма родным* /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 210.

- 145) А л е к с е й Д м и т р и е в и ч С и м у к о в (1904–1995) – брат А.Д.Симукова; в юности увлекался живописью, окончил художественные курсы, впоследствии – драматург, киносценарист, писатель.
- 146) Имеется ввиду П.К.Козлов.
- 147) См. фото №113: А.Д.Симуков. Труды. Осака, 2008. Т. 3 (1). С. 578.
- 148) *et cetera* (лат.) - и так далее.
- 149) *en trois* (фр.) - втроем.
- 150) Имеется в виду С.А.Кондратьев.
- 151) Ал.Д.Симуков жил в то время в Хрущевском переулке Москвы; см. прим. 144.
- 152) Оформление нового загранпаспорта стоило около 500 руб. и включало ряд организационных сложностей – от получения характеристики в трудовом коллективе до разрешения НКВД на выезд за границу; см. также: *Юсунова Т.И. Монгольская комиссия Академии Наук. История создания и деятельности 1925–1953.* СПб: «Нестор-История», 2006. С. 148.
- 153) Возможно, речь идет о С.Д.Васильеве; см. прим. 31 к гл. I.

- 154) Л е в А р о н о в и ч А г р а н о в с к и й (1902–1938) – суражский друг Андрея Симукова, учился в Институте журналистики в Москве; арестован, расстрелян 1/III/38 г. в районе пос. Воркута (Ухто-Печорский ИТЛ), реабилитирован; см. *Дойков*, 2010: 341.
- 155) *Vale* (лат.) – будь здоров.

18

- 156) Хангайская экспедиция Ученого Комитета 1928 г.
- 157) В третьем номере опубликована работа: *А.Д.Симуков*. Очерки природы и быта. II. Гобийский Алтай и Центральная Гоби. / *Хозяйство Монголии*. 1928. № 3 (10). С. 79–92. См. также: *Симуков*, 2007б: 572–583.
- 158) П а в л и к (Павел Николаевич) Ш а с т и н – сын Н.П.Шастина, внук доктора П.Н.Шастина, племянник Н.П.Шастиной, впоследствии детский врач, хирург.
- 159) Имеется в виду Москва.

19

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // *Книга братства* / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 211.

- 160) *Mon frère* (фр.) – мой брат.
- 161) *Адрес и дата* (старомонг.) – Улан-Батор хото 6 декабря 1928.
couleur locale (фр.) – местный колорит.
- 162) Имеется в виду Хангайская экспедиция Ученого Комитета МНР 1928 г.
- 163) Видимо, речь идет об Ихэ-богдо.
- 164) *fili mi* (лат.) – сын мой.
- 165) Путеводители немецкого издателя Карла Бедекера по разным странам отличались точностью и полнотой информации.
- 166) Т у а п с е – морской порт и курорт на Кавказском побережье Черного моря.
- 167) Р е р и х – см. прим. 126.
- 168) Видимо, речь идет о работе: *А.Д.Симуков*. Хангайская экспедиция Ученого Комитета М.Н.Р. в 1928 году. (Путевые впечатления). / *Хозяйство Монголии*. 1929. № 1 (14). С. 78–96. См. также: *А.Д.Симуков*. Труды. Осака. 2008. Т. 3 (1). С. 178–195.
- 169) См. фото №122: *А.Д.Симуков*. Труды. Осака 2008. Т. 3 (1). С.583.

20

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // *Книга братства* / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 211–212.

- 170) См. прим. 162.
- 171) Неурожай зерновых (Украина, Сев. Кавказ) в 1927 и 1928, введение государством твердой цены на хлеб в 1927 г. и рост индустриальных центров при отсутствии хлебных запасов привели к голоду в ряде регионов СССР (Украина), введению карточной системы снабжения в городах и росту рабочих волнений в некоторых промышленных центрах (г. Шахты, Донбасс - 1927 г.). Весной 1928 г. начался широко освещаемый печатью «Шахтинский процесс» («Дело об экономической

контрреволюции в Донбассе», по которому было арестовано более 100 руководителей и специалистов угольной промышленности из ВСНХ, треста Донуголь, рудоуправлений и шахт, обвиняемых в саботаже, вредительстве, создании подпольной организации, связи с зарубежными антисоветскими центрами; пятеро расстреляны, многие отправлены в лагеря. В 2000 г. все осужденные реабилитированы «за отсутствием вины и фальсификаций доказательных материалов»).

21

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 212.

172) Имеется в виду крестьянское хозяйство в белорусской деревне Сигеевка, родине Д.А.Симукова – отца Андрея Симукова ; см. гл. I (записи 24 июля 1917 г., 5 июля 1918 г. и прим. ²⁸).

22

173) Воду (в бочке) привозил на лошади водовоз.

23

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 212.

174) Имеется в виду семья Ц.Г.Бадмажапова.

175) Очевидно, имеются в виду последствия осуждения на VII съезде МНРП (октябрь 1928 г.) так называемого «правого уклона», отстранения от управления страной причисленных к нему национал-демократов – сторонников постепенного политического и экономического развития Монголии с учетом национальных особенностей и использованием опыта не только СССР, но и наиболее развитых стран мира, и прихода к власти «левых» - сторонников ускоренного строительства социализма по примеру СССР, где в 1929 г. были осуждены за «правый уклон» и сняты с постов Н.И.Бухарин, А.И.Рыков и М.П.Томский, выступившие против свертывания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации, начата ускоренная индустриализация (за счет перекачки средств из аграрного сектора в промышленный) и сплошная коллективизация, см. *Роцин*, 1999: 210–212.

Смена руководства МНР была спланирована и реализована при непосредственном участии представителей Коминтерна, см. *Лузянин*, 2003: 175–177;

176) Имеется в виду штаб МНРА; возможно, речь идет, как и в других случаях об унификации названий на картах разного происхождения, см. прим. 369, 438. Летом 1929 г. обострились отношения с Китаем, в июле Пекин объявил экономическую блокаду МНР, следствие – товарный голод в Монголии; в начале августа Китай захватил КВЖД, находившуюся в совместном управлении, что привело к советско-китайскому вооруженному конфликту и разрыву отношений, см. *Лузянин*, 2003: 190.

177) См. *А.Д.Симуков*. Маршрут Уланбатор – Удэ – Байшинту (Гурбан-Сайхан) –

- Уланбатор. (Путевые заметки Гобийской экспедиции 1929 года.) //Хозяйство Монголии, 1929. № 4 (17). С.72–83. *То же* (исправлено и дополнено примечаниями в январе 1935 года): Симуков, 2008а: 196–209. С.А.Кондратьев. Гобийская экспедиция Ученого Комитета МНР в 1929 году.// Хозяйство Монголии, 1929. № 4(17). С. 66–71.
- 178) Пучковский Леонид Сергеевич (1899–1970) – закончил факультет общественных наук ЛГУ (1925) и ЛГИЛИ (1932), учился в ЛИЖВЯ, впоследствии монголовед, специалист по истории Монголии и монгольским рукописям, к.ф.н., сотрудник ИВ АН СССР, преподаватель восточного факультета ЛГУ О нём см.: Яхонтова Н.С., Кульганек И.В., Зорин А.В., Носов Д.А. Леонид Сергеевич Пучковский – жизненный путь и научное наследие //Mongolica XXII, № 1. СПб. 2019. С. 6–31.
- 179) Хлебозаготовительный кризис (1927), запрещение свободной продажи хлеба (1928), сопротивление крестьян силовой коллективизации (1929) привели к сокращению производства зерна и его экспорта, т.е. к снижению валютных поступлений и сокращению вследствие этого промышленных программ, занятости и продовольственного снабжения городского населения; см. напр.: Васюк Н.Д. Правовые реформы в аграрном секторе России и их влияние на экономику сельского хозяйства. // Право и экономика, 2008. № 5.
- В 1929 г. введена карточная система снабжения городского населения продуктами и промышленными товарами; рабочие получали 800 г хлеба в день, служащие – 300, безработные, пенсионеры и инвалиды – 200; не выдавали карточек «нетрудовым элементам» (священникам, торговцам, домохозяйкам моложе 56 лет). Снабжение было дифференцированным в зависимости от города и предприятия. Карточная система не охватывала крестьян. Поставки промтоваров на село зависели от выполнения плана заготовок, на практике же часто не выполнялись.
- 180) Относительно перемен в Учкоме его создатель и ученый секретарь Ц.Жамцарано в эти же дни (13 июля 1929) писал г. Б.Я.Владимирцову: «В настоящее время Учком переживает такое же кризисное состояние, какое испытала и Академия Наук. Что останется в конце концов от Учкома – Аллах ведает. Останемся ли я лично и Жамьян-гун, неизвестно. Есть надежда, что Учком как научно-исследовательское учреждение будет сохранен, но будет подвергнут радикальной организации в личном составе и в смысле сближения с революционной общественностью» (Цит. по: А.М.Решетов / О переписке Ц.Ж.Жамцарано с С.Ф.Ольденбургом и Б.Я.Владимирцовым // Orient. Вып. 2–3, 1998. С. 86).
- Ц.Жамцарано, ошельмованный как один из лидеров «правых», был вынужден покинуть пост ученого секретаря в конце 1929 г. Об упомянутой реорганизации Академии Наук в 1929 г. см. напр.: Яншина Ф.Т. Неизвестный Вернадский // Вестник Российской Академии Наук. 1993. Т.63. № 9. С. 822–829.
- 181) Алексей Яковлевич Алексеев - отец Милицы; см. прим. 42 к гл. I.
- 182) Алексей Симуков, брат Андрея, учился на Высших художественных курсах; см. прим. 11 к гл. I.
- 183) Имеется в виду Академия Наук СССР.

- 184) Д а ш д о р д ж и й н Н а ц а г д о р д ж (*Дашдоржийн Нацагдорж*) (1906–1937) – поэт, писатель, драматург, переводчик, историк, общественный деятель; учился в домашней школе, на одногодичных курсах при Военно-политической академии (Ленинград, 1925), в школе журналистики и в семинаре Э.Хэниша (Берлин, Лейпциг, 1926–1929), владел русским, немецким и китайским языками, работал писарем в Военном министерстве, помощником Главкома МНА Сухэ-Батора, секретарем Военного совета, Правительства (при премьер-министре Балигийн Цэрэндордже) и ЦК партии; член МНП (с 1922 г.), делегат II и III съездов партии, сотрудник газеты ЦК союза молодежи, организатор пионерского движения в Монголии; принимал активное участие в создании Монгольской ассоциации революционных писателей (1930) и становлении Монгольского национального театра, где в 1934 г. впервые была поставлена опера «Три печальных холма» по либретто Д.Нацагдорджа; участник экспедиции В.А.Казакевича (1923), переводчик, позднее сотрудник и зав. кабинетом истории Комитета Наук Монголии (1930–1936), написал краткую историю Монголии, читал лекции по истории Монголии в Педагогическом училище. Первым браком (1923) был женат на Дамдины Пагдадулам (1907–1938), активистке женского движения, учившейся также в Германии; дочь – Цэрэндулам (1923 г.р.). В начале 30-х годов женой стала Нина Николаевна Чистякова; дочь – Ананда Шри (1934 г.р.). В мае 1932 г. Д.Нацагдорж был арестован по ложному доносу, провел в тюрьме 5 месяцев, был исключен из партии; впоследствии «не единожды изгонялся из своей эпохи и снова возвращался в нее» (*Яцковская*, 2007: 14.); после отъезда жены с дочерью в Россию (зима 1935/1936) безуспешно пытался получить разрешение на поездку к семье в Ленинград. 8 февраля 1937 г. снова арестован, приговорен к 5 месяцам принудительных работ. Умер скоропостижно 13 июля 1937 г. по одной версии – от инсульта, на улице у Дома профсоюзов, по другой – в результате отравления после посещения харчевни. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован в 1989 г. Архив Д.Нацагдорджа был спасен и передан в Комитет Наук Монголии историком Ш.Нацагдоржем. Изучение архива и поиск разрозненных прижизненных публикаций и неопубликованных работ (Цэндийн Дамдинсүрэн, Б.Содном и др.) выявило к 1960 г. около 140 единиц художественных текстов – стихи, рассказы, пьесы, либретто оперы, переводы Пушкина, Чехова, Эдгара По. Все найденные произведения Д.Нацагдорджа изданы, многие переведены на другие языки мира. (О нём см. *Яцковская* Дашдоржийн Нацагдорж / Улаанбаатар, 1974. *Она же*. Дашдоржийн, 2002: 14–94). *Sanders*, 2010: 631–633).
- 185) Г о м б о - сотрудник Комитета Наук МНР, заведующий Музеем (1930–1934) (*Чулуун С.,Тордалай Р.* Онходын Жамьян и Ученый комитет Монголии: от традиции к науке (1921–1930) // Монголо-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / ред.-сост. С.Чулуун, Т.И.Юсупова / Уланбаатар, 2012. С. 60.); участник животноводческого отряда экспедиции Монгольской Комиссии АН СССР в 1931 г.
- 186) Н и н а Н и к о л а е в н а Ч и с т я к о в а (1909 – ?) – приехала в Монголию в 1930 г. с мужем О.Намнандоржем, работала секретарем юриста Клопова; в

начале 30-х годов стала женой Дашдоржийн Нацагдоржа; в 1932 г. провела месяц в заключении; в 1934 г. родила дочь Ананда Шри; зимой 1935/1936 г. не добившись официального разрешения на отъезд в СССР, уехала с дочерью тайком к сестре в Ленинград, где работала медсестрой. О ней см. *Яцковская К.Н.*, 2002: 34, 40–41, 89–90. *Ломакина И.И.* Монгольская столица, старая и новая / М., 2006. С. 175–176.

- 187) А н а н д а Ш р и (*Нацагдоржийн Ананда Шри*) (1934–1994) – дочь Д.Нацагдорджа и Н.Н.Чистяковой, родилась в Улаанбаатаре, жила в Ленинграде (1936–1965), во время войны была эвакуирована с матерью на Алтай (1942–1945); вышла замуж (1953) за Леонида Григорьевича Кондратьева (1906 г.р.); окончила Ленинградский Политехнический институт (1958), работала в Гидроэнергопроекте (до 1963 г.), в Ленинградском Строительном институте; с 1966 г. жила в Эстонии, преподавала инженерную механику в Таллинском Политехническом институте (1966–1979), параллельно работала (1976–1979) в Таллинском институте силикатов и цемента; приезжала в Монголию на празднование 60-летия Дашдоржийн Нацагдорджа (1966); с ноября 1986 г. жила в Улаанбаатаре, получила монгольское гражданство. Ананда Шри была талантливым ученым и художественно одаренным человеком – рисовала, писала стихи, рассказы (см. *Нацагдоржийн Ананда Шри*. Хонгорхон хүмүүс / Улаанбаатар. 1997). Трагически погибла в Улаанбаатаре в канун 1995 года. О ней см. *Яцковская*, 2002: 90–92. *Sanders*, 2010: 633).

27

- 188) Имеются в виду младшие Симуковы: Аля и Алексей.
 189) А н а т о л ь Ф р а н с (*Anatole France*)(1844–1924) – французский писатель, литературный критик и общественный деятель; лауреат Нобелевской премии по литературе (1921), деньги которой он пожертвовал голодающим России.

29

- 190) Имеются в виду две экспедиции и участие на местах в работе по районированию МНР; см. *А.Симуков* / Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 242–273. *А.Симуков* / Материалы Гобийской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 274–281. *А.Симуков* / Путевые заметки Хангайской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 212–231. *А.Симуков* / Материалы Хангайской экспедиции 1930 года / Труды. Осака, 2008. Т. 3(1). С. 232–240. *А.Симуков* / Доклад о районировании бывшего Цэцэрлиг-Мандальского аймага МНР / Труды. Осака, 2008. Т. 3(2). С. 7–12.
 191) *Kinder – Küche* – часть известного выражения “*Kinder-Küche-Kirche*” (нем.) – «Дети-Кухня-Церковь», очерчивающего «идеальный» круг интересов женщины; фраза, якобы принесенная императором Вильгельмом II, появилась в печати Германии в конце XIX в.

31

- 192) Машинопись.
 193) Алтай Симуков умер 23 марта 1931 г. в Улан-Баторе от скарлатины.

- 194) М и х а и л И з р а и л е в и ч Т у б я н с к и й (1893–1937) – индолог, тибетолог, буддолог, монголовед. Окончил СПб университет (1919), ученик Ф.И.Щербатского; изучал латынь, древнегреческий, иврит, санскрит, тибетский, китайский и монгольский языки, преподаватель ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ/ЛВИ и сотрудник АМ/ИВ АН СССР (1920–27, 1937), основоположник отечественной бенгалистики, исследователь и переводчик Р.Тагора. Работал в Монголии в 1927–1936 г.г., сотрудник полпредства СССР, ученый секретарь Комитета наук МНР (1930–1936); составил индексы к словарю философских буддийских терминов, подготовил перевод, комментарии и словарный указатель философского трактата основателя желтошапочного ламаизма Цзонхавы «Ламрим-чхенмо» (Ступени пути к просветлению), вел курс санскрита с группой лам, обнаружил в монастырских библиотеках ранее неизвестные мировой буддологии санскритские книги и рукописи и исследовал их, готовил к печати (с индексами имен) труд Самбохамбо «История буддизма в Индии, Тибете и Монголии» и перевод и комментарии к труду Чжедорин-хамбо «Реформаторское движение в ламаизме»; автор около 20 печатных работ; в период борьбы с «излишним академизмом» в СССР и в МНР (1929–1930-е г.г.) подготовил «Словарь-справочник по индо-тибетской медицине», опубликовал статьи о монгольском календаре, материалы о практических аспектах монгольского скотоводства. В 1936 г. - сотрудник ИВ АН СССР. Арестован в августе 1937 г., расстрелян 24 ноября 1937 г.; реабилитирован. Большинство подготовленных к печати трудов и архивы М.И.Тубянского бесследно исчезли. О нем см. Люди и судьбы, 2004: сетевая версия; *Кожевникова*, 2012: 64–80; Письма М.И.Тубянского к Ф.И.Щербатскому, 2012: 166–177.; см. также: М.И.Тубянский. Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода / Предисловие, подготовка переиздания, примечания, приложение Т.Е.Ермаковой и Е.П.Островской // *Mongolica XXII*, № 1. СПб. 2019. С. 64–86.
- 195) Имеется в виду делопроизводство.
- 196) М.А.Симукова обрабатывала свои данные по сборам укосных площадок в экспедиции 1931 года, составляла сводные таблицы и графики данных сети метеорологических станций и выполняла ряд других работ.
- 197) День рождения А.Д.Симукова – 29 апреля (16 апреля по старому стилю).
- 198) Алтай Симуков родился 18 апреля 1928 года в Улан-Баторе.

- 199) Имеется в виду Гобийская экспедиция 1932 г. Научно-исследовательского Комитета МНР (далее «НИК»); см. *Симуков А.* Краткий предварительный отчет о работах Гобийской экспедиции 1932 года // *Симуков А.Д.Труды.* / Осака, 2008. Т. 3(1). С. 388–400. *Он же.* Путевые заметки по маршруту экспедиции 1932 года. // *Труды.* Осака, 2008. Т. 3(1). С. 401–452.
- 200) Имеются в виду геологические сборы (коллектор – М.А.Симукова).
- 201) Г а г р ы (Гагра) – курортный город на черноморском побережье Кавказа (Абхазия).
- 202) А л е к с е й Д м и т р и е в и ч С и м у к о в работал в то время в Кронштадте; см. *Алексей Симуков / Чертов мост, или моя жизнь как пылинка истории / М.:*

Аграф, 2008. С. 173–181.

34

- 203) В выписке из метрической книги (село Душатын Суражского уезда Черниговской епархии) указана дата рождения 3 января, а крещения - 4 января 1904 г.
- 204) Т о р г с и н (1931–1936) (*здесь*) – «торговля с иностранцами» - сеть магазинов, где за валюту, золото или серебро можно было приобрести дефицитные товары: продукты, одежду и пр. (См. также: <http://rusplt.ru/fact/Torgsin-dragmetalli-8713.html>).
- 205) Ш у р а – А л е к с а н д р а А л е к с е е в н а А л е к с е е н к о (в замужестве Бендрикова) – младшая сестра Мили (М.А.Симуковой).

35

- 206) *Mea culpa!* (лат.) – моя вина!
- 207) В сентябре 1931 г. Н.Я.Симукову приняли на работу в Фундаментальную библиотеку Московского Механико-Машиностроительного Института им. Баумана (позднее МВТУ) помощником библиотекаря, через 4 месяца перевели на должность каталогизатора, затем – предметизатора.
- 208) 27 декабря 1932 г. по постановлению ВЦИК и СНК в СССР была введена единая паспортная система с обязательной пропиской паспортов. Сельское население страны, за небольшими исключениями, паспортами не обеспечивалось. Была создана паспортно-визовая служба, вошедшая в структуру НКВД, которой поручался «учет населения городов, рабочих поселков и новостроек, разгрузка этих мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов».
- 209) *Мили вспоминает:* Обедали как-то у нас Рачковские (см. прим. 381). Я смотрю, их Катенька откладывает кусочки повкуснее в сторонку, говорю ей: «Катя, кушай всё. Если захочешь, я тебе с собой ещё дам». А ребенок в ответ: «Это не мне, это – бабушке послать. Ей там голодно...».
- В 1932 г. в СССР разразился голод, охвативший территорию в 1,5 млн. кв. км с населением свыше 65 млн человек (УССР, БССР, Сев. Кавказ, Поволжье, Южн. Урал, Зап. Сибирь, Казахстан). Газеты клеймили за «срывы темпов индустриализации и коллективизации» «саботаж» крестьян и «вредительство» инженеров, ученых, аграрников, экономистов, видных деятелей хозяйственных органов, проходивших в качестве обвиняемых по сфабрикованным ОГПУ в 1930–1931 г.г. делам «Промпартии», «Трудовой Крестьянской партии» и «Союзного бюро меньшевиков». В действительности причины крылись в форсированной индустриализации, и сплошной коллективизации, что привело к массовому оттоку крестьян (главным образом молодежи) в города, а также высылке «раскулаченных», что лишило деревню еще 2,5 миллионов эффективных работников; в результате потери зерна при уборке урожая 1932 г. достигли 35–40 %. Хлебозаготовки, проводимые силовыми методами, зачастую превращались в полное изъятие у крестьян всего собранного хлеба, включая посевной материал; сопротивление подавлялось жесткими репрессиями вплоть до депортации целых станиц на Сев. Кавказе. Из Казахстана около 200 тыс. человек бежало от голода за рубеж (Китай, Монголия, Афганистан). Начался массовый исход из деревни в

города. В январе 1933 г. правительство СССР предписало ОГПУ запретить «всеми возможными средствами массовое передвижение крестьянства Украины и Сев. Кавказа в города». В пораженных голодом областях прекратили продажу ж/д билетов, создали сеть заградительных кордонов ОГПУ. За 1932–1933 г.г. от голода и лишений пострадало около 40 миллионов человек, погибло до 7 миллионов. См. *Полян*, 2001: 62–81.

- 210) *Fi donc!* (фр.) – междометие, выражающее пренебрежительное, презрительное отношение или возмущенное отрицание.
- 211) Л ю б о в ь В л а д и м и р о в н а С и м у к о в а (до замужества Аронова) (1913–2002) - жена Алексея Дмитриевича Симукова, в юности – участница самодеятельности агитбригад, выпускница МГПИ, школьный учитель, сотрудник лаб. физиологии ТашГУ и АН СССР, самоотверженная мать двоих детей.
- 212) А н а т о л и й П е т р о в и ч К о в а л е в (1902–1978) – муж Александры Дмитриевны Ковалевой (в девичестве Симуковой); член РКП(б) с 1918 г., окончил общественное отделение рабфака 2-го МГУ (1925), работал на руководящих постах в Ин-те Советского строительства (позднее Ин-т Государства и права), АРКОС'е (1932), газете «Известия», Главлите, был директором Госкультгиздата, зам. директора Издательства АН СССР; во время Великой Отечественной войны – замполит военно-санитарного эшелона.
- 213) *et cetera* (лат.) – и так далее.
- 214) М.А.Симукова работала в экспедиции коллектором и фотографом.
- 215) *Feci, quod potui, faciant meliora potentes!* (лат.) – Я сделал все, что мог; пусть, кто может, сделает лучше! (Слова Цицерона в средневековой переработке).
- 216) Из записей М.А.Симуковой (1979 г.): «Друзья моей юности – суражане, девочки из Холмской гимназии: Ева Шубова, Хана Фридендер, Беньковичи, Хая и Люба Карасик, суражские мальчишки - Мишка Кронгауз, Цитрины, Абрам Резников... Чистые сердца и души, смелые глаза. Верные друзья. Помню, как суражская молодежь «украла» Наташу Шубабко – помогли уехать в Москву, поступать в медвуз. Многие из них погибли от руки фашистов, горчайшая участь! Наташу Шубабко, работавшую врачом, расстреляли за сына-комсомольца, Хану и всех Фридендеров... Это мне рассказала тетя Поля, когда я гостила у нее в 63-м, примерно, году».
- 217) Возможно, имеется в виду В.А.Казакевич (см. прим. 54 к гл. III).

36

- 218) Речь идет о поездке сестры Андрея Али в Лондон с мужем А.П.Ковалевым, командированным на работу в АРКОС.

37

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д. Письма родным / публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 213.*

- 219) *Fili mi!* (лат.) – Сын мой!
- 220) Географический Атлас Монгольской Народной Республики / Составлен по новейшим материалам сотрудником Научно-Исследовательского Комитета МНР А.Д.Симуковым / Монголия, Уланбатор: Изд. Клуба им. Ленина, 1934. *То же*: на

монгольском языке. См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(2). С. 296. Приложение (компакт диск). Атлас содержит 18 карт, схем и картограмм, в том числе: физическую карту и карту географических провинций Монголии, административную и этнографическую карты МНР, картограмму плотности населения, карту растительности (пастбищных типов) и картограммы удельного веса отдельных видов скота в общем стаде по районам, картограмму распространения важнейших видов промысловых животных и расположения земельных районов и др., а также индексы названий по физической географии, названий сумунов и населенных пунктов.

- 221) Видимо, имеется в виду карта, известная в Монголии, как «Ногоон карт» («Зеленая карта»), изданная на монгольском и на русском языках: *Симуков А.* Физическая и административная настенная карта МНР // Улан-Батор: Монголпресс, 1937. См. *Симуков А.Д.* Труды. Т.3(2). С. 297. Приложение (компакт-диск).
- 222) Имеется в виду «Географический очерк Монгольской Народной Республики. Часть I. Физическая география. Часть II. Население, его хозяйство и государственное устройство страны. Часть III. Комплексное описание аймагов МНР». См. *Симуков А.Д.* Труды. Осака, 2007. Т. 1. С. 137–641.
- 223) *couleur locale* (фр.) – местный колорит.
- 224) *ergo* (лат.) – вследствие этого, поэтому, итак, вывод.
- 225) Имеется в виду (*здесь*) начало 20-х годов.
- 226) *a propos* (фр.) – кстати, к случаю, между прочим.

39

- 227) См. прим 212.

41

- 228) См. документ IV 39.
- 229) Б о р и с о в С е р г е й С т е п а н о в и ч (1889–1937) – сотрудник Дальневосточного секретариата ИККИ, представитель Коминтерна при ЦК МНРП и зам. уполномоченного НКВД в Монголии (1921–1922), сотрудник Восточного отдела НКВД (1922–1933, 1935–1937), секретарь Монгольской комиссии ЦК ВКП(б) (1933–1934), начальник Тибетской экспедиции НКВД (1923–1925) (о ней см. *Андреев А.И.* Время Шамбалы: 2-е изд. СПб: Изд. Дом «Нева», 2004); репрессирован, расстрелян (1937), реабилитирован (1956).

43

- 230) См. прим. 211.
- 231) Ж е б р а к А н т о н Р о м а н о в и ч (1901–1965) – генетик и селекционер, член ВКП(б) с 1918 г., участник Гражданской войны, окончил МСХА им. К.А.Тимирязева (1925) и Институт красной профессуры (1929), сотрудник кафедры зоотехники МСХА (коневодство и крупный рогатый скот), стажировался в США у Л.Данна и Т.Х.Моргана (1930–1931), сотрудник Учкома МНР (1933), зав. кафедрой генетики растений МСХА (1934 – август 1948), академик АН БССР (1940), президент АН БССР (май – октябрь 1947), сотрудник Агитпропа ЦК ВКП(б) (1945–1946), зав. Отделом науки ЦК ВКП(б) (1946); в период разгрома генетики в СССР (1947–1948) подвергался гонениям, лишился всех

постов; с 1949 г. – профессор кафедры ботаники Московского фармацевтического института, с 1953 г. работал в научно-исследовательских учреждениях АН БССР; основные труды по гибридизации, полиплоидии и иммунитету растений, биологическим основам селекции пшеницы и гречихи. (О нём см. *Шноль*, 2001: 506–531).

- 232) Желание увезти дочь из Монголии диктовалось боязнью за её жизнь: первый ребенок Симуковых – сын Алтай умер весной 1931 г. во время эпидемии скарлатины.
- 233) Возможно, А.П.Ковалева (см. прим. 212), достаточно осведомленного о внутриполитическом положении в СССР и имеющего опыт работы за рубежом, беспокоило отсутствие сведений о командировании А.Д.Симукова из СССР на работу в Монголию после окончания Монголо-Тибетской экспедиции.

45

- 234) См. прим. 220.
- 235) См. прим. 222.
- 236) См. прим. 112 к гл. III.
- 237) К а т я (см. прим. 96 к гл. III) попала в Москве под трамвай в утренней толпе, штурмовавшей редкий транспорт (опоздание на работу грозило серьезными неприятностями).
- 238) В е р а И в а н о в н а М и л л е р (см. прим. 16 к гл. I.) – мать Кати.
- 239) Очевидно имеется в виду добывание из архивов Ленинграда необходимых для оформления пенсии справок о преподавательской работе до революции.
- 240) Имеется в виду детский горшок.

47

- 241) Датируется по содержанию.
- 242) С у р а ж - уездный город в Гомельской губернии (с 1919 г.), районный центр в составе Клинцовского округа Западной области (с 1929 г.), районный центр в Брянской области (с 1944 г.); в Сураже жили в это время родители Мили – Феодосия Макаровна и Алексей Яковлевич Алексеенко (см. прим. 76 к данной гл. и прим. 42 к гл. I.).
- 243) Очевидно, имеется в виду: *Симуков А.Д.* Краткая география Монгольской Народной республики. Учебник <на монгольском яз.>. 300 стр. <указано автором> и, возможно, *Симуков А.Д.* Краткая география мира <на монгольском яз.>. 80 стр. <указано автором>; см. *Симуков*, 2008б: 230. Детальный поиск работ А.Д.Симукова на монгольском яз. в архивах Монголии не проводился.
- 244) См. прим. 220.

48

- 245) Г о м б о – см. прим. 185.
- 246) П а п а М и ш а – Михаил Израилевич Тубянский – см. прим. 194.
- 247) М а м а – Нина Аркадьевна Тубянская (урожденная Бухарина) (1902–1985) - жена М.И.Тубянского, индолог, сотрудник Комитета Наук МНР. Арестована (1941), 10 лет в ИТЛ Казахстана, до 1957 г. в ссылке (Алтай), реабилитирована.
- 248) Е ф р е м о в Андрей Андреевич (1900–1968) – театральный режиссер и педагог,

- ученик и сподвижник К.С.Станиславского; создал в Уланбаторе студию обучения актеров для Национального театра Монголии (1929–1934); см. *Ефремов А.* Творческий путь театра МНР // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 47–54. *Он же.* Три года // Современная Монголия. 1933. № 1. С. 55–60.
- 249) *Ефремовская американка* – Margaret Wettlin (1907–2003) – жена А.А.Ефремова, писатель, переводчик, автор книги “Fifty Russian Winters, an American Woman’s Life in the Soviet Union”. John Wiley & Sons. Inc., New York. 1992.
- 250) *Тона* – верхняя часть остова крыши юрты – «массивный деревянный обруч с гнездами для уни на периферии и с выгнутыми сводом, перекрещивающимися перекладинами».
- 251) *Эрдэницзу* – монастырь, основанный Абатай ханом в 1586 г. на берегу Орхона, на месте древней столицы – Каракорума.
- 252) *Дэндуб* – Дэндэв Лхамсурэнгийн (1895–1956) – сын арата, чиновник Министерства внутренних дел (1911–1919, 1921–1925), министр юстиции МНР (1925–1930), член Малого Хурала до 1929 г., смещен с поста министра (1930) и исключен из МНРП (1931) за работу в правительстве Богдо-хана; заместитель, затем исполняющий обязанности председателя Комитета наук МНР (1932–1933), председатель Комитета наук МНР (1934–1940), автор книг «Древнейшие и современные правовые уложения Монголии» (1927), «Краткая история Монголии» (1934); репрессирован (1941), освобожден в 1946 г. О нем см. *Чулуун С.* Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук / ред.-сост. С.Чулуун, Т.И.Юсупова / Уланбатор, 2012. С. 9–29.
- 253) *Амор* – Анандын Амар (1886–1941) – монгольский государственный деятель, ученый; премьер-министр МНР (1928–1930, 1936–1939), председатель Президиума Малого Хурала (1934–1936), председатель (1930–1932) и сотрудник Комитета наук МНР (1933–1934); автор ряда книг. Арестован в марте 1939 г., расстрелян в СССР в 1941 г., реабилитирован. О нём см. *Роцин*, 1999: 175–176, 208, 275, 291–294; *Лузянин*, 2003: 230.
- 254) *Байдол* (монг. *байдал*) – ситуация, обстановка, положение, вид.
- 255) *Стулов Е. А.* – ответственный секретарь (до 1935 г.) редколлегии журнала «Современная Монголия».
- 256) *Монгольский атлас* – см. прим. 220
- 257) *Русский атлас* – см. прим. 220.
- 258) Возможно, имеется в виду преподавание географии в средней школе, куда А.Д.Симуков добирался на автобусе.
- 259) См. прим. 242, 280.
- 260) *Гава* – сотрудник Комитета наук МНР.
- 261) *Дурдун* (монг. *дурдан*) – материал для летнего монгольского халата.
- 262) *Тэриг* (монг. *тэрлэг*) – легкий летний монгольский халат.
- 263) *Гутулы* (монг. *гутал*) – монгольские «широкие сапоги с острыми загнутыми сверху носками и толстой негнущейся подошвой».
- 264) *Гомбожбаб* – имеется в виду *Мөнх-Очирын Гомбожав (Мэргэн гүн)* (1906–1940) – лингвист, филолог, историк; получил образование в России (КУТВ),

- ЛИЖВЯ), Германии, Франции (в Сорбонне, у П.Пеллио); свободно владел русским, французским, немецким языками, знал китайский, тибетский, манчжурский и др.; работал в Комитете Наук МНР, в Ленинграде (ИВ), в Бурятии (с Барадийном и Н.Поппе); арестован (1937) осужден (1940) на 8 лет лагерей, погиб (по официальным данным) в Сев-Восток-лаге в 1940 г.
О нем см. «Мэргэн гүн Гомбожав», 2016; *Хишигт*, 2016: 6; *Кульганек*, 2016:11-23; *Носов*, 2016:20-26.
- 265) Р и н ч и н – Ринчен Бямбын (1905–1977) – лингвист, филолог, историк, писатель, учился в ЛИЖВЯ (1924–1927), сотрудник Комитета наук МНР (зав. лингвистическим кабинетом), участвовал в организации Госиздательства; арестован (1937), освобожден в 1942 г. в связи с необходимостью выпуска в Монголии русскоязычной газеты, сотрудник газеты «Унэн»; за сценарий фильма «Цогто тайджи» получил Государственную премию МНР (1946), которую полностью передал детям Ленинграда; директор Института языка и литературы АН МНР (с 1958 г.), академик АН МНР (1961); удостоен Золотой медали РАС (1965), Серебряной медали Союза писателей Польши (1970), награжден орденами и медалями МНР. В 2005 г. в Улаанбаатаре поставлен памятник Б Ринчену на средства Правительства Монголии (скульптор Дэнзэн Барсболд). О нем см. *Atwood Ch.P. Rinchen, Vyambyn // Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York: Facts On File, Inc., 2004; *Ринчен-Хабеева*, 2001: 12–13; *Britannica Монгол хурангуй толь* (далее “Britannica Монгол”), 2012: V. 2 - 478; см. также: *Modern World History Online*. Facts On File, Inc. <http://www.fofweb.com/activelink2.asp?ItemID=WE53&iPin=EME442&SingleRecord=True> (accessed December 5, 2014).
- 266) Т о н с а г (монг. *Тунсагт*) – сотрудник Комитета наук МНР.
- 267) Н. П. – Нина Павловна Шастина (1898–1980) – сотрудник Комитета наук МНР (1928–1936), библиотеки АН СССР (1937–1942), ИВ АН СССР (1946–1980), монголовед, филолог, историк; см также прим. 39.
- 268) В е р а – Вера Викторовна Бадмажапова (Балашова, Хурлат) (1909–1995) – приемная дочь Ц.Г.Бадмажапова; сотрудник Комитета наук МНР, участник Гобийской экспедиции Комитета Наук МНР 1930 г. (рук. А.Д.Симуков), впоследствии – сотрудник Государственной библиотеки Монголии.
- 269) Ц э б э н Ж. – Жамцарано Цэбэн Жамцаранович (см. прим. 24 к гл. III); почетная грамота и ценный подарок были посланы ему в Ленинград (*Чулун С.* 2012: 27).
- 270) «С т а д о с л о н о в» - кому принадлежало это прозвище, установить не удалось.
- 271) Г е о г р а ф и я м о я – см. прим. 222.
- 272) Н и н а Н и к о л а е в н а – Нина Николаевна Чистякова, см. прим. 186.
- 273) Н о с о в ы – семья врача В.Н.Носова.
- 274) Ч ж и р г а л (Жаргал) – помощник А.Д.Симукова по Музею, участник Гобийской экспедиции Ученого Комитета Монголии 1927 г. (рук. А.Д.Симуков).
- 275) А л и к – Алтай Андреевич Симуков (1928–1931), сын М.А. и А.Д.Симуковых.
- 276) А б д р а х м а н – Абдурахман Абдуллоевич Вагапов, участник экспедиций А.Д.Симукова (шофер).
- 277) А н а н д а ш и р и – Ананда Шри, см. прим. 187.
- 278) Н. Н. – Нина Николаевна Чистякова, см. прим. 186.
- 279) В переводе с «подцензурного» три последние фразы означают, что Д.Нацагдорж

снова «изолирован», Андрей навещал его жену и дочь, обе здоровы.

- 280) Приехав из Монголии летом 1934 г. М.А.Симукова с дочерью жила в Москве вместе с матерью и тетей Андрея Дмитриевича, позднее перебралась в г. Сураж, где жили родители М.А.Симуковой. Своего жилья в России у А.Д. и М.А. Симуковых не было, т.к. оба уехали в Монголию со студенческой скамьи.
- 281) Имеются в виду мать А.Д.Симукова – Наталья Яковлевна Симукова (1875–1962) и её сестра Ольга Яковлевна Пейкер (урожденная Миллер) (1873–1944).

49

- 282) Письма жены к А.Д.Симукову пропали при его аресте; для частичного восполнения утерянной информации здесь и далее приведены фрагменты писем М.А.Симуковой к матери мужа – Н.Я.Симуковой.
- 283) Полный адрес отправителя: Сураж, Западной обл., фабричный поселок, кв. Алексеенко.
- 284) П е т я - Петр Алексеевич Алексеенко (1912 г.р.), брат М.А.Симуковой, учащийся Мурманского морского техникума; арестован (1935), этапирован на Колыму (прииск «Красный партизан»), с 1941 г. на фронте в составе штрафбата, тяжело ранен; после войны работал на Московском автозаводе; реабилитирован (1963).
- 285) П а п а – Алексей Яковлевич Алексеенко, см. прим. 42 к гл. I.
- 286) Т о р г с и н – см. прим. 204.
- 287) Имеются в виду денежные переводы (тугрики в бонах Торгсина), посылаемые А.Д.Симуковым для содержания семьи и материальной поддержки матери.

50

- 288) С ы п н я к – сыпной тиф.
- 289) Р ы ж и к Я.Л. – экономист, сотрудник Научно-исследовательской ассоциации по изучению социально-экономических проблем советского и зарубежного Востока и национальных и колониальных проблем при КУТВ (Коммунистическом Университете трудящихся Востока), член подкомиссии Ученого комитета ЦИК СССР по рассмотрению плана экспедиции Монгольской комиссии 1930 г. (см. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии Наук. С.122).
- 290) См. прим. 220.
- 291) Н о ч о в к а – неглубокое корытце, лоток, на котором сеют муку, катают хлеб, полют крупу и зерно от половы, на него выкладывают готовые печености.
- 292) В связи с массовым голодом, поразившем значительную часть СССР в 1932–1933 г.г. (см. прим. 209) в 1934 г. сохранялась карточная система снабжения населения товарами первой необходимости, введенная в 1929 г.; карточки на хлеб отменили с 1 января 1935 г., на мясо, рыбу, жиры, сахар, картофель – с 1 октября, на промышленные товары – с 1 января 1936 г.
- 293) Обмен валюты на советские деньги осуществляли обменные пункты по официальному курсу Госбанка; в 1934 г. стоимость доллара по этому курсу составляла 1,2 рубля, его реальная стоимость (на «черном» рынке) равнялась 55 рублям.

51

- 294) Средний заработок интеллигента в Москве 1934 г. – 200 червонных рублей, что

равноценно 4 рублям бонами Торгсина (реальная ценность червонного рубля – 2 золотых копейки). Продуктов, которые можно было купить по карточкам, нехватало. На рынке: стакан молока – 1 рубль, одна картофелина (зимой) – до 50 коп., фунт мяса – 12–15 руб., свинины – 40 руб. (см. *kapuchin.livejournal.com*).

52

295) М а р у с я – сестра М.А.Симуковой; см. прим. 77.

54

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 214.

296) имеется в виду контора Торгсина.

297) М.И.Тубянский, см. прим. 194.

298) Б у к и н и ч Д м и т р и й Д е м ь я н о в и ч (1882–1939) – антрополог, археолог, этнограф, инженер-мелиоратор; окончил Инженерно-агрономическое отделение Петровской (совр. Тимирязевской) Сельскохозяйственной Академии (ТСХА) (1907), Петроградский Археологический Институт (1917), Институт рыборазведения при ТСХА (1920), 3 курса Антропологического Института им. Анучина; начальник изысканий на Памире, в Горной Бухаре, Кара-Кумах, Северной Персии (от Отдела Земельных Улучшений, до 1917 г.); участник двух экспедиций в Афганистан (в 1924 г. - в составе экспедиции Н.И.Вавилова); начальник и участник ряда экспедиций в Средней Азии (1920–1932); первооткрыватель анауского поселения Ак-тепе, создатель принятой и сейчас схемы истории ирригации в Средней Азии и карты почв Афганистана; соавтор Н.И.Вавилова (*Вавилов Н.И., Букиннич Д.Д.* Земледельческий Афганистан /Л. 1929); труды по археологии, антропологии, этнографии, географии, мелиорации и ирригации; сотрудник Комитета Наук Монголии (1933–1934) – руководитель Орхонской экспедиции (гидротехническая и археологическая партии) – раскопки в Каракоруме, Хара-Балгасуне, Хадасане, Хушо-Цайдаме, обследование района Цайдамских озер, этнографические сборы. Отчеты хранятся в архиве Института истории АН Монголии. После Монголии работал в Средней Азии. Окончил жизнь самоубийством вследствие террора 30-х годов (см. напр., *Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. 1998. № 3. С.191–206). О нём см. *Вавилов Н.И.* Дмитрий Демьянович Букиннич // Изв. Всесоюзн. Геогр. о-ва (ВГО). 1939. Т. 71. №5. С. 758–759.

299) Имеется в виду крупозное воспаление легких.

300) В 1918 г. Андрей Симуков заболел туберкулезом.

301) См. прим. 222; монография закончена в 1934 г., переведена автором на монгольский яз. (1936), издана (на русском яз.) в 2007 г.: *Симуков А.Д.* Географический очерк Монгольской Народной Республики // *Симуков А.Д.* Труды / Осака, 2007. Т. I. С. 137–641.

302) З л а т к и н И л ь я Я к о в л е в и ч (1898–1990) – участник Гражданской войны, генеральный консул СССР в Зап. Китае (1930–1934), советник посольства СССР в МНР (1934–1938), сотрудник МИД СССР (1938–1941), участник Великой Отечественной войны, окончил истфак МГУ (1947), к. и. н. (1948), д. и. н. (1962),

- научн. сотр. ИВ АН СССР (с 1950 г.)
- 303) См. прим. 289.
- 304) См. прим. 220.
- 305) Х у д о н (монг. *хөдөө*) – сельская местность, провинция; Симуков добивался решения Комитета Наук об организации экспедиции.
- 306) Имеется в виду полпредство СССР в МНР, расположенное в восточной части Улан-Батора.
- 307) Видимо, имеется в виду клуб при Комбинате им. Соднома (первое крупное промышленное предприятие по переработке шерсти и кож, спроектировано советскими инженерами, пущено в строй в 1934 г.; см. напр.: *Симуков А.Д.* Труды. Т.1. С. 391).
- 308) Ц з а н д р а (Зандраа Цэвэнийн, 1919 г.р.) – сотрудник Комитета Наук; впоследствии кинорежиссер и сценарист; окончил ВГИК (1948), своим учителем считал А.В.Шнейдерова (фильм «Великий перелет» 1925 г. и др.); работал на студии Монголкино (1948–1991). Фильмы: «Новый Год» (1961), «Ошибка» (1955), «Наши мелодии» (1956), «Два друга» (1963) и др. Соавтор книг «Основы творчества» (1949), «Основы киноискусства». О нём см. Britannica Монгол, 2012: V.1 - 282.
- 309) В августе 1933 г. дом, где Симуковы занимали две комнаты, ремонтировался, отец семейства был в экспедиции, и М.А.Симукова жила у друзей.
- 310) К и р о в (Костриков) С е р г е й М и р о н о в и ч (1886–1934) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) (1927–1934), член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1930), секретарь ЦК ВКП(б) (с 1934), был убит 1 декабря 1934 г. в здании обкома. Официально было заявлено, что Киров стал жертвой заговорщиков – врагов СССР. Последовали массовые аресты, в первую очередь бывших сторонников зиновьевской оппозиции, арестованы Г.Е. Зиновьев (бывший руководитель партийной организации Ленинграда) и Л.Б.Каменев. На процессе (28–29 декабря 1934 г.) в организации убийства С.М.Кирова обвинили (и расстреляли) 14 человек (главным образом комсомольских руководителей Ленинграда), являвшихся якобы участниками «зиновьевской антисоветской группы в Ленинграде» и «подпольной террористической контрреволюционной группы» под руководством «Ленинградского центра». Затем последовал процесс «Московского центра». Убийство С.М.Кирова стало началом новой волны массовых репрессий. Только за 1935 год из Ленинграда и Ленинградской области было выслано около 40 тыс. человек, более 24 тыс. приговорены к разным наказаниям. Действительные причины убийства С.М.Кирова и последующих репрессий (борьба Сталина за неограниченную власть в партии и государстве) были впервые озвучены в закрытом докладе Н.С.Хрущева XX съезду партии (25 февраля 1956 г.); публикации (в советской печати) появились в конце 80-х годов. Вкратце: на XVII съезде партии (26 янв.-10 февр. 1934 г.) выявилось растущее недовольство Сталиным среди старых партийцев; в кулуарах съезда шли переговоры о замене его Кировым на посту ген. секретаря (Киров отказался); при выборах Центрального Комитета около 25% делегатов проголосовали против Сталина; итоги тайного голосования были фальсифицированы, Сталин остался ген. секретарем. В ближайшие годы более 56% делегатов съезда, названного

«Съездом победителей», были арестованы по обвинениям в контрреволюционных преступлениях, около 70% членов и кандидатов в члены ЦК, избранного съездом, репрессированы и уничтожены; 5 человек покончили жизнь самоубийством. См. напр.: *Роговин В.* Сталинский неонэп //Была ли альтернатива (серия). Т. 3. Главы V, IX. М., 1994.

- 311) См. прим. 276.
- 312) *A propos* (франц.) – кстати, к случаю, между прочим.
- 313) К о л и к о в - участник (практикант при В.Д.Якимове) Гобийской экспедиции Комитета Наук 1931 г. (рук. А.Д.Симуков).
- 314) Я к и м о в В а с и л и й Д м и т р и е в и ч – из семьи забайкальских казаков, с 1921 г. – в Красной Армии (ЧОН), окончил Военно-политическую школу Сибирского Военного округа (1924), политработник кавалерийской бригады (1924–1928); 1925–1927 – на политработе в МНР; студент ЛВИ (1928–1932); командирован в МНР (1930); участник (от Экономсовета МНР) Гобийской экспедиции 1931 г. Комитета Наук (рук. А.Д.Симуков); аспирант ЛВИ (1933–1935); преподаватель ЛВИ и ЛГУ (экономика и новейшая история Монголии); сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1937–1941); погиб на Ленинградском фронте в 1941 г.
- 315) Имеется в виду Московский Институт Востоковедения (МИВ) (1920–1954), некоторое время институт носил имя Н.Н.Нариманова.
- 316) См. прим. 289.
- 317) К У Т В – Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1938, с 1923 г. им. Сталина) – учебное заведение Коминтерна (в Москве) для студентов азиатских национальностей (в разное время – до 73-х) из СССР и других стран; студентами КУТВ были Дэн Сяопин, Хо Ши Мин, Лю Цаоци, Назым Хикмет, Уржигийн Ядамсүрэн (народный художник МНР), Элдэв-Очир (член Президиума РСМ), Лувсаншарав (секретарь ЦК МНРП), в 1929 г. в КУТВ обучались 38 студентов из МНР; в 1927 г. при КУТВ создана Научно-исследовательская ассоциация по изучению социально-экономических проблем советского и зарубежного Востока и национальных и колониальных проблем. В КУТВ издавался журнал «Революционный Восток». См. в: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> ; см. также: *Rupen Robert A. Mongols of the Twentieth Century /Indiana University Publication. Uralic and Altaic Series, Vol.37. Part 1. 1964. P. 222, 235.* (Далее: *Rupen R.A. Mongols of the Twentieth Century. 1964.*)
- 318) Видимо, имеются в виду сотрудники востоковедных учебных и научных центров Ленинграда.

55

- 319) Имеются в виду родственники А.Д.Симукова, обитавшие с семьями в доме по Хрущевскому переулку.
- 320) Федосью Макаровну обследовали в клинике в Москве, где жила её дочь Мария с детьми и мужем – Р.С.Райхманом, нейро-хирургом, сотрудником Н.Н.Бурденко.
- 321) Речь идет о первой пьесе Алексея Симукова «Весна» в соавторстве с его другом Ефимом Гольдбергом (впоследствии писатель Ефим Дорош): *Симуков А., Гольдберг Е.* Весна / М.: Художественная литература, 1934.

57

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 214.

- 322) Л у т к а (укр.) – притолока, дверной или оконный косяк.
- 323) М а р и н а – приемная дочь Ц.Г.Бадмажапова, её муж Э л ь м а р К е й в - шофер, участник Гобийской экспедиции Учкома 1929 г. (см. *Клягина-Кондратьева М.И.* Гобийская экспедиция 1929 г. / публ. и прим. К.Н.Яцковской // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001. С.412–435.
- 324) Возможно, имеется в виду Нина Артуровна Тиханова.
- 325) См. прим. 289.
- 326) См. прим. 222.
- 327) Имеется в виду Великий Народный Хурал (совр. Великий Государственный Хурал) – высший законодательный орган (парламент) Монголии.
- 328) С о д б о - практикант в Хангайской экспедиции Комитета Наук и МСЗ МНР 1933 г. (рук. А.Д.Симуков), сотрудник кабинета картографии Комитета Наук.
- 329) Б у к и н и ч Д. Д. – (см. прим. 298) был соседом А.Д.Симукова по домику во дворе Комитета Наук.
- 330) Ц з о л и к (дзоллик, монг. – *золиг*) – фигурка человека, обычно из теста, выставляемая духам как жертва-замена больного человека, чтобы откупиться от них.
- 331) См. прим. 220.
- 332) Имеется в виду Р а д н а О ч и р (1900–1978) – жена Б. Ринчена (см. прим. 265), мать Нямы, Шинцзы, Индры и Барсболда; владела четырьмя языками, работала в газете «Унэн».
- 333) Имеется в виду жена сотрудника Комитета Наук Г а в ы.
- 334) Д а н д а р - участник работ геологического отряда экспедиции АН СССР 1931 г.

59

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 214–216.

- 335) См. прим. 110 к гл. III.
- 336) См. прим. 93 к гл. III.
- 337) См. прим. 220.
- 338) *Dixi* (лат.) – я сказал.
- 339) Предполагаемый аванс в случае публикации «Географического очерка МНР».
- 340) См. прим. 289.
- 341) См. прим. 222.
- 342) См. прим. 220.
- 343) См. прим. 212.
- 344) Л а п и н Б о р и с М а т в е е в и ч (1905–1941) – поэт, прозаик, журналист, владел несколькими европейскими и восточными языками, автор книг: «Повесть о стране Памир», «Тихоокеанский дневник», «Двадцать дней в Индии» и др., в соавторстве с З.Хацревиным и Л. Славиным – «Лето в Монголии» (1939), военный корреспондент на Халхин-голе (1939); погиб на фронте Великой

Отечественной войны.

- 345) Х а ц р е в и н З а х а р Л ь в о в и ч (1903–1941) – писатель, киносценарист, окончил экстерном Институт восточных языков (1925), автор книги «Тегеран», в соавторстве с Б. Лапиным – «Америка граничит с нами», «Сталинабадский архив», «Путешествие» и др., военный корреспондент на Халхин-голе (1939), погиб на фронте Великой Отечественной войны.
- 346) С л а в и н Л е в И с а е в и ч (1896–1984) – писатель, драматург, киносценарист, участник I-ой Мировой, Гражданской и Великой Отечественной войны; автор романа «Наследник», повести «Мои земляки» (фильм «Два бойца»), пьесы «Интервенция», сценариев фильмов «Сын Монголии» (1936) в соавторстве с Б.Лапиным и З.Хацревиным, «Возвращение Максима»; военный корреспондент на Халхин-голе (1939).
- 347) См. *Симуков А.Д.* Краткая география Монгольской Народной Республики [Учебник]// *Симуков А.Д.* Труды. Осака, 2007. Т. I. С. 642–772.
- 348) А р с е н ь е в В л а д и м и р К л а в д и е в и ч (1872–1930) – путешественник, географ, этнограф, исследователь Дальнего Востока, писатель; окончил Петербургское юнкерское пехотное училище (1895); на Дальнем Востоке с 1900 г., описал рельеф Приморья, впервые детально изучил горную систему Сихотэ-Алиня, обнаружил истоки и исследовал крупные реки Приморья, впервые выделил и изучил две резко различные климатические зоны Приморья, изучал флору и фауну Приморья, инициатор создания на Дальнем Востоке природных заповедников; описал быт и нравы коренного населения Дальнего Востока; член ИРГО (с 1909 г.); автор книг «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «Китайцы в Уссурийском крае», «Быт и характер народностей Уссурийского края» и др.
- 349) См. прим. 339.

61

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 216.

- 350) Местонахождение остатков ископаемой фауны к северу от хребта Гильбэнту, обнаруженное в 1931 г. по указаниям местного населения писателем Б. Чудиновым в поездке от Хубсугула до Южно-Гобийского аймака. См. *Симуков А.* Остатки ископаемой фауны в Ширэгин-Гашунской впадине// *Симуков А.Д.* Труды. Т. I. С. 837–850.
- 351) Имеется в виду Дондог Юмцунов – аспирант Комитета Наук, сопровождавший Б.Чудинова в поездке 1931 г.
- 352) Видимо, имеется в виду В л а д и м и р Х р и с т о ф о р о в и ч Т а и р о в (Рубен Артемьевич Тер-Григорян) (1894–1938) – военный советник в Китае (1924–1927), работал на разных должностях в РККА (1927–1935), полпред СССР в МНР (июль 1935 - апрель 1937); арестован в августе 1937 г., расстрелян.
- 353) Ч у ц к а е в С е р г е й Е г о р о в и ч (1876–1944) – зам. пред. Сибревкома (1921–1922), председатель Дальневосточного крайисполкома (1927–1929), член президиума ЦИК (1929–1933, 1935–1938), полпред СССР в МНР (февраль 1933 - июль 1935); исключен из ВКП(б) (1938), уехал из Москвы, работал в

- Камышлове, Свердловске.
- 354) Ш а с т и н Н и к о л а й П а в л о в и ч – врач, сын доктора П.Н.Шастина (см. прим. 39), работал в Монголии с 1926 г., один из создателей и преподаватель курсов медсестер в Улан-Баторе; его сын (Павел Николаевич Шастин мл., детский хирург) и внук (Николай Павлович Шастин мл., детский хирург-ортопед) продолжая традиции семьи, также работали в Монголии.
- 355) См. прим. 267.
- 356) Семья М.И.Тубянского (см. прим. 194).
- 357) См. прим. 273.
- 358) См. прим. 94.
- 359) Ц э ц э н х а н – (монг. *Сэцэн хан*) – повидимому, имеется в виду Цэрэндондовын Навааннэрэн (монашеское имя Юндэнбазар) – зам. председателя НИК МНР Юндунбацзар («Мэргэн гүн Гомбожав», 2016: 244); о нем см.: Britannica Монгол, 2012: V. 2. - 397.
- 360) См. прим. 252.
- 361) Б а д м а ж а б Ц е д е н о в н а – жена Цэбэна Жамцарано (см. прим. 24 к гл. III); при вынужденном отъезде Ц.Жамцарано в СССР осталась в Монголии, умерла в Улаанбаатаре в 1938 г.
- 362) Г р у ш а (А г р и п п и н а Н и к о л а е в н а Б о р ж о н о в а, Оюун Билиг) – жена Мэргэн Гомбочжаба (см. прим. 264), монголовед, окончила Иркутский университет, сотрудник Буручкама, ассистентка Н.Н.Поппе в экспедиции 1930 г. в Вост. Бурятию, участвовала в составлении словаря аларских говоров. В 1935 г. уехала с детьми к мужу в Ленинград. После ареста Гомбочжаба его семья была выселена из квартиры, имущество конфисковано, жена с детьми выслана на Урал, где она преподавала в сельских школах русский язык и литературу. С 1948 г. ло 1958 г. жила и работала в Ташкенте; в 1958 г. получила разрешение вернуться с дочерью в Улан-Батор. Сын Зоригт (1931–1982) окончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде, гл. врач Центральной больницы г. Сызрань (1966–1981), Заслуженный врач СССР (1978). Дочь Билэгт (1933–2013) окончила педвуз в Ташкенте (1955), преподавала русский язык и литературу, работала в системе образования 54 года. Её дети, внуки Гомбочжаба и А.Н.Боржоновой, окончили Медицинский университет Монголии. Т.Тамир – Заслуженный врач Монголии (2009). Т.Аира получила степень доктора медицины в Японии. Именно на их долю выпало рассказать миру о Мэргэн-гуне Гомбочжабе и истории его рода в замечательной документальной книге, изданной Институтом истории и археологии АН Монголии к 110-летию ученого (Мэргэн гүн Гомбожав, 2016). См. также: *Ripen*, 1964: 253; Люди и судьбы, 2004 (сетевая версия). после ареста Гомбочжаба (1937) выслана с сыном Зоригту (6 лет) и дочерью Биликту (3 года) в Башкирию, преподавала в сельской школе (до 1940 г.); в 1958 г. получила разрешение вернуться с дочерью в Улаанбаатар. О ней см. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / подг. изд. Я.В.Васильков, М.Ю.Сорокина /СПб.: Петербургское востоковедение; сетевая версия, 2004; см. также: *Ripen*, 1964: 253; Люди и судьбы, 2004 (сетевая версия).
- 363) «соломенная вдова» – замужняя женщина, временно живущая отдельно от супруга; женатый мужчина в таком положении – «соломенный вдовец».

- 364) См. прим. 264, см. также: *Кульганек*, 2016: 11.
- 365) См. прим. 328.
- 366) ТЭЖЭ – торговая марка от сокращенного названия Треста Жир-кость (Государственный трест высшей парфюмерии жировой и костеобрабатывающей промышленности), возродившего парфюмерное производство в России, в том числе на базе знаменитой до революции фабрики Брокара (впоследствии «Новая Заря»); руководила трестом (1932–1936) Полина Жемчужина – жена В.М.Молотова.
- 367) Фильм о герое Гражданской войны В.И.Чапаеве, созданный Г.Н.Васильевым и С.Д.Васильевым (литературный псевдоним «братья Васильевы») в 1934 г. (по материалам Д.Фурманова и А.Н.Фурмановой). С.Д.Васильев – друг юности А.Д.Симукова, скаут-мастер Петроградской дружины в 1917–1918 гг.; см. прим. 31 к гл. I.
- 368) Имеются в виду конфликты между монгольскими и японо-манчжурскими пограничными отрядами в районе монголо-манчжурской границы в начале и в конце января 1935 г.; переговоры о демаркации границы между Монголией и Манчжоу Го (июнь–ноябрь 1935 г.) к успеху не привели (см. *Лузянин*, 2003: 200–204; *Шишов*, 2005: 97; *Воронов, Крушельницкий*, 2019а: 3; *Чуров*, 2019: 10).
- 369) В начале 1932 г. А.Д.Симуков был мобилизован Штабом МНРА на двухмесячную работу (см. также прим. 438), возможно, в связи с событиями в Манчжурии: после захвата большей части Манчжурию Манчжурии (сентябрь 1931 г.) в феврале 1932 г. Япония провозгласила независимость Манчжурии от Китая, а в марте – создание государства Манчжоу Го (часть Внутренней Монголии, Барга и Манчжурия), правительство которого полностью контролировалось штабом Квантунской армии Японии, расквартированной на его территории; одновременно японские войска взяли Шанхай; см. *Лузянин*, 2003: 192.
- 16 марта 1932 г. была организована Монгольская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством К.Е.Ворошилова «для разрешения всех вопросов, касающихся Монголии», ликвидирована 17 марта 1939 г. (*Лузянин*, 2003: 238, 258). В 1932–1933 гг. на пленумах МНРП обсуждалась японская угроза МНР и СССР, в Монголию приглашены (направлены?) советские военачальники К.К.Рокоссовский, Я.З.Прокус, В.А.Судец и др., СССР предоставил МНР кредиты оборонного значения, проводилась модернизация монгольской армии (*Лузянин*, 2003: 197). Летом 1935 г. Советский Союз направляет в Монголию технику, вооружение и подразделения РККА, включая авиаотряды, бронемашину, зенитные установки и др. (*Воронов, Крушельницкий*, 2019а: 3; *Чуров*, 2019: 10).
- 370) Г а в р и л М е ф о д ъ е в и ч К а р ч а н о в – охотник, старатель, работал по хозяйственной части при Комитете Наук МНР.
- 371) Имеется в виду «рекомендация» (фактически, приказ) советских официальных инстанций вернуться в СССР.
- 372) См. прим. 70 к гл. III.
- 373) Имеется в виду примета.
- 374) Т у р т а н о в А л е к с е й А л е к с е в и ч – шофер, работал в Монголо-Тибетской экспедиции П.К.Козлова, в Ученом Комитете МНР, участник многих поездок А.Д.Симукова по Монголии, ветеран Монголтранса. О нем см. *Ломакина Инна*. О том, как «пробивался след»... (рассказ шофера) // Книга братства / сост.

- А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 485–489.
- 375) Имеется в виду Союзнефтеэкспорт – Всесоюзное государственное объединение по продаже продуктов газовой и нефтяной промышленности Наркомвнешторга СССР, прежде – Нефтесиндикат (1923–1929) при ВСНХ; в 1934 г. имел нефтебазы в Улан-Баторе, Алтанбулаке, Турте, Баянтумэне, агентства в трех и склады в семи населенных пунктах МНР.
- 376) См. прим. 59.
- 377) Д а р г а (монг. *дарга*) – начальник.
- 378) См. прим. 252.
- 379) Имеется в виду М.И.Тубянский (см. прим. 194).
- 380) Возможно, имеется в виду окончание работы над учебником географии, см. *Симуков А.Д.* Краткая география Монгольской Народной Республики // *Симуков А.Д.* Труды. Т. I. С. 642–771.
- 381) Р а ч к о в с к и й И в а н П е т р о в и ч (1878–1961) – геолог (геология и тектоника Центральной Азии), участник экспедиций в Монголию Минералогического общества (1903), Геологического комитета (1916–1917, 1920), руководитель Монголо-Урянхайской экспедиции Геологического и минералогического музея (1922–1923), экспедиций Монгольской комиссии АН СССР (1927, 1928, 1930, 1931, 1933); ученый секретарь (1931–1945), зам. председателя (1930, 1946–1948) Монгольской комиссии АН СССР. О нем см. *Мандрик М.В.* К биографии исследователя Центральной Азии геолога И.П.Рачковского // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П.К.Козлова) / ред.-сост. Т.И.Юсупова / СПб: Политехника-сервис, 2014. С 122–137.
- 382) Л у с (Л у с и с) Я н и с Я н о в и ч (1897–1979) – генетик, сотрудник ЛГУ, Института генетики, Института эволюционной морфологии АН СССР (1942–1948), профессор Латвийского государственного университета, чл.-корр. АН Латвийской ССР (1958). начальник животноводческого отряда экспедиции Монгольской комиссии АН СССР (1931).
- 383) Планируемая на 1935 г. комплексная экспедиция Монгольской комиссии АН СССР была отменена решением Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1935 г. возможно, в связи с расширяющейся на Дальнем Востоке военной напряженностью и «малой проверенностью состава участников» (см. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. С.156. См. прим. 6).
- 384) Имеется в виду Ф и ш е в Д а в и д М о и с е е в и ч – фотограф, работал в Монголии в 1930–1932 г.г., в том числе в фотокабинете Комитета Наук МНР, уезжая продал свой увеличитель Симуковым.
- 385) Г о м б о ч ж а б - ш и л ь т э – имеется в виду сотрудник, затем заведующий фотокабинетом Комитета Наук МНР.

62

- 386) Ц ё т к а (белор.) – тетка.

65

- 387) Имеется в виду Далан цзадагай (см. письмо IV 60 от 22 февраля 35 г.)
- 388) Летом 1934 г. Ал.Д.Симуков с женой и новорожденной дочерью жили в Москве в

полуподвальной комнате площадью 4½ кв. м в доме № 3 по Хрущевскому пер.; см. *Симуков Алексей*. Чертов мост, или Моя жизнь как пылинка Истории (Записки неунывающего) / М.: Аграф, 2008. С. 186.

66

- 389) Г у р б а н - С а й х а н - гобийский хребет, у подножия которого в урочище (район ключа) Далан цзадагад был основан город Далан цзадагад (монг. *Даланзадгад*), столица Южно-Гобийского аймака; место для города выбрал А.Д.Симуков (1931) по заданию правительства Монголии; в 1935 г. в Далан цзадагад провели телеграф.

67

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ. Москва - Улан-Батор, 1971. С. 216.

- 390) См. прим. 351.
391) См. прим. 36.
392) Семья врача.
393) См. прим. 350.
394) См. *Симуков А.* Заметки по маршруту Гобийской экспедиции 1931 года // *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С. 337–340.
395) П е р в и ч к а - первичное отделение Монгольского Народного Центрального кооператива (МНЦК, Монценкооп) – заготовка и экспорт сырья и продуктов монгольского хозяйства, импорт потребительских товаров.
396) Б а ц з а р (монг. *Базар*) – рабочий Гобийской экспедиции Комитета Наук 1931 г. (рук. А.Д.Симуков).
397) Имеется в виду аймачный центр – Далан цзадагад.
398) Д у г а р – семилетняя Дугар была первой учительницей монгольского языка М.А.Симуковой в экспедиции 1927 г. (см. документ IV 11).
399) С а н ч ж а ч а - участник разезда А.Д.Симукова в Цаган богдо (1927).
400) Т е м е н (монг. *тэмэн*) – верблюды.
401) См. прим. 220.
402) Имеется в виду сомонный центр.
403) Возможно, имеется в виду курение опиума.
404) Н о с о в В.Н. – врач в Улан-Баторе.
405) Р а ч к о в с к и й – см. прим. 381.
406) Имеется в виду денежный перевод (в бонах Торгсина).
407) М е р л о к (*здесь*) – берлога, убежище.
408) В архивах не найдена.
409) См. *Симуков А.Д.* Западная Гоби (географический очерк) // *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 774–814.
410) См. *Симуков А.* Материалы по кочевому быту населения МНР. II. Кочевки Убур-Хангайского аймага МНР // Современная Монголия, 1936. № 2 (15). С. 49–56. *То же*: *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 470–479.

68

411) См прим. 6 к гл. I.

69

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 216–217.

412) Х р у щ и – см. прим. 144.

413) Курсы были организованы с целью подготовки национальных кадров. Из объяснительной записки М.И.Тубянского к программе курсов: «Преподавать будут Цзандра, Симуков, Шагчжа, Дондог». См. Нац. Архив Монголии. Ф. 23. Д. 2. № 172. С. 32 (по состоянию на 1992 г.).

414) ГВО – Государственная внутренняя охрана МНР; создана в 1922 г., с 1936 г. – Министерство внутренних дел.

415) Н.П.Ш. – Н и н а П а в л о в н а Ш а с т и н а, см. прим. 267.

416) Н и н а Н и к. – Нина Николаевна Чистякова, см. прим. 186.

417) Н а ц о к – Дашдоржийн Нацагдорж, см. прим. 184.

418) Имеется в виду Б а р с б о л д Р и н ч е н, впоследствии палеонтолог, геолог, академик, директор Института геологии АН Монголии, директор Палеонтологического центра Монголии.

419) Имеется в виду М.И.Тубянский, см. прим. 194.

420) См. прим. 264.

421) Ц и н д э - см. прим. 120.

422) Имеются в виду эпизоды разезда А.Д. и М.А. Симуковых на Эцзин гол в экспедиции 1927 г. (см. письмо IV 16, май-июнь 1928 г.)

423) Б а ц з а р – см. прим. 396.

70

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 217.

424) См. прим. 381.

425) Б а р а н о в В л а д и м и р И с а а к о в и ч (1889–1967) – геоботаник, профессор Пермского (1929–1932) и Казанского (с 1933 г.) университетов; участник экспедиций Монгольской комиссии АН СССР 1930 и 1931 г. г.

426) В Монголии (как и в СССР) набирает обороты машина репрессий под прямым давлением советского руководства и при непосредственном участии его советников и инструкторов. На фоне периодических конфликтов на монголо-маньчжурской границе нагнетается истерия шпиономании, поисков внутренних врагов, прежде всего среди высшего ламства: «Внутренние феодалы, высшие ламы и др. контрреволюционные элементы продолжают открытую борьбу против народно-революционной власти.... Необходимо зорко следить за происками внутренних врагов, усилить с ними борьбу, своевременно выявлять их преступную деятельность и беспощадно наказывать их, как изменников родины и врагов национальной независимости, не дожидаясь, когда они будут открыто выступать против народной власти» (О монастырях и ламстве. *По материалам*

7-го Великого хурала. Перевод с монгольского / Современная Монголия (далее СМ), 1935. № 2 (9). С. 37. В крупные монастыри назначаются уполномоченные правительства для контроля за выполнением администрацией монастырей законов государства (СМ, 1935. № 2(9). С. 29). Несмотря на «новый курс», принятый монгольским правительством после подавления восстания, охватившего значительную часть страны в 1932 г. (см. *Роцин*, 1999: 258, 268; *Баабар*, 2010: 321–325, 330) принимаются, под жестким давлением Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б), законы и постановления, направленные на разрушение ламаистской церкви. Нарушение законов о запрещении строительства новых монастырей, в том числе «под видом ремонта старых», принятия в ламы лиц моложе 18 лет карается лишением свободы до 3-х лет, штрафами и конфискацией имущества; присвоение или принятие титула «хутухта», «хубилган» и др. религиозных титулов – лишением свободы до 5 лет с конфискацией имущества (Уголовное уложение МНР. Особенная часть (октябрь 1934 г.), статьи 114, 115, 116. Цитируется по: *Ripen* 1964: 248). Публикуются новые варианты законов о военном налоге, о государственном налоге с джас (монастырские хозяйства), постановления о мероприятиях, стимулирующих привлечение лам к производственному труду и о использовании их на работе в торговых, промышленных и прочих организациях (СМ 1935. № 2(9). С. 133–138). Выявлена «контрреволюционная организация», созданная Жамьянтиб ламой в 1935 г. в Восточном аймаке (см. *Дамдин*. Ламаистская церковь в МНР // СМ, 1936. № 1. С. 88). В число «внутренних врагов» кроме лам и феодалов попадает все больше партийных и государственных деятелей. В марте 1934 г. объявлено о раскрытии в 1933 г. «контрреволюционных группировок» в Кентейском, Восточном и Центральном аймаках – «дело Лхумбэ», арестованы сотни людей, осуждены 317, из них около половины – ответственные сотрудники партийного и государственного аппарата, казнено 56 человек. (См. *Баабар*, 2010: 335–339; *Роцин*, 1999: 272; *Ripen*, 1964: 237, 253). Это первое крупное политическое «дело» после «заговора» Бодо и Данзана в 1922 г. Случившийся летом 1935 г. пожар в текстильном цехе Промкомбината стал «делом о поджоге Промкомбината»: 3 человека – к расстрелу, 4 – к лишению свободы (СМ, 1936. № 1. С. 106–111).

- 427) В 1934 г. монгольское правительство издало постановление об уменьшении количества советских инструкторов и специалистов с целью замены их монгольскими (см. *Boikova*, 1999: 112–113).
- 428) См. прим. 359.
- 429) г а л ч и (монг. *галч*) – истопник.
- 430) В январе 1934 г. председатель Комитета наук МНР Л.Дэндэв направил письмо неперемому секретарю АН СССР В.П.Волгину с просьбой о возобновлении договора (срок которого истек в 1934 г.) между АН СССР и НИК'ом, о продолжении деятельности комплексных экспедиций и предложением присылать экспедиционные отряды на 2–3 года вместо 2–3х месяцев. Поддержанная полпредом С.Е.Чуцкаевым просьба была передана в СНК СССР вместе с согласием Академии организовать эти работы и взять на себя подготовку научных кадров для Монголии. Однако необходимого финансирования АН СССР не получила. Кроме того в 1934 г. была создана специальная комиссия ЦК

ВКП(б) по командировкам за границу, которая рассматривала вопрос «не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности», последнюю определяли теперь не ученые и специалисты, а партийные руководители. В конце 1934 г. председателем этой комиссии стал будущий нарком внутренних дел СССР Н.И.Ежов. (Юсупова, 2006: 146–148). Последующие неоднократные просьбы Л.Дэндэва все чаще наталкивались на кадровые проблемы. При планировании комплексной экспедиции АН СССР в 1935 г. Институт генетики не смог выделить двух сотрудников, необходимых для работы в Монголии, а Институт географии – ни одного. (Юсупова, 2006: 153–154). В конечном счете Политбюро ВКП(б) отменило экспедицию, как «несвоевременную и нецелесообразную» (см. прим. 383).

431) н ө х ө р (монг. *нөхөр*) – муж.

71

432) См. прим. 204.

72

433) См. прим. 426.

434) С т о р м о н г – акционерное общество по торговле СССР с Монголией.

435) См. прим. 413.

436) См. прим. 306.

437) МСЗ – Министерство скотоводства и земледелия МНР.

438) По-видимому имеется в виду согласование данных, в том числе унификация названий, на географических картах разного происхождения. В конфликтах на монголо-маньчжурской границе монгольская сторона ссылалась на древние китайские карты, маньчжурская – на более поздние цинские карты. НКВД СССР и Генштаб РККА пользовались картой Генштаба российской армии 1906 г. и советским вариантом этой же версии, изданным в январе 1934 г. Управлением военной топографии РККА, эта последняя версия в начале 1936 г. была передана правительству МНР для нанесения ориентиров на свои карты (Лузянин, 2003: 219, 226). См. также прим. 369.

439) Н.П.Ш. – Нина Павловна Шастина (см. прим. 267).

440) См. прим. 381.

441) НИК – Научно-исследовательский Комитет МНР (см. прим. 61 к гл. III).

442) З.А. – Зоя Александровна Лебедева (1893–1975) – геолог-морфолог, сотрудник Геологического Музея и Геологического института АН СССР, исследователь геологии Монголии и Тувы с 1920 г., участник экспедиций Монгольской комиссии 1925–1931 и 1933 гг.

443) Н а ц о к – Дашдоржийн Нацагдордж (см. прим. 184).

444) См. прим. 36.

445) См. прим. 403.

446) Р а д н а - см. прим. 332.

447) Имеется в виду Нина Аркадьевна Тубьянская (см. прим. 247).

448) В о с т в а г - Западно-Восточно-Европейское товарообменное акционерное общество.

449) Имеется в виду М.И.Тубьянский (см. прим. 194).

- 450) См. прим. 211.
- 451) О л е ч к а - Ольга Алексеевна Симукова (1934–2018), в замужестве Кузнецова, позднее Градова – племянница Андрея Симукова, дочь Алексея и Любови Симуковых; окончила театроведческий факультет ГИТИС’а, работала в издательстве «Искусство», журнале «Советская эстрада и цирк», ст. н. сотр. ГИИ; чл. ред. и автор около 200 статей изданий «Эстрада России, XX век. Лексикон» (2000) и «Эстрада России, XX век. Энциклопедия» (2004), отв. ред.-составитель и автор статей сборника «Эстрада сегодня и вчера» (2010).

- 452) У Ж е н и М и л л е р а (см. прим. 25 к гл. II) была новогодняя вечеринка.

Фрагмент письма опубликован; см. *Симуков А.Д.* Письма родным /публ. Н.Я.Симуковой // Книга братства / сост. А.Гатов, С.Эрдэнэ / Москва - Улан-Батор, 1971. С. 217–218.

- 453) Датируется по содержанию.
- 454) М и х а л е в с к а я А.М. – геоботаник, участник Хангайской экспедиции Комитета Наук и МСЗ МНР 1933 г. (рук. А.Д.Симуков).
- 455) См. прим. 125.
- 456) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(1). С. 80–177, 196–209, 212–240, 242–273, 298–378, 401–452.
- 457) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 137–641.
- 458) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 642–771.
- 459) См. прим. 220.
- 460) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 1. С. 774–814.
- 461) См. *Симуков А.Д.* Т. 2. С. 283–340.
- 462) См. прим. 425.
- 463) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 5–202.
- 464) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 203–282.
- 465) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 480–492.
- 466) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 452–469.
- 467) См. *Симуков А.Д.* Труды. Т. 2. С. 470–479.
- 468) Оригинал карты до настоящего времени в архивах не найден. См. Схематическая карта монастырей Монголии по состоянию 1937 года / составили: Д.Майдар, Очирын Ина, Р.Равжир, Н.Балдорж, С.Доржсүрэн // *Майдар Д.* Три карты городов и поселений Монголии (Древние, средневековые и начало XX века) / ред. Н.Сэр-Оджав / Улан-батор: Изд. АН МНР, 1970 <на монгольском и русском языках>.
- 469) До настоящего времени в архивах не найдена.
- 470) См. *Симуков А.Д.* Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и её результатах // *Симуков А.Д.* Труды. Т. 3(2). С. 176–183.
- 471) Имеется в виду Дэндэв Лхамсүрэнгийн (см. прим. 252).
- 472) См. прим. 374.
- 473) Видимо, имеется в виду Алтан-Булак (монг. *Алтанбулаг*) – населенный пункт у

границы Монголии и России напротив Кяхты.

474) Очевидно, кроме одиночества вследствие оторванности от семьи, имеется в виду ряд внешних факторов, неизбежно влиявших на жизнь и профессиональную деятельность в Монголии той поры (подоплека их стала частично известна лишь в конце XX века).

1) Усилилось напряжение на восточной границе МНР. 25.XI.35 г. Прекратила работу Монголо-маньчжурская конференция на станции Манчжурия; созданная в июле 1935 г. для урегулирования пограничных конфликтов. Японо-маньчжурская сторона предлагала установление дипломатических отношений. Монгольская делегация ограничивала задачу переговоров только вопросами о границах (Лузянин, 2003: 202–204). Участились вооруженные столкновения монгольских и японо-маньчжурских погранотрядов (СМ. 1936, № 1. С.111; Лузянин, 2003: 205).

2) После восстания 1932 г. и активизации пограничных конфликтов внимание Сталина к Монголии резко повысилось: за период 1934–1936 г. вопросы о Монголии обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) около 50 раз (Юсупова, 2006: 156). 30 декабря 1935 г. в Москве состоялась очередная встреча премьер-министра и министра иностранных дел МНР П.Гэндэна с И.Сталиным, В.Молотовым и К.Ворошиловым о сотрудничестве. П.Гэндэна сопровождали военный министр, главком МНР Г.Дэмид и начальник ГВО МНР Д.Намсрай. Сталин поднял вопрос о ламах, требовал их уничтожения. Гэндэн возражал, спорил (Роцин, 1999: 287–288).

По просьбе ЦК МНРП 1 февраля в Монголию введены регулярные части Красной Армии, дислоцированы, в основном, вдоль восточных и юго-восточных границ МНР (Лузянин, 2003: 230). В первом квартале 1936 г. произошло более 10 пограничных конфликтов, в том числе особо крупное столкновение у заставы Адык-Долон 30 марта с участием авиации, танков, бронемашин (Лузянин, 2003: 209; Шишов, 2005: 97).

В конце февраля 1936 г. под настойчивым давлением Москвы ГВО МНР реорганизуется в МВД, главой которого назначается первый зам. премьер-министра Х.Чойбалсан, ему присвоено звание маршала. (Роцин, 1999: 287–290) 12 (по другим данным 14) марта 1936 г. Подписан протокол о взаимопомощи между СССР и МНР. На II пленуме ЦК МНРП (11–22 марта 1936 г.) П.Гэндэн выведен из состава ЦК и на 20-ой сессии Малого Хурала освобожден от обязанностей премьер-министра и министра иностранных дел «по болезни», на той же сессии на эти должности избран А.Амар (о нем см. прим. 253 к данной главе). (Роцин, 1999: 288–290; Лузянин, 2003: 208).

3) Повышенное внимание Политбюро ЦК ВКП(б) к Монголии отразилось и на деятельности Монгольской комиссии АН СССР. С 1933 года Комиссия не смогла организовать ни одной экспедиции в Монголию «по не зависящим от неё обстоятельствам» - вследствие решений Политбюро или «недостаточной проверки» участников экспедиций. (Юсупова, 2006: 156–158, 166). Это практически прекратило профессиональное и дружеское общение А.Д.Симукова с коллегами – геологами, гидрографами, зоологами, ботаниками, поскольку национальные кадры ещё только получали образование по этим специальностям.

4) Публикуя большое количество статей в журналах на монгольском и русском

языках А.Д.Симуков в то же время не имел возможности издать свои уже накопившиеся фундаментальные работы. Председатель Малого Хурала МНР А.Амар, выступая на пленуме НИК'а (5–7 августа 1935 г.) отметил: «Мы не издали до сих пор географию МНР» (СМ, 1935. № 5. С. 122).

5) Наконец, кроме редких гостей-друзей из худона, к середине 30-х годов почти истаил круг постоянного дружеского общения в уланбаторских семейных домах: Кондратьевы и Н.П.Шастин с семьей уехали, Ц.Бадмажапов выслан и арестован, М.Гомбочжаб (см. прим. 264) направлен на работу в Ленинград, уехал врач Носов с семьей.

79

- 475) Имеется в виду книжный магазин ОГИЗ'а (Объединения государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР (с 1930), с 1946 г. – при СМ СССР).

80

- 476) В угловых скобках здесь и далее указаны даты писем по почтовому штемпелю.

85

- 477) При отсутствии даты телеграммы датируются по содержанию и по письмам М.А. Симуковой.

88

- 478) Ж е н я – Е.А.Миллер (см. прим. 25 к гл. II), двоюродный брат Андрея Симукова; Тата, жена Е.А.Миллера, покончила жизнь самоубийством.

90

- 479) См. прим. 136.
480) В 1936 г. А.Д.Симуков был награжден орденом Полярная Звезда за работу по исследованию Монголии и вклад в развитие хозяйства страны (см. *Симуков А.* Итоги работы Географического отделения Научно-исследовательского Комитета МНР за 15 лет // СМ, 1936. № 4(17) – 5(18). С. 67–86; *то же*: *Mongolica* III, 1994. С. 64–71; *то же*: Труды. Т. 1. С. 109–133. 2007; *то же*: Шинэ толи, 1936. № 3–4. С.109–155 /на монгольском языке/.

91

- 481) А.Д.Симуков предполагал завершить работу в Монголии 1936 годом. « Истекший год является десятым и последним годом моей непрерывной работы в Ученом Комитете». (*Симуков А.Д.* Краткий отчет о работе сотрудника Ученого Комитета А.Симукова за 1936 год // *Симуков А.Д.* Труды, 2008. Т. 3(2). С. 169–172).
482) Экспедиция направлялась в район Цаган богдо - стратегический узел обширного (около 50 тыс. кв. км) практически ненаселенного района вдоль южной и юго-западной границы МНР. Задача экспедиции «заклучалась главным образом в критической проверке полученных ранее <экспедиции 1927 и 1935 г.г.> сведений и наметке пунктов освоения района» (*Воробьев П.И., Симуков А.Д.* Докладная записка о необходимости освоения района Цаган богдо на юго-западной границе

МНР // *Симуков*, 2008б: 119–122). Необходимость экспедиции вызвана обострением положения у южной границы МНР: изменение политической ситуации и активизация действий Японии во Внутренней Монголии, в том числе строительство военных объектов: аэродромов, укрепленных пунктов, оружейных складов, дорог, радиостанций и пр. в районе Долоннора (*Лузянин*, 2003: 198, 222–223) и проникновение вглубь Западного Китая (*Симуков*, 2008б: 120).

92

- 483) Осенью 1936 г. М.А.Симукова приехала с дочерью из Суража в Москву, поступила на работу в Наркомфин СССР (где работала сестра Андрея, А.Д.Ковалева), жила в дачке наркомфиновского поселка в подмосковном Томилино (в каждой комнате по семье, колодец и «удобства» во дворе, отопление печное), до станции 3 км проселочной дороги без транспорта, в глубоких сугробах зимой. Поезда ходили не регулярно, за опоздание можно было получить «срок» (приравнялось к саботажу). «Выходили мы затемно (меня надо было до работы отвести в детский сад). Заслышав гудок поезда, мама ускорила ход и буквально тащила меня волоком пробиваясь сквозь снежные заносы к станции» <Н.С.>

93

- 484) Имеется в виду экспедиция в район Цаган Богдо с П.И.Воробьевым, Дашидорджи, кинооператором Монголкино А.А.Лебедевым, рабочим (Ван-Фучин) и шофером осенью 1936 г. (см. *Воробьев П.И. и Симуков А.Д.* Экспедиция в Цаган-Богдо / СМ, 1937. № 4 (23). С. 85–92; № 5 (24). С. 85–94. *То же*: *Симуков*, 2008а: 504–527). В числе результатов экспедиции: детальная карта района в масштабе 1:500,000 на основе топографических работ экспедиций 1935 и 1936 годов, общая карта Западной Гоби (включая зарубежную часть), географическая монография о Западной Гоби, фотоальбом, документальный фильм о Западной Гоби. Экспедицией предложен наиболее целесообразный вариант фактически отсутствующей линии государственной границы МНР с Китаем в районе между Эцин голом и Синьзяном и мероприятия, необходимые для осуществления этого варианта (*Воробьев П.И., Симуков А.Д.* Докладная записка о необходимости освоения района Цаган богдо на юго-западной границе МНР // *Симуков*, 2008б: 119–122).

94

- 485) Телеграммы на имя жены после переезда её в Подмосковье (см. прим. 483) А.Д.Симуков отправлял в адрес матери (Москва 34, Хрущевский пер. 3, кв.1).
- 486) В о р о б ь е в П а в е л И в а н о в и ч (1892–1937) – манчжуровед, китаист, монголовед; окончил ФВЯ Петербургского университета по японо-китайскому и китайско-манчжуро-монгольскому разряду (1915), командирован в Китай (1914), студент Практической Восточной академии (1912–1916); член РКП(б) с 1917 г., мобилизован в Красную Армию (март 1918); управляющий делами ПИЖВЯ (1921), научный сотрудник, пом. ректора (1922), ректор ПИЖВЯ/ЛИЖВЯ (с 1927 г. ЛВИ им. А.С.Енукидзе) (1923–1930), по совместительству – директор ГРМ (1926–1930), директор ГИМ в Москве (1932–1933), директор Музея этнографии народов СССР и зам. директора ИВ АН СССР (с 1934), командирован в МНР

(лето 1936 г.), где работал советником Комитета Наук МНР; вызван в СССР (июнь 1937) якобы для обсуждения вопроса об открытии в Улан-Баторе университета, арестован в Ленинграде 11 августа (по другим данным 11 сентября) 1937 г., обвинен в шпионаже и к/р деятельности, расстрелян (24/XI/37); реабилитирован (1957). О нем см. Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я.В.Васильков и М.Ю.Сорокина / СПб.: Петербургское Востоковедение, сетевая версия, 2004; *Решетов*, 2012: 160–161.

487) Адрес М.А.Симуковой в подмосковном Томилино несколько раз менялся.

96

488) См. прим. 481.

489) Имеется в виду поездка, предпринятая «по предложению МВД для ознакомления с районом работников погранохраны и наметки новых мест расположения погранпостов» (*Симуков А.* Отчет о зимней поездке 1937 г. (январь) в район Западной Гоби // *Симуков*, 2008а: 528–540). В отчете изложены географические дополнения к описанию района, сделанному автором по результатам его экспедиций 1927, 1935 и 1936 г.г.). Видимо, поездка была следствием обострения ситуации на южной границе МНР (см. прим. 482), результатов, полученных экспедицией 1936 г. в Цаган богдо (см. прим. 484) и докладной записки П.И.Воробьева и А.Д.Симукова (октябрь 1936 г.) руководству НИКа (далее – в правительство МНР), с предложением «зафиксировать фактически отсутствующую линию государственной границы МНР с Китаем в районе между Эцзин голом и Синьцзяном» и представлением «наиболее целесообразного её варианта» (*Воробьев П.И., Симуков А.Д.* Докладная записка о необходимости освоения района Цаган богда на юго-западной границе МНР // *Симуков*, 2008б: 119–124). Поездка оказалась более чем своевременной: в мае 1937 г., воспользовавшись волнениями в Синьцзяне, Япония начала спешную переброску войск в Чахар и в район Эцзин гола и Алашани; опасаясь удара с юга Монголия усиленно укрепляла погранзаставы на южной государственной границе. В 1936 г. СССР выделил монгольской армии дотацию 8 млн. руб. (*Лузянин*, 2003: 230, 234).

97

490) В публикуемой переписке нет доступных составителям документов с 6 января по 1 июня 1937 г. Между тем именно в этот период произошло важное событие: в феврале 1937 года в Улан-Баторе родилась младшая дочь А.Д.Симукова Доржпалам (см. гл. VII).

491) Очевидно, имеется в виду непредсказуемость событий и возможность ареста, как и для любого другого гражданина СССР или Монголии в ту пору.

98

492) Датируется по содержанию документа IV 97. Письмо отправлено не почтой, а с П.И.Воробьевым.

493) Указанный период характеризуется следующими событиями в Монголии и в Советском Союзе.

В МНР ширились репрессии. Осенью 1936 г. арестованы 23 представителя высшего духовенства Монголии: Ёнзон хамбо Лувсанхаймчиг, Дэд хамбо Дамдин, Манзуширский хутухту Цэрэндорж и др. (через год 19 из них расстреляют). В декабре 1936 – январе 1937 г.г. во время официального визита премьер-министра и министра иностранных дел МНР А.Амора в СССР Сталин настаивал на «скорейшем решении ламского вопроса», «убрать лам». (Роуцин, 1999: 292). За 1936 г. в Монголии прошло 5 открытых процессов над ламами (kamsha.ru/journal/analytys/Mongolia.html). В январе 1937 издан указ МВД о переписи лам и феодалов, регистрации монастырей, руководил операцией советский чекист Кичиков (Баабар, 2010: 363–364).

8 февраля арестован и приговорен к 5 месяцам принудительных работ Д.Нацагдорж (Sanders, 2010: 632).

Комитет Наук МНР планировал на 1937 г. комплексную экспедицию по изучению истории, культуры и естественных, в частности сельскохозяйственных, ресурсов страны. В письме от 17 февраля 1937 г. на имя полпреда СССР премьер-министр МНР А.Амар обратился к советской стороне с просьбой прислать для помощи специалистов и ученых АН СССР. В ответной телеграмме от 15 апреля 1937 г. президент АН СССР В.Л.Комаров обещал приезд в мае лингвиста, археолога, специалистов по животноводству, кормовой отряд, геологов, топографа и руководителя экспедиции. Однако экспедиция АН СССР в Монголию в 1937 г. не состоялась. В апреле решением Политбюро снова ужесточены правила командирования за границу: «все разрешения на выезд за границу предварительно рассматриваются комиссией ЦК ВКП(б) по личному докладу соответствующего наркома с обязательным заключением НКВД СССР», после чего утверждаются на Политбюро. (Юсупова, 2006: 158–159).

Главной же причиной отмены экспедиции, как и многих других полезных начинаний, стал небывалый размах репрессий в СССР.

Идет разгром руководящего состава РККА. В конце мая арестованы маршал М.Н.Тухачевский, командармы И.П.Уборевич, А.И.Корк, комкоры Б.М.Фельдман, Р.П.Эйдеман; ранее (1936) были арестованы комкоры В.М.Примаков и В.К.Путна. 31 мая «Правда» сообщает о самоубийстве начальника Политуправления РККА, снятого с поста 20 мая, Я.Б.Гамарника.

11 июня 1937 г. в «Правде» информация о закрытом суде над арестованными, на следующий день – об их расстреле.

- 494) Очевидно, что речь идет не о стране, а о той непредставимой сегодня обстановке, в которой оказалась Монголия и её население (в том числе и А.Д.Симуков), о той чугунной плите репрессий, давившей все живое, уничтожавшей культуру, религию, исторические памятники, хозяйство, разрушавшей страну, несмотря на спешное повышение её обороноспособности. Возможно, весной 1937 г. аналогичная ситуация в Советском Союзе, где счет репрессированных шел уже на миллионы, виделась из Монголии ещё не так ясно.
- 495) Очевидно имеется в виду Полпредство СССР, без разрешения которого гражданин Советского Союза не мог выехать в СССР. В конце 30-х годов НКВД отодвинут от монгольских дел. Арестованы и впоследствии расстреляны бывший торгпред А.И.Биркенгоф (1936), С.С.Борисов (1937), многие годы возглавлявший монгольское направление Второго Восточного отдела НКВД, бывшие полпреды

А.Н.Васильев (1937) и А.Я.Охтин (1937), в августе 1937 арестован В.Х.Таиров. Полпредами в Монголию с этого времени Политбюро направляет выходцев из НКВД. С августа 1937 это – С.Н.Миронов (1892–1940), комиссар 3-го ранга ГБ, чекист с 20-летним стажем, до Монголии – начальник УНКВД Западносибирского края, руководивший там масштабной «кулацкой операцией» и сфабриковавший огромный «заговор РОВСа» ; с 1938 г. до весны 1939 г. – М.И.Голубчик (1906–1940), ранее главный советник при МВД МНР; о них см. также <https://karagodin.org/?p=35075>; с осени 1939 г. – майор ГБ И.А.Иванов (1906–1948). См. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. С.222–226; *Тепляков*, 2015: гл. 3; www.hrono.ru/.

99

496) Для характеристики обстановки приведем события с начала июня по начало сентября 1937 г., поскольку обмен реальной информацией в письмах и телеграммах из-за рубежа стал в то время практически невозможным.

8/VI/37 – арест сотрудника восточного отдела НКВД С.С.Борисова (см. прим. 229).

19/VI/37 – арест Э.Д.Ринчино (см. прим. 45 к гл. III).

7/VII/37 – начало Японо-Китайской войны. Помощь СССР Китаю во время войны: финансы, военная техника, специалисты; часть помощи идет через территорию Монголии, позднее – через Синьцзян. См.: *Баабар*, 2010: 394; *Владимиров П.П.* Особый район Китая; 1942–1945 / М., 1973. С.506; *Huffman J.L.* Japan and Imperialism, 1853–1945 / Ann Arbor, 2010. С. 57; *Батурин*, 2014: 323–329.

21/VIII/37 заключен договор о ненападении между СССР и Китаем (*Лузянин*, 2003: 221).

13/VII/37 – в Уланбааторе скончался Д.Нацагдорж (см. прим. 184).

17/VII/37 – в СССР арестован бывший премьер-министр МНР П.Гэндэн (*Tserendulam G. P. Genden. To the Memory of My Father / Ulaanbaatar*, 2000. P. 71–72).

11–12/VIII/37 в Ленинграде арестованы Ц.Жамцарано (см. прим. 24 к гл. III), М.Гомбочжав (см. прим. 264), М.И.Тубянский (см. прим. 194), П.И.Воробьев (см. прим. 486) (по другой версии арест - 11/IX/37), 30/VIII/37 – В.А.Казакевич (см. прим. 54 к гл. III) и др.

НКВД фабрикует «дело японо-бурятского шпионского центра».

Помимо этого «дела» в разные периоды были репрессированы многие ученые, проводившие исследования в Монголии или связанные с работой Монгольской комиссии АН СССР (среди них А.В.Бурдуков, А.Н.Самойлович, Б.Б.Полинов, В.И.Крыжановский, А.И.Руднев, Г.И.Боровка, С.А.Теплоухов, С.И.Руднев) и обширный круг востоковедов других направлений, в том числе Д.М.Позднеев, Н.А.Невский и многие другие. См. напр.: *Люди и судьбы*, 2004; *Юсунова*, 2006: 160; *Решетов*, 1994; *Алпатов*, 1990: 110–121.

22/VIII/37 (по другой версии 23/VIII) – маршал Г.Дэмид, министр обороны и главком МНР умер от отравления в поезде на Москву, в районе станции Тайга. (*Баабар*, 2010: 365; *Роцин*, 1999: 292).

24/VIII/37 – в Уланбатор прибыли зам. наркома обороны СССР Д.И.Смирнов, зам. наркома внутренних дел СССР М.П. Фриновский, новый полпред С.Н.Миронов. (*Баабар*, 2010: 366).

25–26/VIII/37 – решение Малого Хурала обратиться к СССР с просьбой о вводе войск. (*Баабар*, 2010: 366).

Конец августа– начало сентября 1937 г. – ввод советских войск в Монголию (30 тыс. человек): пехотная дивизия, 280 бронемашин, 265 танков, 107 самолетов, артиллерия, саперная, инженерно-строительная бригады, связисты. (*Баабар*, 2010: 367; *Широкопад А.* Япония. Незавершенное соперничество. Гл. 26 (сетевая версия).

2/IX/37 – зам. премьер-министра и министр внутренних дел маршал Х.Чойбалсан становится также министром обороны и главкомом МНР. Фриновский и Чойбалсан работают над «списком 115-ти», включающим руководителей партии, государства, армии, хозяйственных и общественных организаций МНР. Фабрикуется «дело к/р организации Гэндэна-Дэмиды». В сентябре на Монголию обрушивается волна обширных арестов, затронувшая также культурную и научную элиту. См. *Баабар*, 2010: 369–372; *Роцин*, 1999: 292–293;

4/IX/37 – приказом наркома обороны СССР Ворошилова все соединения и части РККА в Монголии были сведены в 57-й Особый корпус (ОК) под командованием комкора И.Конева (*Чуров*, 2019: 08.02; *Воронов, Крушельницкий*, 2019: 06.29).

7/IX/37 – прекратила работу монголо-японо-манчжурская конференция по уточнению границ; обостряется обстановка на монголо-манчжурской границе (*Лузянин*, 2003: 228).

10/IX/37 – арестован Б.Ринчен (см. прим. 265); репрессированы многие сотрудники Комитета Наук, среди них: Шагжа, Буянчулуун, Хухтэ, Ю.Бацзар (Цецэн-хан), Бат-Тумур, Лото-Бачир (*Ломакина*, 2006: 189; *Ripen*, 1964: 234).

100

497) «Автобиография Симукова» - один из документов, полученных зав. отделом этнографии народов зарубежной Азии Института этнографии АН СССР А. М.Решетовым из Управления КГБ по Читинской обл. в 1990 г. в ответ на запрос о судьбе А.Д.Симукова.

Документ представляет собой 9 страниц частично фрагментированного машинописного текста, набранного машинисткой. 8 страниц пронумерованы машинописно. На странице без номера (сведения о родственниках) имеется подпись А.Д.Симукова и машинописная дата. В правом верхнем углу каждой страницы есть рукописный номер, отличный от машинописного (возможно,

нумерация листов «дела»). В тексте и на полях страниц имеются подчеркивания, очевидно, должностных лиц, по требованию которых была написана автобиография. Рукописные вставки для усиления слабо пропечатанных фрагментов текста и букв принадлежат А.М.Решетову, любезно передавшему ксерокопию документа в архив семьи А.Д.Симукова в 1992 г. Ниже приведены образцы отдельных страниц ксерокопии и напечатанный текст документа.

Судя по содержанию, стилю и дате (см. прим. 496) «Автобиография» написана по требованию и в присутствии сотрудников НКВД, видимо, при Полпредстве СССР (полпред с 19/VIII/37 по 3/V/38 комиссар ГБ 3 ранга С.Н.Миронов, см. прим. 495; о нем см. http://vk.com/wall211983592_16381). Написание документа сопровождалась допросом или «беседой» (см. первые строки). При чтении «Автобиографии» нельзя забывать, что это – документ «поднадзорный». Видимо поэтому в нем сочетаются подробные достоверные сведения о жизни и работе семьи в Петербурге и в деревне, об умерших родственниках (им это уже не вредит) и «незнание» адресов живущих, кроме матери, адрес которой был известен Полпредству ранее. Факт переписки с дядей-эмигрантом А.Я.Миллером (см. гл. II и гл. III) должен был быть безусловно скрыт (на дворе 1937 год!). Поэтому поворотный момент своей жизни – эпизод поступления в экспедицию П.К.Козлова – А.Д.Симуков излагает как удачный трюк, переходя при этом на язык комсомольской ячейки 1919–20 г.г. («взять на арапа», «наврал», «номер прошел»). Элементы этого языка встречаются в тексте не однажды, например, «идя по прогрессивному течению», «толкаться в вузы» и др. Возможно, автор полагал, что так – ближе, а значит и достоверней для данного контингента читателей. Отдельные негативные замечания о П.К.Козлове, умершем в 1935 г., не представляли для него опасности в 1937 г.

- 498) Судя по содержанию, основным вопросом мог быть: «Почему вы остались в Монголии и не вернулись в СССР с экспедицией П.К.Козлова?» Возможен также вопрос о беспартийности А.Д.Симукова.
- 499) *Curriculum vitae* (лат.) – бег жизни (букв.), автобиография.
- 500) См. прим. 12 к гл. II.
- 501) Яков Михайлович Миллер (20-е годы XIX в. – 1903) – родился на о. Эзель, входившем в состав Лифляндской губ. России (ныне – о. Сааремаа, Эстония), в 6 лет осиротел. Работал с детства – пас свиней на хуторе под Ригой. Лютеранский пастор, учивший тамошних детей, обратил внимание на его способности и дал ему возможность учиться до 15 лет. Родовую фамилию (по семейной легенде – Хаан) сменили на немецкую фамилию его крестного отца – Миллер. В 15 лет Яков Миллер отправился пешком в Петербург, где поступил учеником в аптеку. Через несколько лет упорной работы и самообразования он сдал экзамен на степень магистра по фармации, что дало ему возможность поступить вольнослушателем в Императорскую Медико-хирургическую (с 1881 г. – Военно-медицинская) академию; первое время студенчества питался бесплатным хлебом в общественных столовых. По окончании академии служил в Камчатском полку, в войсках, расквартированных в Придунайских княжествах, под руководством Н.И.Пирогова принимал участие в Крымской кампании 1853–1856 г.г., участвовал в обороне Севастополя. С 1857 г. – ординатор Маринской больницы для бедных в СПб, с 1862 г. «определен на вакансию лекаря при

Правительствующем Сенате», с 1875 г. – врач при Государственной канцелярии (с сохранением должности при больнице). За выслугу лет пожалован дворянством. Вышел в отставку в 1889 г. Первым браком был женат на Эмилии Лесгафт из семьи П.Ф.Лесгафта – врача, анатома и педагога, создателя научной системы физического воспитания и ряда учебных заведений, одно из которых стало современной Государственной Академией физической культуры им. П.Ф.Лесгафта. Через 3 года овдовел. Сын – Виталий Яковлевич Миллер, впоследствии главный врач Надеждинского родовспомогательного заведения в СПб, рос вместе с девятью детьми Якова Михайловича от второго брака с Александрой Федоровной Егер, родом из Риги. (Источники: *Симукова Н.Я.*, 1953; Архивная справка №10058 от 12/VIII/1931 Ленинградского областного архивного бюро; устные сообщения Андрея, Александры и Нины Витальевны Миллер и Милены Андреевны Миллер).

- 502) См. прим. 9 к гл. II.
- 503) Имеются в виду конституционные демократы (партия), или «кадеты».
- 504) Михаил Яковлевич Миллер.
- 505) См. прим. 26 к гл. I.
- 506) Андрей Яковлевич Миллер – окончил Военно-медицинскую академию им. Витте, служил врачом на Тихоокеанском флоте, в частности, на канонерке «Кореец»; в 1914 г. был чиновником для особых поручений при кавказском наместнике, умер накануне I-ой Мировой войны.
- 507) См. прим. 51 к гл. II
- 508) См. прим. 9 к гл. I.
- 509) См. прим. 3 к гл. II.
- 510) См. прим. 18 к гл. I.
- 511) г. Сураж Гомельской губернии.
- 512) См. прим. 2 к гл. II.
- 513) Имеется в виду Московский Механико-Электротехнический институт им. М.В.Ломоносова (Благовещенский пер. д.1).
- 514) Видимо, это – на случай, если и жену, с её решительным характером и острым языком, вызовут «для беседы».
- 515) См. прим. 95, 117 к гл. III.
- 516) См. прим. 11 к гл. I.
- 517) См. прим. 10 к гл. I.
- 518) См. прим. 212, 218.

101

- 519) Возможно, имеется в виду надежда остаться на свободе и получить разрешение на выезд.

102

- 520) См. прим. 486.
- 521) Очевидно речь идет о выезде семьи П.И.Воробьева из Улан-Батора в СССР, см. также телеграмму (№ 96) от 6 июня 1937 г.

522) Для характеристики обстановки в Монголии и в СССР в октябре-декабре 1937 г. необходимо упомянуть следующие события (май – сентябрь 1937 г. - см. прим. 496).

2/Х/37 – в МНР создана Чрезвычайная комиссия («тройка») в составе министра внутренних дел Чойбалсана, секретаря ЦК МНРП Лувсаншарава, министра юстиции Цэрэндоржа, видимо по образцу Особой тройки НКВД, созданной в СССР 30 июля 1937 г. Комиссия вела и следствие, и судебный процесс. За одно заседание «рассматривалось» от десятков до нескольких сотен дел. За время существования (упразднена 27/IV/39) только эта комиссия осудила около 26 тыс. человек, приговорив к расстрелу более 20 тыс. (*Баабар*, 2010: 370).

4–7/Х/37 – открытый процесс над 23 высшими представителями буддийского духовенства Монголии (см. прим. 493), 19 из них расстреляны (*Баабар*, 2010: 364).

18–20/Х/37 – публичный судебный процесс над 14 партийно-государственными руководителями МНР, в их числе: вице-премьер Г.Самбу, член Президиума малого хурала Ламжав, член Президиума ЦК МНРП, председатель Центральной ревизионной комиссии МНРП Д.Яндаг, зам. главкома Л.Дарьзав, начальник Генштаба Ж.Малж, гос. прокурор М.Ядамсурэн, министр просвещения Ц. Баттумур и др.; 13 из них приговорены к расстрелу.

В 1937 г. были репрессированы многие крупные деятели руководства государства, партии, армии, экономики, культуры Монголии. среди них член Президиума ЦК МНРП Х.Лувсандорж, Р.Мэнд, Н Элээ, бывш. начальник ГВО Д.Намсрай, писатель и политический деятель С Буяннэмэх, члены правительства Д.Улцзийбат и Ч.Чойдогсурэн и др. (*Баабар*, 2010: 369–370; *Роцин*, 1999: 292–293).

22–26/Х/37 – на III Пленуме ЦК МНРП Чойбалсан назвал национальные группы населения, являющиеся, по его мнению, «социальной базой японского империализма» - китайцы, баргуты, буряты (в СССР репрессии по национальной линии - немцы, поляки, латыши, эстонцы, финны, иранцы, греки, корейцы и др. - начаты летом 1937 г. (<http://ru.wikipedia.org/Репрессии>)). Репрессии бурят (*Rurp*, 1964: 236–239) и антибурятская кампания в МНР также связана с «бурятской проблемой» в СССР, где осенью 1937 г. руководство БМ АССР объявлено «буржуазными националистами, панмонголистами и японской агентурой» и расстреляно. Была изменена административная структура БМ АССР, почти половина её территории передана в ведение Иркутской и Читинской обл. (*Лузянин*, 2003: 232–233). Несколькими годами ранее начались погромы и закрытие буддийских монастырей, незаконные аресты и судебное преследование буддийского духовенства в Бурят-Монголии и Калмыцкой обл. В 1937 г. в Ленинграде ликвидирована Тибетско-Монгольская миссия Агвана Доржиева, арестованы обитатели ламского общежития при Буддийском храме. В конце октября 1937 г. 85-летний А.Доржиев выехал в Бурятию, где был арестован 13/

XI/37 г., обвинен в руководстве «контрреволюционной, панмонголистской, террористической, повстанческо-диверсионной шпионской группой» и скончался в тюрьме 29 /I/38 г. (*Андреев*, 1998: 93–105).

24/XI/37 – в Ленинграде расстреляны П.И.Воробьев, М.И.Тубянский, Н.А.Невский,
20/XII/37 – В.А.Казакевич (Люди и судьбы, 2004; *Решетов*, 2012: 160–161).

- 523) Имеется в виду зимняя экспедиция Комитета наук МНР по Хангаю и Гоби (4/XI – 29/XII 1937 г.) с участием сотрудника с/х кабинета Санчжа, практиканта и сотрудника Музея (Дэндуб и Идамсурун). Задачи и результаты см. *Симуков А.* Отчет о работе экспедиции 1937 года // *Симуков*, 2008а: 541–548. Ход и условия экспедиции см. *Симуков А.* Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 года // Современная Монголия. 1938. № 2 (27). С. 69–75; то же: *Симуков*, 2008а: 549–557.

104

- 524) На пути возвращения экспедиции в Улан Батор; экспедиция продлилась более 2 месяцев отчасти вследствие снежных заносов и частых поломок машины.

106

- 525) Для характеристики обстановки в Монголии и в СССР в первой половине 1938 года необходимо упомянуть следующие события в указанных странах и в мире.

Монголия.

20/I/38 – по решению Монгольской комиссии при Политбюро ВКП(б) смета на строительство узкоколейки Улан Батор – Налайха (47 км) увеличена до 20 млн. руб. (В январе 1937 г. СНК СССР принял решение о строительстве ж/д, выделив дотацию 2,8 млн руб.). Движение открыто в 1938 г.

В 1938 г. продолжалась реализация программы экономической помощи Советского Союза МНР, в которую входило строительство кирпичного, известкового, цементного, механо-ремонтного заводов, научно-изыскательские проекты и др. Советские дотации МНР в 1938 г. составили 10 млн. тгр., не считая кредитования промышленных объектов. (*Лузянин*, 2003: 230–231). В 30-х г.г. СССР поставлял в МНР (под контролем наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова) военную технику, вооружение, средства связи, обмундирование. В 1938 г. из СССР в Монголию отправлены боевые самолеты, артиллерийские боеприпасы, летнее обмундирование (Российский гос. военный архив, переписка, документы №21–23, сетевая версия (cikrf.ru/guns/docs/o-rgva.doc)).

Продолжается разгром монастырей и уничтожение буддийского духовенства. Из отчета советского полпреда в МНР М.И.Голубчика Москве в августе 1938 г.: «Высшая прослойка лам почти полностью истреблена... Из 771 храма и монастыря, существовавших ранее, по состоянию на 20 июля с.г. 615 превращены в прах. Ныне действуют 26 монастырей. Из 85,800 лам насчитывается на сегодня лишь 17,338. Избежавшие ареста ламы стали

мирянами...» (*Баабар*, 2010: 372). Закрыт Гандантэгченлин, объявленный в 1926 г. центром буддийской веры в МНР; исчезла статуя Мэгжид Жанрайсэг.

Ц.Дамдинсүрэн писал: «Две вины лежат на партийном и государственном руководстве, оторвавшемся от народа и пользовавшемся большими, чем в свое время феодалы, правами: 1) в 1937–1938 г.г. они истребили монгольскую интеллигенцию; 2) уничтожили традиционную монгольскую культуру – памятники и книги» (цит. по: *Яцковская*, 2002: 158).

Расширяются репрессии по национальному признаку, прежде всего антибурятская кампания, и не только. В послании отделу внутренней обороны Кобдоского аймака летом 1938 г. маршал Чойбалсан требует «подвергнуть аресту феодалов-казахов и всех казахов, бежавших из Советского союза». В ходе операции убито около 2 тыс. мужчин из 21 тысячи казахов в двух хошунах Западной Монголии. (*Баабар*, 2010: 374).

СССР – Китай.

Построена основная часть автотрассы («трасса Z») из СССР в Китай через Синьцзян (более 3000 км) для поставок Китаю советской военной техники, вооружения и боеприпасов (в т. ч. авиации, артиллерии и др.) по военным кредитам (250 млн. долларов в 1938–1939 г.г.) в рамках Договора о ненападении. В 1937–1938 г.г. по трассе было перевезено около 11 тыс. тонн различного вида вооружений. (*Батурин*, 2014: 323, 327–329).

Европа – Азия.

4/II/38 – Гитлер объявил себя верховным главнокомандующим Германии, Риббентроп стал министром иностранных дел.

12/III/38 – гитлеровские войска входят в Австрию («Аншлюс»).

12/V/38 – правительство Гитлера признало Манчжоу Го.

26/III/38 – в Японии принят закон о всеобщей мобилизации.

28/III/38 – Япония создает в Наньцзине марионеточное правительство Китайской республики.

СССР.

Продолжается шквал репрессий.

19/II/38 – в Ленинграде арестован Н.П.Горбунов (см. прим. 53, 113 к гл. III), расстрелян 7/IX/38, реабилитирован.

3/III/38 – в Алма-Ата арестован П.В.Всесвятский (см. прим. 16), расстрелян в октябре 1938, реабилитирован.

2–13/III/38 – в Москве прошел открытый судебный «процесс 21-го» над «участниками правотроцкистского антисоветского блока» (Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Н.Крестинский, Х.Г.Раковский и др.). Н.И.Бухарин – член ЦК ВКП(б) (1917–1934), один из ведущих идеологов и экономистов-теоретиков партии, выступавший против ускоренной коллективизации за эволюционный путь развития, был исключен из партии, арестован и обвинен в «заговоре» в 1937 г., расстрелян вместе с другими подсудимыми «процесса 21-го» 15/III/38;

реабилитирован.

Активизируются репрессии по «национальным линиям» (см. прим. 522), количество жертв исчисляется уже сотнями тысяч. Идут аресты политэмигрантов, бежавших в Советский Союз после поражения революций в своих странах; к «подозрительным контингентам», подлежащим аресту, причислены перебежчики, бывшие военнопленные, получатели писем и посылок из-за рубежа, посетители иностранных посольств, участники эмигрантских и культурно-национальных движений и др.

Ширятся репрессии в РККА, направленные в первую очередь против командного состава высшего звена: зам. наркома обороны, командующих военными округами (ВО), флотами, комкоров, комдивов, комбригов, командного звена штабов и военно-учебных заведений. Идет усиленная чистка РККА по национальной линии.

8/VI – 24/VI/38 – Главный Военный Совет (ГВС) РККА постановил уволить командиров и политработников ряда национальностей (немцев, поляков, латышей и др.) из ОКДВА, затем из ЛВО и, наконец, «из приграничных военных округов», а также «передать всех офицеров этих национальностей, если на них имеются компрометирующие материалы, органам НКВД». В соответствии с этим постановлением был арестован (1941) и приговорен к расстрелу двоюродный брат А.Д.Симукова – Андрей Витальевич Миллер (1895–1979) – начальник отделения Ленинградского Красноармейского военного госпиталя, военврач I ранга (окончил Военно-медицинскую академию в 1917 г.). Расстрел заменен десятью годами лагеря (срочно и успешно прооперировал сына одного из тюремных начальников). Наказание отбывал в Норильлаге. С декабря 1941 г. работал по специальности, позднее заведывал инфекционным отделением в ЦБЛ. Реабилитирован (1957).

107

- 526) Имеется в виду экспедиция Ученого Комитета в западные аймаки (18/VIII – 31/XII/38) под научным руководством А.Д.Симукова, с участием Санча и Цэвэна (с/х кабинет), Гомбочжаба (фотокабинет), Дамбарабжа (Музей), Чулуна (МСЗ), Дэмбэрэла (Монголкино), художника Померанцева, шофера и повара. Полевая работа не входила в план работы Географического кабинета на 1938 год, однако «общая деятельность Ученого Комитета потребовала организации научной экспедиции», возможно, это было связано с «казахским вопросом» и обострением положения у западной и юго-западной границы МНР. Основные результаты экспедиции: «полное площадное освещение трех западных аймаков страны по всем вопросам сельского хозяйства» (кочевки, зимовки, хотоны, методы скотоводства и земледелия, хашаны, сенокосение, водоснабжение, машино-сенокосные станции (МСС), артели и др.). «Посещены все без исключения национальности и племена запада, причем изучение хозяйства проведено по каждой национальности, каждому племени отдельно», изучены их основные нужды и даны предложения по решению ряда национальных проблем, и по мероприятиям, необходимым для улучшения хозяйства и быта. Собраны важные для урегулирования межнациональных отношений сведения о родовом составе казахов и, частично, урянхов, дюрбетов и байтов, значительный этнографический

материал. Экспедиция предложила «иметь при аймачном управлении в Чжиргаланту письменного переводчика казахского языка и отвечать на письма и запросы из казахских сумунов по-казахски», а также «уделить особое внимание снабжению казахов товарами национального потребления».

Географически освещен «совершенно неизвестный до сего времени в литературе южный пограничный район Хобдосского аймака», «вчерне закончено изучение малоизвестной юго-западной приграничной полосы, начатое в 1935 году».

«Получена полная картина распространения всех крупных и важнейших млекопитающих Западной Монголии», даны предложения по сохранению редких и вымирающих видов (лошадь Пржевальского, сайга) и рационализации охотничье-промыслового хозяйства, в том числе путем широкой организации заповедников и заказников.

На основании собранных в Хангае и в западных аймаках материалов по метеорологии экспедиция отметила медленное увлажнение климата за последнее десятилетие и предложила установить в Улангоме метеостанцию и организовать сеть снегомерных пунктов в Убсунурском аймаке.

Собраны сведения по уточнению границы между МНР и Синьцзяном, по положению на тувинской границе, по географии приграничной полосы.

«В течение всей экспедиции мною <А.Д.> велся общий дневник, куда записывались по возможности все наблюдения в пути. Дополнением к этому будут специальные заметки и записи товарищей, что в целом составит около 25 печатных листов». Дневник экспедиции 1938 г. до настоящего времени в архивах Монголии не обнаружен. Об экспедиции см. *Симуков А.* Краткий отчет о работе экспедиции Ученого Комитета в западные аймаки в 1938 году // *Симуков, 2008а: 558–560; Симуков А.Д.* Тезисы доклада о работах экспедиции Ученого Комитета 1938 года // *Симуков, 2008а: 561–573; Симуков А.Д.* Краткий отчет о работе Географического кабинета Ученого Комитета МНР за 1938 год // *Симуков, 2008б: 189–190.*

- 527) Имеется в виду обострение положения на восточной и южной границе Монголии и усиление конфликтов (более 30 крупных боевых столкновений) на советско-манчжурской границе после начала войны Японии с Китаем. Приказом наркома обороны СССР с 1/VII/38 ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия) была реорганизована в ОКДФ (Особый Краснознаменный Дальневосточный Фронт) «в связи с возрастанием военной опасности».

12/VII/38 начался советско-японский конфликт в р-не оз. Хасан (на стыке границ СССР, Манчжурии и Кореи) (hrono.ru/1938/). После короткого периода ограниченного доступа к архивам в ряде публикаций поводом для конфликта назван один из этапов многоходовой провокации Сталина, осуществленный спецслужбами СССР. См. например: *Воронов, 2019: 06.14; Воронов, 2019: 06.15.*

19/VII/38 совершен налет на советское посольство в Токио. В начале августа закрыты все советские консульства в Японии и японские консульства в СССР (Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. С. 222–226 (сетевая версия).

29/VII/38 в районе оз. Хасан начались тяжелые бои между японскими и советскими (под командованием маршала В.К.Блюхера (1889–1938) и комкора

Г.М.Штерна (1900–1941) войсками с участием пехотных дивизий, кавалерийских бригад, авиации, артиллерии, танковых частей. 11/VIII/38 по предложению японской стороны заключено перемирие; граница установлена по соглашению 1886 г.

- 528) В 1938 году Монгольская комиссия АН СССР не планировала экспедиций и направления специалистов в МНР в связи с активными военными действиями у восточных границ (*Юсупова*, 2006: 162) и обширными репрессиями, в том числе среди ученых разных профилей, исследовавших Монголию; см. также прим. 493.

109

- 529) Нижеперечисленные события могут дать представление о ситуации во второй половине 1938 года в Монголии, СССР и мире.

VIII/38 – полпредом СССР в МНР назначен М.И.Голубчик (см. прим. 495). В отчете Москве он высказался «за принятие решения о полном разгроме активной контрреволюционной части средней прослойки лам». Аресты и уничтожение лам пошли ускоренным темпом (*Баабар*, 2010: 372–373).

7/VIII/38 – М.И.Голубчик в письме к М.М.Литвинову (нарком иностранных дел СССР) доказывает необходимость удаления А.Амара из руководства МНР за «панмонголизм и враждебность делу социализма» и назначения премьер-министром маршала Чойбалсана (*Лузянин*, 2003: 235).

21/VIII/38 – на пост зам. наркома НКВД СССР назначен вместо М.П.Фриновского Л.П.Берия (ранее 1-ый секретарь ЦК ВКП(б) Грузии).

7/IX/38 – маршал Чойбалсан отбыл в Москву, где находился до конца января 1939 г.

25/XI/38 – Н.И.Ежов снят с поста наркома НКВД СССР.

Наркомом НКВД СССР стал Л.П.Берия.

Маршал Чойбалсан получил поддержку И.Сталина и Л.Берия по вопросу устранения А.Амара из руководства (*Лузянин*, 2003: 236); консультации с Берия, уточнение тактики по линии МВД (*Роцин*, 1999: 293).

11/XII/38 – переговоры маршала Чойбалсана в НКВД о дальнейшем развитии сотрудничества, по торгово-экономическим вопросам, в том числе о дотациях. Одновременно маршал заручился поддержкой советского руководства для утверждения «своих» людей на ключевых должностях (Минторгпром, Минкоопсоюз, Госторг и др.) (*Роцин*, 1999: 293; *Лузянин*, 2003: 236).

В конце 1938 г. Президиум АН СССР утвердил новый состав Монгольской Комиссии АН СССР. В него вошли: академики В.А.Обручев, В.В.Струве, А.А.Борисяк, С.Г.Струмилин, чл.-корр. Н.Н.Поппе, а также А.Я.Тугаринов, И.П.Рачковский, З.А.Лебедева, Я.Я.Лус, А.Амар, Л.Дэндэв, Г.И.Вайнштейн (*Юсупова*, 2006: 162).

В 1938 году в Монголии и в Советском Союзе сталинский террор продолжал сметать многие тысячи самых активных и работающих, самых способных и талантливых, запугивал, затаптывал, пытался превратить в ничтожество, расстреливал, морил голодом и жаждой, вшами и гнусом, морозом и каторжной

работой. Скотоводы, земледельцы, духовенство, рабочие, торговцы, учителя и врачи, партийцы, военные, писатели и поэты, художники, деятели театра и кино, ученые, инженеры, исследователи-первопроходцы... Несть им числа. И в каждом – целый мир, неповторимый, невосполнимый.

«Хотелось бы всех поименно назвать...» (Ахматова А. Реквием).

Назовем хотя бы троих, арестованных в 1938 году.

Цэндийн Дамдинсурэн (1908–1986) – из семьи потомственных скотоводов, в детстве обучился монгольскому письму у отца-писаря; в юности «уехал за семь ургонов от родных мест, чтобы не вступать в Союз молодежи», позднее «по совету деда» стал членом МНРП (1924), был делегатом V съезда партии от Хэнтэйского аймака, работал в Ревсомоле (1926–1929), возглавлял Центральный совет монгольских профсоюзов (1929–1930).

В 1929 г. стал членом кружка писателей (писать начал в ранней юности); работал в Бур.Учкоме (1931–1932) и Учкоме МНР (1932–1933), соавтор «Толкового словаря монгольского языка»; студент Института малых народов затем ИВ (1933–1938, Ленинград), в феврале 1938 г. отозван в Улан Батор.

Арестован 4/XI/38, выдержал 15 месяцев жестокого следствия, «вину» не признал, освобожден 27/I/40.

Сотрудник Учкома (1940–1942); главный редактор «Унэн» (1942–1945), одновременно занимался проблемами стиля старописьменного монгольского языка с целью приблизить его к современному разговорному.

Аспирант ИВ с 1946 г., к.ф.н. (1950), председатель Учкома (1950–1953), секретарь Союза писателей МНР (1953–1955), преподаватель МонГУ, директор (1959–1963), затем научный сотрудник Института языка и литературы АН МНР; академик АН МНР (1961), д.ф.н. (1972); трижды лауреат Государственной премии МНР, награжден орденами и медалями; член ряда международных и национальных ученых обществ.

Ц.Дамдинсурэн внес неоценимый вклад в сохранение письменного наследия монголов и публикацию литературных памятников, в течение всей жизни разыскивал и собирал редкие рукописи и ксилографические издания, перевел на современный монгольский язык «Сокровенное сказание», опубликовал «ГЭСэра», «Сто образцов монгольской литературы», «Жизнеописание Лунной кукушки» и др.; стал крупнейшим ученым с мировым именем (монголистика, историческая сравнительная филология, лингвистика), автор фундаментальных научных трудов, среди которых «Исторические корни ГЭСэриады», «Обзор монгольской литературы» в 3-х томах (XIII-XIV в.в., XVII-XVIII в.в. и XIX в.); создатель новой орфографии, соавтор русско-монгольского и немецко-монгольского словарей; один из основоположников современной монгольской литературы и блестящий переводчик мировой классики. О нем см. Цэндийн Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения / сост. А.Цендина / М.: Вост. лит., 2008. С. 3–14).

3/V/38 – под Москвой арестован (вторично, после ссылки) великий поэт русского «Серебряного века» О.Э.Мандельштам (1891–1938); скончался 27/XII/38 в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком (*Осип Мандельштам*. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. *Приложение*. Летопись жизни

и творчества /сост. А.Г.Мец при участии С.В.Василенко, Л.М.Видгофа, Д.И.Зубарева, Е.И.Лубянской / М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 497, 498, 502).

27/VI/38 – в СССР арестован молодой инженер Реактивного института С.П.Королев (1907–1966); на допросе получил перелом обеих челюстей (удар графином по лицу); выдержал 10 месяцев следствия и 8 месяцев Колымы; в марте 1940 г. водворен в ОКБ 29 НКВД («Туполевская шарага»), где был собран весь арестованный цвет советского самолетостроения. Освобожден (1944) в связи с данными о ракетном оружии в Германии. С августа 1946 – главный конструктор ОКБ-1 (ракетостроение); впоследствии – главный конструктор советских космических кораблей, под руководством которого был осуществлен запуск первого в мире спутника Земли (4/X/57) и первый полет человека в космос (12/IV/61).

С.П.Королев скончался в Москве 14/I/66 во время полостной операции. Официальная причина – «сердечная недостаточность». По мемуарам врачей – невозможность корректной интубации трахеи (для общей анестезии) из-за старого, нелеченного перелома обеих челюстей. О нем см.: http://ru.wikipedia.org/wiki/Королев_Сергей_Павлович# ; см. также: http://www.lib.ru/MEMUARY/KERBER/tupolevskaya_sharaga.txt.

Европа – Азия.

12/VIII/38 – мобилизация в Германии.

29/IX/38–30/IX/38 – конференция в Мюнхене с участием премьер-министров Англии (Н.Чемберлен), Франции (Э.Даладье), Италии (Б.Муссолини) и рейхсканцлера Германии А.Гитлера, подписано соглашение о передаче Германии Судетской области Чехословакии (около 90% населения – немцы, развитая промышленность, в том числе военная, национал-сепаратистская судетско-немецкая партия, финансируемая Гитлером); мотивация, озвученная Гитлером – «спасти немецких собратьев, находящихся в ужасных условиях жизни»; официальная мотивация Англии и Франции – сохранение мира во всей Европе.

1–10/X/38 – Германия оккупирует Судеты.

9–14/XI/38 – «Хрустальная ночь» в Германии (включая Австрию и Судеты): массовые, хорошо скоординированные еврейские погромы (синагоги, жилые дома, магазины и другие предприятия), осуществленные штурмовиками (военнообразованные формирования национал-социалистической немецкой рабочей партии) и гражданскими лицами.

2/X/38 – Япония выходит из Лиги Наций.

10/X/38 – японские войска входят в Ханькоу, правительство Чан-Кайши перемещается в Чунцин.

25/X/38 – Япония захватывает Гуаньчжоу.

Монголия.

22/1/39 – маршал Чойбалсан прибыл в Монголию из Москвы. По сфабрикованному «делу» о военной контрреволюционной организации в конце января – начале февраля были арестованы зам. военного министра Дамба, нач. запасов штаба МНРА Намсарай, зам.нач. ПУР Амор Сайхан, нач. ВВС МНРА Шагдыр Сурун, нач. штаба ВВС МНРА Мунко, командир и комиссар 1-й дивизии Тохтохо и Чойжил, командир и комиссар бронебригады Лхасурун и Пурво, комиссар бронедивизиона Дами, командир и комиссар полка связи Цаган Велик и Демид, нач. объединенного военного училища Дендып, секретарь Чойбалсана Баир Сайхан. Из арестованных выбрали показания о подготовке вооруженного выступления по распоряжению премьер-министра А.Амора (см. прим. 253).

21/II/39 – зам. полпреда СССР в МНР Скрипко отправляет Литвинову (наркоминдел СССР) санкционированный советским руководством и составленный совместно с Чойбалсаном конкретный сценарий отставки А.Амора.

7/III/39 – на заседании Президиума ЦК МНРП секретарь ЦК Лувсаншарав «разоблачил» А.Амора «как феодала, пролезшего в монгольское руководство, разваливавшего партию и правительство». А.Амор был выведен из состава ЦК МНРП и исключен из партии. В тот же день была созвана 22-я сессия Малого Хурала, на которой по предложению Х.Чойбалсана А.Амор был снят с поста премьер-министра. Сессия приняла постановление о «контрреволюционной деятельности» А.Амора. После закрытия заседания А.Амор был арестован, вскоре отправлен в СССР, где ему пришлось пережить долгое советское следствие, инсценировку суда и смертный приговор. По официальным данным А.Амор был расстрелян в октябре 1941 г.

22/III/39 – сессия Малого Хурала утвердила Х.Чойбалсана премьер-министром МНР с сохранением за ним должностей министра иностранных дел, министра внутренних дел и военного министра. (*Роцин*, 1999: 294; *Лузянин*, 2003: 237–238; http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/text_11.shtml).

В январе 1939 г. после смены правительства Японии усилилось напряжение на монголо-манчжурской и, одновременно, на советско-манчжурской границах. С января по март произошло более 30 пограничных конфликтов между вооруженными отрядами с монгольской и с манчжурской стороны.

СССР

10/1/39 – Шифрограмма секретаря ЦК ВКП(б) И.Сталина секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД: «...ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия к арестованным в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. <...> ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 145–146 по данным сборника документов: Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 // М., 2006). Цит. по: <http://a-dyukov.livejournal.com/280975.html>.

10/1/39 – Приказ наркома НКВД «Об организации Особых конструкторских бюро» (см. прим. 25 к гл. II, прим. 529 к гл. IV).

Конец января 1939 г. – прошла всесоюзная перепись населения СССР. Официальные данные: 170,6 млн. чел., 33% - городское население. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

22/II/39 – Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила к расстрелу бывшего маршала СССР А.И.Егорова, бывшего Генерального секретаря ЦК РКСМ А.В.Косарева, бывшего 1-го секретаря ЦК КП(б) Украины С.В.Косиора и др. Реабилитированы в 1956 г.

10/III - 21/III/39 – XVIII съезд ВКП(б), отчет Сталина, утверждение плана III-й пятилетки.

17/III/39 – ликвидирована Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), выполнявшая функции главного координатора и исполнителя советской политики в Монголии. Решение вопросов по МНР передается в различные министерства и ведомства (фактически – попытка сделать МНР частью советского государственного механизма). Это лишает НКВД СССР приоритетного положения в МНР, сохраняя за ним формальное право общего контроля за деятельностью министерств и ведомств в МНР (*Юсупова*, 2006: 163; *Лузянин*, 2003: 238).

6/IV/39 – арестован нарком ВМФ СССР, ранее – зам. наркома НКВД М.П.Фриновский (см. прим. 496).

10/IV/39 – арестован Н.И.Ежов, бывший нарком НКВД СССР.

3/V/39 – отставка М.М.Литвинова. Наркомом Иностранных Дел СССР стал В.М.Молотов.

Азия – Европа.

Середина февраля – в Китай прибыло 712 советских летчиков и авиамехаников. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

27/II/39 – Великобритания и Франция признали правительство генерала Франко в Испании. В конце марта его признали Скандинавские страны и США.

15/III/39 – Германия оккупирует Богемию и Моравию (Чехия).

28/III/39 – войска генерала Франко заняли Мадрид и Валенсию. В гражданской войне в Испании (1936 - март 1939) с обеих сторон погибло 280 тыс. чел. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

7/IV/39 – итальянские войска оккупируют Албанию.

17/IV/39 – СССР предлагает Великобритании и Франции начать тройственные переговоры о создании военно-политического союза против гитлеровской Германии (*Солонин*, 2019: 09.02).

17/V/39 – Швеция, Норвегия и Финляндия отвергли предложение Германии о заключении совместного Пакта о ненападении. Дания, Эстония и Латвия ответили согласием. (http://www.hrono.ru/1939_.php).

- 531) Видимо, предполагалась поездка для осуществления планов, высказанных председателем Комитета наук МНР Л.Дэндэвом (см. прим. 252) в письме к президенту АН СССР, председателю Монгольской комиссии АН СССР академику В.Л.Комарову (15/IX/38): «... в реализации своих различных исследований

Комитет нуждается в постоянных советах и помощи со стороны АН СССР, прошу Вас, уважаемый Владимир Леонтьевич, оказать содействие в установлении прямых связей с вашими подведомственными учреждениями и учеными». (Цит. по: Чулуун С. Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. / Ред.-сост. С.Чулуун, Т.И.Юсупова / Уланбатор: Адмон, 2012. С. 26.).

532) Возможно, поездки в Гоби планировались в связи с организацией работ по сенокосению: «Широкое использование дэрисунных зарослей под сенокос может не только обеспечить гобийский скот подкормом в тяжелый зимне-весенний период, но и дать значительное количество вполне пригодного сена для пограничных воинских частей, получающих сейчас фураж из весьма отдаленных глубинных районов страны» (см. Симуков А. Докладная записка об организационных работах по сенокосению в Гоби // Труды, 2008. Т. 3(2). С. 143–147).

533) В первой декаде мая 1939 г. нарушение монголо-манчжурской границы в районе Халхин-Гола японо-манчжурскими отрядами было поддержано японской авиацией и переросло в крупный вооруженный конфликт. Все население Монголии, в том числе и А.Д.Симуков, оказалось на военном положении.

Знания и многолетний опыт работы в области географии и картографии Монголии делали практически неизбежной востребованность А.Д.Симукова в этой ситуации (см. также примечания 176, 369, 438). В его кратких записках к членам семьи в Москве летом 1939 г. нет ни слова о войне (цензура!). Однако ряд моментов позволяет считать, что А.Д.Симукову пришлось иметь отношение к событиям на Халхин-Голе и побывать в районе боев.

111

534) См. прим. 533.

535) Писатели Славин, Лапин, Хацревин (см. прим. 346, 344, 345) были направлены в начале июня 1939 г. на Халхин-Гол военными корреспондентами. Полковой комиссар Д.Ортенберг, главный редактор газеты «Героическая красноармейская», редакция которой находилась в зоне боевых действий на Халхин-Голе, вспоминает: «Поездом писатели добрались до Улан-Удэ. Отсюда – машиной через границу до ближайшей авиабазы. Предъявили командировочное предписание, и в их распоряжение выделили два легких самолета. ... Наконец, прибыли в полотняный городок нашей газеты» (Ортенберг Д. Лев Славин // Время не властно/ 2-е изд./М., 1979. С. 351.) После окончания наземных боев Славин, Лапин, Хацревин 11–12 сентября были откомандированы из редакции на Халхин-Голе и через Улан-Батор вернулись на самолете в Москву (см. Симонов К. Далекое на востоке. Халхин-гольские записки (<http://militera.lib.ru/prose/russian/simonov6/01.html>)).

Из вышесказанного следует, что летом 1939 г. до 2/VIII (дата письма) А.Д.Симуков мог встретиться со Славиным, Лапиным и Хацревиным только в зоне боев на Халхин-Голе.

112

- 536) Намек на экстремальные условия работы (см. прим. 533), в том числе, возможно, и на Халхин-Голе. Ни в одной экспедиции, как бы трудна, опасна и длительна она ни была, А.Д.Симуков не жаловался на усталость.
- 537) По-видимому, поездки в Хангай и Гоби были связаны с организационными работами по обеспечению действующих войск фуражом (см. прим. 532), а возможно, и продовольствием. В составе МНРА на Халхин-Голе, вместе с другими видами войск действовали несколько кавалерийских дивизий (см. *Приложение IV-1*).
- 538) См. прим. 399.

113

- 539) Перечисленные ниже события могут дать представление о ситуации в Монголии, СССР и мире летом и осенью 1939 года.

Монголия

11/V – 15/IX/39 – необъявленная война у монголо-манчжурской границы в районе Халхин гола закончилась победой монголо-советских войск.

15/IX/39 – по просьбе японского правительства подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о прекращении военных действий.

16/IX/39 – боевые действия прекращены.

19/IX/39 – Полпредом СССР в МНР стал майор госбезопасности И.А.Иванов (1906–1948), прибывший в Монголию 3/VI/39 по распоряжению наркома НКВД СССР Л.П.Берия. Официальный послужной список И.А.Иванова, члена ВКП(б) с 1926 года, включает работу секретарем Себежского уездного комитета ВЛКСМ (до 1929 г.), службу в РККА (1929–1938), посты полпреда в МНР (19/IX/39–9/V/41), Чрезвычайного и Полномочного Посланника СССР в МНР (9/V/41–9/X/47), Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Афганистане (27/V/48–11/VII/48); орден Ленина за Халхин-Гол, звание генерал-майора и орден Красной Звезды (4/II/43) ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Иванов,_Иван_Алексеевич_\(дипломат\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Иванов,_Иван_Алексеевич_(дипломат))); <http://russiamilitaria.ru/lofiversion/index.php/t23453.html>).

По другим публикациям: 25/X/38–9/XI/38 начальник отделения ОО ГУГБ НКВД ст. лейтенант ГБ И.А.Иванов провел 11 допросов (частично совместно с Берия) маршала В.К.Блюхера (см. прим. 527). По окончании (или во время?) последнего допроса маршал В.К.Блюхер скончался. (*Мартыросян А.Б.* 100 мифов о Берии. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917–1941//

http://book-online.com.ua/show_book.php?book=2213. С. 52–54;

http://www.e-reading.club/chapter.php/144040/52/Velikanov_Izmena_marshalov.html).

В июле 1948 г. И.А.Иванов был отозван из Афганистана в Москву, где умер после вакцинации, необходимой перед отъездом к месту нового назначения (устное сообщение члена семьи).

Европа – СССР

10/VIII/39 – после 4-х месяцев трехсторонних политических консультаций (с 17/IV) в Москве начаты переговоры военных миссий СССР, Великобритании и

Франции с целью подписания военной конвенции для организации обороны против агрессии в Европе. На этом этапе было впервые озвучено основное (и заведомо невыполнимое) требование СССР – пропуск частей Красной Армии через территорию Польши и Румынии. 21/VIII/39 переговоры прерваны. Польское правительство отказалось сотрудничать с СССР. 25/VIII/39 (после подписания Договора о ненападении с Германией) советская сторона заявила, что в изменившейся ситуации военные переговоры «теряют всякий смысл»; переговоры прекращены. (Солонин, 2019: 09.02); (http://newsruss.ru/doc/index.php/Московские_переговоры_между_СССР,_Великобританией_и_Францией).

19/VIII/39 – заключено торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией. Германия предоставляла СССР кредит на 200 млн. германских марок с обязательством поставок в счет кредита военной техники, промышленного оборудования, полуфабрикатов и сортового угля. СССР обязался погасить кредит поставками сырья (руды различных металлов, нефть, нефтепродукты), с/х товаров (главным образом зерно), леса, золота и платины. ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-германские_соглашения_\(1939\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Советско-германские_соглашения_(1939)); hatyn-books.ru/archive/year/God_krizisa_1t_2t.htm#103doc).

23/VIII/39 – в Москве подписан Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом («пакт Молотова – Риббентропа») и прилагаемый к нему секретный протокол о разграничении в Восточной Европе «сфер влияния» СССР (восточные области Польши, Латвия, Эстония, Финляндия, Бессарабия) и Германии (западная Польша и Литва). (https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_о_ненападении_между_Германией_и_Советским_Союзом ; <http://www.aroundspb.ru/variety/docs/diplomat/pakt.php#back>).

Япония

Июль 1939 г. – заключено англо-японское соглашение, что обеспечило Японии невмешательство Великобритании в китайские дела. (Лузянин, 2003: 240–241).

25/VIII/39 – правительство Японии заявило Германии протест в связи с заключением советско-германского договора, расценив его как денонсацию Антикоминтерновского пакта. Возникшая ситуация потребовала полного изменения ориентации и стратегии внешней политики Японии.

28/VIII/39 – правительства К.Хиранумы (сторонника совместной японо-германской войны против СССР) вынуждено уйти в отставку.

30/VIII/39 – в Японии сформировано новое правительство во главе с генералом Н.Абэ (сторонником южного стратегического направления). 13/IV/41 – заключен советско-японский пакт о нейтралитете. (<http://www.e-reading.club/chapter.php/147136/5/> ; https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_о_ненападении_между_Германией_и_Советским_Союзом).

Европа – СССР (2).

31/VIII/39 – внеочередная сессия Верховного Совета СССР ратифицировала советско-германский пакт.

25/VIII/39 – в Лондоне заключен договор о взаимопомощи между Великобританией и Польшей. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

1/IX/39 – войска Германии вторглись в Польшу. Этот день принято считать

началом II-й Мировой войны.

3/IX/39 – Англия, Франция, Австралия и Новая Зеландия объявляют Германии войну. В Англии формируется военное правительство во главе с первым лордом Адмиралтейства У.Черчиллем. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

16/IX/39 – Приказом НКО СССР сформирована Мурманская армейская группа (14-я армия), поставленная задача: развернуть силы на границе с Финляндией к 1/X/39.

(Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45>).

17/IX/39 – Указ Верховного Совета СССР о введении всеобщей воинской повинности. НКО объявил большие учебные сборы. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

17/IX/39 – «Советский Союз в одностороннем порядке разорвал Договор о ненападении, заключенный 25 июля 1932 года между СССР и Польшей, и огромными силами <...> (618 тыс. человек и 4733 танка) нанес удар в спину польской армии, сражавшейся в это время против германского вермахта. <...> предлог для оправдания этого вероломного нападения» был озвучен В.М.Молотовым 17 сентября по радио: «...Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям украинцам и братьям белорусам, населяющим Польшу...». (Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45>).

28/IX/39 – польская армия прекратила сопротивление. Германия и Советский Союз подписали Договор о дружбе и границе, завершив раздел Польши. В состав СССР вошли восточные польские области, обозначаемые отныне как «Западная Украина» и «Западная Белоруссия».

28/IX/39 – в Москве подписан Договор о взаимопомощи между СССР и Эстонией.

5/X/39 – подписан Договор о взаимопомощи между СССР и Латвией.

10/X/39 – подписан Договор о взаимопомощи между СССР и Литвой.

«Во всех трех случаях «взаимопомощь» предполагала размещение на территории прибалтийских государств советских воинских контингентов, примерно равных по численности армиям этих государств» (Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45> ; https://ru.wikipedia.org/wiki/Договор_о_ненападении_между_Германией_и_Советским_Союзом).

8/X/39 – Германия объявляет о включении в её состав Силезии и Померании.

8/X/39–20/X/39 – переговоры СССР и Финляндии; «финская сторона согласилась предоставить СССР ряд мелких островов и отодвинуть свои границы на 10 км от Ленинграда» (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml). На все остальные предложения Советского Союза Финляндия ответила отказом.

15/XI – 25/XI/39 – СССР завершил подготовку к вторжению в Финляндию: помимо 14-й армии только на Карельском перешейке, в Приладожской и Северной Карелии сосредоточено 17 стрелковых дивизий, 6 танковых и моторизованных бригад.

17/XI/39 – приказ НКО с задачей войскам «закончить сосредоточение и быть готовым к решительному наступлению».

21/XI/39 – Приказом Военного Совета ЛВО поставлены конкретные боевые

задачи армиям и флотам. «Срок начала операции будет указан дополнительно». (Солонин М.С. 25 июня. Глупость или агрессия? <http://www.litmir.info/br/?b=137614&p=45>).

26/XI/39 – прозвучали провокационные выстрелы у населенного пункта Майнила на советско-финской границе. Нота протеста НКВД СССР вручена послу Финляндии.

30/XI/39 – советские войска вторглись в Финляндию.

14/XII/39 – Советский Союз исключен из Лиги Наций как страна, проводящая агрессивную политику. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

СССР

11/IX/39 – циркуляр НКВД с предписанием начальникам лагерей организовать охрану ИТЛ из числа заключенных, совершивших бытовые преступления, для замены стрелков ВОХР, призванных в армию.

19/IX/39 – в НКВД создано Управление по делам военнопленных и интернированных граждан (УПВИ).

19/IX/39 – приказ наркома НКВД об организации приемных пунктов и лагерей для военнопленных на территории УССР и БССР; охрана – конвойные войска НКВД.

После 28/IX/39 – в советском плену оказалось более 450 тыс. польских солдат и офицеров (по официальным данным); кроме того на захваченной территории были интернированы польские полицейские, таможенники, пограничники и гражданская администрация. НКВД провело «чистку» на территории «Западной Украины и Западной Белоруссии»: аресту подверглись бывшие помещики, члены националистических групп, «антисоциальный элемент». (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

«После «освободительного похода» Красной Армии 1939 г. только в Архангельскую область было депортировано 56371 польских граждан, 10344 высланных были из Львовской области» (Дойков Ю. Свеча горит... Немецкие тени в архангельском Гулаге (1920–2010) / Архангельск, 2010. С. 129 (сетевая версия).

3/X/39 – приказ НКВД об освобождении из лагерей военнопленных рядового и унтер-офицерского состава бывшей польской армии; по официальным данным освобождено 42400 человек, немецкой стороне передано 42492 военнопленных – уроженцев Западной Польши. (http://artofwar.ru/w/wolkow_a_a/text_0030.shtml).

114

540) См. документ IV 115.

541) Ольга Яковлевна Пейкер (см. прим. 18 к гл. I).

542) Александра Григорьевна Бендрикова (1935 г.р.), кузина Н.Я.Симуковой, дочь Шуры, сестры М.А.Симуковой (см. прим. 205), впоследствии окончила МГУ, физик.

543) Федосья Макаровна Алексеенко (см. прим. 76).

544) В сентябре 1939 г. М.А.Симукова работала в Штатном управлении НКФ СССР. Её сотрудники хорошо знали Наташу, т. к. многие из них (и М.А.Симукова в том числе) периодически должны были продолжать работу вечером и ночью. (Предпочитая работать ночью, И.В.Сталин оставлял на рабочих местах необходимых наркомов, а те, выборочно, начальников управлений и сотрудников).

Если нельзя было оставить дочь на ночь в детском саду, М.А.Симукова забирала её на работу. После «отбоя сверху» ночевать уходили в коммуналки к живущим поблизости коллегам или, если метро ещё работало, к родственникам.

115

545) Оригинал записки не сохранился. Публикуется копия (карандаш), снятая адресатом в сентябре 1939 года.

Глава V
Улан-Батор – Улан-Удэ –
Новосибирск – Архангельск – ?
(1939–1941)

**V Улан-Батор – Улан-Удэ – Новосибирск – Архангельск – ?
(1939–1941). Список документов**

V1	<i>А.Д.Симуков – начальнику Тюремного отдела НКВД БМ АССР. 10 января 1941.</i>	365
V2	<i>Начальник Тюремного отдела НКВД БМ АССР – Н.Я.Симуковой. 12 февраля 1941.</i>	367
V3	<i>Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 21 февраля 1941.</i>	368
V4	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 27 февраля 1941.</i>	371
V5	<i>Из Управления Кулойского ИТЛ и колоний УНКВД по Архангельской обл. – Н.Я.Симуковой. 3 апреля 1941.</i>	373
V6	<i>А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 24 апреля 1941.</i>	374
V7	<i>Улан-Удэнская контора связи – Архангельской конторе связи. 20 Мая 1941.</i>	376
V8	<i>Архангельская контора связи – Н.Я.Симуковой. 28 мая 1941.</i>	377

V 1 А.Д.Симуков – начальнику Тюремного отдела НКВД БМ АССР¹⁾. 10 января 1941.

10/1/41

<Улан-Удэ>

<Улан-Удэ>

Начальнику Тюремного отдела НКВД Б.М.АССР
 заключенного Симукова
 Андрея Дмитриевича
 (Турма №1, Ш.кор., одиночки №13)

*Исправить
 адресата
 Юрия*

Заявление.

На то, что Вы, согласно Вашим словам, обвернули мой материал на все запросы о маме померевши и о последствиях в связи с тем, что в документах передавах (о чем Вы мне сообщили в письме от 28/12/40) и до сих пор времени не полагаете ни одного человека, находясь на тот момент к какому-либо из них маму заключенная в лагерь померевши, так как именовались на моем счету деньги померевши, а письма мне не доставлялись, я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой написать мой материал о неоплаченных маме переводах и о переводах в деньгах по адресу: Москва 34 Крапоткинская ул. Хрущевский пер. 7.3 кв.1. На Ваше имя Симуков Андрей Дмитриевич, 1901 все-таки разрешите мне написать несколько слов самим? Или, выходя, кроме обращения к Вам, у мамы нет, а посылать я очень прошу Вас написать мою просьбу и в ведомости сразу известить меня о результате моего заявления. Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за совет (см. на обороте)

с заключенными по поводу моего заявления, обратившись в Высшую прокуратуру, которая очень внимательно к подаваемому на ее имя заявлениям и акциям в интересах о результате уже заявленным, чтобы не совершили безответствия в отношении мамы уже ~~не~~ ~~делая~~ ~~исследует~~, что является в работе, чтобы рекардировать ^{срокам} еще раз прошу Вас известить меня о результате моего заявления.

10 января 1941г.

Заключенный
 А.Симуков

Начальнику Тюремного отдела НКВД Б-М АССР

заключенного²⁾ Симукова
Андрея Дмитриевича
(тюрьма № 1, III кор., одиночка³⁾ № 13)

Заявление

Несмотря на то, что Вы, согласно Вашим словам, ответили моей матери на её запрос⁴⁾ о моем положении и о посланных ею на мое имя денежных переводах⁵⁾ (о чем Вы мне сообщили, вызвав меня 28/X/40 г.) я до сего времени не получил ни одного перевода. Находясь по этой причине к концу шестнадцатого месяца заключения⁶⁾ в тяжелом положении⁷⁾, так как имевшиеся на моем счету деньги кончились, а писать мне не разрешается, я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой написать моей матери о неполучении мною переводов и о нужде в деньгах по адресу: Москва 34, Крапоткинская ул. Хрущевский пер. д. 3 кв. 1. Наталии Яковлевне Симуковой. Быть может, Вы все-же разрешите мне написать ей несколько слов самому? Иного выхода, кроме обращения к Вам, у меня нет, а потому я очень прошу Вас исполнить мою просьбу и во всяком случае известить меня о результате настоящего заявления. Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за совет
(см. на обороте)

обратиться с заявлениями по поводу своего положения к военной прокуратуре, которая очень внимательна к подаваемым на её имя заявлениям и аккуратна в извещениях о результате этих заявлений. Особое же Совецание⁸⁾ безмолствует в отношении меня уже девять месяцев, что является, вероятно, почти рекордным сроком.

Еще раз прошу Вас известить меня о результате этого заявления.

Заключенный А.Симуков

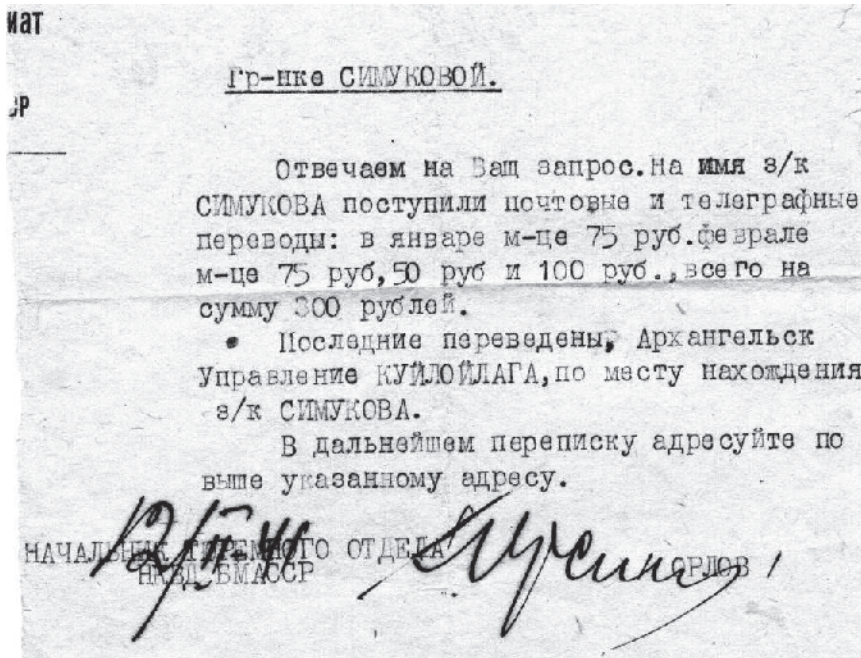
10 января 1941 г.

**V 2 Начальник Тюремного отдела НКВД БМ АССР –
Н.Я.Симуковой. 12 февраля 1941.**

12/II/41

<Улан-Удэ>

<в Москву>

Гр-нке СИМУКОВОЙ.

Отвечаем на Ваш запрос. На имя з/к СИМУКОВА поступили почтовые и телеграфные переводы: в январе м-це 75 руб. феврале м-це 75 руб, 50 руб и 100 руб., всего на сумму 300 рублей.

Последние переведены, Архангельск Управление КУЛОЙЛАГА⁹⁾, по месту нахождения з/к СИМУКОВА.

В дальнейшем переписку адресуйте по выше указанному адресу.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЕМНОГО ОТДЕЛА

НКВД БМ АССР

<Подпись> /ОРЛОВ/

12/II-41

V 3 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 21 февраля 1941.

21/II/41

<Москва>

<в Кулойлаг, Архангельская обл.>

Дорогой Андрей, как твоё здоровье, которое
меня все время очень беспокоило. Получил ли
ты мое письмо через казанского торговца
опиделя в Улан-Удэ? Когда отправили тебе
оттуда? Как ты одеваешься? Как с едой? Все
мои деньги, которые я перевела тебе, хотя
ишь непрочитанными, что меня очень огорчи-
ло. Я получила уведомление ^{из Улан-Удэ} от ка-
занского торговца опиделя, что деньги
(300 руб.) переведены по адресу: Архангельск,
Управление Кулойлагеря. Постарайся
получить их там. Напиши мне всё по этому
адресу, в чем ты нуждаешься. Если тебе
удовлетворительные деньги, я буду переводить
их тебе, если продукты и вещи куплены –
тоже старайся отправить посылкой.
Если ты только найдешь возможность
поблизиться со мной, то ты ~~можешь~~
через своего казанского торговца, и в
течение лета могу приехать к тебе. Ты
сам рассуди в каком месяце лучше всего
и тебе приехать: в июне или в июле или
в августе, но попроси тебя известить

меня поразили, чтобы в мою бытность
 свою отпусти. Ведь, на работе рас-
 пределяются отпуска среди служащих
 заблаговременно. Очень, очень хочу тебя ви-
 деть. Ты подробно напиши мне адрес
 свой, и я доберусь до тебя. Не делай ты
 даже не думай и не беспокойся.

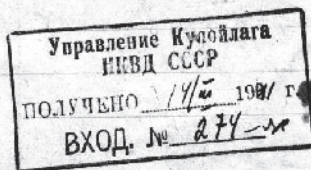
Напиши мне обо всем, и когда в путь
 уходишь твой адрес, в каждую тебе еще
 подробное письмо. Пока все здорово.

Поспеши написать. Теперь в путь
 от тебя письма.

Все много тебе привет, поцелуй,
 Обнимаю и целую тебя
 мама

21/II 4/2.

Я обязательно приеду, если только
 будет малейшая возможность.
 Береги свое здоровье!

Дорогой Андрей, как твоё здоровье, которое меня все время очень беспокоило. Получил ли ты мое письмо через начальника тюремного отдела в Улан-Удэ? Когда отправили тебя оттуда? Как ты одет? Как с едой? Все мои деньги, которые я перевела тебе, остались нетронутыми, что меня очень огорчило. Я получила извещение из Улан-Удэ от начальника тюремного отдела, что деньги (300 рбл.) переведены по адресу: Архангельск, Управление Кулойлагеря¹⁰. Постарайся получить их там. Напиши мне все подробно: адрес, в чем ты нуждаешься¹¹. Если тебя удовлетворяют деньги, я буду переводить их тебе, если продукты и вещи нужны – буду стараться отправлять посылки.

Если ты только найдешь возможным повидаться со мной, то ты выхлопochи через своего начальника пропуск, и я в течение лета могу приехать к тебе¹². Ты сам рассуди, в каком месяце лучше всего к тебе приехать: в июне или в июле или в августе, но попрошу тебя известить меня пораньше, чтобы я могла бы распределить свой отпуск. Ведь на работе распределяются отпуска среди служащих¹³ заблаговременно. Очень, очень хочу тебя видеть. Ты подробно напиши мне маршрут, и я доберусь до тебя. О деньгах ты даже не думай и не беспокойся.

Напиши мне обо всем, и когда я буду знать твой адрес, я напишу тебе более подробное письмо. Пока все здоровы. Поспеши написать. Теперь я жду от тебя письма.

Все шлют тебе привет, поцелуй.

Обнимаю и целую тебя.

Мама.

21/II 41 г.

Я обязательно приеду, если только будет малейшая возможность.
Береги свое здоровье!

<Штамп>: Управление Кулойлага

НКВД СССР

ПОЛУЧЕНО 14/III 1941 г.

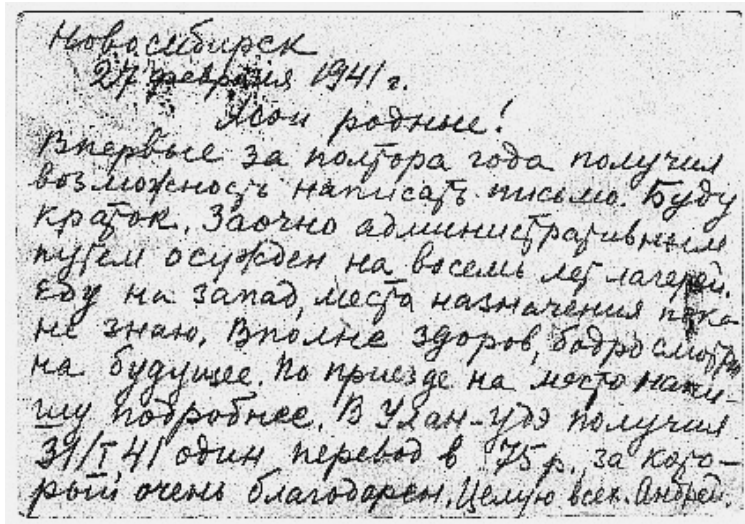
ВХОД. № 274 - <нрзб.>

V 4 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 27 февраля 1941.

27/II/41

<Новосибирск>

<в Москву>

г. Москва 34
Крапоткинская ул., Хрущевский пер. дом № 3 кв. 1
Наталии Яковлевне Симуковой

Адрес Новосибирск, пересыльная тюрьма¹⁴⁾
отправителя А.Д.Симуков.

Новосибирск
27 февраля 1941 г.

Мои родные!

Впервые за полтора года получил возможность написать письмо. Буду краток. Заочно административным путем¹⁵⁾ осужден на восемь лет лагерей¹⁶⁾ Еду на запад, места назначения пока не знаю. Вполне здоров, бодро смотрю на будущее. По приезде на место напишу подробнее. В Улан-Удэ получил 31/Г 41 один перевод в 75 р., за который очень благодарен. Целую всех. Андрей.

V 5 Из Управления Кулойского ИТЛ и колоний УНКВД по Архангельской обл. – Н.Я.Симуковой. 3 апреля 1941.

3/IV/41

<Архангельск>

<в Москву>

№ 106
3/IV/41

гр-ке Симуковой Н. Я.
г. Москва ул. Краскоткина
Хрущевский переулок д. 3 к 1

Возвращаю ваше письмо и
сообщаю что Симуков Андрей
Дмитриевич у нас нет
предложения: упомянутое.

Н-к I-го отд-я II-го отд.
Упр. Кулойлага и К<олоний> УНКВД АО

/Северин/ През

гр-ке Симуковой Н.Я.

г. Москва ул. Краскоткина

Хрущевский переулок д. № 3 к 1

№ 106

3/IV/41

Возвращаю ваше письмо и сообщаю, что
Симуков Андрей Дмитриевич у нас нет
предложение: упомянутое.

Н-к I-го отд-я II-го отд.

Упр. Кулойлага и К<олоний> УНКВД АО

/Северин/ <подпись>

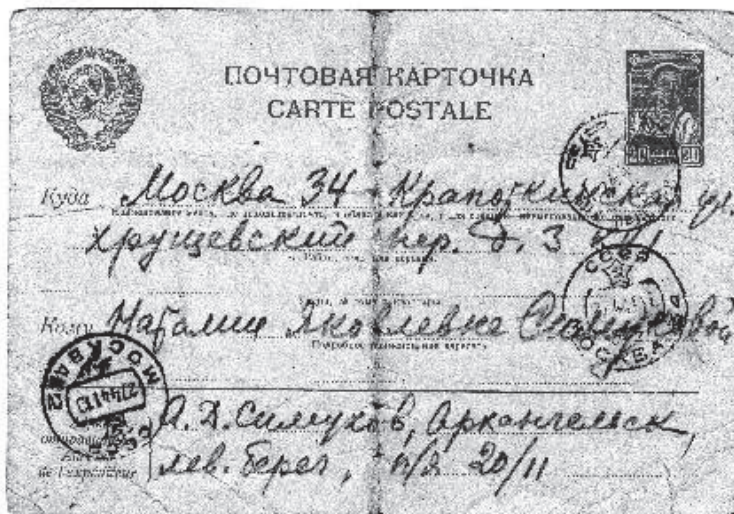
У 6 А.Д.Симуков – Н.Я.Симуковой. 24 апреля 1941.¹⁷⁾

24/IV/41

<Архангельск>

27/IV/41

<Москва>

Мои дорогие родные! Крайне и поцелуй
всем вместе и каждому в особину.
Я жив и здоров, чувствую себя хорошо и
бодро. Несколько дней пробы в Архан-
гельске теперь еду на северный фронт. С
месяца окончатальной оседлости немедленно
но напишу и сообщу свой адрес для ре-
гулярной переписки, сюда в Арк. Ко пи-
сать, г.к. уезжаю сегодня, писал вам из
Новосибирска. В Улан-Удэ получил
перевод (75 руб) 31/7/41 и знаю, что вы мне
некаким через Казань. Очень благодарен за за-
боту и внимание, даже раз крепко целую
всех и жду возможности регулярной переписки
Вам Андрей.

Москва 34 Крапоткинская ул.
Хрущевский пер. д. 3 кв. 1
Наталии Яковлевне Симуковой

Адрес отправителя: А.Д.Симуков, Архангельск, лев. берег, п/я 20/11¹⁸⁾

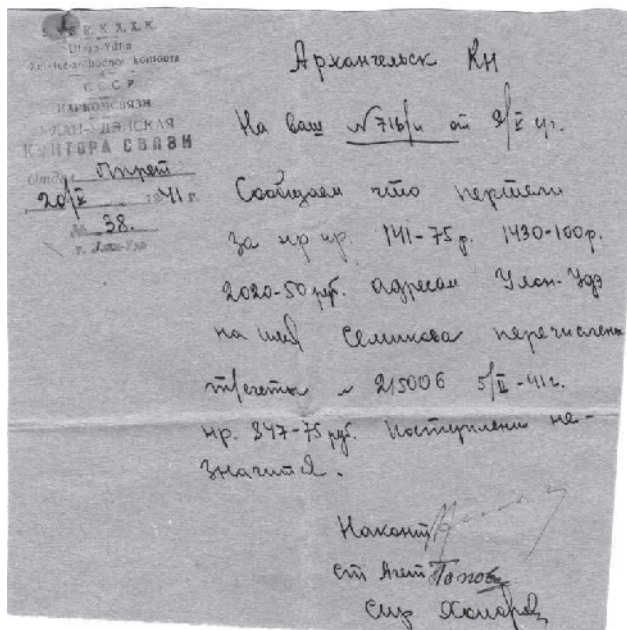
Мои дорогие родные! Привет и поцелуй всем вместе и каждому в особину. Я жив и здоров, чувствую себя хорошо и бодро¹⁹⁾. Несколько дней пробыл в Архангельске, теперь еду на северовосток²⁰⁾. С места окончательной оседлости немедленно напишу и сообщу свой адрес для регулярной переписки²¹⁾. Сюда в Арх<ангельск> не пишите, т.к. уезжаю сегодня. Писал вам из Новосибирска. В Улан-Удэ получил один перевод (75 рб) 31/1/41 и знаю, что вы меня искали через НКВД. Очень благодарен за участие и внимание. Еще раз крепко целую всех и жду возможности регулярной переписки²²⁾. Ваш Андрей.

V 7 Улан-Удэнская контора связи – Архангельской конторе связи. 20 мая 1941.

20/V/41

<Улан-Удэ>

<в Архангельск>

S.S.S.R. K.X.X.K.
Ulan-Ydiin
[Xkisi..e-xolbõonõr] kontoora
C.C.C.P.
НАРКОМСВЯЗИ
Улан-Удэнская
КОНТОРА СВЯЗИ
Отдел. о/прет<ензий>
20/V/41 г.
№ 38
г. Улан-Удэ

Архангельск КН²³⁾
На ваш № 716/п от 9/V/41
Сообщаем что пертели²⁴⁾ за нр. нр. 141–75 р.
1430–100 р. 2020–50 руб. адресом Улан-Удэ на имя
Семикова перечислены т/счета
№ 215006 ²⁵⁾ 5/II/41 г.
нр. 847–75 руб. поступление незначится.

На<чальник> конт<оры> <подпись>
ст. Агент <подпись> /Топов/
Спр <подпись>

V 8 Архангельская контора связи – Н.Я.Симуковой²⁶⁾. 28 мая 1941.

С.С.С.Р. Н.К. Связи Архангельская контора СВЯЗИ	Москва 34 ул. Кропоткина Хрущевский пер 3 кв 1 Симуковой Наталье Яковлевне
Бюро претензий 28/V/41 № 716/п г. Архангельск ул. Виноградова 53, дом Связи	Направляем вам ответ Улан-Уде Конторы связи о перечислении ими ваших переводов на т/счет 2150006 5/II/41
	Исп. на срис.
	Иск. Симукова

С.С.С.Р.	Москва 34 ул. Кропоткина
Н.К. Связи	Хрущевский пер 3 кв 1
Архангельская контора связи	Симуковой Наталье Яковлевне

Бюро претензий 28/V/41 № 716 / п г. Архангельск ул. Виноградова 53, дом Связи	Направляем вам ответ Улан-Уде Конторы связи о перечислении ими ваших переводов на т/счет 2150006 ²⁷⁾ 5/II/41.
---	--

К<конторы> Н<ачальник> <подпись>
Исп<олнитель> <подпись>

Примечания. V. Улан-Батор – Улан-Удэ – Новосибирск
– Архангельск – ? (1939–1941)

1

- 1) Оригинал Заявления (рукопись, карандаш) был послан Н.Я.Симуковой согласно резолюции «Направить адресатам. <Подпись>. 14/I/41» (рукопись, чернила: см. верхний левый угол первой страницы).
- 2) По сообщению Управления КГБ СССР по Читинской области от 21/VI/1990 А.Д.Симуков был арестован в Улан-Баторе Особым отделом НКВД армейской

группы советских войск 19/IX/ 1939 (см. гл. VI, документ № 26). В этот день представитель ГУГБ НКВД СССР в Монголии и куратор армейской группы майор ГБ И.А.Иванов (см. прим. 539 к гл. IV) официально вступил в должность полпреда СССР в МНР.

«Вопреки распространенному мнению о том, что аресты производились по доносам, все шло в обратном порядке: сначала решали арестовать, а уж для осуществления этого набирали доносы и оговоры», выбивая их из других арестованных (Зубчанинов, 1995: 142; см. также прим. 496 -2/IX/37- к гл. IV). Подследственных сутками держали на ногах перед сменяющимися следователями, неделями не давали спать. Выбор пыток, не ограничивался. «И не просто пыток, а таких, о которых не знало, не имело представления не только какое-нибудь паршивенькое средневековье, но и такие мастера, как гестаповские палачи». <...> Часто с допроса «приползали полуживые, с разбитым лицом, искореженными членами. Иногда их приносил конвой и кидал, как ветошь, на пол камеры». (Разгон, 1994: 99–100). Кроме беспредела унижений и физических мучений для особо неговорчивых подследственных применяли (и осуществляли!) угрозы близким, особенно детям. Поэтому и «признавались» в несуществовавших преступлениях, и подписывали сочиненные следователями оговоры.

«Никто не имеет нравственного права в чем-либо обвинять жертвы, а следовательно, и оправдывать палачей» (Разгон, 1994: 103).

Применяли и упрощенную технику занесения «признания» в протокол. Подпись допрашиваемого требовалась в конце каждой страницы протокола. Последнюю страницу заполняли наполовину, брали подпись, затем вписывали «признание». Или «специалисты» просто подделывали подписи подследственных под сочиненным следователем протоколом. (Тепляков, 2015: гл. 2).

- 3) Имеется в виду одиночная камера. Вот – типичная: пять шагов в длину и три поперек. Каменный пол. Зарешеченное окно закрыто поверх решетки плотным деревянным щитом, создающим постоянную полутьму. Железная дверь с откидной форточкой и глазком. Железная, привинченная к стене койка; лежать разрешается только после отбоя. Железный столик и откидная железная табуретка (прислоняться к стене запрещено). В лучшем случае выводят два раза на оправку и 1 раз на прогулку (15 минут) в одиночный прогулочный дворик: та же камера, чуть больше и без крыши. Обычно прогулка вообще не предусмотрена, но можно «гулять» по камере. Заключенный слышит 5–6 слов в день: подъем, оправка, кипяток, прогулка, хлеб, отбой. (Гинзбург, 1989: 130, 133, 185; Разгон, 1994: 404–405). В воркутинской тюрьме в камере того же размера, но с нарами и «парашей» в углу, содержались более двух лет без всяких оправок и прогулок три человека. (Зубчанинов, 1995: 144).
- 4) После ареста А.Д.Симукова органами НКВД СССР все запросы и денежные переводы на его имя семья (жена и мать) посылала только с адреса и от имени матери – Н.Я.Симуковой. Причина: Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 от 15/VIII/37 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины»: «...Жены осужденных изменников родины подлежат заключению в лагеря на сроки, в зависимости от социальной опасности, не менее как 5–8 лет. Социально-опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или

исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима Наркомпросов республик (вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов)». В Москве спецприемник для детей находился в бывшем Даниловом монастыре. Об условиях содержания детей там, а также в лагере см., напр.: *Разгон*, 1994: 255–256. По негласной инструкции многим детям меняли фамилии. Циркуляр НКВД СССР № 106 от 20/V/38 «О детях репрессированных родителей»: «...Вывод детей репрессированных родителей из детских домов (как переростков или за окончанием учебы) без специального указания АХУ НКВД СССР не производить». (ГУЛАГ, 2000: 106–111).

- 5) Заключенным разрешалось получать от ближайших родственников ежемесячно небольшую сумму денег (в 1938 г. – 10 руб., в 1941–75 руб.) и на эти деньги выписывать продукты из тюремного ларька (см. *Гинзбург*, 1989: 135; *Разгон*, 1994: 78).
- 6) Следствие по делу А.Д.Симукова вели в Улан-Баторе сотрудники НКВД СССР. Он обвинялся в шпионаже и участии в контрреволюционной организации, что каралось расстрелом. Применение к подследственным пыток для получения признания в предъявленных обвинениях было санкционировано ЦК ВКП(б) (см. прим. 530 к гл. IV – шифрограмма И.Сталина от 10/I/39) и широко применялось с 1937 г. (см. *Гинзбург*, 1989: 59, 61; *Разгон*, 1994: 99–103; *Зубчанинов*, 1995: 145–148; http://www.e-reading.club/chapter.php/144040/52/Velikanov_Izmena_marshalov.html). Следствие длилось семь месяцев. Где содержался подследственный А.Д.Симуков и какие методы применялись, осталось неизвестным. А.Д.Симуков виновным себя не признал. По окончании следствия дело было передано в ОСО (см. прим. 8). 22/IV/40 А.Д.Симуков этапирован спецконвоем (индивидуальная охрана) в тюрьму г. Улан-Удэ, где находился до конца января 1941 г. (см. гл. VI, документ № 26).
- 7) Имеется в виду голод. Еще во время следствия за отказ от признания вины обычно наказывали, кроме пыток на допросах, карцером: шкафообразное помещение без нар, скамеек и отопления зимой, 200 грамм хлеба и кружка воды в день, миска баланды раз в три дня (*Зубчанинов*, 1995: 145, 149). Пример тюремного рациона (Ярославль, 1937 г.): «Утром – хлеб, кипяток и два кусочка пиленого сахара. В обед – баланда и сухая, без всяких жиров, каша. На ужин – похлебка из какой-то рыбешки, тошнотворно пахнущая рыбьим жиром». (*Гинзбург*, 1989: 133). «Эти четыреста пятьдесят граммов невзошедшего сырого хлеба с болотной влажностью мякиша, наполовину из картофеля... ждате ли чая или навалитесь теперь? оставлять ли на ужин или только на обед? и по сколько? ... этот фунтовый кусок в руке, налитый больше водою, чем зерном». (*Солженицын*, 1991: т. 5, с. 148).
- 8) Особое Совещание при НКВД СССР (ОСО) – создано постановлением ЦИК и СНК СССР 5/XI/34, как внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинению в общественно-опасных преступлениях в отсутствие обвиняемого и адвоката, но в присутствии прокурора, и выносить приговоры к ссылке, высылке, заключению в тюрьму или ИТЛ, а в период войны 1941–1945 г.г. – и к ВМН. В состав ОСО входили: заместители наркома внутренних дел, уполномоченный НКВД по РСФСР, начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции, народный комиссар союзной республики, на территории которой возникло дело. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 17/XI/38 в ОСО разрешалось передавать только дела, которые не могли

рассматриваться гласно по оперативным соображениям. На практике следственные органы направляли в ОСО множество дел с недостаточными доказательствами вины подсудимых. В 1939 г. Прокурор СССР А.Я.Вышинский докладывал в Политбюро о рассмотрении на каждом заседании ОСО от 200 до 300 дел. На заседании

ОСО 10/II/50 были рассмотрены дела 1592 человек (доклад МГБ в ЦК ВКП(б). ОСО упразднено указом Президиума Верховного Совета СССР от 1/IX/53. (ГУЛАГ, 2000: 94, 128, 148); https://ru.wikipedia.org/wiki/Особое_совещание_npu_НКВД_СССР).

2

- 9) Имеется в виду Управление Кулойского ИТЛ и колоний УНКВД по Архангельской обл. (центр в г. Архангельске, п/я 236) ; производство – лесозаготовки, обслуживание Архангельского порта в навигацию 1941 г.; численность: на 1/I/41–13099, на 1/VI/41–16255 (Система ИТЛ в СССР / <http://memo.ru/history/nkvd/gulag/>).

3

- 10) См. документ №2 и прим. ⁹.
- 11) Письмо не дошло до А.Д.Симукова; ответы на вопросы Н.Я.Симуковой о нуждах заключенного, условиях жизни и работы в ИТЛ можно найти в *Приложении V-4*.
- 12) В соответствии с временной инструкцией о режиме содержания заключенных в ИТЛ НКВД СССР от 2/VIII/39 (<http://www.litmir.co/br/?b=187913&p=144>) заключенным с 58-ой статьей в приговоре разрешалась переписка и посылки один раз в два или три месяца, свидание – один раз в шесть месяцев, только с разрешения начальника ГУЛАГа.
- 13) С 1934 г. Н.Я.Симукова работала библиотекарем, затем главным библиотекарем Научной библиотеки им. Горького при МГУ (личный листок по учету кадров б-ки от 4/X/1949 – архив семьи А.Д.Симукова).

4

- 14) После вынесения приговора 4/I/41 (см. гл. VI, документ № 26) А.Д.Симуков в начале февраля 1941 г. был этапирован из Улан-Удэ в пересыльную тюрьму Новосибирска. «Самое отвратительное и опасное, что есть в лагере – этапы» (*Разгон*, 1994: 213). По железной дороге заключенных перевозили в оборудованных под тюрьму товарных или купированных вагонах. Товарный: к стенам прибиты нары в два или три этажа, маленькие окна зарешечены, в полу – выводная труба или просто дыра вместо параша, печки обычно не полагалось. В такой вагон втискивали от 70 до 250 человек. Наглухо задраенную дверь (дышать почти нечем) открывали трижды в сутки: два раза для пересчета з/к, один – для выдачи пайки (ломоть хлеба, селедка или сухая вобла или баланда из селедочных хвостов). Выдачу воды (сырой) ограничивали, вплоть до одной кружки в день. Во время движения поезда разрешалось разговаривать. На остановках требовали абсолютной тишины. На вагонах надписи: «Спецоборудование» или что-то похожее. (*Гинзбург*, 1989: 185, 188, 201; *Бегин*, 1991: 31; *Разгон*, 1994: 300–301). В купированном вагон-заке (5 купе для арестантов, 4 – для охраны) купе отделены

от коридора решеткой до потолка, маленькое окно на противоположной стене сверху зарешечено, вторые полки соединены в нары. По инструкции в купе должны поместить 11 человек, на практике – вдвое, а то и втрое больше (последних охрана запикивала ногами).

«Осенью 1946 г. Н.В.Тимофеев-Ресовский <генетик, о нем см. *Шноль*, 2001: 205–236> ехал из Петропавловска <казахстанского> в Москву в купе, где было 36 человек! Несколько суток он висел в купе между людьми, ногами не касаясь пола. Потом стали умирать – их вынимали из-под ног (правда, не сразу, на вторые сутки) – и так посвободнело. Все путешествие до Москвы продолжалось у него три недели» (*Солженицын*, 1991: 350). Арестантские поезда начала 1941 года двигались медленно, простаивали часами и даже сутками, пропуская на запад эшелоны с войсками и боевой техникой (*Бегин*, 1991: 30; см. также: <http://www.rulit.me/books/tri-plana-tovarishcha-stalina-read-87855-1.html>).

Погрузку и выгрузку из вагонов проводили обычно на запасных путях или на полустанках (подальше от людских глаз). «Процедура <...> обязательная при любом этапе: выходящих из вагона или «воронка», слезающих с грузовиков, сходящих с палубы баржи обязательно сразу же, невзирая на любую погоду, на снег, грязь, дождь, заставляют сесть или же встать на колени, чтобы потом, когда выйдут все, когда вокруг построится конвой с овчарками, заставить встать, построиться по четыре, устроить переключку, заставить выслушать конвойную «молитву»: «... шаг вправо, шаг влево, конвой стреляет без предупреждения» - и лишь после этого двинуться этапной колонной» (*Разгон*, 1994: 216) – к пересылке, в лагерь, или в никуда...

«Редкий ээк не побывал на трех-пяти пересылках ... Перепутываются они в памяти всем своим схожим: неграмотным конвоем; непутевым выкликиванием по делам; долгим ожиданием на припеке или под осеннею морозгою; еще дольшим *шмоном* с раздеванием; нечистоплотной стрижкой; холодными скользкими банями; зловонными уборными; затхлыми коридорами; всегда тесными, душными, почти всегда темными и сырыми камерами; теплотой человеческого мяса с двух сторон от тебя на полу или на нарах; ... сырым, почти жидким хлебом; баландой, сваренной как бы из силоса» (*Солженицын*, 1991: 374). «... пересылка... Это липкая грязь, оставшаяся от прошедших этапов; вши и клопы; часовые очереди в бане, где дают шайку воды, которой можно только размазать грязь на теле; прожарка, в которой ... сторал мех и плавилась пуговицы, но выживали насекомые... И неутолимый голод, потому что в пересылке почти легально можно не кормить арестантов; грабеж услуги, звериная ярость охраны... В пересылке всегда «чужие». Сегодня пришли, завтра уйдут и никогда больше здесь не появятся. Это порождает к этапникам чувство абсолютной безответственности. С ними можно делать все. И с ними делали все» (*Разгон*, 1994: 354). Ни передач, ни переводов, ни ларька на пересылках нет. Одна пайка. (*Гинзбург*, 1989: 122). Пересылки переполнены. Зимой 1937–1938 года на Ивановской пересылке «в 21-й камере вместо положенных двадцати человек сидело *триста двадцать три!* Под нарами стояла вода, и настелены были доски по воде. На этих досках и лежали. <...> В камере двадцатикратное переполнение, а параша нет, а на оправку водят в сутки раз!». (*Солженицын*, 1991: 375, 379). Скученность. Орды насекомых. Уголовники. «И вот так по неделе терпнешь и по месяцу». (*Солженицын*, 1991: 376).

- 15) По сообщению КГБ от 21/VI/90 «Особым Совещанием НКВД <см. прим. 8> 4 января 1941 года якобы за участие в антисоветской организации Симуков по ст. 58 п. 10, 58 п. 11 УК РСФСР (обвинение по ст. 58 п. 1 «а» <шпионаж, измена родине> исключено) был осужден на 8 лет лишения свободы, с заключением в исправительно-трудовой лагерь» (см. гл. VI, документ № 26). Текст статьи 58 УК РСФСР см. <http://asher.ru/library/other/repris/58> ; об истоках статьи 58 УК РСФСР см. *Иванова*, 2006: 69–73.
- 16) Имеются в виду места заключения, в которых лишение свободы сопровождалось принудительным трудом. Термин «концентрационный лагерь» в СССР впервые встречается в приказе ВЧК о «красном терроре» (2/IX/1918): «... в присутствии Наркома юстиции и представителя Президиума ВЦИК постановлено: 1) Арестовать всех видных меньшевиков и правых эсэров и заключить в тюрьму. 2) Арестовать, как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать». Приказ подтвержден постановлением СНК РСФСР о «красном терроре» (5/IX/1918): «... необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». Порядок организации концлагерей изложен в постановлении ВЦИК о лагерях принудительных работ (15/IV/1919). Один из первых «лагерей особого назначения» был организован в 1920 г. на базе Соловецкого монастыря (СЛОИ) для «изоляции членов контрреволюционных партий всех окрасок: белогвардейцев, реакционного духовенства и т.п.». В середине 20-х годов заключенные СЛОИ работали на лесозаготовках, рыбных промыслах и в сельском хозяйстве. Годом «великого перелома» (1929) началась новая пятилетка под лозунгами «индустриализации всей страны, сплошной коллективизации и ликвидации кулачества, как класса». Для индустриализации нужны рабочая сила, природные и промышленные ресурсы. 13/V/29 Политбюро ЦК ВКП(б) приняло секретное постановление «... перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет» (ГУЛАГ, 2000: 14–16, 296–297; *Моруков*, 2006: 10; *Борозинец*, 2009: 12). Принудительный труд был дешев. «Стоимость труда заключенного, включающая расходы на одежду, охрану, жилье и премиальное вознаграждение от 15 до 70 коп. в день, не превышала 5 руб. в день, тогда как вольнонаемный рабочий зарабатывал в день по курсу 1938–1940 г.г. около 10 руб». Кроме того «заключенный при 10-часовом рабочем дне за год проводил на <...> производстве на 880 часов или на 40 % времени больше, чем вольнонаемный» (*Кустышев*, 2010: 31).

Постановлением СНК СССР (11/VII/29) «на ОГПУ возложена задача развития хозяйственной жизни наименее доступных, наиболее трудно осваиваемых и вместе с тем обладающих огромными богатствами окраин нашего Союза, путем использования труда изолируемых социально-опасных элементов, колонизации ими малонаселенных мест». С начала 30-х годов по всей территории СССР, от островов Северного Ледовитого океана и материкового Заполярья до Средней Азии, от Дальнего Востока и Сибири до Карелии создаются многие десятки лагерных систем и труд- и спецпоселений, где практически бесплатным трудом

миллионов заключенных и спецпоселенцев («раскулаченных» крестьян и высланных по «национальному признаку» или как «СОЭ» - см. *Полян*, 2001: 47, 53–94) осваиваются природные богатства, особенно в труднодоступных районах (разведка и добыча угля, нефти, газа, железной руды, руд цветных, редкоземельных и драгоценных металлов, леса и пр.), строятся каналы, железные и автомобильные дороги, аэродромы, морские порты, тоннели, мосты, шахты, нефтепроводы, заводы, города и т.д. В 1930 г. в ОГПУ организовано Управление лагерями и трудпоселениями, с 1931 г. – Главное управление лагерями и спецпоселениями (ГУЛАГ). В 1934 г. в ГУЛАГ НКВД СССР передаются все места заключения страны. С годами производственная деятельность ГУЛАГа охватила 17 отраслей промышленности, сельское хозяйство, строительство крупнейших индустриальных центров. 26/II/41 – организованы самостоятельные промышленные главки НКВД – Главные Управления Лагерями: железнодорожного строительства, гидротехнического строительства, горно-металлургической, топливной, лесной промышленности, по строительству Дальнего Севера (Дальстрой), шоссежных дорог и др. (ГУЛАГ, 2000: 335–341; *Иванова*, 2006; <http://memo.ru/history/nkvd/gulag/>; *Борозинец*, 2009: 12; *Моруков*, 2006: 10).

Карта-схема дислокации в СССР крупных лагерных систем и районов для спец- и трудпоселений (см. *Полян*, 2001) дана в *Приложении V-1*.

6

- 17) Датируется по почтовому штемпелю: «Арх пристань 24 4 41» (Архпристань – лесоперевалочная база треста Северлес (<http://dojkov.livejournal.com/249691.html>).
- 18) Адрес одного из пересыльных лагерей Архангельска. В 1930-х годах в Архангельской области сложилась ГУЛАГовская система, в которую помимо экспедиции ОГПУ на о. Вайгач (свинцовые и цинковые руды), лагерей на Соловках, Новой земле, Земле Франца Иосифа и т.д. входили: Каргопольлаг, Кулойлаг, Онеглаг, Ягринлаг, Котласлаг, Архбумлаг, Севдвинлаг, Строительство 510» (*Дойков*, 2010: 40; *Иванова*, 2006: 167).
- 19) Судя по несколько изменившемуся почерку А.Д.Симукова, тяготы почти трехмесячного этапа не прошли для него даром. Прямого ж/д сообщения между Новосибирском и Архангельском весной 1941 г. не было. Круглой путь через Ярославль и Вологду маловероятен. Обычно арестантские этапы везли в пересыльный лагерь в Котласе, откуда открывались пути на весь северо-восток. Над парадными воротами Центральной Котласской пересылки в сентябре 1938 г. висел огромный плакат: «Смерть врагам народа!» и портрет наркома внутренних дел СССР Н.И.Ежова (*Разгон*, 1994: 313). «Это был просто участок земли, разделенный заборами на клетки, и клетки все заперты. <...> в 1938 далеко не все помещались в хлипких одноэтажных бараках из горбылька, крытых ... брезентом. <...> бывало там 20 тысяч человек одновременно. <...> Позже в этих клетках разбивали палатки, в иных возводили срубы в два этажа <...> междуэтажного перекрытия не клали, а сразу громоздили шестиэтажные нары с вертикальными стремянками по бортам. <...> Рассказывают, что на Котласской пересылке в 40-м году уголовники в очереди у ларька вырывали деньги из рук политических, и те стали бить их так, что остановить не удалось, и тогда на защиту блатных вошла в зону охрана с пулеметами ...» (*Солженицын*, 1991: 377, 382). Весной 1941 г.

Котлас – средоточие транзитных баз северных лагерей, площадь которых (от Сев. Двины и Вычегды до Урала) равна площади Франции. Подъездные пути, пакгаузы, пересыльные пункты, радиостанции, кладбища... Тысячи заключенных заняты переработкой грузов, необходимых для угольной, нефтяной, асфальтовой, радиевой, гелиевой и лесной промышленности, для железнодорожного, автодорожного и мостового строительства, судостроения (см. *Розанов*, 1951: гл. 21). Проблема в доставке грузов. Навигация на северных реках короткая. По железной дороге от Котласа до Кожвы «открыто рабочее движение» в декабре 1940 г., т.е. «сшита она на живую нитку» и непрерывно ремонтируется. (*Бегин*, 1991: 32; *Моруков*, 2011). «Едешь, словно в санях по ухабам. Шпалы с рельсами то погружаются под нами, то выплывают наружу. Насыпь делали зимой, из мерзлого грунта. Солнышко пригрело и превратило её в кисель. <...> Раза три в пути отдельные вагоны сходили с рельсов. Пускались в ход домкраты, и через полтора-два часа поезд ковылял дальше» (*Розанов*, 1951: гл. 21).

Из Котласа в Архангельск этапы перевозили на баржах по Северной Двине (около 500 км). Кроме осужденных по ст. 58 и иным статьям в 30-е годы везли «раскулаченных» в открытых баржах, навалом, иногда прикрывали брезентом. В начале 40-х годов – «освобожденных» западных украинцев и западных белорусов. «Арестанты в трюме стояли вплотную – и это не одни сутки» (*Солженицын*, 1991: 402). Северная Двина, Вычегда, 1938 год: «В трюме нас было набито человек четырехста или пятьсот. Негде было присесть, спать ложились по очереди. Нар в трюме не было, мы просто сидели и лежали на грязном и сыром полу. <...> Кормили нас почему-то только селедкой. Мы её ели с кожей, чешуей, потрохами, головой, хвостом, костями. <...> Сырую забортную воду давали только два раза в день по одной кружке. К люку, ведущему на палубу, днем и ночью стояла длинная очередь. <...> Наверху, на мокрой палубе, вусмерть пьяные конвоиры плясали и истошно кричали песни. Время от времени они открывали люк и провожали пинками очередной десяток арестантов, спешивших пробраться к маленькому дощатому сортиру на корме» (*Разгон*, 1994: 331).

- 20) К северо-востоку от Архангельска расположены приполярные территории Архангельской области, совр. Коми АССР и Ненецкого автономного округа (НАО). Карта-схема края приведена в *Приложении V-2*. Это – тайга, тундра, много рек и болот; отроги Приполярного Урала и Тиманский хребет. В северной части края – зона вечной мерзлоты. Климат субарктический. Средние температуры: годовая -5.3°C , летняя $+10^{\circ}\text{C}$, зимняя -30°C . Зимний минимум -60°C , летний максимум до $+30^{\circ}\text{C}$. Лето около 2-х месяцев, остальное – зима. Снежный покров держится в среднем 232 дня. Сильные ветры, зимой – пурга и снежные заносы. Минимальная продолжительность светового дня (21 декабря) в Ухте – 4 ч. 30 м., в Кожве – 3 ч. 30 м.; в Воркуте – полярная ночь 17/XII – 27/XII, полярный день 30/V – 14/VII. Население – коми (зыряне), на севере – ненцы; основное занятие (до 1929 г.) – охотничий промысел. Плотность населения до 1929 г. менее 1 чел/кв.км. Основные пути сообщения – реки (навигация – около двух месяцев в году). Центральная и южная часть края богата лесом. Геологические исследования XIX в. и начала XX в. выявили наличие полезных ископаемых (нефть, уголь, позднее – газ, ценные металлические руды и др. Первый нефтепромысел на р.Ухте (1898) прекратил работу в 1917 г.

(См. <http://www.info83.ru/nao-about/razvedka-dobicha-nefti>; <http://atlas.ukhta-lib.ru/русское-товарищество-нефть>; <http://atlas.ukhta-lib.ru/предисловие>; <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/58384>; https://ru.wikipedia.org/wiki/Крузенштерн,_Павел_Иванович; <http://www.adminta.ru/index.php/web-cam/114-2009-03-31-09-33-53>; <http://dateandtime.info/ru/citysunrisesunset.php?id=1486910>; <http://dateandtime.info/ru/citysunrisesunset.php?id=543246>; *Моруков*, 2011)

4/III/1920 г. при ВСНХ РСФСР была создана Северная научно-промысловая экспедиция (с 1925 г. – Институт по изучению Севера, с 1930 г. – Всесоюзный арктический институт, 1938–1939 – Арктический НИИ) для координации всех научно-исследовательских работ в Арктике. Начальником Севэкспедиции назначен Р.Л.Самойлович, в её ученый совет вошли известные ученые, в том числе А. Е.Ферсман и Ю.М.Шокальский. (<http://www.polaruni.ru/istoriya-polyarnyh-issledovaniy/osnovnye-sobytiya/osnovnye-sobytiya/>).

В 1921–1924 г.г. геологические отряды Севэкспедиции под руководством А.А.Чернова (1877–1963), в прошлом – участника Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К.Козлова – исследовали Печорский регион и Приполярный Урал. На правых притоках р. Печоры были обнаружены промышленные запасы каменного угля. А.А.Чернов впервые выделил Печорский угольный бассейн. Геологические обоснования и прогнозы А.А.Чернова сделали возможным открытие Тимано-Печорской нефте-газовой провинции, промышленное освоение Ухтинской нефти, открытие ряда месторождений золота, алмазов, железных и марганцевых руд, флюоритов, фосфоритов и др.

(<http://www.moip.msu.ru/?p=4137>; http://www.pomninas.ru/catalog/articles/--0/chernov_aleksandr).

Постановлением СНК СССР от 11/VII/29 (см. прим.16) именно этот регион (нефть, уголь) намечен для хозяйственного освоения «силами ОГПУ» в первую очередь.

Сведения об организации и характере работ ИТЛ на территории Коми края, куда этапировали А.Д.Симукова, даны в *Приложении V-3*.

- 21) В соответствии с временной инструкцией о режиме содержания заключенных в ИТЛ НКВД СССР от 2/VIII/39 (<http://www.litmir.co/br/?b=187913&p=144>) и статьями приговора (см. прим. 15) А.Д.Симукову разрешалась переписка один раз в два месяца.
- 22) Это письмо – последнее.

Представление о вероятном дальнейшем пути А.Д.Симукова могут дать свидетельства немногих, переживших этапы и лагеря Крайнего Севера, некоторые официальные документы и работы историков, получивших доступ к частично открытым в 90-х годах архивам (см. *Приложение V-4*).

7

- 23) КН (*здесь*) – начальник конторы связи
- 24) П е р т е л и – возможно, это самодельное сокращение слов «переводы телеграфные»; далее указаны номера (нр) переводов и переводимые суммы.
- 25) Какой ячейке репрессивной системы принадлежал указанный счет, установить не удалось.

26) Месяцами Н.Я.Симукова писала в многочисленные инстанции, пытаясь узнать, куда девались денежные переводы, посланные А.Д.Симукову, надеясь добиться передачи их заключенному сыну и выяснить его местонахождение. Извещение из Архангельска, полученное 31/V/41, вселило слабую надежду найти адресата через финансовый отдел по указанному номеру счета. М.А.Симукова решила отправиться на Север разыскивать мужа и просила Наталью Яковлевну на это время взять Наташу на свое попечение. Отказ свекрови спас Миле жизнь.

Через три недели (22/VI/41) началась Великая Отечественная война. С началом войны заключенным ИТЛ переписка была запрещена (*Разгон*, 1994: 26); запрет отменен в 1942 году.

27) Так в тексте.

Глава VI
Война. Поиск в ГУЛАГе.
Реабилитация.
(1941–1990)

VI Война. Поиск в ГУЛАГе. Реабилитация.

Поиск правды. (1941–1990). Список документов.

VI 1	<i>Н.Я.Симукова – М.А.Симуковой. 22 октября 1941.</i>	391
VI 2	<i>О.Я.Пейкер . Дневниковые записи. Октябрь – ноябрь 1941.</i>	392
VI 3	<i>Нарком финансов СССР – Зав. Куйбышевским ОБЛФО. 28 февраля 1942.</i>	395
VI 4	<i>Н.Я.Симукова – начальнику Воркутлага (для Симукова А.Д.) 13 марта 1942.</i>	396
VI 5	<i>Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 26 апреля 1942.</i>	397
VI 6	<i>О.У.Р.З. Печорлага – Н.Я.Симуковой. 18 мая 1942.</i>	398
VI 7	<i>Н.Я.Симукова. Фрагмент письма-заявления <адресат не установлен>. <Не ранее 1944>.</i>	398
VI 8	<i>Н.А.Симукова – А.Д.Симукову. 4 июля 1942.</i>	399
VI 9	<i>ОУРЗ Печорлага – в ОАГС Коми АССР. 12 августа 1942.</i>	400
VI 10	<i>п/о Печора п/я № 274 – Н.Я.Симуковой. 8 июля 1948.</i>	401
VI 11	<i>ОАГС УМВД ЛО – Начальнику ОАГС УМВД г. Москвы. 25 сентября 1948.</i>	402
VI 12	<i>Генеральному прокурору Союза ССР тов. Руденко Р.А. 16 декабря 1954.</i>	404
VI 13	<i>Главная Военная Прокуратура Союза ССР – Н.Я.Симуковой. 1 сентября 1955.</i>	407
VI 14	<i>Н.Я.Симукова – пом. Военного прокурора Забайкальского военного округа тов. Обухову. Май 1956.</i>	407
VI 15	<i>Е.В.Козлова, С.А.Кондратьев, Н.П.Шастина – Пом. Прокурора ЗабВО тов. Обухову. Май 1956.</i>	408
VI 16	<i>Из книги академика В.А.Обручева. Май 1956.</i>	409
VI 17	<i>Работы А.Д.Симукова, не вошедшие в обзор литературы в книге «Восточная Монголия» В.А.Обручева. Май 1956.</i>	413
VI 18	<i>Главному Военному Прокурору. 3 июля 1956.</i>	414
VI 19	<i>М.А.Симукова – помощнику Военного Прокурора Забайкальского военного округа майору юстиции тов. Обухову. Июль 1956.</i>	416
VI 20	<i>Зам. Военного Прокурора ЗабВО – М.А.Симуковой. 29 ноября 1956.</i>	419
VI 21	<i>Справка о реабилитации А.Д.Симукова. 17 декабря 1956.</i>	419
VI 22	<i>М.А.Симукова – Военный трибунал ЗабВО. 15 января 1957.</i>	420
VI 23	<i>Военный трибунал ЗабВО – М.А.Симуковой. 22 января 1957.</i>	420
VI 24	<i>Свидетельство о смерти А.Д.Симукова. 28 февраля 1957.</i>	421

VI 25	<i>Москва, Кузнецкий мост 24. Конец 80-х.</i>	422
VI 26	<i>УКГБ СССР по Читинской обл. – А.М.Решетову. 21 июня 1990.</i>	424
VI 27	<i>Архив УИД МВД Коми АССР – А.М.Решетову. 6 августа 1990.</i>	425

VI 1 Н.Я.Симукова – М.А.Симуковой. 22 октября 1941.

22/X/41

<Москва>

<в Казань¹⁾>

Дорогая Миля, 19-го октября я послала тебе 50 рбл. почтой, как ты просила на дрова. <...> Некоторое время тому назад я вложила в посылку Торнижевским²⁾ ½ кило сахару для Наташи, не знаю, дошла ли посылка или нет. Теперь все дороги, в особенности Казанская все время подвергается бомбардировке. Я осталась сейчас круглой сиротой. Леша³⁾ и Аля⁴⁾ тоже уехали. Лешу эвакуировали с его организацией⁵⁾, а Аля в последний момент присоединилась к нему. Они уехали, думаю, 17-го или 18-го. Леша погрузился 16-го⁶⁾. Он едет в Ташкент, чему я очень рада, а Аля хочет продраться в Златоуст к жене брата Анатолия Петровича⁷⁾ Наталье Степановне Тростниковой. Она врач и работает там.

Леша несколько раз предлагал мне, даже настаивал, чтобы я уехала из Москвы, но нас двух⁸⁾ везти – слишком громоздко, да у меня нет никакого желания уехать из Москвы. Сейчас всюду переполнено, нет квартир, плохо с едой, а в Москве пока что жить можно.

У меня на работе⁹⁾ было довольно все неопределенно, но вчера <21/X> уволили всех в связи с эвакуацией, и я теперь без работы, но хожу туда, заканчиваю свою работу¹⁰⁾. У нас что ни день, то новое решение. В воскресенье <19/X> был митинг, где было постановлено всем приходиться на работу, а во вторник <21/X> всех уволили. Директор университета еще на прошлой неделе самовольно улетел, наша директриса и еще несколько человек из верхушки внезапно уехали¹¹⁾. Университет эвакуируется; первые партии уже уехали, а теперь подбирают оставшихся. Сегодня должны были отправиться пешком, конечно, кто помоложе, а кто постарше – будут ждать очереди на эшелон.

До сих пор не было особенно сильной бомбардировки¹²⁾, но со вчерашнего дня – и днем, и ночью, хотя с перерывами. Дом наш пустеет, и становится жутковато. Я очень скучаю без Лешы и Али. Когда мы увидимся? Увидимся ли вообще?! Осталась совершенно одна. У меня есть маленькая надежда, что объявится Андрей. Вообще, жизнь сейчас полна всяких неожиданностей.

Как Наташа? Я получила все её письма, большое спасибо ей за её терпение писать так много. У нас школы, высшие учебные заведения закрыты. Учреждения почти все эвакуируются. Думайте о нас, вспоминайте нас, оставшихся в Москве¹³⁾. <...>

Передай сердечный привет Вере Ивановне¹⁴⁾. Надеюсь, она получила мое письмо. Привет мальчишкам¹⁵⁾ и Ивановым¹⁶⁾.

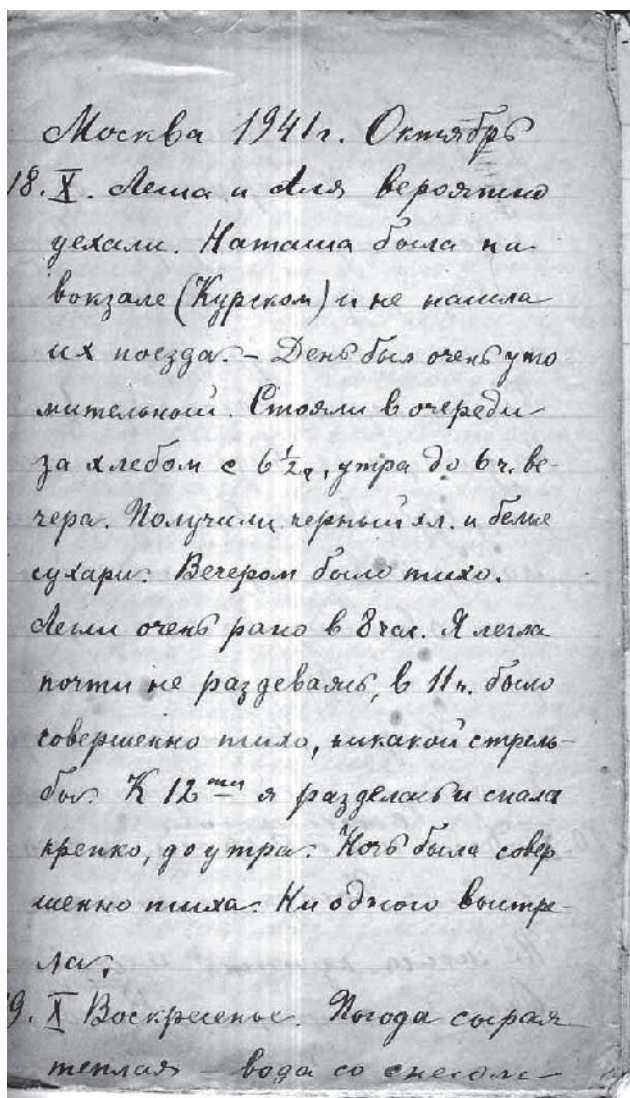
Поцелуй покрепче Наташечку; Аля получила её письмо. Анатолий Петрович комиссар санитарного поезда. Он все время подвергается опасности.

Целую тебя, пиши, утешай меня.

Всего, всего лучшего. Привет от Ольги Яковлевны¹⁷⁾.

Н.Симукова. 22/X/41 г.

VI 2 О.Я.Пейкер¹⁸⁾. Дневниковые записи. Октябрь – ноябрь 1941.

- Москва 1941 г. Октябрь.
- 18/X. Леша и Аля вероятно уехали. Наташа¹⁹⁾ была на вокзале (Курском) и не нашла их поезда. День был очень утомительный. Стояли в очереди за хлебом с 6½ утра до 6 ч. вечера. Получили черный хлеб и белые сухари. <...> Ночь была совершенно тиха. Ни одного выстрела.
- 19/X. Воскресенье. Погода сырая и теплая – вода со снегом. Утром в 9 ч. вышла что-нибудь купить. По карточкам около лавок жуткая очередь. Многие лавки закрыты. Могла купить только сметану по карточкам. Рынок пуст. Молоко 5 р. ½ литра. На улицах не видно милиционеров, езда автомобилей уменьшилась; но все еще есть желающие эвакуироваться. Цены растут. День прошел бесцветно. Я одна. Наташа приводит в порядок Лешину комнату.
- 20/X. День и в особенности ночь прошли спокойно. Погода ненастная. Не могла купить ничего. Очереди жуткие. Выходила два раза. <...>
В Москве назначен новый комендант, объявлено осадное положение, но все еще уезжают, уезжают. Враг окружает Москву.
- 21/X. Когда я возвращалась из бани в 11-ом часу утра, была зенитная стрельба. Часом-двумя позже была сброшена фугасная бомба. Не знаю, где упала. Стрельба продолжалась с короткими перерывами. Государственным Комитетом Оборона назначен т. Жуков – командующим Западным фронтом, т. Артемьев – начальником гарнизона г. Москвы, и на него возложена оборона Москвы на её подступах (Известия 21/X/41). Комендантом города и в пригородных районах назначен т. Синилов (тоже Известия).
На рынке цена мяса дошла до 60 рублей <за килограмм>. Молоко меняют на хлеб. 1 буханка – 1 литр молока. Среди населения настроение напряженное, это очень чувствуется в очередях. Как-то проведем ночь! Через Крымский мост пешеходов не пускают почему-то, а перевозят на грузовиках.
- 1/XI. Десять дней не записывала, были сильные налеты. Сброшены очень тяжелые бомбы и в непосредственной близости от нас²⁰⁾, как например Военная поликлиника и музей Толстого²¹⁾. Было так (29-го Окт.) приблизительно 10 ч. вечера. Только что тревога кончилась Был отбой. Я стояла в своей комнате у постели. Неожиданно раздался сухой удар страшной силы. Это была бомба, упавшая во дворе на маленький дом в военной поликлинике.
28-го и 29-го были очень сильные и продолжительные налеты.
На дом ЦК партии сброшена бомба очень большого калибра, она произвела большое разрушение. Упал снаряд и в университет, все стекла, окна вылетели из Манежа, крыша попорчена. Сегодня Наташа была на своей службе²²⁾ и помогала убирать. Этот день 29-ое был очень беспокойный. Целый день бахали.
Сегодня же уже третий день тихо. Я спала раздетая два дня, надеюсь, что и сегодня ночь пройдет спокойно. Погода продолжает быть несносной: дождь, слякоть. С сегодня мы обе на карточке 3-ей категории. Сахар отсутствует, хлеба по 400 гр. За всем другим надо охотиться.

Харьков отдан; теперь сильно осаждается Ростов. Сталино-Юзовка занята врагом. Враг местами в 60-ти км от Москвы. В продолжение 10-ти дней, в которые пропущена запись, были тоже два дня совершенно спокойные – Воскресенье 26 и 27/X.

Рынок работает. Ходим почти каждый день туда. Стараемся, чтобы еды хватило на 3–5 дней сильных налетов-нападений. Картофеля дома около пуда; три или 4 кило моркови, кило свеклы; есть лук, капуста. Стараемся пробавляться на покупном. Сухой товар приберегаем на более строгие дни.

4/XI. 31/X, 1/XI и 2/XI было совершенно спокойно. Мы спали раздетые. С 3-го на 4-ое спали почти одетые, были три тревоги, но бомбили немного. В нашем «убежище»²³⁾ был салон. В городе тревожно. Очереди нервны. По карточкам дают <продукты> только рабочим и детям. Сегодня, хотя, я получила вместо 100 гр. сахара 100 гр. конфет. Наташа принесла 2 кило картофеля и 5 литров мазута. Считаем день продуктивным. Ели борщ с ячневой кашей и морковь в заправке. <...> Получили письма из Рыбинска²⁴⁾, Буя и Казани²⁵⁾.

Вчера днем Ольга Петровна сказала, что против Мансуровского <пер.> дают конфеты. Слышалась стрельба. Я обождала немного и пошла. Вдруг зенитка усилилась, и в Лопухинском пер. у дома Цветкова я заметила: люди спешат, наконец бегут. Тут я расслышала сирену тревоги и повернула оглобли. Очень было неприятно вдруг сделаться случайной жертвой, но т.к. это было недалеко от дома, я вошла в наш двор, когда сирена кончилась. На обед не было второго. Я все заготовила и вышла из комнаты под лестницу. Наташи не было дома, она в Университете. В затишье я вскипятила, что нужно, и к отбою <воздушной тревоги> и приходу Н. обед был готов. Сейчас около 8 ч. вечера, и все спокойно.

8.XI. Ждали наступления 5-го – 7-го включительно. Но было спокойно. 2 последние ночи спали раздетые.

Рыночные цены растут, за молоко – 7 руб.; картофель – 5 руб.; мясо – 50 руб.; свинина – 70 руб. Занимаюсь своим маленьким делом и не замечаю, как проходит время. В Лешину комнату вселяют жильцов. Переселяют из районов близких к вокзалу или мосту.

Сегодня выпал снег, но днем таяло, было очень скользко. Леша и Аля прибыли в Ташкент. Телеграмма от 5/XI.

11/XI. 9 ноября была три раза тревога: утром, днем и вечером. Стрельба была довольно сильная, но куда падали бомбы, не знаю. Вообще стрельба не такая интенсивная, как в первое время. Юг весь взят. Теперь берут Крым. Наступают морозы. Картофель по карточкам 4 кило <в месяц> на человека III категории <карточек>. Вчерашняя ночь была совершенно спокойна. Спали нормально. <...>

Газеты читать не могу. Бессильная руготня, а толку нет. Вспоминается Крылов: Кот Васька слушает, да ест. Будут, кажется, и Москву брать измором, как Ленинград. Не весело переживать второй голод²⁶⁾ или умереть от голода. На рынке появляются яйца 30 руб. десяток, сметана – 40 руб. кило. В городе довольно пусто, только около продовольственных лавок большие очереди.

Литвинов назначен послом в С.Ш.А. и заместителем НКИндел.

**VI 3 Нарком финансов СССР – Зав. Куйбышевским ОБЛФО.
28 февраля 1942.**

Копия.

Т Е Л Е Г Р А М М А

МОСКВЫ 6171 22 28 1918 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КУЙБЫШЕВ
ОБЛ ОБЛФО ГРИБАНОВУ

ОТКОМАНДИРУЙТЕ РАБОТУ МОСКВУ ФОМИНУ ГУРЬЯНОВУ РЯБКИНУ
БЕНЬКОВИЧ СИМУКОВУ ВУРОВУ ВАСИЛЬЕВУ ПОПОВУ ТЧК ОБЕСПЕЧЬТЕ
СРОЧНЫЙ ВЪЕЗД

СОБЗНАРКОМФИН ЗВЕРЕВ

В е р н о :

Зав. Канцелярией Куйбышевск.

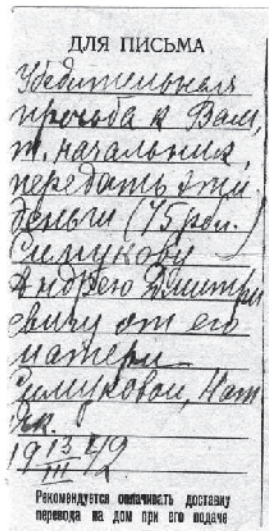
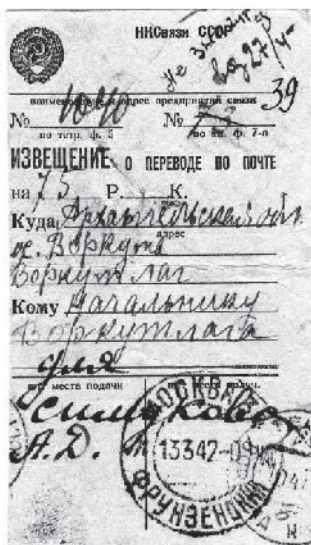
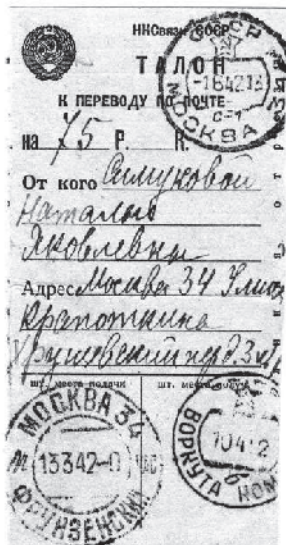
/Комарова/

28.П.42г.

VI 4 Н.Я.Симукова – начальнику Воркутлага²⁷⁾ (для Симукова А.Д.) 13 марта 1942.

Москва

в Воркуту

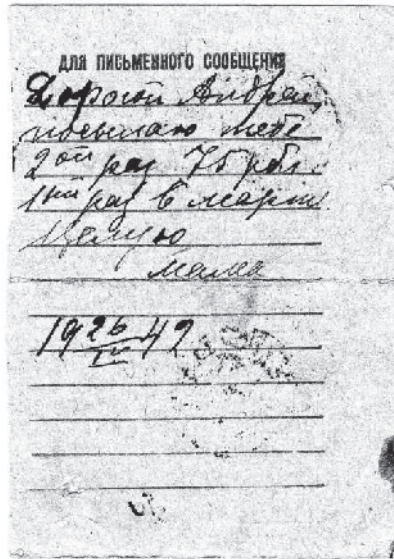

НКСвязи СССР	НКСвязи СССР	Для письма
Талон	наименование и адрес	
к переводу по почте	предприятий связи	
на 75 р. к.	№ 1040 № 73<зачерк.>39	Убедительная просьба к
От кого: Симуковой	по тетр. ф. 5 по кн. ф. 7-а	Вам, т. начальник, передать
Наталии Яковлевны	ИЗВЕЩЕНИЕ о переводе	эти деньги (75 рб.)
Адрес: Москва 34 улица	по почте	Симукову Андрею
Кропоткина Хрущевский	на 75 р. к.	Дмитриевичу
пер. д.3 кв.1	Куда: Архангельская обл.,	от его матери
шт. места подачи шт. места	пос Воркута	Симуковой Нат. Як.
получен.	Кому: Начальнику	13/III/1942
<почтовые>	Воркутлага для Симукова	Рекомендуется оплачивать
Москва 34	А.Д.	доставку перевода на дом
Фрунзенский Коми АССР	<почтовые штемп. те же>	при его подаче
13 3 42	<В правом верхнем углу>:	
10 4 42	«Не значится, воз[вратить?]	
<В правом верхнем углу	27/4»	
почтовый штемпель>	<Рукопись, чернила>.	
Москва 34 1 6 42		

VI 5 Н.Я.Симукова – А.Д.Симукову. 26 апреля 1942.

Москва

в Воркуту²⁸⁾

№ 246 ДЛЯ ПИСЬМЕННОГО СООБЩЕНИЯ

HKCвязи СССР

наименов. и адрес предпр. связи места
выдачи

ИЗВЕЩЕНИЕ № 2070

о получении посылки с объявленной
ценностью
на 75 руб. к.

Куда: Архангельская обл.

Воркута, Воркутлаг НКВД

Кому: Симукову Андрею Дмитриевичу

<Почтовые штемпели>:

Москва 34	Воркута
Фрунзенский	Коми АССР
26 4 42	29 6 42

Москва 34
24 8 42

<В правом верхнем углу>:

«Нет. 16/VII-42»
<Рукопись, чернила>.

Дорогой Андрей,
пошлю тебе 2-ой раз
75 рбл.

1-ый раз – в марте.

Целую,

мама.

26/IV/1942.

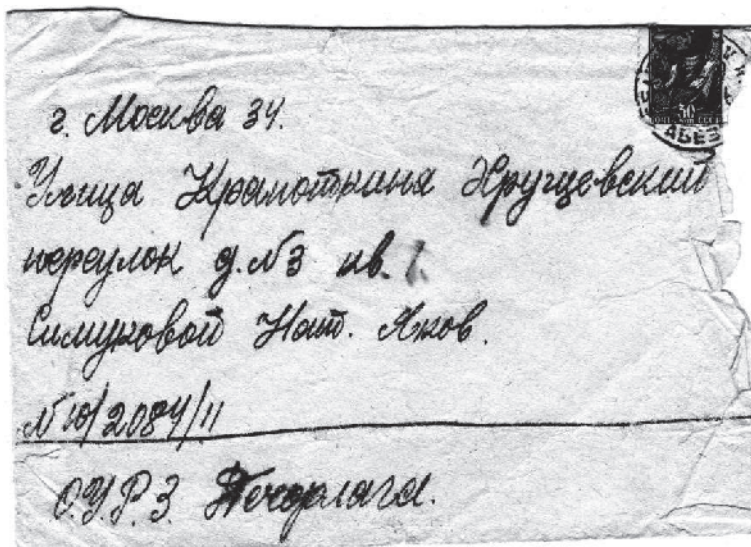
VI 6 О.У.Р.З.²⁹⁾ Печорлага³⁰⁾ – Н.Я.Симуковой. 18 мая 1942³¹⁾.

<18/V/42>

Абезь Коми АССР

3/VII/42³²⁾

Москва

г. Москва 34
Улица Крапоткина Хрущевский
переулоч д. № 3 кв. 1.
Симуковой Нат. Яков.

№ 10/2084/11

О.У.Р.З. Печорлага.

<Почтовый штемпель>: Абезь <нрзб>

<Почтовый штемпель на обороте>: Москва 34

3 7 42.

VI 7 Н.Я.Симукова. Фрагмент письма-заявления <адресат не установлен>. <Не ранее 1944>.

<Москва>

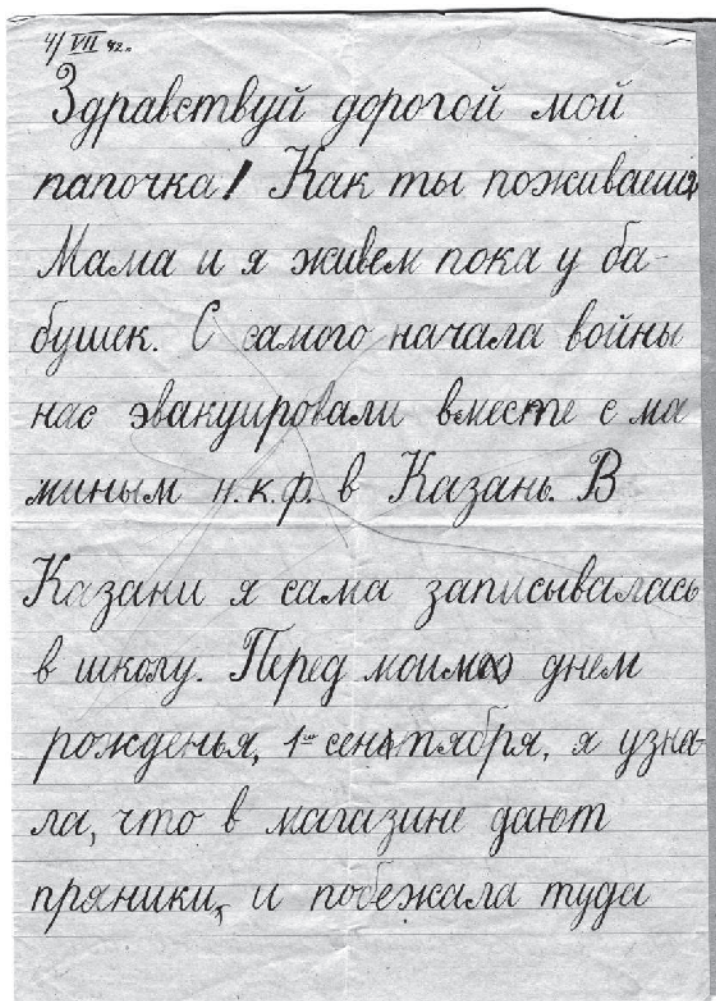
<...> В июле 1942 г. в ответ на мои розыски я получаю ответ из Абези³³⁾ от начальника 1-го отделения 2-го отдела от 18 мая 1942 г. № 10/2084/11, что мой сын, Симуков Андрей Дмитриевич, находится в их лагере по адресу п/о Абезь Коми АССР, п/я 274/3. По получении этого извещения я стала посылать письма, деньги, которые не возвращались обратно, но от сына не получила ни

одного письма. Я писала начальнику, прося его разрешить сыну написать мне, или чтобы он, начальник, дал мне сведения о моем сыне, но ни от того, ни от другого не получила ответа. <...>

VI 8 Н.А.Симукова – А.Д.Симукову. 4 июля 1942.

Москва

<?>³⁴⁾

4/VII 42 г.

Здравствуй, дорогой мой папочка!

Как ты поживаешь? Мама и я живем пока у бабушек³⁵⁾. С самого начала войны нас эвакуировали вместе с маминим н.к.ф.³⁶⁾ в Казань. В Казани я сама записывалась в

школу³⁷). Перед моим днем рождения, 1-го сентября, я узнала, что в магазине дают пряники, и побежала туда чтобы купить их для дня рождения. Простояла в очереди полтора часа и достала пряников. <...>. В начале зимы часть Н.К.Ф. уехала в Куйбышев <совр. Самара> (мы тож), часть осталась в Казани. В Куйбышеве я тоже сама записалась в школу, но учительница мне нравилась больше в Казани чем в Куйбышеве, потому что та была добрая а эта строгая, у той я все время получала отметки «отлично» и «хорошо», а у этой несколько раз «посредственно» и один «грязно» а так всегда «отлично и «хорошо» зато «плохо» не было ни разу.

В Куйбышеве покупать продукты было немног труднее чем в Казани, зато там была замечательная столовая.

Из Куйбышева Н.К.Ф. уехал в Москву но с детьми туда не пускают мама еле добилась чтобы мне разрешили <см. документ № 3>.

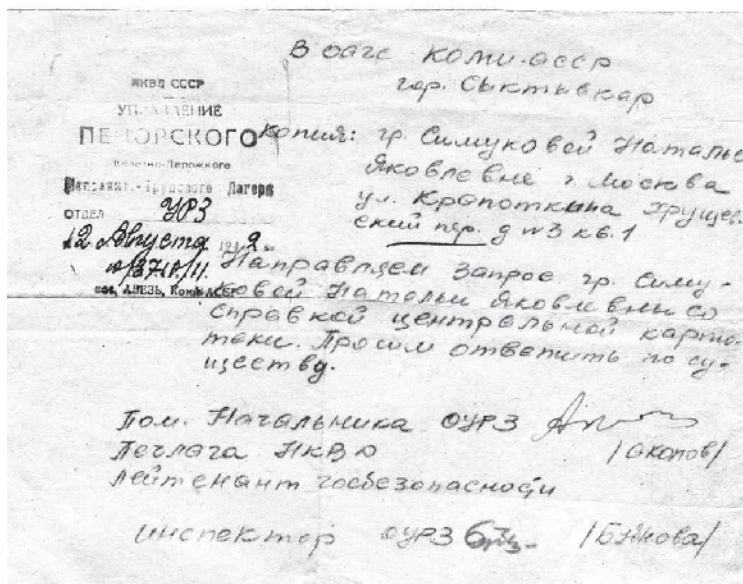
(Забыла еще сказать что в Куйбышев мы ехали по Волге.) В Москве пока нас не прописывали, мы жили у бабушек. А вчера на<с> прописали, на Пятницкой ул.³⁸) и скоро туда переедем. Я сдала экзамен за первый класс³⁹). Арифметику (письменную и устную) на «отлично» русский устный на «отлично» русский письменный «хорошо». Осенью перейду во 2-ой класс.

Мама шлет тебе большой привет.

Твоя Наташа.

VI 9 ОУРЗ Печорлага – в ОАГС⁴⁰ Коми АССР. 12 августа 1942.

Копия: Н.Я.Симуковой.

НКВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ
ПЕЧОРСКОГО
Железно-Дорожного
Исправит.-Трудового
Лагера

ОТДЕЛ УРЗ
12 Августа 1942 г.

№ 10/3710/11

пос. АБЕЗЬ,
Коми АССР

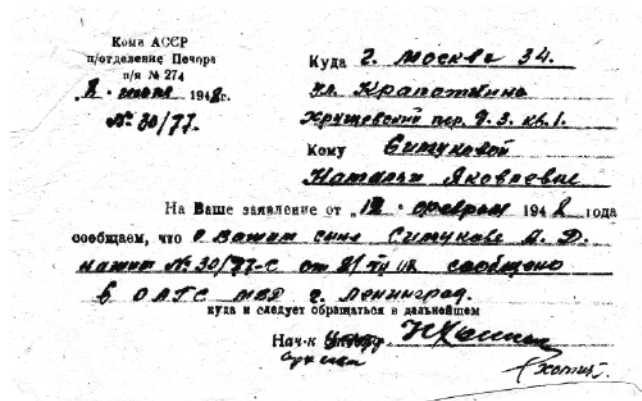
В ОАГС Коми АССР
гор. Сыктывкар

Копия: гр. Симуковой Наталье Яковлевне
г. Москва ул. Кропоткина
Хрущевский пер. д. №3 кв.1

Направляем запрос гр. Симуковой
Натальи Яковлевны со справкой
центральной картотеки. Просим ответить
по существу.

Пом Начальника ОУРЗ
Печлага НКВД <подпись>
лейтенант госбезопасности /Акопов/
Инспектор ОУРЗ <подпись> /Бубнова/

VI 10 п/о Печора п/я № 274 – Н.Я.Симуковой. 8 июля 1948.

Коми АССР
п/о Печора
п/я № 274
8 июля 1948 г.
№ 30/77

Куда г. Москва 34
ул. Кропоткина
Хрущевский пер. д.3. кв. 1.
Кому Симуковой
Натальи Яковлевне
На Ваше заявление от 12 февраля 1948
года сообщаем, что о Вашем сыне
Симукове А.Д.
нашим № 30/77-С от 8/VII/48 сообщено в
ОАГС МВД г. Ленинград.
куда и следует обращаться в
дальнейшем
Нач-к Центра архива <подпись> /Хомич/

VI 11 ОАГС УМВД ЛО – Начальнику ОАГС УМВД г. Москвы.
25 сентября 1948.

Копия: Н.Я.Симуковой

МВД – СССР ТЛ-2. Вх. 155/с.

Управление МВД
по Ленинградской области
Отдел Актов
Гражданского Состояния

25 Сент. 1948 г.
№ 1/10 - 1429-с
гор. Ленинград

Начальнику ОАГС УМ УМВД г. Москвы.

КОПИЯ: Гр-ке СИМУКОВОЙ Н.Я., прожив. г. Москве,
ул. Крапоткина, Хрущевский пер. д.3 кв.1.

Направляем при этом свидетельство о смерти
за № П-Б 044905 на СИМУКОВА Андрея Дмитриевича,
для вручения гр-ке СИМУКОВОЙ Н.Я. прожив. по выше-
указанному адресу.

ПРИЛОЖЕНИЕ: свидетельство.-

/Начальник ОАГС УМВД ЛО /АБАБИН/
Подполковник

Архивариус Облархива /ИВАНОВА/

1-экз. в адрес.
2 -«- в дело.

МВД – СССР
Управление МВД
по Ленинградской области
Отдел Актов
Гражданского состояния

25 Сент. 1948 г.
№ 1/10 - 1429-с
гор. Ленинград

1- экз. в адрес.
2 -«- в дело.

ТЛ-2. Вх. 155/с.

Начальнику ОАГС УМВД г. Москвы.

Копия: Гр-ке Симуковой Н.Я., прожив. г.
Москва, ул. Крапоткина, Хрущевский пер.
д.3 кв.1.

Направляем при этом свидетельство
о смерти за № П-Б 0044905 на Симукова
Андрея Дмитриевича, для вручения гр-ке
Симуковой Н.Я., прожив. по
вышеуказанному адресу.

ПРИЛОЖЕНИЕ: свидетельство.

/Начальник ОАГС УМВД ЛО
Подполковник <подпись> /Абабин/

Архивариус Облархива <подпись>
/Иванова/

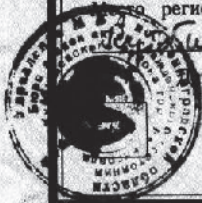

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

И-Б № 044905

Гр. Стигужков
Андрей ^(фамилия) Димитрийевич ^(имя, отчество)
умер (ла) 15 августа 1948 г. ^(прописью и цифрами год, месяц и число) тысяча девятисот сорок восьмого года
возраст 40 лет
Причина смерти паралич сердца
о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1948 года августа месяца 11 числа произведена соответствующая запись за № 1382
Место смерти: город, селение _____
район _____ область, край, республика _____
регистрации: Ленинград ^(наименование)
Тимевский 015 ЗАГС ^(местонахождение бюро ЗАГС)
дата выдачи 10 сентября 1948 г.
Заведующий бюро записей актов гражданского состояния Заремко

Госзак. 1947.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

П-Б № 044905

Гр. Симуков
Андрей Дмитриевич

умер(ла) 15 апреля 1948 г. тысяча
девятьсот сорок восьмого года
возраст 40 лет

Причина смерти паралич сердца

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти
1948 года августа месяца 11 числа
произведена соответствующая запись за № 1382

Место смерти: город, селение <прочерк>
район <прочерк> область, край, республика <прочерк>

Место регистрации: Ленинград
Куйбышевский р/б ЗАГС

Дата выдачи 20 сентября 1948 г.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния
<подпись> /Зарембо/

<Печать>: Управление МВД по Ленинградской области
Бюро записей актов гражданского состояния
Куйбышевского района гор. Ленинграда.

**VI 12 Генеральному прокурору Союза ССР тов. Руденко Р.А. 16
декабря 1954⁴¹.**

от Симуковой Н.Я.
проживающей г. Москва,
Б.Кисельный пер. д.7 кв.2
тел. Б-8-47-55

Прошу Прокуратуру Союза ССР о пересмотре дела и посмертной

реабилитации моего сына, советского ученого географа Андрея Дмитриевича Симукова, осужденного органами государственной безопасности в январе-феврале месяце 1941 г. на 8 лет.

Прошу об этом потому, что как и тогда, так и сейчас я полностью уверена в том, что мой сын невиновен. Я не в силах была добиться оправдания его при жизни и теперь хочу, чтобы хотя бы память о нем была достойна того уважения, какое он заслужил своим самоотверженным трудом на благо нашего общества. Мне 80 лет, и посмертное восстановление чести сына – последняя моя забота на долгом жизненном пути. Поймите горе матери и ускорьте удовлетворение моей просьбы, чтобы на исходе жизни я еще успела бы порадоваться торжеству справедливости.

Излагаю обстоятельства дела.

Мой сын, Андрей Дмитриевич Симуков, родившийся в 1902 году в г. Ленинграде, являлся одним из активнейших участников научной экспедиции в Монголию, организованную советским правительством в 1923 году. Во главе экспедиции стоял известный русский путешественник П.К.Козлов – исследователь Центральной Азии, ученик Пржевальского. Как известно, работа этой экспедиции по раскопкам в мертвом городе Хара-Хото обогатила нашу науку ценнейшими археологическими находками.

А.Д.Симуков руководил и самостоятельно раскопками одного из древних курганов <Ноин-Улы>, где был найден ряд ценных археологических и исторических предметов, составивших специальную коллекцию, хранящуюся теперь в Азиатском музее Академии Наук СССР.

По окончании работ экспедиции А.Д.Симуков был оставлен для работы в Ученом Комитете Монгольской Народной Республики и в течение ряда лет плодотворно работал в его составе, проводя самостоятельные научные экспедиции по изучению страны.

В 1934 году А.Д.Симуков создал карты Монголии, которые составили первый Географический Атлас этой страны. Целый ряд научных исследований А.Д.Симукова по географии, этнографии и экономике Монголии находятся в виде отчетов в Ученом Комитете МНР, а некоторые напечатаны в журнале «Монголия» <«Хозяйство Монголии», «Современная Монголия»>.

В библиографии к книге академика Обручева «Восточная Монголия», изд. АН СССР 1947 г., ссылки на работы Симукова упоминаются 18 раз.

Одним из капитальных трудов моего сына, к сожалению, незавершенным, был словарь <географических терминов> монгольского языка, над созданием которого он работал.

И вот эта большая плодотворная деятельность моего сына чьей-то злой волей была внезапно оборвана. В августе-сентябре (точно не знаю) 1939 года, находясь на работе в г. Улан-Баторе (МНР) в Ученом Комитете, где он в то

время заведывал Географическим отделением, мой сын А.Д.Симуков был арестован, перевезен в г. Улан-Удэ, где и находился до февраля 1941 г. в одиночном заключении, пока не был осужден на 8 лет пребывания в лагерях. Права переписки он не был лишен, и в продолжение его пересылки из улан-удинской тюрьмы в концлагерь я получила от него с пути 2 открытки. Затем связь прекратилась.

В результате моих розысков удалось установить, что мой сын Симуков А.Д. находился в 1942 году в Печорском исправительно-трудовом лагере, управление которого пребывало в поселке Абезь Коми АССР <в черновике: «в числе заключенных он зарегистрирован картографом»>. На мой запрос в лагерь я получила следующее извещение: <см. документ № 9>.

В 1943 г. меня вызвали в ЗАГС Фрунзенского района г. Москвы, по месту моего тогдашнего проживания, и устно сообщили о смерти моего сына Андрея Дмитриевича Симукова, якобы последовавшей от паралича сердца в апреле 1942 года. Выдать письменное подтверждение этого ЗАГС отказался. Не доверяя этому сообщению, я пыталась через МВД СССР добиться более официальных сведений о судьбе сына. Но единственное, чего я добилась, это извещения о том, что мое заявление направлено в лагерь Абезь <Печорлаг> для ответа по существу.

В 1948 году я получила извещение из п/я 274 <см. документ № 10> с указанием обратиться в ОАГС МВД г. Ленинграда⁴²⁾.

Из Ленинградского ЗАГСа я получила свидетельство № 044905 от 20 сентября 1948 г. о смерти сына <см. документ № 11> . Однако, в этом свидетельстве год смерти указан 1948, а не 1942, как мне было сообщено во Фрунзенском ЗАГСе, и в то же время указано, что Симуков скончался в возрасте 40 лет, что противоречит году смерти, т.к. Симуков 1902 г. рождения⁴³⁾. Мои новые попытки установить истину через МГБ СССР ничего не дали. Ответ (устный) был всегда один, притом опровергающий известие о смерти, полученное мной из Ленинградского ЗАГСа: «Ни о Вашем сыне, ни о его смерти никакими сведениями мы не располагаем». Таким образом у меня нет даже точных, заслуживающих веры официальных данных о смерти сына.

Я прошу Вас, помогите мне установить истину, пересмотрите дело и восстановите для меня и общества честное имя советского ученого-географа, моего сына Андрея Дмитриевича Симукова.

/Н.Симукова/.

**VI 13 Главная Военная Прокуратура Союза ССР –
Н.Я.Симуковой. 1 сентября 1955.**

Главная Военная Прокуратура
Москва, центр, ул. Кирова, 41.

1 сентября 1955 г.

№ 7щ - 2791- 41

Гр. Симуковой Н.Я.

Адрес гор. Москва Б.Кисельный пер., д 7, кв. 2

*Ваша жалоба от 16.12.1954 г., адресованная
Генеральному Прокурору СССР
по делу Вашего сына Симукова А.Д.,
направлена для проверки и разрешения по существу
Военному прокурору Забайкальского военного округа,
который и сообщает Вам о результатах.*

Военный прокурор отдела Главной Военной Прокуратуры
подполковник юстиции <подпись>

**VI 14 Н.Я.Симукова – пом. Военного прокурора Забайкальского
военного округа тов. Обухову. Май 1956⁴⁴.**

В ответ на Ваше письмо от 3 мая 1956 г. № 1160ж55 посылаю Вам следующие материалы:

1. Отзыв о работе А.Д.Симукова работавших совместно с ним С.А.Кондратьева⁴⁵, Н.П.Шастиной⁴⁶ и Е.В.Козловой⁴⁷ (вдовы известного исследователя П.К.Козлова) с их адресами. <См. документ №15>.
2. Два списка опубликованных работ А.Д.Симукова. Один список из книги⁴⁸ акад. Обручева⁴⁹, в которой он ссылается на работы А.Д.Симукова в качестве использованных им материалов (аннотации акад. Обручева) <см. документ № 16>, второй список – другие работы А.Д.Симукова, напечатанные в журнале «Современная Монголия» и др. изданиях⁵⁰. <См. документ № 17>.
2. Адрес жены А.Д.Симукова – М.А.Симуковой: Москва, Пятницкая улица д. 22, кв. 8.

(Н.Симукова)

VI 15 *Е.В.Козлова, С.А.Кондратьев⁵¹⁾, Н.П.Шастина* – *Пом. Прокурора ЗабВО тов. Обухову. Май 1956.*

В Военную Прокуратуру Забайкальского
Военного Округа

Пом.Прокурора тов. О Б У Х О В У

На рассмотрении у Вас находится ходатайство о реабилитации СИМУКОВА Андрея Дмитриевича /дело № 7-2791-4У

Мы длительное время работали вместе с А.Д.Симуковым как в Монгольской экспедиции Всероссийского Географического общества под руководством известного путешественника П.К.Козлова, так и по окончании ее в Ученом Комитете Монгольской Народной Республики.

Мы знаем А.Д.Симукова за все время работы с ним, как способного и трудолюбивого исследователя /имеющего научные труды в области географии и народного хозяйства МНР/, преданного советской науке и советскому государству.

Скорейшая реабилитация А.Д.Симукова /к сожалению, может быть уже посмертная/ должна восстановить честное имя советского исследователя А.Д.Симукова.

Ввиду того что по ходатайству о реабилитации А.Д.Симукова до сих пор еще нет решения, хотя прошло уже более года как ходатайство было возбуждено, мы просим Вас ускорить рассмотрение этого дела.

Е. Козлова

Е.В.КОЗЛОВА
ст.научный сотрудник Зоолог.
ин-та Академии Наук СССР
Ленинград, Смольный проспект
д.6 кв.32

С. Кондратьев

С.А.КОНДРАТЬЕВ
член Союза советских композиторов
Москва Страстной бул.д.6 кв.33

Н.П.Шастина

Н.П.ШАСТИНА
ст.научный сотрудник Ин-та восто-
коведения Академии наук СССР
Москва, ул.Чкалова д.14/16 кв.166

" мая 1956 г.

VI 16 Из книги академика В.А.Обручева. Май 1956.

«Восточная Монголия», изд-во АН СССР, М.-Л. 1947,

в которой он, наряду с работами других авторов, ссылается и на работы Андрея Дмитриевича Симукова. Аннотации академика В.А.Обручева. *Май 1956.*

Глава 1. Обзор литературы по географии, геологии и палеонтологии Восточной Монголии.

Стр. 100 392. С и м у к о в А.Д. Очерки природы и быта Кентея. «Хозяйство Монголии», 1928, №2 (9), 93–103.

Краткий очерк оро- и гидрографии горной страны Кентея, более подробный – флоры и фауны. Упомянуто нахождение яшмы, железа, золота и минеральных источников.

Стр. 96 374. <о той же статье> Статья содержит очень краткий очерк рельефа Кентея и довольно подробное описание его флоры и фауны со сведениями о климате и промыслах населения – охоте и сборе кедровых орехов.

Стр. 100 393. С и м у к о в А.Д. Очерки природы и быта. Гобийский Алтай и Центральная Гоби. «Хозяйство Монголии», 1928, № 3 (10), 79–92.

Краткий очерк оро-гидрографии Гобийского Алтая и Центр. Гоби, а также флоры и фауны. Отмечен состав почвы – щебнисто-галечный, песчаный и пр.

Стр. 101 404. С и м у к о в А.Д. Хангайская экспедиция Ученого комитета МНР в 1928 г. (Путевые впечатления). «Хозяйство Монголии», 1929, № 1 (14), 78–96.

Путевые записи содержат сведения по оро- и гидрографии, следам древнего оледенения, ландшафтам, микрорельефу, флоре и фауне Хангая.

Стр. 102 405. С и м у к о в А.Д. О кочевках и пастбищах Монголии. «Хозяйство Монголии», 1929, № 2 (15), 5–24.

В этой статье даны общие геоботанические характеристики речных

пойм, террас, каменистых холмов и сведения о количестве удобной для пастбищ земли и земледельческих возможностях.

406. С и м у к о в А.Д. Маршрут Улан-батор –Удэ – Бай-шинту (Гурбан-Сайхан).«Хозяйство Монголии», 1929, № 4 (17), 72–83.

Путевые впечатления по дороге из Улан-батора до котловины Бай-шинту у южного подножия Гурбан-Сайхана с беглыми заметками об оро- и гидрографии, ландшафтах и геологии.

407. С и м у к о в А.Д. Роль СССР в деле исследования Монголии. «Хозяйство Монголии», 1929, № 5 (18), 43–52.

Очерк исследований, выполненных в Монголии научными экспедициями СССР, в том числе геологическими и почвенными.

Стр. 108 434. С т у л о в Е.А. и С и м у к о в А.Д. К вопросу о районировании МНР. «Хозяйство Монголии», 1930, № 2 (20), 51–75 с 4 картами.

Авторы рассмотрели существующее районирование МНР и составили проект нового, причем дают краткую характеристику географического положения, рельефа, гидрографии, климата, флоры и фауны районов: Восточного, Кентейского, Уланбаторского, Орхон-Селенгинского, Прикосогольского, Хангайского, Дзапхынского, Северо-западного, Западного, Алтайского, Среднегобийского, Южногобийского и Восточногобийского. Упомянуты полезные ископаемые: каменный уголь, яшма, хрусталь, топазы, слюда, асбест, тальк, известняк, золото, магнитный железняк, никель, вольфрам и медь.

Стр. 112 450. С и м у к о в А.Д. Скотоводство МНР в связи с географическими ландшафтами страны. «Хозяйство Монголии», 1931, № 1 (25), 57–75.

Краткое физико-географическое описание хошунов аймаков Ханкентей-ула, Богдо-хан-ула и Цецерлик-Мандал в качестве основы для сопоставления процентного соотношения видов скота в стадах хошуна по данным за 1928 г.

Стр. 120 487. С и м у к о в А.Д. Географическое положение МНР.

«Современная Монголия», 1933, № 1, 32–36.

Автор дал очень краткий оро-гидрографический и климатический очерк МНР, которую разделил на следующие области: горные страны Алтайскую, Хангайскую и Кентейскую; Западную озерную котловину; Среднехалхаскую возвышенность; Восточномонгольскую равнину; Центральную впадину; Гобийский Алтай и Заалтайскую Гоби; Юго-восточную холмисто-равнинную Гоби. По областям рассмотрены почвенные и растительные зоны.

Стр. 124 501. С и м у к о в А.Д. Ара-Хангайский аймак. «Современная Монголия», 1934, № 2 (5), 82–94.

Краткий очерк орографии, орошения, почв, климата, флоры и фауны и экономических условий Ара-Хангайского аймака.

502. С и м у к о в А.Д. Монгольские кочевки. «Современная Монголия», 1934, № 4 (7), 40–46 с 1 картой.

В связи с типами кочевков автор дает некоторые сведения по оро- и гидрографии и ландшафтам МНР.

Стр. 127 518. С и м у к о в А.Д. Южно-Гобийский аймак. «Современная Монголия», 1935, № 1 (8), 114–123.

Краткий географо-экономический очерк Южно-Гобийского аймака МНР с сведениями о рельефе, орошении, почвах, климате, флоре и фауне.

519. С и м у к о в А.Д. Пастбища МНР. «Современная Монголия», 1935, № 2 (9), 76–89.

В этом очерке пастбищ МНР кратко рассмотрены рельеф, почвы, орошение двух основных зон: 1) степной или Хангайской, в которой выделены степи ковыльная, нагорная и обедненная, приречные долинные луга, лесные поляны и опушки и альпийский пояс; 2) зона Гобийская или полупустынь с выделением горных пастбищ, полупустынь травянистой, солянковой, крупнокустарниковой пустыней, песков барханных, бугристых и закрепленных, тойримов, саксаульников, порослей тара, дэрисуна и солончаков.

520. С и м у к о в А.Д. Материалы по кочевому быту населения МНР.
1. Кочевки и хотоны Гурбан-сайханского района Южно-Гобийского аймака. «Современная Монголия», 1935, № 6 (13),

89–104.

В этом очерке автор дал общую физико-географическую характеристику района Гурбан-сайхан с описанием его ландшафтов, хозяйственных типов, их распределения по рельефно-пастбищным типам и экономики.

Стр. 130 536. С и м у к о в А.Д. Итоги работы географического отделения Научно-исследовательского комитета МНР за 15 лет. «Современная Монголия», 1936, № 4–5 (17–18), 67–86.

В своем изложении результатов работ автор привел предложенное деление территории МНР на 10 географических провинций и дал конспективно-краткое описание оро-гидрографии, ландшафтов и климата каждой из них. Он различает провинции: 1) Алтайскую горную страну, 2) Западную озерную котловину, 3) Хангайскую горную страну, 4) Хэнтэйскую горную страну, 5) Восточномонгольскую равнину, 6) Среднехалхасскую возвышенность, 7) Центральную впадину, 8) Гобийский Алтай, 9) Шанхайское нагорье, 10) Холмисто-равнинную Восточную Гоби.

Стр. 133 547. В о р о б ь е в П.И. и С и м у к о в А.Д. Экспедиция в Цаган-богдо. «Современная Монголия», 1937, № 4 (23), 85–92 и № 5 (24), 85–94.

Статья содержит путевые впечатления с беглыми замечаниями по оро-гидрографии, ландшафтам, характере поверхности (каменистая, песчаная и т.п.) и растительности, сделанными авторами во время экспедиции от Улан-батора в Цаган-богдо.

Стр. 135 561. С и м у к о в А.Д. Путевые заметки по Хангаю и Гоби зимой 1937 г. «Современная Монголия», 1938, № 2 (27), 69–75.

Эти заметки о рельефе, ландшафтах, оазисах, ключах, соляных озерах и старых разработках золота в горе Алтан-ула касаются нагорья Хангай и западной половины МНР; в последней автор указывает 5 месторождений поваренной соли.

562. С и м у к о в А.Д. Пустыня Гоби (географический очерк). «Современная Монголия», 1938, № 3 (28), 91–106 с картой.

В этом общем очерке Гоби рассмотрен рельеф, ландшафты, почвы и

очень кратко геологическое строение. Отмечено широкое распространение бурого угля, наличие золота, свинца, битуминозных сланцев, гипса, поваренной соли и следов меди. Автор делит всю Гоби на Джунгарскую впадину, Таримскую впадину, Западную Гоби, Алашанскую Гоби, Ордос, Приалтайскую Гоби, Восточную Гоби и Цайдам.

Гобийскую окраину МНР он расчленяет на Западную озерную котловину, Центральную впадину, Шанхайское нагорье, холмисто-равнинную Восточную Гоби и Область Гобийского Алтая.

VI 17 Работы А.Д.Симукова, не вошедшие в обзор литературы в книге «Восточная Монголия» В.А.Обручева. Май 1956.

С и м у к о в А.Д. Географический Атлас Монгольской Народной Республики. Составлен по новейшим данным сотрудником Научно-исследовательского Комитета МНР А.Д.Симуковым. Издание Клуба им. Ленина, Улан-батор, 1934. 18 карт и картограмм.

То же: *на монгольском языке.*

С и м у к о в А.Д. Очерк работы Гобийской партии Ученого Комитета МНР, июль-ноябрь 1927 г. «Хозяйство Монголии», 1928, №1 (8), 86–99.

С и м у к о в А.Д. Количественное соотношение социальных групп худонского аратства и видовой состав аратского стада. «Хозяйство Монголии», 1931, № 2 (26), 18–26.

С и м у к о в А.Д. Пища и жилище монголов. «Современная Монголия», 1933, № 2, 42–49.

С и м у к о в А.Д. Хотоны. «Современная Монголия», 1933, № 3, 19–32.

С и м у к о в А.Д. Материалы по кочевому быту населения МНР. II. Кочевки Убур-Хангайского аймака МНР. «Современная Монголия», 1936, № 2 (15), 49–56.

С и м у к о в А.Д. По пустыням Западной Гоби. (Записки исследователя).

«Современная Монголия», 1937, № 6 (25), 44–57: 1938, № 1 (26), 31–43.

VI 18 Главному Военному Прокурору. 3 июля 1956⁵²).

г.Москва, ул. Кирова 41

От **Симуковой Мелании Алексеевны**,
проживающей в *г. Москве,*
по Пятницкой ул., д.22, кв. 9.

З а я в л е н и е

Мой муж, Симуков Андрей Дмитриевич, 1902 года рождения, был арестован в августе-сентябре 1939 года в г. Улан-Баторе Монгольской Народной Республики, где он работал в Комитете Наук МНР заведующим Отделением географии.

Примерно через год, в течение которого муж находился в заключении в г. Улан-Удэ, он был осужден Особым Совещанием («тройкой») сроком на 8 лет по 58 статье.

Совершенно убежденная в абсолютной невинности Андрея Дмитриевича Симукова, прошу Вас о пересмотре его дела.

Для выяснения дела считаю необходимым сообщить следующее.

Андрей Дмитриевич родился в 1902 году в г. Петербурге.

Отец его родился в деревне Сигеевке, Костюковичского уезда Могилевской губернии в семье крестьянина, добился высшего образования, работал в Министерстве финансов. Мать – учительница.

В годы революции семья Андрея Дмитриевича переехала в деревню, на свою родину, где мать учительствовала, а отец умер.

С 1921 года Андрей Дмитриевич учился в Москве в Механико-Электротехническом институте им. М.В.Ломоносова, помещавшемся тогда по адресу: Москва, Тверская, Благовещенский пер. д.1.

В 1923 году Андрей Дмитриевич был принят в организованную Советским Правительством научную Монголо-Тибетскую экспедицию Русского Географического Общества, возглавляемую известным путешественником Петром Кузьмичем Козловым.

В 1923–1926 г.г. экспедиция работала в Монгольской Народной Республике, так как путешествие в Тибет не состоялось.

По окончании экспедиции Андрей Дмитриевич был приглашен Правительством Монгольской Народной Республики на работу в Комитет

Наук, организованный при участии и помощи советских ученых.

Заведуя Кабинетом географии, Андрей Дмитриевич продолжал изучение страны в самостоятельных экспедициях и совместно с большой экспедицией Монгольской Комиссии Академии Наук СССР, охватывая все районы Республики.

За время работы им был составлен и издан в 1934 году на русском и монгольском языках первый Географический Атлас Монгольской Народной Республики, за который муж получил благодарность из Атласа Мира из Москвы и Картографического треста. Атлас был одобрен делегатами Великого Монгольского Хурала.

Андрей Дмитриевич подготовил более 50 работ в области физической и экономической географии Монгольской Народной Республики. 25 его статей были опубликованы в журнале «Хозяйство Монголии» (впоследствии «Современная Монголия») за 1927–1938 годы.

Многие работы: отчеты о путешествиях, путевые заметки и дневники остались неопубликованными и вошли в рукописный фонд Комитета Наук ИНР.

Помимо научной деятельности муж вел большую преподавательскую и общественную работу: преподавал географию на курсах Комитета Наук и в Советской школе, монгольский язык учителям школы и курсов, являлся секретарем постоянного совещания преподавателей, по поручению Советского Полномочного Представительства проверял кружки монгольского языка в Минскотземе и Управлении связи. Андрей Дмитриевич был награжден Орденом Трудового Красного Знамени Монгольской Народной Республики и неоднократно премировался.

Основным мотивом при встречах, знакомствах, разговорах с монголами и с нашими советскими работниками в Монголии у Андрея Дмитриевича было стремление высоко держать авторитет своей Родины, создавать и крепить среди населения Монголии глубокое уважение по отношению к могучему доброжелательному соседу – Советскому Союзу.

Я глубоко убеждена, что и после моего отъезда из Монгольской Народной Республики, вызванного болезнью нашей дочери, Андрей Дмитриевич всегда оставался таким же. Подтверждение этому можно найти в его письмах ко мне.

То, что его работа, направленная на развитие и укрепление дружественных связей между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой, и, кроме того, являющаяся ценным вкладом в советскую науку, была прервана на самом подъеме, нельзя объяснить иначе, как преступным отношением к кадрам советской интеллигенции.

Я знала Андрея Дмитриевича Симукова с 14 лет и в дальнейшей нашей совместной жизни знала его всегда как исключительно добросовестного труженика и честного человека, глубоко преданного своей Родине.

М.Симукова

Я не помню отца, т.к. мы с матерью уехали из МНР в 1934 г., когда мне был всего год.

Однако, из частых разговоров с матерью, с товарищами Андрея Дмитриевича, близко знавшими его по работе, наконец, из чтения его писем и статей⁵³⁾ я знаю отца как человека большого ума и сердца, трудолюбивого и честного, патриота своей Родины.

Я твердо убеждена в невинности Андрея Дмитриевича Симукова и вместе с матерью прошу Вас о скорейшем пересмотре его дела.

Н.А.Симукова.

**VI 19 М.А.Симукова – помощнику Военного Прокурора
Забайкальского военного округа майору юстиции тов.
Обухову. Июль 1956.**

(№ 7–2791–41 по делу о реабилитации Симукова А.Д.)

Письмом от 3/V/56 г. № 1160-ж-55 Вы запросили от Н.Я.Симуковой (матери А.Д.Симукова) адрес его жены, а также подробный список его научных работ и где они находятся.

Я вышла замуж за А.Д.Симукова в 1926 году в Москве, где он был в командировке в качестве младшего научного сотрудника экспедиции Русского Географического Общества под начальством П.К.Козлова, работавшей в Монголии в 1923–1926 г.г..

По окончании экспедиции мой муж был приглашен Монгольским Правительством по согласованию с Полпредством СССР в Монголии на работу в Комитет Наук МНР.

В мае 1927 года и я уехала в Монгольскую Народную Республику. Совместная наша жизнь и работа началась экспедицией в Гоби, организованной Комитетом Наук МНР. С тех пор вся жизнь и деятельность А.Д.Симукова протекала на моих глазах, при моем участии и, если требовалось, помощи (я участвовала в трех экспедициях: 1927, 1931 и 1932 г.г.).

А.Д.Симуков отдавал много времени непосредственно полевой работе

занимаясь разносторонними исследованиями в области географии, этнографии и хозяйства Монголии. Успеху и продуктивности работы способствовало прекрасное знание языка изучаемой страны, общительный, веселый характер, доброжелательность к людям, уважение к культуре, быту и обычаям населения.

Материалы экспедиций А.Д.Симукова, охватывавших почти все районы Республики, позволили ему составить и издать в 1934 году на русском и монгольском языках первый Географический Атлас МНР, за который он получил благодарность из Атласа Мира из Москвы. Атлас был одобрен делегатами Великого Монгольского Хурала. А.Д.Симуков был награжден Орденом Полярной Звезды в связи с 15-летием Монгольской Народной Республики.

А.Д.Симуков подготовил более 50 работ в области физической и экономической географии МНР. 25 его статей опубликовано в журналах «Хозяйство Монголии» и «Современная Монголия» за 1927–1938 г.г.; список их послан Вам Н.Я.Симуковой <см. документы 16, 17>. Более подробный перечень трудов А.Д.Симукова, включая работы, подготовленные им к печати, можно найти в его письме ко мне от февраля 1936 года <см. гл. IV, документ № 78>:

«Хочу вернуться с законченным багажом работ, а не с их обрывками. Сейчас на этом фронте дела обстоят следующим образом: я закончил просмотр, обработку и исправление всех своих дневников; заканчиваю подбор и просмотр мелких работ (не считая журнальных статей, их набирается около 25); закончил тему о кормах и пастбищах (две новых работы и переработка одной старой); закончил тему о кочевках и хотонах (три работы). Остается написать две работы по чистой географии (Гоби и Хангай) и составить диаграммы для Экономического атласа.

Работу по гобийским кормам кончил, в сущности, только на этих днях: чем больше писал, тем больше оставалось ненаписанного, и в результате получился объемистый труд в 300 моих рукописных страниц (11 печатных листов). Одна глава («Анализ пастбищ Баян-тухумской котловины») написана целиком по твоим материалам.

Таким образом, мой «багаж» будет заключаться в следующем:

1. Обработанные дневники 1927, 28, 29, 30, 31 и 32 годов
2. Общая география: «Географический очерк МНР»
 «Краткая география МНР»
 «Географический атлас МНР»
 «Экономический атлас МНР»

3. Специальная география: «Гобийская окраина МНР»
 «Центральный Хангай»
 «Западная Гоби»
4. Пастбища: «Схема растительных комплексов МНР» (вместе с Барановым)
 «Гобийские пастбища»
 «Хангайские пастбища»
5. Кочевки и хотоны: «Кочевки и хотоны Ихэ Тамира»
 «Кочевки и хотоны Гурбан Сайхана»
 «Кочевки Убур Хангая»
6. Разные работы: с мелкими заметками всего около 25. В том числе
 «Карта монастырей»
 «Монгольская картография» и т.д.
7. Журнальные статьи: тоже около 25, т.е. всего мелких работ около 50.

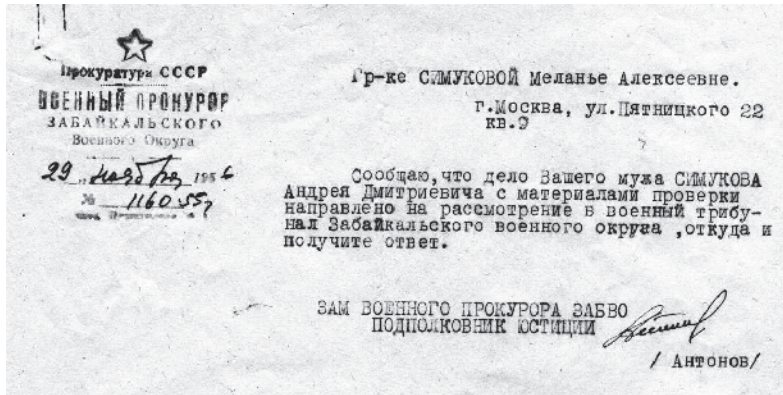
Подчеркнул я еще не сделанные работы. Общая сумма в печатных листах – вероятно, что-нибудь вроде 100 с хорошим гаком.

Примерно через месяц я сделаю, вероятно (мне идут в этом навстречу), отчетные доклады о своей работе как в Учкоме, так и в Полпредстве, причем хочу дать не историю вопроса, а конкретные результаты.

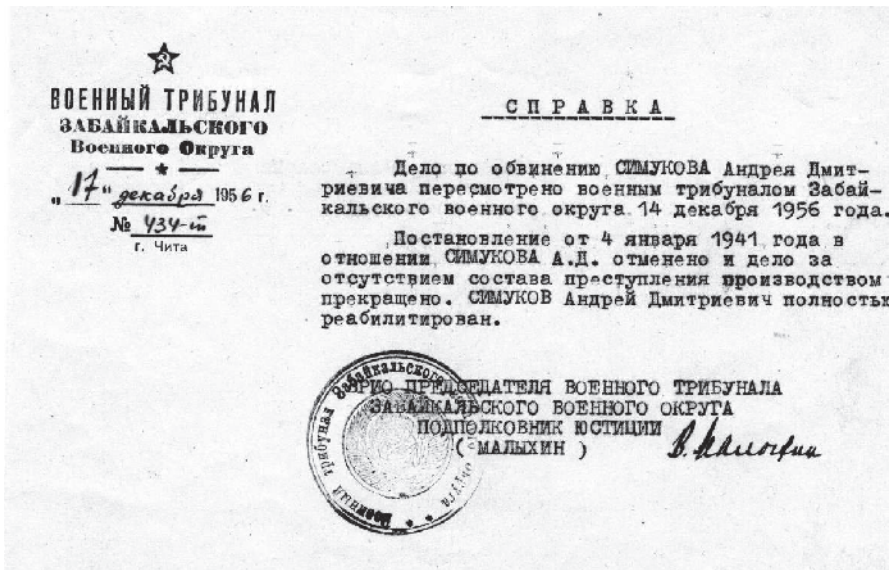
Надо сказать, что перечисленными работами я далеко не исчерпал весь свой запас. Несколько тем, как по географии, так и по хозяйству, я берегу для Союза».

Работы А.Д.Симукова несомненно были важны для изучения географии МНР и развития хозяйства Республики и, кроме того, являлись ценным вкладом в советскую науку. Тем более обидно, что деятельность мужа была прервана в самом разгаре, а многие его труды остались неопубликованными.

VI 20 *Зам. Военного Прокурора ЗабВО – М.А.Симуковой. 29 ноября 1956.*

VI 21 *Справка о реабилитации А.Д.Симукова⁵⁴. 17 декабря 1956.*

VI 22 М.А.Симукова – Военный трибунал ЗабВО. 15 января 1957.

ВРИО Председателя Военного трибунала
Забайкальского военного округа
подполковнику юстиции
тов. Малыхину

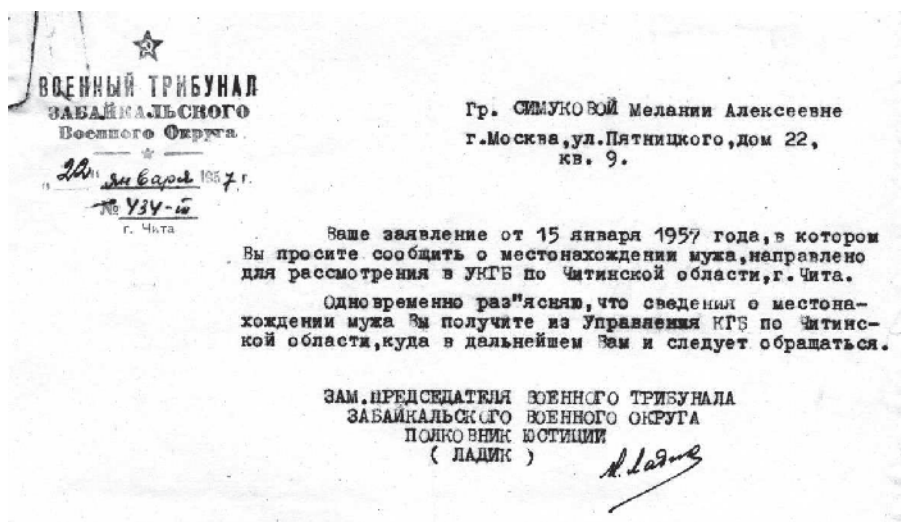
от Симуковой Мелании Алексеевны
проживающей в г. Москве, по
Пятницкой ул., д. 22, кв. 9.

З а я в л е н и е

В результате ходатайства о пересмотре дела моего мужа, Симукова Андрея Дмитриевича, мной получена справка от 17 декабря 1956 года за № 434-т, за Вашей подписью, о его полной реабилитации.

Однако, в этом документе не указана настоящая судьба А.Д.Симукова. Прошу Вас сообщить мне, где находится мой муж. Если он погиб, прошу выслать мне свидетельство с указанием времени, места и причины его смерти.

VI 23 Военный трибунал ЗабВО – М.А.Симуковой. 22 января 1957.

VI 24 Свидетельство о смерти А.Д.Симукова. 28 февраля 1957⁵⁵.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

I-ЮБ № 025332

Гр. Симуков (фамилия)
Андрей (имя, отчество) Демитриевич
умер (ла) 15 апреля Николая Демитриева
сорок второго года (прописью и цифрами год, месяц и число) 15/15-1942 года
возраст 40 лет
Причина смерти паралич сердца
о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти
19 48 года августа месяца 11 числа
произведена соответствующая запись за № 1382
Место смерти: город, селение _____
район _____ область, край,
республика _____
Место регистрации: Бюро З.В.С.
Светловского р.на г. Ленинграда (наименование и место нахождения бюро ЗАГС)
Дата выдачи 28 февраля 1957 г.
Заведующий бюро записей актов гражданского состояния Зарешко

Госизд. 1950.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

И-ЮБ № 025332

Гр. Симуков
Андрей Дмитриевич

умер(ла) 15 апреля тысяча девятьсот
сорок второго года 15/IV-1942 года
возраст 40 лет

Причина смерти паралич сердца

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти
1948 года августа месяца 11 числа
произведена соответствующая запись за № 1382

Место смерти: город, селение <прочерк>
район <прочерк> область, край, республика <прочерк>

Место регистрации: бюро ЗАГС
Куйбышевского р-на г. Ленинграда

Дата выдачи 28 февраля 1957 г.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния
<подпись> /Зарембо/

<Печать>: Управление Милиции города Ленинграда
Бюро записей актов гражданского состояния
Куйбышевского района.

VI 25 Москва, Кузнецкий мост 24. Конец 80-х.

(Н.А.Симукова вспоминает)

Звонит Марина⁵⁶). Её вызвали на Кузнецкий 24, в приемную КГБ, знакомиться с «делом» матери, Евгении Александровны Гаркуши⁵⁷). Не могли ли я пойти с ней? Беру в сумку валидол, валокордин, валерьянку для нее, работу для себя, встречаемся в метро, едем.

На Кузнецком Марина предъявляет документы, появляется сотрудник в

форме и сопровождает её в соседнее помещение, где через несколько минут она увидит... Все, что Марина Петровна увидела и узнала и как это происходило, она опишет сама (см. *Ширшова М.*, 2003: 142–156). Мой рассказ – о финале этого визита. В положенное время Марина выходит из комнаты, где знакомятся с «делами», опять в сопровождении вежливого сотрудника (к сожалению, не запомнила его чина, а спрашивать фамилию было не принято). Я обращаюсь к сотруднику за советом: куда еще мне следует написать, чтобы получить возможность увидеть «дело» отца (ответов на мои письма в Военную прокуратуру ЗаБВО и в Главное Управление КГБ я пока не получила). Сотрудник смотрит на нас обеих с сожалением и произносит: «И чего вы этих дел так добиваетесь? Вы же правды в них не прочтете». Я (неуверенно): «Ну, хотя бы дату смерти...». И в ответ услышала: «Даты смерти раскидывали по годам. Чтобы не было кучности». Выдумать такое невозможно. Забыть нельзя.

Я благодарна этому человеку за «чистосердечное признание». Оно подвигло меня прекратить попытки узнать (на моем уровне возможностей) правду из архивных документов КГБ⁵⁸⁾ и посвятить отпущенное мне время и жизненные силы совсем другим архивам. Надо было найти неопубликованные работы отца и выполнить его желание – издать их. Труд его жизни не должен пропасть бесследно или безымянно.

VI 26 УКГБ СССР по Читинской обл. – А.М.Решетову⁵⁹⁾. 21 июня 1990⁶⁰⁾.

МО-4

Экз. № 1

**КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СССР
УПРАВЛЕНИЕ
ПО ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

194223 г. Ленинград,
проспект М.Тореза 33 кв.196
Решетову А.М.

№ _____ ИЮНЯ _____ 1990 г.

№ II91/P

г. Чита

Товарищ Решетов А.М.!

Ваши заявления, поступившие в Управление КГБ СССР по Читинской области с просьбой сообщить о судьбе Симукова Андрея Дмитриевича, арестованного в 1939 году, нами рассмотрены.

По имеющимся архивным материалам установлено следующее.

Симуков Андрей Дмитриевич, 1902 года рождения, уроженец г. Петербурга, русский, беспартийный.

В 1923 году в составе научной экспедиции, возглавляемой Коэловым, выехал в Монгольскую народную республику, по завершении экспедиции остался работать в ученом комитете МНР. Проживал в г. Улан-Баторе.

Арестован 19 сентября 1939 года особым отделом НКВД армейской группы войск в г. Улан-Баторе. Необоснованно обвинялся по статье 58-1 п. "а" УК РСФСР. Ему вменялось в вину то, что он якобы занимался шпионской деятельностью в пользу иностранных государств.

Несмотря на то, что Симуков ни в чем виновным себя не признал, прямых доказательств его преступной деятельности не добыто, дело на Симукова по обвинению его в шпионаже и об участии в контрреволюционной организации было закончено и передано на рассмотрение Особого совещания НКВД. 22 апреля 1940 года из г. Улан-Батора Симуков был направлен спецконвоем в тюрьму г. Улан-Удэ.

Особым совещанием НКВД 4 января 1941 года якобы за участие в антисоветской организации Симуков по ст. 58 п. 10, 58 п. 11 УК РСФСР (обвинение по ст. 58 п. 1 "а" исключено) был осужден на 8 лет лишения свободы, с заключением в исправительно-трудовой лагерь.

Отбывая наказанием в Печерском лагере НКВД поселок Абезь Коми АССР Симуков А.Д. умер 21 апреля 1942 года. Сведений о причине смерти и месте захоронения в архивном уголовном деле не имеется. Такие данные могут быть в архиве МВД Коми АССР.

2

Определением Военного трибунала ЗаБВО от 14 декабря 1956 года постановление НКВД СССР от 4 января 1941 года в отношении Симукова А.Д. отменено, дело производством прекращено за отсутствием состава преступления и на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года и статьи 418 УПК РСФСР, он реабилитирован.

Для возможного использования направляем Вам ксерокопии автобиографии Симукова и списка с его научными работами.

Приложение: ксерокопия автобиографии на 9 листах;
ксерокопия списка работ А.Д. Симукова на 6 листах;
фотография Симукова .

Зам. начальника УКГБ -

А.И. Фирсов

VI 27 Архив УИД МВД Коми АССР – А.М.Решетову. 6 августа 1990.⁶¹⁾

Вход. № 821

Зав. отделом этнографии народов Зарубежной Азии
Института этнографии АН СССР

тов. РЕШЕТОВУ А.М.
199164 г. Ленинград, Университетская Наб. 3

архивный _____
06 августа 1990 г.

И4/388

На № И4110-2115/06456 от 19 июля 1990 года

Сообщаем, СИМУКОВ Андрей Дмитриевич, 1902 года рождения, был осужден 04 января 1941 года к 8 годам лишения свободы. Мера наказания отбывал в Печорлагте, Коми АССР с 11 мая 1941 года по 14 апреля 1942г. Сведениями о характере работ не располагаем. 15 апреля 1942 года умер от паралича сердца. Место захоронения в акте о погребении не отражено

ЗАВ. АРХИВОМ УИД МВД
Коми АССР - *Гзен* В.П. БОРДАЧЕВ

Примечания.

1

- 1) 22 июня 1941 г. войска гитлеровской Германии вторглись в пределы СССР. Началась Великая Отечественная война. С июля 1941 г. филиал Наркомфина

- СССР, где работала М.А.Симукова, действовал в Казани (*Зверев*, 2012).
- 2) Т а р н и ж е в с к и е – семья умершей Кати Миллер (см. прим. 96 к гл. III, прим. 237 к гл. IV): муж Владимир Михайлович (сотрудник Наркомфина) и сыновья – Миша и Боря.
 - 3) Л е ш а – брат А.Д.Симукова, см. прим. 11 к гл. I.
 - 4) А л я – сестра А.Д.Симукова, см. прим. 10 к гл. I.
 - 5) Профком драматургов
 - 6) 2 октября 1941 года гитлеровский вермахт начал операцию «Тайфун», целью которой был захват Москвы. С запада Москву прикрывали три фронта. Советский Генштаб и штаб Западного фронта ошиблись в оценке направления главного удара и количества ударных группировок немецких войск. 6 октября немцы взяли Брянск, 7 октября окружили Вязьму. В целом в окружение попали 7 армий. В тяжелых боях Красная Армия потеряла около миллиона человек (из них более 600 000 пленными) и большое количество военной техники и вооружений. Линии обороны Западного и Резервного фронтов были прорваны, на Московском направлении образовалась 500-километровая брешь. 14 октября немецкие войска заняли Калинин, 15 октября – Боровск и Верею, 18 октября – Можайск – последний город перед Москвой на западном направлении. (*Самсонов*, 2012 ; *Колодный*, 2015; см. также: http://www.greatcountry.ru/content/lib/martirosyan/Tragediya_1941_goda/mif_0044.php)
 - 8) октября ГКО принял секретное постановление № 740 о минировании и подготовке к взрыву предприятий Москвы. Кроме предприятий оборонной промышленности уничтожению подлежали хлебозаводы, мясокомбинаты, вокзалы, городской транспорт, мосты, электростанции, Центральный телеграф и телефонные станции. 10 октября взрывчатка была доставлена на заводы.
 - 11 и 13 октября ГКО принял постановления об эвакуации важнейших заводов и фабрик Москвы, Московской и Ивановской областей, а также ряда театров Москвы и других объектов.
 - 15 октября - постановление ГКО №801 «Об эвакуации столицы СССР Москвы»: немедленная эвакуация Верховного Совета, Правительства, органов Наркомата обороны в г. Куйбышев, основной группы Генштаба – в Арзамас. В тот же день – постановление ГКО № 805 об отпуске «месячной зарплаты, месячной нормы хлеба и других продовольственных продуктов, если таковые имеются» на предприятиях Москвы и Московской области, «в которых будут проведены специальные мероприятия» <минирование>. Все постановления ГКО за подписью его председателя И.Сталина были строго секретными. Скрыть «мероприятия» по выполнению постановлений было невозможно. Однако до 17 октября никто из руководства страны и города не обратился к москвичам с объяснением обстановки. Эшелоны с демонтированным заводским оборудованием и частью рабочих отправлялись на восток. Шла эвакуация учреждений и партийных органов. В котельных и даже во дворах жгли документацию, архивы. Над Москвой плыл дым. Пахло гарью. Пошли слухи о сдаче Москвы. На заводах возникали стихийные митинги, волнения. Утром 16 октября отряд немецкой мотопехоты был встречен танками и уничтожен на Химкинском мосту, в 15 километрах от Кремля. В тот же день оказалось закрытым метро (начат демонтаж оборудования), многие булочные, магазины, аптеки, отменен ряд трамвайных

маршрутов. Начался стихийный массовый исход из Москвы. Поезда на вокзалах брали штурмом. На автодорогах восточного направления толпы задерживали, а то и захватывали машины, идущие на восток.

17 октября по радио выступили глава Московского горкома партии Щербаков и председатель исполкома Моссовета Пронин, частично возобновлена работа метро, открыты булочные. С 20-го октября «в городе Москве и прилегающих к городу районах» введено осадное положение по постановлению ГКО №813. В Москве создавался городской оборонительный рубеж; первая полоса его проходила по окружной железной дороге, вторая – по Садовому кольцу, третья – по бульварному кольцу. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения заняла позиции в центре города. Один из секторов обороны – улица Горького. «Мы получили винтовки старого образца. Некоторым из нас выдали маузеры а деревянных кобурах явно дореволюционного времени. Наше отделение состояло в основном из старшекурсников Института истории, философии и литературы. Моими товарищами оказались будущие поэты Семен Гудзенко и Юрий Левитанский» (А.Е.Шейндлин, цит. по: *Колодный*, 2015). См. также: <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1941.html>; <http://www.novayagazeta.ru/society/48918.html>; <http://days.peoples.ru/year/1941/events.html>

- 7) А н а т о л и й П е т р о в и ч Ковалев – муж Али (см. прим. 212, 218 к гл. IV).
- 8) Н.Я.Симукова жила вместе с сестрой – О.Я.Пейкер (см. прим. 18 к гл. I).
- 9) См. прим. 13.
- 10) Вечером 29 октября 1941 г. во время бомбардировки Москвы фугасная бомба взорвалась возле Аудиторного корпуса МГУ (менее, чем в километре от Кремля). В библиотеке МГУ была разрушена крыша, отопительная система и телефонная связь, выбиты окна и двери. В здании начался капитальный ремонт, там оставались только члены команды МПВО и сотрудницы, приводившие в порядок фонды и каталоги. Часть отделов библиотеки разместились в уцелевших помещениях университета (<http://nbgmu.ru/nbgmu/history.aspx?period=1856–1955>).
- 11) В октябре 1941 г. 80 тыс. томов из библиотеки МГУ были отправлены в г. Ашхабад в сопровождении группы сотрудников во главе с директором библиотеки А.И.Кудрявцевой. (См. там же).
- 12) Первый налет на Москву (первая воздушная тревога) был 21/VII/41.
- 13) См. документ № 2.
- 14) См. прим. 16 к гл. I.
- 15) Дети Кати Миллер – Миша и Боря Тарнижевские.
- 16) И в а н о в ы – родственники В.М.Тарнижевского.
- 17) См. прим. 18 к гл. I.

2

Документ из семейного архива Симуковых любезно предоставлен Д.А.Симуковым. Симуков Дмитрий Алексеевич (1946–2019) – переводчик, редактор, писатель; окончил 1-ый Московский педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза (совр. Московский государственный лингвистический университет); сотрудник Международного отдела ВЦСПС, работал в Чехословакии (8 лет), Франции, Австралии, других странах (все это – несмотря на последствия полиомиелита, перенесенного в детстве); владел пятью языками; автор множества публикаций в СМИ

и книги (Симуков Д.А. Обратный отсчет (записки инязовца) / М: Аграф. 2010).

- 18) См. прим. 33.
- 19) Имеется в виду Н.Я.Симукова.
- 20) О.Я.Пейкер и Н.Я.Симукова жили в д. № 3 по Хрущевскому пер. (ул. Кропоткина).
- 21) Музей Л.Н.Толстого размещался в усадьбе начала XIX в. – ул. Кропоткина д. 11.
- 22) Имеется в виду библиотека МГУ; см. прим. 13, 35.
- 23) Речь идет о закутке под лестницей на второй этаж, где жители дома готовили нехитрую еду на керосинках и примусах во время небольших бомбежек: и безопаснее, чем в кухне – окон нет, и не надо заботиться о затемнении. Более солидное бомбоубежище было оборудовано в подвалах усадьбы начала XIX в. на углу Кропоткинской ул. и Хрущевского пер., где находится Музей А.С.Пушкина.
- 24) В Рыбинске находилась Александра Витальевна Миллер, кузина А.Д.Симукова, высланная из Ленинграда как «СОЭ».
- 25) См. прим.1, 2.
- 26) Первый голод – очевидно имеется в виду период 1918–1922 гг.; см. также прим. 53 гл. II.

4

- 27) В данной публикации приведено несколько документов, относящихся к поискам А.Д.Симукова в ГУЛАГе. В архиве Н.Я.Симуковой сохранились десятки запросов, заявлений, ходатайств и стандартных ответов: «не значится», «выбыл», «сведениями не располагаем», «вам надлежит обратиться», а также многочисленные квитанции на переводы (посылали по очереди с Милей с адреса Натальи Яковлевны), из которых Андрей получил только один. Эта лавина бумаг не была результатом самодеятельности или нерадивости чиновников. Работа десятков тысяч служащих репрессивной системы подробно регламентировалась совершенно секретными нормативными актами ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, принятыми на основании решений ЦК ВКП(б) – КПСС. Приказ НКВД СССР № 00515 от 11/V/39 «О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных» (см. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009108>) предписывал местным органам НКВД выдавать близким родственникам только устные справки. Возможно, именно такая «справка» дала Н.Я.Симуковой надежду найти сына в Воркутлаге. Этот же приказ рекомендовал «сохранить существующий порядок выдачи справок» родственникам осужденных к ВМН по приговорам ВКВС и троек НКВД. Согласно этому «порядку», ещё с конца 20-х годов, семье расстрелянного устно сообщали, что их родственник «осужден на 10 лет отдаленных лагерей без права переписки» (см. <https://www.proza.ru/2013/09/14/920>). С 1945 г. опять же устно уведомяли: «отбывая наказание, осужденный умер в местах заключения» (ГУЛАГ, 2000: 134). Порядок выдачи информации частично менялся в 1955 и 1963 г.г. Приказ КГБ №33 от 30/III/89 отменил большинство старых правил (<http://www.memo.ru/about/biblio/SPIS1.HTM>; <https://www.proza.ru/2013/09/14/920>) и дал шанс оставшимся в живых членам семьи осужденного «на 10 лет без права переписки» узнать (через 50 лет после его ареста) причину (расстрел) и дату смерти родственника. Тогда и выяснилось, что Н.П.Горбунов (см. прим. 53, 113 к гл. III) не «умер в местах заключения в 1944

г.», как ответили на запрос жены в том же году, а был расстрелян 7/IX/38 (<http://ricolor.org/history/rs/dokument/3/>). П.В.Всесвятский (см. прим. 16 к гл. IV) расстрелян 13/X/38, а не «умер от склероза сердца 28/VII/44», как значилось в свидетельстве о смерти, датированном 29/X/56 (<http://www.roerich.kz/shurnal/texts/Gorbunov.htm>).

5

- 28) Судя по пометкам «Не значится», «Нет» на переводах в Воркуту, информация НКВД, полученная Н.Я.Симуковой, была ложной. Причиной могла быть ошибка, например, вследствие частой реорганизации лагерей; так в ноябре 1941 г. из Воркутлага был выделен самостоятельный Интинский лагерь, куда отправили пешим этапом около 6000 заключенных. Широко применялась и преднамеренная дезинформация. Пример последней рассказан высланной из Ленинграда А. Я.Миллер-Иорданской (кузиной А.Д.Симукова). Находясь в Саратове и отправляя посылки и переводы брату А.В.Миллеру в Норильлаг и племяннику В.А.Миллеру в Воркутлаг, она познакомилась на почте с женой академика Н.И.Вавилова (о нем см. *Шноль*, 2001: 170–193), отправлявшей арестованному в 1940 г. мужу продуктовые посылки в тюрьму в Ленинграде по указанию НКВД. В это время Н.И.Вавилов находился в Саратовской тюрьме (о чем местное подразделение НКВД не могло не знать), где и умер от голода в начале 1943 г.

6

- 29) О.У.Р.З. – Отдел оперативного учета и распределения заключенных.
 30) Печорлаг – см. *Приложения V-3 и V-4*.
 31) Датируется по документу № 6.
 32) Датируется по почтовому штемпелю.

7

- 33) Имеется в виду извещение из Печорлага (конверт – см. документ № 6, текст извещения не сохранился).

8

- 34) Восьмилетней Наташе было известно, что папа – в далекой и трудной экспедиции, такой далекой, что и птица туда не долетит, и письма не доходят. Большой радостью стало предложение бабушки (видимо, после получения извещения из Печорлага) написать папе. В публикации сохранены орфография и пунктуация оригинала. Было ли письмо возвращено «за отсутствием адресата» или вовсе не отправлено, установить не удалось.
 35) Имеются в виду Н.Я.Симукова и ее сестра О.Я.Пейкер, занимавшие одну комнату на первом этаже дома №3 в Хрущевском переулке (Москва, ул.Кропоткина (ныне снова Пречистенка)).
 36) Имеется в виду Наркомфин (Народный Комиссариат Финансов СССР).
 37) В школу Наташа пошла с папиным «монгольским» портфелем, но на первый свой урок опоздала, заблудившись в незнакомом городе.
 38) Пятницкая ул. д.22, кв.8 (9) – Замоскворечье, комната 13 кв. м в двухэтажном флигеле бывшей конторы Госфинстроя, выход прямо на деревянную лестницу,

часть комнаты отгорожена под кухню, туалет - в соседней квартире. Но (!) есть водопровод, на кухне нет соседей, 30 минут пешком до Наркомфина и 15 минут до наташиной школы. Поставили «буржуйку», а потом и печку сложили. Дрова мама-Миля с Наташей пилили и кололи во дворе. Жили голодно. Наташа стояла в очередях за хлебом (400 г - по карточке служащего, 400 г – детям до 12 лет), собирала крапиву и лебеду для щей и ходила по соседям с вежливым вопросом: «Нет ли у вас ненужных вам картофельных очисток?» Миля подрабатывала стиркой и мытьем полов по вечерам и воскресеньям. Потом стала сдавать кровь для раненых (донорам полагался дополнительный паек). Из письма Наташи бабушке Фене, эвакуированной в Чкалов: «Недавно мама сдавала кровь, а после дежурила в Н.К.Ф. на чердаке» (дежурившие на крышах и чердаках гасили зажигательные бомбы во время бомбежек). Наконец М.А.Симукова попросила мобилизовать её из Наркомфина на военный завод. Пошла в литейный цех (смена – 12 часов). По рабочей карточке получала 1 кг хлеба в день, часть его меняла на рынке на продукты для Наташи. Так и вытащила дочь из надвигавшегося туберкулеза. На заводе работала два года, в октябре 1945 г. отозвана в Наркомфин. В ноябре 1945 года М.А.Симукова была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.».

- 39) В эвакуации Наташа училась в школе всего около трех месяцев. В Москве Наталья Яковлевна занималась с ней русским и немецким языком, Ольга Яковлевна – арифметикой.

9

- 40) ОАГС – отдел актов гражданского состояния. Приказ НКВД СССР № 00674 « О порядке регистрации смерти заключенных» от 11 июня 1939 г. предписывал начальникам тюрем, лагерей и ИТК «о каждом случае смерти заключенного немедленно посылать извещение о смерти по прилагаемой форме в ОАГС области, края, республики по адресу последнего местожительства умершего перед арестом. <...> При отсутствии данных о последнем местожительстве умершего до его заключения <...> производят регистрацию акта о смерти в ЗАГСе, на территории которого расположена тюрьма, лагерь или ИТК. <...> В записи актовой книги не должно быть никаких ссылок на извещение и справки мест заключения. <...> Письма родственников, поступившие к начальникам тюрем, лагерей и ИТК, о сообщении сведений об умерших заключенных, направляются последними в органы НКВД по месту жительства заявителей для устного им объявления о смерти их родственника, в порядке приказа НКВД СССР № 00515–1939» (<http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009109>).

12

- 41) После смерти Сталина (5/III/53) в Советском Союзе наступило время надежд и перемен. В верхнем эшелоне шла ожесточенная борьба за власть. Одновременно «... послесталинское руководство страной лихорадочно искало пути выхода из тупика, в котором оно оказалось в результате политики массового террора, начало которому положил еще Ленин» (Яковлев, 2000: 5). 27/III/53 по инициативе Берия амнистировано около 1,2 миллиона осужденных по уголовным статьям на сроки до 5 лет, что спровоцировало разгул преступности и бандитизма в стране. В

некоторых «горячих точках» (Улан-Удэ) массовые убийства и погромы удалось остановить только с помощью армии (<http://www.istpravda.ru/research/1029/>). «Бериевская» амнистия вызвала взрывы протеста среди осужденных по 58-й статье. В 1953–1956 г.г. по лагерям прокатилось более 20 восстаний. Все они были жестоко подавлены, в том числе с использованием авиации и артиллерии. Однако к 1955 г. была формально ликвидирована система «особых» (наиболее жестоких) лагерей (<http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/200406.htm;>).

Реабилитация стала одной из важнейших составляющих эволюции советского общества того периода. Проходила она медленно, неровно, полностью отражая зигзаги этой эволюции (см. Реабилитация: как это было, 2000). 31/III/53 – утверждено постановление о прекращении «дела врачей» и освобождении арестованных, 3/IV/53 – решение об их реабилитации. (<http://arman71.livejournal.com/25613.html>). А реабилитация осужденных по «делу Еврейского антифашистского комитета» растянулась на несколько лет.

26/VI/53 арестован Берия (расстрелян по официальным данным 23/XII/53). В сентябре 1953 г. ликвидировано ОСО и другие внесудебные органы («тройки» и пр.). В апреле 1954 пересматривалось «Ленинградское дело». В мае 1954 г. начала работу Центральная реабилитационная комиссия, создавались аналогичные комиссии на местах. 9 /XII/54 был утвержден проект Указа Президиума Верховного Совета СССР, по которому жалобы и заявления от лиц, отбывших наказание по решениям, в частности, ОСО, рассматривались органами прокуратуры в порядке, устанавливаемом Генеральным Прокурором СССР (http://www.e-reading.club/bookreader.php/134499/Reabilitaciya_Kak_eto_bylo_1953-1956.pdf С.186). Очевидно, сведения об Указе побудили Н.Я.Симукову обратиться к Р.А.Руденко. Однако в тексте Указа не упоминалась важная деталь: на тот момент пересмотру подлежали дела, прошедшие через ОСО после июня 1945 г. (там же, с.73). Возможно поэтому, только через 9 месяцев, в сентябре 1955 года было получено извещение из Главной военной прокуратуры о направлении жалобы «для проверки и разрешения по существу военному прокурору Забайкальского военного округа».

- 42) По-видимому, в 1948 г. частично действовали правила, закрепленные директивой КГБ при СМ СССР от 24 августа 1955 г.: «Указания ЗАГСам о регистрации смерти осужденных даются органами КГБ через управления милиции. В них сообщаются: фамилия, имя, отчество, год рождения и дата смерти осужденного (определяется в пределах десяти лет со дня его ареста), причина смерти (приблизительная) и место жительства осужденного до ареста» (Цит. по: ГУЛАГ, 2000: 164). Подобные «указания» давали не только органы КГБ СССР. В графе «причина смерти» людей, уничтоженных в газовых камерах Освенцима, полагалось писать «инфаркт» или «телесная слабость» (*Michel*, 1993; цит. по: *The New York Times*, May 15, 2016: A 22).
- 43) «Ходить в прокуратуру и там ждать, или же сидеть дома и ждать месяцами, а то и годами, когда вдруг придет к тебе письмо с обратным адресом: «Почтовый ящик №...» А еще чаще ждать, ждать и не дожидаться. Никому не сообщали о судьбе тех, кто умер от пыток в следственном кабинете, в тюремной камере или тюремной больнице, в теплушках или на пересылках длинного и страшного этапа. Они все канули в неизвестность, чтобы через 20 лет эта неизвестность обернулась лживой

бумажкой, где все – и дата, и причина – все было лживо. Кроме одного: умер» (*Разгон*, 1994: 78–79).

14

- 44) За полтора года после подачи первого заявления о пересмотре дела А.Д.Симукова в стране в целом и в ходе реабилитации в частности произошли серьезные изменения. Пересматривались результаты открытых процессов 30-х годов, решения по делам спецпереселенцев и репрессированных народов, материалы о «военном заговоре» в Красной Армии и бесчисленное количество других «дел». Важнейшим событием этого периода стал доклад Н.С.Хрущева о культе личности и его последствиях на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года. Рядовых членов партии ознакомили с этим обличительным документом на закрытых партийных собраниях. Откорректированный вариант был передан руководителям дружественных компартий. « С этого момента критика сталинизма и неразрывно связанных с ним преступлений стала публичной. Открылся новый этап в реабилитации жертв репрессий» (http://www.e-reading.club/bookreader.php/134499/Reabilitaciya_Kak_eto_bylo_1953-1956.pdf ; с. 12).

В то же время ЦК КПСС стремился не допустить перехода критики сталинизма в призывы к демократизации общества и принимал жесткие меры в этом направлении не только в СССР, но и в странах восточной Европы. В июне 1956 года было подавлено Познаньское восстание в Польше. Осенью 1956 года восстание против просоветского режима в Венгрии жестоко разгромлено советскими войсками (операция «Вихрь» под руководством маршала Жукова). (См. *Артизов, Сизачев*, 2003: 7–9; https://ru.wikipedia.org/wiki/Венгерское_восстание_1956_года).

- 45) См. прим. 83 к гл. III.
- 46) См. прим. 267 к гл. IV.
- 47) См. прим. 52 к гл. III.
- 48) Имеется в виду: *Обручев В.А.* Восточная Монголия /*Географическое и геологическое описание*/. М. – Л.: Изд. АН СССР, 1947. Эта книга сыграла важную роль в жизни семьи А.Д.Симукова ещё в 1951 году при поступлении Н.А.Симуковой на химический факультет МГУ. Ни золотая медаль, ни призовое место на Московской химической олимпиаде, ни год работы в кружке для школьников при кафедре органической химии МГУ не могли преодолеть запретов на прием лиц с «неясностями» (или другими «дефектами») в анкете: год смерти отца указан, место и причина – нет. Дорогу в университет открыла для Наташи книга В.А.Обручева, предъявленная приемной комиссией по совету её председателя Н.В.Костина, которого вспоминает добром не одно поколение химфаковцев МГУ.
- 49) *Обручев Владимир Афанасьевич* (1863–1956) – геолог, географ, палеонтолог, писатель; выдающийся исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии; удостоен Большой золотой медали Русского Географического общества (1901), премии Пржевальского, академик (1929), академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР (1942–1946), почетный председатель Географического общества СССР (с 1947 г.); Герой соц. труда, орденоседец (в том числе 5 орденов Ленина и орден Трудового Красного Знамени МНР), лауреат двух сталинских премий.

- 50) Второй список работ А.Д.Симукова (на русском языке), не цитированных в книге В.А.Обручева, был составлен Н.Я.Симуковой по данным Государственной библиотеки им. Ленина. В настоящее время известно, что до ареста А.Д.Симукова в 1939 году в Улан-Баторе были изданы: Географический Атлас Монгольской Народной Республики (на монгольском и на русском языках), Физическая и административная настенная карта МНР (на монгольском и на русском языках), опубликовано 25 статей на русском языке в журналах «Хозяйство Монголии» и «Современная Монголия», 8 известных составителям статей на монгольском языке в журнале «Шинэ толи» и др. изданиях (см. *Симуков*, 2008: 223–235).

15

- 51) После войны возобновились прерванные дружеские связи М.А.Симуковой с семьями Кондратьевых и Шастиных. В 1946 г. с ними познакомилась и Наташа Симукова. Сестра А.Д.Симукова – А.Д. Ковалева (Аля) жила в том же доме, что и Кондратьевы, на Страстном бульваре в Москве; они часто виделись. Публикуемый документ был составлен по предложению Сергея Александровича на «военном совете» у Кондратьевых.

18

- 52) В тот период на одном из этапов подачи документов на реабилитацию в Главную Военную Прокуратуру требовалось личное присутствие либо самого прежде осужденного, либо его близкого родственника.

Н.А.Симукова вспоминает, что во дворе Главной Военной Прокуратуры стояла длинная очередь. Записалась. Ясно было, что это – не на один день. Чтобы не выбыть, надо было приходить на проверку утром и вечером. Номера писали на ладони, как в очередях за хлебом во время войны. Мама работала. Ходила Наташа, в течение двух недель. Днем готовилась к экзаменам в аспирантуру Химического факультета МГУ, что стало для нее возможным только после XX съезда КПСС (см. прим. 44). На поверках в очереди впервые услышала рассказы немногих выживших о лагерях.

Через две недели после подачи заявления о реабилитации было получено извещение из Главной военной прокуратуры о направлении жалобы «для проверки и разрешения по существу военному прокурору Забайкальского военного округа».

- 53) Несколько статей А.Д.Симукова и Географический Атлас МНР, присланные им для матери и жены, хранились в семье. Поиск других опубликованных работ отца, главным образом в Государственной библиотеке им. Ленина, Н.А.Симукова начала будучи еще старшеклассницей. Заказывала фотокопии первых страниц найденных статей (на большее денег не было), текст частично переписывала от руки.

21

- 54) На обороте справки: «гр. Симуковой Меланье Алексеевне г. Москва, ул. Пятницкого, кв. 9.» /машинопись/.

24

- 55) См. также свидетельство о смерти А.Д.Симукова, полученное Н.Я.Симуковой в 1948 году (документ № 11).

- 56) М а р и н а П е т р о в н а Ш и р ш о в а – дочь полярного исследователя П.П.Ширшова и актрисы Е.А.Гаркуши-Ширшовой; химик, работала в Институте Океанологии им. П.П.Ширшова РАН и в Московской Медицинской академии им. И.М.Сеченова, участник научно-исследовательских океанических рейсов, автор книги «Забытый дневник полярного биолога» и др. публикаций, составитель и автор фундаментального издания Ин-та Океанологии им. П.П.Ширшова РАН «Петр Петрович Ширшов. Дневники. Очерки. Воспоминания».
- 57) Е в г е н и я А л е к с а н д р о в н а Г а р к у ш а (1915–1948) – актриса театра и кино (фильмы «Пятый океан», «Неуловимый Ян»), жена П.П.Ширшова (1942–1948), арестована (1946), погибла на Колыме. О ней см. *Ширшова*, 2003: 142–156; *Ширшова (сост.)*, 2005: 27–28, 241–260; http://bessmertnybarak.ru/Garkusha_Evgeniya_Aleksandrovna/ .
- 58) Что представляли собой «дела», выдаваемые родственникам репрессированных для ознакомления, стало известно из публикаций только через несколько лет (см. например: *Разгон*, 1994: 88–99, 107–108). В 2000 г. был опубликован сборник документов, отражавших структуру и регламентировавших деятельность репрессивной системы в СССР, в том числе и выдачу родственникам информации об арестованных (<http://www.litmir.co/br/?b=187913&p=1>); см. также прим. 42.

- 59) Р е ш е т о в А л е к с а н д р М и х а й л о в и ч (1932–2009) – востоковед, этнограф (Китай, Монголия, Сибирь), историк отечественной этнографии, работы которого помогли вернуть в науку надолго вычеркнутые имена репрессированных ученых, в том числе А.Д.Симукова (см. *Решетов*, 1989: 48–51; 1990: 54–55; 1992: 228–235); многолетний сотрудник МАЭ РАН, зав. отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, автор более 400 работ (см. http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-142-8/978-5-88431-142-8_39.pdf . Содержание документов № 26, 27 и № 100 (гл. IV) впервые стало известно из выступления А.М.Решетова 29/IV/1992 в Москве на заседании, посвященном 90-летию А.Д.Симукова, проведенным РАН, Азиатским Торговым домом и Информационно-культурным центром Монголии в России (*Симукова*, 1992: 147–149). В мае 1992 г. копии указанных документов были любезно переданы А.М.Решетовым в архив семьи Симукова. См. также прим. 497 к гл. IV.
- 60) Примечания по тексту док. №26.
Арест 19/IX/39 – через три дня после прекращения военных действий на Халхин-голе.
Армейская группа <советских> войск в МНР – командующий комкор Г.К.Жуков, куратор от ГУГБ НКВД СССР – майор ГБ И.А.Иванов (см. прим. 533, 539 к гл. IV).
Виновным себя не признал ... тюрьма г. Улан-Удэ ... приговор ОСО – см. док. № 1 (гл. V) и примечания к нему.
Печорский лагерь НКВД поселок Абезь Коми АССР - см. *Приложения V-3 и V-4*; в Абези размещалось Главное управление лагеря, более 90 тысяч его заключенных (на 15 мая 1941 г.) жили и работали в строительных колоннах и отдельных

лагерных пунктах (ОЛП) на сотнях кв. км тундры и лесотундры.

Умер 21 апреля 1942 года – см. также док. № 11 и № 24 (гл. VI).

Определением Военного трибунала ЗабВО – Забайкальский Военный округ образован в 1935 г., включал территории Иркутской и Читинской обл., БМ АССР, Як АССР и районы дислокации и боевых действий 57-го Особого корпуса (с лета 1939 г. – Армейской группы) в МНР.

Реабилитирован – см. док. № 21 (гл. VI).

Ксерокопия автобиографии – см. док. № 100 (гл. IV) и примечания к нему.

Ксерокопия списка работ А.Д.Симукова и фотография – в архив семьи Симукова не поступали.

27

61) Примечания по тексту док. № 27.

Сведениями о характере работ не располагаем – характер и условия работ в Печорлаге см. *Приложения V-3 и V-4*.

15 апреля 1942 года умер от паралича сердца – дата и причина смерти недостоверны, см. прим. 42, 43, док. № 11, 24–26 и *Приложение V-4*.

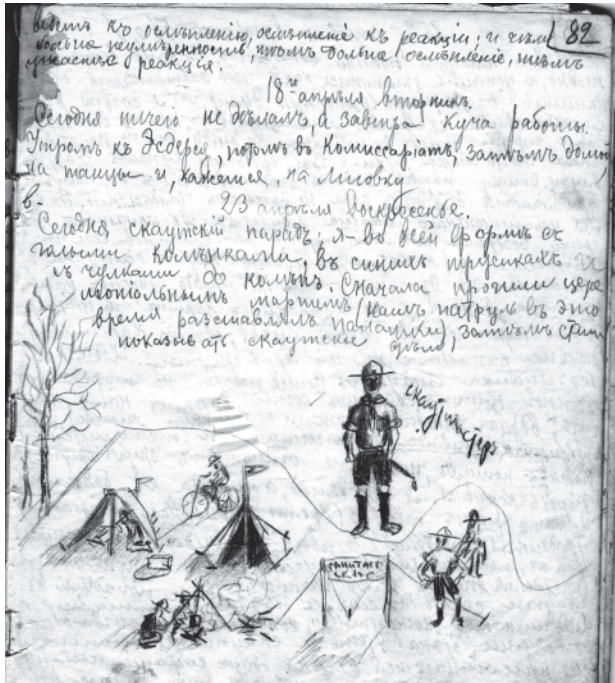
Место захоронения в акте о погребении не отражено – см. *Приложение V-4*.

Приложение I.

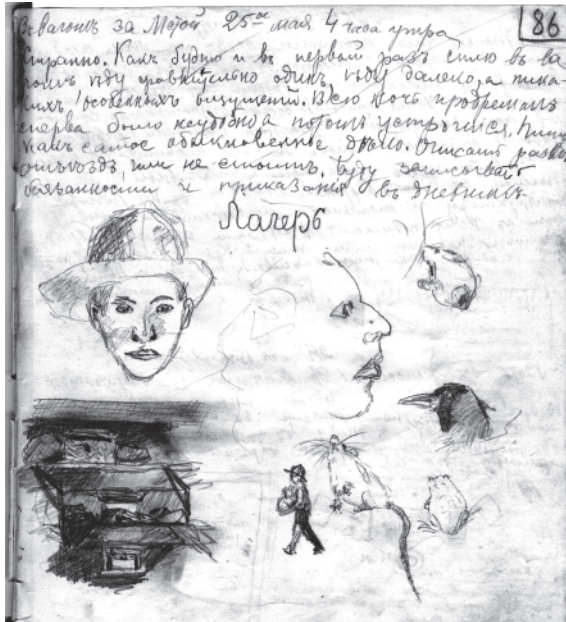
Приложение I.

Страницы дневника и рисунки А.Д.Симукова (1916–1918)

- I-1. Физическая карта Азии. Петроград. *1916.*
- I-2. <Скаутский парад>. Петроград. *23 апреля 1917.*
- I-3. <В вагоне поезда и в скаутском лагере в Полтавской губ.> *Май–июнь 1917.*
- I-4. <Зарисовки хозяйства, план расположения окрестных деревень>. Сигеевка. *12 августа 1917.*
- I-5. <Наброски портретов>. Сигеевка. *21 августа 1917.*
- I-6. <Хаты>. Сигеевка. *22 августа 1917.*
- I-7. Фрагмент программы скаутского патруля «Бобр». Петроград. *1 марта 1918.*
- I-8. <Дорога в деревню>. Петроград. *31 марта 1918.*

Прил_I-2

Прил_I-3

Прил_1-8

Приложение III.

Приложение III – 1.

**Схемы и зарисовки из работы А.Д.Симукова «Отчет в
экскурсии по Юго-Западному Кентею. Зима 1924-1925
г.г.» (Материалы экспедиции П.К.Козлова)**

//Архив РГО. Ф. 18.

Оп. 4. Д. 84. ¹⁾

III – 1– 1. Схема орографии Кентея с обозначением посещенного района. *Приблиз. масштаб 20 в<ерст> в дюйме.*

III – 1– 2. Профиль долины р. Сугнур – Хирхеро и *SW* части плато истоков Тырельджи.
Вертик. масштаб относится к горизонтальному, как 1:10.

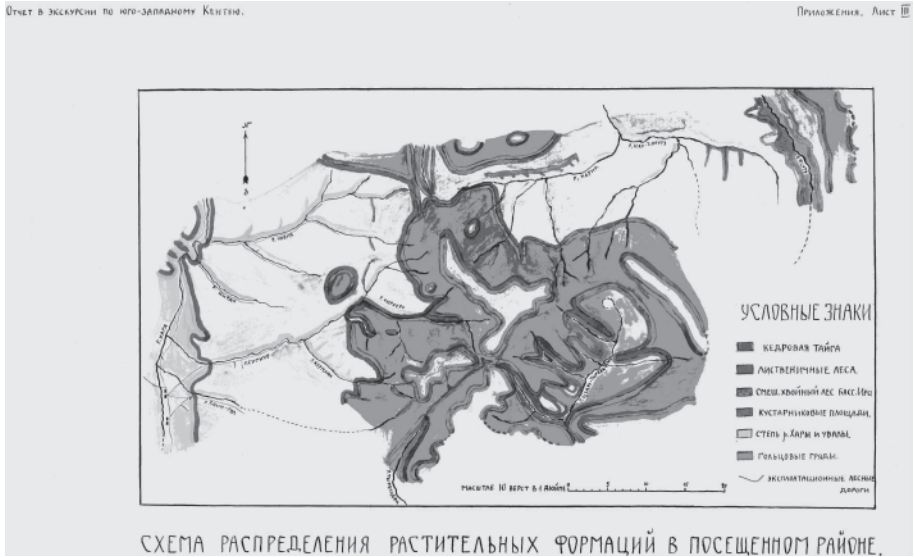
III – 1– 3. Схема распределения растительных формаций в посещенном районе.

III – 1– 4. Схема соотношения площадей, занимаемых растительными формациями в посещенном районе.
<Оценки площадей указаны в кв. верстах>.
Из раздела «Охотничий промысел».

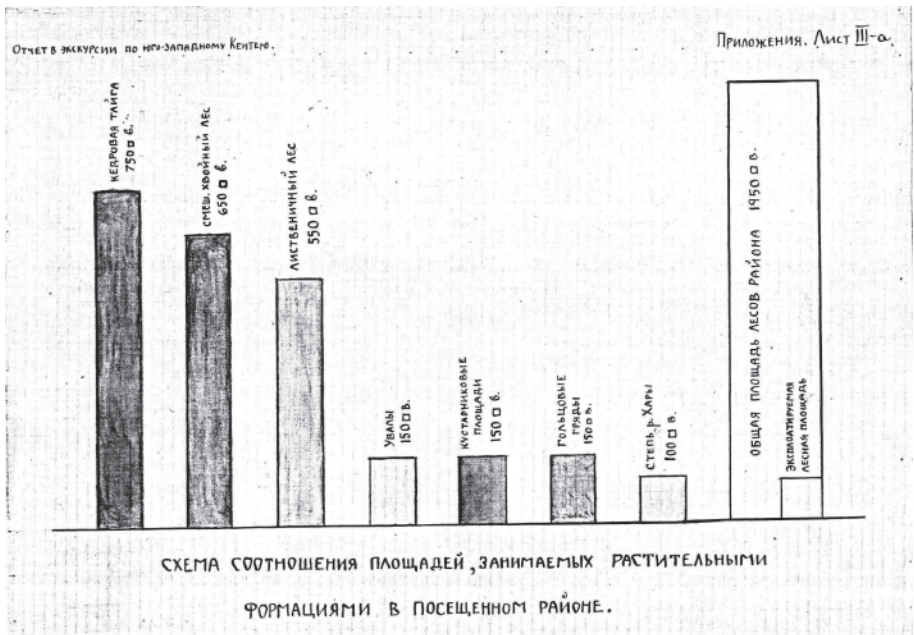
III – 1– 5. Рис. 1. Разрез большой артельной юрочки.
Рис. 2. Зимовье.

III – 1– 6. «Пасть» на кабана.
«Кряж» для кабарги.

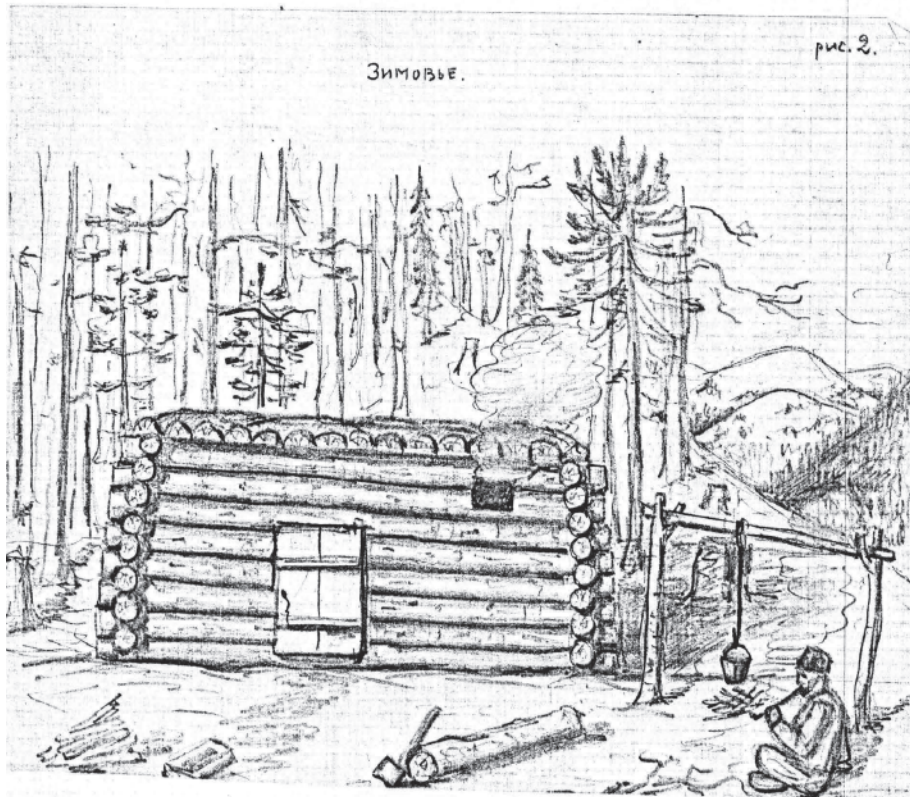
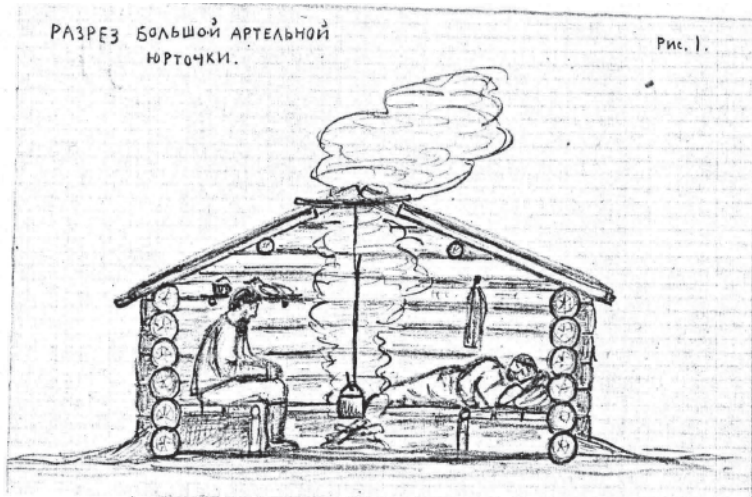
1) Составители искренне признательны сотрудникам Архива РГО за высококачественное сохранение документов, указанных в *Приложениях III-1, III-2 и III-3*, помощь в их поиске, изготовление копий и предоставление права на публикацию. Публикация и примечания д.и.н. А.И.Андреева и Н.Я.Симуковой.

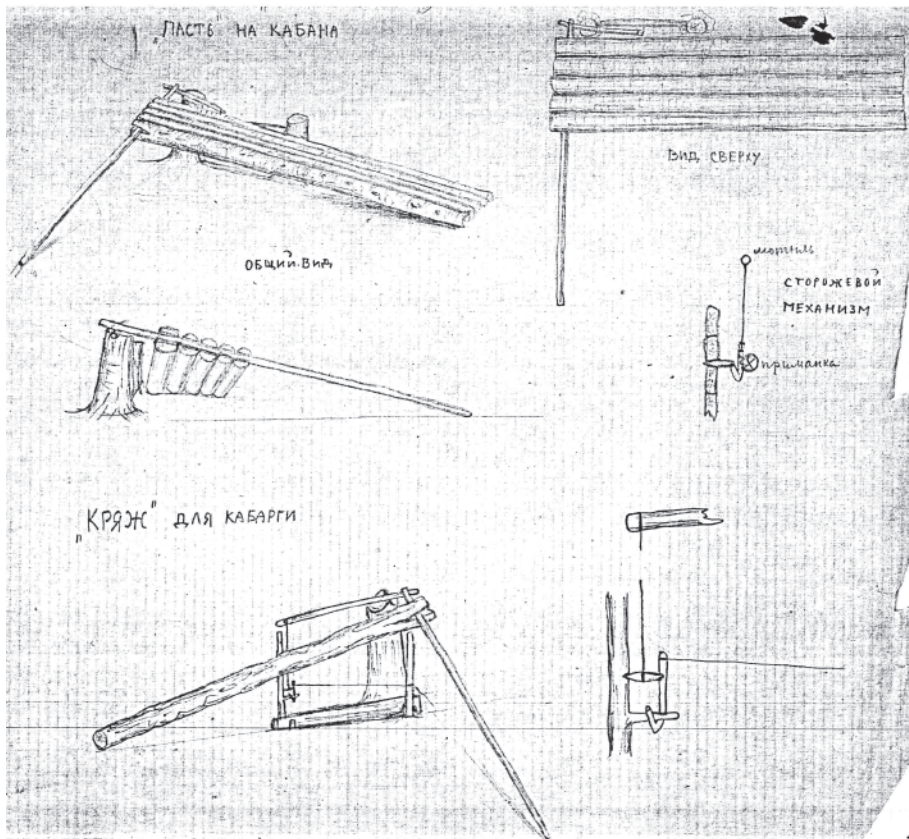
Прил_III-1-3

Прил_III-1-4

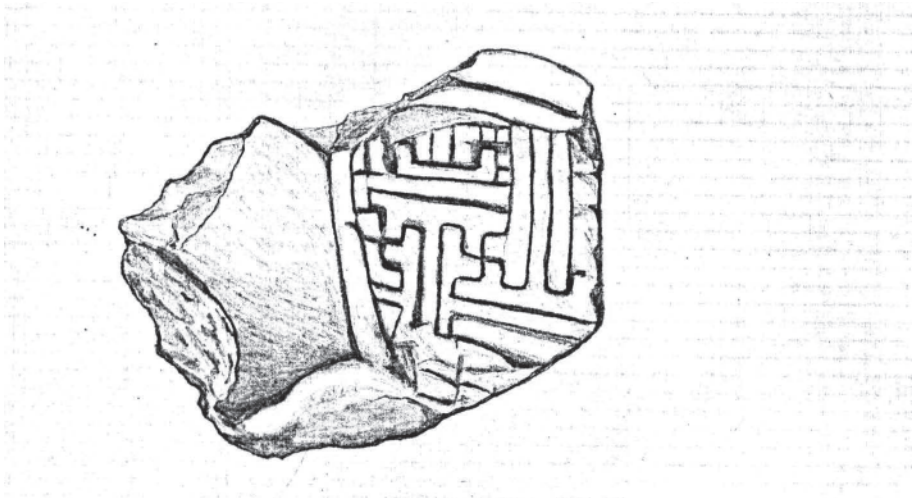
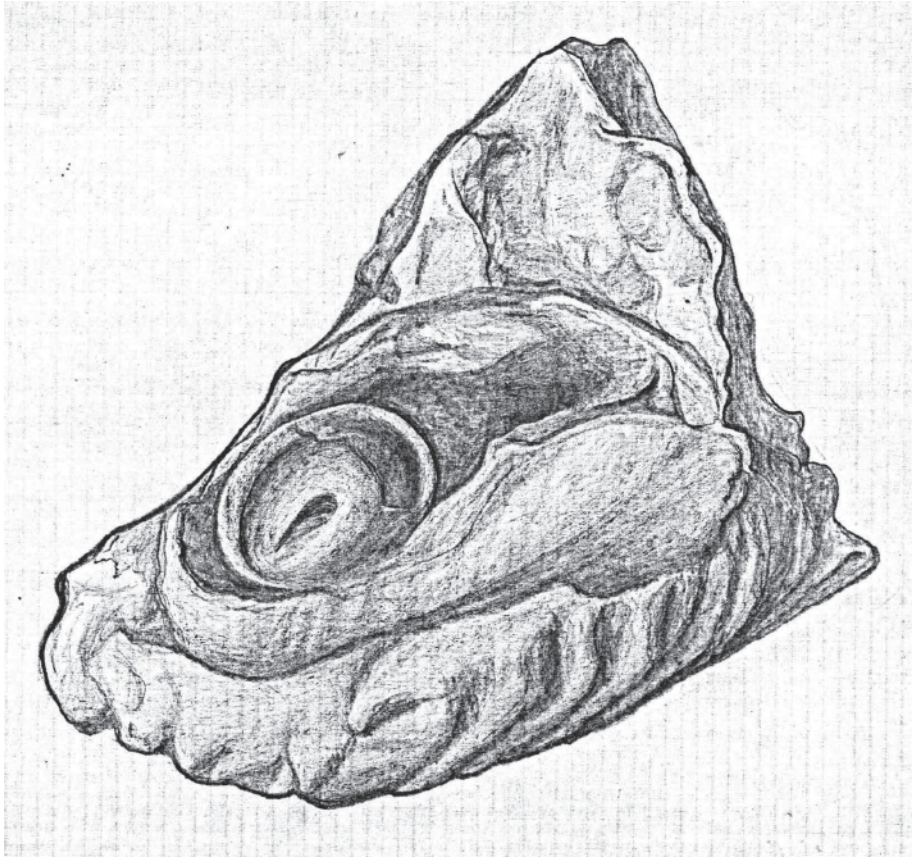
Прил_III-1-5

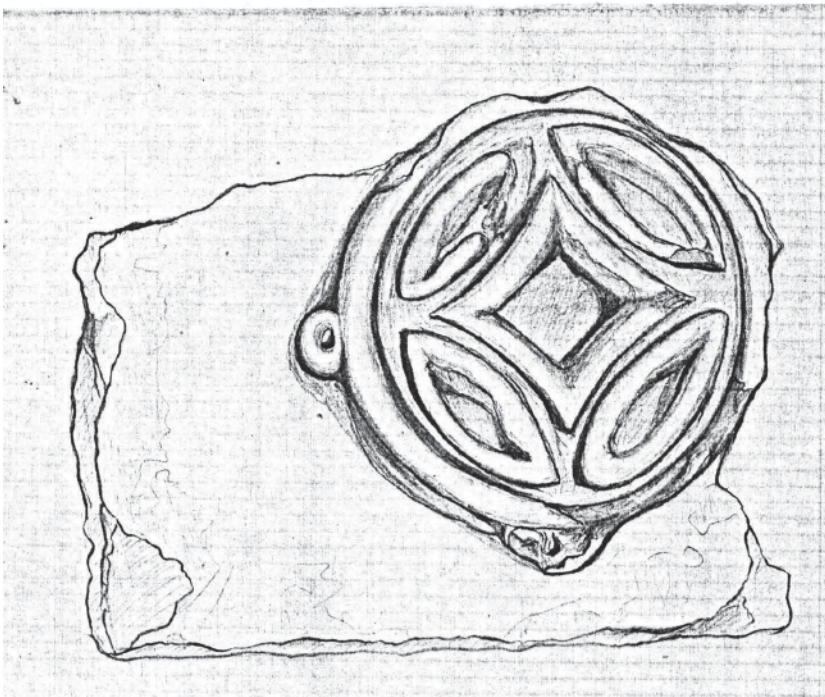
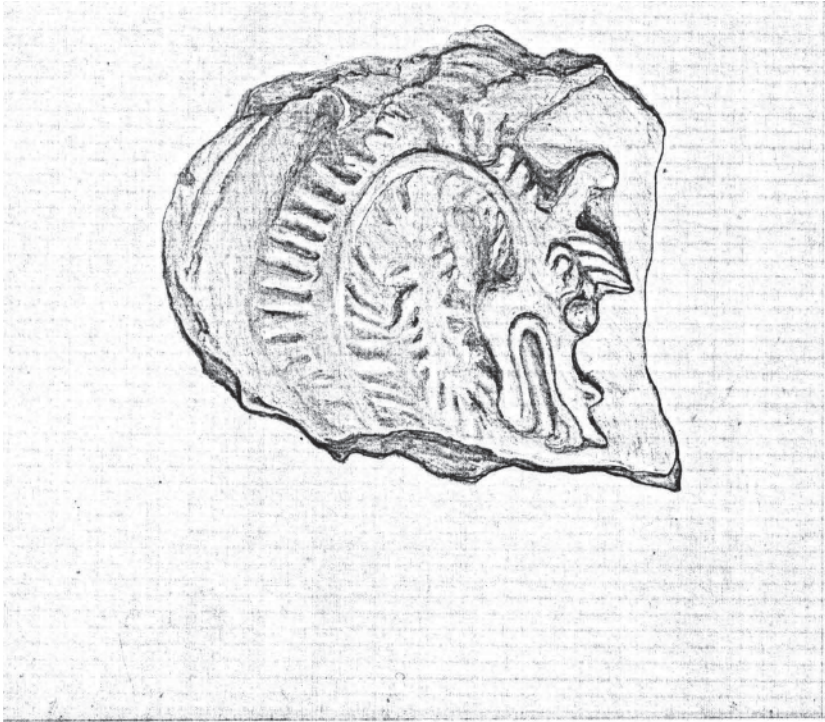

Прил_III-1-6

Приложение III – 2. А.Д.Симуков. Рисунки археологических находок 1924-1925 г.г. (Материалы экспедиции П.К.Козлова) //Архив РГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 87.

Приложение III – 3. Зарисовки А.Д.Симукова по маршруту Южной партии Монголо-Тибетской экспедиции и во время двухмесячной стоянки в горах Ноин-Богдо. 1925 г. (Материалы экспедиции П.К.Козлова). Архив РГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 87.

См. Зоологические заметки по маршруту Южной партии Монголо-Тибетской экспедиции Г.Г.О. под начальством П.К.Козлова 1925-1926 г.г. (Симуков, 2008а: 5-36); Краткая заметка о результатах двухмесячной стоянки в горах Ноин-Богдо (Центральная Гоби) (Симуков, 2008а: 37-39).

Прил_III_3_skf1_a_m

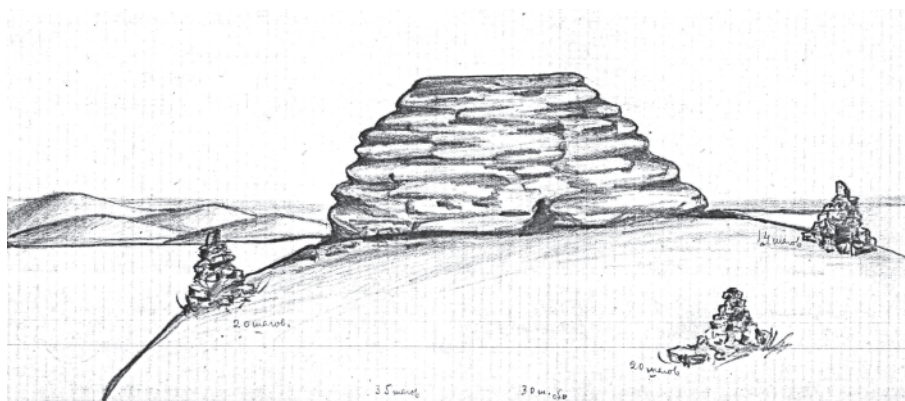
Прил_III_3_skf1_b_m

Прил_III_3_skf1_c_m

Прил_III_3_skf2_a_m

Прил_III_3_skf4_m

Приложение IV.

Приложение IV.

Схема маршрутов экспедиций Комитета Наук МНР (руководитель А.Д.Симуков). 1927–1938 г.г.*

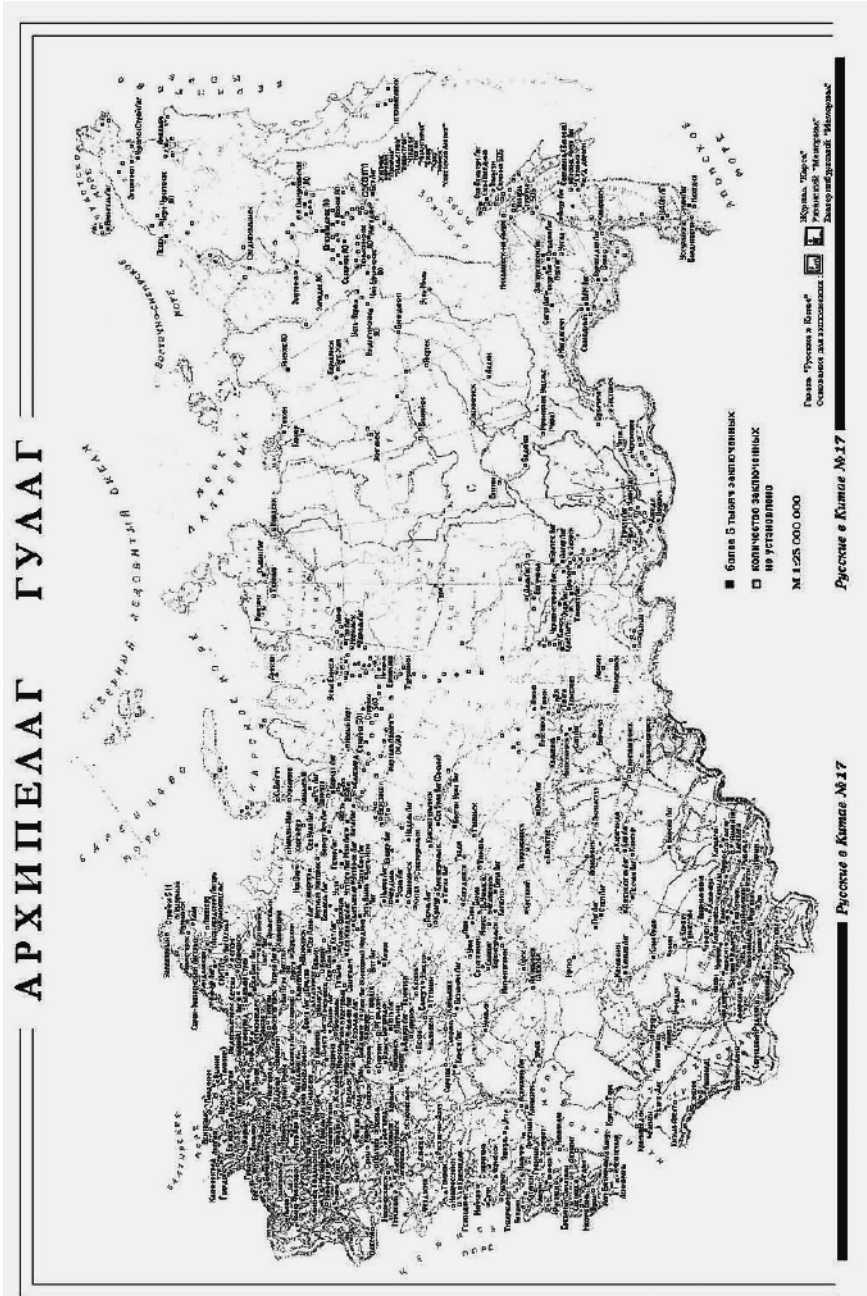
* Ранее опубликовано: SER75// Картографические работы А.Д.Симукова и маршруты его экспедиций// Компакт-диск – приложение к изданию: *А.Д.Симуков*//Труды о Монголии и для Монголии//сост. Юки Конагая, Санжаасурэнгийн Баяраа, Ичинхорлогийн Лхагвасурэн// Государственный музей этнологии/ Осака 2008.

Приложение V.

Приложение V.

- V-1. Карта-схема расположения ИТЛ на территории СССР (конец 30-х годов).
- V-2. Схематическая карта Республики Ком.
- V-3. ИТЛ на территории Коми края; организация, структура, характер работ.
- V-4. ИТЛ Крайнего Севера: этапы, условия работы, жизни и смерти.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

Прил_V-1

Прил_V-2

Прил_V-3

ИТЛ на территории Коми края; организация, структура, характер работ.

28/VI/29 ОГПУ создало лагерную структуру СЕВЛОН (Северные лагеря особого назначения). Задачи: строительство ж/д Усть-Сысольск (совр. Сыктывкар) – Пинюг, грунтовой автодороги Усть-Сысольск – Ухта, лесозаготовки. (Иванова, 2006: 165).

В июне 1929 г. в рамках этой структуры организуется Ухтинская экспедиция ОГПУ, состоявшая из заключенных, в том числе геологов, горных инженеров и других научно-технических специалистов, многие из которых были арестованы в 1928 г. по «Шахтинскому делу» (см. прим. 171 к гл. IV), мастеров, рабочих. Задача: выяснить возможности промышленной добычи нефти и солей радия на Ухте, разведочные работы в бассейне Печоры. Первая группа (139 человек и тяжелое оборудование) следовали пароходом: Кемь – Архангельск (9/VII) – устье Печоры (13/VII), баржами вверх по Печоре (16–21/VII) до пос. Щелья-Юр, где оборудование (75 т) перегрузили на большие лодки и дошли на них до устья Ижмы. Вверх по Ижме – пеший этап (лодки с грузом тянули по-бурлацки) через Ижемские пороги до устья р. Чибью (21/VIII), где была создана база экспедиции (фактически ОЛП – отдельный лагерный пункт). «Потом многие этапы повторяют этот путь» (Канева А.Н. Ухтпечлаг: страницы истории / http://www.pokayanie-komi.ru/martirolog/martirolog_t1/kaneva_UPL_stranitzi_istorii/) В экспедиции работали заключенные – крупные ученые-нефтяники Н.Н.Тихонович, П.И.Полевой, геологи Н.М.Леднев, И.Н.Стрижов, К.Г.Войновский-Кригер, Н.Н.Инкин, Б.Р.Компанеев, минералог И.И.Гинзбург, радиохимик Ф.А.Торопов, географ-натуралист А.В.Кулевский и др. Все они пришли по этапу. (О них см. Канева А.Н. Репрессированные геологи / М.-СПБ, 1999).

На 31/XII/30 в экспедиции состояло 824 заключенных. Результаты их работ: заложены разведочно-эксплоатационные скважины, давшие нефть и подтвердившие Чибьюское промышленное месторождение; разработана технология получения солей радия из пластовых вод; открыто Еджид-Кыртское месторождение угля. Построены жилищные, заводские, промышленные и административные помещения общим объемом 6000 м.

В 1930 г. в верховьях р.Усы (бассейн Печоры) работала экспедиция Института геологической карты ГГРУ ВСНХ под руководством Н.Н.Иорданского. Руководитель одного из ее отрядов Г.А.Чернов (сын А. А.Чернова) нашел и описал промышленное месторождение коксующегося угля на р.Воркуте (о выходах угля в этом районе впервые сообщил охотник-коми В.Я.Попов в 1921 г.). (Борозинец Л.Г. Ухтинская экспедиция ОГПУ <http://atlas.ukhta-lib.ru/ухтинская-экспедиция-огпу-1929-г;> <http://www.yaregaruda.ru/>

ru/book/export/html/34; <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/58384>).

6/VI/31 Ухтинская экспедиция ОГПУ реорганизована в Ухто-Печорский ИТЛ (Ухтпечлаг) с центром в пос. Чибью (совр. гор. Ухта) и основными задачами – разведка и добыча нефти, угля, газа и солей радия в Ухтинском и Печорском районах, а также – лесозаготовки, промышленное и дорожное строительство, судостроение, промыслы, сельское хозяйство. В 1938 г. (перед закрытием) в Ухтопечлаге содержалось около 90000 заключенных.

Структура Ухтпечлага, как и других лагерей на территории совр. Коми АССР (1929–1960), включала в себя: лагерное управление, лагпункты, командировки и подкомандировки, колонны и спецточки. Основное подразделение – ОЛП (отдельный лагерный пункт), а в Особых лагерях (1948–1955 г.г.) – лаготделение. Среднее количество заключенных ОЛПа около 3000 человек (обычно от 1000 до 4000). Количество заключенных строительной колонны – 150–600 человек, на крупных объектах значительно больше. Так, на строительстве моста через р. Печора (1941–1942 г.г.) работало около 25 тыс. человек.

В 1932 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был создан Ухто-Печорский трест, впоследствии появились «Воркутстрой», «Интастрой» и др. Формально трест отвечал за производство, лагерь – за обеспечение его бесплатной рабочей силой. Фактически, их деятельность тесно переплеталась. Начальник управления лагеря, как правило, был первым заместителем начальника треста, при общем подчинении ГУЛАГу. Трест был легальным лицом лагеря для открытой печати. Этим достигался эффект маскировки лагерей под обычные хозяйственные предприятия. (<http://issuu.com/memorial62/docs/karta-22-23>; http://www.pokayanie-komi.ru/martirolog/martirolog_t1/kaneva_UPL_stranitz_istorii/).

Силами заключенных Ухтпечлага в 1934 г. начата промышленная добыча угля на первой эксплуатационной шахте Воркутинского угольного месторождения (Рудник) (без электроэнергии, все горные работы от вырубки до доставки угля в первые годы велись вручную). В том же году построена узкоколейка (72 км) от Рудника к устью р.Воркуты для вывоза угля водным путем от устья Воркуты по рекам Усе и Печоре, далее по Баренцову морю и доставки оборудования и всего необходимого в обратном направлении. Полотно узкоколейки, проложенное по вечной мерзлоте, весной и летом непрерывно ремонтировалось, 70 км поезда проходили за 8–10 часов, зимой движение часто прекращалось из-за жестоких морозов и снежных заносов. Дальнейший водный путь в условиях полярного климата не решал транспортной проблемы. Огромное количество невывезенного угля скапливалось на берегах Усы.

28/X/37 принято постановление СНК СССР о строительстве железной дороги

Котлас – Воркута (1193 км). Весной – летом 1938 г. Ухтпечлаг реорганизован в несколько лагерей, в том числе:

Ухтижемлаг (центр в пос. Чибью (совр. г.Ухта) Коми АССР, п/я 226) – добыча и переработка нефти, асфальтитов, радиевых вод, строительство з-да «Нефтегаз», нефте- и газопроводов; численность заключенных на 1/VII/41 – 39087;

Устьвымлаг (центр в пос. Вожаель Коми АССР, п/я 243) – лесозаготовки, поставка лесоматериалов для Печорского угольного бассейна, производство шпал, сплавные и погрузочно-разгрузочные работы, обслуживание судоремонтных, механических и авторемонтных мастерских; численность на 1/VII/41 – 24183;

Воркутлаг (центр в раб. пос. (совр. г.) Воркута Коми АССР, п/я 223) – шахтное строительство, угледобыча, баржестроение на р. Печоре; численность на 1/VII/41 – 27393;

Сежелдорлаг (центр в пос. Княжпогост (совр. г. Емва) Коми АССР, п/я 219) – строительство участка ж/д Котлас – Усть-Кожва (728 км) Северо-Печорской ж/д магистрали Котлас – Воркута (1193 км); численность: на IX/40 – около 85000, на 1/VII/41 – 66926. В ноябре 1939 г. южный участок ж/д (Котлас – Княжпогост – Чибью) введен во временную эксплуатацию.

В перечисленных лагерях производство включало также промышленное, дорожное и гражданское строительство, производство стройматериалов, с/х работы.

10/V/40 – совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О строительстве Северо-Печорской ж/д магистрали и о развитии добычи воркуто-печорских углей». Сооружение магистрали поручено НКВД, разрешено снять всю рабочую силу из заключенных с ряда объектов Дальнего Востока и Южной Сибири и 20 тыс. заключенных с работы в других ведомствах для переброски на строительство Северо-Печорской ж/д магистрали, туда же направлять заключенных из колоний и тюрем независимо от сроков их осуждения.

НКПС поручено перевезти 160 тыс. человек (из них 40 тыс. с Дальнего Востока) и необходимый инвентарь.

Во исполнение постановления приказом НКВД от 14/V/40 был организован и открыт в июле 1940 г. Северо-Печорский ИТЛ (Печжелдорлаг, Печорлаг, центр в с. Абезь Коми АССР, п/я 274) для строительства участка Кожва – Воркута (465 км) Северо-Печорской ж/д магистрали Котлас – Воркута. На 15/V/41 в лагере было более 91600 заключенных (21 лаготделение, 56 лагпунктов, более 120 колонн). (*Шеренас А.* Сталинские лагеря Коми АССР/ <http://issuu.com/memorial62/docs/karta-22-23> С. 60–63); Система исправительно-трудовых

лагерей в СССР / <http://memo.ru/history/nkvd/gulag/>; Сталинские стройки ГУЛАГа, 2005: 256–257; <http://stalinism.ru/elektronnaya-biblioteka/pravda-gulaga-iz-kruga-pervogo.html?showall=1&limitstart=>).

При_V-4

ИТЛ Крайнего Севера: этапы, условия работы, жизни и смерти.

Этапы.

Пересыльный лагерь в Архангельске (1939) – «В ожидании приказа о погрузке долго стояли на причале <...> в конце длинной колонны, впереди стояли сотни заключенных-мужчин. Я вздрогнула, узнав Гуго Эберлейна, своего старого друга со времен Коминтерна. Он подошел. Передвигался он с огромным трудом: был очень болен. <...>. Потом охранник отвел его в строение неподалеку. От двери Эберлейн еще раз успел махнуть мне рукой. Из его друзей я была последней, кто его видел. Больных, чтобы не возиться с ними в дороге, за тем зданием расстреливали». (*Куусинен*, 1991: 146). По данным архива архангельского УВД: «Гуго Эберлейн, 1887 г.р., уроженец Германии. <...> Из мест лишения свободы Архангельской области убыл 03.07.39 г. в Локчимлаг (архив учреждения АН-23 п. Вожаель, Княжпогостский р-н, Республика Коми). До Локчимлага, как мы знаем, Эберлейна не довели...» (*Дойков*, 2010: 30).

«После советско-финской войны 1939–1940 г.г. освобожденные из финского плена советские военнослужащие были осуждены и отправлялись в северные лагеря небольшими партиями. Следы многих из них теряются в Архангельске – привозимых осужденных ликвидировали в подземных катакомбах» (*Дойков*, 2010: 126).

Переживших Архангельск везли (до начала войны) на северо-восток морским этапом – в трюмах пароходов – обычно до пос. (совр. г.) Нарьян-Мара в устье Печоры. Пароходы были перегружены в несколько раз против нормы: теснота, духота, скученность. В штормовом Баренцовом море почти всех валила морская болезнь. Пища – 400 г черного хлеба и селедка. Воду ограничивали, иногда до кружки на двоих в день. На палубу не выпускали. От жажды з/к черпали морскую воду из иллюминаторов котелками, привязанными к веревкам из портянок и заболели кровавым поносом (сентябрь 1940 г.). Путь длился 3–7 дней. (*Абрамович*, 2004: 193 (сетевая версия); *Розанов*, 1951: гл. 18 http://www.pokayanie-komi.ru/martirolog/martirolog_t1/iz_nigi_rozanova/).

В Нарьян-Маре заключенных перегружали в трюмы барж или малых грузовых судов. Охрана, собаки, склад – на полубаке. В трюме – нары в три-

четыре этажа, битком набитые. Темнота, много больных без медицинской помощи. Пища – хлеб и селедка, вода – из Печоры. Массовая дизентерия. Два-три клозета на кормовой палубе на несколько сот человек (*Куусинен*, 1991: 147–148; *Абрамович*, 2004: 193). «Но всего мучительней была власть урок в плавучем карцере. И в лагере уголовники заправляли всем: нормы, должности, вещи, места ночлега – все было в их руках. Под палубой же исчезали последние препятствия к их безраздельному владычеству. Часовой стоит на палубе. В руках у него винтовка со штыком. <...> В трюм он не спускается... Бойтся... и не без основания. <...> Нет смысла жаловаться часовому, что тебя избили, ограбили, отняли кусок хлеба – он не захочет и не сможет вмешаться. Он наверху, урки внизу. Пожалуешься – тебе же хуже будет. <...> атмосфера зловония и мрака, издевательств, страха и угроз...». (*Бегин*, 1991: 41). Это – Печора, начало лета 1941 г. В таких же условиях проходили пароходные этапы на Колыму в 1939 г. «На протяжении всего морского этапа мы не видели ни одного представителя власти, кроме матроса, подвозившего к нашему люку тележку с хлебом и бросавшего нам вниз эти «пайки», как бросают пищу в клетку диким зверям» (*Гинзбург*, 1989: 240).

Этап по Печоре длился от одной до нескольких недель. «Пять барж в три яруса были забиты заключенными по 400 человек в каждой. 8 июля 1938 года мы прибыли на место. Нам сказали, что оно называется Канин Нос*. Из барж стали выползать ослабевшие люди, помогая друг другу. Берег был крутой, пришлось многих нести на руках. Я помню, как один из заключенных, в военной форме, упал и не смог подняться. К нему подбежал охранник и ударил прикладом. Я попытался помочь, получил удар в спину, и мы оба покатались вниз. <...> Товарищи по этапу помогли нам буквально ползком взобраться наверх. <...> Лагерное начальство разбило нас по бригадам, распределило по работам. В первую очередь стали выгружать тачки, лопаты, кирпичи, клинья, колючую проволоку, в последнюю – муку и соль.

При зачистке барж в трюмах обнаружили 80 трупов. Их вытащили на кромку берега, произвели шмон, снимали одежду и голых бросили в воду. Одежду сожгли на костре» (*С.П.Артемов*, цит. по: *Азаров*, 1999).

«Заключенных группами высаживали на берег для отправки в лагеря вдоль Печоры. <...> Многих выносили на берег едва живыми. <...> Мы свернули в маленькую речку, она называлась Уса. Мы теперь плыли на северо-восток, становилось все холоднее. Начальник перевозки сказал, что скоро Полярный круг. <...> Мы, финки, сошли в Кочмесе, это была пристань, общая для ближайших лагерей, помню только два – Абезь и Инта. <...> Вокруг лежали огромные болота, вдали, на востоке, сквозь дымку виднелась низкая цепочка

* *Здесь: пристань на р. Печора на месте совр. г. Печора.*

Уральских гор. <...> Мужчины должны были плыть дальше по Усе до Воркуты-Вома, а оттуда идти пешком до Воркуты 60 километров» (Куусинен, 1991: 148, 150). «И на Воркуту-то гнали эсков на баржах: до Адзьва-Вома на крупных, а там был перевалочный пункт Воркутлага, и оттуда уже – на мелководной барже десять дней <...>. Лодочные этапы тоже были не сплошные, а перебивались то перегрузками, то переволоками, то пешими перегонами». (Солженицын, 1991: 402; см. также Приложение V-3 – этап Ухтинской экспедиции ОГПУ).

«В 30-е годы отправляли с Котласской пересылки каждый день этап в сто человек до Усть-Выми (около трехсот километров), а иногда и до Чибью (более пятисот). <...> В этих этапах проходили в день 25 километров. Конвой шел с собаками, отстающих подгонял прикладами. Правда вещи заключенных, котел и продукты везли сзади на подводах. <...> При задержках в пути – продукты растягивали, кармливали болтушкой из ржаной муки без соли, а то и вовсе ничем. <...> В 1940 этап, где шел А.Я.Оленёв, после барж погнали пешком по тайге (от Княж-Погоста на Чибью) – и вовсе не кормя. Пили болотную воду, быстро несла их дизентерия. Падали без сил – собаки рвали одежду упавших. В Ижме ловили рыбу брюками и поедали живой. (И с какой-то поляны им объявили: тут будете строить железную дорогу Котлас – Воркута!) <...> Когда таежной тропой ведут этап от Княж-Погоста до Весляны, и вдруг какой-то заключенный упал и дальше идти не может <...> стрелок остается с ним ненадолго, потом нагоняет поспешно, уже один» (Солженицын, 1991: 406, 407).

Некоторые этапы из Котласа весной 1941 г отправляли в Печорлаг по участку железной дороги Котлас – Кожва, только что сданному во временную эксплуатацию. «Поезд трясло, как корабль в бурю, <...> многие заболели морской болезнью. Все были обессилены. <...> Через несколько дней пути нам наконец приказали выйти из вагона. Стояли в открытом поле. Кругом болота. Видны редкие кустарники и низкорослые деревья. Станция называлась Кожва. <...> Нам приказали построиться в колонну по четыре. Офицер энкаведист произнес традиционное короткое предупреждение: «Вы идете в пересыльный лагерь. Соблюдайте порядок в рядах. Шаг вправо или шаг влево рассматривается как побег, и конвой имеет право стрелять без предупреждения!» <...> Долог путь в пересыльный лагерь. Месили грязь по размокшей дороге, порой перебирались по мосткам шириной в бревно. <...> Время от времени я оглядывался. За мной двигались ряды кандидатов на «перевоспитание». Масса народу. <...> у многих от усталости подкашивались ноги. Кругом винтовки со штыками, взведены курки. Остервенело лают собаки. <...> В шеренге врачи, инженеры, адвокаты, профессора, рабочие, судьи, офицеры. <Этап польских граждан из Вильнюса, после захвата

восточных областей Польши советскими войсками в сентябре 1939 г., см. прим. 539 (17–28/IX/39) к гл. IV>. Такой парад в двадцатом веке! Парад рабов». (*Бегин*, 1991: 32).

По прибытии этапа к месту назначения производилась переключка, обыск, обработка дезкамерой («вошебойка»), заполнялись формуляры и карточки. Лагерная медкомиссия устанавливала категорию трудоспособности: ТФТ, СФТи ЛФТ (тяжелый, средний и легкий физический труд) в строгом соответствии не с состоянием здоровья заключенного, а со статьей и пунктом его обвинения. Категории СФТ и ЛФТ присваивали бытовикам и уголовникам. Инструкция (см. прим. 16 к гл. V) запрещала использование осужденных по 58-ой статье на административно-хозяйственных должностях, исключения были крайне редки. 3/к - 58 полагался ТФТ – «общие работы» - первая категория здоровья (*Розанов*, 1951: гл. 19; *Морозов*, 2000: 40). «За четыре часа до смерти «первую категорию здоровья» получила Таня Станковская. <...> меня, еле стоящую на ногах от истощения, цинги, дистрофического поноса, направили на работу по разгрузке каменного карьера» (*Гинзбург*, 1989: 226, 230). «Прибывшие этапы за время продолжительного этапирования были утомлены и истощены, много больных. При этапировании в отделения не получили необходимой медицинской помощи. Не обращая внимания на последствия, без разбора физического состояния заключенных, они выводились на трудоемкие работы» (*Азаров*, 1999). «Общие работы – это главные основные работы, которые ведутся в данном лагере. На них работает восемьдесят процентов заключенных. И все они подышают. Все. И привозят новых взамен – опять на общие. Там вы положите последние силы. И всегда будете голодные. И всегда мокрые. И без ботинок. И обвешаны. И обмерены. И в самых плохих бараках. И лечить вас не будут. *Живут* же в лагере только те, кто *не* на общих» (*Солженицын*, 1991: 393).

Типы основных «общих работ» в ряде ИТЛ Коми АССР в 1940–1942 гг. – см. Приложение V-3. Как и в каких условиях заключенные выполняли эти работы – см. ниже.

Лесозаготовки. «... Тогдашний лесоповал – без мотопил, трелевочных тракторов, автопогрузчиков – был убийствен. <...> Подъем в 6 утра, развод на морозе при пронизывающем ветре, долгая мучительная дорога до лесосеки, эта страшная работа по пояс в снегу – пилить нагнувшись да ручной пилой дерево, надрываться вытаскивая баланы из снега, мокрым и замученным брести в зону <после 12 часов работы> и там, похлебав не утоляющей голод баланды, залечь на жесткие нары в ожидании нового подъема...» Ручная (вместо лошадей) трелевка – доставка бревен к дорогам вывозки: 8–10

человек несут почти двухтонное бревно. «Глаза вылезают из орбит.. Больше недели такой работы никто из нас не выдерживал». (Разгон, 1994: 192, 304, 326). «... довелось и вкалывать на лесоповале, где летом буквально жрет мошка, облепляя руки, лицо, глаза, и быть «транспортом», таская из леса на завод древесные кряжи. Хорошо помню эту проклятушую работенку. Стояли шестидесятиградусные морозы, а мы волокли на себе эти чертовы бревна, впрягаясь по 10–12 человек и карабкаясь с бечевой по глубокому снегу». (Четвериков, <http://gulaghistory.org/exhibits/days-and-lives-r/zakluchennye/8>). «Недаром в лагерях лесоповал называли «сухим расстрелом» или «лесным расстрелом». ... все те, кто работали только лесорубами, были обречены на уничтожение. На медленную или же быструю смерть от истощения и жизни в условиях, невыносимых даже для такого пластичного и выносливого биологического существа, как человек». За зиму 1938–1939 г.г. только на Первом лагпункте Устьвымлага из 517 человек московского этапа осталось в живых 27. «... вымирали смоленские, ставропольские, могилевские этапы». Из 270 китайцев с Дальнего Востока, работавших на ручной трелевке, за три месяца умерло 269. Выжил один, работавший поваром. (Разгон, 1994: 10, 326).

Железнодорожное строительство. Природно-климатические условия – см. прим. 15 к гл. V. В 1933–1934 г.г. впервые сооружали узкоколейку по тундре от Воркуты-Вома (устье р. Воркуты) к Руднику (первые воркутинские шахты). Один из этапов пригнали из Салехарда пешком через Урал, по тундровым болотам. «Шлепали <...> мокрые до ушей. На ночь в ту же воду. Ни костра развести, ни обогреться – ничего! Едим сухари, в том же болоте размачиваем. <...> Сухарей дали на десять дней. Шли же мы месяц. Народ был отобран сильный, в основном крестьянский. Но все равно многие ослабели, начали отставать. Сначала стреляли. Потом махнули рукой <...> Да за нами волки стайей, как за оленями шли. <...> И вот пришли. Ни барачков, ни кухни – ничего! Что в тундре, что здесь. Из семисот человек доползло не больше половины. Из дошедших еще половина здесь кончилась. <...> Людей распределили по всей трассе. Никто для них ничего не готовил. Привели в болото, велели ставить землянки и идти на приступ <...> Цинга... санчастью тогда владели урки, медицинской помощи – никакой, только акты на смерть составляли. <...> Лес не завозили, сами заготавливали <для шпал> разные коряги по Усе, рельсы присылали выбракованные, десять раз активированные, костыли вручную делали. <...> Когда стали открывать движение <...> полотно местами было еще мягкое, словно тесто, паровоз, конечно, зашатался, как пьяный» (Зубчанинов, 1995: 65–66). Та же дорога через три года – «узенькое полотно еле выдавалось из окружающих болот, маленькие корявые шпалы тонули в пучившейся глине, рельсы были разнокалиберные – то пошире, то

поуже. Одна нитка этой дороги убегала в тундру, а подъездные пути расходились к угольным складам, в депо, к лесопилке, в карьеры. На откосах кое-где валялись рельсы» (Зубчанинов, 1995: 65).

Осенью 1937 г. принято постановление СНК СССР о строительстве железной дороги Котлас – Воркута (1193 км) (см. Приложение V-3). Трасса пересекала много рек, около 20% её протяженности занимали глубокие болота. Маршрут магистрали шел по слабонаселенным районам, практически лишенным дорог. Доставка рабочей силы – речными и пешими этапами (см. выше). Стройматериалы, рельсы, мостовые конструкции, первые паровозы (в разобранном виде), необходимое оборудование, инструменты, продовольствие, обмундирование первое время завозили на баржах по рекам, если успевали (срок навигации около 2-х месяцев), далее – на санях или немногочисленных машинах по зимникам, а позднее по «лежневке» (см. ниже), которую строили одновременно с железной дорогой. (Азаров, 1999; Зубчанинов, 1995).

Работы по строительству собственно полотна железной дороги включали:

- расчистку участка (в тайге это – разрубка и корчевание трассы),
- отсыпку насыпи и разработку выемки,
- укладку верхнего строения полотна – шпал и рельсов (Разгон, 1994: 358).

Сооружались мосты, переправы, обходы и вся система обеспечения движения.

«На первых порах работы велись в основном вручную – тачки, грабарки, машин было мало <...> Механизация работ на стройке составила 11,7%. Больше половины – 64,4% всех земляных работ осуществлялось вручную» (Азаров, 1999).

«Если бы можно было взглянуть на стройку с высоты птичьего полета, она напомнила бы муравейник, протянувшийся на сотни километров. Кто-то из строителей рубит лес, выкорчевывает пни, кто-то в тачках отвозит в сторону негодный грунт, торф и болотную жижу, кто-то взрывает горы и засыпает овраги. Работа шла круглые сутки, в две смены. Днем – при свете солнца, если оно было, а ночью свет обеспечивали кострожёги из слабосильной команды» (Э.Ваза, цит. по: Азаров, 1999). «Ежедневно отсыпалось около 40 тысяч кубометров насыпи. Были случаи, когда отсыпанное днем полотно на следующее утро исчезало в бездонном болоте» (А.И.Бровицкий, цит. по: Азаров, 1999).

В мае 1940 г. принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О строительстве Северо-Печорской ж/д магистрали и о развитии добычи воркуто-печорских углей». Для создания северного участка магистрали от Кожвы до Воркуты (465 км – лесотундра и тундра) в июле 1940 г. был открыт Печоржелдорлаг или Печорлаг (см. Приложение V-3). Первый начальник Печорлага Г.П.Большаков «приехав в Абезь, заявил, что бараков для заключенных строить не будем, трассу пройдем в палатках и землянках,

надо с первых дней форсировать объемы основных строительных работ железной дороги: рубка просеки, отсыпка насыпи, разработка выемки» (В.Х.Голук, цит. по: Азаров, 1999). Работа велась строительными колоннами. Трасса была поделена на участки 20–30 км. На каждом участке строительная колонна вела отсыпку полотна одновременно в северном и южном направлениях. После укладки шпал и рельсов колонна перебрасывалась на следующий свободный участок. Строительные колонны двигались навстречу друг другу. В день укладывали от 2-х до 5-ти километров пути (Морозов, 1997: 123; Азаров, 1999: 8–11). «После <строительной> колонны центральный ОЛП в Абези – земля обетованная <...> относительно стабильное существование <...> полузарывшиеся в землю бараки. <...> Продержаться можно» (Ясный, 1997: 86).

Иллюстрацией к строительству железной дороги в зимней тундре может служить рассказ пл. инженера и зам. нач. управления строительства 501 («Мертвой дороги») А.Д.Жигина Ал.Д.Симукову и Н.Я.Симуковой в середине 80-х годов.

- По только что построенному участку колеи приходит состав с рабочей силой (заключенными), охраной, собаками, рельсами, шпалами, балластом, материалами и инструментами. З/к разгружают состав, начинают укладку полотна, состав уходит. Через 12–14 часов работы – отбой. Охрана – в палатки, з/к зарываются в снег или пытаются строить убежища из блоков мерзлого снега. Утром встает примерно половина. Приходит следующий состав с новым этапом и стройматериалами. Работа продолжается.

«В течение нескольких лет каждый заключенный на вечерней поверке с ужасом ждал, что бригадир зачитает его фамилию в списке тех, кто утром пойдет на строительство железной дороги. «Списочных» на ночь запирали, хотя у них и не было никакой возможности избежать этой работы. Мало кто из них возвращался в лагерь. Оставшиеся в живых рассказывали страшные вещи. Кормили плохо, больными никто не занимался. Упадешь, ослабев, и не сможешь подняться – тут же пристрелят. Трупы укладывали вместо шпал – древесины не хватало, в тех широтах лесов нет» (Куусинен, 1991: 161–162). «Мертвецов закапывали прямо в насыпь. Там сейчас каждая шпала на костях лежит» (Зубчанинов, 1995: 66; см. также: Разгон, 1994: 28). «Особенно много требовалось людей на железнодорожное строительство: и работы больше, и убыль <...> эзков несравненно больше, чем в стационарных лагерях» (Ясный, 1997: 100).

Автодорожное строительство. В конце 1930 г. началось строительство тракта Усть-Вымь – Чибью (совр. г.Ухта). «Из Вогвоздина мы шли пешим этапом по недавно построенному тракту Усть-Вымь – Чибью. Прорубленный в тайге, он был проложен по болотам, уже разбит колесами грузовиков, песок

и щебенка колыхались под нашими ногами, мы шли по непросыхающим лужам. В день мы делали 25 км <...> идти по зыбучему песку было трудно» (Разгон, 1994: 322). «Наш этап, прошедший по этому тракту под усиленным конвоем 270 км за 12 суток, попал на строительство новой дороги Чибью – Крутая, где было открыто месторождение газа. <...> Передвижение осложняли пни и топкие болота, застланные зыбкой лежневкой из жердей. <...> Летом работали на трассе по 12–14 часов, зимой – 8. Работа была поистине каторжной: лесоповал, корчевка пней, отсыпка насыпи, вывозка грунта на тачках или носилками. Рабочий инструмент: лопата, кирка, лом. Что стоит голодному человеку, полураздетому, целый день простоять в ледяной воде, болотной жиже при рытье кюветов, выкидывая в насыпь земляного полотна липкий грунт, упорно прилипающий к лопате! Или по кусочкам разбивать киркой или ломом замерзшую окаменевшую глину голыми руками, обмораживая пальцы, стертые до кровавых мозолей из-за отсутствия перчаток! Механизмов на трассе не было. <...> За каторжный труд мы получали на день килограмм хлеба. В обед - черпачок жидкой баланды с редкими крупинками перловки или ячневой крупы (ее полагалось 60 гр.), на второе - черпачок жидкой кашицы и кусочек соленой трески или крохотная рыбешка. Вечером черпак той же баланды. <...> Бывали дни, когда хлеб вовремя не привозили, на завтрак был только черпак вонючей баланды или каша. Люди шли на трассу голодными. Если хлеб в тот день не поступал, нам выдавали по 300 граммов муки, из которой мы делали “заваруху”. <...> При таком питании человек быстро “доходил”, не выполнял норму. Организм сдавал, затраченные силы не восстанавливались. Если норма не выполнялась, <...> пайка хлеба снижалась до 400 гр. Попал в штрафной изолятор за систематическое невыполнение - там 200 гр. <...> От здорового человека через 2–3 месяца на трассе оставался скелет. Смертность была ужасная: из этапа в 500 человек через три месяца в живых было несколько десятков жалких “доходяг”. Покойников хоронили в общих “могилах”. На небольшом колышке указывались только их личные номера, но не фамилии. Зимой трупы сбрасывали в проруби (если поблизости была речка) или закапывали в снег» (Гурский, 2003: 25–28). «... абсолютно гибельный лагерь, откуда почти никто возвратиться не мог. Лагерь этот находился в Ухтпечлаге, он строил дорогу Чибью – Крутая. Строительство это было несколько затянувшейся формой убийства. Бездонное болото, куда заключенные кидали тачки с песком. Люди за тачками менялись быстро, больше двух месяцев никто не выдерживал» (Разгон, 1994: 272). «Здесь строили дорогу от Чибью до деревни Крутой, сто километров через непроходимый лес. Дорога строилась на всем протяжении одновременно. Бригады, работавшие вдали от Чибью, не имели ни минимальных бытовых условий, ни нормального питания. Заболеваемость и

смертность стали повальными. Возчики, доставляющие продукты, подбирались отчаянные. Покойников на стокилометровом пути было много, возчики вырезали у них куски и продавали в конце пути голодающим, как якобы мясо, купленное в деревнях. Мне пришлось лечить начальника этого строительства, он стал полусумасшедшим» (*Глазов, 1999: 118–119*). «Снабжение продуктами питания было поставлено чрезвычайно плохо. Заключение от голода ели мясо павших лошадей, были и случаи каннибализма» (*Морозов, 1997: 35*).

Вдоль строящейся железнодорожной магистрали одновременно сооружали автотранспортную дорогу для перевозки стройматериалов, продовольствия и всего необходимого. «Неблагоприятный грунт, заболоченность делали невозможной строительство обычной грунтовой дороги». На участке Чибью – Кожва была построена автолежневая дорога протяженностью 235 км с деревянным настилом. Дорога была однопутной и снабжена необходимыми разъездами (см. *Азаров, 1999*). «Нашу бригаду перебросили на укладку лежневки через болото на подступах к нашему лагпункту. Болото топкое. ... Середина болота представляла бездонную топь, очень опасную для пешеходов. Оно буквально дышало. Все тяжелые грузы на создаваемые лагпункты забрасывались зимой, когда болото замерзло, но и тогда еще во многих местах трясина не поддавалась морозам, и поверх ее вынуждены были устраивать из жердей временную жердевку, постепенно уходящую вглубь. Длинные, в несколько метров жерди не достигали дна. Тогда последовало распоряжение настлать сплошной настил из толстого леса. Для этой цели выделили три лошади...на подвозку бревен. Мы же должны были на плечах нести бревна на болото, где укладывалась лежневка...на ширину до 300 м. На готовую лежневку землекопы тачками возили грунт для насыпи... Участились простудные заболевания и обмороживания пальцев на ногах. Тело стало покрываться язвами и фурункулами» (*К.П.Гурский, цит. по: Морозов, 1997: 34–35*).

Все работы на открытом воздухе прекращали только при температуре ниже -50°C , иногда – ниже -55° и даже -60°C (*Шаламов, 2001: 166*). «... начальник производственного отдела Управления звонил <начальнику лагпункта> и кричал, что надо выводить людей в лес, потому что температура сейчас **только 50 градусов**» (*Разгон, 1994: 383–384*). «Когда температура опускается ниже сорока градусов, вы начинаете чувствовать на себе каждые дополнительные пол-градуса и ощущаете, что кровь застывает в жилах. Когда же температура ниже пятидесяти градусов, вы с большим трудом открываете веки. Каждый вздох – словно нож, вонзаемый в грудь. ...минус пятьдесят семь

градусов <...> - выдыхаемый воздух заледеневаает» (*Росси*, <http://gulaghhistory.org/exhibits/days-and-lives-r/zakluchennye/8>).

Зимой 1939–1940 г. на строительстве железной дороги Котлас – Воркута произошла трагедия. «Из-за сильного мороза <ниже 60°> работы на трассе прекратились <...> начальство решило вывезти этап со своего участка на отдаленный <...> собрали около тысячи человек самых слабых и истощенных, доходяг – лишний балласт для руководства лагеря. <...> Казенное обмундирование с них снимали. Взамен выдали старье: на новом месте начальник обует и оденет. Конвоиры, одетые поверх полушубков в бараньи тулупы... Усадили на открытые бортовые машины. <...> Двигались по лежневке. На полпути <...> колеса передней машины соскочили с колеи и застряли между брусьями <...> на эстакаде высотой более трех метров. Заглох мотор. <...> приказ – сойти с машин! Снегу было по пояс. Конвой разрешил развести костры, но они не хотели гореть. <...> Мороз нарастал, заглохли и остальные машины. <...> Наконец, команда – идти вперед до ближнего лагпункта. <...> Люди медленно двинулись по обледенелой колее». <...> Машины из лагпункта назначения, направленные на поиски непришедшего этапа, «встретили едва живых людей... По всей лежневке подобрали 714 трупов! Их штабелями сложили у железной дороги, чтобы закопать <когда оттает земля> в большую безымянную братскую могилу и сравнять ее с землей» (*Гурский*, 2003: 45–46).

Угледобыча. В 1934 г. была начата промышленная добыча угля на Воркуте, позднее – в районах Инты и Еджид-Кырта. В заполярной Воркуте «зима длится десять месяцев. Темноте полярной ночи казалось нет конца. <...> Морозы часто доходили до 50°! И все же страшный холод был не так ужасен, как пурга, хоронившая бараки под снегом по самые трубы. В такую пургу на улицу выходить было опасно, посланные расчищать снег заключенные часто гибли. Чтобы выйти из барака, сначала надо было прорыть от двери туннель» (*Куусинен*, 1991: 164). После пурги «... очищались строительные площадки, лагерные дороги, подходы к шахтам и буровым. По всей железной дороге раскапывались поезда и расчищался путь, <...> перебрасывались сотни тысяч кубометров снега. <...> лазареты и бараки переполнялись обмороженными» (*Розанов*, 1951: гл.16). «Снег был спрессован ветрами так, что его приходилось резать железными лопатами и кирпичами выкладывать по обочинам. Получался глубокий коридор, из которого не выглядывали даже трубы паровозов» (*Зубчанинов*, 1995: 71). <...> «Заключенных поднимали в пять утра. Они шли пешком два километра до шахты и работали с восьми часов утра до восьми вечера» (*Куусинен*, 1991: 159). «До 1938 года основным способом проходки было бурение коловоротом и ручными бурами с отбивкой ломом и кайлом. Откатка производилась

вагонетками вручную» (Моруков, 2011: ч. 2). «Я попросил инженера <...> показать гостю “специфику нашей работы”. Инженер привел нас в мокрую лаву <...> - настоящий ад. Сверху шел сплошной ливень, с кровли валились мелкие куски породы, по наклонной почве несся поток воды; за грохотом рештаков ничего нельзя было расслышать. При слабом освещении от шахтерских лампочек люди, стоявшие тесно друг к другу, что-то колотили, кидали, при этом кричали и матерились. Инженер <...> заставил <гостя> лезть по выработке <...>, по ней текла вода, а высота ее позволяла пробираться только на четвереньках. <...> Дальше ему показали посадку лавы. Когда он, услышав страшный треск <...> увидел оседающую кровлю, мы поняли, что пора подниматься на поверхность» (Зубчанинов, 1995: 136).

«По утрам мимо барака с инструментами на плечах проходили бесчисленные бригады шахтеров, строителей и дорожников. За ними на белом снегу оставались розовые пятна. Это цинготники сплевывали слюну с кровью из размякших синих десен. В лазарет принимали больных лишь с резкой формой цинги, когда ноги опухали и появлялись злокачественные пятна. Остальные еще могут работать!» (Розанов, 1951: гл. 16). «Почти все были больны. Чаще всего встречалась болезнь пеллагра – от недостатка витаминов происходили тяжелые нарушения пищеварения и расстройство нервной системы. <...> Смертность среди работавших в шахте была очень высокой – у нас не хватало мест для всех, нуждающихся в лечении. <...> Странным казалось требование составлять в пяти экземплярах заключение о смерти и посылать его в министерство здравоохранения. В документе надо было дать подробную картину болезни, указать причину смерти. Работавшие в шахтах гибли от голода, но об этом упоминать запрещалось. Каждое утро в маленькой комнатке складывали друг на друга голые, худые, как скелеты, трупы. Когда их как следует прихватывал мороз, трупы вывозили на санях. Я однажды спросила возчика, где же трупы хоронят. «Бросают в тундре», - ответил он» (Куусинен, 1991: 159). «При лагере было даже хирургическое отделение, там лежали получившие травмы в авариях на шахте. <...> Каждый раз, когда открывали новую шахту, число наших пациентов резко возрастало» (Куусинен, 1991: 160). «За второй квартал 1943 г. было 442 аварии на шахтах, за третий квартал – 616, за четвертый – 960» (Морозов, 1997: 49).

Условия жизни.

Жили заключенные в бараках, землянках или палатках (зимой и летом). «Огромная, длинная палатка из обыкновенного брезента, в ней двухэтажные сплошные нары, даже не из досок, а из кругляка – тонких бревен; посередине палатки – печь, сделанная из обыкновенной бочки из-под бензина. Печь раскалена до красноты, находится около неё невозможно, но зато в глазах

палатки нетающие сугробы снега. Спали вповалку, прижавшись друг к другу, и поворачиваться можно только всем вместе – по команде... а подушку заменял обрубок бревна. <...> тебя разбудит удар молотка по рельсу у входа и надо первым делом оттирать от нар и брезента примерзшие за ночь волосы...» (Разгон, 1994: 11, 338). «Стоявшая в изголовье, в 20-ти сантиметрах от промерзшего насквозь брезента, банка с водой промерзала до дна» (Гурский, 2003: 26). «Жилищно-бытовые условия и санитарные условия заключенных неудовлетворительные, не обеспечивающие минимальные человеческие потребности. Колонны № 2, 105 и др., а также колонна слабосильных 16-го отделения не имеют вещдоловствия для заключенных — белья, одежды. Жилые бараки не утеплены, в бараках холод, грязь и вшивость, люди спят в верхней одежде. Дезокамеры и сушилки отсутствуют, кипяченой водой заключенные не обеспечены, в некоторых бараках нет нар и полов, заключенные спят на земле. В результате у заключенных появляется массовая заболеваемость. <...> 13-е отделение зимним обмундированием обеспечено только на 50%, заключенные ходят в ботинках, имеются случаи обморожения» (из докладной записки начальнику опер. отдела ГУЛАГа майору ГБ Йоршу «О санитарно-бытовых условиях заключенных Печорлага НКВД по состоянию на 10 ноября 1941 года»; цит. по: Разгон, 1994: 30). «Хуже всего были вши. Они кишели в каждой складке одежды, пожирали нас днем и, особенно, ночью, лишая ... сна» (<http://gulaghistory.org/exhibits/days-and-lives-r/zakluchennye/8>).

Проблема жилья «упрощалась», если этап пригоняли на неосвоенное пустынное место с приказом строить новый ОЛП. «Мы спали в снегу. Единственную палатку заняли охранники. Сначала нам приказали установить проволочную ограду, потом четыре сторожевые вышки. Лишь после того, как <...> на вышки поднялась охрана, нам разрешили строить бараки. Лагерь строился не один день. После двенадцати, четырнадцати, шестнадцати часов работы нам приходилось закапываться глубоко в снег <...>. Не каждый мог встать наутро. <...>. Порой число заключенных, навек уснувших в снегу, превышало число поднявшихся работать. Но строительство не прекращалось. Прибывали новые заключенные». (Бегин, 1991: 35; см. также: Солженицын, 1991: 401).

Большинство заключенных после ареста оставались вплоть до лагеря (тюрьма, допросы, этапы, пересылки), а иногда и в лагере, в своей одежде. Добротную и теплую одежду крали или отбирали урки. В лагере полагалось рабочее обмундирование. «Морозы относительно небольшие – до 38°. Ватные брюки, телогрейка, бушлат, пусть и не первого срока, защищали. С обувью было хуже. Брезентовые ботинки с двумя парами портянок. Через несколько

дней пальцы подморожены» (*Ясный*, 1997: 5). «Летом – так называемые ботинки из автомобильных кордовых покрышек, сшитых проволокой и не задерживающих воду. Или же из ... отходов <кожи>, ранее шедших на свалку, сшитых до формы ботинка и набитых на деревянную подошву. В зимнее время заключенные щеголяли в «чунях» из старых активированных ватных бушлатов, телогреек или шаровар. Правда, иной раз счастливики получали и новые валенки, быстро изнашивающиеся на земляных работах в воде, вязкой глине или на острых камнях» (*Гурский*, 2003: 26). «... полотенце вместо шарфа, засаленная <матерчатая> ушанка. А в сильные морозы все обязаны надевать входящие в зимнее обмундирование «лицевые маски» против обморожения. Маски – с прорезями для глаз, носа и рта – сделаны из текстильных отходов: ярких ситцев, вафельной ткани и прочего тряпья» (*Разгон*, 1994: 198).

Производственные нормы выработки для заключенных на общих работах были на 20% выше, чем для вольных, рассчитаны на 12-часовой рабочий день (*Розанов*, 1951: гл. 19; *Бегин*, 1991: 38). «Теоретически за работу заключенным Ухтижемлага <выполнившим норму>, платили деньгами <премиальное вознаграждение>. К ним применялись самые низкие ставки и удерживались всевозможные штрафы. Инвалидам, освобожденным от работы по состоянию здоровья и т.п., премвознаграждение не начислялось. В 1940-е годы заключенный мог в среднем получить на руки около 23 рублей в месяц, а килограмм черного хлеба стоил тогда 200 рублей и столько же 50 граммов махорки на черном рынке: в лагерном ларьке этих товаров или не было, или они очень строго лимитировались». (*Кустышев*, 2010: 129).

Нормы питания («котел», «пайка») заключенных зависели от выполнения производственных норм. В Севжелдорлаге при выполнении нормы на 80–100% полагалось в день 700 г хлеба, 2 миски «супа» (баланды) и пара ложек жидкой каши, за 60–80% нормы – 500 г хлеба и две миски баланды, за 30–60% - 400 г хлеба и две миски баланды, при выполнении нормы на 30% и ниже – 200 г хлеба и миска баланды (штрафной котел). (*Морозов*, 1997: 110; *Куусинен*, 1991: 159). Систематическое невыполнение нормы расценивалось как саботаж и наказывалось не только голодом, но и карцером (неотапливаемым) или штрафной зоной, где заключенный получал 200–300 г хлеба и кружку воды в день, суп – через день. А могли и вовсе не кормить. (*Шаламов*, 2001: 201, 205; *Гинзбург*, 1989: 277–278).

На практике судьба з/к по отнесению к тому или иному «котлу» решалась нарядчиком, бригадиром, десятником, то-есть заключенными уголовниками, которых начальство ставило на эти должности. (*Шаламов*, 2001: 196, 213; *Гулаг*, 2000: 503). Воровство и открытый грабеж процветали. Конвой тоже в

накладе не оставался. «Почти во всех отделениях имеет место хищение продуктов до закладки их в котел» (*Гулаг*, 2000: 503). Хлеб был основным продуктом питания: «приварок только что горячий, а жиров и белков в нем содержалось не намного больше, чем в кипятке» (*Абрамович*, 2004: 197).

Путь в лагерь осужденного по 58-й статье (следствие, тюрьма, этапы, пересылки) длился обычно несколько месяцев (для А.Д.Симукова – около 20 месяцев), все это – на голодном пайке, прочие условия см. выше и прим. 3,7,9,14 к гл. V. В лагерь прибывали истощенные, больные люди, для которых выполнение производственных норм на общих работах было заведомо непосильно, т.е. и в лагере они были обречены на голод (урезанная пайка). Рослые (рост А.Д.Симукова был около 190 см.) слабели быстрее. «Рост мне много мешал. Паек ведь выдают не по росту» (*Шаламов*, 2001: 170).

«Положение о довольствии Ухто-Печорского лагеря НКВД» от 27/V/37 «свидетельствует о том, что основная масса рабочих (кроме штрафных и отказчиков) платила за свой паек. Стоимость нормального пайка «единого котла» (включая и хлеб) достигала 1 р. 12 коп. или 1 р. 18 коп. Но в соответствии с указаниями финотдела, со всех заключенных, переведенных на сдельную оплату труда, ежемесячно производилось удержание стоимости содержания в размере 3 р. 40 коп за каждый день <...>. Это значит, что основная масса заключенных платила в три раза больше стоимости продовольственного пайка, т.е. по-видимому, оплачивая все расходы по своему содержанию» (*Кустышев*, 2010: 129).

Голод, мороз (а летом – мириады гнуса), тяжелый физический труд и жизнь в бесчеловечных условиях довершали дело «истребительно-трудовых» лагерей. «Доплыть <превратиться в доходягу> за три недели – это нормальный срок для всякого человека при побоях, голоде, холоде и четырнадцатичасовом рабочем дне. <...> ноги слабеют ... мозг слабеет. Мир Большой земли становится таким далеким. <...> Шатаются зубы, опухают десны, и цинга надолго поселяется в твоём теле. Кровь и гной текут из моих незаживающих ран, язв пиодермии. <...> Возникает такое состояние, когда ты сам слабеешь, сдачи дать не в состоянии. И тут-то тебя начинают толкать и бить. <...> Каждый день меня куда-то выкликают на работу, и я иду... Я давно уже превратился в доходягу, на которого нечего рассчитывать. У меня есть хватка и терпение. Нет только самого главного – физической силы. <...> Помню, что меня куда-то ведут, выводят, толкают, бьют прикладом и сапогом, я ползу куда-то, бреду, толкаясь в толпе таких же обмороженных голодных оборванцев. <...> Полз по какой-то дороге снежной, собирая обломки капустных листьев, чтобы вскипятить их в банке, сварить. <...> из того, что я собрал, нельзя было сварить никакого супа. Я проготил эти куски мерзлыми.

<...>

Все бригады <...> за четыре месяца дважды и трижды сменили свой состав. Жив только бригадир и его помощник, дневальный – остальные члены бригады в могиле, или в больнице, или в этапе». (*Шаламов*, 2001: 172, 174, 175, 181, 183, 186).

Узники лагерей гибли не только от голода и непосильной работы в нечеловеческих условиях. Воспоминания выживших и немногие сохранившиеся документы свидетельствуют и о целенаправленных операциях по массовому уничтожению заключенных. «Во время строительства Рыбинского гидроузла и затопления нового русла реки Шексны в октябре 1940 г. заключенным не подали команды на выход с места работы – со дна нового русла... В результате было утоплено примерно 18 тысяч человек». (Сообщение ярославской газеты «Караван-Рос» летом 1997 г.; цит. по: *Марковин*, 2006). Известно «большое количество случаев затопления барж, других плавсредств с заключенными, перевозимыми в трюмах к местам отбывания наказания». (*Марковин*, 2006).

Ниже приведены краткие сведения и два документа о «Кашкетинских расстрелах» на Воркуте, поскольку в списке расстрелянных найдено имя Л.А.Аграновского – суражского друга юности А.Д.Симукова.

С осени 1937 г. на штрафную командировку Воркутлага на Старом Кирпичном заводе (станция узкоколейки в 20 км южнее Воркуты) сгоняли партии 58-й статьи, главным образом осужденных Особым Совещанием, с литерой КРД (контрреволюционная деятельность) и КРТД («троцкисты»), оппозиционеров, державших голодовку, партийно-советских работников и просто «отказников», в том числе всех бывших священников. «Видно было, что попасть мог любой. <...> Всю зиму каждый из нас ждал, что, может, ночью заберут и угонят его. При этом все понимали, что гонят не в этап, а в какую-то бездонную яму, из которой никто не возвращается. <...> Стало известно, что из Москвы прибыл старший лейтенант госбезопасности Кашкетин <член «комиссии Григоровича», прибывшей в Ухту> в сопровождении еще трех лейтенантов. <...> Местность вокруг Кирпичного оцепили <...> к заводу нельзя было приблизиться и на 10 километров. <...> Скоро стали доходить слухи о том, что на Кирпичном происходит массовое уничтожение собранных там людей» (*Зубчанинов*, 1995: 80–81). К весне просочились подробности. Попытки расстреливать малыми партиями в бане вызвали отчаянное сопротивление и беспорядки. Тогда Кашкетин объявил, чтобы заключенные готовились к отправке на этап. «Вызвали с вещами. Построили во дворе, сказали, что на рудник. Дали команду. Вышли за ворота. Спустили в ложину... вдруг с обеих сторон косогора стрельба. Пулеметная и

винтовочная... Всех уложили!» (Розанов, 1951: гл.16). «Кашкетин с помощниками и солдатами долго вынуждены были ходить по полю, пристреливая раненых, выискивая и убивая отползших. Оцепление не снимали несколько суток. <...> собрали все трупы, пересчитали, <...> Цареву было поручено организовать захоронение. <...> Потемкину <начальник охраны> и его солдатам выдали денежные премии и предоставили путевки в санатории. <...> Кашкетин награжден орденом Ленина «за образцовое выполнение специального задания правительства». В указе были и другие фамилии: массовое уничтожение заключенных проводилось и на Ухте (лагпункт Новая Ухтарка), Колыме <«Гаранинские расстрелы»>, в Норильске» (Зубчанинов, 1995: 83–84). В числе многих сотен жертв на Ухтарке был расстрелян 11 марта 1938 года Н.М.Любарский – бывший полпред РСФСР в Монголии (1922–1923 г.г.).

АКТ

1938 г. марта месяца 1 дня мы, нижеподписавшиеся, пом. нач. II отделения III Отдела ГУЛАГ НКВД лейтенант гос. безопасности Кашкетин Е.И., нач. III частью Воркутинского отделения Ухтпечлаг НКВД Никитин А.И., пом. оперуполномоченного III Отдела ГУЛАГ НКВД Заправа М.Б., пом. оперуполномоченного III Отдела Ухтпечлаг НКВД Манохин В.А., пом. оперуполномоченного III Отдела Ухтпечлаг НКВД Чечин И., пом. оперуполномоченного III частью Воркутинского отделения Ухтпечлаг НКВД Михайлов И.Н., составили настоящий акт в том, что сего числа приведен в исполнение приговор Тройки УНКВД по Архангельской области (заседания от 29.09.37 г., от 8.10.37 г., от 20.11.37 г., от 16.12.37 г., от 21.12.37 г., от 25.12.37 г., от 27.12.37 г. протоколы № 15, 19, 33, 37, 41, 44, 45) о расстреле ста семидесяти трех человек нижепоименованных заключенных Ухто-Печорских лагерей НКВД, приговоренных за вновь совершенные ими преступления в лагере: <следует список>.

Все сто семьдесят три человека расстреляны и погребены.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах, из коих один экземпляр – в Тройку УНКВД по Архангельской области и один экземпляр в делах 3-го Отдела Ухтпечлагерей НКВД.

Воркута, 2 марта 1938 г.

Исполнитель: пом. нач. II отделения III Отдела ГУЛАГ НКВД лейтенант гос. безопасности (Кашкетин).

Присутствовали: Никитин, Заправа, Манохин, Чечин, Михайлов.

(Документ приведен в рукописи: Аронова Р.Л., Веселова Э.А. Люди и нелюди.

Кашкетинские расстрелы. 1937 – 1938. Цит. по: *Бурокас*, 2010: 238).

Один из 173-х, перечисленных в списке цитируемого акта, Аграновский Л.А. – это «Аграновский Лев Аронович. 1902. г. Сураж Брянской обл.» (*Дойков*, 2010: 341) – суражский друг юности, которого А.Д.Симуков безуспешно пытался разыскать уже работая в Монголии (см. гл. I: 14 и 16 декабря 1919 г., 24 марта и 9 мая 1920 г.; док. IV-16 и прим. 154 к гл. IV).

Аналогичный акт о расстреле 351 заключенного был составлен теми же исполнителями 30 марта 1938 г. «Кашкетин радировал начальнику лагеря, чтобы «для целей глубокого бурения», как говорилось в шифрованных радиограммах, были подготовлены еще две или три тысячи человек. Начальник лагеря просил отсрочить «эти работы», потому что должен был выполнить правительственное задание по отгрузке 200 тысяч тонн угля» (*Зубчанинов*, 1995: 83, 84).

Справка

Сов. секретно

1. Всего по операции по приказу №00409 Тройкой по УНКВД по Архангельской области было приговорено к расстрелу 2631 закл.
2. Приведено к исполнению 2508 приговоров.
3. Не приведено к исполнению 123 приговора.

Из них:

Умерло – 58

Бежало – 7

Освобождено – 1

Не числятся в лагере – 1

Разыскивается – 9

Вторично приговорено – 25

Отправлено для исполнения в др. лагеря и орг. НКВД – 18

Приостановлено до особого распоряжения – 4

Итого: 123

Ст. инспектор III отдела Ухтижемлага НКВД

Фролович

Справка составлена по состоянию на 21 июля 1938 г.

(*Полещиков*, 1998: 536; цит. по: *Бурокас*, 2010: 243).

Обеспечение жизни и работ.

Лагерные системы снабжались рабочей силой практически непрерывно. По железным дорогам, морским, речным и автотранспортом, пешком, через тайгу, болота и тундру гнали этапы со всей страны, а после осени 1939 г. и с захваченных территорий, иностранных пленных и собственных солдат и офицеров из чужого плена, а также репатриантов, беженцев от фашистских режимов в Германии и Испании, собственных граждан, работавших за границей, и многих других. Все это – не считаясь с наличием и возможностью своевременной доставки в лагерные регионы ресурсов, необходимых для жизни заключенных и выполнения ими запланированных работ. Ниже – примеры результатов и последствий.

До постройки железной дороги доставка грузов шла в основном по рекам. Период навигации – около двух месяцев, если погода позволит. «Пока грузы из Архангельска ползут, верховья Усы и Воркуты успевают замерзнуть, и доставить уж ничего нельзя. Все хранится в Усть-Усе до другой навигации. Грузы на Воркуту <1937 г.> два года следуют! И письма и посылочки также» (Зубчанинов, 1995: 60).

«Катастрофу для Воркуты несла сухая погода. <...> Без дождей Уса мелела <...> движение по ней становилось невозможным. После нас <один из предвоенных годов> пришло всего два каравана. Опытные воркутяне говорили: <...> до будущей навигации не завезут теперь ничего. Ни продовольствия, ни обмундирования, никаких стройматериалов. Даже письма и газеты получим только через год. <...> В сентябре река замерзла. В запасе лагерь <Воркуталаг> имел только хлеб и ячменную сечку. Не оставалось соли. Стали отмачивать старые бочки из-под соленой рыбы. Хватило не надолго. Вспомнили, что в прошлом году сактировали и закопали большое количество сгнившей рыбы. Снарядили бригаду откапывать. Эту рыбу коптили и кормили ею людей. <...> Народ начал умирать от цинги и пеллагры» (Зубчанинов, 1995: 70).

1940 год. В июле открыт Печорлаг (см. Приложение V-3) для строительства участка магистрали от Кожвы до Воркуты. В тундру забрасывают десятки тысяч людей. Продовольствия и материалов завезли недостаточно. «Короткая осень, полярная зима. <...> Реки стали, инструмента и материалов, чтобы строить бараки или хотя бы копать землянки, не хватало. О лекарствах и говорить нечего» (Ясный, 1997: 62). «В одном из отчетов о ходе строительства отмечалось интенсивное поступление рабочей силы, необеспеченной инструментом, хозобиходом, при отсутствии лошадей и недостаточном обеспечении продовольствием. Так, на 15 июня 1940 года менее 11 процентов вновь прибывших строителей-заключенных были обеспечены топорами и пилами» (Азаров, 1999). «Я вел бригаду к реке Усе по

будущей железнодорожной трассе. Нам выдали лопаты без черенков, топоры без рукояток, пилы неточенные и неразведенные. На кострах мы обжигали березовые жерди и осколками стекла от банок скоблили дерево, придавая ему форму черенков и топорищ, инструменты точили на камнях» (*С.Д.Серов*, цит. по: *Азаров*, 1999).

Стройплощадка новой шахты Воркутлага. Начальник: «Еще людей пригнали, а у меня не только кухни, но даже уборной не построено! Велят на выходах шурф пробивать, чтобы хоть углем себя обеспечить. А электроэнергия не подводят, дороги нет. Выгнали в тундру – и твори им чудеса!» Через три недели на той же стройке: «Прокладка железной дороги, доведенная до первого оврага, прекратилась: леса для мостов не было. Опоры электролинии стояли без проводов. А уже началась зима». Заключенный: «Если бы нас расстреляли сразу, было бы гуманней. Топлива нет. Половина бригады целый день елзлит по тундре – собирает кустики. Другая половина ищет ручейки и лужицы, чтобы набрать немного воды. Хлеб привозят на неделю, мороженный. Все больны. Каждый день умирает по человеку. Нас здесь 70, значит, хватит только на два месяца». (*Зубчанинов*, 1995: 110–112).

«Осенью 1940 г. ситуация на трассе резко ухудшилась, увеличилась заболеваемость и смертность заключенных. По неполным данным, на 1 января 1941 г., всего за семь месяцев существования лагеря, умерли 3586 заключенных. В 4, 6, 8 отделениях 60–80% заключенных были больными или слабосильными. В декабре 1940 г. в 118-й колонне 6-го отделения из 215 заключенных в строю были только 42 человека. С ноября 1940 г. стала быстро падать производительность труда заключенных, <...> на укладке главного пути она составила 19,4%. <...> Остановилось строительство Кожимского, Интинского и Усинского мостов. <...> За год произошло четыре крушения поездов с человеческими жертвами, разбито в результате аварий пять платформ и дрезина, было зарегистрировано 26 случаев схода транспортных средств с колеи из-за уширения полотна железной дороги» (*Морозов*, 1997: 122). Под угрозой срыва строительства магистрали НКВД направило 25 ноября 1940 г. в Печорлаг комиссию «для проверки состояния». Комиссия установила, что «в результате преступного отношения к бытовому устройству и трудовому использованию заключенных со стороны руководства Печорского железнодорожного лагеря среди заключенных имеет место значительная заболеваемость и смертность». Приказом НКВД от 25 декабря 1940 г.

начальник лагеря Г.П.Большаков и ряд начальников отделов управления лагеря отстранены от должностей и арестованы (Большаков впоследствии расстрелян); в Печорлаг направлена на два месяца бригада сотрудников НКВД. В приказе НКВД от 30 апреля 1941 г. за подписью наркомвнудел

Л.П.Берии отмечено: «в результате мероприятий, проведенных НКВД в течение первого квартала 1941 г., и работы комиссии – состояние Печорского лагеря значительно улучшилось и лагерь подготовлен к выполнению большой ответственной работы 1941 г. по строительству ж.-д. линии от Печоры до Воркуты» (*Сталинские стройки*, 2005: 268–272). Насколько «улучшились» условия в Печорлаге видно из приведенного ниже рапорта, отправленного за месяц до начала Великой Отечественной войны.

№ 118
Рапорт начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина
наркомку внутренних дел Л.П. Берии о бытовых
условиях заключенных Севпечлага НКВД

23 мая 1941 г.

По сообщению Оперативного отдела Северопечорского лагеря ГУЛЖДС НКВД, руководство Печорского лагеря, несмотря на уроки прошлого года, не принимает необходимых мер к созданию нормальных бытовых условий заключенным. Заключенные выводятся на работу в валяной обуви и старых брезентовых ботинках и в условиях весенней распутицы, целыми днями простаивают в холодной воде и грязи, что вызывает большое количество простудных заболеваний.

На 10 мая с. г., только по Южному участку Печорлага НКВД, коечно-больных было 1.361 человек. Количество заболеваний ежедневно увеличивается.

Угрожающе возросло количество цинготных заболеваний. На 10 мая на южном участке Печорлага зарегистрировано 8.389 человек больных цингой, из них 3.398 человек второй и третьей степени заболеваемости и 4.991 человек первой степени. Количество цинготных заболеваний возрастает.

Сушилками, банями, дезокамерами колонны обеспечены на 5–10%. Из-за отсутствия кипятильников люди вынуждены пить сырую воду, кухонной посудой колонны обеспечены только на 40%.

Баракы и палатки содержатся в антисанитарном состоянии, постельных принадлежностей и нательного белья крайне мало, вшивость среди заключенных достигает 70%.

По распоряжению руководства Печорлага, полагающийся вновь прибывающим этапам 21-суточный карантин не соблюдается.

Прибывающие на Канин-Нос этапы отправляются пешком к месту назначения за 150 км в валяной обуви по грязи и воде.

Начальник ГУЛАГа НКВД СССР
ст. майор гос. безопасности НАСЕДКИН

ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 42. Лл. 40–41. Машинописная копия.

(ГУЛАГ, 2000: 499).

В первые годы войны (1941–1942).

22 июня 1941 года войска нацистской Германии вторглись в пределы СССР, началась Великая Отечественная война. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» предоставлял военным властям право выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, или из отдельных её пунктов лиц, признанных социально опасными, вместе с семьями. Согласно директиве НКВД и НКГБ

от 4/VII/41 в разряд подозрительных попали советские немцы и финны, проживавшие в Ленинградской, Новгородской и Мурманской областях РСФСР. Они подлежали депортации в отдаленные районы СССР, в том числе и в Коми АССР.

28/VI/41 – приказом НКВД СССР № 0311 (во исполнение Постановления СНК СССР от 27/VI/41 « О сокращении плана капитальных работ на 1941 год по НКВД СССР) приостановлены работы по строительству 60 объектов, в том числе все гидростроительные работы, строительство заводов по производству алюминия в европейской части страны, автодорожное строительство и др. Позднее законсервировано строительство БАМа. (*ГУЛАГ*, 2000: 781–782; *Смирнов и др.*, 1998: <http://memo.ru/history/nkvd/gulag/articles/>).

11/VII/41 – приказом НКВД СССР № 00911 (в соответствии с постановлением СНК СССР от 30/VI/41) объявлен список ударных сверхлимитных строек НКВД СССР на III квартал 1941 года. В список вошли, в частности, Северо-Печорская магистраль, Воркутстрой, Ухтижемлаг, лесные лагеря, железная дорога Воркута – Хабарово, а также автострада Улан-Батор – Кяхта. (*ГУЛАГ*, 2000: 783–784).

По Указам Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 года, осужденные «за маловажные преступления», досрочно освобождались и передавались в штрафные роты Красной Армии, как и освобождаемые за отбывтием срока наказания, годные к строевой службе. (*ГУЛАГ*, 2000: 341–342; *Морозов*, 1997: 48)

Приказом № 00221 НКВД и Прокуратуры СССР ужесточен режим в лагерях: «Усилить охрану заключенных, в 24 часа сосредоточить под усиленную охрану в зонах контрреволюционеров и других опасных преступников, а также немцев и иноподданных, прекратив их бесконвойное использование... Арестовать заключенных, на которых имеется материал по антисоветской деятельности». Лагерное начальство и оперативно-чекистские отделы получили право неограниченных действий (*Костромин*, 2003; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Юршор>). Рабочий день был увеличен до 12, а на некоторых «ударных» стройках – до 16 часов (*Костромин*, 2003), отменены выходные, повышены нормы выработки и снижено котловое довольствие. Отказ от работы карался уже не штрафным изолятором, а расстрелом. Экономистов, плановиков, бухгалтеров, нормировщиков, имевших в приговоре 58-ю статью, выгнали из администрации на общие работы под усиленным конвоем. «В лагере нарастал гнет тупой бдительности и бессмысленных жестокостей. Некоторых заключенных, имевших в своих приговорах высшую меру наказания, замененную заключением, расстреляли. Бывших заключенных, уже работавших по вольному найму, начали сажать за «контрреволюционную агитацию» (*Зубчанинов*, 1995: 108). «Через два-три дня

<после начала войны> была прекращена радиотрансляция из Москвы и сняты все репродукторы,<...> была полностью запрещена переписка, запрещены газеты, отменены посылки. И, конечно, наведена жесточайшая экономия в питании зека.» (Разгон, 1994: 26, 342).

«В Коми АССР 1941 год был отмечен затяжной весной, холодами в июне-июле, заморозками в августе. Погибли посеы в сельхозах, была сорвана осенняя навигация по рекам – основным транспортным артериям. Свирипствовала эпидемия гриппа. <...> Особенно тяжелое положение сложилось в северных лагерях – на Воркуте, Инте, Кожве.» (Костромин, 2003). «Первый военный год. Начало строительства на нашем отрезке дороги. Особенно трудный год. Десять часов в день, без выходных. В открытой полярным ветрам тундре. Мороз, сырость. Не всегда высохшая за ночь обувь. И вновь долбим вручную вечную мерзлоту. Мы, молодые, но уже «старые» лагерники (за плечами три года), держимся. Куда хуже новым пополнениям. Прибыл этап из Эстонии. Молодые, крепкие ребята, студенты, немало спортсменов. Немногие из них дотянули до весны 1942 года.» (Ясный, 1997: 61).

«В июле-августе 1941 года строители железной дороги пересекли самый трудный участок – интинские болота – и соединились в Кочмесе с колоннами, укладывавшими полотно со стороны Абези. <...> Никаких путеукладчиков не было, все делалось вручную» (Азаров, 1999). Шпал не хватало, их расходовали в 2–3 раза меньше нормы. На самом северном участке дороги рельсы укладывались прямо на вечную мерзлоту (добавка шпал и балластировка производилась позднее). Через реки устраивались ледяные переправы. С началом войны дорога строилась по временной схеме и упрощенной технологии. Подъемы и повороты стали критически допустимыми. Насыпи делались минимальными, выемки – узкими траншеями, в которых только-только проходил поезд (Азаров, 1999; Моруков, 2011). «Однажды в такой траншее произошел оползень и засыпало паровоз с несколькими платформами. Пришлось состав так и оставить под землей, а рядом сделать обход» (А.И.Бровицкий, цит. по: Азаров, 1999).

«Осенью 1941 г. началось строительство автолежневой дороги на участке Кожва – Воркута по тундре. Деревянные конструкции дороги пришлось завозить на расстояние в сотни километров. <...> Летом 1941 года Печорское отделение в течение двух месяцев не выполняло производственный план. <...> Главной причиной было полное физическое истощение заключенных-строителей. В среднем ежедневно в отделении болело более 2900 з/к, более 5800 з/к занимались только «легким физическим трудом». (Азаров, 1999).

К осени 1941 г. положение и состояние заключенных еще более ухудшилось. Из справки «О производственной деятельности и состоянии

лагеря 14 отделения Печорлага НКВД СССР» на имя первого секретаря Коми обкома ВКП(б) Тараненко (октябрь 1941 года), подписанной зам. зав. орготделом обкома партии Алифановым: «Бытовое состояние лагеря находится в исключительно плохом состоянии. Большинство колонн к зиме совершенно не подготовлены, бараки и палатки не утеплены, кухни не достроены, не оборудованы. Отопительных приборов не хватает. В бараках большая скученность, холод, поголовная вшивость. Постельными принадлежностями не обеспечены, даже рекордисты спят на голых нарах. Колонны запасом дров не обеспечены. Слабосильный контингент в колоннах не выделен, слабых и больных посылали на общие работы, которые они в силу своей слабости не выдерживали и умирали на работе. Из 6 092 заключенных 22% слабосильных и больных. Лазарет не оборудован, при нем только одна палатка и один барак. Больных укладывают прямо на голый пол, поэтому наблюдается большая смертность. Только в октябре 1941 года умерло 150 человек...» (цит. по: *Азаров*, 1999). В 8 и 10 строительных отделениях 40 процентов заключенных проживало в бараках, 60 процентов – в палатках. (*Азаров*, 1999). «В первый период войны (до 1943 года) жилая площадь в бараках составляла менее 1 квадратного метра на человека.» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Юршор>). С точки зрения администрации (доклад начальника отделения Печорлага М.Я.Монеса на активе 31 июля 1941 г.): «жилой фонд в связи со сбросом значительного контингента и намечающимся сбросом излишней рабочей силы следует считать нормальным». («Сброс рабочей силы» - показатель смертности заключенных)». (Цит. по: *Азаров*, 1999). «...С каждым днем увеличивалось количество людей, уже не могущих не только что на работу в лес пойти, а доползти из барака до вахты. <...> К осени людей начала косить пеллагра. Становится сухой, шершавой и шелушащейся кожа ... появляются темные, быстро чернеющие пятна... Потом начинается быстрое похудание и неудержимый <авитаминозный> понос. Это уже почти конец. Понос уносит слизистую кишечника. А она – не восстанавливается. <...> В течение двух-трех месяцев зоны лагеря оказались набитыми живыми скелетами. <...> Только на снимках, фигурировавших в качестве доказательств на **Нюрнбергском процессе**, видел я **такие, как у нас, живые скелеты**, обтянутые сморщившейся серой кожей. <...> Укутавшись в какое-нибудь тряпье они безмолвно сидели или лежали на нарах и ждали смерти. Долго она не заставляла себя ждать. <...> Возы, а затем сани по утрам отвозили почти невесомые трупы на кладбище.» (*Разгон*, 1994: 26–27, 342).

Из докладной записки начальника оперативного отдела Печорлага лейтенанта ГБ Мальгина о положении дел на 10 октября 1941 года:
«В настоящее время заболеваемость и смертность принимает угрожающие

размеры. Если в августе умерло 322 человека, то за сентябрь по неполным еще данным смертность 892 человека, а по неполным данным за 9 дней октября умерло 210 заключенных. <...> смертность более всего идет за счет пеллагры и гемоколита при полном истощении. <...> Кипяченой воды ни в бараках, ни на производстве не бывает. Столовая не обеспечивает заключенных посудой и ложками, поэтому раздача пищи продолжается 2—3 часа». (Это значит – длинная очередь стоит на улице у барака, считающегося столовой, и ждет когда хлебающие баланду заключенные похлебают свою порцию баланды и передадут алюминиевые миски и ложки следующим... - *Разгон*). «Сушилки на колоннах не имеются и не строятся. Начальник колонны вольнонаемный Петров высказывает такую точку зрения: «Зачем строить сушилку, когда можно обойтись и без нее». (Цит. по: *Разгон*, 1994: 32–33).

Из докладной записки зам.нач. отделения опер. отдела ГУЛАГа НКВД СССР лейтенанта ГБ Балацкого начальнику опер. отдела ГУЛАГа майору ГБ Иоршу «О санитарно-бытовых условиях заключенных Печорлага НКВД по состоянию на 10 ноября 1941 года»: «По сообщению Оперативных отделов Северо-Печорского и Заполярного лагерей ГУЛЖДС НКВД, в связи с плохими санитарно-бытовыми условиями заключенных в лагерях смертность и заболеваемость среди них продолжает увеличиваться и принимает угрожающие размеры. В октябре месяце 1941 года умерло 1474 человека, т.е. 1.32% от списочного состава заключенных» (т.е. общее количество заключенных в двух лагерях на указанный момент равно 111 666. Впрочем, эти данные быстро меняются. – *Разгон*). За первую декаду ноября умерло 471 человек. Заболеваемость (гр. «В») в сентябре месяце составляла 12% а в октябре месяце эта цифра возросла до 17, 2%, а в ноябре имеет место еще увеличение. По неполным данным, трудпотери по группе «В» в октябре составили 566 877 человеко-дней. В отдельных лагподразделениях, например в Первом отделении Печорлага, группа «В» достигла около 35%.

В Северных отделениях лагеря, находящихся в особо трудных климатических условиях, за сентябрь месяц группа «В» составила 8, 7%, в октябре 11, 9%, по данным на 10 ноября—15, 5%. <...> При списочном составе заключенных по этим отделениям, равном 27 823 человека, имеется неполноценной рабочей силы 7454 человека. Находится в лазаретах 2113 человек <...>, в слабосильной команде — 683 человека. <...> На колоннах в отношении больных заключенных применяется грубость и издевательство. Лиц, зачисленных в команды слабосильных, заставляют работать по тем же нормам, что и здоровых. Не выполнивших производственные нормы ставят на пониженное питание, что еще более истощает их и делает менее трудоспособными. Начальник колонны № 73 16-го отделения вольнонаемный

Ивановский заключенным команды слабосильных заявил: «Я оставлю на вас только кожу и кости, но кубики вы мне дадите». 9 человек из команды слабосильных, не выполнивших нормы на 100%, Ивановский посадил в изолятор. Пом по труду колонны № 2 16-го отделения Зубов до смерти избил больного заключенного Перельгина. <...>

Питание заключенных не организовано. Заключенные питаются исключительно мучными продуктами (ржаная мука низшего качества - *Разгон*) и сечкой. За счет отсутствия овощей и недостатка мяса и жиров, которые заменяются мукой и сечкой, отделения экономят крупные суммы денежных средств. Только по одному 19-му отделению за 20 дней октября недодано заключенным продуктов питания на сумму 37 359 рублей. <...>

Лазареты лагеря переполнены больными. В центральном лазарете 4-го отделения, при наличии 485 койко-мест, размещено 736 больных. В лазарете 14-го отделения часть больных размещена в полотняных палатках на полу». («Лазарет» — это самый обычный барак. «Койко-места» — площадь, на которой можно вповалку или несколько разреженной разместить 485 заключенных. А их втискивали 736. Значит, вплотную, лежа боком или на полу, под нарами. А если это брезентовая палатка, то на полу. И мертвые лежат вповалку рядом с еще живыми, и задача так называемого «медперсонала» сводится к тому, чтобы по утрам отделять мертвых от еще живых и вытаскивать для того, чтобы отвезти на так называемое «кладбище» - *Разгон*). «Аналогичные случаи имеют место и в других отделениях и колоннах. По всем указанным вопросам были информированы начальник Печорлага НКВД тов. Потемкин и нач. Заполярного лагеря тов. Успенский и начальники Политотделов, но до последнего времени этим вопросам должного внимания с их стороны не уделялось». (Цит. по: *Разгон*, 1994: 28–32).

Докладная датирована 4 декабря 1941 года.

28 декабря 1941 года открыто рабочее движение по железнодорожной линии Кожва – Воркута (465 км). О качестве дороги см. ниже («Спецсообщение» Иорша – Берии). В постоянную эксплуатацию дорога будет принята через 9 лет. (*Сталинские стройки*, 2005: 260, 263).

В декабре 1941 г. «на станции Кожва только что открытой железнодорожной ветки Котлас – Воркута был сильный затор, и среди пассажиров вспыхнула эпидемия дизентерии. В поездах ехали из разных лагерей заключенные, годные к фронтовой службе: досрочно освобожденные и отбывшие наказание.<...> всех поместили в карантин. Но в Кожве не было ни больницы, ни достаточно продуктов. Распространение эпидемии остановили потрясающим способом: по приказу из Москвы все больные были расстреляны». (*Куусинен*, 1991: 150).

Январь 1942 г. Из «Внеочередного донесения» начальника опер. отдела Печлага начальнику опер. отдела ГУЛАГа НКВД майору ГБ Иоршу: «Положение с продснабжением чрезвычайно напряженное, а в ряде случаев близко к катастрофическому. <...> Неоднократные запросы Управления лагеря Главному управлению лагерей железнодорожного строительства об оказании помощи оставались без ответа. <...> следует ожидать в связи с таким положением дальнейшее увеличение смертности и заболеваемости. <...> 4 января на котловое довольствие была выдана последняя мука». (Цит. по: *Разгон*, 1994: 33–34).

24 января 1942 г. на лагерном пункте «Лесорейд» Воркутлага в районе пос. Усть-Уса началось восстание заключенных, в котором приняло участие более 100 человек. Руководил восстанием М.А.Ретюнин – досрочно освобожденный заключенный (осужденный за разбой), ставший начальником ОЛПа. Все восставшие были уничтожены (с помощью авиации). Заключенных «Лесорейда», отказавшихся принимать участие в восстании, арестовали, заставили признаться в том, что именно они организовали мятеж, и расстреляли. (*Зубчанинов*, 1995: 122–125).

«12 февраля 1942 г. правительство СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии добычи воркуто-интинских углей и мероприятиях по обеспечению их вывозки», в котором предусматривалось увеличение финансовых и материальных ресурсов для Печжелдорлага» (*Морозов*, 1997: 123).

№ 97

**ПИСЬМО ПРОКУРОРА СССР В.М. БОЧКОВА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Л.П. БЕРИИ «О БОЛЬШОЙ СМЕРТНОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
СЕВУРАЛЛАГА И СЕВПЕЧЛАГА НКВД СССР»**

14 февраля 1942 г.

Сов. секретно

По сообщению прокуроров Севураллага и Севпечлага в указанных лагерях создалось тяжелое положение с питанием заключенных — вследствие чего среди заключенных недопустимо высокий процент смертности.

Так, например, в Севураллаге за 28 дней января от истощения умерло 896 человек. Заключенным выдают по 150—200 грамм хлеба. На работу не выходят 12 тысяч человек заключенных.

В Севпечлаге, вследствие отсутствия продуктов питания, только на первую половину января с.г. умерло 590 человек, причем продуктов в запасе не имеется.

Кроме того, в Севпечлаге задерживается отправка освобожденных бывших заключенных вследствие отсутствия транспорта.

Сообщая о выше изложенном на Ваше усмотрение, одновременно прошу Вашего распоряжения о производстве расследования и наказания виновных лиц.

В. БОЧКОВ

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 1261. Л. 4. Заверенная копия.

(Сталинские стройки, 2005: 273).

«К весне сорок второго года лагерь практически перестал работать. С трудом находили людей, способных заготовить дрова и хоронить мертвых. <...> Было очень голодно. Ящик с оледенелыми трупами выезжал за зону не один раз в сутки» (*Разгон*, 1994: 26–27, 196, 342).

Из «Спецсообщения» начальника опер. отдела ГУЛАГа НКВД майора ГБ Иорша народному комиссару внутренних дел СССР Л.П.Берии от 14 марта 1942 г.: «По телеграфному донесению начальника оперативно-чекистского отдела Печорского исправительно-трудового лагеря НКВД, Печорлаг находится в тяжелом положении. Группа «В» <заболеваемость> выросла в лагере до 34, 2% к списочному составу заключенных. Фактически не работает почти половина всего лагерного населения. В январе умерло 1136, в феврале 968 человек.

Грузы с продовольствием задерживаются на железной дороге. В отдельных лагерных подразделениях Печорлага имеют место частые перебои с хлебом. Подготовка Северо-Печорской железнодорожной магистрали к весне срывается. Месячный план земляных работ в феврале выполнен на 26, 9%. Учитывая низкое качество строения железнодорожного пути, весной возможен длительный перерыв движения. Из-за неготовности пути и плохой организации движения план погрузки Воркутинского угля в феврале выполнен на 14, 5%. В январе—феврале месяцах 1942 года на

железнодорожном участке Печорского лагеря произошло 7 крушений поездов и 16 аварий. В январе—феврале Печорлаг НКВД понес убытки до 27 000 000 рублей». (Цит. по: *Разгон*, 1994: 35–36).

«В результате голода вымидали целые колонны и лагерные пункты. Голод поразил и гражданское население». (*Морозов*, 1997: 123). «В стране свирепствовал голод. Лагерь перестал получать и ржаную муку и даже овес» (*Зубчанинов*, 1995: 129).

В марте 1941 г. президент США Ф.Рузвельт подписал Акт о ленд-лизе – государственной программе, по которой США поставляли своим союзникам во Второй мировой войне военную технику, вооружение, боеприпасы, стратегическое сырье, включая нефтепродукты, а также жизненно важные для фронта и тыла продовольствие, медикаменты и др. товары. В октябре 1941 г. к программе был подключен СССР, однако поставки («пре-ленд-лиз») начались еще летом 1941 г. Осуществлялись они по тихоокеанскому маршруту, транс-иранскому коридору, арктическими конвоями (в Архангельск и Мурманск), по Черному морю и через советскую Арктику. Ни один из этих маршрутов не был безопасным.

31 августа 1941 г. первый конвой из шести грузовых судов в сопровождении ледоколов, минных тральщиков, траулеров для защиты от подлодок прибыл в Архангельск. Далее грузы шли к фронту главным образом по железной дороге.

Общая сумма поставок в СССР за годы войны из Великобритании, Канады и США – около \$13 млрд, из них \$11, 3 млрд – из США. В современных ценах стоимость поставок по ленд-лизу составляет свыше \$160 млрд.

По ленд-лизу Советский Союз получил более 22 000 самолетов (около 8 000 перегнали своим ходом из Аляски на Чукотку), около 13 000 танков, более 345 000 тонн взрывчатых веществ, 842 000 тонн нефтепродуктов, цветные металлы, химикалии, морской, железнодорожный и автодорожный транспорт, радиолокаторы, торпеды, стрелковое оружие, боеприпасы, обмундирование, медикаменты и многое другое, в том числе 4 478 000 тонн запасов продовольствия. (*Ломакина*, 2011: <https://sites.google.com/site/jacoblomakin/biografia/2-1-san-francisko-1942-1944-gg-lend-liz>; *Будницкий*, 2015: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/288019-lend-liz-fakty-i-mify>; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленд-лиз>; https://en.wikipedia.org/wiki/Arctic_convoy_of_World_War_II).

В 1942 году часть американского продовольствия дошла до лагерей, и даже – до заключенных. До тех, кто выжил.

«Воркутинский уголь становился все нужнее <...> продукты по американскому ленд-лизу потекли и на Воркуту. Бывали периоды, когда из-за

отсутствия черного хлеба весь лагерь кормили пышным американским белым хлебом <...> Всю металлическую посуду для лагеря – плошки, кружки, всю осветительную арматуру стали делать из банок от знаменитой американской тушенки. <...> Тоннами завозили аскорбиновую кислоту и почти выжили цингу». *Зубчанинов*, 1995: 129). «Подписан договор с Америкой, и первые корабли уже разгружаются в Магадане. Первые американские «даймонды» и «студебеккеры» уже побежали по трассе, развозя во все участки Колымы пшеничную муку с кукурузой <...>. Миллионы банок свиной тушенки, бульдозеры, солидол, американские лопаты и топоры. <...> Хуже стали кормить после Сталинграда и вовсе вернулись к черному хлебу на другой день после окончания войны». (*Шаламов*, 2001: 198–199).

«Только к концу зимы 1941/1942 года главное начальство догадалось, что их оборонный энтузиазм не сработал. И выгнали всех старых начальников, и появились новые – поумнее да пострашнее. Они быстро довели до смерти всех, утративших возможность выздороветь <до рабочего состояния>, стали кормить оставшихся в живых, разрешили посылки, <...> была восстановлена переписка, повешены репродукторы, начали приходить газеты». (*Разгон*, 1994: 27, 342). Работа продолжалась.

«Однажды <...> на наш участок приехал большой начальник из Москвы. Он кричал: «Партия и правительство поставили перед нами задачу, и мы должны её выполнить к установленному сроку. Дорога будет открыта, даже если под каждый метр рельсов придется положить человека!» (*Бегин*, 1991: 34).

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 сентября 1943 года «За успешное строительство в 1940–1943 годах новой Северо-Печорской железной дороги Воркута – Котлас – Коноша **протяжением 1847 километров** и освоение Печорского угольного бассейна» было награждено 714 сотрудников НКВД, из них: орденом Ленина – 12 человек, орденом Трудового Красного Знамени – 24, орденом Красной Звезды – 51, <...> . Орденом Ленина были награждены: главный инженер ГУЛЖДС НКВД СССР А.К.Бакин, начальник ГУЛЖДС Н.А.Френкель и начальник <май 1938 – январь 1944> Севжелдорлага НКВД С.И.Шемена. <...>. Орденом Красной Звезды: начальник <май 1941- февраль 1947> Ухтоижемлага НКВД С. Н.Бурдаков, <...> бывший начальник <май 1941- февраль 1942> Печорлага Н.Ф.Потемкин, <...> заместитель начальника Управления материально-технического снабжения НКВД СССР В.К.Уваров, <...>.

Указом ПВС СССР от 27 ноября 1950 года «За успешное строительство Печорской железнодорожной магистрали Кожва – Воркута <**протяжением**

462 км> было награждено 250 работников строительства. <...> Орденом Ленина были награждены: бывший начальник <сентябрь 1942 – декабрь 1946> Печорлага МВД В.А.Барабанов <...>. (Сталинские стройки, 2005: 261–263).

За миллионы погибших не ответил никто.

Senri Ethnological Reports (最新号)

当館のウェブサイトにてバックナンバーのPDFをダウンロードすることができます。

<https://minpaku.repo.nii.ac.jp/>

- No.150 客家族群與全球現象——華僑華人在「南側地域」的離散與現況 (2020; 河合洋尚・張維安編; 中国語)
- No.149 世界の捕鯨文化——現状・歴史・地域性 (2019; 岸上伸啓編; 日本語)
- No.148 カクチケル年代記 (2019; 八杉佳穂著; 日本語・英語・スペイン語・カクチケル語)
- No.147 台湾原住民の姓名と身分登録 (2019; 野林厚志・松岡 格編; 日本語・中国語)
- No.146 *Satawalese Cultural Dictionary* (2018; comp. Sauchomal Sabino, Tomoya Akimichi, Shuzo Ishimori, Ken'ichi Sudo, Hiroshi Sugita, and Ritsuko Kikusawa, ed. Lawrence A. Reid; 英語・サタワル語)
- No.145 展覧会の研究「ラテンアメリカの音楽と楽器」展 アンケート調査を中心として (2018; 山本紀夫著; 日本語)
- No.144 社会主義制度下的中国飲食文化与日常生活 (2018; 河合洋尚・刘 征宇編; 中国語・日本語・英語)
- No.143 *How Do Biomedicines Shape People's Lives, Socialities and Landscapes?* (2017; eds. Akinori Hamada and Mikako Toda; 英語)
- No.142 中国における歴史の資源化の現状と課題 (2017; 塚田誠之・河合洋尚編; 日本語・中国語)
- No.141 アーミッシュたちの生き方——エイジ・フレンドリー・コミュニティの探求 (2017; 鈴木七美; 日本語)
- No.140 国立民族学博物館収蔵「ホビ製」木彫人形資料熟覧 ソースコミュニティと博物館資料との「再会」1 (2017; 伊藤敦規編; 日本語・英語)
- No.139 財団法人日本民族学協会附属民族学博物館 (保谷民博) 旧蔵資料の研究 (2017; 飯田 卓・朝倉敏夫編; 日本語)
- No.138 学校と博物館でつくる国際理解教育のワークショップ (2016; 上羽陽子・中牧弘允・中山京子・藤原孝章・森茂岳雄編; 日本語)
- No.137 伝統知、記憶、情報、イメージの再収集と共有——民族誌資料を用いた協働カタログ制作の課題と展望 (2016; 伊藤敦規編; 日本語・英語)
- No.136 中国地域の文化遺産——人類学の視点から (2016; 河合洋尚・飯田 卓編; 日本語)

[国立民族学博物館刊行物審査委員会]

吉田 憲司 館長
平井京之介 副館長
關 雄二 副館長
園田 直子 人類基礎理論研究部
林 勲男 超域フィールド科学研究部
飯田 卓 人類文明誌研究部
三尾 稔 グローバル現象研究部
野林 厚志 学術資源研究開発センター (研究出版委員長)

令和3年3月12日発行

国立民族学博物館調査報告 151

編者 Юки Коная
Наталья Симукова

発行 大学共同利用機関法人
人間文化研究機構
国立民族学博物館
〒565-8511 吹田市千里万博公園10-1
TEL. 06(6876)2151(代表)

印刷 株式会社 遊文舎
〒532-0012 大阪市淀川区木川東4-17-31
TEL. 06(6304)9325(代表)
